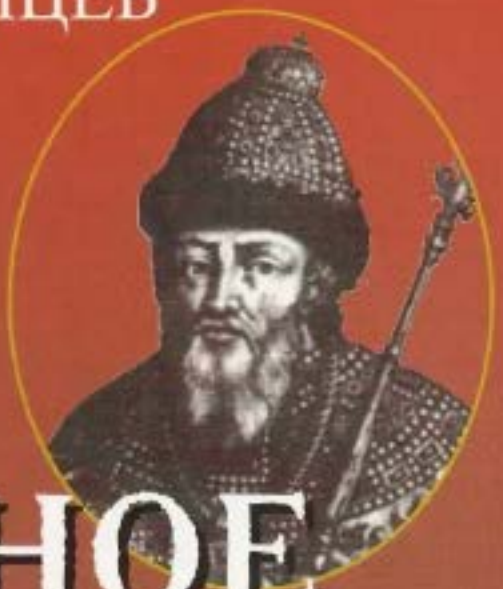
И. О. ТЮМЕНЦЕВ



Смутное время в России начала XVII столетия

Движение Лжедмитрия II

НАУКА

Моим родителям
Валентине Кирилловне и
Олегу Петровичу Тюменцевым

Автор признателен *Н.Д. Барабанову, В.М. Воробьеву, М.М. Загорулько, О.В. Иншакову, О.В. Кузнецову, Э. Лёфстранд, С.П. Лопушанской, П.А. Медведеву, М. Перри, В.И. Свиридоновой, Н.А. Тупиковой* за помощь в работе над книгой. Особая благодарность моему дорогому учителю *Р.Г.Скрынникову*.

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XX В. ПРИ ВОЛГОГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И.О. Тюменцев

СМУТА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII СТОЛЕТИЯ: ДВИЖЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ II

Волгоград 1999

ББК 63.3(2)45
Т98

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. Р.Г. Скрынников (отв. редактор);
канд. ист. наук, доц. Н.Д. Барабанов;
д-р экон. наук, проф. М.М. Загорулько;
д-р экон. наук, проф. О.В. Иншаков;
канд. ист. наук О.Ю. Редькина (отв. секретарь)

Рецензент
д-р ист. наук А.П. Павлов (Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Волгоградского государственного университета и Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 98-02-02300)

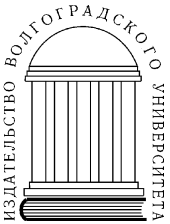
Тюменцев И.О.

Т98 Смута в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. — 600 с.
ISBN 5-85534-239-5

Монография посвящена изучению движения Лжедмитрия II, ставшего главным явлением кульминационного периода Смуты в России в начале XVII ст. Исследование основано на вновь открытых документах и перепрочтении уже известных.

Предназначено исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам, учащимся высших и средних учебных заведений, краеведам, всем интересующимся отечественной историей.

ISBN 5-85534-239-5



© И.О. Тюменцев, 1999
© Издательство Волгоградского государственного университета, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Объединение земель вокруг Москвы, свержение ордынского ига круто изменили жизнь русского народа. Страна, казалось, пробудилась от тяжелого сна. Бурный подъем ощущался во всех сферах жизни. Крестьяне распахивали некогда заброшенные и осваивали новые земли. Расширилось вотчинное и поместное хозяйство. Оживились ремесло, промыслы и торговля. Стали многолюдными города и села. Монархия, опираясь на поддержку дворян, ограничила могущество аристократии и выступила с претензиями на абсолютную власть. Реформы 50-х годов XVI в. создали систему приказного управления и укрепили вооруженные силы. На юге и востоке русские войска присоединили к России Нижнее и Среднее Поволжье, продвинулись за Урал. На западе Русское государство вступило в борьбу с Речью Посполитой за наследие Киевской Руси и со Швецией за выход к Балтийскому морю. Были достигнуты значительные успехи в развитии русской культуры.

Во второй половине XVI в. тяготы многолетних войн привели к перенапряжению сил народа и затормозили развитие страны. Попытка царя Ивана Грозного при помощи массового террора сокрушить могущество аристократии и добиться абсолютной власти ввергла страну в глубокий кризис. Неурожай и голод 1567—1570 гг. поставили русский народ на край гибели. Борис Годунов, пришедший к власти при помощи хитроумных дворцовых интриг, пошел на значительные уступки боярам и дворянам в надежде объединить широкие слои землевладельцев вокруг трона. Прямым следствием этой политики явилось закрепощение крестьян, что способствовало нарастанию еще более опасных антагонизмов в России. Новый курс московского руководства позволил лишь на время стабилизировать обстановку в стране. Неурожай и голод 1601—1603 гг. разом перечеркнули все усилия Бориса Годунова и его окружения по преодолению наследия Грозного. Кризисные явления прошлого, усиленные новыми противоречиями, привели в начале XVII ст. к первой в истории России гражданской войне, которая стоила русскому народу многих жертв, лишений и утрат и оказала значительное влияние на его историческую судьбу. Современники метко назвали это время «Смутным», а все проис-

шедшее — «Смутой», написав яркие учительные сочинения, предостерегавшие потомков от повторения грехов и ошибок предков.

В последующие столетия русские люди неизменно проявляли живой интерес к событиям Смутного времени и любую переживаемую «переломную» или «кризисную» пору неизменно сравнивали с событиями того времени и по аналогии часто называли «новой Смутой». Так было в годы петровских преобразований, во время захвата французами Москвы в 1812 г., в революционную пору начала XX в., так происходит и сейчас, когда Россия вступила в полосу глубокого кризиса и резкого обострения социальных антагонизмов. Обращаясь к своей истории, к своим корням, россияне пытались и пытаются избежать надвигающиеся беды, найти силы и пути к лучшей жизни. Именно поэтому исследования по истории Смуты неизменно являются актуальной задачей отечественной исторической науки.

События начала XVII в. изучены крайне неравномерно, с разной степенью глубины. Наибольшей популярностью у историков пользовались сюжеты, связанные с царствованиями Бориса Годунова (1598—1605 гг.), Лжедмитрия I (1605—1606 гг.), восстанием И.И. Болотникова (1606—1607 гг.), а также движением земских ополчений (1611—1612 гг.), тогда как кульминационный тушинский период Смуты (1607—1610 гг.), основное содержание которого составляло движение Лжедмитрия II и борьба против него правительственных сил, остаются недостаточно разработанными. В литературе эта тема изучалась в основном в общих работах по истории России, международных отношений, исследованиях, посвященных Смуте в целом. Из специальных работ имеется лишь одна монография, несколько популярных брошюр и около десятка специальных статей[1]. По этой причине мы избрали предметом своего исследования движение Лжедмитрия II в 1607—1610 гг. с целью прояснить его роль в событиях того времени и Смуты в целом.

Движение Лжедмитрия II и его роль в событиях Смуты неоднозначно оценивались в литературе. В XVIII — первой половине XIX в. в отечественной историографии господствовало представление, что движение Лжедмитрия II в 1607—1610 гг. являлось частью стихийного народного бунта, «безумного и бес-

пощадного», который произошел из-за вмешательства внешних врагов, заславших в страну самозванцев[2]. Во второй половине XIX в., не без влияния работ польских историков[3], возобладал взгляд на Смуту как на конфликт, порожденный внутренними причинами. Историки пришли к выводу, что Лжедмитрий II был ничтожной личностью — игрушкой в руках выдвинувших его и собравшихся под его знаменами «противообщественных сил»[4]. В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов пришли к заключению, что Смута являлась социальным конфликтом, вызванным глубоким экономическим кризисом конца XVI — начала XVII в. и неравномерным распределением в обществе государственных повинностей. Историки полагали, что разные социальные слои русского общества вступали в Смуту не сразу, а постепенно. Сначала вспыхнула политическая борьба в верхах, вследствие пресечения династии. Затем, после «келейного» возведения на трон кучкой аристократов «боярского царя» Василия Шуйского против него выступило «среднее боярство», «столичное дворянство и приказные дельцы». Они возродили призрак самозванца, во имя которого поднялось провинциальное дворянство, а за ними — податное население и казаки. Движение, знаменем которого был Тушинский вор, согласно предложенной исследователями схеме, хотя и было полурусским-полупольским, стало апогеем социальной борьбы — восстанием «общественного низа против высших классов». Иноземцы, служившие Лжедмитрию II, были наемниками, но действовали с тайного одобрения польского правительства. Смута, по мнению В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова, разрушила государственный строй, но не национальное и религиозное единство русского народа. Иноземцы и казаки постепенно «вразумили» все слои русского общества, и они были вынуждены объединиться для своей защиты. В.О. Ключевский считал, что это произошло после смерти Лжедмитрия II в 1611 г. С.Ф. Платонов пришел к заключению, что перерастание социальной борьбы в национально-освободительную произошло раньше, еще в 1608—1610 гг. В результате Смуты, по его мнению, в выигрыше оказались средние общественные слои, а в проигрыше — верх, старое боярство, и низ — казачество[5].

Советские историки поначалу были убеждены, что в начале XVII в. в стране имела место «казачья или крестьянская

революция», аналогичная «Великой крестьянской войне» в Германии. Они видели в Лжедмитрии II «вождя социальных низов», который выступил с программой «общественного переворота». Народное движение против приверженцев самозванца в Замосковье и Поморье они оценивали как контрреволюционное[6]. В 30—40-е годы XX в. страдавшие схематизмом и модернизацией ранние марксистские трактовки Смуты сменила проникнутая сталинскими идеями концепция И.И. Смирнова. Выполнив капитальное исследование, историк пришел к выводу, что восстание И.И. Болотникова было первой крестьянской войной, основными движущими силами которой являлись крестьяне, холопы, казаки и мелкие служилые люди по прибору. Движения Лжедмитрия I и Лжедмитрия II историк вслед за многими коллегами рассматривал как «скрытую иностранную интервенцию» Речи Посполитой против России[7]. В результате Смута перестала рассматриваться как единый комплекс событий, а сам термин был отвергнут как «буржуазный».

Исследования отдельных периодов и сюжетов Смуты, проведенные в 50—60-х годах XX в., показали, что события 1607—1610 гг. нельзя сводить к «скрытой интервенции» и освободительному движению русского народа. В войне правительственных сил и приверженцев Лжедмитрия II явно просматривались социальные черты[8]. Обнаружились новые факты, свидетельствующие, что правящие круги Речи Посполитой не были причастны к авантюре Лжедмитрия II и что об их вмешательстве в русские дела нельзя говорить ранее появления в стане самозванца Я. Сапеги[9]. В ходе бурной дискуссии по проблемам истории крестьянских войн А.А. Зимин предложил рассматривать Смуту как крестьянскую войну, которая началась в 1603 г., достигла кульминации в 1606—1607 гг. и после длительного спада завершилась в 1614—1618 гг.[10]

Дискуссия о крестьянских войнах помогла вернуться к рассмотрению Смуты как единого комплекса событий и актуализировала широкий спектр теоретических и практических проблем. Накопленный к 80—90-м гг. XX в. фактический материал обнаружил парадокс: в источниках содержалось очень мало данных об участии крестьян в повстанческом движении, зато имелся обширный материал о выступлениях дворян, казаков и беглых холопов. Р.Г. Скрынников и А.Л. Станиславский независимо друг

от друга пришли к заключению, что Смута являлась гражданской, а не крестьянской войной. Утверждение крепостничества в России в конце XVI в., по мнению историков, обострило кризис землевладения, который толкнул разоряющуюся служилую мелкоту, а отнюдь не крестьян на вооруженную борьбу с правительственными силами под знаменами самозванцев. Повстанцы, считают исследователи, не ставили перед собой цели «ниспровержения феодального строя», а добивались продолжения поместной реформы, проводимой в конце XV—XVI вв. «прирожденными» московскими государями[11]. Зарубежные историки Э. Кинанн, Ч. Даннинг, М. Перри и В.И. Ульяновский поддержали Р.Г. Скрынникова и А.Л. Станиславского в их критике концепции первой крестьянской войны в России и пошли дальше, отказавшись от оценок Смуты как социального конфликта. Предпосылки Смуты, по их мнению, следует искать в общеевропейском кризисе конца XVI—XVII вв., а причины — не в социальной, а в политической и культурно-исторической плоскостях[12]. Нетрудно заметить, что новые теории разрабатывались в основном на материалах ранних и заключительных этапов Смуты. Они нуждаются во всесторонней проверке на материалах кульминационного тушинского периода, который в течение последних тридцати лет оставался вне поля зрения исследователей.

За более чем триста лет научного изучения событий Смуты 1607—1610 гг. историки создали обширную и весьма репрезентативную источниковую базу, которая состоит из материалов различного происхождения: правительственных, тушинских, иностранных и разных видов актов, документов делопроизводства государственных учреждений, летописей, хроник, мемуаров, дневников, писем и т. д. Ее удалось существенно расширить за счет привлечения неизвестных тушинских и польских источников. Наиболее исследованными в источниковом плане являются материалы, вышедшие из правительственного лагеря, сочинения иностранцев, тогда как тушинские источники нуждаются в дополнительном изучении, чему посвящена первая глава исследования.

Анализируя события 1607—1610 гг., историки обычно использовали в качестве основных источников русские повести, сказания, летописи, хронографы, с помощью которых крити-

чески осмысливали показания иностранцев. Сохранившиеся документальные материалы привлекались в основном для уточнений и «иллюстраций» данных летописцев и мемуаристов. В процессе разысканий в библиотеках и архивах исследователи выявили несколько документальных комплексов 1607—1610 гг., что открывает возможность применить иной подход к изучению событий того времени. Необходимо, проанализировав немногие сохранившиеся документальные комплексы, взаимопроверить содержащиеся в них данные о событиях Смуты и с их помощью перепрочесть нарративные источники. Такой подход, по нашему мнению, позволяет восстановить в общих чертах объективную картину событий 1607—1610 гг. в России и внести существенные коррективы в сложившиеся представления о движении Лжедмитрия II.

Примечания

[1] Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957; Есипов Г.В. Тушинский вор. М., 1893; Рождественский С.В. Царь Василий Иванович Шуйский и бояре // Историческое обозрение. СПб., 1892; Шереметев С. Тушинцы // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1907. Вып. 3; Агинский Б. Царь Василий Шуйский и Тушинский вор: Популярный очерк. СПб., 1913; Катаев И. Тушино // Смутное время. М., 1913; Смирнов И.И. К характеристике политики Лжедмитрия II по крестьянскому вопросу // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961 и др.

[2] Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2. С. 147, 180—186, 205, 207, 238, 295—356 и др.; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб. 1989. Т. XI. С. 73—79, 92, 108—110, 114—116, 167—171; Т. XII. С. 1—20, 35—36, 43—130; Бутурлин Д. История Смутного времени начала XVII в. СПб., 1841. Ч. 2. С. 116—201.

[3] Kognowicki K. Ïycie J.P. Sapiehi // Ïycie Sapiehyw. Wilno, 1791. T. 2. S. 150—158; Naruszewicz A. Ïywot J.K. Chodkiewicza. Warszawa, 1805. T. 2. S. 248—255; Niemcewicz J.U. Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa, 1819. T. 2. S. 327—412.

[4] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.:

В 18 кн. М., 1989. Кн. IV. Т. 8. С. 37—377, 379—380, 380, 393, 443—447, 464—466, 470, 478, 508—527, 682—689; Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Собр. соч. СПб., 1904. Кн. 2. С. 30, 327, 336, 339, 357, 525, 637—638.

[5] Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Собр. соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 33—38,45—56; Платонов С.Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1995. С. 291, 412, 430, 475—476.

[6] Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920. С. 52, 66; Его же. Русская история с древнейших времен. М., 1923. С. 50—51.

[7] Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова 1606—1607 гг. М.;Л., 1951. С. 493—513; Савич А.А. Борьба русского народа с польской интервенцией начала XVII в. М., 1939; Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939. С. 76, 134; Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

[8] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 42, 207, 520—522; Долинин Н.П. Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958.

[9] Maciczewski J. Polska a Moskwa 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warschawa 1968; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978; Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России в XVI—XVII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 326—352.

[10] Зимин А.А. Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории (ВИ). 1958. № 3. С. 99; О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве XVII века // ВИ. 1958 № 12. С. 204—208; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. 1975.

[11] Скрынников Р.Г Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII ст. Л., 1985. С. 324—326; Его же. Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 92—110; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 242—248.

[12] Dunning Ch. Crisis, Conjucture, and the Causes of the Time of Troubles // Harvard Ukrainian studies Essays presented to Edward L. Keenan

on his sixteenth Birthday by his Colleaques and students. Cambridge, 1995. Vol. XIX. P. 97—98; Perrie M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: the False the Time of Troubles. Cambridge, 1995; Dunning Ch. R.G. Skrynnikov, the Time of Troubles, and the «First Peasant War» in Rassia // Russian Review 50. № 1 (1991). P. 71—81; Idem. Cossaks and the Southern Frontier in the Time of Troubles // Russian History 19. № 1—4 (1992). P. 57—74; Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993.

ГЛАВА 1

ДОКУМЕНТЫ И СОЧИНЕНИЯ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ЛЖЕДМИТРИЯ II

Многолетние поиски источников по истории Смуты показали, что основной массив актовых и делопроизводственных материалов Лжедмитрия II, Воровской думы, приказов и местных властей погибли. В различных библиотеках и архивах в разных фондах отложились лишь небольшие коллекции или отдельные документы, написанные приверженцами самозванца. Именно поэтому информацию о том, что происходило в Тушине, исследователи черпают главным образом из дневников и мемуаров участников событий, в основном иностранцев: Й. Будилы, М. Мархоцкого, К. Буссова, Я. Сапеги, которые, в свою очередь, в источниковедческом плане остаются недостаточно изученными.

Немногие сохранившиеся источники так или иначе связаны с основными группировками наемного войска, поэтому их можно условно разбить на четыре основные группы: 1) документы Лжедмитрия II и наемников времен «гетманства» М. Меховецкого, мемуары К. Буссова и Й. Будилы; 2) документы и сочинения приверженцев Р. Ружинского; 3) русский «архив» и Дневник Я. Сапеги; 4) архив Мнишков и мемуары их сторонников.

§ 1. Документы Лжедмитрия II и наемников времен «гетманства» М. Меховецкого, мемуары К. Буссова и Й. Будилы

Архивные материалы времени зарождения движения самозванца сохранились очень плохо. Исследователям удалось найти лишь несколько посланий, написанных М. Меховецким от имени Лжедмитрия II жителям Могилева 2 (12) июля 1607 г.[1], Сигизмунду III 20 (30) ноября 1607 г.[2], М. Вольскому 23 декабря (2 января) 1607 г.[3], и несколько писем наемников: М. Харлиньского К. Радзивиллу (?) 9 (19) октября 1607 г.[4], Ш. Харлиньского М. Радзивиллу 17 (27) октября 1607 г.[5], Ф. Тышкевича кн. А. Острожскому 22 октября (1 ноября) 1607 г.[6],

С. Куровского пану Васковскому 20 (30) ноября 1607 г.[7], а также донесение Викентия Львовского о Лжедмитрии II 24 декабря (3 января) 1608 г.[8] и др. Имеются также несколько отписок воевод самозванца из пограничных городов[9] и «Новины» — сводки новостей о ситуации в России, собранных в Речи Посполитой[10]. Ценные данные о земельной политике Лжедмитрия II и его окружения на Северщине в 1607—1608 гг. можно почерпнуть из личного *архива помещиков Масловых*, который был обнаружен, исследован и опубликован Ф.И. Масловым в начале нынешнего века[11]. Выявленные источники, несмотря на их малочисленность, содержат важные данные о начальном периоде движения Лжедмитрия II и дают прочную основу для критики нарративных источников.

«Московская хроника» К. Буссова 1584—1613 гг. принадлежит к числу наиболее известных и часто используемых сочинений о Смутном времени. Историки высоко ценят этот исторический источник, т.к. он отразил взгляд на события Смуты профессионального военного, хорошо осведомленного и имевшего большой жизненный опыт.

«Хроника» К. Буссова была обнаружена немецким историком Кельхом. Рукопись сразу же привлекла внимание Е.С. Румянцева и его сотрудников, которые смогли приобрести список сочинения К. Буссова для Румянцевского музея и дали возможность Н.М. Карамзину использовать его в «Истории государства Российского». Историограф установил, что сочинение Бера первично по отношению к «Истории» Петрея и заслуживает большего доверия[12]. В 1831 г. Н.Г. Устрялов, осуществивший первый научный перевод текста памятника на русский язык, приписал его Мартину Беру[13]. Новейшее научное издание памятника было осуществлено в 1961 г. И.И. Смирновым, который доказал авторство К. Буссова, восстановил факты его биографии и дал оценку его труда как исторического источника[14].

К. Буссов родился в Германии в Люнненбургском княжестве. Достигнув совершеннолетия, он, как многие его современники, избрал профессию ландскнехта и, по его словам, сорок три года служил «при дворах государей и владетельных особ». Если учесть, что из этих сорока трех лет одиннадцать ландскнехт провел в России, то можно предположить, что ко

времени поступления на русскую службу ему было между сорока и пятидесятью, и он имел богатый жизненный опыт. В 1601 г. К. Буссов вместе с другими наемниками, служившими в шведской армии в Ливонии в надежде получить большое вознаграждение, задумал передать России несколько городов и крепостей. Заговор был раскрыт, и его участники были вынуждены бежать в Россию, где К. Буссов получил богатые поместья и должность офицера в русских войсках.

Ландскнехт был очевидцем голода 1601—1603 гг., принимал участие в войне Бориса Годунова с Лжедмитрием I, а после победы самозванца, верно ему служил в иноземной дворцовой охране и был очевидцем восстания 17 (27) мая 1606 г. в Москве. Василий Шуйский, пришедший к власти на волне народного восстания против иноземцев, не жаловал К. Буссова и его товарищей, поэтому в конце 1606 г. он предпочел искать счастья на службе у «чудом спасшегося царя Дмитрия». С конца 1606 по 1611 гг. К. Буссов, судя по его запискам, являлся офицером отряда иноземцев в Калуге. Был хорошо знаком с видными деятелями повстанческого движения И.И. Болотниковым, Ю. Беззубцевым, И.М. Заруцким, С. Кохановским. Он наблюдал движение Лжедмитрия II что называется «изнутри», начиная со снятия осады Калуги в ноябре 1607 г. вплоть до гибели самозванца в 1610 г.

Вскоре после гибели Вора К. Буссов поступил на службу Сигизмунду III и прибыл в Москву в качестве офицера иноземной дворцовой стражи. В марте 1611 г. он вместе с Ж. Маржаретом и солдатами-иноземцами принял участие в подавлении восстания москвичей. В сентябре 1612 г. вместе с посольством Ю.Н. Трубецкого, М.Г. Салтыкова и А. Иванова ему удалось выбраться из осажденной земскими ополчениями столицы и добраться до Риги. Оказавшись на склоне лет не у дел, бывший ландскнехт решил взяться за перо, чтобы оставить миру свои воспоминания о пережитом, а заодно и заработать на значительном интересе к России в Европе, стоявшей на пороге Тридцатилетней войны. В литературных трудах К. Буссову помогал пастор Мартин Бер, который сделал небольшие вставки и подверг текст литературной обработке. В 1613 г. работа была завершена, но все попытки опубликовать сочинение, предпринятые К. Буссовым, а затем М. Бером, оказались тщетными. Роко-

вым для К. Буссова и М. Бера стало обращение за помощью к П. Петрею, который использовал их труд для своей «Истории о Великом княжестве Московском». После выхода в свет в 1615 г. сочинения П. Петрея «Московская хроника» оказалась на долгие годы похоронена в библиотеках.

Проверка дат, приведенных в «Хронике», обнаруживает, что, восстанавливая в памяти пережитое, К. Буссов часто ошибался, путался в календарях. К примеру, Болховское сражение он датировал 23—24 апреля 1608 г., тогда как оно в действительности произошло 30 апреля — 1 мая 1608 г.[15], восстание в Москве и убийство самозванца — 17 мая 1606 г. по юлианскому календарю[16], а появление Лжедмитрия II в Тушине под Москвой — 29 июня 1608 г. по григорианскому календарю[17]. Это иногда приводило к путанице в хронологии событий. Так, о Ходынском сражении К. Буссов рассказал до сообщения о прибытии самозванца в Тушино, тогда как в действительности оно произошло после этого события[18]. Как видно из приведенных примеров, мемуарист не имел в своем распоряжении дневниковых записей и, обращаясь к своей памяти, изрядно подзабыл точную хронологию событий и не смог ее восстановить. Не случайно, определяя датировку событий, он отталкивался от религиозных праздников[19]. Вместе с тем сами его сообщения отличаются многими точными подробностями и деталями, которые подтверждаются документальными источниками. К примеру, К. Буссов рассказал о трагической судьбе купца Иоахима Шмидта, посланного Яном Сапегой в Ярославль[20]. В «архиве» Яна Сапеги сохранилось письмо И. Шмидта к гетману, которое полностью подтверждает сообщение мемуариста[21]. Ландскнехт — единственный, кто сообщает об участии испанца дона Хуана Крузатти в приведении на имя царя Дмитрия Замосковных городов[22]. В «архиве» Яна Сапеги имеются три письма этого человека[23]. Приведенные факты свидетельствуют, что «Хроника» К. Буссова содержит уникальные данные по истории Смуты, которые могут быть использованы после тщательной проверки их датировки данными источников, написанными по горячим следам событий.

«История ложного Дмитрия» — записки мозырского хорунжего *Й. Будилы*, который одним из первых явился в стан самозванца в Стародубе, привлекают исследователей тем, что

это взгляд на события человека, одно время близкого к первому гетману самозванца М. Меховецкому и не испытывавшего больших симпатий к кн. Р. Ружинскому и Мнишкам. Несмотря на то, что в настоящее время в распоряжении исследователей имеются две научные публикации[24], памятник как исторический источник пока недостаточно изучен и его использование в исследованиях затруднено.

Сочинение было обнаружено во второй половине XVIII в. польским историком А. Нарушевичем в библиотеке Залуцких. Он снял копию рукописи и использовал обширные извлечения из нее в своих разысканиях[25]. В конце XVIII в. библиотека Залуцких была вывезена в Санкт-Петербург в Императорскую публичную библиотеку, где во второй половине XIX в. Н. Коялович отыскал рукопись с «Историей ложного Дмитрия», перевел на русский язык и опубликовал в первом томе «Русской исторической библиотеки». Он первым высказал предположение, что автором сочинения является мозырский хорунжий Й. Будила — один из офицеров наемного войска самозванца, и эта атрибуция была принята большинством исследователей[26].

В 1937 г. К. Тышковский опубликовал краткий очерк биографии хорунжего в Польском биографическом словаре[27]. В 1995 в Я. Былиньский и Й. Длугош в предисловии ко второму научному изданию «Истории ложного Дмитрия» дополнили и уточнили материалы, собранные К. Тышковским[28]. Несмотря на все усилия, о Й. Будиле удалось узнать немногое. Из его довоенной жизни известно только, что он происходил из семьи богатых украинских шляхтичей, благодаря чему стал хорунжим Мозырским[29]. Не ясно, на чьей стороне он был во время рокоша 1606—1607 гг. Во всяком случае, в опубликованном К. Когновицким перечне лиц, выставивших свои отряды против рокошан, его нет[30].

В сентябре 1607 г. Й. Будила явился к Лжедмитрию II в Стародуб и стал полковником иноземного отряда в его войске. Он принимал участие в походах самозванца на Тулу (октябрь—ноябрь 1607 г.), на Брянск (ноябрь 1607 г. — январь 1608 г.), участвовал в Болховском (30 апреля — 1 мая 1608 г.) и Ходынском (25 июня 1608 г.) сражениях[31]. С июня 1608 г. по апрель 1609 г. хорунжий, судя по данным «Истории ложного Дмитрия», находился в Тушинском лагере самозванца под Москвой[32]. В апреле 1609 г. кн. Р. Ружинский послал его во главе круп-

ного отряда к Ярославлю для борьбы с отрядами земского ополчения Замосковных и Поморских городов, и он участвовал в боях с земцами у Ярославля (конец апреля — начало мая 1609 г.)[33], у Юрьевца Поволжского (28 июня 1609 г.)[34], в сражении у Твери (12—13 июля 1609 г.), вероятно, в штурме Троице-Сергиева монастыря (28 июля 1609 г.)[35], в боях у Колязина монастыря (август 1609 г.).[36] После получения вестей о вторжении Сигизмунда III в Россию Й.Будила вместе с А. Зборовским, по всей видимости, вернулся в Тушино, где находился вплоть до распада лагеря самозванца[37].

В марте — мае 1610 г. Й. Будила вместе с другими солдатами наемной армии самозванца перебрался в Иосифо-Волоколамский монастырь, а затем в окрестности с. Клушино. Узнав, что король не намерен оплачивать «заслуженное», мозырский хорунжий вместе с Я. Сапегой и другими наемниками вновь поступил на службу Лжедмитрию II и принял участие во втором походе самозванца на Москву летом 1610 г.[38] Осенью 1610 г. после бегства Лжедмитрия II он вместе с сапежинцами перебрался в окрестности Мещевска, где зимовал, грабя местное население, и предлагал свои услуги то королю, то самозванцу[39]. Только весной 1611 г. Й. Будила окончательно вернулся на королевскую службу и принял активное участие в борьбе с земскими ополчениями 1611—1612 гг.[40] В октябре 1612 г. после капитуляции польского гарнизона в Москве бывший хорунжий попал в плен, был сослан в Нижний Новгород, где находился вплоть до окончания войны России и Речи Посполитой и обмена пленных в 1619 г.[41] Вернувшись на родину, он женился на Ядвиге Чалесской. О том, как дальше сложилась его судьба и когда он умер, историкам установить не удалось.

В начале XX в. следы рукописи «Истории ложного Дмитрия» затерялись. По этой причине польские историки Я. Былиньский и Й. Длугош, готовя второе научное издание памятника, были вынуждены положить в его основу текст издания Н. Кояловича, который сличили с копией и извлечениями А. Нарушевича. Исследователи обнаружили в издании Н. Кояловича ряд искажений и пропусков, вызванных цензурными соображениями, а также неточности в публикации польского текста и в переводе. Они не согласились с названием, которое дал при публикации произведения М. Коялович — «История

ложного Дмитрия», и предпочли вернуться к названию, данному А. Нарушевичем, — «Война московская, учиненная и продолжавшаяся по причине ложных Дмитриев 1603—1612 гг.». Все обнаруженные разночтения они поместили в примечаниях[42]. Некоторые вопросы Я. Былиньский и Й. Длугош оставили открытыми. Из вводной статьи осталось неясным, когда и зачем Й. Будила написал свое произведение, правильно ли Н. Коялович «установил» его текст.

Несколько лет назад нам удалось отыскать и проанализировать считавшуюся утерянной рукопись ИПБ F. IV.33, из которой Н. Коялович извлек сочинение Й. Будилы[43]. Это сборник польских документальных и литературных материалов второй половины XVI — середины XVII в., который написан на бумаге 60—80-х гг. XVII в.[44] разными чернилами и несколькими почерками. Начало утрачено, но восстановлено в XIX в. при реставрации и переплете рукописи в ИПБ, вероятно, по рукописи ИПБ F.IV. 119. Реставратор не обратил внимания, что, воссоздавая утраченное, он переписал и часть хорошо сохранившегося текста, в результате между реставрированной и древней частями рукописи имеется нестыковка и повтор текста. В верхней части правого края листов (начиная с Л. 11) идет старая пагинация, в нижней части по середине — новая.

Лл. 1—21. Описание венчания Марины Мнишек с представителем самозванца Афанасием Власьевым 29 ноября 1605 г. Ст. Гроховского.

Лл. 21 об.—25 об. Описания областей Московского государства.

Лл. 26—64 об. «История ложного Дмитрия».

Лл. 65—67. Копии польских документов 1565—1588 гг.

Лл. 67 об.—68. Декларация и Универсал Сигизмунда III 1609 г.

Лл. 68 об.—80 об. Документы сапежинцев 1612—1614 гг.

Л. 81. Чистый.

Лл. 81 об.—110 об. Документы бывших наемных отрядов самозванца 1615—1616 гг.

Лл. 111—123 об. «История Лжедмитрия I» Жмудина Товяньского[45].

Лл. 124—126 об. Вотум Я. Замойского на сейме 1605 г.

Лл. 127—188. Польские документы 1627 г.

«Описание областей Московского государства» слишком невелико, чтобы быть самостоятельным произведением. «Описание» и «История» написаны одним почерком и композиционно примыкают друг к другу. Эти наблюдения позволяют высказать предположение, что «Описание» является вводной частью к «Истории», подобно сходному описанию областей Московского государства в «Истории о Великом княжестве Московском» шведского дипломата Петра Петрея, впервые опубликованной в 1615 г.[46]

В текст «Истории» Й. Будилы вставлены многие войсковые документы сапежинцев 1608—1612 гг. и затем до 1613 г. прослеживается судьба бывших солдат наемного войска самозванца, плененных в Москве. Войсковые документы за 1612—1614 гг. и 1615—1616 гг., отделенные от «Истории» Й. Будилы копиями польских документов 1565—1588 гг., позволяют проследить судьбу тех наемников войска Лжедмитрия II, кто избежал плена, вернулся в Речь Посполитую и получил награды от короля. Композиционно эти документы тесно связаны с основным текстом «Истории» Й. Будилы и, по-видимому, являются ее прямым продолжением, которое было призвано подчеркнуть трагизм судьбы московских сидельцев, испытавших горечь плена и не получивших от короля достойных наград. Копии документов 1565—1588 гг., судя по всему, оказались в данном месте случайно при копировании и реставрации рукописи и разорвали текст «Истории» на две неравные части.

Маловероятно, чтобы Й. Будила занимался литературным трудом и широко использовал войсковые документы сапежинцев, находясь в плену в 1613—1619 гг. Скорее всего, он взялся за перо по возвращении из России с целью привлечь внимание властей к судьбе своей и своих товарищей по плену. Возможно, его работа каким-то образом связана с появлением второй редакции Дневника Я. Сапеги.

Проверка датировок событий в «Истории» Й. Будилы данными писем наемников конца 1607 г. показывает, что в первые месяцы пребывания в России (2 сентября — 24 ноября 1607 г.) он скрупулезно фиксировал главные события жизни войска самозванца и точно их датировал[47]. К примеру, датировки событий в октябре 1607 г. в сочинении Й. Будилы и в письмах М. Харлецкого и С. Куровского полностью совпадают[48]. После-

дующие происшествия хорунжий описывал менее подробно, выбирая только самые важные, часто объединяя под одной датой события нескольких дней. Например, приход к Москве Лжедмитрия II в июне 1608 г., Ходынское сражение[49] и т. д. Эти наблюдения позволяют высказать предположение, что в работе над сочинением Й. Будила использовал свои дневниковые записи, которые вел во время своего пребывания в России. В первые месяцы, как это было у Я. Сапеги, он делал их довольно часто, затем все реже и реже, сосредоточиваясь на главном. Будучи на покое, он переработал эти записи, дополнил воспоминаниями, извлечениями из войсковых документов и других литературных и мемуарных источников. Все это сделало воспоминания хорунжего ценным источником о событиях Смутного времени в России 1607—1613 гг.

§ 2. Документы и сочинения приверженцев Р. Ружинского

Документы и сочинения приверженцев Р. Ружинского сохранились значительно лучше, чем материалы времен «гетманства» М. Меховецкого. В распоряжении исследователей имеются материалы переговоров наемников с Лжедмитрием II осенью 1609 — в первой половине 1610 г.[50], с Сигизмундом III, королевскими комиссарами, гетманом С. Жолкевским в конце 1609—1610 гг.[51] Имеются также отдельные документы посольств думного дьяка Ф. Лопухина в Речь Посполитую в начале 1609 г.[52] и боярина М.Г. Салтыкова к королю под Смоленск в начале 1610 г.[53] Значительная часть этих материалов опубликована[54]. Большую ценность представляют отдельные грамоты самозванца, Р. Ружинского, А. Зборовского и других командиров наемного войска. Например, грамоты Лжедмитрия II смолянам 14 (24 апреля) 1608 г.[55], Карлу IX[56], письмо кн. Р.Н. Ружинского кн. В.В. Голицыну и И.С. Куракину 14 апреля 1608 г.[57], отписки воевод порубежных городов[58] и т. д. Содержащиеся в документах данные позволяют критически проанализировать показания ротмистра М. Мархоцкого — одного из ближайших соратников Р. Ружинского.

«История московской войны» М. Мархоцкого давно признана историками одним из лучших иностранных сочинений о Смуте и широко используется в исследованиях. Парадоксально,

но памятник до сих пор не был ни разу научно издан и остается практически неизученным в источниковедческом плане.

Микулай Скибор Мархоцкий, ротмистр и староста Чховский, родился около 1570 г. и впервые упоминается в польских документах в 1588 г. вместе с матерью и братом в связи с апелляцией в краковском земском суде. Во время рокоша в 1607 г. он выступил на стороне короля и получил звание ротмистра. После разгрома рокошан под Гузовым М. Мархоцкий вступил со своей ротой в отряд кн. Р. Ружинского и вместе с ним явился в Россию на службу Лжедмитрию II в Кромы. Будучи близок к Р. Ружинскому, принимал самое активное участие в переговорах с руководителями движения самозванца о найме отряда на службу. Принимал участие в Болховском, Ходынском сражениях, находился в Тушинском лагере во время осады Москвы в 1608—1610 гг. вплоть до его распада. В 1610 г. был в числе тех наемников, кто вернулся на службу к королю. Принимал участие в Клушинской битве, затем находился в польском войске в осажденной земским ополчением Москве. От этого войска ездил послом на сейм 1611 г. По возвращении вступил в Оршанскую конфедерацию и в 1612 г. вернулся в Речь Посполитую, благодаря чему избежал плена. В Речи Посполитой вплоть до смерти в 1636 г. занимался общественной деятельностью, был депутатом сеймов[59].

Оригинал «Истории», по данным польских историков, хранится в Библиотеке Чарторижских. Выявлены четыре списка памятника[60]. Нам удалось разыскать еще два[61]. Сочинение издано только один раз в прошлом веке[62]. Археографический анализ списков произведения пока не проводился. Давно назрела необходимость нового научного издания памятника. Поскольку эта проблема требует специального исследования, мы сочли возможным воспользоваться текстом публикации, которую сличили с Львовским и Шведским списками.

В тексте мемуаров имеются хронологические реалии, которые позволяют определить примерные сроки работы М. Мархоцкого над его сочинением. Рассказывая о прибытии в стан самозванца Петра Борковского, чтобы по поручению послов убедить наемников покинуть пределы России, мемуарист оговорился, что посланец позднее был хорунжим Сендомирским[63]. П. Борковский был хорошо знаком М. Мархоцкому, т. к. они

вместе с ним ездили послами от московского войска на сейм в 1611 г. и затем избежали плена. По возвращении в Речь Посполитую П. Борковский принял участие в работе сейма 1615 г., участвовал в переговорах с русским послом Желябужским. В качестве хорунжего Сендомирского он упоминается с 1616 г. вплоть до его смерти в 1619 г.[64] Таким образом, «История» написана не ранее 1619 г. Упоминая об Александре Гонсевском, М. Мархоцкий вновь оговорился, что в момент написания мемуаров он являлся воеводой Смоленским. А. Гонсевский был назначен королем воеводой Смоленским в 1625 г. и оставался на этой должности до своей смерти в 1639 г.[65] Если учесть, что М. Мархоцкий умер в 1636 г., можно прийти к заключению, что его мемуары написаны между 1625—1636 гг.

События русской Смуты в мемуарах М. Мархоцкого излагаются по годам и месяцам. Точно датированы лишь самые важные события: Болховское, Клушинское сражения, волнения в Тушине 20 марта 1610 г., взятие Смоленска 13 июня 1611 г.[66] Характер повествования и отсутствие точных дат событий дают основание предположить, что в распоряжении мемуариста не было дневниковых записей, которые он вел во время пребывания в России. Мемуарист пользовался в основном своими воспоминаниями. Прекрасная память и несомненный литературный дар позволили ему создать довольно точную, хотя и весьма субъективную, картину Смуты. Ценность мемуаров заключается в том, что это взгляд человека весьма осведомленного и близкого к кн. Р. Ружинскому и его солдатам.

§ 3. Русский «архив» и Дневник Я. Сапеги

Большинство сохранившихся тушинских материалов так или иначе связаны с тушинским гетманом Яном Петром Сапегой, который с лета 1608 г. по начало осени 1611 г. находился в гуще событий Смуты. Он родился в 1569 г. в семье литовского магната Павла Сапеги и Ганны Ходкевич, получил образование в Италии и избрал карьеру военного. В чине ротмистра Я. Сапега принял участие в Валашском, Инфляндском походах коронных войск и в подавлении рокоша — восстания шляхты против короля Сигизмунда III Вазы в 1606—1607 гг. Крутой поворот в судьбе Яна Сапеги произошел летом 1608 г., когда

он возглавил поход в Россию взбунтовавшихся солдат инфлянтской армии. Лжедмитрий II принял на службу бывшего королевского ротмистра и отправил в поход в северо-восточные области страны. Новый гетман самозванца и его воины захватили Замосковье и часть Поморья. С сентября 1608 по январь 1610 гг. они безуспешно осаждали Троице-Сергиев монастырь. В начале 1610 г. правительственные войска бояр кн. Михаила Скопина-Шуйского и Федора Ивановича Шереметьева, опираясь на поддержку населения, отогнали Яна Сапегу и остатки его отрядов к западным границам страны[67].

Летом 1610 г. Ян Сапега и его солдаты после безуспешных попыток поступить на службу к Сигизмунду III Вазе, вторгшемуся в Россию во главе коронных войск, вернулись к Лжедмитрию II. Царик назначил Яна Сапегу гетманом и приказал возглавить свои войска в новом походе на Москву. Столичные бояре, вопреки ожиданиям, передали престол королевичу Владиславу. Гетман С. Жолкевский и коронные войска окружили стан царика в селе Коломенском. Самозванец бежал, бросив своих солдат на произвол судьбы. После долгих переговоров Ян Сапега и наемники согласились перейти на службу московскому правительству и, получив жалование, отправились в заоцкие города и Северскую землю. В течение второй половины 1610 — первой половины 1611 г. они грабили мирное население захваченных уездов и вели переговоры с Лжедмитрием II, московским правительством, Сигизмундом III и руководством земского ополчения, стремясь подороже продать свои сабли. Только в июле 1611 г., когда освободительное движение в России приобрело большой размах, Ян Сапега и наемники поступили на службу Сигизмунду III и приняли участие в операциях по снабжению польского гарнизона в Москве. Во время одного из рейдов в Замосковье Ян Сапега заболел горячкой и умер 4 (14) сентября 1611 г.[68] в осажденном ополчением Кремле[69].

В течение всего пребывания Яна Сапеги в России (1608—1610 гг.) его секретари вели *Дневник*. В конце XVIII в. К. Когновицкий ввел в научный оборот копию Дневника, которая находилась в рукописи, некогда принадлежавшей историку конца XVII — начала XVIII в. Я.К. Рубинковскому. Исследователь широко использовал материалы этой рукописи в «Жизнеописании Яна Сапеги» и издал в приложении обширные извлече-

ния из Дневника[70]. В 30-х годах прошлого века автор, скрывшийся под псевдонимом И.С., перевел извлечения К. Когновицкого на русский язык и опубликовал в журнале «Сын отечества и Северный архив»[71]. Публикация К. Когновицкого и ее перевод стали широко использоваться русскими и польскими историками XIX в.

Примерно в это же время И. Онацевич, описывавший польские рукописи собрания Залуцких, поступивших в Императорскую публичную библиотеку, отыскал там рукопись Я.К. Рубинковского и снял с нее копию[72]. Во второй половине XIX в. рукописью, судя по ссылкам, пользовался Н.И. Костомаров[73]. Затем ее следы затерялись. Во всяком случае, ее не смогли отыскать ни Л. Пташицкий, ни В.С. Криксин[74].

В 30—40-х годах прошлого века в России и Польше стало известно, что в Швеции в библиотеке графов Брагге в Ску-Клостерском замке имеется еще один список Дневника Яна Сапеги[75]. А. Гиршберг, проанализировав рукопись, пришел к выводу, что это оригинал памятника. По описанию исследователя, в конце XIX в. рукопись представляла собой узкий фолиант в 149 листов в кожаном переплете от русского служебника. Сшиты были только первые 53 листа, остальные перепутаны. Дневник был помещен на листах 1—116, 119—139. Листы 117—118, 140—149 занимали инструкция послам сапежинцев королю 9 декабря 1609 г., два письма Яна Сапеги к войску, написанные в марте 1611 г. и отдельные листы с черновыми записями разных лиц. Записи в Дневнике были сделаны выцветшими чернилами несколькими почерками сначала очень старательно, затем все более и более небрежно, некоторые отредактированы. А. Гиршберг, опираясь на сделанные наблюдения, заключил, что авторами Дневника являются секретари Яна Сапеги, а редактором — сам гетман. Исследователь восстановил первоначальный порядок записей, прочел и скопировал текст памятника[76].

В процессе работы над изданием Дневника А. Гиршберг сличил текст оригинала с публикацией К. Когновицкого и установил, что в извлечениях предшественника текст памятника сильно искажен, и они не представляют научного интереса. Историк обнаружил, что в копии Я.К. Рубинковского имеются записи, утраченные в оригинале. А. Гиршбергу стало известно,

что Л. Пташицкий недавно нашел среди бумаг И. Онацевича копию рукописи Рубинковского. Историк попросил петербургского коллегу сделать выписки мест, утраченных в оригинале памятника, и переслать их во Львов. Фрагменты были помещены в примечаниях к оригиналу Дневника в его первом научном издании[77].

В начале нынешнего века В.С. Криксин проанализировал копию рукописи Я.К. Рубинковского в списке И. Онацевича и установил, что она довольно точно передает текст оригинала. Исследователь сопоставил текст копии И. Онацевича с публикациями А. Гиршберга, К. Когновицкого и И.С. и подтвердил вывод львовского коллеги, что К. Когновицкий, а вслед за ним и И.С. сильно исказили текст протографа и их публикации интересны как факт историографии. Спомощью копии И. Онацевича В.С. Криксин прочел многие темные места оригинала памятника, которые не удалось разобрать А. Гиршбергу, и выявил ряд записей, утраченных в подлиннике и не вошедших в первое научное издание Дневника. Все разночтения историк поместил в приложении к своей статье[78].

В настоящее время оригинал Дневника находится в Государственном архиве Швеции в Стокгольме, где нам его удалось не без труда отыскать во время нашей командировки в 1995 г. Сплошной просмотр бумаги показал, что на Лл. 1—139 имеются пять видов филиграней в виде кувшина (Лл. 22, 33, 65, 93, 95, 117 — кон. XVI — первые годы XVII в.)[79], две разновидности круглого щита (Лл. 52 и 75 — близко ДК № 1174. 1594—1607 гг.).[80] Филиграни большинства листов заключительной части рукописи явно позднего происхождения: гроздья винограда (Лл. 140—144 — близко ДК № 103. 1640 г. и Лл. 145, 146 — ДК № 105. 1646—1654 гг.), щит с рыбой (Лл. 145—146 — близко ДК № 1175 и 1176. 1620 г.)[81], что в целом подтверждает палеографические наблюдения А. Гиршберга[82].

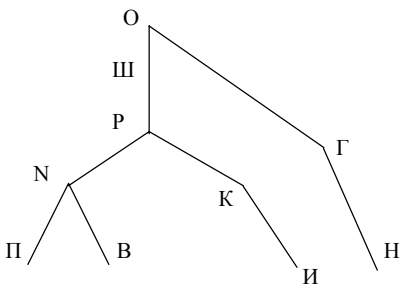
В Ску-Клостерском собрании нам удалось обнаружить неизвестную копию Дневника, которая, судя по манере письма, бумаге и формату, сходными с другими польскими копийными книгами Ску-Клостерского собрания, была снята в середине XVII в., когда оригинал еще находился в Речи Посполитой и относительно хорошо читался[83]. Листы рукописи перепутаны во время поздней нумерации, но старая пагинация позволяет

восстановить их первоначальную последовательность. Текст первого листа памятника начинается с полуслова, что говорит о том, что начальные листы рукописи были утрачены еще до первоначальной пагинации. По содержанию сохранившегося фрагмента предшествующего Дневнику текста можно предположить, что на утраченных листах помещался рассказ о событиях русской Смуты до 1608 г. и обосновывалась правомерность похода сапежинцев в Россию — тот самый, который читался в начале рукописи Я.К. Рубинковского[84]. Сличение текстов Дневника и обнаруженного списка позволило разобрать темные и плохо читаемые слова и выражения оригинала. Выявленные разночтения носят в основном поясняющий характер или возникли в результате механических ошибок при переписке. К примеру, часто к сокращениям типа «J.M.» добавляется «Jan Sapieha» и т. п. Только в записи за 5 (15) августа 1608 г. имеется обширная вставка, но она возникла в результате ошибки копииста, поместившего не на то место редакционную правку Я. Сапеги к записи за 10 (20) августа 1608 г. Текст Дневника неожиданно обрывается после записи 4 (14) апреля 1609 г. на полуслове, что говорит об утрате последующих листов рукописи[85]. Сличение текстов оригинала Дневника, Шведского списка и рукописи Я.К. Рубинковского по копии И. Онацевича обнаруживает, что копия Я.К. Рубинковского и Шведский список начинались с краткого рассказа о Смуте в России. Между ними также имеются сходные, в сравнении с оригиналом, чтения, особенно в начале текста Дневника. Это наблюдение дает основание предположить, что еще до захвата собрания шведами в середине XVII в. в Речи Посполитой была создана вторая редакция Дневника, которая содержала краткий очерк событий Смуты, но она еще не имела редакционных правок рукописи Я.К. Рубинковского. Возможно, она, как и рукопись Я.К. Рубинковского, открывалась родословием Я. Сапеги и двумя панегириками гетману. Вместе с тем в основном тексте Дневника между Шведским списком, который сохранил текст оригинала, и рукописью Я.К. Рубинковского имеются существенные отличия. Автор рукописи Я.К. Рубинковского ввел в текст Дневника новое действующее лицо — некоего Александра Рубинковского, которому приписал дела и заслуги сапежинских ротмистров. Направление редакторской работы дает основание

предположить, что создателем рукописи был ее владелец — видный польский писатель конца XVII в. Я.К. Рубинковский — потомок одного из рядовых участников похода Яна Сапеги в Россию. Он опустил все, что мало-мальски компрометировало гетмана и его солдат, прежде всего записи о переговорах Яна Сапеги с Лжедмитрием II и руководством земского ополчения в конце 1610—1611 гг[86]. К. Когновицкий, как показал текстологический анализ его публикации, проведенный В.С. Криксиным, еще более исказил текст Дневника[87]. В результате этих редакционных правок в рукописи Рубинковского, а еще более в извлечениях К. Когновицкого, Ян Сапега и его воины предстали верными подданными короля, действовавшими по его заданию. Я.К. Рубинковский и К. Когновицкий ввели в заблуждение историков, которые видят во вторжении сапежинцев начало скрытой интервенции Речи Посполитой в Россию.

Археографический анализ списков Дневника показывает, что прав В.С. Криксин, говоривший о необходимости нового научного издания памятника с переводом и комментариями. Пока же в исследованиях приходится использовать издание А. Гиршберга, дополненное разночтениями шведской копии и из рукописи Я.К. Рубинковского по копии И. Онацевича, которые выявили Л. Пташицкий и В.С. Криксин.

Взаимоотношения оригинала и списков Дневника можно представить следующей схеме:



О — оригинал, Ш — шведский список, Г — копия А. Гиршберга, Р — редакция Я.К. Рубинковского, К — извлечения К. Когновицкого, N — копия Онацевича, П — выписки Л. Пташицкого, В — выписки В.С. Криксина, Н — публикация А. Гиршберга, И — перевод И.С.

Критический анализ сохранившихся записей Дневника Яна Сапеги показывает, что пропуски в тексте памятника возникли не только вследствие утраты нескольких листов оригинала. Секретари гетмана регулярно делали записи в Дневнике только тогда, когда сапежинцам сопутствовал успех. По мере ухудшения обстановки возрастало число пропусков. Свидетельства о событиях декабря 1609 — июня 1610 гг., когда Михаил Скопин-Шуйский изгнал сапежинцев из Замосковья, вообще фрагментарны[88]. Авторы Дневника рассказывали в своих записях об обстановке в стране, о боях сапежинцев с противниками, о переговорах с различными правительствами, о найме на службу. Они были многословны при описании побед гетмана и его солдат (сражения у Рахманцева и в Ростове), весьма сдержанны, сообщая о неудачах (бой у Калязина, штурм Троице-Сергиева монастыря 28 июля 1609 г.), и старательно замалчивали поражения (штурмы Троицы 1 ноября 1608 г. и 28 июня 1609 г.)[89]. Все эти факты свидетельствуют, что показания авторов Дневника тенденциозны и нуждаются в проверке данными других источников.

Секретари Яна Сапеги почти ежедневно фиксировали в своих записях получение и отправку гетманом писем, вестей, прибытие гонцов, показания лазутчиков, пленных и перебежчиков. Многие из упомянутых в Дневнике документов сохранились в архивах России, Украины, Польши и Швеции[90]. С их помощью можно выяснить принципы отбора информации секретарями гетмана и направления их редакторской работы. Сопоставление документов «архива» Яна Сапеги и Дневника показывает, что секретари гетмана отмечали в своих записях только самые важные документы. Обычную переписку, частные челобитные и письма они, как правило, не упоминали[91]. Анализ содержания писем и свидетельств о них в Дневнике обнаруживает, что секретари Яна Сапеги довольно точно передавали содержание документов на польском языке[92]:

Отчет послов сапежинцев	*Дневник*
«Jego m.p. Hetman coronny przyczytal te slawe dobra y dzielnosc rzemiosla swego, w scym nigdy iako przeszkoda niebyl y bydz niechce...»	*«Jego Mosc Pan Hetman koronny slawe dobra i dzielnosc rzemieska (sic) przyznawa, i jako w zaslugach przeszkoda nie byl, tak i teraz byc niechce...»*

Близко к тексту излагалось и содержание русских документов[93]:

Грамота М. Скопина	*Дневник*
«…послал к тебе на помочь Свейский Карло король свейских и немецких воевод с ратными людьми... 12 тысяч...»	*«Король Карлус посла помочь тебе войска немецкого 15 тысяч...»*
Расспросные речи И. Дмитриева	*Дневник*
«…а на вылоску не выходят часто для тово, что все больны, а болезнь – цынга...»	*«…на вылазку для того не часто выходят..., так как много людей поумирало – цынга».*

Авторы Дневника первое время плохо ориентировались в реалиях русской жизни, особенно когда воспринимали информацию на слух, и иногда допускали ошибки или неточности. К примеру, они называли в первых записях Михаила Скопина — Иваном, Осипа Селевина — Цекавиным, Федора Барятинского — Романом, Михаила Вельяминова — Никитой и т. д. Михаила Вельяминова упоминали то как владимирского, то как суздальского воеводу. Отмечали, что Калуга расположена в устье Оки и т. д. Имелись и языковые трудности в передаче неславянских топонимов. Арзамас секретари гетмана написали Зерзомашем, Темников — Тымниковым, Алатырь — Алтырем и т. д.[94] Однако в последующих записях многие из этих ошибок и неточностей были устранены. В целом, как видно из приведенных примеров, авторы Дневника довольно точно понимали и записывали собранные сведения. Записи Дневника отчасти помогают восстановить основное содержание утраченных или пока не отысканных документов «архива» Яна Сапеги.

Ян Сапега летом—осенью 1608 г. проявлял пристальное внимание к работе своих секретарей. Он вносил в записи Дневника уточнения, иногда делал на полях обширные приписки, в которых излагал показания лазутчиков, описал, как его принимали старцы Болдина монастыря, вяземский воевода, изложил ход переговоров с М. Олесницким, К. Вишневецким, а затем с послами Василия Шуйского — Бутурлиным и Прозоровским. Эти приписки, сделанные по горячим следам событий и содержащие уникальные сведения, являются ценнейшим

источником информации. Правда, осенью 1608 г. бурные события Смуты отвлекли гетмана от наблюдения за ходом работы над Дневником. В дальнейшем он лишь однажды, летом 1610 г., сделал обширную вставку в текст памятника, изложив в ней содержание особо важного письма С. Жолкевского. Меньше внимания Дневнику стали уделять и его секретари, о чем свидетельствует возрастающая день ото дня небрежность почерка. В результате историкам остались неизвестны многие факты и подробности, которые приходится черпать из других источников[95].

Дневник Яна Сапеги является ценным историческим источником, который, будучи дополнен данными документов «архива» гетмана, открывает возможность восстановить многие важные факты как истории движения Лжедмитрия II, так и Смуты в целом.

В процессе архивных разысканий исследователи неоднократно высказывали предположение, что обнаруженные ими коллекции тушинских документов восходят к *русскому «архиву» Яна Сапеги 1608—1611 гг.*[96] К нему обычно относят адресованные ему письма, хранящиеся в Рожанском собрании Сапег, коллекциях графов Брагге, Г.Д. Хилкова, С.В. Соловьева, Ходкевичей. Нам удалось установить, что аналогичные документы имеются в Красиловском и Березинском собраниях Сапег[97]. Анализ состава коллекций, содержащих бумаги Яна Сапеги, позволяет развить выдвинутую гипотезу. Почти во всех собраниях бумаги Яна Сапеги хранятся вместе с перепиской короля Сигизмунда III, литовского канцлера Льва Сапеги с польской администрацией и боярами в Москве, а также с челобитными русских людей королевичу Владиславу и материалами смоленской приказной избы. Эти документы явно не входили в «архив» гетмана. Вероятно, это остатки «архива» канцлера Великого княжества литовского Льва Сапеги, который в Речи Посполитой ведал русскими делами. Как известно, литовским канцлером в 1611 г. был Лев Сапега — двоюродный брат и душеприказчик Яна Сапеги. После смерти Льва Сапеги в 1633 году, его богатый архив был разделен на несколько крупных собраний. Источники позволяют проследить судьбу некоторых из этих коллекций[98].

Одна из коллекций бумаг Яна Сапеги осталась в основном собрании Сапег в Рожане. В середине XVII в. сын Льва Сапеги Казимир Лев подарил часть собрания Виленской академии, где основал кафедру канонического и гражданского права. Ныне часть подаренной библиотеки хранится в библиотеке Виленского университета[99]. Основной архив, в котором находились бумаги Я. Сапеги, остался в Рожане. В конце XVIII в. польский историк К. Когновицкий отыскал здесь письма Сигизмунда III, Лжедмитрия II, М. Мнишек, Р. Ружинского, донесения командиров наемных отрядов, адресованные Яну Сапеге. Историк опубликовал наиболее важные из этих документов в приложениях к своему «Житию Яна Сапеги». В 30-е годы XIX в. П.А. Муханов перевел некоторые из этих документов на русский язык и издал в своих сборниках материалов по истории Смуты[100].

В середине прошлого века Сапеги передали Рожанский архив в Библиотеку Польской академии наук в Кракове. В конце прошлого века архивное собрание было вновь обследовано А. Прохазкой и А. Гиршбергом. Историки намеревались осуществить первые научные издания бумаг Яна Сапеги в многотомниках «Архив дома Сапег» и «Польша и Московия в первой половине XVII в.», в которые предполагали включить как хорошо известные, так и вновь открытые документы. К сожалению, тома, содержащие бумаги Яна Сапеги из русского «архива», по разным причинам не вышли в свет. Неопубликованные материалы Яна Сапеги из Рожанской библиотеки остались неизвестны русским историкам. Недавно Б.Н. Флоря, познакомившись с документами Рожанского собрания, отметил, что здесь возможны интересные находки. Проведенный нами анализ микрофильма документов Рожанского собрания полностью подтвердил предположение исследователя. Среди бумаг «гетмана» оказались неизвестные письма, данные которых проливают свет на многие события Смуты в 1608—1611 гг.[101]

В середине XVII в. во время Тридцатилетней войны шведы захватили и вывезли Березский архив Сапег, который был помещен в королевском Ску-Клостерском замке. Вскоре король пожаловал замок и библиотеку видному полководцу того времени барону Врангелю. После смерти владельца замок перешел его родственникам, графам Брагге, чьим именем впоследствии была названа коллекция. В библиотеке Брагге в разное время

работали Я.Х. Альбертранди, И. Сераковский, С.В. Соловьев, Е. Тышкевич, А. Чумиков, А. Гиршберг и Ю. Готье[102].

В конце XVIII в. польские архивисты Я.Х. Альбертранди и И. Сераковский по поручению последнего польского короля С. Понятовского совершили поездку в Швецию и продолжительное время работали в библиотеке графов Брагге. Впоследствии в библиотеке И. Сераковского В.М. Оболенский и П.А. Муханов разыскали письмо Лжедмитрия II Яну Сапеге и карту-схему Поволжья. На карте-схеме имелись краткие записи, в которых кн. С.В. Прозоровский назван «братом», «сердечным другом» и уделено много внимания судьбе сына боярского Кирилла Хвостова. Из записей Дневника Яна Сапеги следует, что Кирилл Хвостов был лазутчиком гетмана в Москве. Внося правки в Дневник, Ян Сапега подчеркнул, что кн. С. Прозоровский является его побратимом. Все это дает основание предположить, что документ — одна из карт-схем Яна Сапеги и что, вероятно, бумаги «гетмана» из этой коллекции восходят к собранию графов Брагге. После смерти И. Сераковского письмо Лжедмитрия II попало в библиотеку графа Ледуховского, затем в библиотеку Бачинских. Дальнейшая судьба этих документов нам неизвестна[103].

В 30—40-е годы прошлого века С.В. Соловьев вывез из Швеции крупную коллекцию документов начала XVII в. на русском языке. Многие из этих писем и челобитных были адресованы Яну Сапеге. В отчетах Археографической комиссии С.В. Соловьев указал, что собрание Брагге не содержит ценных документов по российской истории и что продаваемые Археографической комиссии документы приобретены у неизвестного лица в Лунде. М. Малиновский и А. Пжеджецкий усомнились в правдивости рассказа историка и высказали предположение, что С.В. Соловьев получил сапежинские документы из собрания Брагге. Нам удалось обнаружить тому подтверждение. В 1838 г. Ф. Булгарин, путешествуя по Швеции, встретил С.В. Соловьева в Ску-Клостерском замке. Историк, по свидетельству путешественника, был сильно обеспокоен, когда автор «Дмитрия Самозванца» заинтересовался рукописями библиотеки Брагге. Во время осмотра библиотеки Ф. Булгарин случайно взял в руки Дневник Яна Сапеги. С.В. Соловьев при этом сильно побледнел. Путешественник объяснил поведение

С.В. Соловьева нежеланием разделить с кем бы то ни было славу первооткрывателя и высказал сожаление, что его знание польского не было использовано историком для описания 29 польских рукописей собрания Брагге. Е. Тышкевич, А. Чумиков, А. Гиршберг и Ю. Готье, работавшие в библиотеке Брагге во второй половине XIX — начале XX в., подтвердили вывод Ф. Булгарина о большой ценности материалов из библиотеки Брагге для отечественной истории[104].

В начале 40-х годов XIX в. С.В. Соловьев продал свою коллекцию Археографической комиссии. Историк отдавал документы частями, постоянно затягивая сроки передачи следующей партии. Часто вместо обещанных документов в Археографическую комиссию поступали другие. Поведение С.В. Соловьева вызвало недовольство членов комиссии, которое вскоре переросло в открытый конфликт. В результате судьба части документов, обещанных С.В. Соловьевым Археографической комиссии, осталась неизвестной. В начале нынешнего века М.Г. Курдюмов составил подробное описание документов коллекции С.В. Соловьева. При этом часть бумаг была пропущена и попала в коллекцию «Акты до 1613 г.». Почти все документы коллекции С.В. Соловьева были опубликованы в различных изданиях Археографической комиссии[105].

В 1893 г. графы Брагге передали библиотеку Государственному архиву Швеции в Стокгольме. В начале нынешнего века с ее бумагами ознакомился Ю. Готье. Историк обнаружил и опубликовал часть материалов Смоленской приказной избы начала XVII в. Недавно Б.Н. Флоря отыскал и замикрофильмировал в Стокгольмском архиве несколько десятков документов на русском языке, многие из которых были адресованы Яну Сапеге[106]. Среди этих бумаг оказалось начало «Списка приверженцев царя Василия Шуйского». Продолжение этого «Списка» хранится в коллекции С.В. Соловьева и хорошо известно историкам. Помимо этого в коллекции С.В. Соловьева имеются отписки Ф.К. Плещеева и Ф. Копнина Яну Сапеге, в которых упоминается, что вместе с этими отписками к «гетману» направлены челобитные дворян Г. Аргамакова и А.А. Зезевитова. Эти челобитные находятся среди документов, найденных Б.Н. Флорей. В свою очередь в челобитной Г. Аргамакова содержится ссылка на следственное дело, которое входило в коллекцию С.В. Со-

ловьева, а ныне находится в коллекции «Акты до 1613 г.». Все эти факты дают основание предположить, что документы, найденные Б.Н. Флорей, являются частью Березского собрания Сапег и восходят к собранию Брагге[107].

Российские историки, работавшие в Стокгольмском архиве в XXв., сосредоточили внимание на изучении документов, написанных на русском языке. Воспользовавшись указаниями Ф. Булгарина, Е. Тышкевича и А. Гиршберга, мы попытались отыскать в собрании Брагге сапежинские документы, написанные на польском языке, и обнаружили неизвестные письма к гетману С. Жолкевского, Р. Ружинского, командиров наемных отрядов, которые содержат новые данные по истории Смуты[108].

В архиве Сапег в Красилове находились донесения командиров наемных отрядов на польском языке и завещание Яна Сапеги. В конце прошлого века А. Прохазка отыскал их и включил во второй том «Архива дома Сапег», который, как уже отмечалось выше, не был издан. Бумаги остались неизвестны историкам. Вскоре Сапеги передали свое собрание в Библиотеку Оссолиньских. Ныне они хранятся в Научной библиотеке Украинской АН во Львове, где мы с ними ознакомились в 1988 г.[109] Часть бумаг, по данным В. Ульяновского, попала в ЦДІА Украины[110].

В коллекции кн. Г.Д. Хилкова собрано несколько десятков писем к Яну Сапеге на русском языке Лжедмитрия II, тушинских «бояр», «дьяков», воевод и челобитные жителей Замосковья. Впервые эта коллекция попала в поле зрения историков в середине прошлого века, когда титулярный советник И.А. Якубович предложил приобрести эти материалы Археографической комиссии. Сделка по каким-то причинам не состоялась. Документы попали к известному собирателю древностей кн. М.А. Оболенскому, а от него перешли по наследству к кн. Г.Д. Хилкову. Наследник опубликовал все эти документы в отдельном сборнике и передал их Археографической комиссии[111].

В описи бумаг Яна Сапеги, представленной Археографической комиссии, И.А. Якубович указал письмо Эразма Бородича с донесением о взятии Кесьмы. В коллекции Г.Д. Хилкова его нет. Мы его отыскали в Красиловском собрании Сапег. Этот факт дает основание предположить, что еще в XIX в. докумен-

ты Яна Сапеги Красиловского собрания Сапег и коллекция Г.Д. Хилкова составляли единый комплекс. Вероятно, Сапеги использовали И.А. Якубовича в качестве посредника для продажи русских документов своего собрания Археографической комиссии. Письмо Э. Бородича, написанное на польском языке, случайно попало в опись И.А. Якубовича, поэтому не было продано и осталось у прежних владельцев[112].

Недавно Б.Н. Флоря отыскал в рукописи из собрания Ходкевичей письма к Яну Сапеге руководителей первого земского ополчения и челобитные жителей разных уездов России. Ходкевичи были родственниками Яна Сапеги по матери, а глава их рода И. Ходкевич в завещании гетмана был назначен душеприказчиком. Вероятно, письма попали к Ходкевичам во время одного из семейных разделов[113].

Анализ коллекций, содержащих бумаги Яна Сапеги, показывает, что все они, по всей видимости, восходят к трем семейным собраниям Сапег: Рожанскому, Красиловскому и Березскому, а также к архиву родственников гетмана — Ходкевичей. Отдельные письма сохранились в копиях в составе рукописных сборников из библиотек Залуцких, Оссолиньских, Бзостовского, Главного штаба и музея Чарторижских[114]. Каким образом эти письма попали в руки составителей рукописей, пока установить не удалось. Сам факт существования отдельных писем к Яну Сапеге свидетельствует, что выявлена только часть бумаг и что многие погибли или пока не найдены.

В процессе архивных разысканий выявлено несколько сот документов из бумаг Яна Сапеги, что позволяет перейти к реконструкции и комплексному анализу его «архива». Секретари гетмана почти ежедневно фиксировали в Дневнике получение важных документов, прибытие и отправку гонцов, перехваты вражеской почты, сообщали о допросах пленных и перебежчиков. Характер записей позволяет использовать Дневник в качестве своеобразной описи при систематизации выявленных документов Яна Сапеги и определении степени сохранности его архива. Помимо этого они дают основание отнести к «архиву» Яна Сапеги имеющиеся в анализируемых коллекциях грамоты Василия Шуйского, письма его приверженцев, которые были перехвачены сапежинцами, а также многочисленные челобит-

ные Лжедмитрию II жителей уездов России, которые Ян Сапега, по всей видимости, оставил у себя[115].

В процессе систематизации выявленных бумаг удалось проверить и уточнить датировки многих документов архива Яна Сапеги. Выяснилось, что Лжедмитрий II, наемники, Сигизмунд III и его окружение в письмах на польском языке, адресованных Яну Сапеге, использовали принятый в Речи Посполитой григорианский календарь, а в отписках на русском языке — юлианский. Разница в календарях, по всей видимости, часто приводила к путанице, поэтому русские люди в своих отписках гетману стремились избегать точных дат. Весьма своеобразно датировал свои донесения Яну Сапеге ярославский воевода кн. Федор Барятинский. Вотписках 10 и 11 ноября 1610 г. он известил Яна Сапегу об отправке к нему из Ярославля посольств галичан и вологжан с повинными грамотами Лжедмитрию II. Секретари гетмана отметили в Дневнике, что эти посольства прибыли в лагерь у Троице-Сергиева монастыря 2 и 9 ноября 1608 г. Внешне даты в отписках кн. Федора Барятинского написаны как даты юлианского календаря, но числа, по всей видимости, поставлены по григорианскому календарю. Иначе получается, что посольства вологжан и галичан отбыли из Ярославля уже после того, как приехали к Яну Сапеге. Возможно, что аналогичным образом датировали свои отписки гетману владимирский, суздальский и угличский воеводы. Эти наблюдения свидетельствуют, что даты документов из «архива» Яна Сапеги нуждаются во всесторонней проверке[116].

Анализ данных Дневника и бумаг Яна Сапеги показывает, что в коллекциях сохранилась в основном входящая корреспонденция, исходящая почти полностью отсутствует. Немногие письма Яна Сапеги либо по каким-то причинам не были отправлены, либо отысканы среди бумаг адресатов. Вероятно, черновики исходящей корреспонденции в «архиве» Яна Сапеги не сохранялись. Многие выявленные документы Яна Сапеги в Дневнике не упоминаются. Секретари гетмана, по всей видимости, отмечали получение только самых важных документов и не фиксировали доставку обычных отписок и челобитных. Некоторые важные документы, упомянутые в Дневнике, не удалось отыскать среди бумаг анализируемых коллекций, что дает основание предположить, что найдена только часть доку-

ментов «архива» Яна Сапеги и что остальные, если они сохранились, еще предстоит отыскать.

Систематизация документов позволила составить обширный перечень документов Яна Сапеги и их упоминаний в Дневнике, который открывает возможность определения степени сохранности «архива». В анализируемых коллекциях наиболее полно представлена переписка Яна Сапеги с Лжедмитрием II, Р. Ружинским, А. Зборовским, «воровскими» боярами, с тушинской администрацией и жителями Замосковья в 1608—1609 гг., а также с руководством Речи Посполитой в 1610—1611 гг. В 1608—1609 гг. Яну Сапеге принадлежала вся полнота власти в Замосковье, а в 1610—1611 гг. он вел трудные переговоры с Сигизмундом III и его окружением о переходе наемного войска самозванца на королевскую службу. В данном случае имеется массовый документальный материал, который позволяет с большой точностью, в деталях проследить деятельность тушинской администрации на захваченных территориях и ее результаты, а также проанализировать политику, проводимую руководством Речи Посполитой в отношении России. Несколько хуже сохранились документы царя Василия Шуйского и его сторонников. Сапежинцы, судя по данным Дневника, захватили около десяти почтовых отправлений. Обнаруженные документы принадлежат только к двум. Переписка Яна Сапеги с польской администрацией в Москве, семибоярщиной, вождями первого земского ополчения, переписка с местными властями и населением в 1610—1611 гг., а также войсковые документы сохранились фрагментарно. Тем не менее, немногие отысканные документы, будучи проанализированными в контексте с данными Дневника, позволяют получить общие представления о характере информации, содержащейся в материалах этих разделов «архива» Яна Сапеги.

Важным дополнением к документам местных учреждений Замосковья, отложившимся в походной канцелярии Я.П. Сапеги, являются поместные акты *архива Арзамасской приказной избы,* которые были выявлены С.Б. Веселовским. Историк исследовал и опубликовал весь комплекс материалов за 1578—1613 г.[117] Он установил, что арзамасские поместные акты были затребованы в Москву после пожара 1626 г.[118] От времени царствования Василия Шуйского сохранилось немного докумен-

тов: за 1606 г. — 12; 1607 г. — 8; 1608 — 3; 1609 — нет; 1610 г. — 1[119]. Отчасти утраченные материалы можно восстановить с помощью ссылок на споры между землевладельцами в 1606—1610 гг., которые имеются в более поздних документах.

§ 4. Архив Мнишков и мемуары, вышедшие из их окружения

Активные организаторы первой самозванческой интриги и участники второй — Сендомирский воевода Ю. Мнишек с дочерью и сыновьями — собрали в семейном архиве много ценных материалов о Лжедмитриях I и II. В 1718, 1720, 1732 и 1736 гг. один из потомков Ю. Мнишка, великий маршалок коронный Мнишек, требовал у русского правительства выполнить обещания, данные самозванцами его предкам[120], и в конце-концов продал эти бумаги русскому правительству. В 1819 г. многие из них были опубликованы и вошли в научный оборот[121]. Нам удалось отыскать несколько ранее неизвестных писем Лжедмитрия II к «жене» и М. Мнишек, которые хранятся в Ску-Клостерском собрании Государственного архива Швеции[122]. Наибольшую ценность представляют жалованные письма, грамоты Лжедмитрия II Мнишкам, письма М. Мнишек к Сигизмунду III, Ю. Мнишку, влиятельным лицам в Речи Посполитой, которые проливают свет на позиции Мнишков и их приверженцев в движении самозванца.

Важные сведения о пребывании Мнишков в России содержит *Дневник Марины Мнишек 1604—1609 гг.*, который давно привлек внимание историков ценными записями, сделанными очевидцем русской Смуты по горячим следам событий. Начало научному изучению памятника положил польский историк Ян Альбертранди (1731—1808), который отыскал и скопировал рукопись для создаваемого по приказанию короля Станислава Понятовского собрания источников по истории Речи Посполитой. Копия Я. Альбертранди, в которой записи Дневника обрывались на 1607 г., легла в основу первых научных публикаций Дневника на языке оригинала и в русском переводе в 30—40-х гг. XIX в.[123] Автор недавней научной публикации Дневника В.Н. Козляков полагает, что протографом для Я. Альбертранди послужила неизвестная рукопись Ватиканской библиотеки[124]. Предположение исследователя вызывает со-

мнения. В конце XIX — начале XX в. историк-иезуит П. Пирлинг вел специальные разыскания источников по истории Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек в Ватиканской библиотеке, но, как видно из его публикаций, не обнаружил никаких следов рукописи Дневника Марины Мнишек[125]. Я. Альбертранди, как известно, наряду с Ватиканской библиотекой много работал в Шведских архивах[126]. В конце прошлого века А. Гиршберг, описывая польские рукописи библиотеки и архива графов Брагге в Государственном архиве Швеции, отметил, что в одной из них имеется список Дневника Марины Мнишек[127]. Эта находка осталась незамеченной В.Н. Козляковым и список не учтен при подготовке последнего научного издания памятника[128]. Нам удалось отыскать и проанализировать упомянутый А. Гиршбергом список Дневника Марины Мнишек. У него отсутствует начало и, как в публикациях Н.Г. Устрялова и А.И. Тургенева, отсутствуют записи за 1607—1609 гг.[129] Вероятно, этот список в свое время послужил протографом для копии Я. Альбертранди.

Во второй половине XIX в. Александр Гиршберг отыскал в библиотеке кн. Чарторижских в Кракове более полный список Дневника и несколько обширных фрагментов. Выяснилось, что памятник имеет оригинальное продолжение за 1607—1609 гг., которое развеяло всякие сомнения относительно его ценности. Исследователь осуществил второе научное издание памятника на языке оригинала, которое до настоящего времени не утратило своего научного значения[130]. В рукописи № 1654 музея Чарторижских имелась приписка копииста В. Добецкого, из которой следовало, что она скопирована в 1774 г. «со старой оригинальной рукописи, писанной Диаментовским, который присутствовал при той революции».[131] А. Гиршберг, основываясь на данных приписки, поддержал давно бытовавшее в литературе предположение, что автором Дневника является Вацлав Диаментовский — шляхтич из свиты Мнишков[132]. В конце 50-х годов нынешнего столетия А.И. Копанев и А.Г. Маньков издали русский перевод фрагмента Дневника за 1606—1607 гг., выполненный по тексту публикации А. Гиршберга[133].

В библиотеке Оссолиньских во Львове А. Гиршберг обнаружил списки Дневника № 196 и № 2414, в которых имелись прямые указания на то, что его автором был известный купец и мемуарист начала XVII в. Станислав Немоевский. Сопостав-

ление текста памятника с биографией и мемуарами С. Немоевского не оставили сомнений, что копиист намеренно фальсифицировал атрибуцию произведения[134].

В начале нынешнего века любитель русской истории — ярославский купец А.А. Титов получил копию Дневника, снятую с рукописи музея Чарторижских № 1633, часть которой (записи за 1607—1609 гг.) опубликовал в переводе Я. Яворской[135]. Во вступительной статье А.А. Титов упомянул, что рукопись № 1633 в свою очередь была копией, которую снял в 1817 г. Л. Голембиовский. Причем копиист оговорился, что переписал Дневник Авраама Рожнятовского — шляхтича из свиты Мнишков[136]. Эти данные позволили В. Кетжинскому пересмотреть ставшую уже традиционной атрибуцию произведения[137].

Недавно В.Н. Козляков вновь проанализировал списки и осуществил первый в русской историографии перевод полного текста Дневника Марины Мнишек, снабдив его вводной статьей, приложениями и обширными комментариями. Новая публикация, несомненно, представляет значительный шаг вперед в изучении и использовании памятника как исторического источника. Вместе с тем некоторые подходы к публикации вызывают сомнения. К примеру, исследователь признал, что наиболее полным и добротным является текст Дневника, изданный А. Гиршбергом (копия 1774 г.). Тем не менее, в основу своего перевода В.Н. Козляков положил текст копии, как он признает, менее полной рукописи музея Чарторижских № 1633 (копия 1817 г.), а текст А. Гиршберга привел в разночтениях. Причем из-за лакун текст Титовской копии пришлось выверять по микрофильму оригинала[138].

Произведение открывает краткий очерк «О Дмитрии Ивановиче», в котором, явно с чужих слов, рассказывается о появлении самозванца и завоевании им «отчего престола» в 1604—1605 гг.[139] Собственно дневниковые записи появляются в первой книге, посвященной событиям 1605—1606 гг., которые автор наблюдал как очевидец[140]. Будучи в ссылке в Ярославле в 1606—1608 гг., приближенный Мнишков был лишен возможности непосредственно наблюдать события русской Смуты, но, мечтая о свободе, он более-менее регулярно фиксировал в Дневнике то, что ему удалось разузнать[141]. Иногда ему удавалось скопировать или процитировать документы и письма, тайно

присланные Ю. Мнишку в Ярославль. Так оказались сохранены для потомков отчеты о переговорах послов с боярами 9 и 23 июня 1606 г.[142], письмо неизвестного поляка 20 ноября 1607 г.[143], два письма Николая де Мелло 25 октября 1607 г. и 7 февраля 1608 г.[144], два письма пана Комаровского 9 и 28 февраля 1608 г.[145], послания Ю. Мнишка 8 июня 1608 г. и польских послов 19 мая и 1 августа 1608 г.[146] Осенью 1608 г. автор Дневника был освобожден из плена, побывал в лагерях приверженцев самозванца у Троицы и в Тушине, о которых оставил весьма ценные свидетельства, и в начале 1609 г. покинул Россию[147].

В литературе бытует мнение, что Дневник после его написания не подвергался литературной переработке[148]. Реалии текста не подтверждают этого вывода. В записи за 18 ноября 1608 г. говорится: «Но здесь об этом не упоминаю, потому что есть достоверные дневники, где все расписано по времени»[149]. Между записями за 26 и 27 марта 1607 г. имеется замечание: «Немало обрадовало нас это послание, но когда в дальнейшем ничего не последовало, и радость со временем прошла»[150] «Досаждали нам также суровые морозы, лютые — почти всю зиму...»[151]. Помимо этого в Дневнике то и дело встречаются сообщения, начинающиеся со слов «В те дни...», «В то время...», «Тем временем...»[152]. Указанные замечания явно внесены в текст позже поденных записей и свидетельствуют о литературной обработке текста Дневника по возвращении на родину, которая, однако, не была радикальной и носила в основном уточняющий характер.

Источниковедческий анализ Дневника показывает, что памятник содержит ценную информацию, которую можно использовать как «ариаднову» нить для уточнения хронологии и выяснения деталей многих событий 1606—1608 гг., а также проследить изменения в умонастроениях людей того времени.

«История Дмитрия Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской» сразу же привлекла внимание исследователей, т.к. автором сочинения долгое время считался весьма осведомленный дворецкий Мнишков — Мартин Стадницкий[153]. Польский исследователь В. Кетжинский уточнил эту гипотезу, придя к выводу, что сочинение является компиляцией 60-х годов XVII в., в которой использованы Дневник М. Мнишек и, возможно, записки М. Стадницкого[154].

Рассказывая о злоключениях Марины Мнишек, у которой «жажда власти и мести была сильнее стыда и честности» и чья судьба «стала для всех предостережением», автор допустил много неточностей, которые показывают, что он никогда не был в Тушине и черпал свою информацию из вторых рук. К примеру, он утверждает, что М. Мнишек и ее отец выехали из Москвы и прибыли в Тушино в 1608 г. разными путями и что во время распада Тушинского лагеря И. Заруцкий будто бы увел казаков в Калугу и т. д. Яна Сапегу автор повествования называет то литовским гетманом, то сыном литовского гетмана, первую осаду Москвы Лжедмитрием II путает со второй[155]. Сомнительно, чтобы эти ошибки допустил дворецкий Мнишков, сын которого был полковником в Тушине[156]. Компилятор, как видно из приведенных данных, использовал неизвестное позднее сочинение, автор которого явно черпал свою информацию из вторых рук.

Несмотря на то, что большая часть тушинских документов утрачена, источниковедческий анализ сохранившихся архивных материалов и сочинений наемников позволяет отчасти восполнить потерянную информацию. В связи с этим особое значение имеет реконструкция русского «архива» Яна Сапеги 1608—1611 гг., которая впервые дает в распоряжение историков Смуты обширный массив документальных источников, вышедших из лагеря самозванца. Архивные материалы, будучи сопоставлены с данными дневников и мемуаров наемников, дают достаточно полные сведения о движении Лжедмитрия II и событиях в стране в 1607—1610 гг. Эти данные, собранные людьми М. Меховецкого, Р. Ружинского, Я. Сапеги и Ю. Мнишка, политические взгляды которых явно не совпадали, поддаются взаимной проверке, дополняют и уточняют содержащуюся в них информацию.

Выявленный массив тушинских источников позволяет критически проанализировать данные правительственных источников, как документальных, так и нарративных, по-новому оценить информацию шведских и польских правительственных материалов, показания современников-иностранцев, что в конечном счете дает возможность с большей точностью судить о событиях Смуты в 1607—1610 гг. и выяснить роль, которую сыграло в нем движение самозванца.

Примечания

[1] Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. Ossolineum. № 168. Л. 527—527 об.

[2] Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 539—540.

[3] Kraushar F. Obrazy i wizerunki historicznie. Warszawa, 1906. S. 346—347.

[4] ОР НБУАН. Ф. 5. № 1388. Л. 71—73.

[5] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD) Rkp. Arch. Radz. Dz. V. T. 44. № 193.

[6] ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Уа. Л. 283—284 об.

[7] Oddial Rukopisów Biblioteki Polskieij Akademii Naukowiej w Krakówie (OR BPAN). Chart. № 342. Л. 512—518; Teki Naruszewicza № 103. Л. 725—728; ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Уа. Л. 286.

[8] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1884. Т. 8. Стб. 77—82.

[9] Отписка рославльского воеводы кн. Д.А. Горбатого-Мосальского мстиславльскому державцу П. Пацу в начале 1607 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 75. С. 101; Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 326.

[10] ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 253—254; № 168. Л. 540.

[11] Маслов Ф.И. Масловский архив 1569—1631 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1916. Кн. 2. Отд. 1. С. 1—128.

[12] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 10. Прим. 27.

[13] Сказание современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1.

[14] Буссов К. Московская хроника. 1584—1613 гг. М.; Л., 1861.

[15] Буссов К. Указ. соч. С. 150; Будила Й. История ложного Дмитрия // РИБ. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 130.

[16] Буссов К. Указ. соч. С. 117—118.

[17] Буссов К. Указ. соч. С. 151. Ср.: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 252.

[18] Буссов К. Указ. соч. С.151.

[19] Буссов К. Указ. соч. С. 144, 146, 150, 151 и др.

[20] Буссов К. Указ. соч. С. 158.

[21] BPAN. Ms. 360. Л. 609.

[22] Буссов К. Указ. соч. С. 154.

[23] BPAN. Ms. 345. № 61; ОР НБУАН. Ф. 103. Собр. Сапег. № 556/ Уа. Л. 195—196.

[24] Будила Й. Указ. соч. Стб. 81—364; Budziło J. Wojna moskiewska. Wrocław, 1995.

[25] Biblioteka Czartoryskich w Krakówie. Teki Naruszewicza. № . 214. S. 665—790 (копия); № 180. S. 525—530; № . 192. S. 577—582; № 218. S. 829—830; № 245. S. 891—899, № . 283. S. 1015—1017 (извлечения).

[26] Будила Й. Указ. соч. Стб. 81—364.

[27] Tyszkowski K. Józef Budziło // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1937. T. 3. S. 101.

[28] Byliński J., Długosz J. Wstęp // Budziło J. Wojna moskiewska. S. 28—30.

[29] Ibid.

[30] Kognowicki K. Życie J.P. Sapiehi // Życie Sapiehów. Wilno, 1791. T. 2. S. 33—34.

[31] Будила Й. Указ. соч. Стб. 124—126.

[32] Там же. Стб. 136—151.

[33] Будила Й. Указ. соч. Стб. 151; Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12.60. С. 66—67: Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 219.

[34] Челобитная Лжедмитрию II донских казаков в июле 1609 г. // АИ. Т. 2. № 239. С. 281—282; Отписка боярина И. Наумова Я. Сапеге 28 июля (8 августа) 1609 г. о походе А. Лисовского к Костроме // СХ. № 12.69. С. 74—76.

[35] Палицын А. Сказание. М.; Л. 1955. С. 145, 182.

[36] Будила Й. Указ. соч. Стб. 151—161.

[37] Там же. Стб. 161—185.

[38] Там же. Стб. 185—193.

[39] Там же. Стб. 210—222.

[40] Там же. Стб. 224 и др.

[41] Письма Й. Будилы и других пленников Сигизмунду III и Я.К. Ходкевичу с просьбой о помощи // Malewska H. Listy staropolski z epoki Wazów. Warszawa, 1977. S. 133—137.

[42] Budziło J. Wojna moskiewska. Wrocław, 1995.

[43] История ложного Дмитрия // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Польск. F. IV.33.

[44] Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Водяные знаки рукописей России XVII в. (По материалам Отдела рукописей ГИМ). М., 1980. № 1255—1257, 1261—1262.

[45] На форзаце рукописи имеется запись почерком XIX в.: «На странице 111 помещена история самозванца, сочиненная Товяньским Жмудиным», напечатанная в Zycii Sapiechów. Изд. 1791 г. Когновицкого сходно до конца 113 листа на обороте. В рукописи рассказывается о событиях в Москве, избиении угличан, смерти Федора и избрании Годунова. Единственное упоминание рукописи Товяньского, которое нам удалось обнаружить: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. IV. С. 677.

[46] Петрей П. История о Великом княжестве Московском // ЧОИДР. 1865. Кн. 4. Отд. III.

[47] Будила Й. Указ. соч. Стб. 124—129.

[48] Там же. Стб. 125—126, 134; List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła (?) 9 (19) października 1607 г. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 1388. Л. 70—71; List S. Kurowskiego do Waskowskiego 20 (30) listopada 1607 г. // Там же. № 5998/III Уа. Л. 286.

[49] Будила Й. Указ. соч. Стб. 134—136.

[50] Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev. E. 8597. Рукопись является копийной книгой, в которую, по-видимому, в архиве канцлера Л. Сапеги в первой половине XVII в. были включены важнейшие польские дипломатические документы 1609—1610 гг. К сожалению, она не имеет пагинации, что затрудняет точные ссылки. Ее описание выполнено А. Гиршбергом. См.: Hirschberg A. Z wycieczki naukowej do Szwecyi // Kwartalnik historichny. Lwów, 1896. S. 118—156.

[51] Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev. E. 8597.

[52] Посольство думного дьяка Лжедмитрия II Ф.В. Лопухина к Сигизмунду III, январь—март 1609 г. // Сборник Русского исторического общества (РИО). М., 1913. Т. 142. С. 5—37.

[53] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АЗР). СПб., 1851. Т. 4. № 180—181. С. 314—317; Сборник РИО. Т. 142. С. 58—75.

[54] Сборник РИО. Т. 142. С. 5—37; Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 148—175.

[55] Бутурлин Д. История Смутного времени в России. СПб., 1841. Ч. 2. Прил. № 7.

[56] Elementa ad fontium editiones. Wyd. K.H. Talbot. Romae, 1962. S. 9.

[57] РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 218—221.

[58] Отписка ивангородского воеводы кн. И.Ф. Хованского коменданту Нарвы М. Олафсону в октябре 1608 г. // Riksarkivet. Extrenia. Moscovitica. Box 156.1; Послание псковского наместника кн. А.Ф. За-

секина дерптскому державцу Бормовскому в июне 1609 г. о присылке вспомогательного войска // АИ. Т. 2. № 258. С. 271—281.

[59] Marchocki M.S. // Polski Słownik biograficzny. Warszawa, 1974. S. 553.

[60] Ibid.

[61] ОР НБУАН. Ф.5. № 5268/I (здесь же находятся семейные документы Мархоцких № 4042/I); Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8603. Фрагмент мемуаров М. Мархоцкого.

[62] Marchocki M.S. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841.

[63] Marchocki M.S. Op. cit. S. 27.

[64] Borkowski P.D. // Polski Słownik biograficzny. Kraków, 1936. S. 336.

[65] Gosiewski A. // Polski Słownik biograficzny. Warszawa, 1959—1960. S. 339—340.

[66] Marchocki M. S. Op. cit. S. 21—22, 66, 88, 121, 146—147.

[67] List L. Sapiehi do Zygmunta III // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 4. № 556/Va. Л. 90—90 об.; Sapiehowie. SPb., 1860. T. 1. S. 198.

[68] В начале XVII в. Россия жила по юлианскому календарю, а Европа — по григорианскому. Использование разных календарей в источниках, написанных участниками событий, породило много путаницы в их интерпретации. Во избежание подобных недоразумений мы используем оба календаря. Первая дата дана по юлианскому календарю, в скобках — по григорианскому.

[69] Sapiehowie. S. 198.

[70] Kognowicki K. Op. cit. S. 175—250;

[71] И.С. Выписка из дневника московского похода Яна Сапеги 1608—1611 гг. // Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. № 1/2. Отд. 3. С. 29—64. Оригинал перевода «Выписки» находится в архиве Санкт-Петербургского отделения Института российской истории Российской академии наук (АСПбФИРИ РАН). К. 237. Собр. П.А. Муханова. Св. 5. № 30.

[72] В настоящее время она хранится в Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге. См.: Ульяновский В.И. «Русское дело в Северо-Западном крае» через призму історії магнатських архівів Сапэг та Радзивіллів. Київ, 1998. С. 26.

[73] Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Соч. СПб., 1904. С. 329.

[74] Криксин В.С. Дневник Яна Сапеги по списку Рубинковского // Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС). 1908. Т. 13. Кн. 4. С. 151—168.

[75] Булгарин Ф. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. СПб., 1839. Ч. 2. С. 273—274; Tyszkiewicz E. Listy o Szwecii. Wilno, 1846. T. 1. S. 149.

[76] Hirschberg A. Polska a Moskwa. Lwów, 1901. S. 166—174.

[77] Копия Дневника Яна Сапеги А. Гиршберга и выписки Л. Пташицкого хранятся в ОР НБУАН. Ф.5. № 6000/III; Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa. Lwow, 1901. S. 177—323.

[78] Криксин В.С. Рец. на кн.: Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. T. 1. // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1903. № 348. Авг. С. 445—452; Его же. Дневник Яна Сапеги по списку Рубинковского. С. 151—168.

[79] Загребин В.М. Альбом филиграней. Л., 1982. К сожалению, в Швеции мы не имели возможности воспользоваться альбомами и не смогли более точно идентифицировать филиграни рукописи с изображением кувшина.

[80] Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Водяные знаки рукописей России XVII в.: (По материалам Отдела рукописей ГИМ). М., 1980.

[81] Там же.

[82] Riksarkivet. Skoklostersmlingen. Ryska brev. E. 8610 (2).

[83] Ibid. E. 8610 (1).

[84] Ibid. S. 9(1); Криксин В.С. Дневник. С. 154, 157.

[85] Riksarkivet. Skoklostersmlingen. Ryska brev. E. 8610 (1). S. 11(3); Sapieha J.P. Op. cit. S. 179—180.

[86] Криксин В.С. Дневник. С. 154, 157; Sapieha J.P. Op. cit. S. 244—245, 321—323.

[87] Криксин В.С. Рец. С. 446—447.

[88] Sapieha J.P. Op. cit. S. 196—197, 218—220, 230—231, 241—356.

[89] Выпись вылазкам из Троице-Сергиева монастыря в октябре 1608 — марте 1609 гг. // АИ. Т. 2. № 181.3. С. 241—242; Повесть о победах Московского государства. Л., 1978. С. 11; Sapieha J.P. Op. cit. S. 189—191, 231, 235, 238—241.

[90] АСПбФИРИ РАН. К. 124. Собр. С.В. Соловьева. Оп. 1; К. 174. Собр. Актов до 1613 г. Оп. 2, К. 237. Оп. 1. Р. 3; ОР НБУАН. Ф. 5. N 5998/III, Ф. 105. Оп. 1 и 4; OR BPAN. Ms. 345, 360; Riksarkivet. Skoklostersmlingen. Polska brew. E. 8604.

[91] Сборник Хилкова. СПб.,1879; Sapieha J.P. Op. cit. S. 191—233.

[92] Будила Й. Указ. соч. Стб. 207; Sapieha J.P. Op. cit. S. 268.

[93] Акты археографической экспедиции (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. С. 226; Sapieha J.P. Op. cit. S. 218, 233. Апрельская грамота М.В. Ско-

пина-Шуйского не сохранилась, поэтому для сопоставления использована майская грамота, в которой повторены строки предыдущей. В мае М.В. Скопин-Шуйский указывал численность шведов меньшую, чем в апреле. Ср.: ААЭ. Т. 2. № 115. С. 219—220; Расспросные речи И. Дмитриева // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (2). № 87.

[94] Sapieha J.P. Op. cit. S. 179—186, 194—197, 205, 207, 211—213, 288.

[95] Hirschberg A. Polska a Moskwa. S. 167—174.

[96] Протоколы заседаний Археографической комиссии (ПЗАК) за 1835—1840 гг. СПб., 1885. Вып. 1. С. 328; Флоря Б.Н. Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 319—321.

[97] АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1.; К. 145; К. 174. Оп. 2; OR BPAN. Ms. 345, 360; ОР НБУАН. Ф. 103; Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev. E. 8604, Ryska briev. E. 8610 (1 и 2); Российский государственный архив древних актов в Москве (РГАДА). Ф. 1204. Шведские микрофильмы (новые поступления). Рул. 133. Ч. 2.

[98] Sapiehowie. S. 198.

[99] Ульяновський В. Русское дело. С. 15.

[100] Kognowicki K. Op. cit. Noty; Сборник Муханова. СПб., 1836. С. 171—174; Записки гетмана Станислава Жолкевского. СПб., 1871. Прил.; Копии Муханова хранятся: АСПбФИРИ РАН. К. 237. Оп. 1. № 1.

[101] ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 4. № 556/Уа; Ф. 5. № 5998/III; Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 320; Мы благодарны Вацлаву Урбану, любезно предоставившему микрофильм документов Рожанского собрания.

[102] Булгарин Ф. Указ. соч. С. 256—257; Malinowski M., Przezdzecki A. Zródła do dziejów Polskieh. Wilno, 1844. S. 345. Nota; Tyszkiewicz E. Listy o Szwecyi. Wilno, 1846. T. 1. S. 117—149; Hirschberg A. Z wycieczki naukowej do Szwecyi // Kwartalnik historichny. Lwów, 1896. T. 10. S. 92—112; Чумиков А. Две ведомости, присланные из Москвы в Вильно в 1609—1610 гг. // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. Смесь С. 38—51; Готье Ю. Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. М., 1912. Предисловие.

[103] Московский Телеграф. 1833. Ч. 51. № 9. С. 170—173; Муханов П.А. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши. М., 1834. С. 251—252; Копии этих документов, снятые П.А. Мухановым, хранятся в АСПбФИРИ РАН. К. 237. Оп. 1. Св. 3. Ед. хр. 22, 29. Л. 8; Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК). СПб., 1864. Вып. 3. С. 14; ОР НБУАН. Ф. 5. № 1389/II. Л. 1, 58.

[104] Malinowski M., Przezdzecki A. Op. cit. S. 345. Nota; Tyszkiewicz E. Ibid; Чумиков А. Указ. соч. С. 38—51; Hirschberg A. Ibid; Готье Ю. Указ. соч. С. 1—2.

[105] ПЗАК, 1835—1836 гг. С. 304—305, 383, 578—580; АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1; К. 174. Оп. 2; Иванов Ю.А. Документы русских архивов начала XVII в. в коллекции С.В. Соловьева // Археографический ежегодник (АЕ) за 1983 г. М., 1984. С. 92.

[106] Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Ryska brev. E. 8610(2); РГАДА. Ф. 1204. Рул. 133. Ч. 2.

[107] Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Ryska brev. E. 8610(2). № 3, 16, 28, 104; АИ. Т. 2. № 310. С. 366; АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 400; К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 301—302.

[108] Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev. E. 8604. (Мы благодарны К. Таркиайнену, указавшему нам на эти документы).

[109] ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 41—58; Оп. 4. № 556/Уа.

[110] Ульяновський В. Русское дело. С. 18.

[111] ЛЗАК за 1865—1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. С. 14—81; Сборник Хилкова (СХ). СПб., 1879. С. 1 и др.; АСПбФИРИ РАН. К. 145.

[112] ЛЗАК за 1865—1866 гг. С. 48—54; ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 52.

[113] Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 319—322; ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 68.

[114] Kognowicki K. Op. cit. Noty.; Malinowski M., Przezdzecki A. Op. cit. S. 345; Inwentarz rękopisow Biblioteki zakładu narodowego im. Ossolińskich we Wrocławu. Warszawa, 1966. T. 3. № 1884; Sapieha J.P. Op. cit. S. 313; АСПбФИРИ РАН. К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 138.

[115] Тюменцев И.О. Дневник Яна Сапеги 1608—1611 гг. как исторический источник // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб.; Киев, 1993. С. 35—43.

[116] СХ. № 12.13, 12.14, 12.26, 12.48; АИ. Т. 2. № 134, 183; Sapieha J.P. Op. cit. S. 196—197.

[117] Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. М., 1915.

[118] Там же. С. 5.

[119] Там же. С. 281—376.

[120] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Прим. № 322. С. 66.

[121] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГ и Д). М., 1819. Ч. 2. В настоящее время они находятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ф. 149. Дела о самозванцах. Оп. 1. № 1—70. У себя Мнишки оставили копии, из которых была

составлена особая рукопись переписки членов рода с коронованными особами и видными политическими деятелями (ОР НБУАН. Ф. 5. № 2431/II).

[122] Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[123] Дневник Марины Мнишек и Послов Польских // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. 4. С. 1—109; Акты исторические, относящиеся к истории России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А.И. Тургеневым. СПб., 1842. Т. 2. С. 155—196.

[124] Козляков В.Н. Дневник Марины Мнишек — памятник Смутного времени // Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 13.

[125] Пирлинг П. Марина Мнишек после майского погрома // Русская старина. 1903. Февраль. С. 235—258; Его же. Дмитрий Самозванец. М., 1912.

[126] Malinowski M., Przezdziecki A. Op. cit. S. 345. Nota.

[127] Hirschberg A. Z wycieczki naukowej do Szwecyi. S. 142.

[128] Козляков В.Н. Указ. соч. С. 15—16.

[129] Riksarkivet. Skoklosterlingan. E. 8597. Л. 1—30.

[130] Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwów, 1901.

[131] Hirschberg A. Polska a Moskwa. S. 5.

[132] Ibid.

[133] Восстание И.И. Болотникова. Документы и материалы / Сост. А.И. Копанев и А.Г. Маньков. М., 1959. С. 165—175.

[134] Hirschberg A. Polska a Moskwa. S. 6.

[135] Титов А. Дневник Марины Мнишек (1607—1609 гг.). М., 1908. Переводчик установлен В.Н. Козляковым.

[136] Титов А.А. Дневник Марины Мнишек. С. 11.

[137] Ketzyński W.Dyaryusze Wacława Dyamentowskiego i Marcina Stadnickiego o wyprawie cara Dimitra // Przeglą d historyczcny. 1908. T. 7. № 3. S. 265—275.

[138] Козляков В.Н. Указ. соч. С. 17—18.

[139] Дневник Марины Мнишек. Л., 1995. С. 25—30.

[140] Там же. С. 31—62.

[141] Там же. С. 62—122.

[142] Там же. С. 63—70.

[143] Там же. С. 97—100.

[144] Там же. С. 97—100, 105.

[145] Там же. С. 105—108.

[146] Там же. С. 113—114, 119—120.

[147] Там же. С. 122—134.

[148] Смирнов И.И. Обзор источников о восстании И.И. Болотникова // Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 39.

[149] Дневник Марины Мнишек. С. 127.

[150] Там же. С. 86.

[151] Там же. С. 106.

[152] Там же. С. 75, 79, 110.

[153] История Дмитрия Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 129—174; № 6. С. 130—131, 177—222.

[154] Ketzynski W. Op. cit. S. 265—275; Смирнов И.И. Обзор источников. С. 38. Прим.; Долинин Н.П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И.И. Болотникова // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 467.

[155] История Дмитрия Московского... С. 181—182, 191—192, 211.

[156] Немоевский С. Записки (1606—1608) // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6. С. 278—279, 287.

ГЛАВА 2

САМОЗВАНЧЕСКАЯ ИНТРИГА 1606—1607 ГГ.

Обстоятельства подготовки и выдвижения Лжедмитрия II до последнего времени остаются невыясненными. В современной литературе имеются различные суждения относительно того, какие силы и с какой целью инициировали новую самозванческую интригу. Продолжает бытовать точка зрения, согласно которой Лжедмитрий II — Тушинский вор, или «царик», как его чаще называли современники, — был ставленником правящих кругов Речи Посполитой[1]. Иное мнение высказали Я. Мацишевский, В.Д. Назаров, Б.Н. Флоря, которые считают, что король Сигизмунд III, канцлер Лев Сапега и их советники никакого отношения к подготовке Лжедмитрия II не имели и о «скрытой интервенции Речи Посполитой против России» можно говорить только после появления в стане Тушинского вора отрядов Яна Сапеги[2]. У истоков самозванческой интриги Тушинского вора, как полагает Р.Г. Скрынников, стояли русские повстанцы, а питательной почвой самозванчества явилось недовольство широких слоев русского народа существующим государственным порядком[3]. Создатели легенды Лжедмитрия II о его чудесном спасении от рук убийц, по мнению В.К. Чистова, как и другие самозванцы, эксплуатировали бытовавшие в народе социально-утопические легенды о царях-избавителях[4]. С этим выводом не согласна английская исследовательница М. Перри, которая показала, что организаторы самозванческих интриг сами инициировали легенды и слухи о спасении «царевичей» и при этом использовали народную религиозность, наивную мессианскую веру русских людей в «прирожденного царя-избавителя», а не уже существующие народные социально-утопические легенды. Она решительно оспорила вывод советских историков, что самозванство явилось формой антифеодального протеста русского народа[5]. В ее исследованиях самозванство незаметно утратило свои социальные корни и стало выглядеть, как у Н.М. Карамзина, источником «безумного буйства народного»[6]. Прояснить все эти вопросы, по нашему мнению, возможно, проанализировав и сопоставив обстоятельства появления Лжедмитрия II и других самозванцев в 1606—1607 гг.

§ 1. Казацкие самозванцы

Историки, изучая обстоятельства появления казачьих самозванцев в 1606—1607 г., отметили, что ни один из них не смог стать признанным вождем повстанческого движения в России. Эту проблему болотниковцам удалось решить только после выдвижения Лжедмитрия II[7]. Исследователи акцентировали внимание на одной стороне явления, упустив из виду вторую. Самозванец — «царевич Петр Федорович», *Лжепетр,* мнимый сын царя Федора Иоанновича — объявился на Тереке зимой 1605/1606 г. задолго до гибели Лжедмитрия I[8]. Краткая версия легенды Лжепетра, датированная апрелем 1606 г., содержится в мемуарах Ж. Маржарета, который покинул Россию в том же году. Казаки, как свидетельствует капитан мушкетеров, утверждали, что «Царь Петр... — истинный сын императора Федора Иоанновича, сына Иоанна Васильевича и сестры Бориса Федоровича, правившего после Федора, который родился около 1588 г. и был тайно подменен, так как, по их словам, на его место подставили девочку, которая умерла в возрасте трех лет...»[9]. В полном объеме легенда Лжепетра впервые была записана с его слов в канцелярии Оршанского старосты А. Сапеги в январе 1607 г. и переправлена Сигизмунду III[10]. Позднее эта запись стала самостоятельным литературным произведением известным как «Сказание о Петре-Медведке»[11]. Согласно пространной версии легенды жена царя Федора Иоанновича Ирина, узнав о замыслах брата Бориса Годунова захватить престол, якобы отдала новорожденного сына вдове Анне Васильевой, которая жила в селе Братошино близ Москвы. Борису Годунову царица будто бы сказала, что родила пулучеловека-полумедведя. Вдова тайно вырастила «царевича» и рассказала ему, кто он на самом деле только после того, как Борис Годунов погубил его отца и мать. Узнав об этом, «*юноша бежал со стрельцами в Астрахань, где жил до смерти Бориса Годунова, не открывая, кто он такой на самом деле*». После воцарения «царя Дмитрия» Лжепетр якобы открылся купцу по прозвищу Козел, с которым приехал в Москву к «дяде» в день его гибели. Проведав о чудесном спасении «царя Дмитрия», «племянник» к 8 (18) сентября 1606 г. будто бы перебрался в Смоленск, а оттуда 26 ноября (6 декабря) 1606 г. выехал на поиски дяди в окрестности

Витебска[12]. Эта легенда была вскоре доведена до сведения русских послов в Речи Посполитой[13]. Примечательно, что ту же версию легенды, как видно из записок С. Немоевского, сообщили москвичам повстанцы, после выступления Лжепетра в поход из Путивля в начале 1607 г.[14]

М. Перри, ссылаясь на записки С. Немоевского, пришла к выводу, что уже в мае 1606 г. новый царь Василий Шуйский заявил, что Лжепетр в действительности является незаконнорожденным сыном кн. И.М. Воротынского, прижившего его вне брака с одной распутной женщиной из Пскова[15]. Исследовательница не учла, что сочинения С. Немоевского являются мемуарами, а не дневником. Запись 15 (25) июля 1606 г. содержит хронологические реалии более позднего времени — указание на выступление Лжепетра в поход из Путивля (начало 1607 г.)[16], поэтому появление данной версии нельзя датировать маем 1606 г. Следует также иметь в виду, что эта версия не фигурирует ни в одном русском официальном документе и, как видно из записок С. Немоевского, распространялась приверженцами В. Шуйского в народе в виде слухов[17]. Во всяком случае, в декабре 1606 г. русские послы в Речи Посполитой кн. Г.К. Волконский и А. Иванов не смогли сообщить на этот счет ничего определенного[18].

Первые достоверные сведения о самозванце московским властям удалось получить к апрелю 1607 г., когда была отыскана его семья. Русские послы, согласно царскому наказу, должны были сообщить в Крыму, что «царевичем Петром» назвался терской казак Илейка, бывший холоп сына боярского Григория Елагина[19]. Эти сведения почти полностью подтвердились в октябре 1607 г., когда Лжепетр попал в плен и на пытке дал показания[20]. Спасая свою жизнь, Илейка Коровин постарался представить себя жертвой обстоятельств. В его рассказе правда переплеталась с вымыслом и умолчаниями. Он заявил, что якобы был незаконнорожденным сыном муромского сапожника, после смерти отца и матери еще в отроческом возрасте бежал из дома и с торговыми людьми ходил в качестве кашевара на судах по Волге от Астрахани до Москвы. Здесь, на Нижней Волге, он был кашеваром, служилым казаком, холопом и, наконец, вольным казаком[21]. Материалы посольства в Крым показывают, что на счет семьи и сиротского детства Илейка Коровин лгал. Мать, сестры и жена, о которой он даже не упоминает, были живы и

хорошо известны властям[22]. Возможно, самозванец таким образом пытался спасти свою семью. В описаниях своих похождений по Волге, как показывают источники, вышедшие из правительственного лагеря, в основном говорил правду[23].

О.М. Бодянский, издавая в прошлом веке «Сказание о Петре-Медведке», высказал сомнение в том, что Лжепетр, искавший в Речи Посполитой «царя Дмитрия», и Лжепетр, действовавший в России, был одним и тем же лицом[24]. Исследователи до последнего времени не придавали значения этим сомнениям[25]. Лишь недавно М. Перри вернулась к гипотезе О.М. Бодянского, отметив, что нет никаких доказательств, опровергающих сомнения историка[26]. С этим утверждением трудно согласиться. В главных деталях версии легенды Лжепетра, зафиксированные Ж. Маржаретом, секретарями А. Сапеги и С. Немоевским, совпадают[27]. Это явно записи одной и той же легенды. Помимо этого в «Сказании о Петре-Медведке» имеются волжские сюжеты[28], появление которых можно объяснить только тем, что Лжепетр, приехавший в Речь Посполитую искать «царя Дмитрия», и Илейка Коровин — одно и то же лицо. Эти наблюдения рассеивают сомнения О.М. Бодянского и М. Перри. Легенда Лжепетра, как показывает анализ, создавалась по образу и подобию легенды Лжедмитрия I (намерение Бориса Годунова убить царевича, подмена его матерью, тайное воспитание и т. д.). В обеих легендах вымысел неуклюже сочетался с реальными фактами биографии самозванцев.

На допросе в Москве Лжепетр детально рассказал, как родилась самозванческая интрига, постаравшись возложить всю вину за происшедшее на терских казаков — ветеранов движения Лжедмитрия I, которые заставили его играть роль «царевича»[29]. Рассказу самозванца можно доверять, т.к. его подтвердил дворянин Баим Болтин — человек, весьма осведомленный в делах Поволжья, которого нельзя заподозрить в симпатиях к самозванцу и его товарищам[30]. Казаки, по словам Илейки Коровина, обласканные самозванцем, вернулись на Терек из Москвы в конце 1605 г. и начали готовиться в поход в Закавказье на Куру против турских людей[31]. Эти приготовления, по всей видимости, не были случайными. Лжедмитрий I намеревался в 1606 г. предпринять широкомасштабную войну против «неверных» турок и крымчаков. Со времен Ивана Грозного московс-

кие государи в таких случаях обращались за помощью к «вольным» казакам, присылали им «жалование», разрешали приобретать оружие и снаряжение в пограничных городах. Вольных казаков ожидало разочарование. Самозванец, истратив огромные суммы на дворян, никакого жалования не прислал. В суровой казацкой доле ровным счетом ничего не изменилось. Казаки, как прямо указывает Илейка Коровин, решили, что в их бедах повинны «лихие бояре», вновь обманувшие царя[32]. На войсковом круге, по свидетельству самозванца, всерьез обсуждался переход на службу персидскому шаху Аббасу, но возобладало предложение атамана Федора Бодырина и его товарищей, которые убедили казаков идти к царю в Москву искать справедливости[33]. В то время любое продвижение по Тереку и Волге мимо городов и крепостей со значительными гарнизонами было невозможно без специального разрешения царя[34]. Воеводы из «лихих бояр» наверняка воспрепятствовали бы казакам пройти в столицу. Тогда-то терцы и придумали выдвинуть из своей среды нового самозванца — «царевича Петра Федоровича»[35]. Препровождение «принца крови», пусть мнимого, давало весьма удобный повод для похода на Москву и открывало широкие возможности для оправданий перед «царем Дмитрием». Вероятно, по этой причине в качестве кандидатов в «царевичи» избрали двух молодых казаков-«чуров», а не опытного атамана-терца[36]. В конце-концов выбор пал на Илейку Коровина, потому что он бывал в столице, полгода жил у подьячего Дементия Тимофеева в приказе у дьяка Василия Петровича Маркова-Кличева и немного познакомился со столичными приказными порядками[37]. Приведенные факты свидетельствуют, что М. Перри права: атаманы сами создали легенду о Лжепетре, а не использовали уже готовую народную социально-утопическую легенду. Вместе с тем, вопреки мнению исследовательницы, самозванческая интрига была рождена казачеством, а не наоборот. Лжепетр, в отличие от Лжедмитрия I, не был инициатором и вождем нового движения, а лишь его символом. М. Перри права и в том, что казаки не выдвигали крестьянской антифеодальной программы. Но нельзя не видеть, что зарождающееся движение имело ярко выраженные социальные черты и отнюдь не было спровоцированным самозванцем стихийным бунтом. Казаки выступили против «лихих бояр», якобы

помешавших «царю Дмитрию» жаловать их, как жаловал царь Иван Грозный. Они явно добивались пересмотра политики «огосударствления» вольного казачества, начатой Борисом Годуновым и продолженной в 1605—1606 гг.[38]

Первое, что сделали казаки после принятого на Круге решения: отправили в Москву гонца к «дяде» с известиями о Лжепетре[39]. Автор Нового летописца сообщил, что казаки будто бы требовали освободить трон для племянника — прямого наследника старшего сына Ивана Грозного[40]. М. Перри совершенно справедливо полагает, что это домыслы позднего летописца[41]. Казаки, судя по последующей реакции на грамоту, ограничились сообщениями о Лжепетре, попросили разрешения прибыть в Москву[42]. Не дожидаясь ответа, станичники выступили в поход. Р.Г. Скрынников, опираясь на свидетельство Ж. Маржарета, полагает, что поход казаков и Лжепетра весной 1606 г. в Поволжье сопровождался восстаниями «черни» в ряде Поволжских городов[43]. Лжепетр в своих показаниях о походе казаков вверх по Волге ничего не сообщил о грабежах. Отряд Федора Бодырина, по его словам, двинулся вниз по Тереку к Астрахани и увлек за собой едва ли не всех терских и юртовских казаков. Терскому воеводе Петру Головину пришлось уговаривать казаков, чтобы осталась хотя бы половина «для прихода воинских людей»[44]. Астраханский воевода кн. И.Д. Хворостинин, как свидетельствует Илейка Коровин, не пустил казаков в город, но и не пытался их остановить. Повстанцы двинулись вверх по Волге, пополняя свои отряды станицами волжских и донских казаков и беглым людом[45]. Вдостоверности показаний самозванца можно было бы усомниться, однако Б. Болтин, не испытывавший никаких симпатий к Лжепетру и его товарищам, ни словом не обмолвился о разбое казаков во время похода вверх по Волге[46]. Голландский купец И. Масса подтверждает версию самозванца, утверждая, что Лжепетр грабил корабли, *«шедшие из Астрахани»*, то есть уже на обратном пути[47]. Автор Нового Летописца обвинил Лжепетра в убийстве царицынского воеводы Ф.П. Чудинова-Акинфова и посла кн. И.П. Ромодановского[48]. Но это свидетельство явно недостоверно. Дети Ф.П. Чудинова-Акинфова в своей челобитной царю указали, что их отца убил летом 1607 г. самозванец Иван-Август после захвата Царицына[49]. Кн. И.П. Ромодановский, как видно из «Хро-

ники кармелитов», также был убит Иваном-Августом, а не Лжепетром[50]. Казаки «препровождали» Лжепетра к Лжедмитрию I и в надежде на справедливость, по-видимому, старались не давать «лихим боярам» повода для обвинений в измене «царю Дмитрию». Это, судя по всему, и помогло им беспрепятственно миновать недавно построенные волжские крепости Царицын, Саратов и в Самаре получить у посланца Лжедмитрия I Третьяка Юрлова проезжие грамоты с приказом идти в Москву «наспех»[51]. Лжедмитрий I, вероятно, понял, что репрессии против казаков на Волге могут привести к непоправимым последствиям. В Москве же самозванца легко можно было разоблачить и устранить, а его казаков использовать против назревающего боярского заговора[52].

Грамоты Лжедмитрия I убрали последние официальные препятствия на пути в Москву и, вероятно, уверили казаков в том, что они затеяли нужное дело. Повстанцы поплыли к Казани[53]. Благодаря грамотам они смогли избежать столкновения с правительственным войском боярина Ф.И. Шереметева, которое, как установил И.И. Смирнов, Лжедмитрий I отправил из Казани в Астрахань[54]. Встреча, по-видимому, произошла где-то между Казанью и Самарой до 25 июня (5 июля) 1606 г., когда, будучи в Самаре, Ф.И. Шереметев узнал о гибели Лжедмитрия I[55]. Казаки к тому времени смогли беспрепятственно миновать Казань, Свияжск и достигли Вязовых гор, где получили весть, что в Москве «лихие бояре» убили доброго царя Дмитрия[56]. До этого момента Лжепетр и его товарищи, как видно из приведенных данных, неизменно выступали за «царя Дмитрия» и вплоть до его смерти проявляли лояльность к местным властям. Вместо того чтобы вести широкую агитацию в народе и поднять его на восстание за своего кандидата, атаманы обратились за помощью к Лжедмитрию I и получили разрешение прибыть в столицу. Гипотеза М. Перри о том, что организаторы интриги, создавая легенду Лжепетра, пытались играть на «монархических иллюзиях русского народа», не находит подтверждения в источниках. Движение вольных казаков родилось в дополнение, а не в противовес к движению Лжедмитрия I, под лозунгом мирной борьбы за попранные идеалы повстанческого движения 1604—1605 гг. Только убийство самозванца боярами в Москве толкнуло товарищей Лжепетра сначала на

разбой, а затем и открытое восстание против нового царя Василия Шуйского[57].

Пример Лжепетра оказался заразительным. М. Перри, опираясь на пространную редакцию Летописи кармелитов, установила, что уже летом 1606 г. вскоре после восстания астраханцев против В. Шуйского в городе появились сразу три «царевича» — Иван-Август, Лавр и Осиновик[58]. К весне 1607 г. появление лжецаревичей в станицах донских, волжских, терских и запорожских казаков стало массовым явлением[59]. Они звались «царевичами» Федором, Клементием, Саввелием, Семионом, Василием, Ерошкой, Гавриилом, Мартыном — «детьми» или «внуками» Ивана Грозного[60]. Лжеиван-Август, к примеру, заявил астраханцам, что якобы является сыном царя Ивана Грозного и Анны Колтовской, Лжелавр, судя по данным грамоты Лжедмитрия II в Смоленск 14 (24) апреля 1608 г., называл себя внуком Ивана Грозного, сыном царевича Ивана Ивановича и Елены Шереметевой. Авторы позднего Нового летописца утверждают, что якобы Лжеосиновик объявил себя внуком Грозного, а Лжелавр — сыном царя Федора Иоановича. Подлинные имена самозванцев неизвестны, хотя современники, по словам авторов Нового летописца, прекрасно знали, кем они были до того, как стали казаками: «иной боярский человек (т. е. холоп. — *И.Т.*), а иной мужик пашенной (т. е. крестьянин. — *И.Т.*)»[61].

Интересны сохранившиеся в источниках сведения об *Иване-Августе*. Монахи-кармелиты, имевшие личную встречу с «царевичем» и общавшиеся с его приверженцами, подметили важные детали. Они указали, что самозванец, так же как Лжепетр, был *приведен* (выделено нами. — *И.Т.*) в Астрахань казаками. Астраханцы подняли восстание против Василия Шуйского именем «царя Дмитрия», и местные самозванцы, как и Лжепетр, никогда не претендовали на то, чтобы занять место «дяди». Монахи во время встречи на острове Икчиборе на Волге попросили Ивана-Августа помиловать кн. И.П. Ромодановского, но он заявил им, что не может совладать со своими казаками. Посол Василия Шуйского в Персию и его сын были казнены[62]. Примечательно, что, говоря о походе астраханских повстанцев в Тушино летом 1608 г., автор Нового летописца написал: «Те же воры казаки с Августом и Лаврентьем поидоша под Москву к Тушинскому вору...»[63]. Сделанные наблюде-

ния позволяют говорить об одинаковой природе движений Лжепетра и астраханских самозванцев. «Казацкие царевичи» были символами антиправительственного движения, а не вождями народных масс и целиком зависели от решений казачьего круга.

Организаторы интриги Лжепетра задумали ее как оправдание своего похода к Лжедмитрию I в Москву[64]. После свержения Григория Отрепьева и открытого конфликта между повстанцами и московскими властями эти ухищрения были явно ни к чему. Они, вероятно, понадобилось рядовым казакам, чтобы обойти официальное решение Войскового Круга о невмешательстве Всевеликого Войска Донского в борьбу правительства и повстанцев, принятое летом 1606 г. после выдачи Василием Шуйским жалования и припасов донцам[65]. Не случайно казацкие самозванцы, подобно Лжепетру, действовали именем «царя Дмитрия», не претендовали на руководство повстанческим движением и после появления Лжедмитрия II в Стародубе поспешили к нему на службу.

§ 2. Призрак Лжедмитрия II в Москве

Известно, что подготовка самозванческой интриги Лжедмитрия II началось задолго до его появления на Северщине. Уже на следующий день после убийства Лжедмитрия I, по свидетельству находившихся в столице иноземцев, по Москве поползли слухи, что «царь Дмитрий» спасся[66]. Окружные грамоты В. Шуйского, дневники польских послов, А. Рожнятовского, написанные по горячим следам, позволяют восстановить точную хронологию, интерпретировать данные поздних источников и выяснить, как развивались событий в те тревожные для России дни[67].

Сразу же после убийства Лжедмитрия I бояре-заговорщики сделали все, чтобы оправдать себя в глазах москвичей, поднявшихся на поляков, но не против «царя Дмитрия». Жителям столицы объявили, что «царь Дмитрий» является в действительности самозванцем — «расстригой» Григорием Отрепьевым, который якобы замышлял вместе с «литвою» заменить православную веру католической, а бояр и дворян — магнатами и шляхтой[68]. Тело самозванца притащили на двор вдовствующей царице-иноке Марфе Нагой, и она публично отреклась

от своего мнимого сына[69]. Людям показывали брата Отрепьева, очень на него похожего[70]. Тела самозванца и убитого вместе ним боярина Петра Басманова выставили на всеобщее обозрение 17 (27) мая 1606 г. на три дня[71]. Возле тела «чернокнижника» положили театральную маску, объявив народу, что она будто бы висела в покоях самозванца вместо икон. В губы «слуги дьявола» вставили дудку[72]. Прошел слух, что на запятке сапога самозванца нашли крестик, который он там якобы носил[73]. Стремясь окончательно разоблачить Лжедмитрия I и оправдать свои действия, новый царь, Боярская дума и Освященный собор приняли весьма опрометчивое решение о канонизации царевича Дмитрия. В нарушение всех церковных традиций, из политических соображений новым святым должен был стать человек, долгое время официально считавшийся самоубийцей. Власти отправили 21 (31) мая 1606 г. в Углич для обретения мощей «нового страстотерпца» особую комиссию Боярской думы и Освященного собора[74].

Тело Лжедмитрия I, по свидетельству очевидцев, было сильно обезображено, что сразу же вызвало разные толки. Голландец И. Масса и наемник К. Буссов отметили, что несмотря на многочисленные раны хорошо рассмотрели убитого и убедились, что это несомненно «царь Дмитрий»[75]. Но были и такие, кто хотел увидеть иное. Примечательно, что в основном это были иноземцы. Купец-француз Бертран де Кассан, побывав на площади, заявил капитану Ж. Маржарету, что это несомненно кто-то другой, а не Лжедмитрий I[76]. К. Буссов заметил, что «поляки в первый же день мятежа распространили слух, что убитый не царь Дмитрий»[77]. Они, как видно из приведенных строк, готовы были поверить в чудо в надежде вырваться из плена. Пищу для слухов, как видно из записок И. Массы, давал Я. Бучинский, подробно описавший в частных разговорах знаки на теле Лжедмитрия I, которые он якобы неоднократно видел в бане и которых на трупе не оказалось[78]. Пошли разговоры, что волосы и ногти у покойного слишком длинны, тогда как «царь Дмитрий» перед свадьбой их постриг. Поговаривали и о якобы жившем в царских хоромах двойнике, который и был убит[79]. Позднее даже назвали его имя — Петр Борковский[80]. Аналогичные слухи распространяли и русские приверженцы самозванца. Некий дворянин, приехавший огля-

деть тело убитого, неожиданно крикнул в толпу, что это не «Дмитрий» и ускакал во весь опор[81]. Но таких свидетельств очень мало. Москвичи слишком хорошо знали Григория Отрепьева на всех этапах его головокружительной карьеры, чтобы дать себя убедить, что убит кто-то другой.

В те же дни стало известно, что в ночь переворота из Кремля исчез любимец самозванца М.А. Молчанов, а из конюшен пропали лошади, в том числе любимый конь самозванца Дьявол. Камердинер самозванца Хвалибог, сообщив в 1607 г. в своей записке об исчезновении М.А. Молчанова и лошадей, прямо говорит, что действия беглеца породили в народе слух о чудесном спасении «царя Дмитрия» вместе с Михаилом Молчановым и некоторыми другими ближними людьми[82]. С. Немоевский и И. Масса зафиксировали появление этого слуха в своих записках, отметив, что среди москвичей распространился слух о бегстве «Дмитрия» вместе с ближним служителем Михаилом Молчановым[83]. Примерно в то же время бывший секретарь Лжедмитрия I С. Бучинский сообщил Ж. Маржарету, что *«один молодой русский вельможа, весьма любимый и жалуемый Дмитрием, который весьма на него походил...совершенно исчез...»*. Капитан царских мушкетеров попытался докопаться до истины. Ему удалось установить, что трех лошадей из царских конюшен потребовали *«после полуночи от имени императора Дмитрия»* (выделено нами. — *И.Т.*). Служителей, выдавших лошадей, Василий Шуйский замучил до смерти на пытках[84]. Любимец самозванца, как видно из приведенных данных, в минуту опасности бросил своего покровителя, воспользовался его именем, чтобы выбраться из дворца, и тем самым дал пищу для слухов о чудесном спасении Лжедмитрия I. Примечательно, что источниками этих слухов вновь были иностранцы.

По прошествии недели после убийства Лжедмитрия I, около 25 мая (4 июня) 1606 г., в Москве, по свидетельству Хвалибога, появились подметные письма, в которых сообщалось, что «царь Дмитрий» жив[85]. Аналогичные данные, правда без указания даты, сообщил Ж. Маржарет. Он вспоминал, что эти письма вызвали первое после убийства самозванца большое волнение народа [86]. В дневниках послов и А. Рожнятовского записи за этот день отсутствуют[87]. С. Немоевский указал, что в народе из-за слухов о Дмитрие поднялась сильная тревога и

бояре боялись мятежа[88]. Г. Паэрле в записи за этот день прямо указал, что послы ждали аудиенции в Кремле, но их туда не пригласили, так как «в городе было страшное волнение, народ восстал на стрельцов, бояр и великого князя, обвиняя всех их, как изменников, в умерщвлении истинного государя Дмитрия»[89]. Успокаивая народ, новый царь и бояре приказали зачитать грамоту «нареченного» патриарха Филарета и бояр об обретении мощей царевича Дмитрия[90] и секретные документы самозванца, свидетельствовавшие о его тайном католичестве, связях с папой и польским королем[91]. Братья Бучинские, недавно распускавшие слухи о том, что убитый не похож на «царя Дмитрия», теперь уверяли, что Лжедмитрий I намеревался 18 (28) мая 1606 г. перебить московских бояр[92]. Москвичи, как со страхом сообщил А. Рожнятовский, что во время волнений требовали выдать на расправу пленных поляков-пособников «слуги дьявола», распространявших слухи о его спасении[93].

Появление подметных писем в Москве показывало, что за организацию новой самозванческой интриги взялись некие силы. Хвалибог в своем донесении указал, что Василий Шуйский обвинил в распространении писем «нареченного» патриарха Филарета[94]. Ж. Маржарет сообщил, что подозрения властей пали также на кн. Ф.И. Мстиславского и П.И. Шереметева[95]. С.Ф. Платонов, проанализировав эти свидетельства, пришел к выводу, что обвинения царя были небеспочвенными и именно боярская оппозиция инициировала слухи и грамоты о спасении Лжедмитрия I[96]. Источники позволяют выяснить, кто в действительности стоял у истоков самозванческой интриги. Русские послы в Речь Посполитую Г.К. Волконский и А. Иванов, выехавшие из Москвы 12 (22) июня 1606 г.[97], узнав от поляков о появлении самозванца в Самборе в августе 1606 г., без колебаний дали однозначный ответ: роль «чудом спасшегося царя Дмитрия» взял на себя бывший любимец самозванца Михаил Андреевич Молчанов, бежавший из Москвы во время гибели своего покровителя[98]. С.Ф. Платонов, С.Б. Веселовский, а вслед за ними Р.Г. Скрынников, ссылаясь на заявления русских послов в Речи Посполитой летом 1606 г., считают, что М.А. Молчанов был схвачен во время событий 17 (27) мая 1606 г., бит кнутом, только потом ему якобы удалось бежать[99]. М. Перри оспорила вывод, указав, что арест и наказание «чернокнижни-

ка» имели место «еще при Годунове»[100]. Анализ документов, на которые ссылаются исследователи, показывает, что права М. Перри. М.А. Молчанов действительно был арестован и бит кнутом до воцарения Лжедмитрия I, а не после событий 17 мая 1606 г.: *«...был у того вора розтриги в хоромах для чернокнижства, а до того он за воровство и чернокнижство бит кнутом на пытке...»* (выделено нами. — *И.Т.*)[101]. Таким образом, во второй половине мая — июне 1606 г. М.А. Молчанов находился на свободе и, по-видимому, скрывался в Москве.

Р.Г. Скрынников обратил внимание на показания К. Буссова и автора английского донесения, что назначенный на воеводство в Путивль кн. Г.П. Шаховский тайком вывел двух «поляков» и доставил их через всю страну в Путивль, откуда они прямо поехали в Речь Посполитую в Самбор к жене Ю. Мнишка[102]. Историк установил, что одним из этих поляков был М.А. Молчанов[103]. Дорогой Г. Шаховский и его спутники, по свидетельству К. Буссова, мистифицировали население рассказами о том, что один из них «царь Дмитрий» и рассылали повсюду грамоты[104]. Ж. Маржарет в своих записках подтвердил данные ландскнехта о мистификациях по дороге в Путивль, но связал их воедино с бегством М. Молчанова из Кремля в ночь накануне переворота и появлением грамот, написанных от имени самозванца в Москве[105]. Показания очевидцев, придерживавшихся разной политической ориентации, позволяют прийти к выводу, что у истоков новой самозванческой интриги уже в Москве был бывший любимец самозванца М.А. Молчанов, который смог привлечь к этому делу дворянина московского кн. Г.П. Шаховского.

М.А. Молчанов и кн. Г.П. Шаховский явно действовали не одни. Вторым воеводой в Путивль Василий Шуйский назначил дворянина московского И.Е. Михнева, который после прибытия в Путивль примкнул к повстанческому движению и вскоре стал одним из видных воевод в войске Лжепетра. Вероятно, он еще в Москве принял участие в организации интриги и мистификациях русских людей[106]. Согласно показаниям К. Буссова, Г. Шаховский и его спутники скрепляли грамоты, написанные от имени Лжедмитрия I, украденной из дворца государевой печатью[107]. Проведенное нами сопоставление оттисков печатей на грамотах Лжедмитрия I и Лжедмитрия II полностью под-

тверждает свидетельство ландскнехта[108]. До переворота 17 (27) мая 1606 г. государева печать хранилась у другого любимца Лжедмитрия I — думного дьяка и печатника Богдана-Иоакима Ивановича Сутупова. Во время майских событий 1606 г. он, несомненно, находился в Москве, но, в отличие от других думных дьяков самозванца, нового назначения не получил. О бывшем печатнике нет никаких точных данных вплоть до 1608 г., когда он уже с чином «окольничего» одновременно с М.А. Молчановым появился в Воровской думе Лжедмитрия II[109]. Факты использования государевой печати Г. Шаховским и М.А. Молчановым наводят на мысль, что Б.И. Сутупов являлся одним из организаторов новой самозванческой интриги и был вторым «поляком» — спутником путивльских воевод. В пользу этого предположения, возможно, говорят показания К. Савицкого и К. Буссова о бегстве из Москвы некоего *«секретаря Лжедмитрия I»* по имени *Богдан* или *Иван*, который якобы затем и стал Лжедмитрием II[110].

«Вскоре» после событий 17 (27) мая 1606 г. московские власти, по свидетельству И. Массы, арестовали в Вязьме еще одного любимца самозванца — думного дворянина Г.И. Микулина, тайно бежавшего из столицы[111]. Вступая на престол, Василий Шуйский поклялся боярам не преследовать их без суда и следствия, поэтому для бегства из Москвы Г.И. Микулина и для его ареста у властей должны были быть весьма веские причины[112]. Скорее всего, этими причинами была причастность думного дворянина к организации беспорядков в столице 24—25 мая (3—4 июня) 1606 г. Таким образом, источники позволяют выявить круг людей, с большой степенью вероятности стоявших у истоков новой самозванческой интриги. Это — любимцы самозванца М.А. Молчанов, Б.И. Сутупов, Г.И. Микулин, а также кн. Г.П. Шаховский и И.Е. Михнев. Ни один из них не принадлежал ни к людям романовского круга, ни к сторонникам кн. Ф.И. Мстиславского. Сделанное наблюдение позволяет отказаться от гипотезы С.Ф. Платонова о причастности боярской оппозиции к организации интриги и высказать предположение, что это дело рук бывших фаворитов Лжедмитрия I.

Р.Г. Скрынников, анализируя обстоятельства появления М.А. Молчанова в Самборе, отметил, что это было невозможно без согласия Ю. Мнишка и что Самборский воевода, воз-

можно, «санкционировал» самозванческую интригу[113]. Наблюдения Р.Г. Скрынникова нуждаются в уточнениях. Мнишки и их приятели едва избежали гибели во время народных волнений 17 (27) мая 1606 г. А. Рожнятовский прямо говорит, что воевода «не чаял, останется ли жив»[114]. Тогда их спасло заступничество бояр-заговорщиков, усмиривших народное возмущение. Хвалибог прямо говорит, что поляки, «боясь другой революции», помогали властям успокаивать умы[115]. В день переворота Ю. Мнишек, по свидетельству А. Рожнятовского, единственный из видных поляков, «сам-четверт» ездил в Кремль, где встречался с боярами и М. Мнишек. Спутники воеводы живо описали автору «Дневника» ужас, который они пережили, проезжая через толпы волновавшегося народа[116]. Вероятно, во время этой поездки возник проект женитьбы главы заговора Василия Шуйского на «царице Марине», о котором сообщил Арсений Еласонский, и воевода дал показания против самозванца, приведенные в окружной грамоте Василия Шуйского 6 (16) июня 1606 г.[117] Иллюзии Мнишков относительно будущего «царицы» Марины начали, по-видимому, рассеиваться 23 мая (2 июня) 1606 г., когда дочь воеводы была переведена на подворье отца и у ее родни отобрали подарки Лжедмитрия I[118]. Нетрудно заметить, что произошло это буквально накануне появления в столице грамот о чудесном спасении Лжедмитрия I и последовавших за ними народных волнений. Сразу же после этих событий ход переговоров послов и бояр резко изменился. Если раньше русская сторона заявляла, что вскоре все поляки будут отпущены на родину, то 27 и 30 мая (6 и 9 июня) 1606 г. бояре обрушились на послов и воеводу с обвинениями в организации самозванческой интриги Лжедмитрия I[119]. В конце концов польским послам и Мнишкам объявили, что они остаются в Москве фактически в качестве пленников до тех пор, пока отправленное в Речь Посполитую посольство Г. Волконского не урегулирует возникший между двумя государствами конфликт[120]. Столь резкие изменения хода переговоров дают основание предположить, что московские власти, вероятно не без основания, заподозрили воеводу и его окружение в причастности к недавним волнениям. Около этого времени Ю. Мнишек, по-видимому, «санкционировал» самозванческую интригу.

§ 3. Самборский вор

Покинув Москву в середине июня 1606 г., кн. Г.П. Шаховский, И.Е. Михнев, М.А. Молчанов и Б.И. Сутупов получили больше возможностей для мистификации русских людей[121]. С 20-х чисел июня 1606 г. пленные поляки отметили, что слухи о чудесном спасении «царя Дмитрия» стали устойчивыми[122]. Провинциальные жители, в отличие от москвичей не видевшие Григория Отрепьева убитым, прислушивались к толкам о его спасении. Обманщики проехали подмосковные, заоцкие города, но добились успеха только на Севершине[123]. В Путивле — бывшем центре движения Лжедмитрия I — кн. Г.П. Шаховский и И.Е. Михнев легко убедили местных дворян, служилых людей и горожан, лишившихся после переворота 17 (27) мая 1606 г. многих льгот и привилегий, что «царь Дмитрий» жив и скрывается от врагов. Путивляне подняли восстание против Василия Шуйского. Уже 22 июля (1 августа) 1606 г. А. Рожнятовский записал в своем дневнике сведения об отправке войск из столицы против северян и первых успехах повстанческой армии[124].

Р.Г. Скрынников заметил, что М.А. Молчанов, будучи в Путивле, не решился публично играть роль самозванца. Он, по мнению исследователя, боялся показаться перед людьми, хорошо знавшими как Лжедмитрия I, так и его самого, что неминуемо привело бы к разоблачению и положило конец интриге[125]. Самозванец предпочел укрыться в Речи Посполитой в замке Мнишков в Самборе. В августе 1606 г. прибывший с Галичины итальянский купец Франческо Таламио сообщил папскому нунцию Рангони, что видел, как некто прибыл в Самбор из России в закрытой карете в сопровождении двух всадников и скрылся в залах замка. После этого жена Ю. Мнишка будто бы повеселела, а слуги начали распускать слухи, что «царь Дмитрий» находится в замке тестя[126].

К лету 1606 г. Речь Посполитая оказалась на пороге гражданской войны. Внутренняя политика короля Сигизмунда III Вазы, опиравшегося на небольшую группу сенаторов и игнорировавшего интересы шляхты, вызвала широкое оппозиционное движение части магнатов и шляхты, которое грозило вылиться в открытое восстание — рокош[127]. Лжедмитрий I, у которого после воцарения явно не сложились отношения с

Сигизмундом III, тайно обещал оказать помощь мятежникам. Я. Мацишевский полагает, что известия о перевороте в Москве и убийстве самозванца были получены в Кракове 16 (26) июня 1606 г.[128] Б.Н. Флоря и В.Д. Назаров, опираясь на данные грамоты Смоленского воеводы и собранные П. Пирлингом материалы, выяснили, что первые вести о московских событиях пришли в Речь Посполитую раньше — уже около 21 (31) мая 1606 г., а в середине июня того же года польские власти уже знали обо всем в деталях. Польское руководство понимало, что новое московское руководство может предъявить им счет за участие королевского двора, католических кругов и части магнатов в подготовке самозванца[129]. Сигизмунд III, как выяснил Я. Мацишевский, решил пойти ва-банк и использовать гибель поляков и литовцев в качестве удобного предлога для вторжения в Россию в надежде, что война заставит все общественные силы Речи Посполитой объединится вокруг престола[130]. Король дал инструкции сеймикам, в которых прямо предложил открыть военные действия с Россией в конце 1606 г.[131] Послам Василия Шуйского, Г.К. Волконскому и А. Иванову, польские власти сначала отказали во въезде в пределы Речи Посполитой[132].

Первые слухи о «чудесном спасении царя Дмитрия» стали распространяться в Речи Посполитой в июле 1606 г., когда сюда прибыли слуги знатных поляков и солдаты-наемники, отпущенные Василием Шуйским из Москвы[133]. К примеру, слуга Мартина Стадницкого, некий Круширский из Скржынек, уверял, что был очевидцем бегства самозванца из Москвы[134]. Конкретные детали в этих слухах начали появляться в конце июля — начале августа 1606 г., когда М.А. Молчанов водворился в Самборе. Устраивая тайные приемы для людей, никогда не видевших Лжедмитрия I, он старался поддержать веру русских повстанцев и рокошан, что «царь Дмитрий» жив[135].

Летом 1606 г. между королем и рокошанами произошел полный разрыв. Собравшись на съезд в августе 1606 г., рокошане всерьез ожидали появления «царя Дмитрия» и обсуждали планы его возведения на польский трон[136]. Сюда же, по-видимому, направлялось прибывшее в двадцатых числах августа 1606 г. в Киев посольство северян, которые уверяли что «царь Дмитрий» находится в одном из польских замков[137]. Организа-

ция самозванческой интриги явно вступила в завершающую стадию. Оставалось сделать последний шаг — устроить публичное появление самозванца, однако он не появился.

Назревавший рокош, по меткому замечанию Я. Мацишевского, сорвал первоначальные планы Сигизмунда III. Столкнувшись с угрозой гражданской войны, король был вынужден отказаться от организации вторжения в Россию и сделал все возможное для сохранения мира[138]. Комендантам пограничных крепостей были даны строгие инструкции не пропускать в Россию наемников для службы в повстанческом войске. Всередине июля 1606 г. русские послы получили разрешение въехать в Речь Посполитую, и поляки постарались получить от них сведения для разоблачения самозванца. Важно отметить, что кн. Г.К. Волконский и А. Иванов оказались готовы ответить на вопросы о самозванце. Получив у приставов сведения о внешности Самборского вора, они тотчас заявили, что это не кто иной, как М. Молчанов, и дали полякам его словесный портрет. Послы постарались выведать о деятельности самозванца все что могли. Узнав, что в Самборе якобы находится боярин В.М. Рубец-Мосальский, Г.К. Волконский и А. Иванов заявили полякам, что когда они выехали из Москвы, бывший дворецкий находился в столице. Если же боярин изменил, то «Бог ему судья»[139]. Действительно, кн. В.М. Рубец-Мосальский в то время не был в Самборе, т. к. был сослан на воеводство в пограничную Корелу, где находился до конца 1608 г.[140] Воеводами у повстанцев служили дворяне московские В.Ф. Александров-Мосальский, И.Л. и И.Д. Клубковы-Мосальские и Д.В. Горбатый-Мосальский, помеченные в боярском списке 1606—1607 гг. как изменники[141]. Вероятнее всего, в Самборе находился кн. В.Ф. Александров-Мосальский.

Московские власти, узнав о происходящем в Самборе, действовали весьма решительно. Мнишки были высланы из Москвы в Ярославль под арест. Им недвусмысленно дали понять, что их ждет в случае продолжения самозванческой интриги в Самборе[142]. К повстанцам на Северщину Василий Шуйский отправил новое посольство, которое должно было обличить «чернокнижника»[143]. По данным А. Палицына, во главе этой миссии Василий Шуйский поставил митрополита Крутицкого Пафнутия[144]. Принятые меры, по-видимому, возымели действие.

Самборский вор не решился публично появиться на съезде рокошан. Вначале сентября 1606 г. пристав сообщил послам, что Вор стал являться людям в уже не в царских одеждах, а в «старческом платье» и что в его окружении появился еще один русский — некий «московитин выезжий» Заболоцкий[145]. Данных об этом человеке очень мало. Вновь без указания имени и отчества в источниках он упоминается летом 1608 г., когда, по свидетельству секретарей Я. Сапеги, вел переговоры о признании Мариной Мнишек Лжедмитрия II мужем и прежним «царем Дмитрием»[146]. В боярских списках и разрядных книгах того времени упоминаются только дворяне московские Б.В. и И.И. Заболоцкие, которых Василий Шуйский, как видно из боярского списка 1606—1607 гг., из-за их родственника приказал взять под стражу[147]. В родословных росписях упоминаются их сыновья А.Б. и А.И. Заболоцкие, успешно служившие в середине XVII ст., а также брат Л.В. Заболоцкий и племянник М.Л. Заболоцкий, «убитый ворами»[148]. Кто из них служил Вору, установить не удалось.

Съезд рокошан в отсутствие «царя Дмитрия» принял решение отложить восстание против короля до сейма 1607 г., что несколько разрядило обстановку в Речи Посполитой. Сигизмунд III и его окружение использовали передышку, чтобы принять меры против самозванца. В начале октября 1606 г. Г.К. Волконский и А. Иванов выведали, что Самборский вор назначил Заболоцкого «гетманом» и послал было на Северщину с небольшим отрядом. В строгом соответствии с инструкциями короля канцлер Лев Сапега задержал «гетмана» и его солдат и послал в Самбор недавно вернувшегося из Москвы слугу Гридича «дозирать» самозванца[149]. В конце октября 1606 г. русские послы выяснили, что Гридич, прибыв в Самборский замок, Вора там не нашел. Ему сообщили, что «Дмитрий» якобы «живет в монастыре, не кажется никому» и в «чернецком платье за грехи каетца»[150]. Прибывший из Кракова в Самбор бывший духовник Лжедмитрия I подтвердил данные Гридича и высказал предположение, что самозванец, возможно, скрывается в монастыре у монахов-бернардинцев. Последовавшая вслед за этим проверка властями бернардинского монастыря вновь не обнаружила «каящегося» самозванца[151]. Как видно, меры принятые русскими и польскими властями, загнали М.А. Молчанова и

его сообщников в угол. Если раньше они беспокоились, как доказать людям, хорошо знавшим первого самозванца, что Лжедмитрий I и Самборский затворник одно и то же лицо, то после обнародования в России и Речи Посполитой точного портрета М.А. Молчанова нужно было опровергать утверждение, что Самборский самозванец является бывшим любимцем Лжедмитрия I. Всложившихся условиях М.А. Молчанов не решился публично взять на себя роль «чудом спасшегося царя Дмитрия». Он исчез, чтобы год спустя появиться в должности «окольничиго» Тушинского вора[152]. В конце 1606 г. в России и Речи Посполитой прошел слух, что М.А. Молчанов уже в качестве воеводы «царя Дмитрия» готовит большое войско для оказания помощи русским повстанцам[153]. Слухи явно преследовали цель снять подозрения с пленных Мнишков и подготовить почву для появления нового самозванца. Провал планов организации новой самозванческой интриги в Самборе стал причиной специфического явления в истории Смуты, которое Р.Г. Скрынников метко назвал «самозванщиной без самозванца»[154].

§ 4. Лжепетр и Лжедмитрий II

Осенью 1606 г. после исчезновения М.А. Молчанова из Самборского замка организация самозванческой интриги вступила в новую стадию. Воеводы «царя Дмитрия» И.И. Болотников, И. Пашков и П. Ляпунов нанесли тяжелые поражения правительственным войскам и подошли к Москве. В городе начались волнения народа. Появление «царя Дмитрия» могло склонить чашу весов в пользу повстанцев. Они слали гонца за гонцом, безуспешно умоляя Самборского вора прибыть в стан под Москвой[155].

Ситуация начала меняться, когда за дело взялись Лжепетр и казаки. Точных данных относительно времени прибытия отряда царевича Петра в Путивль в источниках не сохранилось. И.И. Смирнов, опираясь на материалы посольства Г. Волконского и дневника А. Рожнятовского, склонялся к мысли, что самозванец обосновался на Северщине «еще во время осады Москвы Иваном Болотниковым» в декабре 1606 г.[156] В.Д. Назаров и Б.Н. Флоря, исходя из данных польских документов, пришли к выводу, что казаки прибыли в Путивль в начале ноября

1606 г.[157] С мнением исследователей можно согласиться. «Воровские» казаки двигались по рекам в стругах и, вероятно, постарались достичь Севрщины до того как их сковал лед.

Вступив в город, Лжепетр приказал привести к нему на суд всех пленных, содержавшихся в путивльском застенке. Те, кто принес присягу «царю Дмитрию и его племяннику», получили у самозванца воеводские чины, те же, кто отказался им служить, — казнены[158]. И.И. Смирнов и В.И. Корецкий полагали, что с этого момента произошло усиление классовой борьбы и дальнейшее размежевание сил в повстанческом лагере[159]. Р.Г. Скрынников пришел к выводу, что действия «вольных» казаков и Лжепетра вскрыли противоречивые тенденции в повстанческом движении. С одной стороны, они несомненно способствовали радикализации социального противоборства, с другой — положили начало «перерождению» повстанческого движения, о чем, по мнению исследователя, говорит боярско-дворянский состав Думы Лжепетра и воеводские назначения в повстанческом войске[160]. М. Перри совершенно справедливо указала, что повстанцы в Путивле не пытались подменить одного самозванца другим. Лжепетр и его казаки продолжали служить «царю Дмитрию» и признавали его «старейшинство»[161]. Однако это наблюдение не противоречит гипотезе Р.Г. Скрынникова. Появление «принца крови» в повстанческом лагере сделало его центром возрождающейся традиционной социально-политической системы, что объективно вело к перерождению повстанческого движения[162].

Вскоре после водворения Лжепетра в Путивле русские послы разузнали, что он обратился к киевским властям с просьбой принять его посольство[163]. Успехи русских повстанцев и некоторая стабилизация ситуации в Речи позволили Сигизмунду III ужесточить свои позиции на переговорах с русскими послами в декабре 1606 г. Радные паны от имени короля потребовали немедленного отпуска всех пленных поляков, в противном случае грозили оказать помощь и Дмитрию и Петру[164]. Обычно эти заявления рассматриваются как явное доказательство причастности короля к подготовке самозванца. Но то был явный шантаж. Сигизмунд III вынашивал планы открытого вторжения. В инструкциях к сеймикам король вновь поднял вопрос о войне с Россией в надежде объединить вокруг трона польское

общество[165]. Он отнюдь не собирался иметь дело с самозванцами. Гетман С. Жолкевский получил строгие инструкции задерживать русских повстанцев, ищущих на Украине «царя Дмитрия», и не допускать ухода наемников в Россию[166].

Обращаясь к киевским властям, Лжепетр явно намеревался, как прежде северяне, «искать царя Дмитрия» на Украине. Не прошло и нескольких недель, как кн. Г.К. Волконский и А. Иванов узнали, что вместо Украины самозванец появился в окрестностях Витебска и там пробыл более двух недель[167]. Изменения первоначального маршрута явно не было случайным. Несколько месяцев спустя именно из этих мест в Россию явился Лженагой, назвавшийся в Стародубе Северском «царем Дмитрием».

Василий Шуйский и его окружение затратили немало сил, чтобы выяснить, кто был Лжедмитрием II и какие силы за ним стояли, но, как показывает ретроспективный анализ окружных грамот царя в Поморье, московские власти постигла неудача. Во всех официальных документах самозванец неизменно назывался «Вором» или «чариком»[168]. Немногого добились и местные власти, допрашивая пленных тушинцев или получая сведения от шпионов. Сын боярский Андрей Палицын заявил, что «царевич Вор взят из Стародуба, а взяла его Литва». Другой сын боярский, Андрей Цыплетев, утверждал, что самозванец якобы сын князя Андрея Курбского. Литвин Лева подтвердил, что самозванец «не царевич прямой, а родиною неведомо откуда»[169]. Нетрудно заметить, что пленники не были осведомлены в делах Лжедмитрия II и не могли рассказать ничего определенного даже под угрозой смерти и повторяли старые басни о происхождении самозванца времен Лжедмитрия I. Заслуживают внимания показания бывшего рославльского воеводы Д.В. Горбатого-Мосальского — близкого родственника дворецкого кн. В.М. Рубца-Мосальского[170]. Он на пытке сообщил земским воеводам, что Вор — попов сын Митька «с Москвы с Арбату от Знамения Пречистые из-за конюшен... умышлял де и отпускал с Москвы кн. Василий Масальский»[171]. Анализ служебных назначений Д.В. Мосальского в 1607—1608 гг. показывает, что он непосредственно не участвовал в спектакле с объявлением самозванца в Стародубе и находился на воеводствах сначала в Рославле[172], затем в Костроме[173]. О московитском проис-

хождении самозванца говорили К. Савицкий и К. Буссов, но они считали его бывшим секретарем Лжедмитрия I по имени Богдан или Иван, который бежал из Москвы после гибели хозяина, вероятно, путая самозванца с дьяком Б.И. Сутуповым[174]. Легендарные данные о московском происхождении самозванца и его бегстве из столицы, возможно, восходят к фактам биографий М.А. Молчанова и Б.И. Сутупова. Некоторые современники — А. Палицын, автор Пискаревского летописца и наемник М. Мархоцкий — также полагали, что самозванец был московитом — близким родственником стародубского сына боярского Гаврилы Веревкина. Однако эти люди также не были свидетелями первых шагов самозванца. Их версия, судя по всему, возникла вследствие активной роли Г. Веревкина в стародубском спектакле[175].

Польские власти в свою очередь также приложили немало сил, чтобы выяснить, кто назвался именем «царя Дмитрия». Они попытались получить информацию у ветеранов похода Лжедмитрия I в Россию, отпущенных Василием Шуйским из Москвы[176]. Одного из них, *еврея Якуба*, вернувшегося из Москвы «сам-четверт» вместе с русскими послами кн. Г.К. Волконским и А. Ивановым[177], Лев Сапега в сентябре 1607 г. отправил по приказу короля в Стародуб для опознания самозванца. Посланец нарушил инструкции канцлера, признал Лжедмитрия II истинным царем и привез от него письма к Сигизмунду III. Канцлер всячески оправдывался перед королем, убеждая, что не причастен к происшедшему и что во всем случившемся виноват один Якуб[178]. Если бы Лжедмитрий II был «ставленником интервентов», как считают некоторые исследователи, вряд ли Л.Сапеге понадобилось объясняться за действия лазутчика. Письмо, на наш взгляд, не оставляет сомнений, что правящие круги Речи Посполитой не были причастны к появлению Лжедмитрия II в Стародубе.

Дважды после бегства самозванца из Тушина и его убийства в Калуге, по свидетельству русских и польских источников, в его вещах находили тайно хранимый Талмуд[179]. В июле 1612 г. Новгородский митрополит Исидор прямо говорил, что Лжедмитрий II был евреем[180]. То же самое утверждал иезуит К. Савицкий[181]. Царь Михаил Романов в своих посланиях вскоре после воцарения также заявлял о еврейском происхожде-

нии Вора. Он, по-видимому, узнал об этом от отца — бывшего тушинского патриарха Филарета, хорошо знавшего самозванца и людей, организовавших интригу[182]. Р.Г. Скрынников, проанализировав эти данные, пришел к выводу, что Лжедмитрий II был крещеным евреем[183]. М. Перри усомнилась в правильности вывода исследователя. Она полагает, что версия о еврейском происхождении самозванца мусировалась властями с целью его дискредитации и ей не следует доверять. Самозванец, по мнению исследовательницы, мог быть еретиком, исповедующим учение «жидовствующих»[184]. С этим аргументом трудно согласиться. Данные о еврейском происхождении Лжедмитрия II сообщены людьми, хорошо знавшими самозванца. Они принадлежали к разным политическим группировкам, различным вероисповеданиям, и поэтому сообщенные ими сведения поддаются взаимной проверке. Примечательно, что для опознания Лжедмитрия II в Стародуб Лев Сапега направил именно еврея.

Р.Г. Скрынников, изучая источники, отразившие первые шаги самозванца, пришел к выводу, что наиболее достоверные сведения о том, кто назвался Лжедмитрием II, сообщил неизвестный белорусский клирик — автор Баркулабовской летописи, хорошо знавший самозванца до его превращения в «царя Дмитрия»[185]. Он указал, что Лжедмитрием II был некий грамотей, обучавший детей сельских священников в окрестностях Шклова, затем Могилева[186]. Показания автора Баркулабовской летописи подтверждают наемник К. Буссов и иезуит К. Савицкий. К. Буссов, лично знавший самозванца и его приятеля Григория Кашинца, смог узнать, что человек, ставший Лжедмитрием II, долго жил в Речи Посполитой, где был известен под именем Иван и работал учителем в Шклове[187]. К. Савицкий установил, что самозванец прежде по поручению *некоего протопопа учил детей в селах в окрестностях Могилева*[188]. Сделанные наблюдения позволяют поддержать гипотезу Р.Г. Скрынникова, что Лжедмитрием II был крещеный еврей, бывший школьный учитель из Шклова.

Иезуиты узнали любопытные детали из биографии самозванца, о которых умолчал автор Баркулабовской летописи. Учитель, по их данным, отплатил протопопу черной неблагодарностью за гостеприимство. Он начал тайно домогаться благосклонности попадьи. Узнав об этом, разгневанный протопоп

выгнал его взашей. С этого момента двери домов священников для горе-учителя оказались закрытыми, и он превратился в бродягу. Оставшись без средств к существованию, он якобы решился сыграть роль самозванца[189]. Факт бродяжничества подтвердил в своих мемуарах С. Маскевич, но при этом подчеркнул, что решение играть роль «царя Дмитрия» бывший учитель принял отнюдь не самостоятельно[190]. К. Буссов, С. Маскевич и некоторые польские авторы прямо говорят, что главным организатором самозванческой интриги был ротмистр М. Меховецкий, который вместе с друзьями подобрал под забором бродягу, отдаленно напоминавшего Григория Отрепьева, и заставил его играть роль «царя Дмитрия»[191]. Это дало основание кн. М.М. Щербатову, Н.М. Карамзину, В.О. Ключевскому, Д. Иловайскому, советским историкам утверждать, что самозванец был ставленником польской шляхты[192]. С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, С.Ф. Платонов совершенно справедливо указывали, что нельзя преувеличивать роль поляков и литовцев в организации самозванческой интриги. Создателями Лжедмитрия II они считали русских повстанцев, а в иноземцах видели исключительно наемников[193]. Недавно Р.Г. Скрынников выдвинул дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения. Историк обратил внимание на то, что в подготовке самозванца сыграл видную роль староста Чечерский Зенович, который, по данным А. Сапеги и автора Баркулабовской летописи, встречал в Белоруссии Лжепетра, а затем посадил шкловского бродягу под арест в Пропойскую тюрьму, отправив его затем за рубеж[194]. Исследователь попытался установить, когда М. Меховецкий, Зенович и их товарищи взялись за подготовку самозванца. Он заметил, что в окружной грамоте 14 (24) апреля 1608 г. Лжедмитрий II оговорился, что пришел в Стародуб «во 12 недель». Это указание, по мнению Р.Г. Скрынникова, свидетельствует, что подготовка самозванца началась в Белоруссии за три месяца до пересечения Лжедмитрием II границы 13 (23) мая 1607 г., то есть в феврале 1607 г. Учитывая то, что в декабре 1606 г. в тех же местах побывал Лжепетр и встречался со шляхтичами, взявшимися после этой встречи за подготовку Лжедмитрия II, исследователь пришел к выводу, что организаторами самозванческой интриги были русские повстанцы[195].

Наблюдения исследователя можно уточнить. После объявления 12 (22) июня 1607 г. в Стародубе Лжедмитрий II обратился к жителям Могилевщины с окружным посланием, список которого нам удалось отыскать в собрании Оссолиньских во Львове. Сопоставление фрагментов грамот показывает, что в оригинале (или копии) смоленской грамоты имелось ошибочное или неточное написание даты — «июня во 12 день».

Грамота Лжедмитрия II жителям Могилева 12 (22) июня 1607 г.	*Грамота Лжедмитрия II смолянам 14 (24) апреля 1608 г.*
«Я, прирожденный Государь Московский... пришел из Литовской земли... в город Стародуб 12 июня...»	*«Аз... прирожденный государь Ваш. пришел в Стародуб... во 12 недель...»*

В результате возникло весьма туманное указание «во 12 недель», которое, по нашему мнению, нельзя использовать для решения вопроса, когда началась подготовка второго самозванца[196].

Лжепетр, как следует из его рассказа, записанного в канцелярии Оршанского старосты Андрея Сапеги, пересек границу Речи Посполитой 6 (16) декабря 1606 г. с целью разыскать дядю[197]. Он явно направлялся туда, куда, по слухам, из Рыльска перебрался «царь Дмитрий»[198]. Вместо поисков он две недели тайно находился в Копыси в Максимовичской волости недалеко от Витебска[199]. Затем за Лжепетром приехали шляхтичи Зенович и Сенкевич, доставившие самозванца сначала в Оршу для встречи с Андреем Сапегой, а затем в Россию[200]. В декабре 1606 г. о поездке русских повстанцев в Белоруссию на поиски «Дмитрия» узнали послы Василия Шуйского[201].

В.Д. Назаров и Б.Н. Флоря считают, что поездка Лжепетра в Белоруссию была связана со стремлением выяснить на месте вопрос о возможностях получения военной поддержки из Речи Посполитой[202]. Белорусские источники позволяют разобраться, что же в действительности происходило в окрестностях Витебска. В Новостях, полученных в Кракове почти одновременно с донесением Андрея Сапеги о Лжепетре, сообщалось, что «царь Дмитрий» неожиданно *«приехал в Витебск, откуда, открыто показав себя всем, написал письмо рыльским мещанам...»* (выделено нами. — *И.Т.*)[203]. Автор Баркулабовской летописи также свидетельствует, что как только в бывшем школьном учителе

начали «*узнавать царя Дмитрия*» (выделено нами. — *И.Т.*), то он в страхе за свою жизнь тайно бежал из окрестностей Витебска в Пропойск, где был схвачен по приказу старосты Чечерского Зеновича и посажен в тюрьму[204]. Данные Новостей и Летописца дают основание предположить, что М. Меховецкий и Зенович подобрали шкловского бродягу до поездки Лжепетра и что в декабре 1606 г. в окрестностях Могилева была предпринята первая неудачная попытка публичного объявления Лжедмитрия II.

Активное участие Лжепетра в намечавшемся под Витебском спектакле подтверждает предположение Р.Г. Скрынникова, что шляхтичи готовили его в сговоре с русскими повстанцами[205]. Действительно, с появлением казацкого «царевича» на Северщине в ноябре 1606 г. центр организации самозванческой интриги переместился из Украины в Белоруссию. Многие детали подготовки Лжепетра и Лжедмитрия II совпадают: в обоих случаях инициаторы интриги выбрали случайных людей, принудили их играть свою роль и толком не занимались их подготовкой. Почерк сценариста спектакля был явно один. Повстанцам нужен был не вождь, а человек-символ, оправдывающий их борьбу за лучшую долю. Малодушное бегство бродяги, судя по всему, спутало планы организаторов самозванческой интриги. Лжепетр был вынужден вернуться в Россию, чтобы во главе отрядов северян, донских, волжских и запорожских казаков и наемников поспешить на помощь И. Болотникову[206].

§ 5. Лжедмитрий II и И.М. Заруцкий

Сколько времени шкловский бродяга находился в бегах, неизвестно. Меховецкому, Зеновичу и их товарищам, по-видимому, понадобилось затратить немало времени и труда на его поиски. Продолжая дело, начатое совместно с Лжепетром, М. Меховецкий, Зенович сильно рисковали. В начале 1607 г. ситуация в Речи Посполитой вновь обострилась. Вопреки ожиданиям Сигизмунда III большинство сеймиков на его запрос о войне с Россией дали отрицательный ответ и потребовали безотлагательного решения внутренних проблем[207]. Воеводы и старосты пограничных городов и крепостей вновь получили категорический приказ не пропускать наемников к «царю Дмит-

рию»[208]. В письме к Льву Сапеге король потребовал сделать все возможное, чтобы сохранить мир на востоке[209]. Сейм пошел еще дальше. Согласно его решениям, нарушителям грозила конфискация имущества[210]. В Москву с инструкцией сделать все возможное, чтобы вызволить пленников, были направлены опытные дипломаты С. Витовский и Я. Друцкий-Соколиньский[211]. Меры, принятые руководством Речи Посполитой, по всей видимости, заставили шляхтичей быть осторожными. Засадив бывшего учителя в Пропойскую тюрьму под видом «русского шпиона», они довольно быстро заставили его играть роль самозванца, но не «царя Дмитрия», а его мнимого родственника — стольника Андрея Андреевича Нагого[212].

К. Буссов разузнал, что в Пропойской тюрьме подготовкой самозванца якобы занимались «близкие» Юрия Мнишка, которые сообщили ему все мельчайшие подробности из жизни Лжедмитрия I[213]. А. Гиршберг полагал, что одним из инструкторов самозванца в Пропойской тюрьме был связанный с Мнишками монах-бернардинец Антоний Волох[214]. В действительности Антоний Волох, как видно из посольских дел и дневника А.Рожнятовского, с 1606 г. находился под арестом в Москве вместе с другими поляками и литовцами, а весной 1607 г. даже угодил в царский застенок за распространение слухов о спасении «царя Дмитрия»[215]. Более верным представляется мнение Р.Г. Скрынникова, что вторичное возрождение самозванческой интриги не было связано с семьей Мнишков[216]. Возможно, что к этому делу приложили руку М.А. Молчанов и Б.И. Сутупов.

К середине мая 1607 г. подготовка Лжедмитрия II, судя по всему, в основном была завершена. Староста Зенович, по свидетельству автора Баркулабовской летописи, которое подтверждает М. Мархоцкий, приказал уряднику Чечерскому Рогозинскому препроводить бродягу, принявшего имя Андрея Андреевича Нагого, и двух его товарищей к русской границе[217]. Наемники М. Мархоцкий, К. Буссов, Й. Будила и автор Нового летописца свидетельствуют, что спутниками Богдана был подьячий Алексей (Александр) Рукин и торговый человек из Пропойска Григорий Кашинец, которым, судя по всему, было поручено недопустить исчезновения самозванца при пересечении границы[218]. Подойдя к рубежу в районе небольшой крепостицы Попова Гора 23 мая (2 июня) 1607 г., урядник Рагоза и

его слуги, как видно из показаний автора Баркулабовской летописи, передали будущего самозванца и его спутников русским повстанцам, которые «опознали в нем по знакам» своего царя[219].

Факт передачи Лженагого, имевшего склонность в минуту малейшей опастности сбегать, из рук в руки, показывает, что был сговор между белорусскими шляхтичами и русскими участниками интриги. Авторы Нового летописца указали, что организатором стародубского спектакля — «первоначальным воровства заводчиком» — был предводитель стародубцев, сын боярский Гаврила Веревкин[220]. Поздний летописец знал немногое. Г. Веревкин играл важную, но отнюдь не главную роль. К. Буссов, долгое время служивший в постанческих войсках, свидетельствует, что главным «режиссером» стародубского действа был атаман-болотниковец Иван Мартынович Заруцкий[221]. Этот человек, по меткому замечанию Р.Г. Скрынникова, обладал всеми качествами народного вождя[222]. Он родился в Речи Посполитой в Тарнополе в мещанской семье. В молодости попал в плен к крымским татарам, из которого бежал к казакам, совершив почти невозможное. Благодаря недюжинным способностям довольно быстро стал атаманом и вместе с другими донцами сыграл заметную роль в борьбе Лжедмитрия I за русский престол. После гибели самозванца атаман принял активное участие в восстании И.И. Болотникова[223]. Нясным остается вопрос о времени появления атамана на Северщине. К. Буссов указал, что И.М. Заруцкий был отправлен Иваном Болотниковым на поиски «царя Дмитрия» из *«осажденной Тулы и надолго задержался в Стародубе»* (выделено нами. — *И.Т.*)[224]. В этом сообщении имеется явная несуразность. Тула была осаждена Василием Шуйским 30 июня (10 июля) 1607 г. Если бы атаман покинул город после этой даты, то появился бы на Северщине буквально накануне объявления самозванца и его пребывание в Стародубе нельзя было бы назвать долгим. До поездки на Северщину атаман, по данным Й. Будилы, сидел с И. Болотниковым в осаде в Калуге, которая началась в первых числах декабря 1606 г. и окончилась после поражения правительственных войск на Пчельне 3 (13) мая 1607 г.[225] Скорее всего, И.М. Заруцкий был отправлен И.И. Болотниковым не из Тулы, а из Калуги. Не случайно, прибыв на Северщину, он нарушил инструкции И.И. Болотникова — не поехал в Самбор искать «царя

Дмитрия», а сориентировавшись на месте, фактически продолжил дело, начатое Лжепетром[226]. Подобные действия были маловероятны после снятия осады Калуги, когда И.И. Болотников соединился с Лжепетром и мог получать полную информацию о происходящем в Белоруссии. Вероятно, контактам способствовал тот факт, что и И.М. Заруцкий, и М. Меховецкий были заметными фигурами в движении Лжедмитрия I и хорошо знали друг друга[227].

В литературе имеются разногласия относительно хронологии событий, происходивших на Северщине в мае—июле 1607 г. С.Ф. Платонов, опираясь на данные Й. Будилы, пришел к выводу, что самозванец появился в Стародубе 12 (24) июня 1607 г. (в десятую пятницу после православной Пасхи)[228]. Р.Г. Скрынников, ссылаясь на автора Баркулабовской летописи, утверждает, что самозванец пересек границу 23 мая (2 июня) 1606 г., и высказывает сомнения в правильности расчетов С.Ф. Платонова[229]. В действительности оба свидетельства не противоречат друг другу. Автор Баркулабовской летописи говорит о пересечении Лженагим границы, а Й. Будила — о водворении в Стародубе-Северском[230]. В грамоте могилевским жителям 12 (22) июля 1607 г. Лжедмитрий II прямо указал, что прибыл в Стародуб 12 (22) июня 1607 г.[231] Какие-то сведения об этом происшествии просочились в Краков. В июне 1607 г. Сигизмунд III сделал суровый выговор витебскому воеводе относительно несанкционированных переходов границы[232]. С.Ф. Платонов точно подметил, что Лженагой 12 (22) июня 1607 г. только *прибыл, а не объявился* (выделено нами. — *И.Т.*). Й. Будила прямо говорит, что понадобилось четыре недели, чтобы подготовить стародубский спектакль, который, таким образом, состоялся около 10 (20) июня 1607 г.[233] Эта дата близка к дате первого известного нам документа, отправленного Лжедмитрием II из Стародуба, — грамоты могилевским жителям 12 (22) июля 1607 г. Организаторы интриги именно отсюда ожидали получить помощь, за которой обратились сразу же по окончании стародубского спектакля[234]. Сделанные наблюдения позволяют прийти к выводу, что Лженагой пересек границу 23 мая (2 июня), водворился в Стародубе 12 (22) июня и объявился 12 (22) июля 1607 г.

Промедления с провозглашением, по всей видимости, были вызваны тем, что организаторы самозванческой интриги

должны были решить трудную задачу: добиться, чтобы жители Севершины, прежде всего служилые люди г. Путивля, прекрасно знавшие Лжедмитрия I, признали в новом самозванце прежнего Государя. Несколько недель мнимый А.А. Нагой и его спутники переезжали из одного города в другой, распуская повсюду слухи о скором появлении «царя Дмитрия». Около дня св. Якова, по данным К. Буссова, их видели на дороге, ведущей из Путивля в Новгород-Северский[235]. Наконец 12 (22) июня 1607 г. Лженагой осел в Стародубе. К тому времени повстанцы, по всей видимости, смогли сговориться с Г. Веревкиным и его товарищами об организации публичного появления «царя Дмитрия» в их городке, где Лжедмитрий I никогда не бывал[236]. Тем временем А. Рукин продолжил свои поездки по Севершине, но теперь он всюду говорил, что Государь находится в Стародубе[237].

М. Мархоцкий, получивший сведения о похождениях самозванца от Г. Кашинца, смог установить важные детали, позволяющие выяснить, как организаторам интриги удалось разыграть спектакль с объявлением самозванца. Ротмистр показывает, что в Путивле местные служилые люди, разуверившиеся в слухах о спасении Лжедмитрия I, схватили А. Рукина и пригрозили ему казнью, если он не скажет, где Государь. Когда приятель самозванца заявил, что «царь Дмитрий» в Стародубе, путивляне отправили нескольких дворян и детей боярских вместе с ним «проведать» истину. Вероятно, это была хитрая уловка, имевшая целью принудить путивлян признать самозванца. Дворяне прибыли в Стародуб и сообщили Г. Веревкину и служилым людям о россказнях А. Рукина. Подьячего повели на пытку. Лицедей, как показывают К. Буссов, Н. Мархоцкий и автор Нового летописца, в притворном страхе за свою жизнь указал на Лженагого и завопил, что это и есть «царь Дмитрий». Вэтот момент Лженагой, по свидетельству М. Мархоцкого, обрушился на путивлян и стародубцев площадной бранью, обвиняя их в близорукости и нежелании распознать истинного Государя. Толпа взревела и пала на колени. Послы путивлян поняли, что оказались в ловушке. Им ничего не оставалось, как признать в проходимце «прежнего царя Дмитрия»[238]. Самозванец высоко оценил действия вождя стародубцев Гаврилы Веревкина. Он получил чин думного дворянина и богатые пожалования вотчинами и поместьями[239].

К. Буссов отметил, что на народ сильное впечатление произвело поведение Ивана Заруцкого. Атаман, хорошо знавший Лжедмитрия I, демонстративно признал в Лженагом «прежнего царя Дмитрия» и принял деятельное участие в праздничных пиршествах и рыцарском турнире, который должен был подтвердить расхожие легенды о воинских доблестях самозванца. Атаман «удостоился великой чести» сразиться с самим «царем». Затея едва не закончилась катастрофой. Опытный воин, Иван Заруцкий ненароком вышиб из седла бродягу — бывшего учителя, который едва не отдал Богу душу, рухнув на землю. Конфуз удалось замять. Самозванец заявил, что он намеренно проиграл И.М. Заруцкому, чтобы проверить, верны ли ему подданные. Обильное использование площадной брани и рыцарский турнир атамана с «царем» красноречиво свидетельствуют, кто был устроителем и на кого был рассчитан разыгранный в Стародубе спектакль. Ими были служилые люди по прибору, простолюдины и казаки[240]. Организаторы интриги, как видно из рассказа К. Буссова, не были полностью уверены в благополучном исходе спектакля. Именно поэтому его составной частью стало появление в Стародубе крупного отряда иноземцев, который возглавлял один из главных организаторов интриги пан М. Меховецкий. Лжедмитрий II тотчас назначил его «гетманом» и поручил создание новой повстанческой армии[241]. Приведенные факты об обстоятельствах появления самозванца позволяют предположить, что подлинными «режиссерами» разыгранного в Стародубе спектакля были И.М. Заруцкий и М. Меховецкий.

Критический анализ данных об обстоятельствах подготовки и появления Лжедмитрия II в 1606—1607 гг. позволяет прийти к выводу, что правящие круги Речи Посполитой не принимали никакого участия в подготовке русских самозванцев в 1606—1607 гг. Инициаторами и организаторами интриги Лжедмитрия II сначала были любимцы Лжедмитрия I М.А. Молчанов, Б. Сутупов, Г.И. Микулин, кн. Г.П. Шаховский, И. Михнеев, кн. В.Ф. Александров-Мосальский и Заболоцкий. Они создавали новую самозванческую легенду не при помощи бытовавших в народе «социально-утопических легенд о царе-избавителе», а по образу и подобию легенды первого самозванца. Агитационная деятельность заговорщиков не ввела в заблуждение моск-

вичей, слишком хорошо знавших Григория Отрепьева на различных этапах его головокружительной карьеры. Больших успехов заговорщики добились в провинции, но и то далеко не везде. Дали себя обмануть только те из русских людей, кто ранее принимал участие в движении Лжедмитрия I, сильно пострадал от карательных операций правительственных войск в 1604—1605 гг. и теперь лишился значительных льгот. Они восстали за «своего царя» отнюдь не под влиянием «монархических иллюзий», а преследовали прежде всего свои социальные интересы. Провинциальные дворяне, служилые люди по прибору, казаки и беглые холопы Северщины и других южных степных уездов России надеялись с помощью выдвинутого «царя Дмитрия» и его «племянников» воплотить идеалы повстанческого движения 1604—1606 гг.

М. Молчанов, вопреки сложившимся представлениям, жаждал и тщательно готовился сыграть роль «чудом спасшегося царя Дмитрия», но обстоятельства заставили его отказаться от замысла и исчезнуть из Самборского замка. После этого инициатива организации самозванческой интриги полностью перешла к русским повстанцам — казакам Лжепетра и атаману И.М. Заруцкому, которые с помощью белорусских шляхтичей — ветеранов похода Лжедмитрия I на Москву — подготовили Лжедмитрия II и разыграли спектакль в Стародубе. Новая самозванческая интрига как две капли воды походила на то, что происходило в казачьих городках на Тереке, Волге и Дону. Бродягу Шкловского, как и других «казацких царевичей», заставили играть роль «царя Дмитрия». Русским повстанцам и их приятелям нужен был символ, а не вождь движения, символ, который бы служил своеобразным оправданием их действий.

Немногие сохранившиеся данные о выступлениях казацких лжецаревичей и Лжедмитрия II свидетельствуют, что это звенья одной цепи — широкого движения казацких низов (в рамках общероссийского повстанческого движения), направленного против политики «огосударствления» вольного казачества. В конечном счете казаки, как и служилые люди в России, пытались решить свои социальные проблемы с помощью обновления традиционной российской государственной системы, а не путем ее разрушения.

Примечания

[1] Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 42.

[2] Maciczewski J. Polska a Moskwa, 1603—1618 rr. Warszawa, 1968. S. 116—133; Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв. М., 1974. С. 332—333.

[3] Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 190—196.

[4] Чистов В.К. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XVIII вв. М., 1966. С. 29.

[5] Perrie M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: The false tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. S. 111—112.

[6] Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1989. Т. 12. С. 15.

[7] Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова 1606—1607 гг. М.; Л., 1951. С. 365—371; Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 161.

[8] Расспросные речи Лжепетра после 10 октября 1606 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 81.2. С. 174; [Маржарет Ж.] Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржарета. М., 1982. С. 199.

[9] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 200.

[10] List A. Sapiehi do Zygmynta III, styczen 1607 r. // Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. Ossolineum. № 5998/III Л. 249—250 об.

[11] Сказание о Петре-Медведке // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1846 (Год 1). Кн. 1. С. 3—7, 42—45.

[12] List A. Sapiehi do Zygmynta III...

[13] Посольство кн. Г.К. Волконского и А. Иванова 1606—1607 гг. // Сборник Русского исторического общества (РИО). М., 1912. Т. 137. С. 345.

[14] Немоевский С. Записки (1606—1608) // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6. С. 119.

[15] Немоевский С. Указ. соч. С.1 20; Perrie M. Op. cit. S. 91.

[16] Там же. С. 119.

[17] Там же. С. 120.

[18] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 345.

[19] Отправление в Крым гонца С. Ушакова, апрель 1607 г. // Гневушев А.М. Акты времени правления Василия Шуйского. М., 1915. № 102. С. 244.

[20] Расспросные речи Лжепетра...

[21] Расспросные речи Лжепетра...; List A. Sapiehi do Zygmynta III...

[22] Отправление в Крым гонца С. Ушакова... С. 244.

[23] Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 330.

[24] Бодянский О.М. О поисках моих в Познаньской библиотеке // ЧОИДР. 1846. (Год 1). Кн. 1. Отд. 1. С. 1—45.

[25] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 159—160.

[26] Perrie M. Op. cit. S. 163—164.

[27] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 200; List A. Sapiehi do Zygmynta III...; Немоевский С. Указ. соч. С. 119.

[28] List A. Sapiehi do Zygmynta III...

[29] Расспросные речи Лжепетра... С. 173—175.

[30] Болтин Б. Указ. соч. С. 330.

[31] Расспросные речи Лжепетра... С. 173—175.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Веселовский Н.И. Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 56 и др.

[35] Расспросные речи Лжепетра... С. 173—175.

[36] Там же; Болтин Б. Указ. соч. С. 330.

[37] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. М., 1975. С. 318—319.

[38] Расспросные речи Лжепетра...; Маржарет Ж. Указ. соч. С. 180—181.

[39] Расспросные речи Лжепетра...; Маржарет Ж. Указ. соч. С. 222.

[40] Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 71.

[41] Perrie M. Op. cit. S. 96.

[42] Расспросные речи Лжепетра...; Маржарет Ж. Указ. соч. С. 222.

[43] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 222; Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 154.

[44] Расспросные речи Лжепетра...

[45] Там же.

[46] Там же; Маржарет Ж. Указ. соч. С. 222.

[47] Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 150.

[48] Новый летописец. С. 74.

[49] Челобитная А.Ф. и И.Ф. Чудиновых-Акинфовых патриарху Филарету и царю Михаилу Федоровичу с просьбой о пожаловании за смерть отца // Тр. Саратов. уч. арх. ком. Саратов, 1912. Вып. 29. С. 63.

[50] A Chronicle of the Carmelites in Persia, and the Papal Mission of XVIIth and XVIIIth centuries. London, 1939. Vol. 1. P. 111—112; Синодик убиенных во брани // Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 185.

[51] Расспросные речи Лжепетра...; Маржарет Ж. Указ. соч. С. 222.

[52] Новый летописец. С. 78.

[53] Расспросные речи Лжепетра...

[54] Смирнов И.И. Указ. соч. С. 224—226.

[55] Дело по отписке воеводы Ф. Шереметева В. Шуйскому по поводу прошения переводчика П. Вражского о жаловании // Гневушев А. Акты. № 96. С. 201—202.

[56] Расспросные речи Лжепетра...; Болтин Б. Указ. соч. С. 330—331.

[57] Расспросные речи Лжепетра...; Болтин Б. Указ. соч. С. 330—331; Дневник происшествий московских и посольства в Москву пана Н. Олесницкого и его секретаря А. Гонсевского // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 177; Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 71; Немоевский С. Указ. соч. С. 119—120; Масса И. Указ. соч. С. 150.

[58] Perrie M. Op. cit. P. 132—133.

[59] Отправление в Крым гонца Степана Ушакова... С. 241.

[60] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 74—162.

[61] Бутурлин Д. История Смутного времени. СПб., 1841. Ч. 2. Прил. 7; Новый летописец. С. 78; Болтин Б. Указ. соч. С. 339.

[62] Berthold-Ignace de Sainte-Anne Histoire de l'Etaslissement de la mission de Perse. Brussele, 1885. S. 194—195.

[63] Новый летописец. С. 89.

[64] Расспросные речи Лжепетра...; Болтин Б. Указ. соч. С. 330.

[65] Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 29.

[66] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 205; Хвалибог Г. Донесение // Временник Московского Общества истории и древностей Российских при Московском университете (ВМОИДР). 1855. Кн. 23. Смесь. С. 3—5.

[67] Грамота царя В. Шуйского в Пермь 20 (30) мая 1606 г. о своем восшествии на престол // ААЭ. Т. 2. № 44. С. 100 и др.; Дневник польских послов. С. 230—262; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 61—71; Немоевский С. Указ. соч. С. 98—120.

[68] Грамота В. Шуйского в Пермь 20 (30) мая 1606 г...; Немоевский С. Указ. соч. С. 98.

[69] Дневник послов. С. 238; Немоевский С. Указ. соч. С. 79.

[70] Немоевский С. Указ. соч. С. 98.

[71] Там же. С. 98, 101; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 62; Дневник послов. С. 239.

[72] Дневник послов. С. 238; Немоевский С. Указ. соч. С. 80.

[73] Немоевский С. Указ. соч. С. 80.

[74] Житие царевича Дмитрия, внесенное в минеи Г. Тулупова // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1909. Т. 13. Стб. 892, Житие царевича Дмитрия, внесенное в минеи Милютина // Там же. Стб. 918; Крестоцеловальная запись Василия Шуйского // ААЭ. Т. 2. № 44.2. С. 102.

[75] Масса И. Указ. соч. С. 157—158; Буссов К. Московская хроника, 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 129—130; Савицкий К. Дневник: Извлечение и пересказ Я. Велевицкого // Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. Прил. Стб. С. 183.

[76] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 205.

[77] Буссов К. Указ. соч. С. 311.

[78] Масса И. Указ. соч. С. 157, 159.

[79] Хвалибог Г. Донесение. С. 3—5; Паэрле Г. Записки о путешествии из Кракова в Москву // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 77.

[80] Пирлинг Д. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 400.

[81] Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в Государстве Российском // Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 294—295.

[82] Хвалибог Г. Донесение. С. 3—5.

[83] Немоевский С. Указ. соч. С. 119; Масса И. Указ. соч. С. 147.

[84] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 225—226.

[85] Хвалибог Г. Донесение. С. 4.

[86] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 206.

[87] Дневник послов. С. 250; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 63.

[88] Немоевский С. Указ. соч. С. 104.

[89] Паэрле Г. Указ. соч. С. 201.

[90] Грамота царя В. Шуйского в Пермь 6 (16) июня 1606 г. о злодействах самозванца // ААЭ. Т. 2..№ 48. С. 110.

[91] Буссов К. Указ. соч. С. 129; Грамота царя В. Шуйского в Пермь 6 (16) июня 1606 г.; Маржарет Я. Указ. соч. С. 224; Савицкий К. Указ. соч. Стб. 183—184.

[92] Грамота царя В. Шуйского в Пермь 6 (16) июня 1606 г...

[93] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 71.

[94] Хвалибог Г. Донесение. С. 4.

[95] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 205.

[96] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты XVI—XVII вв. М., 1995. С. 203.

[97] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 70.

[98] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 301.

[99] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 272; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 120; Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 64.

[100] Perrie M. Op. cit. S. 119.

[101] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 301—302, 360.

[102] Буссов К. Указ. соч. С. 321; Английское донесение // Смирнов И.И. Указ. соч. Прил. С. 552.

[103] Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 65—66.

[104] Буссов К. Указ. соч. С. 321.

[105] Маржарет Ж. Указ. соч. С. 204—205.

[106] Буссов К. Указ. соч. С. 321; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 65—66.

[107] Буссов К. Указ. соч. С. 321.

[108] Смута в Московском государстве. Россия в начале XVII столетия в записках современников. М., 1989. Иллюстрации между С. 320—321; List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 2 (12) czerwca 1609 r. // Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakówie (BPAN). Ms. 345. Л. 149.

[109] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 503.

[110] Буссов К. Указ. соч. С. 129; Савицкий К. Указ. соч. Стб. 192—193.

[111] Масса И. Указ. соч. С. 145.

[112] Крестоцеловальная запись царя Василия Шуйского // ААЭ. Т. 2. № 44.2. С. 102.

[113] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 60—61.

[114] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 56.

[115] Хвалибог Г. Донесение. С. 4.

[116] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 61—62.

[117] Арсений [Елассонский] Мемуары // Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С.139, 232; Окружная грамота В. Шуйского 6 (16) июня 1606 г.

[118] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 62; Немоевский С. Указ. соч. С. 100, 102—103.

[119] Немоевский С. Указ. соч. С. 100.

[120] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 62—66; Дневник польских послов. С. 249—260.

[121] Буссов К. Указ. соч. С.321; Английское донесение. С. 552.

[122] Рожнятовский А. Указ. соч. С.71; Немоевский С. Указ. соч. С. 119; Паэрле Г. Указ. соч. С. 213.

[123] Буссов К. Указ. соч. С. 321; Английское донесение. С. 552.

[124] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 71.

[125] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Прим. 49, 57; Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 60—61.

[126] Пирлинг П. Указ. соч. С. 399—401; Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 60—61.

[127] Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание. С. 329.

[128] Maciszewski J. Polska a Moskwa, 1603—1618. Warszawa, 1968. S. 109.

[129] Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание. С. 329.

[130] Maciszewski J. Op. cit. S. 128.

[131] Ibid. 110, 124, 127.

[132] Ibid. 109.

[133] Ibid. S. 109—110.

[134] Хвалибог Г Донесение. С. 4.

[135] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 312; Maciszewski J. Op. cit. S. 121—124; Пирлинг П. Указ. соч. С. 401—402.

[136] Maciczewski J. Op. cit. S. 120.

[137] Пирлинг П. Указ. соч. С. 400, 402.

[138] Maciszewski J. Op. cit. S. 134.

[139] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 290—292, 301.

[140] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 96; Петрей П. Реляция. С. 96.

[141] Боярский список (БС) 1606/1607 гг. // Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 255, 257.

[142] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 72—73, 75.

[143] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Прим. 49, 57; Nowiny z Moskwy 13 (23) styczenia 1607 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 253—254.

[144] Палицын А. Сказание. С. 266.

[145] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 306.

[146] Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa. Lwów, 1901. S. 183.

[147] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Прим. 49, 57; Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 312; БС 1606/7 г. С. 259.

[148] Веселовский С.Б. Исследования. С. 355.

[149] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 307.

[150] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 312.

[151] Пирлинг П. Указ. соч. С. 401—402.

[152] Письмо кн. Ф.Ф. Мещерского и М.А. Молчанова Я. Сапеге в феврале 1609 г. // Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук (АСПбФИРИ РАН). К. 124. Собр. С.В. Соловьева. Оп. 1. Ед. хр. 402; Sapieha J.P. Op. cit. Op. cit. S. 208.

[153] Масса И. Указ. соч. С. 166.

[154] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 68.

[155] Буссов К. Указ. соч. С. 327, 333 и др.

[156] Смирнов И.И. Указ. соч. С. 371.

[157] Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание. С. 339.

[158] Белокуров С. Разряды. С. 84.

[159] Смирнов И.И. Указ. соч. С. 213, 244—248, 252—253; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 273—275.

[160] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 156—160.

[161] Perrie M. Op. cit. S. 137—138.

[162] Ibid.

[163] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 330, 346, 352.

[164] Там же. С. 345—346.

[165] Maciszewski J. Op. cit. S. 128.

[166] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 349.

[167] List A. Sapiehi do Zygmunta III...

[168] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГ и Д). М., 1819. Ч. 2. № 154, 156, 167; ААЭ. Т. 2. № 90, 93, 107, 119, 120, 127, 128, 137; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2 .№ 157.

[169] Расспросные речи пленных тушинцев // ААЭ. Т. 2. № 91, 94. С. 186, 191—192.

[170] Отписка рославльского воеводы кн. Д.В. Мосальского мстиславскому державцу П. Пацу // АИ. Т. 2. № 75. С. 101; Челобитная матери сына боярского Маслова Лжедмитрию II // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Отд. 1. С. 74.

[171] Расспросные речи пленных тушинцев...

[172] Отписка рославльского воеводы...; Челобитная матери сына боярского Маслова...

[173] Расспросные речи пленных тушинцев...

[174] Буссов К. Указ. соч. С. 129; Савицкий К. Указ. соч. С. 192—193.

[175] Палицын А. Сказание. С. 116, 267; Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 202; Новый летописец. С. 76; Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 6.

[176] Хвалибог Г. Донесение. С. 3—4.

[177] Грамота смоленского воеводы кн. И.С. Куракина оршанскому старосте А. Сапеге 18 (28) июня 1606 г. об отправке послов // Riksarkivet. Skuklostersamlingen.. Polska brev. E. 8596; Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 284.

[178] List L. Sapiehi do Zygmunta III 25 wrzesnia (5 października) 1607 r. // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 4. № 556/Уа Л. 90—90 об.

[179] Новый летописец. С. 76; История Дмитрия Московского и Марины Мнишек // Русский архив. 1909. Кн. 2. № 6. С. 204.

[180] Грамота новгородского митрополита Исидора кн. Д.М. Пожарскому лето 1612 г. // ААЭ. Т. 2. № 210. С. 357.

[181] Савицкий К. Указ. соч. Стб. 192.

[182] Соборная грамота российского духовенства И. Заруцкому с увещеванием покориться царской власти // ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 29; Поход Его королевского величества в Московию в 1609 г. // РИБ. Т. 1. Стб. 527.

[183] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 201—202.

[184] Perrie M. Op. cit. S. 158—159.

[185] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 193.

[186] Баркулабовская летопись // ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 191—192.

[187] Буссов К. Указ. соч. С. 144.

[188] Савицкий К. Указ. соч. Стб. 191—192.

[189] Там же.

[190] Маскевич С. Дневник 1594—1621 гг. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 29—30; List A. Sapiehi do Zygmunta III...

[191] Буссов К. Указ. соч. С. 334; Маскевич С. Указ. соч. С. 29—30; Хвалибог Г. Донесение. С. 4; Towjański Z. Historia // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). F. IV. 33. Л. 119 об.

[192] Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774. С. 85—86; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Стб. 35—36; Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Собр. соч. М., 1988. Т. 3. С. 40; Смирнов И.И. Указ. соч. С. 458; Зимин А.А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в начале XVII в. // Вопросы истории (ВИ). 1958. № 3. С. 101—102; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 40—41; Маковский Д.П. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967. С. 400—401.

[193] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. 4. С. 477—478; Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Соч. СПб., 1904. С. 299—300; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 267—269.

[194] List A. Sapiehi do Zygmunta III...; Баркулабовская летопись. С. 192; Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 193.

[195] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 191—201.

[196] List Dmitra Fałszywego do Mogilewa 12 (22) lipica 1607 r...; Бутурлин Д. Указ. соч. Ч. 2. Прил. № 7. С. 53.

[197] List A. Sapiehi do Zygmunta III...

[198] Nowiny z Moskwy 13 (23) styczenia 1607 r...

[199] List A. Sapiehi do Zygmunta III...

[200] Там же.

[201] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 344—346.

[202] Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 339.

[203] Nowiny z Moskwy 13 (23) styczenia 1607 r...

[204] Баркулабовская летопись. С. 192.

[205] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 196.

[206] Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 334—338.

[207] Maciszewski J. Op. cit. S. 110.

[208] Ibid. S.132. Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 349.

[209] List Zygmunta III do L. Sapiehi 14 (24) marta 1607 г. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 556/Va Л. 31.

[210] Maciszewski J. Op. cit. S. 132.

[211] List M.Pstrakońskiego do S. Lubomirskiego 13 (23) lutego 1606 r. // ОР НБУАН. Ф.5. № 5998/III. Ya. Л. 225; List E. Wołłowicza do L. Sapiehi // Там же. Ф. 103. № 556/Va. Л. 10 об.

[212] Буссов К. Указ. соч. С. 144, 275; Marchocki M. Op. cit. S. 6—7; Баркулабовская летопись. С. 192; Новый летописец. С. 76. Стольник А.А. Нагой в то время находился на государевой службе, по-видимому, в Москве. См.: БС 1606/1607 гг. С. 253.

[213] Буссов К. Указ. соч. С. 144.

[214] Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 48.

[215] Посольство кн. Г.К. Волконского... С. 372—373; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 99, 153.

[216] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 189.

[217] Баркулабовская летопись. С. 192; Marchocki M. Op. cit. S. 6—7.

[218] Буссов К. Указ. соч. С. 144; Будила Й. Историяи ложного Дмитрия // РИБ. Т. 1. Стб. 123—124; Marchocki M. Op. cit. S. 6—7; Новый летописец. С. 78.

[219] Баркулабовская летопись. С. 192.

[220] Буссов К. Указ. соч. С. 144; Новый летописец. С. 78.

[221] Буссов К. Указ. соч. С. 144—146.

[222] Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 198.

[223] Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. С. 116; История Дмитрия Московского и Марины Мнишек. С. 212; Будила Й. Указ. соч. Стб. 121.

[224] Буссов К. Указ. соч. С. 144—146.

[225] Будила Й. Указ. соч. Стб. 123; Смирнов И.И. Указ. соч. С. 386—393.

[226] Буссов К. Указ. соч. С. 144—146.

[227] Жолкевский С. Указ. соч. С. 116; История Дмитрия Московского и Марины Мнишек. С. 212; Будила Й. Указ. соч. Стб. 121.

[228] Маскевич С. Указ. соч. С. 29; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 228—229.

[229] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 196—197.

[230] Баркулабовская летопись. С. 191; Будила Й. Указ. соч. Стб. 123.

[231] List Dmitra Fałszywego do Mogilewa 12 (22) lipica 1607 r...

[232] Maciszewski J. Op. cit. S. 135.

[233] Баркулабовская летопись. С. 191; Будила Й. Указ. соч. Стб. 123.

[234] List Dmitra Fałszywego do Mogilewa 12 (22) lipica 1607 r...

[235] Буссов К. Указ. соч. С. 144.

[236] List Dmitra Fałszywego do Mogilewa 12 (22) lipica 1607 r...; Будила Й. Указ. соч. Стб. 123.

[237] Marchocki M. Op. cit. S. 8.

[238] Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 124; Буссов К. Указ. соч. С. 145.

[239] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АЗР). СПб., 1851. Ч. 4. С. 334—335.

[240] Буссов К. Указ. соч. С. 145.

[241] Там же.

ГЛАВА 3

ЗАРОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II

События второй половины 1607 — начала 1608 г. занимают особое место в истории Смуты. Это время разгрома восстания И.И. Болотникова, до предела ослабившего государственный порядок в России, и зарождения движения Лжедмитрия II. В литературе до недавнего времени господствовало представление, сложившееся под влиянием мемуаров наемников-иноземцев, что движение Лжедмитрия II полностью зависело от широкой поддержки, которую ему оказали «польско-литовские дружины»[1]. Именно в это время, по предположению И.С. Шепелева, под предлогом помощи «царю Дмитрию» началась «скрытая агрессия польских и литовских панов против России»[2]. Иное мнение недавно высказал Р.Г. Скрынников, который считает рассматриваемый период прямым продолжением гражданской войны[3]. Немногие дошедшие до нас источники, написанные по горячим следам событий, позволяют проверить и уточнить сложившиеся представления о начальном этапе движения самозванца.

§ 1. Формирование войска Лжедмитрия II и органов власти в Стародубе

По окончании стародубского спектакля его организаторам предстояло решить много проблем. Любой неверный шаг на Севрщине, где слишком хорошо знали Лжедмитрия I, мог погубить начатое дело. Было найдено единственно верное решение. Лжедмитрий II сразу же ушел в тень и старался как можно реже появляться на людях. К подданным он обращался только письменно. Опасаясь за свою жизнь, царик, как писал М. Харлинский, на свое ложе клал русского слугу, а сам ночевал у него или у М. Меховецкого[4]. Вынужденное затворничество Лжедмитрия II породило немало толков и вызвало у современников подозрения, что известие о его появлении в Стародубе — очередные беспочвенные слухи. В августе 1607 г. польские послы, обычно получавшие в столице достаточно много информации, не смогли разузнать о нем ничего определенного[5].

Вопросом жизни и смерти для И.М. Заруцкого и М. Меховецкого стало создание в Стародубе новой повстанческой армии, которая позволила бы им обеспечить безопасность Лжедмитрия II и помочь осажденным в Туле. Сразу же после празднеств, организованных 12 (22) июля 1607 г. по случаю объявления «царя Дмитрия» в Стародубе, Лжедмитрий II обратился с окружными грамотами к жителям Новгорода-Северского, Чернигова, Путивля, Могилева, Орши, Мстиславля, Кричева, Минска[6]. География распространения посланий самозванца показывает, откуда прежде всего И.М. Заруцкий и М. Меховецкий рассчитывали получить помощь. И.С. Шепелев, опираясь на данные нарративных источников и частных разрядов, пришел к выводу, что население северских и украинных городов сразу же принесло присягу самозванцу[7], но это не совсем верно. Большинство жителей северских, польских городов, Тулы, Калуги, Астрахани, некоторых рязанских пригородов с лета 1606 г. активно поддерживали повстанческое движение и еще тогда подтвердили присягой свою верность «царю Дмитрию». В действительности речь, по-видимому, шла не о новом «отложении» этих земель от Василия Шуйского, а о признании в шкловском бродяге «чудом спасшегося царя Дмитрия». С этим не все обстояло гладко. Людские ресурсы территорий, занятых повстанцами, как показывают данные о гарнизонах некоторых городов, были весьма ограниченны. В конце XVI — начале XVII в., по подсчетам Р.Г. Скрынникова и В.И. Ульяновского, к Путивлю были приписаны 107 детей боярских, 501 самопальщик, 200 стрельцов; к Новгороду-Северскому — 104 сына боярских, 53 пушкаря и пищальника, 43 стрельца и 104 казака; к Чернигову — 300 воинов; к Моравску — 70 воинов; к Стародубу — 107 детей боярских, 150 стрельцов; к Почепу — 50 стрельцов; к Валуйкам — 150 стрельцов и казаков, 12 пушкарей; к Ельцу — 150—200 детей боярских, 600 казаков, 200 стрельцов; к Калуге — 248 детей боярских; к Козельску — 82 сына боярских; к Белеву — 110 детей боярских; к Орлу — 129 детей боярских и 287 служилых людей по прибору[8]. Мобилизации в войска Лжедмитрия I, Ивана Болотникова, Лжепетра истощили эти и без того ограниченные мобилизационные возможности северских, польских, заоцких городов. В связи с этим показательны данные об изменении численности служи-

лых людей в г. Воротынске. В 1604 г., по сведениям Росписи русского войска, в войска из этого города было призвано 105 детей боярских. В январе 1609 г. воротынский осадный голова Иван Манцев смог записать на службу всего лишь 14 человек[9]. Буквально накануне появления самозванца после ряда неудач и в связи с походом Василия Шуйского на Тулу наметился отход уставших от гражданской войны служилых людей от повстанческого движения. В своей грамоте из Алексина в Москву 29 июня (9 июля) 1607 г. царь известил своего среднего брата Д.И. Шуйского, что «многие дворяне и дети боярские всех Северских городов» явились в его стан под Алексин вместе с брянскими воеводами кн. Г.Б. Долгоруким-Рощей и Е. Безобразовым и принесли повинную. В. Шуйскому «добили челом» жители Ряжска, воеводы Лжепетра И.Л. Клобуков-Масальский, кн. Ф.П. Засекин, Л. Фустов и др[10]. Пытаясь привлечь служилых людей на свою сторону, Лжедмитрий II, как видно из немногих сохранившихся грамот, подтвердил все прежние пожалования и льготы Лжедмитрия I северянам и начал раздавать новые. К примеру, он признал жалование первого самозванца старицам путивльского Никольского монастыря на выделение келий и корма[11]. В августе 1607 г. рославльский городовой приказчик Остафий Селеванов по распоряжению царика выделил вдове Офимье Масловой с невестками и внучатами «на прожиток» поместье Остапковичи с деревнями[12]. Но эти меры мало что изменили[13]. Вопреки мнению И.С. Шепелева, признание самозванца в занятых повстанцами городах и селах отнюдь не было всеобщим и безусловным. Как отметил весьма осведомленный автор Баркулабовской летописи, взрыв энтузиазма появление самозванца вызвало только у низших слоев общества[14].

Проблемы с набором служилых людей в повстанческую армию заставили Лжедмитрия II и его советников обратиться за помощью к казакам. Накануне Смуты в России, по данным Я. Маржарета, имелось 8—10 тыс. вольных и 5—6 тыс. служилых казаков. Они приняли активное участие в повстанческом движении 1604—1605 гг.[15] А.Л. Станиславский, анализируя события 1606—1610 гг., установил, что зарождающееся Войско Донское официально осталось нейтральным в противоборстве царя В. Шуйского и приверженцев Лжедмитрия II, хотя вольные казаки на протяжении всего восстания И.И. Болотникова состав-

ляли значительную часть повстанцев. На позицию Войскового круга, по мнению исследователя, повлияла выдача жалования и припасов казакам вскоре после переворота 17 (27) мая 1606 г. В движении Лжедмитрия II, полагал А.Л. Станиславский, вольные донские казаки с Дона, Волги, Днепра и Терека уже не играли заметной роли, уступив место вольному казачеству, образовавшемуся в центральной России в результате «показаченья» местного населения[16]. Гипотеза историка не объясняет, почему в 1607 г. появление самозванцев в казачьих станицах на Дону, Волге, Тереке стало массовым явлением. По нашему предположению, феномен многочисленных «самозванных царевичей» был порожден стремлением рядовых донских, волжских и терских казаков обойти решение Войскового круга и, как в свое время с Лжепетром, выступить на помощь «царю Дмитрию»[17]. Но казакам понадобилось несколько месяцев, чтобы собраться с силами. Они начали прибывать на помощь самозванцу только в конце осени 1607 г.

И.М. Заруцкий и М. Меховецкий пытались заручиться поддержкой за рубежом. Вскоре после окончания стародубского спектакля староста Чечерский Н. Зенович, как видно из письма Евстафия Воловича Льву Сапеге, переправил Сигизмунду III грамоту Лжедмитрия II, в которой, по-видимому, содержалось предложение «возобновить отношения», прерванные после переворота 17 (27) мая 1606 г.[18] Король наотрез отказался иметь дело со шкловским бродягой и приказал Льву Сапеге отправить для его разоблачения еврея Якуба, хорошо знавшего Лжедмитрия I[19]. Он в категорической форме потребовал от канцлера и пограничных властей воспрепятствовать уходу на службу самозванцу солдат из Речи Посполитой[20]. Витебский воевода, допустивший переход русско-литовской границы отрядами М. Меховецкого и Й. Будилы, получил суровую отповедь[21]. В Москву для продолжения переговоров с Василием Шуйским, начатых во время пребывания в Речи Посполитой посольства кн. Г.К. Волконского и А. Иванова, краковские власти направили посланников С. Витовского и Я. Соколинского[22].

М. Меховецкий и И.М. Заруцкий пытались подобно болотниковцам напрямую обращаться за помощью к иноземным солдатам[23]. В одном из этих посланий, направленном в Могилев, самозванец поручил некоему пану Зерстировскому про-

извести набор солдат для повстанческого войска и пообещал им платить за службу «вдвое-втрое» выше, чем в Речи Посполитой, а после победы «выпустить с великой платой и подарками», если же солдаты захотят остаться в России, то пожаловать их землями[24]. А. Гиршберг установил, что аналогичные полномочия получили Миколай Харлинский и Фредерик Тышкевич[25]. Вероятно, тем же самым занимался Валений Валевский, еще осенью 1606 г. стремившийся примкнуть к Самборскому вору[26]. Особые надежды организаторы интриги возлагали на мятежных солдат инфляндской армии Я.К. Ходкевича, которые в конфликте короля и рокошан придерживались нейтралитета. Лжедмитрий II обратился с письмом к одному из наиболее авторитетных ротмистров войска — Яну Сапеге, в котором умолял срочно прибыть на службу[27]. Но инфляндским солдатам в тот момент было не до самозванца. Пользуясь раздором между Сигизмундом III и рокошанами, они захватили «в приставства» королевские имения в Белоруссии, в которых брали все необходимое «на прожиток», ожидая от казны положенного им жалования[28]. Автор Баркулабовской летописи свидетельствует, что мятежные солдаты до нитки обобрали местное податное население. Досталось также владениям магнатов, шляхты и духовенства[29].

Призывы самозванца и действия вербовщиков летом 1607 г. принесли весьма скромный результат. Речь Посполитая стояла накануне решительного сражения между приверженцами Сигизмунда III и рокошанами под Гузовым. Противники делали все, чтобы не допустить ухода своих солдат к самозванцу[30]. К примеру, в сентябре 1607 г. польские посланники С. Витовский и Я. Соколинский, будучи проездом в Могилеве, помешали некоему пану Глобуцкому увести 500 воинов на службу к Лжедмитрию II в Стародуб[31]. Несмотря на все усилия, Лжедмитрию II и организаторам самозванческой интриги, как и болотниковцам[32], сначала не удалось получить сколько-нибудь существенной помощи из-за рубежа. В Стародуб прибыли только отряды Миколая Меховецкого («несколько отрядов польской конницы»), мозырского хорунжего Йозефа Будилы (летом 1608 г. командовал ротой из 200 конников) и Миколая Харлинского (летом 1608 г. под его началом было 100—150 человек)[33]. Наемное войско самозванца едва ли превышало 1 тыс.

человек. Большую часть прибывших, по свидетельству автора Баркулабовской летописи, составляли представители низших слоев общества, «люд гулящий, люд своевольный — скоро Дмитро, то и молодцы, якийсь наймит з Мстиславля до него пришел»[34]. И.С. Шепелев, суммировав данные о численности отрядов самозванца, приведенные в письме М. Харлинского и мемуарах ротмистра М. Мархоцкого, пришел к выводу, что в конечном счете Лжедмитрию II и его покровителям за два месяца удалось собрать в Стародубе восьмитысячное войско[35]. Проверка показала, что эти расчеты ошибочны. М. Мархоцкий, вопреки мнению И.С. Шепелева, говоря о 3 тыс. плохо вооруженных воинов, имел в виду общую численность войска самозванца, а не только севрюков[36]. М. Харлинский, заявляя своему покровителю, что под знаменами Лжедмитрия II якобы собралось около 5 тыс. наемников, явно приукрашивал из пропагандистских соображений положение дел в стане самозванца[37]. По данным Й. Будилы, наемное войско самозванца достигло 5 тыс. человек только накануне Болховской битвы, когда к нему прибыли Р. Ружинский, А. Лисовский, А. Вишневецкий и др[38]. В этой связи свидетельство М. Мархоцкого, что все стародубское воинство едва насчитывало три тысячи солдат, представляется более достоверными. Ядро этого войска составили служилые люди Стародуба-Северского во главе с Гаврилой Веревкиным, казаки-«болотниковцы» Ивана Заруцкого и наемники М. Меховецкого, Й. Будилы и М. Харлинского. Успехи И.М. Заруцкого и М. Меховецкого по созданию новой повстанческой армии оказались весьма скромными.

В Стародубе начала формироваться Воровская Боярская дума, видную роль в которой играли главные организаторы самозванческой интриги. Атаман И.М. Заруцкий был пожалован в «бояре» и впоследствии возглавил Казачий приказ[39]. Ротмистр М. Меховецкий занял должность «гетмана» — главнокомандующего войском самозванца[40], Г. Кашинец стал «подскарбием» (т. е. думным дворянином и казначеем. — *И.О.*).[41] Стародубец, сын боярский Г. Веревкин вошел в Воровскую думу с чином думного дворянина[42]. Д.Т. Рындин был пожалован в «думные дьяки» Поместного приказа[43]. В Воровской думе оказались только два члена Московского Государева двора: дворяне московские кн. С.Г. Звенигородский (бывший черниговский во-

евода) — «боярин и дворецкий»[44] и кн. Д.И. Мосальский (рославльский воевода) — «окольничий»[45]. Примечательно, что кн. Д.В. Мосальский, судя по челобитной вдовы Масловой, еще в августе 1607 г. оставался на своем прежнем воеводском посту и, по всей видимости, не влиял на принятие решений в руководстве движением[46].

Анализ состава Стародубской Воровской думы и войска Лжедмитрия II подтверждают гипотезу Р.Г. Скрынникова, что в движении самозванца в момент его зарождения преобладали недворянские слои населения Северщины и Белоруссии[47]. Правящие круги Речи Посполитой или сколь-нибудь влиятельные группировки магнатов и шляхты, вопреки сложившимся представлениям, никакого отношения к движению самозванца не имели.

§ 2. Поход Лжедмитрия II на Тулу

К концу лета 1607 г. царь Василий Шуйский, мобилизовав людские и материальные ресурсы из поддерживавших его Москвы, Замосковья, Поморья, Новгородской, Псковской, Смоленской земель, Казанского и Сибирского «царств», предпринял широкомасштабное наступление на повстанческие войска Лжепетра и Ивана Болотникова. В ходе кровопролитного боя на р. Восме у Каширы 5 (15)—7 (17) июня 1607 г. повстанческие отряды кн. А.А. Телятевского, И. Болотникова и М. Аксакова потерпели тяжелое поражение. «Воровские» воеводы «с невеликими людьми» отступили в Тулу[48]. На сторону правительственных войск, по обоснованному предположению Р.Г. Скрынникова, перешло около 3—4 тыс. повстанцев и примерно 1,7 тыс. попали в плен[49]. На подступах к Туле воеводы Лжепетра кн. А.А. Телятевский, И.И. Болотников и С. Кохановский, собрав оставшиеся силы, попытались остановить продвижение противника 12—14 (22—24) июня 1607 г. на р. Вороньей и вновь потерпели неудачу. По непроверенным данным, они потеряли 4,5 тыс. чел.[50] 29 июня (9 июля) 1607 г. Василий Шуйский, возглавивший правительственные войска, овладел Алексиным и на следующий день подошел к Туле[51]. Основные силы повстанцев попали в осаду. Отряды правительственных войск, организуя внешнее кольцо окружения и развивая достигнутый успех,

в июле—августе 1607 г. овладели Веневом, Гремячим, Дедиловым, Ряжском, Песошной, Крапивной, Одоевым, Лихвином и создали угрозу захвата Брянска и Козельска. К осени 1607 г. положение осажденных в Туле стало критическим. Возникла реальная угроза прорыва правительственных войск на Северщину. Это обстоятельство, по-видимому, заставило И.М. Заруцкого и М. Меховецкого выступить в поход, не завершив создание новой повстанческой армии[52].

Перед началом кампании Лжедмитрий II, как показывает Новый летописец, действуя как законный царь и рыцарь, отправил из Стародуба сына боярского к царю Василию Шуйскому под Тулу с известием о своем возвращении из небытия и требованием отказаться от дальнейшей борьбы. Мужественное поведение гонца и его мученическая смерть произвели сильное впечатление на русских людей[53]. Одновременно руководители повстанческого движения вновь попытались установить отношения с Сигизмундом III. Еврей Якуб, посланный Львом Сапегой разоблачать самозванца, вернулся из Стародуба с письмом царика к королю, в котором, по-видимому, содержались предложения «возобновить союз» и просьбы о помощи. Своего хозяина Якуб убеждал, что в Стародубе «истинный царь Дмитрий». Льва Сапегу эти заверения не ввели в заблуждение. Через других осведомителей канцлер, как видно из его письма к Сигизмунду III, уже точно знал, что Лжедмитрий II не «прежний царь Дмитрий». Льва Сапегу сильно беспокоило то, что мистификаторам удалось добиться определенных успехов и что это, в конечном счете, может дорого стоить Речи Посполитой. Новая попытка царика и его покровителей получить помощь из-за рубежа закончилась неудачей[54].

Отряды Лжедмитрия II, как видно из записок Й. Будилы, выступили в поход на Тулу 10 (20) сентября 1607 г.[55] Письма М. Харлинского, С. Куровского, а также мемуары Й. Будилы и М. Мархоцкого дают возможность восстановить ход событий тех дней. Первым городом, который самозванцу удалось занять 15 (25) сентября 1607 г., был Почеп. Местные дети боярские и горожане, по словам Й. Будилы, встретили царика с радостью[56]. Из Почепа Лжедмитрий II и его воины 20 (30) сентября 1607 г. двинулись на Брянск. Город имел важное стратегическое значение в борьбе за Северщину. Здесь, по данным М. Харлин-

ского, были сосредоточены запасы оружия и снаряжения, столь необходимые для оснащения новой повстанческой армии. В пути самозванец получил известие, что «войско» Василия Шуйского неожиданно заняло Брянск[57]. Русские источники позволяют установить, что в действительности это был небольшой отряд из 250 воинов головы Елизара Безобразова. По приказу мещовского воеводы Г.Ф. Сумбулова воины правительственного отряда явились в Брянск за три дня до прибытия туда самозванца, вывезли все запасы и подожгли город[58]. Лжедмитрий II послал за ними в погоню отряд наемников и русских воинов во главе с Й. Будилой и Д.Т. Рындиным, но они не смогли догнать воинов Е. Безобразова, спешно отступивших в Мещовск[59].

Г.Ф. Сумбулов, вероятно, действовал по собственной инициативе. Василий Шуйский в грамоте 18 (28) сентября 1607 г. дал воеводе иные инструкции. Он приказал срочно занять город и организовать его оборону[60]. Распоряжение царя сильно запоздало. Царик занял Брянск, по расчетам И.С. Шепелева, около 24—25 сентября (4—5 октября) 1607 г.[61] Рейд Е. Безобразова лишил самозванца возможности обеспечить своих воинов оружием и снаряжением. Первая же неудача вызвала серьезный конфликт между руководителями движения и наемным войском. Й. Будила отметил, что 26 сентября (6 октября) 1607 г. наемники якобы «рассердились на царя за одно слово, взбунтовались и, забрав все вооружение, ушли прочь». Понадобилось немало труда, чтобы уговорить солдат вернуться[62]. Выступление наемников задержало Лжедмитрия II в Брянске почти на неделю. Чтобы исправить положение, М. Меховецкий решил отправить 29 сентября (9 октября) 1607 г. в Речь Посполитую на Люблинскую ярмарку М. Харлинского, чтобы он закупил оружие и снаряжение для повстанческого войска и привлек под знамена самозванца новых солдат[63].

Уговорив наемников, Лжедмитрий II, по показаниям М. Харлинского и Й. Будилы, двинулся 1 (10) октября 1607 г. из Брянска в Карачев. Город он занял без боя 2 (12) октября 1607 г. Здесь к царику присоединились запорожские казаки. Численность их отряда мемуаристы-наемники не указали, но самозванец почувствовал себя настолько уверенным, что разрешил М. Меховецкому и Й. Будиле 4 (14) октября 1607 г. совершить дерзкий налет на отряд правительственных войск

кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского, который осаждал Козельск[64]. Точных данных о численности правительственного отряда в источниках не сохранилось. Поздний польский хронист Пясецкий утверждает, что в нем было 8 тыс. воинов, но эти данные явно преувеличены[65]. Наемники, как следует из рассказов участников боя Й. Будилы и С. Куровского, которые подтверждаются данными русских источников, напали на лагерь кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского на рассвете 8 (18) октября 1607 г. и застали его воинов врасплох. В результате короткого боя правительственный отряд был разгромлен. Воевода кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский бежал, его помощник иноземец Мартьяш Мизинов и некоторые служилые люди попали в плен. Примерно 300 воинов, по непроверенным данным С. Куровского, пали в бою. В руки наемников попал обоз, который позволил отчасти решить часть проблем снабжения повстанческого войска. 11 (21) октября 1607 г. Лжедмитрий II торжественно въехал в город. Освобожденные из осады жители Козельска встретили его с ликованием[66]. Развивая успех, М. Меховецкий двинул войско самозванца к Белеву и 16 (26) октября 1607 г. занял город. Передовые отряды самозванца, захватив Епифань, Крапивну, Дедилов, вышли на ближние подступы к Туле[67]. Вероятно, в это время отряд правительственных войск, осаждавший Крапивну, покинули татары во главе с зятем Василия Шуйского кн. Петром Урусовым. По одним сведениям, князь явился в стан самозванца, по другим — отправился в Крым. С. Куровский, Й. Будила, М. Мархоцкий и К. Буссов ничего не сообщают о появлении татар в войске самозванца в октябре 1607 г., поэтому версия об уходе татар в Крым представляется более вероятной[68].

Капитуляция повстанческой армии И.И. Болотникова в Туле 10 (20) октября 1608 г. резко изменила общую военно-стратегическую ситуацию на юге России. В литературе долгое время бытовала гипотеза, основанная на показаниях поздних источников, что царь Василий будто бы допустил ошибку, распустив воинов правительственной армии из Тулы по домам[69]. И.С. Шепелев, проанализировав данные документальных источников и разрядов, пришел к заключению, что в действительности В. Шуйский принял меры к укреплению войска. Он постарался отправить по домам наименее боеспособные отряды и призвал на службу новых воинов. Однако приведенные

исследователем сведения о новых наборах ратников в правительственные войска относятся к концу 1607 г.[70] Разряды свидетельствуют, что сразу после взятия Тулы царь Василий принял действенные меры для разгрома самозванца. На Пчельню «для Брянских вестей» были отправлены воеводы — бояре М.В. Скопин-Шуйский и И.Н. Романов с ратными людьми[71], которые, по всей видимости, должны были воспрепятствовать соединению самозванца с калужскими повстанцами. Против Вора царь отправил боярина кн. И.В. Голицына и окольничего Ф.В. Головина[72]. Другой отряд правительственных войск под командованием стольника кн. Д.И. Мезецкого и Ф.И. Леонтьева отбил у передовых отрядов самозванца Одоев и Крапивну[73]. Немногочисленные и плохо вооруженные отряды Лжедмитрия II были не способны противостоять выступившим против них правительственным войскам. Руководители повстанческого лагеря 17 (27) октября 1607 г. отдали приказ об отступлении из Белева на Карачев. Воины самозванца, по данным Й. Будилы, достигли города 19 (29) октября 1607 г. Как только непосредственная угроза столкновения с правительственными войсками миновала, войско самозванца начало распадаться. Первыми стан самозванца покинули запорожские казаки. Затем взбунтовались наемники, требуя расчета и явно намереваясь вернуться в Речь Посполитую. Русские ратники, как свидетельствует М. Мархоцкий, выказали намерение выдать царька В. Шуйскому и тем самым получить прощение[74]. Действительно, жители Брянска принесли повинную В. Шуйскому и пустили в город воеводу Г.Ф. Сумбулова[75].

Почувствовав неладное, шкловский бродяга прибег к своему испытанному средству. Он тайно бежал вместе с несколькими приближенными в Орел. Из иноземцев его сопровождал только некий Кроликовский. Попытки М. Меховецкого уговорить Лжедмитрия II вернуться ни к чему не привели. После мятежей в Брянске и Карачеве самозванец, по всей видимости, решил порвать со своими покровителями и довериться путивлянам[76]. Когда по дороге из Орла в Путивль царик и его товарищи столкнулись с новыми отрядами наемников, то постарались скрыть, кто он на самом деле[77]. Планы самозванца и его товарищей на первый взгляд могут показаться обреченными на неудачу. Но они обнаруживают любопытную тенденцию

— стремление части повстанцев, недовольных действиями И. Заруцкого и М. Меховецкого, перехватить у них руководство делом самозванца и попытаться придать ему иную направленность. Некоторые повстанцы, по всей видимости, уже в начале движения были разочарованы поведением наемников и обнаружили явное стремление продолжить дело И.И. Болотникова без иноземных солдат.

Воеводы кн. И.В. Голицын и Ф.В. Головин, узнав о бегстве Вора, «до Брянска», а по другим сведениям «до Карачева» не дошли[78]. ВБрянск, жители которого принесли повинную В. Шуйскому, был введен значительный гарнизон во главе с боярином кн. М.Ф. Кашиным и дворянином московским А.Н. Ржевским[79]. Тульская победа, развал войска самозванца, наметившийся переход на сторону московского правительства городов, участвовавших в «воровстве», вселяли надежды на скорое прекращение гражданской войны[80]. В этих условиях Василий Шуйский, по всей видимости, решил, что имеющихся в Брянске войск достаточно, чтобы погасить пламя братоубийственной войны, и распустил по домам служилых людей, утомленных многомесячной осадой Тулы. Он, вероятно, хорошо помнил, что произошло с правительственной армией под Кромами в 1605 г. после многомесячного стояния, и стремился не повторять ошибок Годуновых.

§ 3. Поход Лжедмитрия II на Брянск

Перемены, произошедшие в Речи Посполитой летом—осенью 1607 г., оказали значительное влияние на события Смуты. Одержав победу над рокошанами в сражении под Гузовым 26 июня (6 июля) 1607 г., король Сигизмунд III начал длительные переговоры с лидером рокошан М. Зебжидовским о примирении. Военные действия между правительственными войсками и рокошанами прекратились. Многие солдаты как с той, так и с другой стороны остались не у дел и готовы были искать счастья на чужбине. Долгое время историки были убеждены, что костяк иноземных отрядов самозванца составляли бывшие рокошане, бежавшие от преследований польских властей. Затем выяснилось, что под знаменами самозванца воевали как сторонники короля, так и рокошане. Более того, бывшие при-

верженцы официальных властей в войске царика явно преобладали[81]. Наибольшую активность в вербовке солдат в войско самозванца проявили братья кн. Роман и Адам Ружинские — сторонники короля в борьбе с рокошанами. Эти факты позволили И.С. Шепелеву вернуться к гипотезе о скрытой интервенции Речи Посполитой против России[82]. Однако Я. Мацишевский установил, что уход солдат правительственной армии в Россию значительно ослаблял позиции официальных властей Речи Посполитой на переговорах с рокошанами и создавал реальную угрозу войны с восточным соседом до завершения гражданской войны внутри страны[83]. Именно поэтому король Сигизмунд III, гетман Станислав Жолкевский и канцлер Лев Сапега делали все что могли, пытаясь не допустить ухода солдат в Россию, а М. Зебжидовский всячески содействовал экспедиции[84]. Ш. Харлинский сообщил в своем письме кн. Радзивиллу, что будущему гетману самозванца удалось получить у М. Зебжидовского 60 тыс. злотых «на маетность»[85].

В октябре 1607 г. войско короля, стоявшее в лагере под Завихостьем, разделилось. Одни солдаты отправились на зимние квартиры, другие — ушли с Потоцкими, Струсем, М. Вишневецким в Валахию на помощь господарю Константину Иеремеевичу, третьи — решили идти с Р. Ружинским в Россию к Лжедмитрию II[86]. Ш. Харлинский отметил в своем письме к кн. Радзивиллу, что в октябре 1607 г. в отряде Р. Ружинского было 700 гусар[87]. Близкую цифру — 1 000 всадников — называет С. Маскевич, покинувший лагерь правительственных войск с солдатами, отправившимися на зимние квартиры[88]. Вероятно, Ш. Харлинский и С. Маскевич имели в виду передовой отряд наемников Валентия Валевского, которого Р. Ружинский в это время направил в Россию. Мемуаристы М. Мархоцкий и Й. Будила отметили, что в этом отряде служило примерно 1 тыс. человек (500 конников и 400 пехотинцев)[89]. Одновременно с В. Валевским в России появился Самуил Тышкевич, которого отец Фредерик Тышкевич направил к самозванцу с 1 тыс. воинов (700 конников и 200 пехотинцев)[90]. Приведенные мемуаристами данные в основном подтверждаются сведениями Новостей, которые распространялись в Речи Посполитой в ноябре — декабре 1607 г. В них сообщалось, что в отряде, посланном

кн. Р. Ружинским, было 500 конников, а у С. Тышкевича — 800 гусар и 5хоругвей казаков[91].

В. Валевский и С. Тышкевич, по показаниям С. Куровского, Й. Будилы и М. Мархоцкого, встретили Лжедмитрия II 23 октября (2 ноября) 1607 г. в Комарицкой волости, «убедили» предпринять 3 (13) ноября 1607 г. наступление на Карачев и Брянск[92]. Вопрос о том, где находился лагерь самозванца и наемников почти две недели, остается невыясненным. И.С. Шепелев, ссылаясь на данные позднего Нового летописца и Б. Болтина, полагает, что самозванец и иноземцы вернулись в Стародуб[93]. Если обратиться к тексту Нового летописца, то можно обнаружить неточность в интерпретации источника, допущенную И.С. Шепелевым. Автор Нового летописца указывает, что самозванец после встречи с наемниками стал лагерем в Трубчевске. Стародуб упоминается только в заголовке статьи, который явно позднего происхождения[94]. Б. Болтин действительно говорит, что Лжедмитрий II пришел к Брянску «во осень» из Стародуба, но это первое упоминание в источнике о самозванце, в котором два осенних похода царика объединены в один. Есть еще одно свидетельство о пребывании Лжедмитрия II в Стародубе. Доктор богословия Викентий Львовский указал в своем донесении от 22 декабря 1607 г. (3 января 1608 г.), что виделся с Лжедмитрием *«в Северской области в Стародухове»* около дня Симона и Иуды в 1607 г.[95] Католики отмечают день Симона и Иуды 18 (28) октября 1607 г. В этот день самозванец, как известно из показаний М. Харлинского, С. Куровского, Й. Будилы, был в Карачеве[96]. Вдонесении богослова явная путаница. Трубчевск являлся удобным пунктом сосредоточения войск самозванца, т. к. отсюда шли прямые дороги как на Карачев и Брянск, так на Путивль и Стародуб, поэтому свидетельство Нового летописца представляется более достоверным.

М. Мархоцкий отметил, что помимо С. Тышкевича и В. Валевского к Лжедмитрию II до начала похода на Брянск прибыли кн. Адам Вишневецкий из Киевского воеводства, Мелешко и Хруслинский из Брацлавского воеводства[97]. К. Буссов, хорошо знавший А. Вишневецкого как «большого друга и на редкость благожелательного господина», указал, что в его отряде было 200 копейщиков[98]. Эти данные, по-видимому, соответствуют действительности. В Реестре войска самозванца в роте кн.

А. Вишневецкого указано 200 конников[99]. Численность отряда Мелешко точно не известна. В войне короля с рокошанами ротмистр командовал сотней пятигорцев, которая, судя по всему, и стала основой его отряда[100]. Й. Будила, который в то время находился в войске М. Меховецкого, ничего не сообщил о появлении кн. А. Вишневецкого и Мелешко, но А. Хруслинский, по его данным, пришел уже после того, как оба войска самозванца соединились под Брянском. Й. Будила был очевидцем и его сообщение о Хруслинском представляется более точным. К. Буссов отметил, что до Брянского похода в стане самозванца появился бывший рокошанин Александр Лисовский, о котором, по каким-то причинам, умолчали М. Мархоцкий и Й. Будила. Эти данные полностью подтверждаются показаниями Нового летописца. Его автор отметил, что именно он убедил Лжедмитрия II и полковников предпринять второй поход на Брянск[101].

А. Лисовский, как установил Дзедушицкий, двинулся к самозванцу с 200 воинами, но в дороге пополнил свой отряд донскими казаками[102]. В стан самодержца он, по сведениям К. Буссова и М. Мархоцкого, привел уже 700 воинов[103]. Выявленные данные позволяют предположить, что до начала похода на Брянск в войске самозванца служило около 2—2,5 тыс. наемников.

Общая численность гарнизона города, которым командовали боярин кн. М.Ф. Кашин и выборный дворянин А.Н. Ржевский, по данным С. Куровского, составляла 3 тыс. воинов. Воеводы привели в порядок укрепления крепости и подготовились к обороне[104]. При таком соотношении сил царик и его полковники не могли обойтись без помощи М. Меховецкого и его войска. Й. Будила отметил, что, выступив в поход 3 (13) ноября 1607 г., войско самозванца достигло Брянска только шесть дней спустя — 9 (19) ноября 1607 г.[105] Промедление, по всей видимости, было связано с тем, что полковникам Лжедмитрия II и М. Меховецкому долго не удавалось договориться. Наконец в окрестностях Брянска оба войска соединились. М. Меховецкий сохранил за собой должность гетмана, но вынужден был поделиться властью. Доверенные лица кн. Р. Ружинского М. Харлинский и В. Валевский стали соответственно маршалком и канцлером[106].

Узнав о приближении царика, кн. М.Ф. Кашин и А.Н. Ржевский решили встретить врага в миле от города в расчете нанести поражение в открытом поле. Они явно недооценили удар-

ной силы иноземной конницы. Лихой атакой наемники смяли и обратили в бегство воинов правительственного отряда, и на их плечах ворвались в город. Воеводы едва успели засесть в крепости. Победители поставили на сожженном посаде укрепленный лагерь и начали осаду[107].

В конце ноября 1607 г. Лжедмитрий II и его окружение в очередной раз попытались установить контакты с правящими кругами Речи Посполитой. Самозванец в своем письме известил короля, что направляет к нему своего гонца — «знатного человека» еврея Арнульфа Калинского — с известием о том, что надеется, как прежде, на помощь в «отвоевании отцовского царства», и в скором времени в Краков отправит «великое посольство»[108]. Но и это послание король оставил без каких-либо последствий. А. Гиршберг установил, что А. Калинский смог добраться до Кракова только в феврале 1608 г.[109]

В ноябре — декабре 1607 г. войско Лжедмитрия II в лагере под Брянском пополнилось новыми отрядами наемников. Пан Миколай Велегловский-Корытко привел некоего самозванного царевича и 12хоругвей погребицких казаков. Войцех Рудницкий, Анжей Хруслинский и Стефан Казимерский, по данным Й. Будилы, прибыли к царику вместе со своими ротами[110]. Согласно Реестру войска самозванца, М. Велегловский впоследствии командовал полком 800 конных гусар и казаков, В. Рудницкий — 120 конниками[111], Хруслинский — 200 пятигорцами, С. Казимерский — 150 пятигорцами[112]. Таким образом, к концу 1607 г. наемное войско самозванца достигло примерно четырех с лишним тысяч человек.

Многочисленные свидетельства иностранных мемуаристов о поступлении на службу к Лжедмитрию II наемников создали обманчивое представление, что исключительно благодаря помощи иноземцев самозванец смог продолжить борьбу с Василием Шуйским. Источники не подтверждают этой гипотезы. В ноябре 1607 г. в Брянском лагере войско Лжедмитрия II пополнилось крупными отрядами русских повстанцев. С. Куровский и автор Нового летописца сообщают, что к царику явился самозванец — «царевич» Федор Федорович во главе 3-тысячного отряда донских казаков. Он был обласкан Лжедмитрием II и занял видное место при его дворе[113]. Бывший соратник И.И. Болотникова Юрий Беззубцев, по свидетельству

К. Буссова, привел к самозванцу, по непроверенным данным, 4 тыс. бывших воинов повстанческой армии, которых Василий Шуйский в соответствии с договором о капитуляции Тулы простил и послал осаждать Калугу. Болотниковцы не смогли ужиться в правительственном лагере, подняли мятеж и ушли к царику[114]. Общая численность войска ЛжедмитрияII, по данным, полученным в Речи Посполитой в ноябре — декабре 1607 г., достигла 10 тыс. человек[115]. Нетрудно заметить, что русские повстанцы играли в нем важную роль.

Положение правительственного отряда, осажденного в Брянске, день ото дня ухудшалось. В крепости не хватало воды, дров, продовольствия. Василий Шуйский, обеспокоенный развитием ситуации на Северщине, направил к Брянску войско, которым командовали боярин И.С. Куракин и стольник кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский[116]. Передовой отряд кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского достиг города, по данным Й. Будилы и Нового летописца, 14 (24) декабря 1607 г.[117] Воевода, оценив ситуацию, пошел на риск: сходу форсировал р. Десну, по которой шел лед, не дожидаясь подхода основных сил. Гарнизон крепости помог кн. В.Ф. Литвинову-Мосальскому и его воинам, ударив по лагерю противника. Гетман М. Меховецкий и полковники оказались не готовы к такому развитию событий и не смогли помешать кн. Ф.В. Литвинову-Мосальскому и его воинам прорваться в Брянск и помочь осажденным. В разгар боя подошли основные силы правительственного войска и сосредоточились на берегу Десны напротив города. Ночью ударил сильный мороз. Река встала. Правительственные войска получили возможность доставить в крепость все необходимое и провести перегруппировку сил для решающего удара по лагерю самозванца[118].

События на Северщине и в украинных городах в конце 1607 г. показали, что после взятия Тулы с самозванщиной далеко не покончено. Переход на сторону Лжедмитрия II бывших болотниковцев из-под Калуги, новые пополнения с Дикого Поля и из-за рубежа помогли движению Лжедмитрия II вновь набрать силу. Широкое участие в движении иноземцев подтолкнуло Василия Шуйского активизировать дипломатические усилия в надежде добиться от Сигизмунда III вывода польских и литовских отрядов из России. Прибывшие в Москву еще 22 ок-

тября (2 ноября) 1607 г. королевские посланники С. Витовский и Я. Соколинский-Друцкий 20 (30) ноября 1607 г. получили аудиенцию[119]. Примечательно, что Василий Шуйский выполнил одно из требований польской стороны: допустил для участия в переговорах прежних послов М. Олесницкого и А. Гонсевского[120]. Они, как видно из Разрядов, участвовали в переговорах во дворце 8 (18) и 15 (25) декабря 1607 г., затем 28 января (7 февраля) и 5 (15) февраля 1608 г. Уступка, как видно, не принесла желаемых результатов. И. Масса, черпавший свои сведения у живших в Москве иноземцев, разузнал, что послы вели себя очень заносчиво и надменно, обвиняли московитов за великое бесчестие и гибель подданных короля 17 (27) мая 1606 г.[121] Переговоры к началу весны зашли в тупик. Царь Василий, как видно из Разрядов, вплоть до мая 1608 г. отказывал послам в аудиенции[122]. С. Витовский и Я. Соколинский, так же как А. Олесницкий и А. Гонсевский, фактически оказались пленниками.

В разгар боев у Брянска Василий Шуйский и его окружение приняли решение, не дожидаясь весны, направить значительные силы для подавления движения самозванца. Местом сбора, по данным Разрядов, был определен Алексин, откуда войско выступило в поход 8 (18) января 1608 г.[123] Данные Разрядов подтверждаются записью в Дневнике слуги Мнишков. А. Рожнятовский отметил, что 20 (30) января 1608 г. в Ярославле узнали об отправке против самозванца большого войска во главе с Дмитрием Шуйским[124]. Оно было уряжено на три полка: в большом полку — боярин кн. Д.И. Шуйский, боярин кн. Б.М. Лыков, дворянин московский кн. Г.К. Волконский-Кривой и разрядный дьяк С. Ефимов; в передовом полку — бояре кн. В.В. Голицын и М.А. Нагой; в сторожевом полку — боярин кн. И.С. Куракин и стольник кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский-Гнусин; у наряда — Г.Л. Валуев; в ертауле — дворянин московский кн. Ф.А. Татев и В.Т. Колычев[125]. Кн. Д.М. Шуйский выехал из Москвы в войска, по одним сведениям, 8 (18) января 1608 г., по другим — 21 (31) января 1608 г. Противоречие в показаниях Разрядов легко разрешить, если обратиться к росписи свадьбы Василия Шуйского 17 (27) января 1608 г. Кн. Д.И. Шуйский в ней не участвовал. «В отцово место» сидел другой брат царя кн. И.И. Шуйский[126]. Таким образом, большой и передовой полки выступили в поход после 8 (18) января 1608 г. и «по после-

днему зимнему» пути достигли Болхова[127]. Здесь к ним, по всей видимости, присоединился сторожевой полк, составленный из отрядов кн. И.С. Куракина и кн. В.Ф. Литвинова-Мосалького, принимавших участие в недавних боях с воинами самозванца под Брянском[128].

Тем временем Лжедмитрий II получил новые подкрепления из Речи Посполитой. В лагерь самозванца явились Я. Микулинский и Ф. Тышкевич с Тупальским. В 1608—1609 гг. Я. Микулинский командовал полком, в котором служило 450 бывших воинов инфляндской армии[129]. Ф. Тышкевич и Тупальский, по данным Й. Будилы, привели 400 конников[130]. Новые отряды наемников, судя по всему, не изменили неблагоприятного для приверженцев самозванца соотношения сил. Гетман М. Меховецкий, получив известие о выступлении войска кн. Д.И. Шуйского, не решился дать ему генеральное сражение. Лжедмитрий II и его воины в разгар зимы покинули свой лагерь и отступили к Карачеву. Кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский, успевший со своими воинами занять город, попытался воспрепятствовать продвижению отрядов самозванца, но поняв, что силы слишком не равны, дал возможность им пройти мимо. Лжедмитрий II и М. Меховецкий не стали задерживаться у Карачева и ушли в Орел, в который прибыли 6 (16) января 1608 г. Этот город на несколько месяцев стал «воровской» столицей[131].

Лжедмитрий I, потерпев неудачу в сражении при Добрыничах, бежал в Путивль и здесь, опираясь на помощь населения Северщины, воссоздал повстанческое войско. Лжедмитрий II после взятия Тулы и распада его войска в октябре 1607 г. также искал убежища в Путивле. Можно было ожидать, что после неудачи под Брянском царик и его окружение вновь отступят на Северщину — главную базу повстанческого движения, т. к. здесь удобнее всего можно было пополнять свои войска новыми отрядами иноземцев. Вместо этого руководители движения самозванца увели своих солдат в Орел, открыв правительственным войскам дорогу на Северщину и поставив под удар шедшие на службу к царику новые отряды наемников. В источниках нет прямых указаний о причинах предпринятого маневра, однако содержащиеся в них косвенные данные позволяют сделать некоторые наблюдения.

Северщина была до крайности истощена многолетней гражданской войной и явно не могла содержать войско самозванца, в котором было много наемников, готовых в любой момент компенсировать неуплату жалования грабежами местного населения. Именно поэтому дальнейшее наращивание наемной армии, судя по упорному нежеланию Лжедмитрия II принимать на службу кн. Р. Ружинского и его солдат, не входило в планы руководителей повстанческого лагеря. Расположившись лагерем в Орле — крепости на степной границе, — руководители повстанческого движения, по всей видимости, намеревались получить помощь из казачьих станиц Дикого Поля[132]. И они ее получили. К весне 1608 г., по данным М. Мархоцкого, под знамена Лжедмитрия II собралось около 3 тыс. запорожских казаков. Атаман Иван Заруцкий, специально ездивший за подмогой на Дон, довел численность своего полка до 5 тыс. казаков[133]. Ядро этих отрядов, несомненно, составляли вольные донские, волжские, терские, запорожские казаки, но были и представители других слоев населения. В украиных уездах Русского государства эти отряды быстро обрастали как станицами служилых казаков, так и отрядами местных дворян и служилых людей по прибору, превращаясь в казачьи полки. Лжедмитрий II с почетом принимал своих мнимых родственников — «царевичей» — и давал думные чины казачьим атаманам. Все они заняли видные места при его дворе[134]. Приведенные факты позволяют предположить, что именно вольные казачьи станицы с Дона, Волги, Днепра и Терека, составлявшие костяк пришедших на помощь самозванцу отрядов, помогли повстанческому движению вновь набрать силу. В ноябре 1607 — марте 1608 г. русские повстанцы, а не командиры наемного войска являлись подлинными руководителями движения Лжедмитрия II.

§ 4. Законы о холопах

В конце 1607 — начале 1608 г., в преддверии решающих сражений, руководители движения самозванца и правительство Василия Шуйского издали ряд законодательных актов, которые призваны были способствовать укреплению позиций противоборствующих сторон. И.И. Смирнов, анализируя законодательные акты Василия Шуйского, пришел к выводу,

что характерной чертой политики царя по вопросу о «крестьянах и холопах» явилось стремление использовать законодательство «как средство для привлечения на свою сторону тех или иных слоев землевладельцев-феодалов, равно как и для внесения разложения в ряды участников восстания»[135]. И.С. Шепелев поддержал и развил наблюдения И.И. Смирнова. Историк отметил, что законодательные акты 1607—1608 гг. носили «временный, непрочный характер», царь стремился удержать холопов от перехода в стан самозванца и в конечном счете достиг поставленной цели[136]. Лжедмитрий II, по мнению исследователя, широкими пожалованиями дворянам и детям боярским и законодательными уступками крестьянам и холопам также стремился к «мобилизации дополнительных ратных сил»[137]. В.И. Корецкий, изучив законодательные акты Василия Шуйского 1607—1608 гг. и материалы, отразившие их реализацию на практике, пришел к заключению, что царь в указах о холопах стремился вернуться к «закрепостительным нормам 90-х годов, оформившим в России в основных чертах крепостное право». Однако новые законы, по мнению историка, во многом остались на бумаге, т. к. правительство в условиях крестьянской войны не имело достаточных сил и средств для их реализации. Законодательная политика Лжедмитрия II, считает исследователь, носила противоречивый характер. «Самозванец, — по его мнению, — лавировал, прибегая то к крепостническим, то к антикрепостническим акциям»[138]. В.М. Панеях проанализировал правительственные нормативные акты начала 1608 г. в контексте законодательства о холопах конца XVI — начала XVII в. и их реализацию на практике по материалам новгородских кабальных книг. Историк также пришел к выводу, что законы Шуйского о холопах носили противоречивый характер, многие вводимые ими нормы остались на бумаге и вскоре были отменены[139].

Законодательные акты Лжедмитрия II не сохранились, но об их содержании можно судить по рассказам современников. Немецкий наемник Конрад Буссов, приехавший в лагерь самозванца после освобождения Калуги от осады в ноябре 1607 г., сообщил, что в конце 1607 — начале 1608 г. царик издал указ, по которому репрессиям подверглись изменившие ему дворяне и дети боярские и их семьи: *«Дмитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому,*

чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать»[140]. Показания немецкого наемника полностью подтверждает враждебно настроенный к повстанцам автор открытого М.Н. Тихомировым продолжения Казанского сказания: *«Воини же благороднии от тех стран и градов мало больше тысечи, но не согласящеся, един по единому, соблюдошася от смерти, прибегнуша к Москве, токмо телеса и оставиша матери своеи и жены и дети в домех и селах своих. Раби же их <дворян и детей боярских> служа им и озлонравишася зверообразием, насилующе господей своих побиваша, и пояша в жены себе господей своих жены и тщери. Такова убо беда бысть и скорбь в роде нашем, не бысть бо такова николи же от века»*[141]. Шведский дипломат П. Петрей из Элезунда полностью воспроизвел в 1620 г. в своем «Сказании о великом князе Московском» рассказ К. Буссова. Столетие спустя первый русский историк В.Н. Татищев, сославшись на сочинение П. Петрея, сообщил об указе самозванца с новыми важными деталями: *«Он же <Лжедмитрий II>, стоя в Орле, посылал от себя по всем городам грамоты с великим обещанием милостей, между прочим всем крестьянам и холопем прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял, и тем, почитай, весь простой народ к себе привлек. И через то во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножилось, и в кождом городе поделали своих атаманов»*[142]. Историки широко использовали фрагмент хроники К. Буссова в пересказе В.Н. Татищева в своих исследованиях по истории Смуты. Два десятилетия назад В.И. Корецкий, сравнив рассказы К. Буссова и В.Н. Татищева, высказал предположение, что первый русский историк, пересказывая сообщение П. Петрея, дополнил его данными законодательных актов 1592/93 г. и 1598—1605 гг., а также Летописью келейника патриарха Иосифа. В челобитных дворян 1615—1618 гг. исследователь обнаружил несколько случаев верстания по даче Тушинского вора поместьями бывших крестьян[143].

Построения историка, основанные на предположениях, вызывают сомнения. Предполагаемые исследователем крепостнические законы Бориса Годунова или их следы в архивных

источниках не обнаружены. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что их не было вообще, и рассказ В.Н. Татищева в значительной степени плод его вольной интерпретации[144]. Некоторые строки сообщения В.Н. Татищева, отсутствующие в рассказе К. Буссова, явно восходят к царскому указу 9 марта 1967 г.

Указ 9 марта 1607 г.:	*В.Н. Татищев:*
«…а царь Федор Иванович, по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьянам заказал...»[145]	*«…крестьянам и холопем прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял…»*[146]

Нельзя с полной уверенностью утверждать, что приведенные В.И. Корецким случаи пожалований самозванцем поместьями крестьян имели место зимой 1607/1608 г. В челобитных Лжедмитрий II назван Тушинским вором, поэтому эти пожалования следует датировать 1608—1610 гг., а не началом 1608 г. К тому же из челобитных видно, что крестьяне скрыли тот факт, что не «служили», а «жили» за своими господами. Иначе говоря, все эти факты — отклонения от нормы, а не широко применяемая практика[147]. Для верной оценки законодательных актов Лжедмитрия II представляется более продуктивным вернуться к интерпретации показаний очевидцев — К. Буссова и автора продолжения Казанского сказания.

Наемник и казанский сын боярский прямо указывают, что разрешение захватывать поместья господ получили «рабы» (т. е. холопы), а не крестьяне. Они, как видно из обоих свидетельств, до того как «озлонравились», служили своим господам, а не «жили» за ними. Боевые холопы, по свидетельству А. Палицына и других современников, в большинстве своем были в недавнем прошлом разорившимися служилыми людьми, которых богатые бояре и дворяне всякими правдами и неправдами превратили в своих «рабов». В годы голода 1601—1603 гг., желая сэкономить на содержании двора, многие хозяева выбросили своих боевых холопов на улицу, не дав им отпускных. Холопы, чтобы выжить, были вынуждены взяться за оружие и стали одной из главных движущих сил сначала в шайках разбойников, затем в движениях Лжедмитрия I и Ива-

на Болотникова[148]. Указ Лжедмитрия II, как видно из свидетельств К. Буссова и автора продолжения Казанского сказания, открыл перед людьми, оказавшимися вне закона, возможность не только вновь стать полноправными членами общества, но приобрести имущество и попытаться возобновить карьеру служилого человека.

Практика освобождения холопов и испомещения их на государственных землях имела место в русской истории задолго до самозванца. Иван III в ходе новгородской поместной реформы в конце XV в. впервые в русской истории прибег к массовому освобождению и испомещению боевых холопов на конфискованных в казну вотчинах «изменников бояр». Они стали прочной опорой московских государей в борьбе за укрепление самодержавия[149]. В середине XVI в. Иван Пересветов в своей знаменитой челобитной настойчиво убеждал Ивана Грозного вернуться к опыту деда. Он ставил царю в пример турецкого Магмета-салтана, который «дал им <воинникам, которые у вельмож царевых в неволе были> волю, и взял их к себе в полк, и они стали у царя лутчие люди»[150]. В годы опричнины Иван Грозный широко использовал практику конфискации вотчин и поместий «изменников бояр», дворян и детей боярских, однако не пошел на массовые освобождения и испомещения холопов. Он предпочитал давать поместья худородным детям боярским и ограничился лишь единичными пожалованиями холопов, доносивших на своих господ[151]. Борис Годунов также щедро награждал холопов-«доводчиков». К примеру, второй Бартенев, донесший на бояр Романовых, получил освобождение и был пожалован поместьем[152]. Лжедмитрий I, пытавшийся представить себя защитником интересов служилых людей, демонстративно отказался от практики пожалований холопов за доносы на господ и лишил поместий тех, кто получил пожалования «за доводы» при Борисе Годунове[153].

И.И. Болотников и повстанцы в первые месяцы борьбы с В. Шуйским продолжили в отношении служилых людей политику Лжедмитрия I, но глубокий кризис, постигший повстанческое движение в ноябре — декабре 1606 г., заставил их пойти на крайние меры. Именно в это время повстанцы, как видно из Английского донесения, *«писали письма к рабам в город (Москву), чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели*

их добром» (выделено нами. — *И. Т.*)[154]. Данные Английского донесения позволяют выяснить, кто был инициатором издания указов Лжедмитрия II о холопах — ими были бывшие болотниковцы, явившиеся к самозванцу во главе с атаманом Ю. Беззубцевым. Они в точном соответствии с правом условного владения изымали поместья у изменников дворян и детей боярских и передавали их боевым холопам. Нововведением была попытка оформить передачу поместья по праву наследования через женитьбу бывших холопов на господских дочках и вдовах. Сопоставление этих мер с прецедентами освобождения и испомещения боевых холопов в XV—XVI вв. позволяют выяснить цель, которую царик и его окружение, вероятно, преследовали, проводя в жизнь новые законы. Превращая боевых холопов в помещиков, они, по всей видимости, пытались укрепить корпорации служилых людей в уездах, занятых приверженцами самозванца, и повысить боеспособность изрядно поредевшего в предшествующих боях с правительственными войсками ополчения. Для многих послужильцев и боевых холопов указы самозванца открыли возможность сделать блестящую карьеру. Яркий пример тому — судьба Андрея Федоровича Палицына. Он, по его собственным словам, «служивал» у Якова Михайловича Годунова и самовольно отъехал к Вору и стал у него сыном боярским. Попав в плен в Тотьме в конце 1608 г., он добился прощения и впоследствии достиг больших успехов на государевой службе, став видным воеводой в земских ополчениях 1611—1612 гг.[155]

Для дворян и детей боярских, попавших в опалу, конфискации Лжедмитрия II явились настоящей катастрофой. После перехода рославского сына боярского Андрея Маслова на сторону Василия Шуйского, царик приказал отобрать у него поместья. Попытка матери опального — вдовы Анфимии Масловой — сохранить хотя бы часть имущества, ссылаясь на то, что поместья — выслуга ее покойного мужа Константина Маслова, а не сына, ни к чему не привела. Вдове вместе с невестками и внучатами пришлось нищенствовать[156].

Анализируя рассказ К. Буссова об Указе самозванца о холопах, исследователи не сопоставили его с сообщением наемника о пожалованиях дворян и детей боярских: *«К нему <Лжедмитрию I> пришло много князей, бояр и немцев, которым он тот-*

час же дал земли и крестьян, больше, чем они до того имели. Это было причиной того, что они неизменно оставались на его стороне, хотя и хорошо видели, что он не Дмитрий Первый, а кто-то иной»[157]. К примеру, конфискованные поместья семьи Масловых пошли в раздачу преданным самозванцу детям боярским — рославльцам Алексею Саврасову с детьми, Василию Рыкову с товарищами[158]. В материалах Архива тушинского гетмана Яна Сапеги сохранились документы, подтверждающие сообщение К. Буссова, что царик жаловал верных ему дворян и детей боярских не по чину. К примеру, смолянин Иванец Дементьев, выпрашивая награду, отметил, что его товарищи «пожалованы до горла»[159]. Сын боярский Васька Давыдов получил у самозванца в поместье богатую подмосковную дворцовую Сенеческую волость[160] и т. д. Сделанные наблюдения подтверждают гипотезу, что самозванец и его окружение своими указами стремились укрепить дворянские корпорации на занятых ими территориях преданными людьми из обедневших служилых людей, боевых холопов и казаков. Из этих же слоев поначалу создавалась служилая элита в движении самозванца. Именно поэтому современники заявляли, что «чашники и стольники у Дмитрея его же казаки»[161]. Факты широких раздач земель и крестьян свидетельствуют, что царик и его советники, вопреки мнению В.И. Корецкого, никогда не проводили «антикрепостнической политики». Указы Лжедмитрия II, как показывает анализ свидетельства К. Буссова и продолжателя Казанского сказания, открывали перспективу создания нового дворянства, которое могло стать прочной опорой самозванца в его борьбе с Василием Шуйским. Применение террора в отношении изменников, по свидетельству как документальных, так и нарративных источников, привело к тому, что многие дворяне и дети боярские из контролируемых повстанцами уездов (по непроверенным данным автора продолжения Казанского сказания, «немногим болши тысещи»), до того занимавшие выжидательную позицию, бежали к Василию Шуйскому[162].

Московское руководство не осталось безучастным к законодательным усилиям своего врага. В начале 1608 г. оно издало три новых законодательных акта: Боярский приговор 25 февраля, царские указы 9 марта и 19 марта. Примечательно, что и здесь в центре внимания законодателей оказались холопы. Ис-

следователи сосредоточили усилия на анализе изменений статуса холопов в сравнении с предшествующим законодательством. Анализ боярского приговора и царских указов показывает, что побудительной причиной обращения руководства Холопьего приказа к царю и Боярской думе явились многочисленные челобитные дворян и детей боярских с просьбами законодательно урегулировать противоречия, возникшие между холоповладельцами[163].

Боярский приговор 25 февраля 1608 г. содержит три вопроса, с которыми руководство приказа Холопьего суда обратилось к Думе, и ответы на них бояр. В центре внимания законодателей оказались споры между старыми и новыми владельцами холопов. Первый вопрос был инициирован новыми холоповладельцами, которые добивались, чтобы холопы опальных бояр и дворян, которых они взяли на поруки, оформили на них отпускные и кабалы, были признаны их собственностью. Второй вопрос исходил от старых холоповладельцев, которые, получив прощение, хотели вернуть утраченную собственность[164]. У исследователей вызвал недоумение тот факт, что на первый вопрос приказных бояре вместо прямого ответа дали заключение совсем по другому поводу[165]. И.С. Шепелев пришел к выводу, что бояре вынесли компромиссное решение: «холопов и крестьян» можно было оставлять у новых хозяев только в том случае, если с прежних хозяев не была снята государева опала, во всех остальных случаях их нужно было возвращать[166]. В.М. Панеях совершенно справедливо указал, что И.С. Шепелев допустил в своей интерпретации неточности. Во-первых, в тексте памятника нигде не говорится о крестьянах и речь идет только о холопах; во-вторых, историк за ответ бояр ошибочно принял вопрос, заданный руководством приказа Холопьего суда. Исследователь высказал предположение, что бояре «из-за деликатности данного казуса» в условиях политической нестабильности уклонились от прямого ответа на поставленный вопрос[167]. Разобраться, на наш взгляд, позволяет сопоставление двух первых ответов бояр. Оно обнаруживает, что власти отказались пересматривать ранее принятые решения и пошли на значительные уступки новым холоповладельцам. Попытки старых холоповладельцев вернуть свою собственность под предлогом, что они были в опале при Лжедмитрии I, были отклонены.

Бояре, по меткому выражению В.М. Панеяха, пожертвовали интересами старых холоповладельцев, постановив: «Старым отпускным верить!»[168]. Вопрос о пересмотре решений, принятых в первые годы царствования Василия Шуйского, как видно из первого ответа бояр, даже не рассматривался. Дума остановилась только на вопросе, который, по-видимому, всплыл во время обсуждения и приказными не задавался: как быть с холопами, которые бежали от новых холоповладельцев и примкнули «к новому воровству»? В этом случае бояре приняли компромиссное решение: если холопы добровольно сдадутся властям, то их следует передавать новым холоповладельцам, если же они будут захвачены «на бою или в языцех», то казнить или возвращать старым холоповладельцам[169]. В.М. Панеях справедливо отметил, что бояре, принимая это решение, преследовали еще одну цель: подтолкнуть холопов, принимавших участие «в новом воровстве» (т. е. в движении Лжедмитрия II), к переходу в правительственный лагерь[170]. В ответе на третий вопрос руководства приказа Холопьего суда бояре внесли существенные уточнения в процедуру представления беглого холопа в суд, что должно было, по мнению законодателей, положить конец ухищрениям бояр и дворян, укрывающих чужих холопов[171].

Царский указ 19 марта 1608 г. также целиком посвящен урегулированию отношений между старыми и новыми холоповладельцами. Инициаторами обращения руководства приказа Холопьего суда к царю вновь выступили новые холоповладельцы. Они жаловались, что старые хозяева пытаются отобрать у них холопов, ссылаясь на то, что это их беглые старинные холопы, которых «держали без крепостей». Царь решительно поддержал новых холоповладельцев, распорядившись отклонять челобитные старых хозяев под предлогом: «Почему у себя держал холопа без крепости?!»[172]. В.И. Корецкий пришел к заключению, что царь своим указом аннулировал неоформленное крепостями старинное холопство и тем самым пошел на уступки холопам[173]. В.М. Панеях справедливо отметил, что в данном случае речь шла не об аннулировании старинного холопства как института, а о разрешении «конкретной ситуации»: предоставлении возможности перехода старинных холопов к другим холоповладельцам[174]. Исследователи упустили из виду важное, по нашему мнению, обстоятельство. Царь, так же как

и Боярская дума, пошел на значительные уступки новым холоповладельцам, решив спор в их пользу. Только благодаря этому перед старинными холопами и открылась возможность искать лучшей доли.

Важные изменения в положение холопов внес Указ 9 марта 1608 г. Традиция и законы требовали, чтобы наследники после смерти хозяина отпускали на свободу его холопов. Холоповладельцы попытались обойти это установление, истолковав пожизненное холопство по-своему. Они стали записывать вольных людей в холопы пожизненно, т. е. до конца их дней, а не их хозяев. В.М. Панеях полагает, что Указом 9 марта 1608 г. Василий Шуйский исключил вольные истолкования статей Судебника и Указа 1 февраля 1597 г. о пожизненном холопстве, распорядился записывать вольных людей в холопы только до смерти хозяев и таким образом воспрепятствовал попыткам продолжить незаконную практику передачи их по наследству[175]. Историки оценивают новый закон как значительную уступку холопам с целью привлечь их на сторону правительства. Если сравнить этот указ с Указом 19 марта 1608 г., то можно обнаружить, что новый закон, подтверждая право холопов искать лучшей доли после смерти старого хозяина, прежде всего отвечал интересам новых холоповладельцев[176]. В данном случае стремление властей решить спор в пользу новых холоповладельцев, так же как в Указе 19 марта 1608 г., явилось причиной уступок холопам.

Смысл проводимой Василием Шуйским законодательной политики невозможно понять без выяснения вопроса: кто выступал в качестве новых, а кто в качестве старых холоповладельцев? Господствовавшая до недавнего времени в литературе схема, согласно которой Василий Шуйский был «боярским царем и проводил пробоярскую политику», в данном случае не объясняет происшедших перемен. Новые законы, по всей видимости, преследовали цель поддержать тех бояр и дворян, кто доказал свою преданность новой династии. Это полностью соответствует политике обильных пожалований своим приверженцам — боярам и дворянам, к которым Шуйский прибег после разгрома войск И.И. Болотникова и Лжепетра в Туле в конце 1607 г.[177] Царь и бояре, опубликовав законодательные акты, которые содержали значительные уступки дворянам,

детям боярским и холопам, явно стремились привлечь их на сторону правительства. Благодаря уступкам холоповладельцам — приверженцам новых властей, некоторые холопы смогли приобрести новый юридический статус в обществе и противостоять домогательствам прежних холоповладельцев, бросивших их на произвол судьбы в лихую годину. Издавая новые законы, Василий Шуйский и Лжедмитрий II инициировали острый конфликт между служилыми людьми южных уездов и их холопами. Сотни помещиков, спасаясь от репрессий, бежали к Шуйскому. Холопы составили «новое дворянство» самозванца. Вражда, возникшая между ними еще во времена Ивана Болотникова и Лжепетра, превратилась в пропасть[178].

Анализ процесса зарождения движения Лжедмитрия II и политики, проводимой руководством повстанческого лагеря, не подтверждает гипотезу, что самозванец был ставленником поляков и литовцев, а его движение — скрытой формой интервенции Речи Посполитой против России. Источники свидетельствуют, что в июле 1607 — марте 1608 г. подлинными руководителями движения самозванца являлись русские повстанцы — бывшие болотниковцы: атаман И.М. Заруцкий, дети боярские северяне Ю. Беззубцев, Г. Веревкин и др., а также их приятель М. Меховецкий. Отряды иноземных наемников хотя и играли важную роль в войске царика, но она была далека от той, какой она будет после прихода Р. Ружинского и особенно Я. Сапеги. Источники содержат лишь единичные свидетельства об участии крестьян в движении Лжедмитрия II, поэтому его нельзя рассматривать как крестьянское. Руководители нового движения, как в свое время И.И. Болотников, И. Пашков и П. Ляпунов, опирались прежде всего на служилых людей юго-западных и южных уездов страны: дворян и детей боярских, стрельцов и служилых казаков, а также вольных казаков и беглых холопов.

Наметившийся на заключительных этапах восстания И.И. Болотникова отход местных дворян и детей боярских от повстанческого движения и неудачи в борьбе с правительственными силами вынудили И.М. Заруцкого и М. Меховецкого настойчиво искать помощи за рубежом. Однако из-за рокоша в Речи Посполитой их успехи вплоть до конца 1607 г. были весьма скромными. В сложившихся условиях руководители повстан-

ческого лагеря продолжили курс, проводимый И.И. Болотниковым и казаками Лжепетра на заключительных этапах их восстания, встав на путь репрессий против «изменников дворян и детей боярских». Важно отметить, что эти радикальные социальные преобразования не выходили за рамки сложившейся системы и проводились в формах и методах, апробированных в правления Ивана III, Ивана IV. Борясь с дворянами-изменниками, повстанцы ни объективно, ни субъективно не разрушали прежний государственный строй. Вместо московского царя и бояр они предлагали своего царика и воровских бояр, вместо прежних дворян — новых из служилых людей по прибору, казаков и боевых холопов. Идеалы повстанцев лежали не в будущем, а в прошлом. Они боролись не за уничтожение существующего строя, а за его обновление по сильно идеализированной модели «доброго царя Ивана Васильевича» времен новгородской реформы и опричнины. В результате этой политики значительная часть служилых людей отошла от повстанческого движения и перешла на сторону правительства. Социальная база повстанческого движения сузилась. Его основными силами стали вольные казаки, беглые холопы, служилые люди по прибору и наемники. Падение Тулы, неудачи Лжедмитрия II под Брянском, захват правительственными войсками Царицына свидетельствовали, что повстанческое движение в целом, несмотря на появление Лжедмитрия II, по-прежнему переживает глубокий кризис.

Приведенные факты свидетельствуют, что движение Лжедмитрия II в июле 1607 — марте 1608 г. являлось прямым продолжением восстания И.И. Болотникова и его следует рассматривать как важный момент гражданской войны.

Примечания

[1] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 228—229; Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 42.

[2] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 521.

[3] Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII ст.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 208.

[4] List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła (?) 9 (19) października 1607 г. // Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской Академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. Ossolineum. № 1388. Л. 70—71.

[5] Письмо М. Олесницкого Сигизмунду III 29 июля (8 августа) 1607 г. // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 171—173.

[6] List Dmitra Fałszywego do Mogilewa 12(22) lipica 1607 r. // ОР НБУАН. Ф.5. № 168. Л. 527—527 об.; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 76; Баркулабовская летопись // ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 192.

[7] Новый летописец. С. 76; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 13; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 42—43.

[8] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 83; Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 129, 131.

[9] Роспись воротынцев, записавшихся у осадного головы Ивана Манцева 3 (13) января 1609 г. // Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (АСПбФИРИ РАН). К. 124. Собр. С.В. Соловьева. Оп. 1. Ед. хр. 231.

[10] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 76. С. 169. Факт перехода дворян Северщины на сторону правительства, как заметил Р.Г. Скрынников, подтверждается данными, полученными польскими послами. (Указ. соч. С. 227).

[11] Челобитная старицы Путивльского Никольского монастыря Марфы Лжедмитрию II о жаловании // Дополнения к Актам историческим, издаваемым Археографической комиссией (ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. № 156. С. 269.

[12] Масловский архив // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1916. Кн. 2. Отд. 1. С. 74—75.

[13] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 9.

[14] Баркулабовская летопись. С. 192.

[15] Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржарета. М., 1982. С. 180—181.

[16] Станиславский А.Л. Гражданская война в России в начале XVI ст.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 29.

[17] Грамота Лжедмитрия II смолянам 14(24) апреля 1608 г. // Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII в. СПб., 1841. Ч. 2. Прил. 7. С. 56—57; Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Памятники литературы

Древней Руси (ПЛДР): Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 138; Новый летописец С. 77.

[18] List E. Wołłowicza do L. Sapiehi 2 (12) wrzesnia 1607 r. // ОР НБУАН. Ф. 103. Собр. Сапег. № 556/Уа. Л. 84—85 об.

[19] Listy Zymunta III do E. Wołłowicza i L. Sapiehi 25 wrzesnia (5 października) 1607 r. // ОР НБУАН. Ф. 103. № 556/Уа. Л. 90—91 об.

[20] List E. Wołłowicza do L. Sapiehi 2 (12) wrzesnia 1607 r...

[21] Письмо Сигизмунда III Яну Завишу 8 (18) июня 1607 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Ч. 4. С. 269.

[22] List E. Wołłowicza do L. Sapiehi 2 (12) wrzesnia 1607 r...

[23] Маскевич С. Памятник // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 29—30; Maskiewicz S. Pamiętnik // Pamiętniki Samuala i Bogusława Maskiewicz ów (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 118.

[24] List Dmitra Fałszywego do Mogilewa 12(22) lipica 1607 r...

[25] Гиршберг А. Марина Мнишек. СПб., 1908. С. 54.

[26] Пирлинг Д. Дмитрий Самозванец. М., 1912. С. 400.

[27] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 27 sierpienia (6 wrzesnia) 1607 г. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998 III. Уа. Л. 304.

[28] Maciszewski J. Polska a Moskwa, 1603—1618. Warszawa, 1968. S. 141.

[29] Баркулабовская летопись. С. 191.

[30] Maciszewski J. Op. cit. S. 133—134.

[31] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского // Сборник Русского исторического общества (Сборник РИО). М., 1912. Т. 137. С. 408.

[32] Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 341—346.

[33] Буссов К. Московская хроника 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 145; Будила Й. История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1872. Т. 1. Стб. 124; List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła (?), 9 (19) praździernica 1607 r... Данные о численности отрядов Й. Будилы и М. Харлинского см.: Rejestr wojska polskiego, które jest przy Caru na Moskwie // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Уа. Л. 323—324.

[34] Баркулабовская летопись. С. 192.

[35] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 45.

[36] Marchocki M. Op. cit. S. 8.

[37] List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła(?), 9 (19) października 1607 r...

[38] Будила Й. Указ. соч. Стб. 134.

[39] Буссов К. Указ. соч. С. 145; Маскевич С. Указ. соч. С. 29; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) декабря 1609 г. с приказом беречь донских казаков // Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12. 70. С. 76—77.

[40] Буссов К. Указ. соч. С. 144—145; Маскевич С. Указ. соч. С. 29—30; Marchocki M. Op. cit. S. 8.

[41] Marchocki M. Op. cit. S. 6.

[42] Новый летописец. С. 76; Отписка из Тобольска в Томск, февраль 1610 г. // Гневушев А. Акты времени царствования Василия Шуйского 1606—1610. М., 1915. № 68. С. 80.

[43] Масловский архив. № 91. С. 74—75; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 455; Й. Будила ошибочно называл его Гиндиным (см.: Будила Й. Указ. соч. Стб. 125).

[44] Боярский список (БС) 1606/7 гг. // Боярские списки конца XVI — начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. I. С. 256; Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 декабря) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 88. С. 181.

[45] БС 1606/1607 гг. С. 256; Масловский архив. № 91. С. 74—75.

[46] Там же.

[47] Будила Й. Указ. соч. Стб. 127—128; Marchocki M. Op. cit. S. 8—10.

[48] Грамота царя В.И. Шуйского патриарху Гермогену о победе на Восме 5—7 (15—17) июня 1607 г. (пересказ) // ААЭ. Т. 2. № 74; Белокуров С.А. Разряды. С. 45, 91; Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С.215; Бельский летописец // Там же. С. 246.

[49] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 213—215.

[50] Белокуров С.А. Разряды. С. 91.

[51] Грамота В.И. Шуйского Д.И. Шуйскому в Москву о взятии Алексина 29 июня (9 июля) 1607 г. // ААЭ. Т. 2. № 76. С. 169; Белокуров С.А. Разряды. С. 173; Бельский летописец. С. 246; Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 336.

[52] Грамота В.И. Шуйского Д.И. Шуйскому о взятии Алексина...; Белокуров С. Разряды. С. 158—159; Болтин Б. Указ. соч. С. 336.

[53] Новый летописец. С. 76.

[54] List L. Sapiehi do Zygmynta III 25 wrzesnia (5 praździernica) 1607 г. // ОР НБУАН. Ф. 103. № 556/Уа. Л. 90.

[55] Будила Й. Указ. соч. Стб. 125.

[56] Там же.

[57] List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła (?) 9 (19) października 1607 г...

[58] Новый летописец. С. 76;

[59] Будила Й. Указ. соч. С. 125; List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła (?) 9 (19) października 1607 г....

[60] Грамота царя В. Шуйского воеводе Г. Сумбулову и голове Е. Бартеневу 18 (28) сентября 1607 г. с приказом занять Брянск // Юшков А.И. Акты, представленные в Разрядный приказ после отмены местничества. СПб., 1898. Т. 1. № 271. С. 289.

[61] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 47. Прим. 2.

[62] Будила Й. Указ. соч. Стб. 126.

[63] List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła (?) 9 (19) października 1607 г.

[64] Там же; Будила Й. Указ. соч. Стб. 125—126.

[65] Пясецкий П. Смутное время и московско-польская война // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1887. Вып. 68. С. 12.

[66] List S. Kurowskiego do Waskowskiego 20 (30) listopada 1607 г. // ОР НБУАН. Ф. 5. № . 5998 /III. Л. 286; Будила Й. Указ. соч. Стб. 126; Белокуров С.А. Разряды. С. 118; Новый летописец. С. 76.

[67] Новый летописец. С. 76.

[68] Белокуров С.А. Разряды. С. 91, 118.

[69] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 12. С. 40; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Собр. соч. М., 1989. Кн. 4. Т. 8. С. 466.

[70] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 110—119.

[71] Белокуров С.А. Разряды. С. 12—13.

[72] Там же. С. 91, 119, 158.

[73] Там же. С. 12, 46, 88, 147, 214—215.

[74] Будила Й. Указ. соч. Ст. 127.

[75] Там же. Ст. 128; Белокуров С.А. Разряды. С. 12, 46, 88, 147—148, 159; Новый летописец. С. 77.

[76] Будила Й. Указ. соч. Ст. 127; Marchocki M. Op. cit. S. 8—9.

[77] Marchocki M. Op. cit. S. 10.

[78] Белокуров С.А. Разряды. С. 91, 119, 158.

[79] Там же. С. 12, 46, 88, 147—148, 159.

[80] Скрынников Р.Г. Смута в России. С. 237—240.

[81] Maciszewski J. Op. cit. S. 139—140.

[82] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 49, 521.

[83] Maciszewski J. Op. cit. S. 139—140.

[84] Ibid.

[85] List S. Charlińskiego do M. Radziwiłła 17 (27) października 1607 r. // AGAD. Rkps arch. Radz. Dz.V. T. 44. № 193; Maciszewski J. Op. cit. S. 139.

[86] Маскевич С. Указ. соч. С. 21—22.

[87] List S. Charlińskiego do M. Radziwiłła 17 (27) października 1607 r...

[88] Маскевич С. Указ. соч. С. 30.

[89] Будила Й. Указ. соч. Ст. 127; Marchocki M. Op. cit. S. 8—9. В сентябре 1608 г. В. Валевский командовал полком, в котором было 660 воинов (Rejestr wojska polskiego...).

[90] Будила Й. Там же; List F. Tyszkiewicz do A. Ostrogskiego 22 października (1 listopada) 1607 r. ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 283—284; Marchocki M. Op. cit. S. 8—9. К. Буссов подтверждает данные о том, что под командованием С. Тышкевича было 700 воинов, но неверно относит появление этого отряда к январю 1608 г. (Буссов К. Указ. соч. С. 149).

[91] Nowiny z Moskwy, listopad 1607 r. ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 286об.

[92] Будила Й. Указ. соч. Ст. 127; List S. Kurowskiego do Waskowskiego 20 (30) listopada 1607 r...; Marchocki M. Op. cit. S. 8—9.

[93] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 50.

[94] Новый летописец. С. 77.

[95] Донесение Викентия Львовского, доктора Богословия о Лжедмитрии // РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 80.

[96] Будила Й. Указ. соч. Стб. 127; List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła (?) 9 (19) października 1607 r...; Nowiny z Moskwy, listopad 1607 r...

[97] Marchocki M. Op. cit. S. 8—9.

[98] Буссов К. Указ. соч. С. 149.

[99] Rejestr wojska polskiego...

[100] Kognowicki K. Życie J.P. Sapiehi // Życie Sapiehów. Wilno, 1791. T. 2I. S. 34.

[101] Буссов К. Указ. соч. С. 149; Новый летописец. С. 77.

[102] Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyców. Lwów, 1837. T. 1. S. 27—28, 35, 40—41.

[103]. Будило Й. Указ. соч. Стб. 128; Буссов К. Указ. соч. С. 149; Marchocki M. Op. cit. S. 8—10.

[104] Kurowskiego do Waskowskiego 20 (30) listopada 1607 r...

[105] Будила Й. Указ. соч. Стб. 128; Marchocki M. Op. cit. S. 10.

[106] Marchocki M. Op. cit. S. 18—19.

[107] Будила Й. Указ. соч. Стб. 128; Новый летописец. С. 77.

[108] Письмо Лжедмитрия II королю Сигизмунду III 30 ноября (10 декабря) 1607 г. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 539—540.

[109] Гиршберг А. Указ. соч. С. 65—66.

[110] Будила Й. Указ. соч. Стб. 129; Письмо Ш. Харлиньского кн. М. Радзивиллу...

[111] Rejestr wojska polskiego...

[112] Список полковников и ротмистров царя Дмитрия 1610 г. // РИБ. Т. 1. Стб. 713—716.

[113] Kurowskiego do Waskowskiego 20 (30) listopada 1607 r...

[114] Буссов К. Указ. соч. С. 148.

[115] Nowiny z Moskwy. ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 286об—287.

[116] Белокуров С. Разряды. С. 13, 46, 119, 159.

[117] Будила Й. Указ. соч. Стб. 128; Новый летописец. С. 78.

[118] Там же.

[119] Гиршберг А. Указ. соч. С. 78.

[120] Белокуров С. Разряды. С. 247—248, 250.

[121] Масса И. Указ. соч. С. 174.

[122] Белокуров С. Разряды. С. 250.

[123] Белокуров С. Разряды. С. 159, 174, 249.

[124] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 104.

[125] Белокуров С. Разряды. С. 13, 47, 92, 147, 159, 174, 186, 206, 214, 220, 222, 249.

[126] Там же. С. 249, 269—271.

[127] Там же. С. 13.

[128] Там же. С. 13; Буссов К. Указ. соч. С. 148.

[129] Rejestr wojska polskiego...

[130] Будила Й. Указ. соч. Стб. 129.

[131] Будила Й. Указ. соч. Стб. 129—130; Marchocki M. Op. cit. S. 10; Новый летописец. С. 78—79; Белокуров С. Разряды. С. 13.

[132] Marchocki M. Op. cit. S. 19.

[133] Ibid; Будило Й. Указ. соч. Стб. 129; Nowiny z Moskwy. ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 286об—287.

[134] Буссов К. Указ. соч. С. 147—148; Новый летописец. С. 77; Бельский летописец. С. 250; Маржарет Я. Указ. соч. С. 206;

Челобитная донских казаков Лжедмитрию II в июне 1609 г. с просьбой о жаловании // АИ. Т. 2. № . 239. С. 281—282.

[135] Смирнов И.И. Указ. соч. С. 415.

[136] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 155, 163.

[137] Там же. С. 56.

[138] Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 351

[139] Панеях В.М. Холопство в конце XVI — начале XVII в. Л., 1975. С. 232—240.

[140] Буссов К. Указ. соч. С. 149—150.

[141] Казанское сказание // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С. 224.

[142] Татищев В.Н. История Российская // Соч. Т. 6. М., 1996. С. 320.

[143] Корецкий В.И. Указ. соч. С. 348—350.

[144] Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1985. С. 152—153, 159.

[145] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 57. С. 75.

[146] Татищев В.Н. Указ. соч. С. 320.

[147] Корецкий В.И. Указ. соч. С. 348—350.

[148] Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955. С. 106—107; 255—256.

[149] Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 23.

[150] Пересветов И. Сказание о Магмете-салтане // Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956. С. 157.

[151] Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 219, 247—250 и др.

[152] Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII столетия. Л., 1985. С. 22.

[153] Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 224.

[154] Английское донесение // Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова 1606—1607 гг. М.; Л., 1951. С. 554.

[155] Расспросные речи А.Ф. Палицына в Вологде в конце 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 91.3. С. 186.

[156] Челобитная А. Масловой Лжедмитрию II о возврате прожиточного поместья // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. № 92. С. 75—76.

[157] Буссов К. Указ. соч. С. 149.

[158] Челобитная А. Масловой Лжедмитрию II...

[159] Челобитная смолянина И. Дементьева Я. Сапеге о жаловании // СХ. № 12.33. С. 42—43.

[160] Челобитная дворянина И. Васильева Я. Сапеге с жалобой на крестьян Селенской волости Московского уезда // СХ. № 12.39. С. 46.

[161] Расспросные речи А.Ф. Палицына...

[162] Буссов К. Указ. соч. С. 149.

[163] Законодательные акты. С. 76—77.

[164] Боярский приговор 25 февраля 1698 г. // Там же. № 58. С. 77.

[165] Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. СПб.; Киев, 1908. Вып. 3. С. 89.

[166] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 158.

[167] Панеях В.М. Комментарии // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — начала XVII в.: Л., 1987. № 58. С. 110.

[168] Панеях В.М. Указ. соч. С. 110.

[169] Боярский приговор 25 февраля 1608 г. С. 76—77

[170] Там же; Панеях В.М. Указ. соч. С. 110.

[171] Там же.

[172] Законодательные акты. С. 78.

[173] Корецкий В.И. Указ. соч. С. 367.

[174] Панеях В.М. Указ. соч. С. 111—112.

[175] Панеях В.М. Указ. соч. С. 111.

[176] Указ царя В. Шуйского 9 марта 1608 г. // Законодательные акты. № 59. С. 77.

[177] Седов П.В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 230—231.

[178] Грамота царя В. Шуйского в Пермь 7 (17) сентября 1607 г. о сборе казны на помощь северским и украинным дворянам // ААЭ. Т. 2. № 87. С. 179; Новый летописец. С.79; Marchocki M. Op. cit. S. 14—19.

ГЛАВА 4

ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1608 Г.

Весной — летом 1608 г. после замены гетмана М. Меховецкого кн. Р.Н. Ружинским и появления под знаменами самозванца новых отрядов наемников из Киевского и Брацлавского воеводств, отряды самозванца одержали ряд побед над правительственными войсками и стали лагерем у Москвы в селе Тушине. Историки едины в том, что после переворота Р. Ружинского характер движения Лжедмитрия II изменился, но разошлись в оценках происшедших перемен и причин последующих успехов самозванца. Польские историки XIX в., вслед за наемниками-мемуаристами, были склонны объяснить победы царика доблестью его наемных солдат[1]. С.Ф. Платонов пришел к выводу, что в Орле «получила окончательное устройство разноплеменная рать Вора», а его победы — результат бездарного руководства правительственными войсками[2]. И.С. Шепелев пришел к заключению, что кн. Р. Ружинский фактически захватил самозванца в плен и его именем продолжил начатую иноземцами скрытую интервенцию против России. Успехи Лжедмитрия II историк объяснил классовой борьбой народных масс, не разобравшихся в переменах, происшедших в стане самозванца, и видевших в нем борца за социальную справедливость[3]. Р.Г. Скрынников полагает, что Р. Ружинский совершил «своего рода переворот», имевший важные последствия. «Болотниковцы, пользовавшиеся прежде большим влиянием в лагере самозванца, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за польскими магнатами и шляхтой в окружении Лжедмитрия II появились русские бояре»[4]. Изменения, происшедшие в движении самозванца весной — в начале лета 1608 г., нуждаются в дополнительном изучении.

§ 1. Переворот Р. Ружинского

Обстоятельный рассказ о походе кн. Р. Ружинского в Россию оставил один из ротмистров его полка М. Мархоцкий[5]. Находившиеся под командованием М. Меховецкого в стане са-

мозванца наемники Й. Будила и К. Буссов ограничились лишь кратким упоминанием о прибытии Р. Ружинского в Россию и утверждении его в должности «гетмана»[6]. Важные данные, которые позволяют критически осмыслить показания М. Мархоцкого, содержат русские и польские документальные источники: письмо С. Харлиньского кн. Радзивиллу 17 (27) октября 1607 г., грамота Лжедмитрия II смолянам 24 апреля (3 мая) 1608 г., письмо Р. Ружинского московским боярам 14 (24) апреля 1608 г., а также мемуары С. Маскевича и др.

Р. Ружинский, по свидетельству очевидцев С. Маскевича и М. Мархоцкого, начал собирать свой отряд вскоре после сражения у Гузова летом 1607 г., когда стало ясно, что конфликт между королем и рокошанами перешел в плоскость дипломатии и многие воины обеих армий оказались не у дел[7]. Он, как и Ю. Мнишек, поставил на карту все, наделав долгов, заложив и сдав в аренду свои земельные владения[8]. В октябре 1607 г. он отправил из лагеря под Завихостьем в Россию отряд В. Валевского, в котором служило около 1000 воинов. К концу 1607 г. Р. Ружинскому, по данным одного из его офицеров М. Мархоцкого, удалось собрать еще 4 тыс. воинов как из правительственного, так и из рокошанского войск[9]. К. Буссов, знавший о Р. Ружинском не понаслышке, подтверждает, что в отряде Ружинского служило около 4 тыс. конных копейщиков[10]. На Украине было много людей, хорошо знавших Лжедмитрия I и высказывавших сомнения относительно его чудесного спасения, поэтому Р. Ружинский перед началом экспедиции решил мистифицировать своих солдат рассказами доктора богословия Викентия Львовского, якобы видевшего Лжедмитрия I во время его царствования 1605—1606 гг. в келье монастыря Бернардинцев в Самборе осенью 1606 г. и во время его пребывания в Стародубе в 1607 г. Вероятно, по совету Р. Ружинского доктор богословия составил донесение, которое направил в Рим 24 декабря 1607 г. (3 января 1608 г.)[11]. Сочинение, по всей видимости, должно было служить своеобразным оправданием затеянной экспедиции.

К Рождеству Христову 15 (25) декабря 1607 г. отряд наемников прибыл в окрестности Чернигова и оттуда послал послов к Лжедмитрию II в Орел с предложением условий, на которых солдаты соглашались служить самозванцу. Вслед за

послами 27 декабря (6 января) 1607 г. наемники выступили к Новгороду-Северскому. Угорода на льду реки Десны они встретили своих послов, которые дали отчет о переговорах с самозванцем. М. Мархоцкий ничего не сообщил относительно того, о чем удалось договориться. Он лишь отметил, что на вопрос солдат, тот ли это «Дмитрий» или не тот, послы ответили: «Тот, к которому вы нас послали!»[12]. Вскоре о содержании разговора на льду реки стало известно М. Меховецкому, который использовал полученные сведения для обвинений устами Лжедмитрия II наемников в измене во время дальнейших переговоров. М. Мархоцкий, принимавший в них активное участие, воспроизвел речи царика в своих мемуарах. Р. Ружинского и его солдат, судя по заявлениям самозванца, волновало одно: смогут ли им заплатить за службу или нет? Вопрос, тот ли это «Дмитрий» или нет, интересовал их в последнюю очередь. Известия, что у царика денег нет, судя по всему, привели их в замешательство. Это обстоятельство, вероятно, вынудило Р. Ружинского сообщить о своих планах захвата власти в повстанческом лагере, что впоследствии и дало основание самозванцу обвинить командира наемников в «измене»[13].

Проверка хронологии дальнейших передвижений отряда Р. Ружинского обнаруживает любопытные детали, о которых М. Мархоцкий умолчал. Ротмистр отметил, что Р. Ружинский выступил из Чернигова к Новгороду-Северскому 27 декабря (6 января) 1607 г., а оттуда «наспех» к Кромам[14]. Парадокс заключается в том, что в Кромы наемники, по данным Й. Будилы, прибыли только 20 (30) марта 1607 г. (!)[15]. Если учесть, что последний переход Р. Ружинский и его солдаты совершили спешно, то можно предположить, что в Новгороде-Северском они провели около двух с половиной месяцев. Чем они там занимались — неизвестно. Скорее всего — зимовали, пополняя свои запасы продовольствия и фуража за счет поборов с местного населения.

В Кромах солдаты Р. Ружинского выбрали новых послов к царику, среди которых оказался М. Мархоцкий. Мемуарист отметил, что вновь главным на переговорах должен был стать вопрос о жаловании[16]. В Орле послов приняли Лжедмитрий II и В. Валевский. Выслушав послов, канцлер, в соответствии с придворным этикетом, произнес ответную речь от имени «само-

держца». Когда он закончил, самозванец неожиданно обрушился на послов с грубыми обвинениями в измене, припомнив им совещание на льду Десны у Новгорода-Северского. Царик явно пытался сыграть на противоречиях старых и вновь прибывших наемников. Он заявил, что у него много солдат, которые давно ему верно служат, и что вполне может обойтись без наемников Р. Ружинского. Своей несдержанностью царик едва не загубил дело. Возмущенные его поведением, послы наемников объявили, что после этих речей уверились, что перед ними не прежний «царь Дмитрий», т. к. тот, в отличие от царика, «умел уважать и понимать воинов». В заключение послы припугнули самозванца, что солдаты Р. Ружинского «будут знать как поступить!»[17].

Открытый шантаж возымел действие. Сразу по окончании переговоров Лжедмитрий II послал за послами, приглашая их на обед. Пытаясь задобрить солдат, он трусливо заявил: «Меня самого обманули!» М. Мархоцкий отметил, что по речам и поведению самозванца послы уверились, что за спиной самозванца стоит гетман М. Меховецкий, не желавший уступать первенство Р. Ружинскому[18].

Весть о происшедшем в Орле вызвала новые волнения солдат в Кромах. М. Мархоцкий пишет, что многие наемники собрались пока не поздно вернуться в Речь Посполитую. Их, по словам ротмистра, удержали *«те, что были при нем* <самозванце> *в Орле»*[19]. Наемники, прослужившие царику уже несколько месяцев и не получившие за это обещанного вознаграждения, разуверились в обещаниях Лжедмитрия II и М. Меховецкого. Солдаты, как видно из показаний М. Мархоцкого, ухватились за обещания Р. Ружинского удовлетворить их запросы и в открытую высказались за смену руководства в войсках самозванца[20]. В совокупности отряды наемников представляли собой внушительную силу. Ружинский почувствовал себя хозяином положения и на следующий день в сопровождении отряда из 200 всадников и 350 пехотинцев выехал в Орел. Он вел себя весьма бесцеремонно. В нарушение этикета командир наемников заставил царика войти в палату и сесть на трон уже после того, как вошел туда вместе со своими солдатами. И хотя Р. Ружинский почтительно поцеловал руку самозванцу, ни у кого не было сомнений, кто является подлинным хозяином положения.

Лжедмитрий II и М. Меховецкий попытались выиграть время, пригласив Р. Ружинского и его солдат на обед, во время которого царик отвлекал солдат от решения главного вопроса расспросами о бунтах в Речи Посполитой и дипломатическими речами о преимуществах власти московских самодержцев перед королевской. Зная склонность Р. Ружинского к спиртному, царик и его гетман постарались побыстрее завершить переговоры пиром. Однако провести Р. Ружинского и наемников им не удалось. На утро все отряды наемников устроили собрание — Войсковое коло, на котором сместили М. Меховецкого и избрали «гетманом» Р. Ружинского. Прежний гетман и его доверенные лица были объявлены persona (non) grata[21].

Не ожидавший такого поворота событий М. Меховецкий попытался перехватить инициативу. На утро самозванец явился в собрание наемников в сопровождении десятка «бояр» и нескольких стрельцов и обрушился на солдат площадной бранью. В ответ на требование наемников назвать имена тех, кто оклеветал гетмана Р. Ружинского и его воинов, он надменно заявил, что московские государи никогда не выдавали на расправу своих верных слуг и потребовал, чтобы наемники, если они не хотят подчиниться его воле, покинули Россию![22]

Самозванец, как показывает его поведение в критических ситуациях, не отличался ни храбростью, ни волей и при малейшей опасности прибегал к своему испытанному средству — бегству. Буквально за несколько месяцев до анализируемых событий при малейших признаках бунта наемников, он, страшась остаться один на один со своими русскими подданными, бежал, бросив все, — в Орел, а затем в Путивль. Теперь же царик сам готов был отказаться от услуг всего наемного войска и спровоцировал его бунт. Это наблюдение наводит на мысль, что его заносчивое поведение не было простым бахвальством и глупостью. Шкловский бродяга и М. Меховецкий наверняка рассчитывали на поддержку влиятельных сил в повстанческом лагере. Указание М. Мархоцкого, что «в то время» в Орел прибыло долгожданное подкрепление с Дикого Поля, 5-тысячный отряд донских казаков во главе с атаманом И.М. Заруцким и примерно 3 тыс. запорожских казаков[23], наводит на мысль, что самозванец и его гетман рассчитывали на помощь своего

единомышленника и казаков. Последующие события показали, что Лжедмитрий II и его гетман ошиблись в своих расчетах.

Поведение самозванца вызвало бурю негодования. Солдаты бросились к царику. Стрельцы стали на его защиту. Перепуганный самозванец бежал в Орел, где его тотчас взяли под домашний арест. В отчаянии он «запил горькую». М. Мархоцкий пишет, что весь день и последующую ночь В. Валавский, А. Хруслинский и А. Вишневецкий «бегали между цариком и войском, стараясь договориться»[24]. Врассказе ротмистра явная несуразица. О чем можно было договариваться с мертвецки пьяным цариком?! Р. Ружинский и наемники, судя по всему, вели переговоры с И.М. Заруцким, который, по свидетельству весьма осведомленного и вдумчивого политика коронного гетмана С. Жолкевского, вплоть до бегства самозванца из Тушина являлся одним из главных руководителей повстанческого лагеря[25]. Компромисс был достигнут к утру. М. Меховецкий с товарищами проиграл. Его сместили и изгнали из войска. Р. Ружинский был провозглашен новым гетманом самозванца. Протрезвевший царик принес свои извинения солдатам. Однако победа наемников не была полной. Новый гетман и его солдаты были вынуждены расположиться в Кромах. Самозванец же остался в Орле, который, судя по всему, контролировали И.М. Заруцкий и его товарищи[26].

Публичные обличения в ходе переговоров с наемниками породили немало слухов и не содействовали укреплению легенды «о чудесном спасении царя Дмитрия». Это, по всей видимости, заставило Р. Ружинского и И.М. Заруцкого организовать несколько новых спектаклей с «узнаваниями царя Дмитрия». Они вновь прибегли к услугам доктора Богословия Викентия Львовского, а также использовали некоего Тробчинского, который якобы знал многие тайны прежнего самозванца и взялся дознаться доподлинно, является ли царик прежним «Дмитрием». Примечательно, что вместо того, чтобы выяснять каким образом спасся и где скрывался самозванец, оба свидетеля в его присутствии рассказывали о тайнах Лжедмитрия I, старательно искажая детали. Когда же царик поправлял их и давал на все вопросы точные и исчерпывающие ответы, то оба мистификатора изображали неописуемое удивление и заявля-

ли окружающим, что об этом знали только они и Лжедмитрий I и что это несомненно он, хотя внешне и непохож[27].

Поначалу изменения в руководстве движения Лжедмитрия II не привели к существенным изменениям в политике проводимой на территориях, занятых повстанцами. Болотниковцам и «казацким царевичам», вероятно, какое-то время удавалось сохранять свои позиции при дворе царика. Ситуация коренным образом изменилась, когда Р. Ружинский и И.М. Заруцкий отправили А. Лисовского во главе крупного отряда на помощь рязанским повстанцам. В состав этого отряда, по всей видимости, удалось включить радикально настроенных болотниковцев и таким образом удалить их из Орла.[28] Вскоре, 14 (24) апреля 1608 г., Р. Ружинский обратился с посланием к московским боярам — своим «сродычем» кн. В.В. Голицыну и И.С. Куракину, в котором убеждал, что Лжедмитрий II подлинный и призвал ему верно служить. Его аргументы были весьма своеобразными. Хорошо известно, заявил гетман, что поляки и литовцы не служили многочисленным лжецаревичам, появившимся в казачьих станицах, т.к. знали, что они самозванцы. Ныне Р. Ружинский, по его словам, убедившись, что «царь Дмитрий» истинный, одним из первых явился к нему, т. к. его дед, отец и дядя в прошлом верно служили прежним прирожденным московским государям[29]. Гетман в 1604—1605 гг. хорошо знал Лжедмитрия I, и его уверения были веским аргументом в пользу истинности нового самозванца[30]. Несколько дней спустя Лжедмитрий II обратился с грамотой к смолянам, в которой возложил всю ответственность за недавние репрессии против дворян и детей боярских на Лжепетра и других казацких «царевичей». Лжедмитрий II обличил своих мнимых родственников как самозванцев и объявил, что приказал их схватить и казнить. Он предложил дворянам и детям боярским явиться к нему на службу[31]. Демарши царика II и Р. Ружинского подтверждают гипотезу, что в апреле 1608 г. в руководстве движения самозванца произошел крутой поворот. Р. Ружинскому, И.М. Заруцкому и др. удалось устранить «казацких царевичей» и оттеснить от руководства движением радикально настроенных повстанцев. Новые власти отказались от политики переустройства служилого сословия по опричному образцу и взяли курс на объединение бояр и дворян вокруг Лжедмитрия II.

Готовясь к новым боям с правительственными войсками, Р. Ружинский, И.М. Заруцкий и др. возобновили попытки получить помощь у Сигизмунда III. Впервые за несколько месяцев своего пребывания в России царик 17 (27) января 1608 г. обратился с посланием к «родителю» Ю. Мнишку, в котором скорбел о злоключениях своих и родственников, винил во всем изменников, ослабивших государство, и выражал надежду на помощь короля[32]. Другое послание царик направил родственнику своего мнимого «тестя» маршалку коронному Миколаю Вольскому — родному брату задержанного в Москве Адама Вольского[33]. Сендомирский воевода в свою очередь подготовил для Сигизмунда III в поддержку мнимого «зятя» обширный мемориал. Он постарался убедить ярого католика — короля в том, что «царь Дмитрий» спасся и, ссылаясь на тайные договоры, просил оказать ему помощь. Пытаясь уговорить Сигизмунда III, Ю. Мнишек изложил целую программу превращения России в полонизированное, окатоличенное через унию союзное государство. «Тесть» самозванца, учитывая опыт пережитого в Москве в мае 1606 г., как мог старался оградить интересы дочери и заручиться гарантиями насчет ее будущего, как «московской царицы»[34]. В начале февраля 1608 г. до Кракова добралось посольство Лжедмитрия II, видную роль в котором играл еврей Арнульф Калинский. Послы имели полномочия на ведение переговоров о делах военных и купеческих и должны были предложить королю за помощь полмиллиона злотых[35]. Власти Речи Посполитой встретили посланцев самозванца холодно и долго отказывались иметь с ними дело. На Краковском сейме в конце апреля 1608 г. король сделал запрос по этому поводу сенаторам. Сейм рекомендовал Сигизмунду III не признавать ни Шуйского, ни Лжедмитрия II. Было решено послов выслушать, но обратно не отсылать до тех пор, пока ситуация в России не прояснится[36]. Мемориал Ю. Мнишка не убедил ни короля, ни сейм[37]. Сенаторы рекомендовали королю принять решительные меры против ухода солдат на службу самозванцу[38].

§ 2. Болховское сражение

Сражение, происшедшее 30 апреля (10 мая)—1 (11) мая 1608 г. резко изменило ситуацию в стране в пользу привержен-

цев Лжедмитрия II и поэтому привлекло пристальное внимание историков. Н.М. Карамзин считал виновником поражения главного воеводу кн. Д.И. Шуйского, который «отличался единственно величавостью и спесью; не был ни любим, ни уважаем войском» и своими неумелыми действиями подорвал моральный дух войска и дезорганизовал его в решающий момент боя[39]. Н.И. Костомаров пришел к заключению, что причиной поражения являлось то, что войско кн. Д. Шуйского в значительной степени состояло из татарских полков. Исследователь первым обратил внимание на умелые действия во время сражения сторожевого полка кн. И.С. Куракина.[40] С.М. Соловьев считал одним из главных виновников поражения воеводу кн. В.В. Голицына[41]. А. Гиршберг отметил, что войско кн. Д. Шуйского, хотя и было весьма многочисленным, но в нем преобладали татарские полки и «всякий сброд, плохо вооруженный и неопытный в бою», который в разгар боя толпился у своих орудий. Это обстоятельство, по мнению А. Гиршберга, в значительной степени определило блестящую победу самозванца.[42] С.Ф. Платонов согласился с мнением Н.М. Карамзина, что во главе войска стоял непригодный к делу князь Д.И. Шуйский, который был разбит и позорно бежал в Москву[43]. И.С. Шепелев пришел к выводу, что причинами поражения правительственного войска в Болховской битве были: наличие в армии классовых противоречий и враждебное отношение масс к правительству Василия Шуйского, плохое руководство армией и слабое вооружение. Болховская битва, считает историк, лишила царя Василия огромной армии. Она обнажила классовые противоречия в стране и явилась показателем слабости не только армии, но и правительства[44].

И.С. Шепелев, проанализировав все имеющиеся данные о численности правительственных войск в Болховском сражении, пришел к выводу, что заявления иноземцев о том, что они разгромили правительственное войско в 160—170 тыс. воинов[45], не соответствует действительности. Опираясь на данные о численности русских войск в походах 1563, 1572 гг. и середины XVII в., историк пришел к заключению, что царь Василий Шуйский мог направить в Болхов не более 30 тыс. воинов. Определяя численность армии Б. Годунова в 1604 г., исследователь исходил из данных, приведенных в мемуарах Я. Маржарета[46].

Опубликованная недавно «Роспись русского войска 1604 г.», в сопоставлении с Росписями 1563 и 1577 гг., позволяет дополнить и уточнить эти наблюдения историка. Источники свидетельствуют, что во второй половине XVI — начале XVII в. состав полков в русском войске мог колебаться в зависимости от поставленных задач, но его общая численность не превышала 32—35 тыс. человек. Причем, сюда входили все призванные на службу, в том числе и даточные[47]. И.С. Шепелев прав, Василий Шуйский, вопреки свидетельству иноземцев, никак не мог выставить против самозванца под Болховом 160—170-тысячное войско.

Определяя общую численность правительственного войска под Болховом, И.С. Шепелев строил свои расчеты, опираясь на указание кн. С. Шаховского, что воины кн. Д.И. Шуйского были уряжены на пять полков, наряд и ертаул.[48] Анализ всех опубликованных С.А. Белокуровым Росписей Болховского похода обнаруживает, что показания кн. С. Шаховского ввели И.С. Шепелева в заблуждение. В действительности Василий Шуйский отправил в Болхов войско из трех полков, наряда и ертаула.[49] К началу сражения, по данным Разрядов, в командовании и структуре войска существенных изменений не произошло: заместничавший с боярином кн. Б.М. Лыковым второй воевода сторожевого полка стольник кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский был заменен 8 (18) марта 1608 г. дворянином московским Г.Г. Пушкиным-Сулемшой[50]; в ертаул вместо В.Т. Колычева были назначены выборные дворяне Н.И. Нащекин и И.Н. Давыдов[51]. Таким образом, если исходить из средней численности московских полков на рубеже XVI—XVII вв., то правительственное войско под Болховым вряд ли насчитывало 30 тыс. человек. Необходимо также учитывать, что в результате четырехмесячного бездействия (январь—апрель 1608 г.) в правительственной армии наблюдались те же процессы, что привели к развалу армии Годунова под Кромами. Данные десятни Бежецкой пятины за 1608 г. показывают, что служилые люди, поиздержавшись, начали под различными предлогами разъезжаться по домам. Всего в десятне зафиксировано бегство 37 человек. Еще в момент сбора войска Д. Шуйского отъехали 4 дворянина, после прихода войска в Белев — 7, из Болхова — 21 (сюда входят отъехавшие до и после сражения. — *И.Т.*)[52]. Аналогичные сведе-

ния можно почерпнуть из десятни Юрьева-Польского. Из направленных в Болхов 120 дворян и детей боярских, — 47 под различными предлогами оставили службу[53]. А. Рожнятовский и М. Стадницкий отметили в своих записях, что в апреле 1608 г. из-за оттока служилых людей из войска Шуйского в Ярославле была усилена стража[54]. Накануне решающего сражения правительственная армия, как видно из приведенных данных, таяла как снег.[55]

Определяя размеры войска самозванца, И.С. Шепелев пришел к выводу, что его численность к Болховскому сражению достигла 27 тыс. человек[56]. По нашим расчетам наемное войско самозванца после прихода Я. Микулинского, Ф. Тышкевича и Тупальского достигло примерно 5,5 тыс. человек. Кн. Р. Ружинский, по свидетельству М. Мархоцкого и С. Маскевича, привел еще 4 тыс. воинов. Таким образом, общая численность наемного войска самозванца должна была достичь 9,5 тыс. человек. Но необходимо учитывать, что многие наемники, как свидетельствуют очевидцы, разочаровавшись в деле самозванца, покидали его лагерь. Столкновение между М. Меховецким и Р. Ружинским привело к изгнанию прежнего гетмана и его приверженцев. В результате, как видно из составленного в конце лета — начале осени 1608 г. «Реестра войска самозванца», численность наемных отрядов (без учета прибывших позднее полков инфлянских солдат) оказалась меньшей, чем можно было ожидать: полк гетманский кн. Р. Рожинского — 1800 чел.; Я. Микулинского — 450чел.; П. Руцкого — 1150 чел.; М. Велегловского — 600 чел.; В. Валевского — 660 чел.; кн. А. Вишневецкого — 960 чел., таким образом, всего — 5620 воинов[57]. Примечательно, что участник событий, Й. Будила, в рассказе о Болховском сражении привел близкую цифру — 5 тыс. человек[58]. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что в Болховском сражении приняли участие 5—5,6 тыс. наемников из Речи Посполитой. М. Мархоцкий указал, что зимой 1607—1608 гг. под знаменами Лжедмитрия II собралось около 3 тыс. запорожских казаков[59]. Данные «Реестра войска самозванца» близки к сведениям мемуариста: полк Грица — 700 казаков; Ростенецкого — 500 казаков; Повидзавского — 700 казаков; Лиса — 150 казаков, а всего — 2050 чел.[60] И. Заруцкий, по свидетельству М. Мархоцкого, командовал 5 тыс. донских казаков[61]. В «Реестре войска

самозванца» указана хотя и меньшая, но близкая к этой цифра — 4 тыс.[62] Таким образом, общая численность войска самозванца накануне Болховского сражения, по всей видимости, достигала 13—13,5 тыс. воинов, и оно было примерно равно или немного уступало по численности правительственной армии.

В конце апреля 1608 г. Дмитрий Шуйский, узнав о готовящемся наступлении самозванца, вывел свое войско из Болхова и стал в укрепленном лагере в 10 верстах (2 милях) от города по дороге на Орел. В Болхове был оставлен значительный гарнизон во главе с дворянином московским Третьяком Сеитовым[63]. Тем временем Р. Ружинский с наемниками подошел из Кром к Орлу, намереваясь соединиться с расквартированными там отрядами самозванца. Во время сборов царика в поход, в Орле неожиданно вспыхнул пожар. В огне погиб «царский дворец» и значительная часть города. Находившийся в плену в Ярославле А. Рожнятовский, разузнал от своих информаторов, что Лжедмитрий II, намереваясь бежать в Речь Посполитую, якобы сам приказал зажечь город[64]. Б. Война в своем письме к канцлеру Л. Сапеге сообщил, что город зажгли тайные приверженцы Шуйского, многих из которых удалось схватить[65]. Очевидец событий М. Мархоцкий не подтвердил этих известий. Он сообщил, что пожар вспыхнул «из-за неосторожности» и уничтожил много запасов и снаряжения, что поставило войско самозванца в трудное положение[66]. Р. Ружинскому, И.М. Заруцкому ничего не оставалось делать, как попытаться дать сражение правительственным войскам у Болхова и прорваться в неразоренные войной уезды страны.

Подробное описание Болховского сражения можно найти как в русских: Новый летописец, записки Б. Болтина, «Повесть сия книги прежних лет», так и в иностранных источниках: мемуарах Й. Будилы, М. Мархоцкого. Сопоставление этих источников, отразивших разные политические тенденции, позволяет довольно точно восстановить ход сражения. По данным русских и польских источников, Дмитрий Шуйский, узнав о приближении противника 30 апреля (10 мая) 1608 г., развернул свое войско в боевые порядки в 5 верстах (1 миле) перед укрепленным лагерем. Его действия поставили Р. Ружинского в затруднительное положение, т. к. противник имел возможность атаковать войско самозванца на марше, не дав развернуться в

боевой порядок. Гетман самозванца принял единственно верное решение. Он напал на противника сходу конными полками П. Руцкого и М. Велегловского и развернул под их прикрытием основные силы. Кисходу дня 30 апреля (10 мая) 1608 г. отряды самозванца создали в своем тылу укрепленный лагерь. Стычки, как видно из источников, носили упорный и кровопролитный характер. Передовому полку кн. В.В. Голицына удалось значительно потеснить полки П. Руцкого и М. Велегловского, что заставило Р. Ружинского ввести в бой часть основных сил: полки А. Ружинского и В. Валевского. Теперь уже полк кн. В.В. Голицына попал в тяжелое положение. Автор Нового летописца, не испытывавший симпатий к воеводе, отметил, что из-за его «торопливости» противник отбросил передовой полк, изрядно потеснил большой полк и только контрудар сторожевого полка И.С. Куракина спас положение, отбросив противника к исходным рубежам[67]. Участвовавший в бою Й. Будила подтвердил рассказ Нового летописца. Он отметил, что основные силы русских войск не помогли своим гибнущим товарищам из передового полка[68]. Правительственные войска понесли ощутимые потери[69]. Подводя итоги первого дня сражения, И.П. Шепелев точно подметил, что он «оказался неудачным не столько для войск Лжедмитрия II, сколько для войск Шуйского»[70]. Действительно, Р. Ружинскому уже в начале боя удалось лишить противника тактических преимуществ и развернуть свое войско в боевой порядок. Первые столкновения показали, что в правительственных войсках явно отсутствует твердое руководство: воеводы передового и сторожевого полка действовали на свой страх и риск, а воины большого полка без должного руководства вели себя пассивно — «скопились у своих пушек». Такое развитие событий изрядно поколебало моральный дух правительственных войск.

В ночь с 30 апреля (10 мая) на 1 (11) мая 1608 г. в обоих лагерях были созваны совещания командования. Царские воеводы, по-видимому, были обескуражены появлением столь значительного вражеского войска, низким моральным духом своих полков и неудачным началом боя. Дмитрий Шуйский принял решение уклониться от сражения с противником, отвести войска к Болхову и, заняв оборону по засечной черте, преградить противнику дорогу на Москву[71]. Этот внешне ра-

зумный план, как справедливо заметил И.С. Шепелев, оказался губительным для правительственной армии[72]. Наутро оба войска заняли боевые порядки. Дмитрий Шуйский выдвинул свои передовые отряды ближе к лагерю противника, в надежде отвлечь его внимание стычками и отдал приказ начать отход. Первой по его приказу была снята с позиций артиллерия. И.С. Шепелев, анализируя ход Болховского сражения, не обратил внимание на некоторые весьма важные детали. Р. Ружинский, по признанию близкого к гетману ротмистра М. Мархоцкого, не собирался в тот день давать генерального сражения. Он хотел воспользоваться мелкими стычками с противником, чтобы перенести лагерь в более удобное место и лучше подготовиться для решающего боя. Ездовые, как свидетельствуют Й. Будила и М. Мархоцкий, по собственной инициативе водрузили на повозки хоругви и под прикрытием войска двинулись к новому месту для лагеря. Обоз поднял тучи пыли, из которых были видны только знамена[73]. Автор Бельского летописца подтверждает свидетельство иноземцев. Он заметил, что «Вор и польские, и литовские люди, и русские воры-изменники перешли реку на синем, и за рекой поставили обоз, а сами конные и пешие перелезли реку и пришли под село Кобылино за 15 верст Болхова позади полков Московского государства»[74]. Воины правительственного войска решили, что им во фланг заходят крупные силы противника и среди них началась паника[75]. Передовые отряды неожиданно для противника стали отходить. Перебежчик — сын боярский коширянин Никита Лихарев, сообщил Р. Ружинскому и его полковникам, что происходит в правительственном войске. Гетман понял, что наступил решающий момент и, несмотря на то, что день клонился к концу, бросил на противника основные силы. Управление правительственными полками было утрачено. Служилые люди обратились в бегство[76]. Одни стремились укрыться в Болхове, здесь их, по данным иноземцев, скопилось около пяти тысяч человек, другие, в числе которых был Дмитрий Шуйский и главные воеводы, пытались пройти через проходы в засеках. Воины Р. Ружинского преследовали противника до засек. Здесь, по свидетельству Й. Будилы и М. Мархоцкого, в свалке, вызванной беспорядочным бегством, погибло много воинов и лошадей[77]. После поражения правительственной армии судьба осажден-

ных в Болхове была предрешена, т. к. для обороны города не было необходимых запасов и снаряжения. Воеводы Т. Сеитов, Г. Валуев и иноземец Федор Гедройц в течение двух последующих дней пытались обороняться, но затем, осознав тщетность своих усилий, 3 (13) мая 1608 г. сдались на милость победителя и вместе со своими воинами целовали крест самозванцу[78].

Восторженные победные реляции иноземцев создали у современников, а затем и у историков, иллюзию, что в ходе Болховского сражения приверженцы самозванца разгромили основные силы правительственных войск и открыли себе дорогу на Москву[79]. Разрядные книги и летописи, созданные людьми, находившимися в правительственном лагере, рисуют несколько иную картину. Дворяне, копируя Роспись Болховского сражения в свои Разрядные книги, использовали те же термины, что при описании неудачных боев правительственных войск с И. Пашковым и И. Болотниковым: «*И от Болхова оттолкнули, и бояре пошли к Москве. И царь Василий послал встречю брата своего и всех бояр о здоровье спрашиват окольничего Федора Васильевича Головина. И пришли бояре со всеми людьми к Москве*», *и воевод оттолкнули от Болхова, и бояре и воеводы пришли к Москве*»[80], *«и с тово бою московския люди побежали, а бояр и воевод покинули, и литовские люди дворян и детей боярских побили немного»*[81]. Дворяне определенно показывают, что развала правительственной армии, аналогичного тому, который имел место под Кромами в 1605 г. или у Клушина в 1610 г., несмотря на тяжелое поражение, под Болховом не произошло. Воеводы смогли отвести часть войска в Москву. Сходные данные приводят летописцы: *«Вор же и гетман... московских людей разогнаша и наряд у них поимали. Бояре же и ратные люди побегоша к Москве, а иные по своим городам, а иные ж седоша в Болхове. Бояре же приидоша к Москве...»*[82] . *«Литовские люди и русские воры боем и воевод, и ратных людей розгоняли и многих побили и живых поимали, а гоняли до Болхова и за Болхов, а иные дворяне и дети боярские прибежали в Болхов в осаду, а бояре с ратными людьми с розгрому пришли к Москве»*[83] . *«Все полки погромили и, за полки пришедши под Болхов, наряд и коши поимали. А бояре и воеводы княз Дмитрий Иванович Шуйский с товарыщи и ратные люди с того бою пошли мимо к Москве»*[84]. Показания нарративных источников находят подтверждение в делопроизводственных до-

ментах. Данные Бежецкой десятни показывают, что, потеряв под Болховом 21 воина, новгородские дворяне вместе с воеводами отступили в Москву, где только двое покинули службу[85]. Сделанные наблюдения дают основание предположить, что, несмотря на тяжелое поражение и значительные потери, воеводам удалось сохранить значительную часть войска и отвести ее к Москве. Именно поэтому правительство Василия Шуйского, в отличие от Годуновых, смогло довольно быстро организовать оборону столицы. Тем не менее поражение было тяжелым. Приверженцы самозванца только в Болхове пленили 3 тыс., захватили всю артиллерию (несколько десятков полевых орудий) и столь необходимые им значительные запасы продовольствия и снаряжения.

И.С. Шепелев, анализируя причины поражения правительственной армии, пришел к заключению, что их было две: социальная и военная. Первая — наличие классовых противоречий в правительственном войске и враждебное отношение к московскому правительству народных масс; вторая — слабое вооружение и плохое руководство армией. Проявления классовых противоречий историк видел в нежелании даточных и охотчих людей служить Шуйскому, в «сомнении в людях», когда некоторые из них предпочли вместе с Н. Лихаревым отъехать к царику, а многие разошлись по домам[86]. Построения исследователя не совсем корректны. В источниках нет указаний на социальные антагонизмы между дворянами и даточными в правительственном войске. Изменник коширянин Н. Лихарев был сыном боярским, а не представителем низов. Причина поражения, по всей видимости, лежит в общем кризисе, который переживало поместное ополчение в те годы и бездарном руководстве войском.

Н.И. Костомаров полагал, что Болховская победа «значительно поддержала» Лжедмитрия II. Поляки, якобы, «стали верить в его родовое счастье».[87] Это явное преувеличение. М. Мархоцкий определенно показывает, что сражение под Болховым едва не стало «пирровой победой» для Лжедмитрия II и его окружения. Буквально сразу после окончания боя наемники, разграбив богатые трофеи, в очередной раз предъявили самозванцу счет. Денег у него не было и он, как видно из рассказа М. Мархоцкого, обратился к солдатам с речью, чередуя похва-

лы с посулами. Царик в дополнение к прежним обещаниям поклялся после захвата столицы отдать наемникам царскую казну, уверял, что отныне будет назначать на воеводства в города двух воевод: иноземца и русского и т. д. Солдаты, по свидетельству мемуариста, дали себя уговорить и согласились служить дальше в долг[88].

§ 3. Поход на Москву

Достигнутое соглашение позволило Лжедмитрию II, Р. Ружинскому и И.М. Заруцкому выступить к столице. И.С. Шепелев, ссылаясь на указание Нового летописца, что «дворяне и дети боярские, кои взяты в Болхове, видячи такую вражью прелесть, побегоша все от него к Москве»[89], пришел к заключению, что продвижение самозванца к столице сопровождалось усилением классовой борьбы крестьян против помещиков в местностях, оказавшихся в полосе наступления повстанцев. Проявлением этой борьбы будто бы явилась присяга народа Вору и бегство дворян[90]. Выводы исследователя нуждаются в уточнениях. В первые дни похода на Москву 5 (15) мая 1608 г. отряды самозванца продвигались по уездам, население которых давно участвовало в повстанческом движении. Они останавливались в Козельске, затем — в Калуге, где их встретили хлебом-солью. М. Мархоцкий, описавший этот поход, не приводит каких-либо фактов, свидетельствующих об антагонизмах между помещиками и крестьянами в этих уездах[91]. Многие местные дворяне и дети боярские перешли на сторону правительства задолго до Болховского сражения[92]. В авангарде войска Лжедмитрия II шел отряд Третьяка Сеитова, который, как видно из прямого указания источников, состоял из дворян, детей боярских, прочих служилых людей, плененных в Болхове. Весьма наблюдательный М. Мархоцкий заметил, что давние приверженцы дела самозванца не доверяли людям, которые с оружием в руках боролись против их государя и принесли ему присягу, только попав в безвыходное положение[93]. Подозрения полностью оправдались, когда войско Лжедмитрия II подошло к устью р. Угры. Переправившись на противоположный берег, Т. Сеитов и его воины покинули самозванца и ушли в Москву[94].

Их бегство, вопреки мнению И.С. Шепелева, нельзя рассматривать как стремление спастись от своих крестьян.

Известия о разгроме правительственной армии под Болховом и появление брата царя и его воинов в столице на Вознесеньев день 6 (16) мая 1608 г.[95], по свидетельству очевидцев Исаака Массы и архиепископа Арсения Елассонского, вызвали страх и волнения среди москвичей[96]. В провинции слухи о происходящем в столице наполнились совершенно невероятным содержанием. В Ярославле М. Стадницкому сообщили, что Василий Шуйский после многих неудач, якобы, вместе с москвичами решил добровольно предать государство «Дмитрию», но Дмитрий Шуйский и тесть царя разубедили его и т. д.[97] М. Мархоцкий узнал, что воины Д. Шуйского распустили слух, что к Москве идет огромное войско. В Болховском сражении будто бы участвовали передовые полки, а сторожевые находились еще в Путивле[98]. Масло в огонь подливали отпущенные цариком после Болховского сражения на родину служилые люди, которые убеждали своих земляков перейти на сторону самозванца[99]. К. Буссов, пользовавшийся рассказами находившихся в столице немцев, отметил, что если бы Лжедмитрий II после битвы, не мешкая, пришел к столице, то находившиеся в страхе москвичи, несомненно сдались бы ему. На посаде поговаривали, что, если бы это был не Дмитрий, то бояре и дети боярские, оказавшиеся в его лагере, вернулись бы обратно[100]. Промедление позволило Василию Шуйскому перехватить инициативу в борьбе за умы. Его люди прибегли к испытанному приему — они в очередной раз постарались напугать москвичей тем, что «Дмитрий», захватив столицу, припомнит ее жителям восстание 17 (27) мая 1606 г. и сурово накажет их вместе с женами и детьми. Некий мясник, по рассказу К. Буссова, услышав заявление, что Дмитрий умеет «видеть по глазам, виноват кто или нет», будто бы заявил, что не посмеет показаться ему на глаза, ибо ножом зарезал пятерых поляков[101]. Находившийся среди москвичей И. Масса прямо говорит, что именно такое направление агитации среди населения в очередной раз помогло царю удержать власть в столице в своих руках[102]. Позиции Василия Шуйского еще более укрепились, когда в столицу прибыли воины Т. Сеитова, которые уверили москвичей, что «Дмитрий» явный самозванец и у него не так много войск,

как об этом говорят. Рассказы беглецов, как показывают современники, произвели перелом в умонастроениях москвичей и помогли В. Шуйскому овладеть ситуацией[103]. Примечательно, что в официальной пропаганде вскоре появились новые детали, которые подметил в Ярославле А. Рожнятовский. Власти, как показывает иноземец, заявили служилым людям, что мобилизуют их на войну с Литвой для защиты православной веры, а не против повстанцев[104].

Успокоив москвичей, Василий Шуйский, по данным автора Нового летописца, еще до подхода самозванца смог подготовить новое войско, которое возглавили бояре кн. М.В. Скопин-Шуйский и И.Н. Романов[105]. В некоторых Разрядных книгах сохранилась Роспись похода правительственного войска против Вора, которая датирована 29 мая (8 июня) 1608 г., то есть до подхода самозванца к Москве. Войско, как следует из Росписи, было уряжено на три полка: Большой полк возглавляли бояре кн. М.В. Скопин-Шуйский, И.Н. Романов и стольник В.Ф. Литвинов-Мосальский-Гнусин, передовой полк — боярин кн. И.М. Воротынский и окольничий кн. Г.П. Ромодановский, сторожевой полк — стольник кн. И.Б. Черкасский и окольничий Ф.В. Головин[106]. Датировка похода и совпадение имен «больших воевод» с указанными в Новом летописце дает основание предположить, что это Роспись похода на Незнань. Воеводы выступили навстречу врагу по Калужской дороге и заняли позиции по р. Незнань между Подольском и Звенигородом[107].

Автор Нового летописца утверждает, что на Незнани кн. М.В. Скопин-Шуйский обнаружил в своем войске «шатость» — заговор, который якобы организовали кн. И.М. Катырев-Ростовский, кн. Ю.Н. Трубецкой и кн. И.Ф. Троекуров[108]. Царь приказал племяннику срочно отвести войска в Москву. Вскоре после возвращения с р. Незнани, «заговорщики», принадлежавшие к группировкам оппозиционным Шуйским, были отправлены в опалу: кн. И.М. Катырев-Ростовский — в Сибирь[109], кн. Ю.Н. Трубецкой — в Тотьму, кн. И.Ф. Троекуров — в Нижний-Новгород; дворяне Я. Желябужский, Ю.Г. Нефтеев-Толстой — казнены[110]. Сообщение Нового летописца с трудом поддается проверке, т. к. другие источники не содержат сколько-нибудь полных данных о заговоре, однако косвенные свидетельства говорят о том, что «шатость» действительно имела место. А. Рожнятовс-

кий зафиксировал в своих записях за 1 (11) и 5 (15) июня 1608 г., что получены вести об измене всех бояр Шуйскому и о мятеже в столице, во время которого одни выступали за царя, другие — «ни за ту, ни за другую сторону»[111]. Помимо этого, биографии князей И.М. Катырева[112], Ю.Н. Трубецкого[113], И.Ф. Троекурова, подтверждают факт их опалы после похода на Незнань.[114]

Происшествие на Незнани вызвало различные трактовки в литературе. Н.М. Карамзин полагал, что составители «гнусного заговора», решив, что пришла гибель Шуйского, попытались, подобно П.Ф. Басманову в 1605 г., добиться милости у бродяги, составив в войске заговор в его пользу[115]. С.Ф. Платонов обратил внимание, что власти обвинили в «шатости» близких родственников Романовых. Исследователь пришел к выводу, что во главе мятежников стоял второй воевода Большого полка И.Н. Романов. Заговор, по его мнению, был «чисто боярской шатостью», затеянной кружком Романовых[116]. И.С. Шепелев совершенно справедливо указал, что вопреки утверждению С.Ф. Платонова, измена И.Н. Романова не подтверждается данными источников и что в заговоре помимо родни Романовых приняли участие дворяне и другие воины. Он полагал, что «шатость в полках» нельзя сводить к «боярской шатости». Она, по мнению историка, тесно связана с внутриклассовыми противоречиями, недовольством известной группы бояр и дворян политикой Шуйского, искавших новую кандидатуру в цари и готовых использовать самозванца для свержения соперника с престола[117]. Споследним выводом исследователя трудно согласиться. В источниках отсутствуют какие-либо указания, что заговорщики намеревались использовать самозванца для свержения Василия Шуйского.

Проявлению «шатости» на Незнани можно найти иное объяснение. Р. Ружинский и И.М. Заруцкий прекрасно знали, что местность вдоль Калужской дороги разорена в 1606—1607 гг., поэтому из Калуги вступили не прямо на Москву, а в направлении Смоленской дороги[118]. В результате этого маневра под ударом оказались уезды с развитым дворянским землевладением: Вязьма, Дорогобуж, Можайск, Звенигород. Боязнь, что «воровские» отряды разорят поместья и разграбят их имущество, по-видимому, и породила шатость на Незнани. Дворяне

и дети боярские, подобно служилым людям Замосковья после Рахманцевского сражения, вероятно, стали покидать правительственное войско, чтобы попытаться защитить свои семьи и имущество на местах. Это в конце концов заставило кн. М.В. Скопина-Шуйского срочно отвести полки к столице.

Рассказ Нового летописца об отступлении правительственного войска с Незнани создал иллюзию, что «шатость» в полках будто бы парализовала действия московского руководства, в результате самозванец смог беспрепятственно подойти к Москве. Среди записей лета 1608 г. в Разрядных книгах имеется Роспись посылок из Москвы воевод по окрестным дорогам, которая помещена после Ходынского сражения. Составители, по видимому, допустили неточность, т. к. упомянутый в Росписи кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский во время сражения на Ходынке попал в плен[119], откуда бежал только 31 августа (10 сентября) 1608 г.[120] Роспись, таким образом, следует датировать временем до начала Ходынского сражения, то есть концом мая — началом июня 1608 г., когда самозванец приближался к Москве. Сделанное наблюдение показывает, что, получив известие об уходе войска самозванца с Калужской дороги, Василий Шуйский и его советники предприняли срочные меры, чтобы выяснить планы врага. Они отправили разведывательные отряды по дорогам, ведущим в столицу: стольника кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского — по Звенигородской дороге[121]; дворян московских кн. Я.П. Барятинского — по Калужской[122]; И.М. Возгирю-Бутурлина — по Волоцкой [123]; кн. М.П. Барятинского — по Каширской дорогам[124]. Эти меры явно запоздали. Самозванец вышел на Смоленскую дорогу в районе Борисова и направился по ней к столице. Его движение мало походило на победоносное шествие Лжедмитрия I после Кром. Вопреки утверждению И.С. Шепелева, жители западных уездов России без особого энтузиазма встретили «воровские» отряды. Источники не содержат никаких данных о выступлениях крестьян в поддержку воинов самозванца[125]. Местные дворяне, по свидетельству Нового летописца, постарались вывезти свои семьи в Москву и Смоленск[126]. Они явно опасались, что, согласно указу самозванца, их жены и дочки могут стать добычей победителей: бывших холопов, казаков и др. Борисов оказался покинут жителями. Можайск приверженцам самозванца пришлось подвер-

гнуть артиллерийскому обстрелу прежде, чем его жители сдались[127]. Пробивавшийся на помощь самозванцу из Литвы ротмистр Бобовский, был вынужден принять тяжелый бой у Звенигорода с отрядом кн. В.Ф. Мосальского[128]. Приведенные данные не подтверждают гипотезы И.С. Шепелева о восстаниях рядового населения западных уездов России в поддержку самозванца и расправах над помещиками и местной администрацией[129]. Наоборот, местные миры пытались оказать сопротивление врагу, но, не получив помощи от В. Шуйского, были вынуждены уступить силе, в надежде присягой спасти свои семьи и имущество. Их действия сильно напоминают поведение земских миров Замосковья после прорыва сюда отрядов Я. Сапеги осенью 1608 г.

Историки по-разному определяют время появления полков самозванца под Москвой. А. Гиршберг, И.С. Шепелев, ссылаясь на дату, указанную Й. Будилой, считали, что царик прибыл к Москве 24 июня 1608 г.[130] Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, опираясь на дату, приведенную в хронике К. Буссова, полагали, что отряды самозванца подошли к столице 1 июня 1608 г.[131] Проверка показала, что Й. Будила под одной датой объединил события нескольких дней: появление самозванца под Москвой, попытку закрепиться в Тайнинском и возвращение в Тушино[132]. Более точной представляется дата К. Буссова, которую подтверждают показания, находившегося в Москве голландского купца И. Массы, и летописные записи за первую половину 1608 г. в одной из Разрядных книг[133]. А. Рожнятовский отметил, что 5 (15) июня 1608 г. до Ярославля дошел слух, что «на столичный город Москву наступают вооруженные полки, берут и сжигают окрестные крепости» и что в столице из-за этого происходят массовые волнения[134]. На следующий день, 6 (16) июня 1608 г., он записал, что по слухам «Дмитрий встал на том самом месте в полутора милях от Москвы, где разбивали шатры, в которых ночевала царица (т. е. в Вяземах. — *И.Т.*)...»[135]. Сделанные наблюдения позволяют прийти к выводу, что отряды самозванца достигли столицы в первых числах июня 1608 г. Если от Болхова до Калуги они добрались за два дня[136], то, чтобы пройти от Калуги к Москве по местностям, жители которых поддерживали В. Шуйского, им понадобилось около месяца.

§ 4. Утверждение самозванца под Москвой

Приверженцы Лжедмитрия II, как видно из мемуаров Й. Будилы и М. Мархоцкого, были убеждены, что Василий Шуйский после стольких неудач не имеет достаточных сил для сопротивления. Они в один голос заявляли, что в столице не было никакого войска, кроме стражи[137]. Кн. Р. Ружинский и полковники, по всей видимости, считали себя хозяевами положения, а падение Москвы — вопросом времени. М. Мархоцкий вспоминал, что по совету русских войско обошло столицу с севера и остановилось лагерем в с. Тайнинском. Автор записи, сохранившейся в составе одной из Разрядных книг, датировал появление войск самозванца в районе Тайнинского 9—10 (19—20) июня 1608 г.[138] Замысел Р. Ружинского и И.М. Заруцкого становится понятным, если обратиться к истории повстанческого движения. От Тайнинского было рукой подать до Красного села, через которое казаки, приверженцы Лжедмитрия I, в 1605 г. проникли в столицу и спровоцировали восстание москвичей[139]. В 1606 г. этот маневр безуспешно пытались повторить болотниковцы[140]. В 1608 г. ветераны повстанческого движения, по всей видимости, убедили кн. Р. Ружинского и полковников попытать счастья еще один раз. Но их вновь постигла неудача. М. Мархоцкий пишет, что уже через несколько дней стало ясно, что предпринятый маневр — ошибочен[141]. Василий Шуйский, вопреки расчетам приверженцев Лжедмитрия II, располагал достаточными силами, чтобы не только удержать столицу, но и нанести поражение противнику[142]. Отряды правительственных войск, по данным Разрядов, выдвинулись к с. Ростокину в миле от Москвы по Ярославской дороге и «травились» с воинами самозванца. Пути обозам, двигавшимся в стан самозванца с Северщины, оказались перехвачены. Уже через несколько дней, как свидетельствует М. Мархоцкий, в лагере самозванца поняли, что не правительственные войска, а они сами отрезаны от своих основных баз снабжения[143]. Кн. Р. Ружинский и И.М. Заруцкий решили исправить положение: обойдя Москву с севера, вернуться в Тушино к Смоленской и Калужской дорогам[144].

Обстоятельства перехода войска самозванца из Тайнинского в Тушино как-то выпали из поля зрения историков. Меж-

ду тем, они могли стать поворотным пунктом в противоборстве Василия Шуйского и самозванца. Царь явно готовился нанести удар по противнику, допустившему тактический просчет. Буквально накануне выступления войска самозванца пушкари, видимо из тех, кто попал в плен после взятия Болхова, вывели из строя артиллерию и пытались бежать в столицу, но были схвачены и подверглись мучительной казни[145]. Выступив из Тайнинского, полки самозванца неожиданно столкнулись с крупными силами правительственных войск на Тверской дороге. Свидетельства об этом бое оставили М. Мархоцкий, Й. Будила и автор Нового летописца. Наемники вспоминали, что войско самозванца было атаковано в узком месте, где, по-видимому, нельзя было использовать главное преимущество самозванца — конницы[146]. Бой, по показаниям очевидцев, был упорным и кровопролитным. Р. Ружинский и И.М. Заруцкий, по-видимому, оказались на грани поражения. Им с большим трудом удалось отразить атаку правительственных войск и прорваться сквозь созданные противником заслоны. Летописец отметил, что на том бою сложили головы тридцать три сына боярских Алексинца[147]. Бой на Тверской дороге показал, что приверженцы самозванца отнюдь не являются полными хозяевами положения у столицы и что Василий Шуйский имеет достаточные силы для борьбы. Вместе с тем нельзя не заметить, что царь в очередной раз упустил чрезвычайно благоприятную возможность для разгрома противника.

14 (24) июня 1608 г. Василий Шуйский во главе государева полка, сформированного из членов Боярской думы во главе с кн. Ф.И. Мстиславским, приказных и дворовых чинов, вышел из Москвы и расположился на Ваганькове у р. Пресни. Боярин кн. И.И. Шуйский и окольничий кн. Д.И. Мезецкий служили в полку дворовыми воеводами. Государев полк был усилен артиллерией, которой командовал кн. И.Ф. Волконский. Основные силы правительственной армии расположились у стен Москвы на р. Ходынке, напротив Тушинского лагеря. Большим полком командовали бояре кн. М.В. Скопин-Шуйский и И.Н. Романов вместе с вновь назначенными сюда третьим воеводой кн. В.Ф. Литвиновым-Мосальским и разрядным дьяком Сыдавным Васильевым[148]. К Большому полку были приданы отряд татар во главе с кн. М.П. Барятинским и артиллерия — с

Г. Валуевым. Передовым полком, как и в походе на р. Незнань, командовали боярин кн. И.М. Воротынский и окольничий кн. Г.П. Ромодановский, а Сторожевым полком — стольник кн. И.Б. Черкасский и окольничий Ф.В. Головин. Во главе войскового обоза был поставлен Р.Д. Бутурлин[149]. Мемуары наемников показывают, что Василию Шуйскому удалось произвести сильное впечатление на врагов. Й. Будила сообщил в своих воспоминаниях, что в собранном Василием Шуйским войске, якобы, было 100 тыс. русских воинов и 40 тыс. татар[150]. М. Мархоцкий полагал, что в правительственной армии служило около 70 тыс. воинов[151]. Появление значительного правительственного войска заставило кн. Романа Ружинского и И.М. Заруцкого побеспокоиться о своих тылах. 19 (29) июня 1608 г. войско самозванца, ставшее в с. Тушине, начало спешно сооружать укрепленный лагерь[152]. Руководители движения самозванца запросили помощи у А. Лисовского и инфляндских солдат в Литве.

Поражение правительственного войска под Болховом, как свидетельствуют Разряды, заставило Василия Шуйского возобновить переговоры с послами короля — М. Олесницким, А. Гонсевским, С. Витовским и кн. Ю. Друцким-Соколинским, которые были прерваны на неопределенный срок в начале 1608 г.[153] Царь и бояре, прежде на отрез отказывавшиеся допустить участия в переговорах Ю. Мнишка, на сей раз не только согласились с требованиями польской стороны, но даже привлекли тестя самозванца к выработке соглашения. Воевода выехал с близкими родственниками в столицу из Ярославля 15 (25) мая 1608 г. и уже 10 (20) июня 1608 г. был на аудиенции у царя[154]. В отличие от предшествующих встреч, стороны довольно быстро перешли от взаимных обвинений относительно интриги Лжедмитрия I к обсуждению конкретных проблем. Василий Шуйский и бояре добивались от Ю. Мнишка и пленных поляков официального признания факта, что Лжедмитрий II не является «прежним царем Дмитрием», и клятвы не участвовать в новой самозванческой интриге, а также потребовали отозвать на родину всех подданных Речи Посполитой из войска самозванца. Взамен русская сторона готова была отпустить на родину послов, Мнишков и всех пленных поляков. Работа над соглашением быстро продвигалась. Послы и Ю. Мнишек, стремившиеся вырваться из русского плена любой ценой, готовы

были давать заведомо невыполнимые обещания. Тесть самозванца публично открестился от Лжедмитрия II, помог царю и боярам успокоить москвичей. В войско самозванца по поручению польских послов отправились Петр Боржковский и племянник М. Олесницкого с известием о том, что в ближайшее время будет подписано соглашение между Россией и Речью Посполитой, и требованием немедленно покинуть пределы Русского государства[155]. Действия приверженцев Лжедмитрия II под Москвой не оставляли никаких сомнений, что пункт нового русско-польского соглашения о немедленном выводе подданных Речи Посполитой из России останется на бумаге. Тем не менее Василий Шуйский, утративший веру в своих подданных и в свое войско, готов был ухватиться за соломинку. По требованию русской стороны польские послы отправили в Тушино панов Доморадского и Бучинского, которым было поручено еще раз известить наемников о переговорах и потребовать, чтобы они покинули пределы России, но солдаты не хотели об этом и слышать[156].

Наметившийся на переговорах успех породил у Василия Шуйского и его советников иллюзии, что проблема самозванца может быть решена в ближайшее время с помощью дипломатии. Однако расчеты на то, что король отзовет своих подданных из войска самозванца, были явным самообманом. Послы Речи Посполитой прекрасно знали, что во время рокоша Сигизмунд III неоднократно издавал универсалы, запрещавшие солдатам под страхом суда и конфискации имущества уходить в Россию к самозванцу, но в условиях политической нестабильности никто из наемников не думал их выполнять. Вкурсе дела была и русская сторона, т. к. во время переговоров послы Речи Посполитой неоднократно ссылались на эти универсалы и подчеркивали, что их подданные, воюющие под знаменами самозванца, действуют самовольно[157]. Наемники, как свидетельствует М. Мархоцкий, наотрез отказались выполнять требование послов и заявили, что посадят «законного царя» на Московский престол[158]. Послы, сознавая, что позиция, занятая наемниками, может изменить планы Василия Шуйского и что тогда им вряд ли скоро удастся вырваться на родину, поспешили уверить оппонентов, что это не более чем временная заминка. Царь и его советники вновь дали себя обмануть.

§ 5. Ходынское сражение

Роспись правительственного войска лета 1608 г. не сохранилась, поэтому установить его точную численность невозможно. Самые общие представления по этому вопросу можно получить, суммировав приблизительную численность Государева, Большого, Правой и Левой руки полков по росписям русского войска XVI — начала XVII в.[159] Точных данных о численности войска самозванца не сохранилось, ее можно определить лишь приблизительно. Источники свидетельствуют, что значительные пополнения отрядами наемников из Брестской конфедерации и русскими повстанцами во главе с А. Лисовским царик получил уже после Ходынского сражения, поэтому общая численность его войска вряд ли превышала ту, которую оно имело в Болховском сражении, т. е. примерно 13—15 тыс. воинов.

М. Мархоцкий и автор Нового летописца свидетельствуют, что Роман Ружинский и его полковники, столкнувшись со значительным правительственным войском, поняли, что недооценили силы противника, и решили прибегнуть к хитрости. Пользуясь тем, что успешные переговоры создавали у москвичей и в правительственных войсках иллюзии на скорое мирное решение проблем, они попытались усыпить бдительность противника, на время отказавшись от активных боевых действий и вступив с ним в переговоры. Тем временем была произведена разведка и подготовлен удар по основной группировке правительственных войск. Цель задуманной операции вполне очевидна — сорвать переговоры, разгромить войска Василия Шуйского и заставить москвичей принять Лжедмитрия II.

Описание Ходынского сражения сохранилось в источниках разной политической ориентации: мемуарах наемников М. Мархоцкого, Й. Будилы и в разрядных книгах, в записках Б. Болтина, С. Шаховского, Пискаревском, Бельском и Новом летописцах, что позволяет с большой точностью восстановить ход боя. Наиболее достоверными и полно отразившими все фазы сражения являются рассказы М. Мархоцкого, Нового летописца и кн. С. Шаховского. Показания других источников кратки и лапидарны, но содержат важные детали для восстановления хода боя. М. Мархоцкий и Й. Будила сообщили, что решение дать сражение было принято в глубокой тайне на совещании

гетмана и полковников. Перед рассветом 25 июня (5 июля) 1608 г. кн. Роман Ружинский приказал солдатам в полном вооружении выйти из укрепленного лагеря и развернуться в боевые порядки. Командиры поставили солдатам задачу непосредственно перед атакой[160]. Историки, анализируя построение тушинского войска, обычно опираются на показания М. Мархоцкого. Ротмистр указал, что гетман с главными силами расположился в центре, во главе левого фланга поставил кн. А. Ружинского[161], правого — А. Хруслинского и выдвинул вперед отряд из нескольких сот конников[162]. Й. Будила, как и М. Мархоцкий, принимавший участие в сражении, сообщает дополнительные сведения, о которых ротмистр умолчал, видимо, не желая говорить об успехах людей, которых недолюбливал. Хорунжий отметил, что вперед был выдвинут не просто отряд, а полк пана В. Валевского, который отличился во время сражения. Еще один полк И.М. Заруцкого, по свидетельству Й. Будилы, был нацелен на татарские отряды правительственного войска[163]. Сведения хорунжего об активном участии в сражении полка И.М. Заруцкого полностью подтверждает автор Бельского летописца[164].

М. Мархоцкий вспоминал, что гетман поручил передовому отряду перед рассветом напасть на дозоры правительственного войска. Это распоряжение дает возможность раскрыть его замысел. В случае неудачи гетман мог легко оправдаться за нарушение перемирия, ссылаясь на то, что сражение было спровоцировано стычками боевого охранения[165]. Неожиданно для тушинцев полк В. Валевского, почти не встречая сопротивления, ворвался в лагерь правительственных войск[166]. Показания дворян, находившихся в правительственном лагере, позволяют объяснить столь легкий успех тушинцев. Они вспоминали, что мирные настроения и благодушие были настолько велики, что охватили и боевое охранение, которое «оплошалось»[167]. Заметив неожиданно легкий успех передового полка, кн. Р. Ружинский тотчас двинул на лагеря правительственных войск основные силы. Судя по данным источников, под удар попали Большой полк с нарядом, Передовой и Сторожевой полки и обоз. Очевидцы пишут, что русские воины были застигнуты врасплох спящими и бросились бежать[168]. В некоторых разрядных книгах указывается, что положение правительственных

полков якобы усугубил переход на сторону врага в критический момент боя третьего воеводы Большого полка кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского и бывших с ним дворян[169]. Это свидетельство не подтверждается показаниями польских источников. М. Мархоцкий отметил в своих записках, что воевода и его товарищи попали в плен[170]. Правительственные войска понесли значительные потери[171]. Тушинцы преследовали бегущих до Деревянного города[172]. От полного разгрома их спасла, по свидетельству М. Мархоцкого, алчность тушинцев[173]. Б. Болтин и автор Бельского летописца отмечают, что после известий о близком мире в лагерях правительственных войск скопилось много торговых людей с товарами для продажи. Богатая добыча, как магнит, притянула тушинцев. Наемники, их слуги и русские приверженцы самозванца бросились грабить имущество побежденных[174]. Наступательный порыв тушинских полков иссяк. Тем временем, как вспоминали кн. С. Шаховский и Б. Болтин, в сражение вступил находившийся в резерве Государев полк[175]. Его воины остановили и увлекли за собой отступавших ратников. Рассеяные было полки правительственных войск пришли в себя, развернулись в боевой порядок и обрушились на увлекшиеся грабежом вражеские полки[176]. Тушинцы были выбиты из захваченных ими лагерей правительственных войск и в беспорядке бросились в свой лагерь. Правительственные полки следовали за ними по пятам пятнадцать верст[177]. В атаке особенно отличился ертаул Государева полка, состоявший из стольников, стряпчих и жильцов, который возглавил В.И. Бутурлин[178]. М. Мархоцкий показывает, что только заминка правительственных полков при переправе через реку Химку помогла тушинцам прийти в себя и отбить нападение правительственных войск на Тушинский лагерь[179]. К исходу дня линия противостояния правительственных войск и тушинских отрядов стабилизировалась примерно там, где была в начале дня.

Современники неоднозначно оценили результаты сражения. М. Мархоцкий, Й. Будила говорят, что тушинцы одержали убедительную победу[180]. Авторы неофициальных разрядных книг, Бельского и Пискаревского летописцев подтвердили показания наемников, сообщая о поражении правительственных войск и больших потерях[181]. Кн. С. Шаховский, автор Нового летописца и Б. Болтин, наоборот, дали понять, что победу одержали

московские полки, т.к. поле боя осталось в их руках[182]. Историки, столкнувшись с противоречивыми показаниями источников относительно исхода Ходынского сражения, осторожно воспроизвели оценки его результатов по воспоминаниям современников[183]. С.М. Соловьев полагал, что «война велась с переменным счастием»[184]. С.Ф. Платонов пришел к выводу, что тушинцам не удалось одержать полной победы. Они уверились, что Василий Шуйский имеет достаточно сил не только для обороны Москвы, но и для удара по Тушину. Именно поэтому тушинцы, по мнению исследователя, вплоть до подхода подкреплений воздерживались от активных боевых действий[185]. И.С. Шепелев пришел к заключению, что в Ходынском сражении победа осталась за тушинцами. Причинами поражения правительственных сил, по мнению историка, были нежелание многих ратников сражаться за правительство Шуйского, слабый тыл царских войск из-за массового перехода населения на сторону самозванца в июне—июле 1608 г., а также «неорганизованность управления царской армией». Хотя правительственным войскам и удалось сорвать планы тушинцев по захвату страны, по мнению исследователя, военно-политические силы в государстве были ослаблены, настроение народных масс изменилось в пользу Лжедмитрия II[186].

Построения И.С. Шепелева вызывают сомнения. Анализ хода сражения показывает, что причиной неудачи правительственных войск в первой фазе сражения явилась внезапность атаки, а отнюдь не нежелание ратников сражаться за царя Василия. Оправившись от первого удара, они едва не разгромили противника. Переходы дворян на сторону самозванца, вопреки мнению исследователя, произошли после Ходынского сражения, а не до него и, следовательно, не могли стать причиной поражения. Главной причиной неудач правительственных войск, по нашему мнению, как и в Болховском сражении, являлись не классовые противоречия в тылу, а грубые ошибки царя Василия и его окружения в оценке общей социально-политической ситуации в стране и неумелое руководство войсками на поле боя. Сомнения вызывает и вывод С.Ф. Платонова, что победа тушинцев была неполной[187]. Действительно, приверженцы самозванца нанесли противнику значительный урон в живой силе, захватили артиллерию и обоз, но они не смогли достичь

главной цели: разгромить противника. Более того, во второй фазе сражения они сами оказались на грани полного разгрома и с трудом восстановили status-quo. После Ходынского сражения тушинцы вместо захвата Москвы были вынуждены думать об обороне Тушина и получении пополнений. ВХодынском сражении, как нам представляется, победителей не было, но результаты его не были одинаковыми для противоборствующих сторон. Тушинцы потерпели временную неудачу. Для Василия Шуйского исход Ходынского сражения имел более тяжелые последствия. Руководимые им правительственные войска, вновь имея значительное численное превосходство, оказались не в состоянии разгромить отряды мятежников и наемников и понесли значительные потери. Авторитет властей пошатнулся. Веру в способность царя и его окружения вывести страну из кризиса потеряли уже не только простолюдины, но и знать.

Появление в стане Лжедмитрия II отрядов солдат из Киевского и Брацлавского воеводств Речи Посполитой, как показывает анализ событий весны — начала лета 1608 г., придало новый импульс переживавшему глубокий кризис движению самозванца. Р. Ружинский и его товарищи отправились в поход в Россию, преследуя исключительно корыстные интересы, на свой страх и риск, вопреки явному противодействию польских официальных властей, в самый неблагоприятный для них момент, поэтому их участие в движении Лжедмитрия II не следует рассматривать как скрытую интервенцию Речи Посполитой против России. Устранив М. Меховецкого и став вместо него гетманом, Р. Ружинский жестоко расправился с казацкими царевичами и удалил из стана самозванца радикально настроенных повстанцев. Ему удалось остановить расправы над помещиками и провозгласить новый курс, направленный на союз с дворянами и детьми боярскими, но эти меры весной—летом 1608 г. не принесли ощутимых результатов, так как дворяне и дети боярские, напуганные недавними расправами, предпочитали служить Василию Шуйскому и не верили в провозглашенные перемены.

Переворот Р. Ружинского, победа в Болховском сражении, несомненно, усилили влияние наемников на положение дел в стане самозванца, но оно отнюдь не было всеобъемлющим. Казаки, беглые холопы и служилые люди по прибору южных

уездов России во главе с И.М. Заруцким по-прежнему составляли большинство, и новое руководство повстанческого движения было вынуждено считаться с их мнением.

Успехи самозванца, как совершенно справедливо считают русские историки, нельзя объяснять исключительно доблестью и военным превосходством «польских дружин». Мало-мальски грамотные в военном отношении действия царских воевод И.С. Куракина и В.Ф. Литвинова-Мосальского против безоглядных лихих атак наемников неизменно завершались поражением противника.

Нуждается в существенных коррективах гипотеза И.С. Шепелева, согласно которой приверженцы самозванца одержали победы благодаря усилившейся классовой борьбе народных масс. Вопреки предположениям исследователя, поход самозванца к Москве не сопровождался народными восстаниями в уездах, по которым проходили отряды самозванца. Приверженцам Лжедмитрия II очень помогли восстания в Великих Луках, в небольших пограничных крепостях Литовской украины и Псковщины, но они произошли без непосредственного участия отрядов самозванца, носили локальный характер и их вклад в одержанные победы не следует преувеличивать. Местное население, как на Северщине, так и в украинных городах, состояло из обедневших детей боярских, служилых людей по прибору и казаков. Их выступления явились результатом давно назревавшего социального взрыва, который по характеру был сходен с тем, что произошел ранее на юге и юго-западе страны, и его, по нашему мнению, следует рассматривать как прямое продолжение повстанческого движения 1606—1607 гг., а не как проявление классовой борьбы.

Не следует, на наш взгляд, преувеличивать и значение дворянской и боярской «шатости» в начале лета 1608 г. Дворяне и дети боярские, вопреки установившемуся мнению, в то время в основной массе сохранили верность В. Шуйскому и боролись с приверженцами самозванца, так как после зимы 1607/1608 г. прекрасно знали, что несет для них новая власть. «Шатость», судя по всему, была вызвана острым недовольством неспособностью руководства страны разгромить движение самозванца и защитить оказавшиеся в полосе наступления врагов дворянские вотчины и поместья.

Победы отрядов Лжедмитрия II, как справедливо считал С.М. Соловьев, в значительной степени были достигнуты благодаря значительному ослаблению государственного порядка после восстания И.И. Болотникова, глубокому кризису дворянского ополчения и бездарному управлению страной и правительственными войсками.

Примечания

[1] Naruszewicz A. Żywot J. K. Chodkiewicza. Warszawa, 1805. T. 2. S. 248—251; Гиршберг А. Марина Мнишек. СПб., 1908. С. 51—76.

[2] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 233—235.

[3] Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 60—81.

[4] Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 1981. С. 105—106.

[5] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 9—19.

[6] Буссов К. Московская хроника, 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 149; Будила Й. История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1872. Т.1. Стб. 130.

[7] Маскевич С. Дневник 1594—1621 гг. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 30; Marchocki M. Op. cit. S. 11.

[8] Новицкий И.П. Князья Ружинские // Киевская старина. 1882. Т. 2. С. 74.

[9] Marchocki M. Op. cit. S. 11.

[10] Буссов К. Указ. соч. С. 149.

[11] Донесение Викентия Львовского, доктора богословия о Дмитрие Самозванце 24 декабря (3 января) 1608 г. // РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 77—82.

[12] Marchocki M. Op. cit. S. 11—12.

[13] Marchocki M. Op. cit. S. 12.

[14] Ibid. S. 11—12.

[15] Будила Й. Указ. соч. Стб. 130.

[16] Ibid.

[17] Marchocki M. Op. cit. S. 13.

[18] Marchocki M. Op. cit. S. 13.

[19] Ibid. S. 14.

[20] Ibid. S. 14.

[21] Ibid. S. 15—16.

[22] Marchocki M. Op. cit. S. 17—18.

[23] Ibid. S. 19.

[24] Ibid. S. 18—19.

[25] Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб, 1871. С. 116—117.

[26] Marchocki M. Op. cit. S. 19.

[27] Ibid. S. 20—21.

[28] Ibid. S. 19; Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 340.

[29] Князья Ружинские были тесно связаны с запорожскими казаками. См.: Новицкий И.П. Указ. соч. С. 67—73.

[30] Грамота кн. Р. Ружинского московским боярам кн. В.В. Голицыну и И.С. Куракину с призывом признать Лжедмитрия II // РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 218—221. Издатель указал, что оригинал письма хранится в собрании графов Делагарди в Швеции. Это, по всей видимости, ошибка. Оригинал отыскан нами в собрании графов Брагге Е. 8610(1).

[31] Грамота Лжедмитрия II смолянам 14 (24 апреля) 1608 г. // Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII в. СПб., 1841. Ч. 2. Прил.

[32] Грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку 17 (27) января 1608 г. // Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). М., 1819. Ч. 2. № 156. С. 327—328.

[33] List Dmitra II do M. Wolskogo 23 lutego (2 stycznia) 1608 // Kraushar F. Obrazy i wizerunki historicznie. Warszawa, 1906. S. 346—347.

[34] Меморандум был отыскан в поздней копии кн. М.А. Оболенским, по-видимому, в Архиве Министерства иностранных дел и впервые опубликован С.М. Соловьевым, как наказ неизвестного Лжедмитрию II. См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. IV. Т. 8. С. 481—486. Н.И. Костомарову было известно два списка памятника — Архива МИД и библиотеки Красиньских, которые по его словам были поздними и мало чем отличались. Текст меморандума историк опубликовал в примечаниях. См.: Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Собр. соч. СПб., 1904. Кн. II. С. 323—325. А. Гиршбергу был известен более полный список (Memorial i motiwa

od JM Wojewody sendomirskiego Krolówi JM dane z więzienia moskiewskiego JMP wojewody i posłów polskich // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Rkps. 2686/II. K. 6—9.), что позволило ему установить авторство Ю. Мнишка, но он, к сожалению, не смог подготовить научную публикацию документа // Указ. соч. С. 66—67.

[35] List M.Radziwiłła do J.Radziwiłła 6 (16) stycznia 1608 r. // Archiwum domu Radziwiłłów. Kraków, 1881. S. 52; Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 66.

[36] Polak W. O Kreml i Smoleńszczynę. Polityka Rzeczpospolitey wobec Moskwy w łatach 1607—1612. Toruń, 1995. S. 40.

[37] Гиршберг А. Указ. соч. С. 66.

[38] Polak W. Op. cit. S. 45.

[39] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. 12. Стб. 46—49.

[40] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 308—310.

[41] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 470.

[42] Гиршберг А. Указ. соч. С. 67—69.

[43] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 233.

[44] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 75—77.

[45] List B. Wojny do L. Sapiehi 31 maja (10 czerwca) 1608 г. // ОР НБУАН Ф. 103. № 556/Va. Л. 134—135; Будила Й. Указ. соч. Стб. 131; Marchocki M. Op. cit. S. 19.

[46] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 59—64.

[47] Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. Ч. 1. С. 27—78; Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577—1578 гг. // Военный журнал. 1852. № 1. С. 131—145; № 2. С. 89—104; № 3. С. 103—120; № 4. С. 136—154; № 5. С. 97—128; № 6. С. 84—109; Роспись русского войска 1604 г. // Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2.

[48] Шаховский С. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 388; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 62, 70.

[49] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 13, 47, 92, 147, 159, 174, 186, 206, 214, 220, 222, 249.

[50] Белокуров С.А. Разряды. С. 119, 174, 249. Получив назначение, Г.Г. Сулемша-Пушкин тут же заместничал с боярином М.А. Нагим.

Царь на этот раз погасил конфликт, выдав невместную грамоту. Там же. С. 47, 119, 207.

[51] Белокуров С. Разряды. С. 47, 92, 119, 159.

[52] Десятня Бежецкой пятины 1608 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. № 124.

[53] Десятня по Юрьеву-Польскому 1608 г. // РГАДА. Ф. 210. № 8. Л. 1—73 об.

[54] Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек. СПб., 1996. С. 106—111; История Дмитрия и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 5. С. 172—179.

[55] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 106—111; История Дмитрия и Марины Мнишек. С. 172—179.

[56] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 60.

[57] Rejestr wojska polskiego, ktyre jest przy Caru na Moskwie // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Уа. Л. 323—324.

[58] Будила Й. Указ. соч. Стб. 134.

[59] Marchocki M. Op. cit. S. 19.

[60] Rejestr wojska polskiego...

[61] Marchocki M. Op. cit. S. 19.

[62] Rejestr wojska polskiego...

[63] Болтин Б. Указ. соч. С. 340. И.С. Шепелев ошибочно считает Т. Сеитова полковым воеводой (Указ. соч. С. 71).

[64] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 111.

[65] List. B. Wojny do L. Sapiehi 31 maja (10 czerwca) 1608 г. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 134 об. 135.

[66] Marchocki M. Op. cit. S. 20.

[67] Новый летописец. С. 79.

[68] Будила Й. Указ. соч. Стб. 132.

[69] Marchocki M. Op. cit. S. 21—22; Новый летописец. С. 79.

[70] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 72.

[71] Новый летописец. С. 79; Белокуров С. Разряды. С. 13.

[72] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 72—73.

[73] Marchocki M. Op. cit. S. 22; Будила Й. Указ. соч. Стб. 133.

[74] Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 247.

[75] Marchocki M. Op. cit. S. 22; Будила Й. Указ. соч. Стб. 133.

[76] Новый летописец. С. 79; Marchocki M. Op. cit. S. 22; Белокуров С.А. Разряды. С. 13, 222.

[77] Marchocki M. Op. cit. S. 24; Будила Й. Указ. соч. Стб. 133—134.

[78] Ibid; Новый летописец. С. 79; Болтин Б. Указ. соч. С. 340.

[79] Marchocki M. Op. cit. S. 24—25.

[80] Белокуров С.А. Разряды. С. 13, 42.

[81] Там же. С. 221.

[82] Новый летописец. С. 79.

[83] Болтин Б. Указ. соч. С. 340.

[84] Бельский летописец. С. 247.

[85] Десятня Бежецкой пятины 1608 г. // РГАДА. Ф. 210. № 124.

[86] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 75.

[87] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 308—309.

[88] Marchocki M. Op. cit. S. 26.

[89] Новый летописец. С. 79.

[90] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 78—79.

[91] Marchocki M. Op. cit. S. 26.

[92] Буссов К. Указ. соч. С. 149.

[93] Marchocki M. Op. cit. S. 26.

[94] Ibid; Новый летописец. С. 79; Болтин Б. Указ. соч. С. 340: Бельский летописец. С. 248.

[95] Буссов К. Указ. соч. С. 151.

[96] Масса И. Указ. соч. С. 174; Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и его мемуары по русской истории. Киев, 1899. С. 141.

[97] История Дмитрия Московского и Марины Мнишек. С. 178—179.

[98] Marchocki M. Op. cit. S. 24.

[99] Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 269.

[100] Буссов К. Указ. соч. С. 151.

[101] Там же.

[102] Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 174.

[103] Новый летописец. С.79. Marchocki M. Op. cit. S. 24.

[104] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 111.

[105] Новый летописец. С. 79.

[106] Белокуров С.А. Разряды. С. 176, 251.

[107] Новый летописец. С. 79.

[108] Там же.

[109] Занял место первого воеводы в Тобольске, взамен умершего окольничего М.М. Салтыкова и находился в этой должности до зимы 1612 г. См.: Белокуров С. Разряды. С. 94, 149, 162. Родственник

Романовых по жене Татьяне Федоровне — дочери Филарета Романова. См.: Петров П.Н. История родов Российского дворянства. М., 1991. Т. 1. С. 206.

[110] Новый летописец. С. 79.

[111] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 114.

[112] Белокуров С.А. Разряды. С. 94, 149, 162.

[113] Новый летописец. С. 80. Зять близкого к Филарету боярина М.Г. Салтыкова. См.: Петров П.Н. Указ. соч. С. 333.

[114] Новый летописец. С. 80. Женат на Анне Никитичне Романовой — сестре Филарета Романова и боярина И.Н. Романова. См.: Петров П.Н. Указ. соч. С. 183.

[115] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Стб. 48.

[116] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 233, 237.

[117] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 80.

[118] Marchocki M. Op. cit. S. 27.

[119] Ibid. S. 31.

[120] Sapieha J. Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 184.

[121] Белокуров С.А. Разряды. С. 14, 48.

[122] Там же. С. 48, 97, 207.

[123] Там же. С. 14, 48.

[124] Там же. С. 14, 48, 97.

[125] Новый летописец. С. 79.

[126] Там же.

[127] Marchocki M. Op. cit. S. 27.

[128] Ibid.

[129] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 191.

[130] Гиршберг А. Указ. соч. С. 72; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 80.

[131] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Стб. 49; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 310—311; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 477.

[132] Будила Й. Указ. соч. Стб. 134.

[133] Масса И. Указ. соч. С. 174; Белокуров С. Разряды. С. 251—252.

[134] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 114.

[135] Там же. С. 43—46, 114.

[136] Marchocki M. Op. cit. S. 26.

[137] Будила Й. Указ. соч. Стб. 134; Marchocki M. Op. cit. S. 28.

[138] Белокуров С.А. Разряды. С. 252.

[139] Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 129.

[140] Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 129.

[141] Marchocki M. Op. cit. S. 28—29.

[142] Белокуров С.А. Разряды. С. 13.

[143] Marchocki M. Op. cit. S. 29.

[144] Ibid.

[145] Ibid.

[146] Будила Й. Указ. соч. Стб. 134—135; Marchocki M. Op. cit. S. 30.

[147] Будила Й. Указ. соч. Стб. 134—135; Marchocki M. Op. cit. S. 30; Новый летописец. С. 80.

[148] Поляки, запомнившие кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского по боям под Брянском, не только отметили его появление в Большом полку, но даже сочли, что царь назначил его главнокомандующим. И.С. Шепелев высказал предположение, что, назначив боевого воеводу в помощь кн. М.В. Скопину-Шуйскому, Василий Шуйский продемонстрировал недоверие к племяннику. По нашему мнению, для такого предположения нет достаточных оснований. Новые назначения скорее свидетельствовали о значительном усилении Большого полка, чем о недоверии царя к племяннику.

[149] Белокуров С.А. Разряды. С. 13—14, 47—48.

[150] Будила Й. Указ. соч. Стб. 135.

[151] Marchocki M. Op. cit. S. 31.

[152] Белокуров С.А. Разряды. С. 252.

[153] Белокуров С.А. Разряды. С. 251—252.

[154] Там же. С. 175—177; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 112.

[155] Marchocki M. Op. cit. S. 27—28.

[156] Ibid. S. 30—31.

[157] Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 133, 139, 145.

[158] Marchocki M. Op. cit. S. 27—28.

[159] Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. Ч. 1. С. 27—78; Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577—1578 гг. // Военный журнал. 1852. № 1. С. 131—145; № 2. С. 89—104; № 3. С. 103—120; № 4. С. 136—154; № 5. С. 97—128; № 6. С. 84—109; Роспись русского войска 1604 г. // Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2.

[160] Marchocki M. Op. cit. S. 31; Будила Й. Указ. соч. С. 135.

[161] Н. Костомаров, опираясь на показания М. Мархоцкого, почему-то ошибочно указывает, что полком командовал А. Вишневецкий (Указ. соч. С. 312. Прим. 2).

[162] Marchocki M. Op. cit. S. 32.

[163] Будила Й. Указ. соч. С. 136.

[164] Бельский летописец. С. 248.

[165] Marchocki M. Op. cit. S. 32.

[166] Ibid; Будила Й. Указ. соч. С. 136.

[167] Шаховский С. Указ. соч. С. 390—391; Новый летописец. С. 80.

[168] Там же; Белокуров С. Разряды. С. 252; Пискаревский летописец. С. 215; Бельский летописец. С. 248.

[169] Белокуров С. Разряды. С. 252.

[170] Marchocki M. Op. cit. S. 33.

[171] Белокуров С. Разряды. С. 253; Бельский летописец. С. 248. Шаховский С. Указ. соч. С. 390.

[172] Болтин Б. Указ. соч. С. 341.

[173] Marchocki M. Op. cit. S. 33—34.

[174] Болтин Б. Указ. соч. С. 341; Бельский летописец. С. 248.

[175] Шаховский С. Указ. соч. С. 390.

[176] Marchocki M. Op. cit. S. 33—34.

[177] Ibid. S. 34—35; Новый летописец. С. 80; Шаховский С. Указ. соч. С. 390, 392.

[178] Болтин Б. Указ. соч. С. 341.

[179] Marchocki M. Op. cit. S. 35

[180] Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 136.

[181] Белокуров С.А. Разряды. С. 253; Пискаревский летописец. С. 215; Бельский летописец. С. 248.

[182] Шаховский С. Указ. соч. С. 390, 392; Болтин Б. Указ. соч. С. 341.

[183] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Стб. 52; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 311—312; Гиршберг А. Указ. соч. С. 76.

[184] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 478.

[185] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 235.

[186] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 86—88.

[187] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 235.

ГЛАВА 5

КРИЗИС ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II ЛЕТОМ 1608 Г.

В конце лета — начале осени 1608 г. в Тушинском стане произошли большие перемены. На службу к Лжедмитрию II прибыли новые отряды инфляндских солдат из Речи Посполитой. А. Лисовский пробился в Тушино с Рязанщины. Руководителям движения самозванца удалось заполучить М. Мнишек, которая признала в царике своего мужа. Начались отъезды бояр и дворян к Вору. Я. Мацишевский, В.Д. Назаров, Б.Н. Флоря пришли к заключению, что поход инфляндцев в Россию был санкционирован королем Сигизмундом III, канцлером Л. Сапегой с целью увести мятежников за пределы Речи Посполитой и с их помощью подготовить почву для открытой интервенции в Россию[1]. И.С. Шепелев полагал, что факт воссоединения «царственных супругов» в Тушине увеличил число сторонников Лжедмитрия II, укрепил силы интервентов и обеспечил переход на их сторону бояр и дворян[2]. Гипотезы о скрытой иностранной интервенции и укреплении сил тушинцев нуждаются в проверке данными источников, написанных по горячим следам событий.

§ 1. Отъезды бояр и дворян

Под влиянием показаний поздних нарративных источников в литературе сложилось мнение, что после неудачного Ходынского сражения начались массовые отъезды бояр и дворян к Вору[3]. Краткие записи, сделанные в Разрядном приказе летом 1608 г., рисуют иную картину. По их данным, 21 (31) июля 1608 г. в Тушино бежал стольник кн. М. Шейдяков с 14 татарами; 24 июля (3 августа) — стольники, среди которых был кн. Д.Т. Трубецкой; 25 июля (4 августа) — стольник кн. Д.М. Черкасский; 4 (14) августа — четыре жильца, дети головы стрелецкого Н. Бабкина; 18 (28) августа — дьячий сын А. Шапилова; 30 августа (9 сентября) — сын боярский Гарка Псковский да Меньшик[4]. В число стольников, бежавших вместе с кн. Д.Т. Трубецким, по всей видимости, входили упомянутые Б. Болтиным кн. А.Ю. Сицкий, М.М. Бутурлин, кн. И.П. и С.П. За-

секины[5]. Нетрудно заметить, что дьяки записали отъезды в Тушино всех мало-мальски заметных людей из правительственного войска — от стольников до городовых, детей боярских, подьячих, служилых татар. Назвать их массовыми, на наш взгляд, нельзя. В данном случае Москву покинули молодые представители боярских родов, оппозиционных Шуйским, которые, вероятно, утратили всякие надежды на успешную карьеру после репрессий, последовавших за неудачным походом на р. Незнань.

И.С. Шепелев отметил в своем исследовании, что появление самозванца у стен столицы дало толчок к массовому отпадению западных и северо-западных уездов страны от В. Шуйского[6]. Наблюдения исследователя не подтверждаются источниками. Упомянутые историком Можайск, Вязьма, Дорогобуж и Звенигород были заняты отрядами самозванца еще до их подхода к Москве. Присяга можаитян и звенигородцев, как уже говорилось ранее, явно была вынужденной[7]. Иначе развивались события в городках Литовской украины, гарнизоны которых, как и на Северщине, в основном состояли из служилых людей по прибору и казаков. Автор Псковской летописи поведал, что вернувшиеся после Болховского сражения около Николиного дня вешнего 9 (19) мая 1608 г. «дети боярские, холопи их» и стрельцы «приведоша пригороды и волости к крестному целованию»[8]. Именно они, а не крестьяне и посадские миры выступили в поддержку самозванца. Псковский воевода П.И. Шереметев попытался подавить движение местных служилых людей силой, отправив в пригороды правительственный отряд под командованием сына стольника Б.П. Шереметева, но тот потерпел поражение и едва «утек от них во Псков здорово»[9]. 12 (22) июля 1608 г. приверженцам Лжедмитрия II удалось достичь крупного успеха: Великие Луки, Невель и Заволочье с прилегающими к ним волостями целовали крест самозванцу. Во главе движения стал сын боярский Ф.М. Плещеев[10], который был пожалован Вором в бояре и получил титул великолуцкого наместника. В Великих Луках, крепостицах Литовской украины и псковских пригородах явно начал зарождаться новый очаг повстанческого движения, который медленно расширялся. В первых числах августа 1608 г. самозванцу присягнул Торопец[11], а в конце августа — Белая[12]. Тем не менее местные служилые люди, вступив в борьбу с гарнизонами Пскова, Смоленска, Белой и

других городов, пока не могли оказать существенной помощи войску самозванца. Переход значительной части дворян и детей боярских центральных областей страны на сторону Вора, как свидетельствуют дворяне — участники событий, произошел позднее, осенью 1608 г.[13]

§ 2. Поход отряда А. Лисовского на Москву

Столкнувшись со значительными правительственными силами под Москвой, руководство Тушинского лагеря, по-видимому, сочло необходимым вызвать в Тушино полковника А. Лисовского, отправленного в рейд на Рязанщину из Орла в самом начале 1608 г.[14] Данные об этом рейде содержатся в записках Б. Болтина и в Новом летописце[15]. Б. Болтин вспоминал, что рязанские воеводы, совершив удачный набег на Пронск, узнали, что тем временем А. Лисовский захватил Зарайск. Первый воевода кн. И.А. Хованский лично возглавил ополчение из рязанских и арзамасских дворян и детей боярских[16]. Вторым воеводой он взял вместо раненого П.П. Ляпунова его брата Захара[17]. Воины правительственного отряда, по словам неизвестного рязанца — информатора Нового летописца, в походе проявляли полную беспечность и в результате были «со пьяна» разбиты на голову. Только арзамасцев в том бою, по свидетельству рассказчика, полегло около 300 человек[18]. Арзамасский дворянин Б. Болтин говорит, что арзамасцев было всего 250 человек, но это были лучшие воины[19].

Поражение правительственного отряда резко изменило ситуацию на Рязанщине в пользу приверженцев самозванца. И.А. Хованский и местные дворяне были вынуждены сесть в осаду. Арзамасцев царь отозвал в Москву[20]. Тем временем А. Лисовский начал копить силы. Благодаря удобным степным и речным дорогам с Волги, Дона и Днепра Рязанщина как нельзя лучше подходила для этой цели. Вскоре полковник, как отметил Б. Болтин, пополнил свой отряд, состоявший из наемников и казаков, служилыми людьми украинных и рязанских городов, запорожцами, донскими казаками[21]. Летом 1608 г. численность отряда А. Лисовского, по данным Б. Болтина, достигла 30 тыс. человек[22]. Считается, что эти данные сильно преувеличены, т. к. истощенные многолетней гражданской войной ук-

раинные города, Рязанщина, вольные казачьи городки не обладали мобилизационными ресурсами для создания такого многочисленного войска. Исследователи не обратили внимания на свидетельство автора одной из разрядных книг, который отметил, что отряд А. Лисовского вез «денежную казну и запас вин фрянчюжских»[23], т. е. главная задача рейда заключалась не столько в помощи рязанским повстанцам, сколько в стремлении доставить в Тушино столь необходимые для войска Вора продовольствие и снаряжение. Обремененный обозами отряд А. Лисовского, по-видимому, производил впечатление многотысячного войска.

В июле 1608 г. А. Лисовский со своим отрядом оставил Рязанщину и подошел к Коломне. Местный правительственный гарнизон, по данным разрядов, возглавляли воеводы — дворянин московский кн. А.Г. Долгорукий-Черт и выборный дворянин по Кашире И.А. Момот-Колтовской[24]. Их назначение на должность сопровождалось местническим конфликтом, который Василий Шуйский погасил, выдав невместную грамоту[25]. Решение царя вряд ли устранило неприязнь между воеводами. Это, по всей видимости, сказалось в решительный момент. Кн. А.Г. Долгорукий, по словам автора одной из разрядных книг, «испужался и Коломну покинул, а сам побежал к Москве»[26]. Как действовал второй воевода, И.А. Мамот-Колтовский, источники ничего не сообщают. Гарнизон Коломны, судя по данным источников, пытался оказать сопротивление врагам, но А. Лисовский «взятьем» овладел городом и подверг его разграблению[27]. В плен попали епископ Коломенский Иосиф и по каким-то причинам находившийся в городе боярин кн. В.Т. Долгорукий[28]. Они были первыми высшими духовными и светскими чинами, оказавшимися в руках приверженцев самозванца.

В Коломне А. Лисовский, по свидетельству источников, взял артиллерию[29], пополнил свой отряд людьми и снаряжением и выступил к Москве. Захват Коломны отрезал столицу от подвоза столь необходимого ей рязанского хлеба, а прорыв А. Лисовского в Тушино грозил значительно усилить войска самозванца под Москвой. Василий Шуйский срочно послал навстречу А. Лисовскому войско, состоявшее из трех полков[30]: Большим полком командовали боярин кн. И.С. Куракин и Г.Г. Сулемша-Пушкин; Передовым — боярин кн. Б.М. Лыков и

кн. Г.К. Волконский; Сторожевым — В.И. Бутурлин и кн. Ф.И. Мерин-Волконский[31]. Примечательно, что И.С. Куракин и Г.Г. Сулемша-Пушкин ранее, в Болховском сражении, командовали Сторожевым полком, Б.М. Лыков и Г.К. Волконский — были вторым и третьим воеводами Большого полка[32]. Хотя войско и было «уряжено» на три полка, его общая численность после всех неудач, наверняка, была меньшей, чем в Болховском сражении, однако воины обладали богатым опытом боев с приверженцами самозванца под Брянском и Болховом и хорошо знали, с кем имеют дело. Местом сбора правительственного войска было с. Дорогомилово на Калужской дороге[33]. Назначение воевод вызвало серию местнических споров: чашник В.И. Бутурлин «бил челом в отчестве» на кн. Б.М. Лыкова[34], кн. Г.К. и Ф.И. Волконские — на Г.Г. Пушкина[35]. Василий Шуйский прибег к испытанному методу разрешения споров, приказав выдать В. Бутурлину и кн. Г.К., Ф.И. Волконским невместные грамоты. Это решение, судя по всему, не разрешило конфликта. В.И. Бутурлин, по свидетельству дворян, «списков не взял для Бориса Лыкова», в Сторожевом полку не был, а служил в Большом полку «в ряду». В Сторожевом полку пришлось управляться одному кн. Ф.И. Мерину-Волконскому[36].

Правительственное войско выступило в поход по Коломенской дороге 27 июня (7 июля) 1608 г. На следующий день воины Василия Шуйского встретились с отрядом А. Лисовского, когда он переправлялся через р. Москву по Медвежьему броду[37]. Приверженцы самозванца, судя по данным Б. Болтина и Нового летописца, не ожидали столкнуться 28 июня (8 июля) 1608 г. с сильным правительственным войском и сразу же попали в тяжелое положение. Несмотря на упорное сопротивление («бой бысть с ними через весь день»), отряд А. Лисовского был разбит наголову, а сам полковник бежал с поля боя «с невеликими людьми»[38]. Воины правительственного войска заняли г. Коломну, взяли много пленных, захватили всю артиллерию противника, казну, большие запасы продовольствия[39]. Епископ Коломенский Иосиф, протопоп Николы Зарайского и боярин кн. В.Т. Долгорукий были освобождены[40]. А. Лисовского не преследовали, потому что, как свидетельствует автор одной из разрядных книг, воеводы «заблюлися», опасаясь, что противник заманивает передовой полк кн. Б.М. Лыкова в заса-

ду, и предпочли остановить преследование, сосредоточив Большой и Сторожевой полки в крепости[41]. Вскоре сюда прибыли новые воеводы — И.М. Бутурлин и С.М. Глебов[42].

Бои с А. Лисовским вызвали противоречивые оценки в литературе. Н.М. Карамзин пришел к выводу, что воины Шуйского одержали важную победу: «Лисовский, хотев явиться в Тушино победителем, явился там беглецом с немногими всадниками»[43]. Н.И. Костомаров согласился с Н.М. Карамзиным, что А. Лисовский явился в Тушино «в беспорядке», но, по его мнению, это все же усилило самозванца[44]. С.Ф. Платонов, опираясь на свидетельства Б. Болтина о том, что А. Лисовскому удалось собрать тридцатитысячное войско, пришел к выводу, что на Рязанщине полковник «блестяще выполнил свою задачу, как бы возродив к новой деятельности только что уничтоженное Шуйским войско Болотникова и царевича Петра». Хотя полковник потерпел тяжелое поражение, тем не менее, считает историк, в дальнейшем все же смог снова собрать людей и соединится с основными силами Вора[45]. И.С. Шепелев совершенно справедливо полагал, что гипотеза о возрождении войска И. Болотникова и Лжепетра — явное преувеличение. Разгром А. Лисовского, как считает историк, был серьезным поражением тушинцев, которые, не получив вовремя подкрепления, были вынуждены примерно на месяц отказаться от активных военных действий[46]. Сделанные нами наблюдения позволяют предположить, что проблема была не столько в подкреплениях, сколько в том, что полковник не смог доставить в Тушино обозы с продовольствием и снаряжением, которые достались правительственным отрядам.

§ 3. Поход Я. Сапеги на Москву

Летом 1608 г. войско самозванца пополнилось новыми отрядами наемников. К Лжедмитрию II прибыли Староборовский с 200 гусар[47], А. Млоцкий с 150 воинами[48], А. Зборовский с С. Стадницким с 500 гусар[49], М. Вилямовский с 700—800 всадников[50], Я. Микулинский с 450[51], Я. Стравинский с 500 воинов[52], Орликовский, Копычинский[53], отец и сын Бохвалы с 200воинов[54], М. Горлинский[55] и др. В середине июля 1608 г. русско-польскую границу пересек отряд Я.П. Сапеги, насчитыва-

ющий 1700 воинов[56]. Почти все они принадлежали к солдатам инфляндской армии Я.К. Ходкевича, которые накануне рокоша М. Зебжидовского взбунтовались из-за неуплаты жалования и захватили королевские имения в Белоруссии. Мятежники, за редким исключением, не участвовали в войне короля и рокошан. Пользуясь слабостью властей, они дочиста ограбили многие имения в Белоруссии и Литве. Кпримеру, виленский епископ Б. Война жаловался в письме Л. Сапеге, что его имение Гуменное грабили солдаты П. Руцкого, затем А. Лисовского, потом А. Млоцкого, которые забрали 3000 коров, коней, свиней и прочих вещей и все «как метлой смели»[57]. Его рассказ сильно напоминает то, что затем учинят те же Руцкий, А. Лисовский и А. Млоцкий и их товарищи в России в 1608—1609 гг.[58] Лжедмитрий II и его покровители еще летом 1607 г. пытались заполучить инфляндских солдат для борьбы с В. Шуйским. Самозванец не скупился на обещания, приглашая Я. Сапегу и его товарищей явиться к нему в Стародуб[59]. Но все усилия были тщетными, пока король не справился с рокошанами и не появилась опасность того, что с мятежников спросят за содеянное. 27 мая (6 июня) 1608 г. Я. Сапега наконец сообщил Лжедмитрию II, что скоро выступит в поход в Россию к нему на помощь.

Гипотеза, согласно которой Я. Сапега, отправляясь в Россию, будто бы выполнял секретные поручения Сигизмунда III и Льва Сапеги, была впервые сформулирована польским историком К. Когновицким, который опирался на данные поздней редакции Дневника Я. Сапеги по списку А. Рубинковского[60]. Редактор, как показал анализ направления его работы, стремился убедить читателей, что Я.П. Сапега и его солдаты действовали по воле короля, и опустил все, что сколько-нибудь противоречило этому взгляду[61]. В документах, некогда входивших в архив Смоленской приказной избы, сохранилось донесение лазутчиков о том, что король и канцлер сразу же после выступления отряда Я. Сапеги в поход написали к нему письма с требованием отказаться от затеянного[62]. Эти данные подтверждают письма виленского епископа Бенедикта Войны к Льву Сапеге 31 мая (10 июня) и 10 (20) июля 1608 г., который извещал канцлера, что несмотря на все усилия не смог выполнить его просьбу — убедить Я. Сапегу отказаться от его замыслов[63]. Документы более позднего времени (1610 г.) свидетельствуют, что

между «братьями» Л. Сапегой и Я. Сапегой отнюдь не было взаимопонимания. Более того, канцлер в открытую заявлял королю, что не верит заявлениям троюродного брата[64]. Все эти данные подтверждают мнение А. Нарушевича, Я. Немцевича и С.М. Соловьева, что Я.П. Сапега с инфляндскими солдатами затеяли поход на свой страх и риск против воли правящих кругов Речи Посполитой[65]. Появление отрядов инфляндских солдат в России, как и прибытие в Брянск и Орел наемников из Киевского и Брацлавского воеводств, явилось грубым вмешательством части магнатов и шляхты во внутренние дела соседнего государства, но отнюдь не скрытой интервенцией Речи Посполитой против России.

§ 4. Захват Мнишков

Интенсивные переговоры, которые Василий Шуйский провел с послами Речи Посполитой летом 1608 г., завершились заключением перемирия[66]. После публикации Д. Бутурлиным текста достигнутого соглашения в литературе установилось мнение, что оно было подписано 25 июля 1608 г.[67] Историки не заметили, что Д. Бутурлин неверно перевел дату польского документа из григорианского в юлианский календарь. Вдействительности перемирие было подписано 17 (27) июля 1608 г.[68] Через три дня, 18 (28) июля 1608 г., об этом известили пленных поляков в Ярославле[69].

Стороны заключили перемирие на три года и одиннадцать месяцев на условиях status quo[70]. Но в качестве ключевых они рассматривали два пункта. Василий Шуйский пообещал выпустить из России послов и всех пленных поляков до 28 сентября (28 октября) 1608 г., которые дали клятву не участвовать в интриге нового самозванца[71]. Послы именем короля обязались отозвать подданных Речи Посполитой из Тушинского лагеря на Родину. Исключение было сделано только для А. Лисовского, который, по заявлению послов, являлся преступником и считался в Речи Посполитой человеком вне закона. Московским властям было предложено поступать с ним как заблагорассудится[72]. Василий Шуйский обратился к королю с обширным посланием, в котором изложил свой взгляд на события недавнего времени[73]. В свою очередь, «старые» и «новые» послы

и Ю. Мнишек написали кн. Р. Рожинскому и другим землякам в Тушине письмо, в котором сообщили о заключении перемирия, его условиях и вновь в категоричной форме потребовали покинуть пределы Московского государства[74].

Василий Шуйский уверился, что одержал важную дипломатическую победу, урегулировав отношения с Речью Посполитой и добившись отзыва иноземных отрядов из Тушинского лагеря. В действительности, как совершенно справедливо отметил Р.Г. Скрынников, это был грубый просчет[75]. Я. Мацишевский установил, что Сигизмунд III и его окружение, справившись с рокошем, к лету 1608 г. вернулись к прежним планам войны с Россией, видя в ней надежный способ консолидации общества вокруг престола[76]. Во время переговоров в Москве в польской публицистике вместо призывов помогать «законному царю Дмитирию» начала муссироваться идея воспользоваться благоприятной ситуацией и предпринять войну против восточного соседа. Ссылаясь на то, что ни Василий Шуйский, ни самозванец не способны принести мира своим подданным, польские публицисты убеждали, что включение России в состав Речи Посполитой является единственной возможностью успокоить соседний народ, обезопасить восточные границы страны и безболезненно разрешить давнишние споры между двумя государствами[77]. Партия войны, учтя опыт 1606 г., явно готовилась взять реванш на грядущих сеймиках и сейме. В этой ситуации отпуск пленников из Москвы не столько лишал партию войны аргументов в ее агитации, сколько развязывал ей руки для подготовки вторжения. Ошибкой было и соглашение с Ю. Мнишком и другими пленными поляками об их отказе участвовать в интриге Лжедмитрия II и отправке на родину. Ю. Мнишек, организовав авантюру Лжедмитрия I, поставив на карту все, что у него было, теперь, подобно потерявшему голову карточному игроку, готов был на все, лишь бы отыграться. Между воеводой и руководителями движения самозванца, как свидетельствует их переписка, уже давно были установлены тесные контакты[78]. Ю. Мнишек и его дочь перед лицом смертельной опасности с головой окунулись в новую авантюру.

В соответствии с договором послы М. Олесницкий, А. Гонсевский, С. Витовский, Я. Соколинский, Ю. Мнишек с дочерью и сыновьями были отпущены с Москвы 23 июля (2 авгус-

та) 1608 г.[79] Приставами у послов, согласно разрядам, были Б.С. Собакин и П.И. Мансуров[80], сопровождать их до границы и охранять от тушинцев должны были боярин кн. В.Т. Долгогрукий и И.А. Колтовский-Момот[81] с отрядом, который, по данным Велевицкого, состоял из 500 тыс. детей боярских (по сведениям тушинцев — 1 тыс. человек) белян, вязьмичей, дорогобужан и смолян[82], в основном ветеранов и новобранцев[83]. Я. Сапега, шедший на службу в Тушино в августе 1608 г., выяснил, что послы выехали из Москвы Переяславской дорогой за Волгу, затем повернули на Ржеву, Белую и Смоленск[84]. Показания автора Нового летописца подтверждают данные польского источника и помогают уточнить маршрут. Воеводы везли поляков окольным путем: на Углич, Тверь, Белую, откуда намеревались добраться до Смоленского рубежа[85]. К. Савицкий, находившийся в обозе польских послов, красочно описал тяготы и лишения, которые пережил, скитаясь по лесным дорогам, по милости русских, пытавшихся избежать встречи с тушинцами[86].

Ю. Мнишек и его дочь действительно делали все, чтобы попасть в Тушино и нисколько не считались с только что подписанным договором. Буквально на следующий день после выезда из столицы они сообщили тушинцам все необходимые сведения для перехвата правительственного отряда[87]. Лжедмитрий II тотчас отправил в пограничные города Торопец, Великие Луки, Невель, Заволочье, Погорелое Городище, Псковские пригороды прелестные письма с призывом помочь задержать послов[88] и выслал за Мнишками полк В. Валевского[89]. Любопытно, что полковник, прекрасно знавший, что послы ехали Переяславским трактом, почему-то искал их в районе Дмитрова, где столкнулся с правительственными войсками[90]. М. Мархоцкий в своих мемуарах утверждал, что В. Валевский, *«предвидя, какую сумятицу должно произвести их* (Мнишков. — *И.Т.*) *возвращение»* (выделено нами. — *И.Т.*), умышленно их не настиг. Мало вероятно, чтобы полковник, будучи довереным лицом Р. Ружинского, действовал на свой страх и риск[91]. Тушинский гетман, по всей видимости, прекрасно понимал, что прибытие Мнишков в Тушино с неоплаченными векселями Лжедмитрия I создаст для него большие проблемы. Плохо скрываемые тайные замыслы Мнишков уже в Переяславле, по данным К. Савицкого, стали причиной конфликта между ними и

послами А. Гонсевским, С. Витовским и Я. Соколинским, которые настаивали на том, чтобы, соблюдая достигнутое соглашение, выбраться из России[92].

Весьма осведомленный о происшествиях в родных местах, автор Бельского летописца вспоминал, что боярин кн. В.Т. Долгорукий в точном соответствии с инструкцией царя сопроводил послов и Мнишков до Нового Торговища в уезде Ржевы Володимеровой и далее отпустил их с приставами, сам намереваясь вернуться в Москву[93]. Воеводы Белой Борис Собакин и В. Дивов в своей отписке смоленским воеводам сообщили, что подлинной причиной принятого решения явились массовые отъезды детей боярских белян, вязмичей, дорогобужан и смолян, которые стремились под любым предлогом вернутся в свои поместья, оказавшиеся на территории, занятой врагами[94].

Ю. Мнишек, оставшись предоставленным сам себе, тотчас обнаружил свои истинные намерения. 29 июля (8 августа) 1608 г. воевода, как свидетельствуют К. Савицкий и автор Бельского летописца, окончательно разругался с А. Гонсевским, С. Витовским и Я. Соколиньским и, не обращая внимания на доводы пристава П. Мансурова, вместе с дочерью, сыном и М. Олесницким отправился на Белую[95]. А. Гонсевский, С. Витовский, Я. Соколиньский, Доморацкий со своими слугами и иезуиты, послушавшись русских, вернулись под защиту отряда кн. В.Т. Долгогрукого[96].

Василий Шуйский, узнав, что в окрестностях Белой происходит неладное, направил 1 (11) августа 1608 г. из Москвы «к Сендамирскому на помочь» войско из трех полков[97]. Воеводами царь назначил в Большой полк боярина кн. А.В. Голицына, кн. Я.П. Борятинского, в Передовой полк — окольничего кн. И.Ф. Крюк-Колычева, кн. М.П. Борятинского. Сторожевой полк должны были составить воины отряда боярина кн. В.Т. Долгорукого и И.А. Колтовского, сопровождавшие послов[98]. В тот же день В.Т. Долгорукий и И.А. Колтовский, по свидетельству К. Савицкого, догнали Мнишков и попытались убедить их присоединиться к остальным послам, но те пригрозили оказать вооруженное сопротивление[99]. Воеводы В. Шуйского в сложившихся условиях не решились напасть на Мнишков и 2 (12) августа 1608 г. «в шестом часу дни» Большой и Передовой полки вернулись в столицу[100]. А. Гонсевский, С. Витовский, Я. Соколинь-

ский, Доморацкий в сопровождении В.Т. Долгорукого и И.А. Колтовского ушли на Торопец[101]. Обойдя перешедшую на сторону самозванца крепость, они окольными путями после долгих мытарств пересекли границу в районе Велижа[102]. Вести о происшедшем, как видно из дневника А. Рожнятовского, достигли Вологды 7 (17) августа 1608 г.[103]

Мнишки и М. Олесницкий переправились через Волгу и, по данным смоленских воевод и Бельского летописца, остановились в селе Верховье в тридцати милях от Белой[104]. Отсюда они тайно сообщили в Тушино, где находятся, и стали поджидать прибытия отрядов самозванца. На этот раз за доставку Мнишков в Тушино взялись полковники А. Зборовский, Я. Стадницкий, П. Руцкой и воевода В.Ф. Литвинов-Мосальский, недавно пришедшие под знамена самозванца. Они выступили в поход 12 (22) августа 1606 г. во главе своих отрядов, имея при себе грамоту Лжедмитрия II своему мнимому тестю[105]. Показательно, что Р. Ружинский устами самозванца счел необходимым оправдаться за то, что Мнишки не были ранее отбиты. Посланный отряд из «нескольких людей» будто бы столкнулся с «изменниками» и был вынужден отступить. Весьма знаменателен пассаж, что для Лжедмитрия II было *«лучше слышать, что вы* (Мнишки.— *И.Т.*) *в Польше на свободе,нежели здесь по близости в полону»* (выделено нами. — *И.Т.*), который был несколько подслащен пожеланием «скорого радостного и приятного свидания»[106]. Мнишкам прозрачно намекали, что в Тушине их не особенно ждут.

А. Гиршберг, излагая данные польских источников о прибытии Мнишков в Тушино, заметил, что не все обстояло так гладко во взаимоотношениях мнимых родственников, но они в конце концов смогли договориться[107]. И.С. Шепелев констатировал факт посредничества Я. Сапеги между Мнишками и Тушинским вором[108]. Анализ показывает, что из поля зрения историков ускользнули существенные детали. Исследователи не придали значения тому, что А. Зборовский, Я. Стадницкий, П. Руцкой, как и Я. Сапега, принадлежали к Брестской конфедерации инфляндских солдат, которые в Московской кампании имели интересы, отличные от интересов кн. Р. Ружинского и его товарищей. В связи с этим представляется важным проанализировать действия отрядов инфляндцев во взаимосвязи.

По иронии судьбы Я. Сапега и его солдаты пересекли русско-литовскую границу как раз в день заключения перемирия между Россией и Речью Посполитой — 17 (27) июля 1608 г. Став лагерем на р. Лосмяни, наемники устроили совещание, на котором подписали акт войсковой конфедерации[109]. Его содержание многое объясняет в последующих событиях. Солдаты единодушно поклялись бороться против узурпатора, свергнувшего «царя Дмитрия» и «его жену», и добиться восстановления справедливости, но намеревались делать это отнюдь не бескорыстно. Сапежинцы собрались потребовать у Лжедмитрия II полного уравнения в плате с другими наёмниками, а также в случае задержки жалования предоставить им право занять в «приставства» дворцовые волости, в которых они могли бы получать всё необходимое для себя до тех пор, пока самозванец не расплатится с ними. Р. Ружинский и его товарищи, как прямо говорит М. Мархоцкий, узнав об этих требованиях, были возмущены до глубины души и считали эти требования наглыми и абсолютно неприемлемыми для себя[110].

Путь в глубь страны сапежинцам преграждал Смоленск, жители которого и гарнизон твердо стояли за В. Шуйского. Воеводы — боярин М.Б. Шеин и П. Горчаков — прекрасно знали, что сапежинцы вторглись в Россию вопреки запретам властей Речи Посполитой и настаивали, чтобы иноземные солдаты немедленно покинули пределы страны. В ответ Я. Сапега потребовал от смолян присяги «законному Государю» — «царю Дмитрию». Пленные сообщили гетману, что силы смоленского гарнизона ограничены, т. к. местные дворяне находятся в Москве, и что в городе вспыхнули волнения черни. М.Б. Шеин и кн. П. Горчаков, по их словам, имеют в своем распоряжении в основном стрельцов. Можно было ожидать, что Я. Сапега воспользуется ситуацией и постарается добиться перехода города на сторону самозванца. Однако гетман приказал своим солдатам переправляться через Днепр и идти мимо города Посольским трактом в глубь страны. М.Б. Шеин и П. Горчаков попытались остановить имевшего явное преимущество в коннице врага, использовав тактику заманивания врага в стрелецкие засады, но Я. Сапега разгадал их замысел. В результате бой, по свидетельству секретарей гетмана, свелся к отдельным стычкам и не имел решающего исхода. Все же, как можно судить по описа-

нию дальнейшего маршрута движения сапежинцев, смоленским воеводам удалось не допустить противника на Посольский тракт. Гетман и его солдаты были вынуждены вернуться к месту переправы через Днепр и обойти Смоленск окольным путем[111]. Теперь сапежинцы могли беспрепятственно двигаться в Тушино, т. к. лежавшие на их пути Дорогобуж, Вязьма, Можайск, Царево Займище к тому времени присягнули тушинцам, но они отнюдь не стали спешить и добирались до стана самозванца почти месяц[112].

Тем временем решилась судьба Мнишков. Получив известие о приближении войска А. Зборовского, Ю. Мнишек с родней и приятелями на рассвете 14 (24) августа 1608 г. покинули свой лагерь и дали возможность тушинцам расправиться с сопровождавшими их русскими[113]. Неожиданно для себя Ю. Мнишек с дочерью, сыновьями и приятелями, как подметил близкий к нему К. Савицкий, оказались заложниками у инфляндцев[114]. Заполучив Мнишков, А. Зборовский с товарищами не стали спешить с возвращением в Тушино и спокойно поджидали Я.П. Сапегу в Любеницах у Царева Займища[115]. В ходе двухдневных переговоров 18—19 (28—29) августа 1608 г. предводителю инфляндцев, по всей видимости, удалось столковаться с Мнишками относительно дальнейших действий. По поводу этого события Я. Сапега устроил в честь «царицы» парад своего войска[116].

§ 5. Разброд в Тушинском лагере

Историки Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, И.С. Шепелев и др., опираясь на данные М. Мархоцкого, пришли к выводу, что к концу лета 1608 г. в войске Лжедмитрия II находилось около 20 тыс. наемников (18 тыс. конных и 2 тыс. пехоты) 13 тыс. запорожцев, 15 тыс. донских казаков, 3 тыс. польских купцов и немалое количество русских[117]. Данные Реестра войска Лжедмитрия II, которые отчасти можно проверить показаниями Дневника Я.П. Сапеги, свидетельствуют, что данные М. Мархоцкого относятся к концу, а не к середине 1608 г. и их нельзя использовать для выяснения численности тушинского войска. В то время самозванцу служило, как видно из источников, около 10 тыс. наемников, 2 тыс. запорожцев, 4 тыс. казаков И. За-

руцкого и небольшое количество русских стрельцов[118]. Если учесть, что из упомянутых 10 тысяч наемников 6350 — 7000 человек составляли отряды А. Зборовского, Я. Стадницкого, М. Вилямовского, Я. Стравинского, П. Руцкого, Я.П. Сапеги, то можно установить, что Р. Ружинский и И.М. Заруцкий, могли опираться только на 3 тыс. наемников, 2 тыс. запорожцев, 4 тыс. донских казаков и русских повстанцев[119]. Руководители Тушинского лагеря явно попали в чрезвычайно затруднительное положение. Инфляндцы, имея в своем активе Мнишков, вполне могли диктовать им свои условия. Движение Лжедмитрия II по милости Мнишков и инфляндских солдат оказалось ввергнутым в глубокий кризис. Лжедмитрий II в своем письме от 19 (29) августа 1608 г., рассыпаясь в уверениях в любви к «тестю» и «супруге», ни словом не упомянул о их скорейшем прибытии в Тушино[120]. Это письмо в стан Я. Сапеги доставил Заболоцкий — видный участник интриги Самборского вора. Секретари гетмана обратили внимание на то, что Мнишки пришли в неописуемую радость, и воевода имел продолжительный разговор с Я. Сапегой[121].

Ситуация начала меняться, когда в стан самозванца прибыл А. Лисовский с русскими повстанцами. Отступив на Рязанщину после неудачного для него боя на Медвежьем броду, полковник совершил глубокий рейд вдоль степной границы России и вышел в окрестности Нижнего Новгорода и Владимира[122]. Возможно, маневр был вызван стремлением соединиться с отрядом «лжецаревичей» Ивана-Августа и Лавра, пробивавшихся из Нижнего Поволжья в центральные уезды России[123]. Пополнив свой отряд русскими повстанцами, полковник двинулся к Москве и, минуя Владимир и Переяславль, вышел к Троице-Сергиеву монастырю[124]. Василий Шуйский успел ввести в Троицу значительный гарнизон и 18 (28) августа 1608 г. направил навстречу А. Лисовскому те самые два полка, которые ранее высылал «Сендамирскому на помочь»[125]. Воеводы вернулись с Мтищ на следующий день, т. к. А. Лисовский смог их обмануть и, минуя столицу, прошел в Тушино[126]. И.С. Шепелев высказал предположение, что отряд лисовчиков достигал 30 тыс. человек[127]. Данные Реестра войска самозванца и Дневника Я. Сапеги не подтверждают этого предположения. Вотряде А. Лисовского служило только 5—6 тыс. воинов[128]. В основном

это были бывшие болотниковцы, повстанцы с Рязани, Арзамаса и других пограничных городов[129]. Позиции русских повстанцев в движении Лжедмитрия II, судя по всему, упрочились. Не случайно источники ничего не сообщают о каком-либо участии в летних событиях новоявленных «бояр» самозванца Д.Т. Трубецкого, Д.М. Черкасского и др. В отличие от более поздних времен, они абсолютно незаметны в спорах между наемниками. Однако укрепление позиций повстанцев отнюдь не означало возврата к прежнему курсу. «Лжецаревичи» Иван-Август и Лавр в Тушине, по данным Нового летописца, так же как их предшественники, были разоблачены и казнены[130].

Обострение обстановки, связанное с прорывом А. Лисовского в Тушино, заставило Я. Сапегу привести свои отряды в полную боевую готовность. Его войско выступило в поход к Тушину 21 (31) августа 1608 г.[131] Добравшись до Можайска 23 августа (2 сентября) 1608 г., сапежинцы вновь задержались на три дня[132]. Здесь бывший королевский ротмистр получил письмо от Лжедмитрия II, который предложил ему, оставив М. Мнишек небольшую свиту, со всем войском явиться в Тушино, «ни мало не сомневаясь в милости нашей»[133]. Я. Сапега и не подумал выполнять полученных инструкций. Два дня спустя Р. Ружинский и самозванец известили Ю. Мнишка, что его зять неожиданно «заболел», и прислали для переговоров близкого к Р. Ружинскому «канцлера» В. Валевского, с которым, по их словам, можно было вести переговоры «без всяких подозрений». В письме содержалось скромное предложение Сендамирскому воеводе своим присутствием «здоровье наше навестить»[134].

Отряды Я. Сапеги двинулись к Тушину в полной боевой готовности только 27 августа (6 сентября) 1608 г.[135] В тот же день, по данным авторов Дневника, состоялись переговоры Я. Сапеги с М. Олесницким и К. Вишневецким[136]. 29 августа (8 сентября) 1608 г. сапежинцы достигли Звенигорода[137]. Здесь Ю. Мнишек получил новое письмо, в котором царик просил «свою супругу» принять участие в церемонии «положения святого» в Звенигородском монастыре, дабы укрепить расположение русских людей к «царственной чете». Войску сапежинцев предлагалось стать особым лагерем[138]. 1 (10) сентября 1608 г. сапежинцы и Мнишки миновали Звенигород и остановились в селах Глушицком и Ильинском[139]. Находившийся в то время в

Тушинском лагере ротмистр М. Мархоцкий вспоминал, что беззастенчивая торговля между наемниками Р. Ружинского, в таборах которых находился «царь Дмитрий», и инфляндскими солдатами, заполучивших Мнишков, вызвали разброд и в немалой степени способствовали укреплению проправительственных настроений в России[140].

Р. Ружинский и И.М. Заруцкий, получив подкрепления с юга России, попытались склонить чашу весов в свою пользу, спровоцировав правительственные войска на сражение в день прибытия сапежинцев к Тушину. Несмотря на то, что стычки между противниками шли в течение всего 1 (10) сентября 1608 г., Василий Шуйский не решился вывести своих воинов из укреплений у стен столицы, а тушинцы не имели достаточных сил для их штурма[141]. В конечном счете вся эта затея окончилась весьма печально для тушинцев. Улучив момент, из сапежинского обоза в Москву к Василию Шуйскому бежал воевода кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский, который дал царю исчерпывающую информацию о критической ситуации в Тушине и помог убедить москвичей и войско продолжить борьбу с «ворами»[142]. Московские власти, как видно из Записок С. Немоевского, попытались воспользоваться ситуацией, вступив в переговоры с инфляндцами через служившего в полку А. Зборовского сына Мартина Стадницкого Яна-Юрия[143].

Р.Г. Скрынников, опираясь на данные Записок, приписываемых М. Стадницкому, высказал предположение, что кризис в переговорах между наемниками Р. Ружинского, инфляндцами и Мнишками был преодолен благодаря М. Мнишек, которая якобы, спутав отцу карты на переговорах, явилась в Тушино к самозванцу, намереваясь любой ценой вернуть себе корону[144]. Показания секретарей Я. Сапеги, делавших записи по горячим следам событий, не подтверждают этой гипотезы. Они свидетельствуют, что Р. Ружинский, Я. Сапега, Мнишки, Лжедмитрий II и М. Олесницкий, осознав после бегства кн. В.Ф. Литвина-Мосальского, что разногласия могут привести к тяжелым для них последствиям, активизировали переговоры и пошли на взаимные уступки[145]. Первых результатов им, по всей видимости, удалось достичь 13—14 (23—24) сентября 1608 г. На банкетах, которые Лжедмитрий II и Р. Ружинский дали в честь Я. Сапеги, самозванец благодарил Бога за свое чудесное спа-

сение, произносил здравицы в честь Сигизмунда III, Яна Сапеги и «рыцарства»[146]. Судя по оговоркам секретарей Я. Сапеги, что солдаты Р. Ружинского на пирах не проявляли особой радости, именно в это время было принято решение уравнять «в заслуженном» инфляндских солдат с остальными наемниками, так возмутившее М. Мархоцкого[147].

В течение двух последующих дней состоялись встречи Лжедмитрия II с Ю. Мнишком 5 (15) сентября и М. Мнишек 6 (16) сентября 1608 г.[148] Очевидцы — секретари Я. Сапеги — с некоторой издевкой записали в Дневнике, что 5 (15) сентября 1608 г. воевода *«во второй раз ездил к самозванцу познавать тот это или не тот»* (выделено нами. — *И.Т.*)[149]. Автор поздних записок, приписываемых М. Стадницкому, нарисовал душещипательную картину воссоединения царской семьи. Самозванец и М. Мнишек будто бы при встрече бросились друг другу в объятия, обливаясь слезами от счастья[150]. Секретари Я. Сапеги, описывая свидание М. Мнишек с Лжедмитрием II по горячим следам событий, подметили, что «царица» не очень хотела приветствовать «мужа» и явно не была рада его приезду[151]. По словам М. Мархоцкого, Мнишки своим поведением нанесли много вреда движению самозванца, умножив сомнения в том, что Лжедмитрий II не прежний «царь Дмитрий»[152]. Чего стоит один рассказ К. Буссова о молодом польском дворянине, который предупредил М. Мнишек из рыцарских побуждений, что «царь Дмитрий» не тот, за кого себя выдает, и за это поплатился жизнью[153].

Происходящее в Тушине не осталось незамеченным в Москве. 16 (26) августа 1608 г. Р. Ружинский получил Грамоту, написанную от имени боярина кн. Ф.И. Мстиславского как бы в ответ на его апрельское воззвание, в которой московские власти решительно потребовали выдать властям проходимца и в соответствии с договором между государствами покинуть Россию[154], но их требования нимало не беспокоили Р. Ружинского и его товарищей, не собиравшихся соблюдать условия русско-польского договора. Поняв это, В. Шуйский от имени бояр предложил наемникам провести переговоры[155]. С. Немоевский, находившийся в то время в Москве, узнал, что утром 7 (17) сентября 1608 г. стороны обменялись заложниками: в Москву приехали полковники И. Заруцкий и А. Лисовский, в Ту-

шино отправились боярин А.В. Голицын, окольничий И.Ф. Колычев, думный дворянин В.Б.Сукин и думный дьяк В.Г. Телепнев[156]. Тушинцев на переговорах представляли Ю. Мнишек, Р. Ружинский, А. и К. Вишневецкие. Состав московской делегации, вероятно, был не менее представителен, но в источниках упоминаются только стольники В.И. Бутурлин и С.В. Прозоровский[157]. Переговоры велись в течение дня до самого вечера. Я. Сапега в собственноручной приписке в записи Дневника за 7 (17) сентября 1608 г. указал, что они закончились безрезультатно[158]. С. Немоевский также не смог разузнать ничего определенного, однако отметил, что среди народа пополз слух, что Ю. Мнишек домогается для своей дочери вдовьего удела и известных городов[159]. Приверженцы В. Шуйского, по всей видимости, таким образом пытались дискредитировать самозванца и Мнишков и тем самым ослабить последствия впечатления, которое произвело на москвичей появление М. Мнишек в лагере самозванца[160]. Наемники, судя по всему, в очередной раз предложили москвичам принять «чудом спасшегося царя Дмитрия».

Переговоры показали, что тушинцам не удалось ввести в заблуждение москвичей и что впереди новые бои с правительственными войсками. Это, по всей видимости, заставило наемников, наконец, договориться между собой. Марина Мнишек 10 (20) сентября 1608 г. публично въехала в стан Лжедмитрия II и стала жить с ним как законная жена[161]. Гордая полячка, чтобы вновь стать Московской царицей, согласилась вступить в тайный брак со шкловским бродягой. Ю. Мнишек получил от Лжедмитрия II Грамоту, в которой царик обещался сразу после взятия Москвы выдать «тестю» в благодарность за помощь 300 тыс. рублей[162]. Во время банкетов 13 (23) и 15 (25) сентября 1608 г. Р. Ружинский и Я. Сапега в присутствии И. Заруцкого, Б. Ланцкоронского, Я. Стравинского и других наемников публично поклялись не замышлять ничего худого друг против друга и обменялись саблями[163]. Я. Сапега был признан вторым гетманом самозванца и вместе с Р. Ружинским и И. Заруцким составил триумвират, возглавивший движение самозванца. Лжедмитрий II уравнял инфляндских солдат в правах с ветеранами движения, но за это они отказались от своего первоначального плана взять в приставства Рязанскую и Северские земли в случае задержки жалования. Им, судя по последующим

действиям, предстояло захватить для этого Замосковье и Поморье[164]. Триумвират вновь попытался заручиться поддержкой Сигизмунда III. 10 (20) сентября 1608 г. к королю выехал М. Олесницкий с вестью о воссоединении «царской семьи» и очередными предложениями возобновить отношения, прерванные после переворота 17 (27) мая 1606 г.[165] За эту услугу Лжедмитрий II, как установил А. Гиршберг, пожаловал каштеляна Малагожского г. Белой[166].

§ 6. Переговоры со шведами, ногайцами и крымцами

Действия Мнишков и посла М. Олесницкого продемонстрировали московскому руководству, что перемирие, подписанное 17 (27) июля 1608 г., близко к срыву. Василий Шуйский, осознав свою ошибку, совершил крутой поворот во внешней политике. Не надеясь справиться с самозванцем собственными силами, он принял предложения о помощи, которые ему неоднократно давал шведский король Карл IX в обмен на территориальные уступки. Историки разошлись в оценках нового курса. Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров считали союз со шведами выгодным для России[167]. Д. Бутурлин, С.Ф. Платонов, И. Шепелев пришли к выводу, что он обернулся для России новыми бедами, дав повод полякам для вторжения и создав условия для шведской интервенции[168]. Предложенные исследователями трактовки событий нуждаются в уточнениях.

Источники свидетельствуют, что царь, отправив своего племянника кн. М.В. Скопина-Шуйского в Новгород Великий для переговоров со шведами[169], продолжал неукоснительно соблюдать достигнутое соглашение с поляками, несмотря на его явный срыв со стороны Мнишков и М. Олесницкого. Последняя партия пленных поляков и литовцев, в числе которых был С. Немоевский, в точном соответствии с договором выехала на родину 8 (18) октября 1608 г.[170] Поведение послов и А. Гонсевского, С. Витовского, Я. Друцкого-Соколиньского, как видно, убедило царя, что официальные круги Речи Посполитой по-прежнему не хотели иметь дело с самозванцем и происшедшее целиком и полностью — затея Мнишков, вероятно, поэтому Василий Шуйский продолжил дипломатическую игру с руководством Речи Посполитой, в контексте которой кон-

такты с Карлом IX — дядей Сигизмунда III и его злейшим врагом по замыслу московских политиков — должны были побудить поляков со своей стороны соблюдать достигнутое соглашение. Просчет Василия Шуйского, как нам кажется, заключался не в том, что он совершил крутой поворот во внешней политике, разорвав отношения с поляками в пользу шведов, а в том, что не разобрался, что в лице А. Гонсевского и других пленных поляков, не присоединившихся к Мнишкам, приобрел злейших врагов, для которых договор о перемирии являлся всего лишь пропуском на родину и которые сделали все, чтобы помочь Сигизмунду III и партии войны подготовить вторжение в Россию.

Чтобы верно оценить ситуацию, в которой начались переговоры со шведами, необходимо также учитывать позицию, занятую Карлом IX в московском вопросе. Он прекрасно понимал, что, установив контроль над Россией, Сигизмунд III с благословения папской курии подготовит вторжение в Швецию и попытается вернуть отнятый у него отчий престол. Именно поэтому, как выяснил прекрасно знавший шведские тайные дипломатические архивы историк Ю. Видекинд, король пытался натравить на поляков турок, предлагал антикатолический союз англичанам и русским[171]. В отношении России у Карла IX было два варианта действий. В случае заключения союзного договора король был готов оказать Василию Шуйскому действенную военную помощь в борьбе с Сигизмундом III и, как он считал, его ставленником — самозванцем. Если соглашение не было бы заключено, Карл IX намеревался организовать вторжение в Россию. При этом шведы, несмотря на реальную опасность со стороны Речи Посполитой, ни на минуту не забывали о своих территориальных претензиях к своему восточному соседу и при любом варианте развития событий рассчитывали дипломатическим (в качестве платы за военную помощь) или военным путем приобрести Ижорскую землю и Карелию с крепостями Ивангород, Ям, Копорье, Орешек и Корела. Летом 1608 г. шведы начали концентрировать войска на русско-шведской границе, и игнорировать этот факт московское руководство просто не могло. После тайного визита в Москву представителя Карла IX Стефана Леммиля В. Шуйскому ничего не оставалось делать, как начать переговоры со шведами о

союзе, чтобы попытаться отсрочить их вторжение в Россию или в случае военного конфликта с Речью Посполитой получить от них военную помощь[172].

Боярин кн. М.В. Скопин-Шуйский, пожалованный титулом новгородского наместника, выехал в Новгород Великий 10 (20) августа 1608 г.[173] Впути он повстречался с пленными поляками, среди которых находился С. Немоевский. Мемуарист отметил, что царского племянника сопровождал отряд из 200 конных новгородских дворян и 200 пеших костромичей. Его поразило, что конники были вооружены чем попало и у многих не было сабель, пехота же была вся в лаптях и имела только наспех сделанные пики[174]. Прибыв в Новгород Великий в конце августа 1608 г., кн. М.В. Скопин-Шуйский обратился с посланиями к главнокомандующему шведских войск в Ливонии маршалу Манесфельду и комендантам Нарвы и Выборга. Воевода заявил, что движение Лжедмитрия II инспирировано поляками и литовцами, желавшими захвата России, которые в случае удачи соединятся затем для войны со Швецией. Остановить их может только военный союз В. Шуйского и Карла IX против Речи Посполитой и «ее ставленника» — самозванца[175]. Манесфельд тотчас отправил в Новгород Великий коменданта Нарвы Филиппа Шединга и секретаря Мартина Мартенсона. Стороны, как показывает Ю. Видекинд, довольно быстро договорились об отправке шведами в Россию 5 тыс. наемного войска: 2 тыс. всадников, которым кн. М.В. Скопин-Шуйский обязался платить 50 тыс. руб. ежемесячно после перехода границы, и 3 тыс. пехоты — 36 тыс. руб. Генералам воевода обещал платить в те же сроки по 5 тыс. руб., полковникам — 4 тыс. руб., прочим офицерам — 5 тыс. руб. Кн. М.В. Скопин-Шуйский поцеловал на том крест, а М. Мартенсон поклялся на евангелие[176].

Договариваясь со шведами, Василий Шуйский приложил немало усилий, чтобы получить военную помощь против поляков и литовцев на востоке и юге. Весной 1608 г. главнокомандующий правительственными войсками в Нижнем Поволжье боярин Ф.И. Шереметев добивался от ногайцев широкого участия в подавлении восстания в Астрахани[177]. В конце лета 1608 г. характер переговоров изменился. Одарив ногайских послов подарками и допустив их «к царской руке», Василий Шуйский призвал князя Иштерека и мурз идти с ратными людьми на

Русь против «государевых изменников»[178]. Боярин Ф.И. Шереметев получил приказ оставить попытки захватить Астрахань и вместе с ногайцами и башкирами прибыть в центральные районы России на помощь правительственным войскам[179]. Надеждам царя получить полную поддержку Ногайской Орды не суждено было сбыться. Еще в 1607 г. многие ногайские мурзы «шертовали» «царевичу Ивану-Августу и царю Дмитрию» в Астрахани и приняли участие в боях повстанцев с войсками Ф.И. Шереметева[180]. Возникли серьезные проблемы с получением помощи из Крыма. В начале 1608 г. умер хан Казы-Гирей и развернулась борьба за власть между его братом Шат-Гиреем и сыном Саламет-Гиреем. Победил Саламет-Гирей, но ему понадобилось время, чтобы укрепить свою власть, и ему в тот момент не было дела до проблем русского царя[181].

§ 7. Восстание в Пскове

Начатые столь успешно переговоры кн. М.В. Скопина-Шуйского со шведами были прерваны на несколько месяцев в результате народного восстания в Пскове 1—2 (11—12) сентября 1608 г. С.Ф. Платонов, посетовав, что общественные отношения в городе, по данным сохранившихся источников, выглядят «всего сложнее и запутаннее», пришел к заключению, что до переворота в пользу Вора в Пскове шла острая борьба между псковским тяглым миром и «гостями», которая завершилась расправой над городской элитой «славными мужами», затем страх наказания побудил псковичей соединиться со служилыми людьми пригородов и принести присягу самозванцу[182]. Автор специального исследования, посвященного событиям в Пскове в Смутное время, Г.В. Проскурякова, проанализировав социальный состав горожан по писцовой книге 1585—1587 гг., пришла к выводу, что в Пскове произошло давно назревавшее восстание «меньших людей» против «больших», которое следует рассматривать как яркое проявление классовой борьбы. Исследовательница считает, что классовое противостояние в городе прошло через шесть этапов: 1606 г. — сентябрь 1608 г. — назревание восстания; сентябрь 1608 г. — май 1609 г. — победа «меньших людей»; май—август 1609 г. — кульминация восстания, август 1609 г. — февраль 1610 г. — временный перевес

«больших людей», февраль 1610 — декабрь 1611 г. — время последних успехов повстанцев; с 4 декабря 1611 г. и до прихода к власти в городе Лжедмитрия III — разгром восставших[183]. И.С. Шепелев поддержал и развил выводы Г.В. Проскуряковой, и они легли в основу современных представлений о псковском восстании[184]. Сделанные нами наблюдения над текстами Псковских повестей и привлечение новых данных из ранее не использовавшихся для анализа псковских событий источников, открывают возможность проверить и уточнить сложившиеся представления о псковском восстании.

Исследователи совершенно справедливо указали, что Псков, как многие русские города и уезды, постепенно вступал в Смуту. Информаторы рассказали автору Псковской летописи А. Ильину, что конфликт внутри посадской общины вспыхнул в 1606 г., когда богатые переложили царский заем со своих плеч на весь мир. Горожане возмутились и потребовали у богачей объяснений. Гости и купцы вывернулись, предложив псковичам направить в Москву с казной своих вожаков, якобы для того, чтобы добиться у царя правды. Не успели псковские представители прибыть в Новгород Великий, как угодили в тюрьму по доносу, который сделали на них псковские богатеи. Арестованных обвинили в государственной измене и направили в Москву, где их приговорили к смертной казни. В последний момент челобитчиков спасли псковские стрельцы, которые в то время находились на службе в столице. Весть о происшедшем вызвала бурю негодования среди псковичей. Воевода П.Н. Шереметев, причастный к заговору купцов и гостей, был вынужден арестовать клеветников и провести следствие. Меры, принятые московским правительством и местными властями, на какое-то время успокоили псковичей, но не надолго[185].

Информаторы А. Ильина единодушно показали, что ситуация в Пскове стала выходить из-под контроля властей весной 1608 г. Приехавшие в город из Москвы после Пасхи дети боярские Б. Неведреев с товарищами сообщили, что в столице получен еще один донос теперь уже на 70 псковичей[186]. Следом 9 (19) мая 1608 г. в городе появились отпущенные самозванцем после Болховского сражения псковские стрельцы А. Огибалов и М. Блаженников с прелестными грамотами[187]. Обстановка в городе накалилась до предела. Вовсех чинах во Пскове: среди

детей боярских, больших и меньших, и поселян, по свидетельству очевидцев, пошли «размышления всякие». Воеводы арестовали посланцев Вора и смогли на какое-то время успокоить псковичей. Контроль над Псковским уездом им сохранить не удалось. Товарищи арестованных: стрельцы, дети боярские и их холопы, по свидетельству информаторов А. Ильина, разъехавшись по своим пригородам и поместьям, «смутили» жителей волостей Псковского уезда и привели их к крестному целованию на имя самозванца. Главными очагами восстания на псковщине стали крепости Себеж, Опочка, Красный, Остров и Изборск[188]. Нетрудно заметить, что инициаторами движения в пользу самозванца на Псковщине, как и на Северщине, были местные дворяне, их холопы и служилые люди по прибору, а отнюдь не псковские посадские и крестьяне.

Псковские воеводы П.Н. Шереметев и И.Т. Грамотин пытались силой подавить восстание в уезде, направив против восставших отряды во главе со стольником Б.П. Шереметевым и П. Бурцевым. Кровопролитные бои между правительственными отрядами и повстанцами шли с переменным успехом. Каратели вели себя как на вражеской территории, безжалостно грабя, насилуя и убивая, и своими действиями превратили местных жителей в своих заклятых врагов. Очевидцы вспоминали, что расправы над ни в чем не повинными крестьянами, явные злоупотребления воевод, пытавшихся использовать ситуацию для собственного обогащения, подтолкнули псковских крестьян к участию в тушинском движении и вызвали сильное недовольство среди горожан, испытывавших значительные трудности из-за разрыва хозяйственных связей между городом и сельской округой[189].

В ходе переговоров со шведами кн. М.В. Скопин-Шуйский рассылал грамоты по городам, убеждая русских людей сохранять верность Василию Шуйскому и обещая скорую шведскую помощь[190]. Если в Замосковье и Поморье вести о шведской помощи вызвали живейший интерес и породили надежды на скорый разгром тушинцев[191], то в Псковской и Новгородской землях, где в шведах издавна привыкли видеть опасных врагов, вести о прибытии иноземного войска, как указывают авторы псковских повестей, привели к совершенно противоположным результатам[192]. Как только псковичам стало известно о тайной

просьбе о помощи в подавлении назревающего восстания народа, с которой П.Н. Шереметев, И.Т. Грамотин, духовенство, гости и купцы обратились к кн. М.В. Скопину-Шуйскому и новгородцам, ситуация в городе вновь накалилась. Приверженцы самозванца запросили помощи у великолуцкого воеводы тушинского «боярина» Ф.М. Плещеева, который, опираясь на поддержку населения Псковского уезда, в августе 1608 г. подошел к Пскову во главе отряда детей боярских «многих городов» Литовской украины[193]. Важно отметить, что информаторы А. Ильина, принадлежавшие, по-видимому, к средним слоям посада, выразили одинаковое недовольство как «большими людьми», которые «во всегородскую не ходили, гнушалися и смеялися и дома укрывалися и в совет показывали, и оне не ходили», так и «мелкими людьми, стрельцами, казаками и поселянами», которые из-за позиции, занятой городскими богачами, получили «волю»[194]. Таким образом, жители Пскова, вопреки устоявшемуся в литературе мнению, раскололись не на две, а на три группировки: «большие люди» стояли за В. Шуйского, «мелкие люди» — за Лжедмитрия II, основная, серединная часть посадских выступала против тех и других, настаивая на поддержании законности, порядка и единства города.

Кн. М.В. Скопин-Шуйский, узнав о сложившейся в городе ситуации, тотчас отправил на помощь П.Н. Шереметеву и его единомышленникам небольшой правительственный отряд, который остановился у города на Устье у Николы[195]. Отряд Ф.М. Плещеева расположился в «Песках против Образа в Поли»[196]. Псковский мир, оказавшись 1—2 (11—12) сентября 1608 г. перед выбором, раскололся. Автор «Повести о смятении и междоусобии», отразивший интересы городских верхов, показал, что «нецые мятежницы» в народе распустили слух о том, что пришедшие с новгородцами немцы готовы занять город и «возмутили» народ. Проправительственные силы не смогли остановить мятежа. Восставшие схватили воевод и впустили в город тушинский отряд Ф.М. Плещеева. Псковский владыка — епископ Псковский Геннадий, узнав о происходящем, «умер от горя». Новый псковский воевода тотчас организовал присягу Вору[197]. Информаторы А. Ильина в целом подтверждают и конкретизируют рассказ автора «Повести о смятении и междоусобии». Один из них показал, что вести о появлении у ворот

города новгородско-шведского и тушинского отрядов усилили раскол в псковском мире. Псковичи и слышать не хотели, чтобы впустить шведов и новгородцев в город[198]. Тогда воеводы, игумены, попы, «большие и средние люди» предложили сесть в осаду и не допустить в город ни новгородцев, ни тушинцев. Дети боярские, немногие стрельцы, посадские люди и поселяне — основная масса псковичей — не захотели выносить тягот осадного времени, но, что особенно важно, и не намеревались приносить присягу Вору. Врешающий момент «нецые безумнии человецы без совету всех и без ведома» отворили ворота, впустили в город Ф.М. Плещеева с товарищами, которые устроили крестное целование самозванцу и учинили расправы над «изменниками царя Дмитрия»[199]. Другой информатор А. Ильина раскрыл, кем были «нецые мятежницы» или «нецые безумнии человецы», открывшие ворота тушинцам: «людишка худые, стрельцы и подымщина не многие ратные люди», т. е. те самые, кто набрал силу из-за нежелания «больших людей» участвовать в решении земских дел[200]. Именно они, впустив в город отряд Ф.М. Плещеева, подтолкнули основную массу псковских посадских к присяге Лжедмитрию II и арестовали воевод и наиболее активных приверженцев В. Шуйского из числа «больших людей». Примечательно, что, как прямо говорят информаторы А. Ильина, расправы над воеводами и местными богатеями, вопреки утверждению автора «Повести о бедах и скорбех», произошли далеко не сразу, а после знаменитого псковского пожара 15 (25) мая 1609 г.[201] До этого момента власть тушинцев в городе была далеко не безграничной. Они были вынуждены считаться с настроениями широких слоев псковского мира.

§ 8. Смута в Новгороде Великом

Восстание в Пскове резко изменило ситуацию в Новгородской земле в пользу тушинцев. Новгородские архивы 1608—1610 гг. не сохранились, поэтому историки восстановили новгородские события осени 1608 г. лишь в общих чертах по позднему Новому летописцу и весьма отвлеченному от конкретики «Временнику» дьяка И. Тимофеева[202]. С.Ф. Платонов, анализируя имеющиеся в его распоряжении данные, отметил, что труд-

но с определенностью выяснить, что происходило в Новгороде. Историк высказал догадку, что ситуация в городе имела много сходного с тем, что происходило в Пскове. Причиной острого недовольства новгородцев властями явились многочисленные злоупотребления воеводы окольничего М.И. Татищева и дьяка Е. Телепнева. Казнь М.И. Татищева, по мнению исследователя, привела к успокоению умов[203]. И.С. Шепелев пришел к выводу, что убийство в Новгороде М.И. Татищева и отпадение новгородских пятин свидетельствуют о вспышке классовой борьбы, которая, однако, не достигла того размаха, как в Пскове[204].

Информаторы автора Псковской летописной повести вспомнили, что в посланном кн. М.В. Скопиным-Шуйским в Псков отряде новгородцев, который состоял из детей боярских и казаков, произошел раскол. Часть отряда вернулась в Новгород, другая — пришла в Псков[205]. Около 8 (18) сентября 1608 г. на сторону самозванца перешли новгородские пригороды Ивангород, Корела и Орешек, гарнизоны которых, как и в псковских пригородах, в основном состояли из служилых людей по прибору: стрельцов и казаков. Важно отметить, что присяга Вору в этих городах проводилась при самом активном участии местных воевод. Дворянин московский кн. И.Ф. Хованский одним из первых призвал стрельцов и казаков присягнуть Вору[206]. Ивангородцы освободили из тюрем 300 пленных болотниковцев и отказались пустить в свой город кн. М.В. Скопина-Шуйского[207]. Воевода Корелы — дворянин московский кн. А.Д. Приимков-Ростовский[208], вероятно, сменивший на этом посту отозванного в Москву боярина кн. В.М. Рубца-Мосальского, по свидетельству Ю. Видекинда, «заставил» гарнизон крепости «подтвердить верность Дмитрию присягой»[209]. Воевода Орешка опальный боярин М.Г. Салтыков, по словам шведского историка, «держал крепость в повиновении то Шуйскому, то Дмитрию»[210]. Он наотрез отказался помочь кн. М.В. Скопину-Шуйскому, покинувшему Новгород Великий из-за боязни мятежа[211]. Приведенные данные показывают, что в Новгородской земле, как и в других пограничных уездах, основной движущей силой движения в пользу самозванца, по всей видимости, была служилая мелкота: служилые люди по прибору, казаки, которых, как псковичей, пугала перспектива прибытия в Россию шведского наемного войска. Движение возглавили местные воево-

ды, многие из которых вскоре заняли видные места при дворе самозванца. Все эти факты не укладываются в схему И.С. Шепелева, видевшего в этих событиях проявление классовой борьбы.

Восстания в пригородах, как показывают источники, вызвали волнения среди новгородцев. Непосредственный участник новгородских событий дьяк И. Тимофеев вспоминал, что возмущение новгородцев было направлено прежде всего против запятнавших себя многочисленными злоупотреблениями второго воеводы окольничего М.И. Татищева и дьяка Е. Телепнева. Они не на шутку испугались, что их ждет судьба псковского воеводы боярина П.И. Шереметева[212]. Спасая свои жизни, воевода и дьяк, как прямо говорят дьяк И. Тимофеев и Новый летописец, убедили кн. М.В. Скопина-Шуйского, что без шведской помощи им не удастся успокоить волнующийся Новгород и погасить пламя повстанческого движения, охватившего Новгородскую и Псковскую земли[213]. Взяв казну, беглецы тайно покинули Новгород 8 (18) сентября 1608 г. в разгар праздника Рождества Богородицы и отправились в Ивангород, где рассчитывали дождаться прибытия шведов[214]. Пытаясь успокоить новгородцев, кн. М.В. Скопин-Шуйский и его товарищи известили с дороги второго воеводу боярина кн. А.П. Куракина, что их будто бы срочно вызвали для встречи вспомогательного войска посланные для переговоров со шведами дьяки С.В. Головин и С. Васильев[215]. На пути к Ивангороду кн. М.В. Скопин-Шуйский, М.И. Татищев, Е. Телепнев и сопровождавшие их дворяне узнали, что гарнизон крепости целовал крест самозванцу. Они приняли решение отправиться в крепость Орешек и попытаться получить помощь от шведов через Финляндию[216]. Но и здесь их постигла неудача. Воевода Орешка боярин М.Г. Салтыков, по словам Ю. Видекинда, державший сторону то Шуйского, то Лжедмитрия II и в конце концов изгнавший из города С.В. Головина[217], едва не схватил беглецов[218]. Их положение стало критическим. Всерьез, по словам И. Тимофеева, обсуждался план бежать за границу, чтобы там получить помощь[219].

И. Тимофеев пишет, что, когда воевода кн. А.П. Куракин объявил новгородцам о внезапном отъезде кн. М.В. Скопина-Шуйского и М.И. Татищева, то «народ заволновался беспорядочным волнением». И было из-за чего. Большинство новгородских дворян и детей боярских находились на службе в Мос-

кве. Кн. М.В. Скопин-Шуйский увез с собой городскую казну и лишил новгородцев возможности быстро организовать народное ополчение. Город, по свидетельству И. Тимофеева, не был в состоянии оказать сопротивление даже небольшому тушинскому отряду[220]. Мнения горожан разделились. Одни, по словам И. Тимофеева, возмущенные бегством воевод, предлагали последовать примеру псковичей, другие — настаивали на том, чтобы, объяснившись с кн. М.В. Скопиным-Шуйским, уговорить его вернуться, третьи — «богатая влагалища имущая» — открыто не разделяли мнения ни первых, ни вторых, призывая их к согласию, прекрасно понимая, что открытое противостояние неминуемо приведет к расправам над ними и грабежам[221]. В Новгороде Великом, как видно из рассказа дьяка, так же как в Пскове, образовались не две, а три политические силы, но их расстановка была иной. «Большие люди» в отличие от псковских «имущих» заняли выжидательную позицию. Основная борьба, судя по всему, развернулась между средними слоями и радикально настроенными низами посада. В решающий момент у ворот города в отличие от Пскова не оказалось тушинского отряда, который протушински настроенные горожане могли бы впустить в город. Вместо этого в Новгороде появились дети боярские, покинувшие кн. М.В. Скопина-Шуйского, А. Бурцев (у Ивангорода), А. Колычев и Нелюб Огарев (у Орешка)[222], которые, как показывает Иван Тимофеев, рассказали горожанам об истинных мотивах отъезда царского племянника и его товарищей из города. Примечательно, что А. Колычев и Н. Огарев привезли с собой часть новгородской казны[223]. Этот факт наводит на мысль, что их отъезд, вопреки намекам Нового летописца, был санкционирован кн. М.В. Скопиным-Шуйским и помог ему начать переговоры с новгородцами. В сложившейся ситуации митрополит Исидор и второй воевода кн. А.П. Куракин смогли убедить горожан обратиться к кн. М.В. Скопину-Шуйскому с предложением вернуться. Воевода и его товарищи ответили согласием[224]. И. Тимофеев написал в своем «Временнике», что во время переговоров и возвращения кн. М. Скопина-Шуйского лицемерили все: и беглецы, и новгородцы, объявив все происшедшее досадным недоразумением[225]. Позиции приверженцев В. Шуйского в городе, по-видимому, несколько упрочились, когда в город вернулись новгородские дворяне, уехав-

шие из Москвы после Рахманцевского сражения[226]. Многие из них принимали участие в убийстве Лжедмитрия I и прекрасно знали, что ждет город после его захвата тушинцами. Новгородский мир, несмотря на острые противоречия, смог сохранить единство и избежать раскола, но восстановить свою власть за стенами города кн. М.В. Скопин-Шуйский уже не смог. Вслед за Ивангородом, Орешком и Корелой принесли присягу Вору гарнизоны остальных пригородов Ладоги, Яма, Копорья, а также жители всех новгородских пятин[227].

Прибытие в стан самозванца Мнишков и инфляндских солдат явилось причиной серьезного кризиса движения Лжедмитрия II, во многом сходного с весенним кризисом 1608 г., который в отличие от предшествующего не разрешился победой одной из сторон, а привел к временному компромиссу между «гетманами» Р.Н. Ружинским и Я. Сапегой и их солдатами. Раздоры между наемниками и прибытие в Тушино отряда А. Лисовского, по-видимому, несколько укрепили позиции «русских повстанцев» в движении Лжедмитрия II, но это существенно не повлияло на ситуацию в стане самозванца. Она по-прежнему оставалась весьма сложной и в любой момент могла закончиться поражением выступавших под знаменами царика сил. Василий Шуйский имел реальные шансы одержать победу над противником, но, разуверившись в своих воинах и положившись целиком на дипломатию, эти возможности упустил.

Немногие сохранившиеся данные о народных волнениях в Новгороде Великом и восстаниях в Пскове, в Псковской и Новгородской землях в сентябре 1608 г. показывают, что они произошли вне прямой связи с событиями в Тушине, в результате местных социальных конфликтов. Данные Псковских повестей, отразивших оценки людей, придерживавшихся различных политических взглядов, не подтверждают сложившихся представлений, что переход Пскова и его пригородов на сторону самозванца произошел в результате восстания посадских низов — «меньших людей» против верхов — «больших». Источники рисуют более сложную картину. Псковский посад до последней возможности отстаивал общеземские интересы и старался противодействовать как своевольству и происках городских богатеев и поддерживавших их городских воевод, так и действиям получивших «волю» «худых или мелких людей». Оче-

видцы единодушно свидетельствуют, что окончательно чашу весов в пользу самозванца в Пскове склонила весть о прибытии шведского вспомогательного войска в Россию. Основными силами восстания в пользу самозванца на Псковщине, как и на Северщине, являлись служилые люди по прибору, обедневшие дети боярские, боевые холопы, казаки и подымщина, а не псковские «меньшие люди».

Источники подтверждают наблюдение С.Ф. Платонова, что между новгородскими и псковскими событиями имелось много общего. Современники прямо говорят, что переговоры со шведами и вести о приглашении наемного войска в Россию явились главной причиной, подтолкнувшей гарнизоны новгородских пригородов и сельских жителей пятин вслед за псковичами присягнуть самозванцу. От ареста и гибели кн. М.В. Скопина-Шуйского спасла позиция, занятая новогородским посадом, который не захотел иметь дело с приверженцами самозванца и в отличие от псковского посада не позволил втянуть себя в борьбу между «имущими» и «деклассированными элементами».

Важнейшим итогом событий на северо-западе страны явилось создание нового очага повстанческого движения на Псковщине, Великих Луках и прилегающих к ним городах Немецкой и Литовской украин.

Примечания

[1] Maciczewski J. Polska a Moskwa, 1603—1618. Warszawa, 1968. S. 116—133, 142; Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 332—333.

[2] Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 93—94, 104.

[3] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 93—94.

[4] Белокуров С. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 253—254.

[5] Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 341.

[6] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 191.

[7] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 27.

[8] Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 269.

[9] Там же.

[10] В 1588—1589 гг. он был жильцом (БС. Ч. 1. С. 117); в 1604 г., видимо, уже служил в выборе и получил четвертной оклад 10 руб. (Сухотин Л.М. Четверщики Смутного времени 1604—1607 гг. М., 1912. С. 26). И.С. Шепелев в своем исследовании спутал его с суздальским воеводой Ф.К. Плещеевым (Указ. соч. С. 229).

[11] Бельский летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1978. Т. 34. С. 248; Савицкий К. Дневник // Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. Прил. Стб. 202—204.

[12] Отписка смоленских воевод М.Б. Шеина и кн. П. Горчакова царю Василию Шуйскому в конце августа 1608 г. об отъезде М. Олесницкого и Мнишков в Тушино // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 93. С. 124.

[13] Болтин Б. Указ. соч. С. 341—342; Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 10; Казанское сказание // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 227.

[14] Будила Й. История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1872. Стб. 137; Marchocki M. Op. cit. S. 19.

[15] Болтин Б. Указ. соч. С. 340; Новый летописец // ПСРЛ. СПб., Т.14. 1910. С. 80.

[16] Болтин Б. Указ. соч. С. 340. Примечательно, что автор Нового летописца умалчивает о его участии в походе на Зарайск, возлагая всю ответственность за поражение на З.П. Ляпунова. См.: Новый летописец. С. 80.

[17] Болтин Б. Указ. соч. С. 340; Новый летописец. С. 80.

[18] Новый летописец. С. 80.

[19] Болтин Б. Указ. соч. С. 340.

[20] Там же.

[21] Белокуров С. Разряды. С. 14, 161.

[22] Болтин Б. Указ. соч. С. 342.

[23] Белокуров С. Разряды. С. 253.

[24] Там же. С. 120, 148, 161.

[25] Там же. С. 161.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 48, 120, 148, 161; Болтин Б. Указ. соч. С. 341; Новый летописец. С. 81. Источники не сообщают, каким образом оказался в Коломне боярин кн. В.Т. Долгорукий. Анализ биографии этого человека показывает, что при Василии Шуйском его служебная карьера пошла в гору. В конце 1606 г. — начале 1607 г. Он был пожалован в бояре из дворян московских (БС. 1606/07 гг. С. 254). В походе царя Василия на Тулу сначала командовал стрельцами, потом — первым нарядом (Белокуров С. Указ. соч. С. 12, 45, 87, 91, 118, 144—145, 158—159). Гулял 29 января (8 февраля) 1608 г. у царя на новоселье (Белокуров С. Указ. соч. С. 92, 119, 159). На свадьбе царя Василия 17 (27) февраля 1608 г. ему было доверено стоять «у постели», что свидетельствовало о большом доверии к нему царя (Белокуров С. Указ. соч. С. 95, 120, 160). На Благовещенье 15 марта 1608 г. он среди немногих бояр был приглашен на царский обед, во время которого заместничал с кн. М.Ф. Кашиным. В разрядах отмечается, что Василий Шуйский «его отставил и есть не велел» (Белокуров С. Указ. соч. С. 119, 159). После этого имя боярина исчезает из всех разрядов до июля—августа 1608 г. Вероятно, вследствие местнического конфликта кн. В.Т. Долгорукий попал в опалу и был выслан из Москвы в деревню, где на короткое время попал в руки приверженцев самозванца.

[29] Белокуров С. Разряды. С. 161.

[30] Там же. С. 14, 48, 93, 148, 168, 176, 253.

[31] Содержание разряда правительственного войска, направленного против А. Лисовского, во всех имеющихся списках разрядных книг читается одинаково, за исключением незначительных, чисто стилистических деталей. Это наблюдение подтверждает гипотезу, что при составлении частных разрядных книг их авторы использовали записи дьяков разрядного приказа. См.: Белокуров С. Разряды. С. 14, 48, 93, 20, 148, 161, 176, 186, 207, 253.

[32] Белокуров С. Разряды. С. 13 и др.

[33] Там же. С. 120, 161.

[34] Там же. С. 93, 161.

[35] Там же. С. 161.

[36] Белокуров С. Разряды. С. 93, 120, 161, 176, 253.

[37] Белокуров С.А. Разряды. С.14, 48, 176, 186, 253; Болтин Б. Указ. соч. С. 242; Новый летописец. С. 81.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] Белокуров С. Разряды. С. 176.

[42] Новый летописец. С. 81.

[43] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 12. Стб. 53.

[44] Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII ст. СПб., 1904. С. 377.

[45] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 234.

[46] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 89—90.

[47] Будила Й. Указ. соч. Стб. 136; Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S.36; Rejestr wojska polskiego, które jest przy Caru na Moskwie // Отдел рукописей Библиотеки Украинской академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. Ossolineum. № 5998/III. Л. 323—323 об.

[48] Marchocki M. Op. cit. S. 36; Будила Й. Указ. соч. Стб. 136; Маскевич С. Дневник 1594—1621 гг. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 30; Со своей ротой он вступил в полк Ружинского. См.: Rejestr wojska polskiego...

[49] Будила Й. Указ. соч. Стб. 136; Marchocki M. Op. cit. S. 36; Маскевич С. Указ. соч. С. 30; В Тушине к нему примкнули 1100 наемников и его полк достиг 1650 чел. См.: Rejestr wojska polskiego...

[50] Будила Й. Указ. соч. Стб. 136; Marchocki M. Op. cit. S. 36—37; Sapieha J. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 188; Маскевич С. Указ. соч. С. 30; Rejestr wojska polskiego...; Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского апрель—июль 1608 г. // Сборник Русского исторического общества (Сборник РИО). М., 1912. Т. 137. С. 730.

[51] Там же; Во время похода на Троицу его полк включал 700 копейщиков и 300 казаков. См.: Sapieha J. Op. cit. S. 189.

[52] List B. Wojny do L. Sapiehi 1 (10) czerwca 1608 r. // ОР НБУАН. Ф.103. № 556/Уа. Л. 135; Sapieha J. Op. cit. S. 188; Rejestr wojska polskiego...

[53] Маскевич С. Указ. соч. С. 30.

[54] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского. С. 730; Они командовали ротами в полку А. Зборовского. См.: Rejestr wojska polskiego...

[55] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского. С. 730.

[56] Sapieha J. Op. cit. S. 175. При определении численности отряда Я. Сапеги в литературе обычно используются данные К. Буссова — 7 тыс. человек См.: Буссов К. Указ. соч. С. 151; Платонов С.Ф. Очерки. С. 269; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 90. Более точными представляются наблюдения А. Гиршберга, который, опираясь на данные Дневника Я. Сапеги (S. 188) и Реестра польского войска, считал, что в отряде служило 1700 воинов. К. Буссов, по-видимому, учел всех наемников из Брестской конфедерации, объединившихся вокруг Я. Сапеги.

[57] List B. Wojny do L. Sapiehi 10 czerwca 1608 r...

[58] Marchocki M. Op. cit. S. 41—42.

[59] List Dmitra Falsziwego do J. Sapiehi 6(16) wrzesnia 1608 r. // ОР НБУАН. Ф.5. № 5998/III. Л. 304.

[60] Kognowicki K. Zycie Sapiehow. Wilno, 1791. T. 2. S. 155—158.

[61] Тюменцев И.О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры в 1608—1610 гг. Волгоград, 1995. С. 9—10.

[62] Расспросные речи смоленского лазутчика Р. Романчукова в Смоленске 17 (27) августа 1608 г. // АИ. Т. 2. № 92. С. 123—125; Отписка смоленских воевод М.Б. Шеина и кн. П. Горчакова в Посольский приказ 12 (22) сентября 1608 г. о литовских вестях // Там же. № 95. С. 126—128.

[63] Listy B. Wojny do L. Sapiehi 31 maja (10 czerwca) i 10 (20) lipica 1608 r. // ОР НБУАН. Ф. 103. № 556/Уа. Л. 134, 152—153.

[64] Prochaska A. Wyprawa na Smoleńsk // Kwartalnik Litewski. SPb., 1909. S. 47—80.

[65] Naruszewicz A. Żywot J.K. Chodkiewicza. Warszawa, 1805. T. 2. S. 249; Niemcewicz J.U. Dzieje panowania Zygmundta III. Warszawa, 1819. T. 2. S. 327; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. 4. С. 493.

[66] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского. С. 656—726.

[67] Бутурлин Д. История Смутного времени в начале XVII в. СПб., 1841. Ч. 2. Прил. 9; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 476; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 239; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 99.

[68] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского. С. 719—725.

[69] Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек. СПб., 1996. С. 119.

[70] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского. С. 719—725.

[71] Там же. С. 706, 719—725; Письмо польских послов в Ярославль 22 июля (1 августа) 1608 г. // Рожнятовский А. Указ. соч. С. 119—120; Письмо польских послов на Белоозеро 22 июля (1 ав-

густа) 1608 г. // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6. С. 263—264.

[72] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского. С. 682.

[73] List W. Szujskiego do Króla in Julio 1608 // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8596.

[74] List M. Oleśnickiego i A. Gosiewskiego do R. Różyńskiego i et., lipic 1608. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 314—314 об.

[75] Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 1981. С. 107—108.

[76] Maciszewski J. Op. cit. S. 149.

[77] Ibid. S. 151.

[78] Грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку 17 (27) января 1608 г. // СГГ и Д Ч. 2. № 156. С. 327—328.

[79] Посольство М. Олесницкого и А. Гонсевского. С. 725—726; Белокуров С.А. Разряды. С. 253; Савицкий К. Указ. соч. Стб. 201.

[80] Белокуров С.А. Разряды. С. 48, 186.

[81] Там же. С.14, 48, 161, 186.

[82] Отписка смоленских воевод М.Б. Шеина и кн. П. Горчакова царю В. Шуйскому в конце августа 1608 г. об отъезде М. Олесницкого и Мнишков в Тушино // АИ. Т. 2. № 93. С. 124.

[83] Савицкий К. Указ. соч. Стб. 201; Marchocki M. Op. cit. S. 38.

[84] Sapieha J. Op. cit. S. 182.

[85] Новый летописец. С. 81.

[86] Савицкий К. Указ. соч. Стб. 201—203.

[87] Грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку от 12 (22) августа 1608 г. // СГГ и Д. Ч. 2. № 160. С. 336. Автор записок, приписываемых М. Стадницкому, сообщил, что гонцом якобы был Я. Запорский, но эти данные недостоверны. Я. Запорский, как видно из дневника А. Рожнятовского, был оставлен Мнишком в Ярославле. См.: История Дмитрия Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 6. С. 181; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 113, 115.

[88] Отписка воеводы Б. Собакина о поимке в Погорелом Городище мужиков с прелестными грамотами 3 (13) августа 1608 г. // АИ. Т. 2. № 90. С. 121; Псковские летописи. Т. 2. С. 269.

[89] Marchocki M. Op. cit. S. 38.

[90] Белокуров С. Разряды. С. 48; Савицкий К. Указ. соч. С. 204; Sapieha J. Op. cit. S. 182.

[91] Marchocki M. Op. cit. S. 9, 38.

[92] Савицкий К. Указ. соч. Стб. 204; История Дмитрия Московского и Марины Мнишек. С. 181.

[93] Бельский летописец. С. 248; Новый летописец. С. 81.

[94] Отписка смоленских воевод М.Б. Шеина и кн. П. Горчакова царю Василию Шуйскому в конце августа 1608 г. об отъезде М. Олесницкого и Мнишков в Тушино // АИ. Т. 2. № 93. С. 124.

[95] Бельский летописец. С. 248; Савицкий К. Указ. соч. Стб. 202—204.

[96] Савицкий К. Указ. соч. Стб. 202—204.

[97] Белокуров С. Разряды. С. 176, 253.

[98] Белокуров С. Разряды. С. 48, 176, 253.

[99] Савицкий К. Указ. соч. Стб. 204—205.

[100] Белокуров С. Разряды. С. 253.

[101] Бельский летописец. С. 248; Савицкий К. Указ. соч. Стб. 202—204.

[102] Там же.

[103] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 120; Немоевский С. Указ. соч. С. 267.

[104] Отписка смоленских воевод М.Б. Шеина и кн. П. Горчакова царю В. Шуйскому в конце августа 1608 г. об отъезде М. Олесницкого и Мнишков в Тушино // АИ. Т. 2. № 93. С. 124; Бельский летописец. С. 248; Савицкий К. Указ. соч. Стб. 204—205.

[105] Sapieha J.P. Op. cit. S. 181; Будила Й. Указ. соч. Стб. 140; Marchocki M. Op. cit. S. 38.

[106] Грамота Лжедмитрия II Ю.Мнишку 12 (22) августа 1608 г. // СГГ и Д. Ч. 2. № 160. С. 336.

[107] Гиршберг А. Указ. соч. С. 95—101.

[108] И.С. Шепелев неверно указал даты встречи Я. Сапеги с Мариной Мнишек и приезда Заболоцкого, а его ссылка на Дневник Я. Сапеги неточна. См.: Шепелев И.С. Указ. соч. С. 103; Sapieha J.P. Op. cit. S. 182—188.

[109] Sapieha J.P. Op. cit. S. 175.

[110] Marchocki M. Op. cit. S. 37; Sapieha J.P. Op. cit. S. 185.

[111] Sapieha J.P. Op. cit. S. 177—178.

[112] Ibid. S. 179—185.

[113] Отписка смоленских воевод В. Шуйскому // АИ. Т. 2. № 93; Бельский летописец. С. 248; Новый летописец. С. 81; Marchocki M. Op. cit. S. 38.

[114] Савицкий К. Указ. соч. С. 205.

[115] Marchocki M. Op. cit. S. 38; Sapieha J.P. Op. cit. S. 182; Будила Й. Указ. соч. С. 140.

[116] Sapieha J.P. Op. cit. S. 181—182.

[117] Marchocki M. Op. cit. S. 40; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 167; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 486, Шепелев И.С. Указ. соч. С. 91, 96.

[118] Sapieha J.P. Op. cit. S. 188; Rejestr wojska polskiego...

[119] Sapieha J.P. Op. cit. S. 182; Буссов К. Указ. соч. С. 151; Rejestr wojska polskiego...

[120] Грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку 19 (29) августа 1608 г. // СГГ и Д. Ч. 2. № 161. С. 337—338.

[121] Sapieha J.P. Op. cit. S. 182.

[122] Палицын А. Сказание.... М.; Л., 1955. С. 130—131.

[123] Болтин Б. Указ. соч. С. 339.

[124] Палицын А. Сказание... С. 130—131.

[125] Белокуров С.А. Разряды. С. 253; Палицын А. Сказание. С. 132, 152.

[126] Белокуров С.А. Разряды. С. 253—254.

[127] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 89, 91.

[128] Sapieha J.P. Op. cit. S. 188; Rejestr wojska polskiego...

[129] Челобитная четырех пронских казаков из полка А. Лисовского Я. Сапеге о жаловании // Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук (АСПбФИРИ РАН). К. 124. Соб. С.В. Соловьева. Оп. 1. Ед. хр. 472; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге в апреле 1609 г. с приказом принять в полк А. Лисовского арзамасца Ф. Плешакова // Сборник Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 20. С. 90; Палицын А. Сказание... С. 147—149; Болтин Б. Указ. соч. С. 340—342.

[130] Новый летописец. С. 89.

[131] Sapieha J.P. Op. cit. S. 182.

[132] Ibid.

[133] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 21 (31) sierpienia 1608 г. // Oddial Rukopisow Biblioteki Polskieij Akademii Naukowiej w Krakowie (OR BPAN). Ms. 345. № 57. Л. 115—115 об.(оригинал); Kognowicki K. Op. cit. Прил. 1; Муханов П.А. Записки гетмана Жолкевского. Прил. 11. Стб. 25—26.

[134] Грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку 26 августа (5 сентября) 1608 г. // СГГ и Д. Ч. 2. № 162. С. 338—339.

[135] Sapieha J.P. Op. cit. S. 183.

[136] Ibid.

[137] Sapieha J.P. Op. cit. S. 183.

[138] Грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку 29 августа (8 сентября) 1608 г. // СГГ и Д. Ч. 2. № 163. С. 339—340.

[139] Sapieha J.P. Op. cit. S. 183.

[140] Marchocki M. Op. cit. S. 38—39.

[141] Sapieha J.P. Op. cit. S. 184; Немоевский С. Указ. соч. С. 276.

[142] Sapieha J.P. Op. cit. S. 184; Marchocki M. Op. cit. S. 39.

[143] Немоевский С. Указ. соч. С. 276—281.

[144] История Дмитрия Московского и Марины Мнишек. С. 182; Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 1981. С. 109.

[145] Sapieha J.P. Op. cit. S. 184—187.

[146] Ibid. S. 184—185.

[147] Ibid. S. 185; Marchocki M. Op. cit. S. 37.

[148] Sapieha J.P. Op. cit. S. 184—185.

[149] Ibid.

[150] История Дмитрия Московского и Марины Мнишек. С. 182.

[151] Sapieha J.P. Op. cit. S. 185.

[152] Marchocki M. Op. cit. S. 39.

[153] Буссов К. Указ. соч. С. 152.

[154] Письмо боярина кн. Ф.И. Мстиславского с товарищами кн. Р. Ружинскому и польским воинам 16 (26) августа 1608 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1847. (Год третий). Ч. 2. С. 9—10; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Прим. 207.

[155] Sapieha J.P. Op. cit. S. 185—186; Немоевский С. Указ. соч. С. 281.

[156] Немоевский С. Указ. соч. С. 281.

[157] Sapieha J.P. Op. cit. S. 186.

[158] Там же.

[159] Немоевский С. Указ. соч. С. 282.

[160] Там же.

[161] Sapieha J.P. Op. cit. S. 187.

[162] Жалованная грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку 4 (14) октября 1608 г. // СГГ и Д Ч.2. № 164. С. 340—341.

[163] Sapieha J.P. Op. cit. S. 187.

[164] Sapieha J.P. Op. cit. S. 187.

[165] Ibid. S. 186—187.

[166] Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 99.

[167] Карамзин Н.М. Указ. соч. Стб. 172, 175, 250; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 490; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 380.

[168] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 445—446.

[169] Белокуров С.А. Разряды. С. 14, 48, 123, 162, 187, 254.

[170] Немоевский С. Указ. соч. С. 267—290; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 122—126.

[171] Видекинд Ю. История десятилетней войны шведов в России // АСПбФИРИ РАН. К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 29—30.

[172] Видекинд Ю. Указ. соч. Л. 30—31; Almkvist H. Sverge och Rysland förbundet mot Polen 1595—1611. Upsala, 1907. 125—126, 128, 130—131.

[173] Белокуров С.А. Разряды. С. 14, 48, 123, 162, 187, 254.

[174] Немоевский С. Указ. соч. С. 265.

[175] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 36; Almkvist H. Op. cit. S. 127—130.

[176] Там же.

[177] Гневушев А. Акты времени правления царя В. Шуйского 1606—1610 гг. М., 1915. С. 163—164, 180—181, 186—189 и др.

[178] Гневушев А. Акты. С. 206—221.

[179] Белокуров С.А. Разряды. С. 163 и др.; Новый летописец. С. 86.

[180] Гневушев А. Акты. С. 186—187, 197.

[181] Там же. С. 196, 225—226.

[182] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 241—243.

[183] Проскурякова Г.В. Классовая борьба в Пскове в период польско-шведской интервенции: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1954.

[184] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 225—228.

[185] Псковские летописи. Т. 2. С. 267—268.

[186] Там же. С. 268, 270.

[187] Там же. С. 268, 269.

[188] Там же.

[189] Там же. Т. 2. С. 269—270.

[190] Новый летописец. С. 84; Псковские летописи. Т. 1. С. 134—135; Т. 2. С. 269—270.

[191] Отписка устюжан пермичам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. о начале земского движения против тушинцев // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1839. Т. 2. № 89. С.182; Грамота кн. М.В. Скопина-Шуйского в Устюг Великий с известием о скором прибытии шведского наемного войска в Россию // Там же. № 94.1. С. 190—191 и др.

[192] Псковские летописи. Т. 1 С. 134—135; Т. 2. С. 269—270.

[193] Там же.

[194] Там же.

[195] Там же.

[196] Там же.

[197] Там же. Т. 1. С. 134—135.

[198] Там же. Т. 1. С. 135; Т. 2. С. 269.

[199] Там же. Т. 2. С. 270—271.

[200] Там же. Т. 2. С. 271.

[201] Там же.

[202] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 249—252; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 239.

[203] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 249—252.

[204] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 239—240.

[205] Псковские летописи. Т. 2. С. 271.

[206] Отписка ивангородского воеводы кн. И.Ф. Хованского шведским послам М. Олофсону и Анцелисову после 3 (13) октября 1608 г. с просьбой адресовать грамоты «царю Дмитрию», а не «изменнику Ваське Шуйскому» // Riksarkivet. Extrenea Ruska brev. № 27.

[207] Отписка посланника В. Вербышева из Вологды в Сольвычегодск с известиями о кн. М.В. Скопине-Шуйском и земских делах // ААЭ Т. 2. № 99. С. 196; Псковские летописи. Т. 2. С. 271; Новый летописец. С. 85.

[208] Боярский список 1606/7 гг. // Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч.1. С. 258.

[209] Видекинд. Ю. Указ. соч. Л. 35; Отписка посланника В. Вербышева...

[210] Видекинд. Ю. Указ. соч. Л. 35.

[211] Новый летописец. С. 85.

[212] Тимофеев И. Временник. М.; Л., 1951. С. 128—129.

[213] Там же. С. 129—130; Новый летописец. С. 84—85.

[214] Там же.

[215] Новый летописец. С. 85.

[216] Тимофеев И. Временник. С.131; Новый летописец. С. 85.

[217] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 35.

[218] Тимофеев И. Указ. соч. С. 131.

[219] Там же.

[220] Там же. С. 132.

[221] Там же. С. 131—132.

[222] Новый летописец. С. 85.

[223] Тимофеев И. Указ. соч. С. 130—131.

[224] Там же. С. 134—135; Новый летописец. С. 85.

[225] Тимофеев И. Указ. соч. С. 134—135.

[226] Болтин Б. Указ. соч. С. 341.

[227] Отписка посланника В. Вербышева...; Видекинд. Ю. Указ. соч. Л. 39.

ГЛАВА 6

ЗАХВАТ ПРИВЕРЖЕНЦАМИ ЛЖЕДМИТРИЯ II СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ УЕЗДОВ РОССИИ

Осенью 1608 г. хрупкое равновесие между правительственными и тушинскими силами было нарушено. Приверженцы Лжедмитрия II захватили Замосковье, значительную часть Поморья, Новгородской земли и Среднего Поволжья. Польские историки XIX в. считали, что победы тушинцев в Замосковье были достигнуты благодаря полководческому таланту Я.П. Сапеги и военному превосходству наемных полков самозванца над правительственными войсками[1]. С.М. Соловьев был склонен объяснять успехи воинов самозванца тем, что они захватили жителей северных уездов «врасплох» и пользовались поддержкой местного «противообщественного элемента»[2], С.Ф. Платонов — общей «деморализацией» правительственных сил и массовыми отъездами бояр и дворян в Тушино[3], И.С. Шепелев — антифеодальными выступлениями народа, поднявшегося против угнетателей за «доброго царя Дмитрия»[4]. Критический анализ нарративных источников с помощью документов архивов Я. Сапеги и Соликамского уездного суда позволяет уточнить сложившиеся представления о событиях того времени на северо-востоке страны.

§ 1. Планы тушинцев

Полковник шведской наемной армии француз Ж. деЛавиль, проанализировав в своих записках, написанных в 1611 г., действия тушинских гетманов осенью 1608 г., пришел к выводу, что они решили организовать полную блокаду Москвы и взять столицу России измором[5]. Аналогичным образом рассуждали и историки. С.Ф. Платонов высказал предположение, что кн. Р. Ружинский, Я. Сапега, И.М. Заруцкий и А. Лисовский, достигнув компромисса и разделив сферы влияния, выработали план своих дальнейших действий. Не имея достаточных сил для штурма Москвы, тушинские стратеги, по мнению исследователя, задумали организовать осаду столицы: Р. Ружинский и И.М. Заруцкий должны были вместе с самозванцем остаться в

Тушине и контролировать отсюда Калужскую и Смоленскую дороги; П. Руцкой — взять Иосифо-Волоколамский монастырь и перерезать Тверскую дорогу; Я. Кернозицкий, продвигаясь на северо-запад, — захватить Новгород Великий, а Я. Сапеге и А. Лисовскому предстояло овладеть Троице-Сергиевым монастырем, добиться перехода на сторону самозванца Замосковья и Поморья и блокировать Дмитровскую, Ярославскую и Владимирскую дороги; ротмистру Хмелевскому во главе отряда наемников и русских тушинцев было поручено занять Коломну и перерезать дорогу на Рязань[6]. Гипотеза С.Ф. Платонова была принята большинством исследователей[7]. Проверка показывает, что эти выводы нуждаются в уточнениях. Поход П. Руцкого к Иосифо-Волоколамскому монастырю, по данным Й. Будилы, начался 20 (30) августа 1608 г., т. е. задолго до того, как Р. Ружинский и Я. Сапега смогли договориться о совместных действиях[8]. По сведениям, полученным Я. Сапегой 18 (28) августа 1608 г., этот поход был задуман как часть плана по захвату М. Мнишек и ее отца[9]. Отписка владимирского воеводы окольничего И.И. Годунова к Я. Сапеге показывает, что тушинцы вплоть до конца октября — первых чисел ноября 1608 г. питали иллюзии относительно скорой присяги коломничей Вору и, по-видимому, не предпринимали попыток захватить город силой[10]. А. Рожнятовский, находившийся в конце 1608 г. сначала в Замосковье и затем в Тушине, подтверждает это предположение. Мемуарист прямо говорит, что тушинские отряды были направлены к Коломне только 10 (20) декабря 1608 г., когда знатные перебежчики из Москвы объяснили тушинскому руководству, какую роль играет Коломна в обороне Москвы[11]. Поход Я. Кернозицкого на Новгород Великий, по данным шведских документальных источников, был предпринят только в ноябре 1608 г.[12] Примечательно, что Й. Будила, говоря о планах тушинцев, отметил, что было принято решение перерезать пути в столицу только с северо-востока, заняв Троице-Сергиев монастырь[13]. Все эти факты не укладываются в принятую в литературе схему. Они свидетельствуют, что Р. Ружинский, Я. Сапега, И.М. Заруцкий и другие полковники не имели в конце сентября продуманного плана осады столицы, а только разделили сферы влияния с Я. Сапегой. В конце сентября 1608 г., так же как осенью 1606 г. и в начале лета 1608 г., была предпринята

попытка отрезать Москву от поддерживавших В. Шуйского Замосковья и Поморья, а решения о полной блокаде столицы путем захвата Коломны были приняты позднее. Примечательно, что объектами нападений для бывших солдат инфляндской армии были избраны Троице-Сергиев и Иосифо-Волоколамский монастыри, о богатствах которых ходили легенды и захват которых сулил огромные барыши. Тот факт, что в поход в Замосковье вместе с Я. Сапегой отправился только что прибывший в Тушино полк А. Лисовского, наводит на мысль, что Р. Ружинский и И.М. Заруцкий одновременно с инфляндцами постарались избавиться и от повстанцев украинных городов.

Ротмистр М. Мархоцкий, сообщая о судьбе изгнанного из войска бывшего гетмана самозванца М. Меховецкого, сообщил, что он в конце 1608 г. тайно жил в Тушине и некоторые солдаты были не прочь свергнуть Р. Ружинского и вернуть ему должность гетмана. Узнав об этом, Р. Ружинский передал ему, чтобы он убирался из Тушина. М. Меховецкий не внял предупреждению и поплатился за это жизнью. Разгневанный Р. Ружинский отыскал бывшего гетмана в покоях самозванца и зарубил его саблей[14]. С.М. Соловьев полагал, что эти события имели место осенью 1608 г., И.С. Шепелев относил их к зиме 1608—1609 гг.[15] Точную дату гибели М. Меховецкого можно установить из записи Дневника Я. Сапеги за 30 сентября (10 октября) 1608 г. В тот день Я. Сапега получил известие, что 27 сентября (7 октября) 1608 г. Р. Ружинский зарубил бывшего гетмана самозванца[16]. Эта дата свидетельствует, что с уходом Я. Сапеги и А. Лисовского к Троице кризис в Тушинском лагере отнюдь не завершился и происшествие с бывшим гетманом самозванца необходимо анализировать в его контексте. За спиной М. Меховецкого, как видно из рассказа М. Мархоцкого, стояли те самые наемники — ветераны повстанческого движения, кто был недоволен тем, что сапежинцев уравняли с ними в «заслуженном». Они, по-видимому, попытались воспользоваться тем, что позиции Р. Ружинского в войске из-за соперничества с Я. Сапегой пошатнулись, чтобы совершить в Тушине переворот и вернуть на должность гетмана М. Меховецкого, но Р. Ружинский их упредил[17]. Примечательно, что около этого времени из наемного войска самозванца был изгнан маршалок самозванца

кн. А. Вешневецкий и ему, как М. Меховецкому, под страхом смерти было запрещено возвращаться в Тушино[18].

Не успели улечься страсти по поводу гибели М. Меховецкого, как 1 (11) октября 1608 г. подошел срок выплаты «заслуженного» наемными солдатами за третью четверть текущего года. Вновь, как и прежде, самозванец смог предложить наемникам одни обещания. Взбешенные солдаты, по словам М. Мархоцкого, ухватились за предложение ротмистра А. Млоцкого организовать сбор с населения захваченных тушинцами территорий России чрезвычайного подушного налога — «поносовщины», который должен был пойти на уплату им жалования. Наемники отобрали у дьяков самозванца окладные книги, назначили своих представителей, которые должны были вместе с русскими приказными собирать «поносовщину» и заставили царика написать сопроводительные грамоты в русские города и волости[19]. Надежды в скором времени получить долгожданные деньги на время успокоили иноземных солдат. Тяжелый кризис, охвативший Тушинский лагерь в конце лета — начале осени 1608 г., на время был преодолен.

§ 2. Поход Я. Сапеги в Замосковье

Перед выступлением в поход на Троице-Сергиев монастырь 17 (27) сентября 1608 г. Я. Сапега собрал совещание полковников, на котором, по всей видимости, было определено походное построение войска. На следующий день началась перегруппировка сапежинских отрядов, а 19 (29) сентября 1608 г. гетман выступил на Троице-Сергиев монастырь[20]. В литературе высказывались различные суждения относительно численности его войска. Н.М. Карамзин, Д. Бутурлин, опираясь на данные А. Палицына, считали, что у гетмана было 30 тыс. воинов[21]. Д.П. Голохвастов, А.В. Горский, С.М. Соловьев, И.С. Шепелев обратили внимание на данные подлинных Отписок 1608/1609 г., в которых указывалось, что осенью 1608 г. гетман командовал 10 тыс. человек, в марте 1609 г. — 21,5 тыс. человек. Исследователи пришли к выводу, что в течение полутора лет осады монастыря численность тушинцев колебалась от 10 до 30 тыс.[22] А. Гиршберг, опираясь на данные Реестра войска и Дневника Я.П. Сапеги, полагал, что в тушинском войске, осаждавшем

Троицу, имелось 10.130 человек[23]. Т.В. Николаева, признав достоверным свидетельство К. Буссова, заключила, что под знаменами гетмана служило 15 тыс. воинов[24]. Наиболее удачными представляются наблюдения А. Гиршберга. Реестр и Дневник Я.П. Сапеги написаны непосредственными участниками событий, имевшими доступ к походным канцеляриям наемников в Тушине и в лагерях под Троицей. В памятниках приведена не только общая численность войска Я.П. Сапеги, но и количественный состав его полков и рот[25]. Помимо этого, данные польских источников подтверждает русский очевидец — сын боярский А.Ф. Палицын — родственник знаменитого келаря Троице-Сергиева монастыря, который побывал в лагерях Я.П. Сапеги и А. Лисовского осенью 1608 г. Будучи в плену у ополченцев, спасая свою жизнь, он показал, что в войске гетмана служило около 10 тыс. человек[26]. Данные, приведенные Авраамием Палицыным и в смоленской Отписке, представляются сильно преувеличенными. Келарь, судя по приведенному им перечню осаждавших Троицу полковников и ротмистров, суммировал численность всех отрядов, когда-либо находившихся в лагерях под Троицей[27]. К примеру, К. Вишневецкий был у Я.П. Сапеги проездом в ноябре 1608 г. Й. Будила прибыл в Троицу весной — летом 1609 г.[28] В марте 1609 г. Я.П. Сапега отправил значительное количество солдат на подавление восстаний жителей Замосковского края, поэтому его войско никак не могло увеличиться с 10 до 20,5 тыс. человек. Смоленские лазутчики в своем донесении прямо указали, что получили сведения о численности сапежинского войска от вернувшихся на родину наемников-тушинцев. Необходимо учитывать, что в Речи Посполитой солдаты обычно преувеличивали численность своих войск и их успехи в расчете настроить общественное мнение в свою пользу [29]. Гипотеза исследователей, что общее количество солдат в лагерях у Троицы постоянно колебалось, кажется плодотворной. Колебания, судя по данным Отписки троицких воевод царю В. Шуйскому и Дневника Я.П. Сапеги, были направлены в основном в сторону уменьшения: летом 1609 г. гетман имел 3 тыс., а в феврале 1610 г. — 1,4 тыс. воинов[30].

Данные Дневника Я.П. Сапеги дают возможность проанализировать качественный состав войска Я.П. Сапеги. А. Гиршберг подсчитал, что в подчинении у Я.П. Сапеги находилось

2.150 гусар, 7.050 казаков, 570 пятигорцев[31], 350 пехотинцев[32]. В полку А. Лисовского имелось шесть полевых орудий, у Я.П. Сапеги — восемь[33]. В войске Я. Сапеги преобладала конница, было мало пехоты и полностью отсутствовала осадная артиллерия. Войско имело неоспоримые преимущества в полевом сражении и абсолютно было не готово к осаде Троицкой крепости[34].

Подготовка тушинцев к походу не осталась незамеченной в Москве. Поданным Разрядов, 18 (28) сентября 1608 г. царь Василий приказал младшему брату боярину кн. И.И. Пуговке-Шуйскому возглавить войско для борьбы с сапежинцами. Оно было образовано из отрядов, выделенных из стоящих на Пресне правительственных войск, и уряжено на три полка. Кн. И.И. Шуйский командовал большим полком; окольничий кн. Г.П. Ромодановский — передовым полком; окольничий Ф.В. Головин — сторожевым полком; И.М. Глебов и кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский находились в ертауле[35]. Указание Нового летописца, что после поражения «ратные люди к Москве не пошли, разыдошася вси по своим домам», из-за чего воеводы вернулись в столицу «не с великими людьми»[36], дает основание предположить, что костяк правительственного войска составляли дворяне из Замосковья. Не случайно, по данным Разрядов, головами в передовой полк были назначены выборные дворяне по Пошехонью — кн. И.А. Львов[37], по Ярославлю — кн. А. Вяземский[38], по Костроме — И.П. Щукин-Кутузов[39] и кн. Д. Шаховский[40].

И.С. Шепелев, опираясь на данные Й. Будилы и К. Буссова, полагает, что общая численность правительственного войска составляла 25—30 тыс.[41] Авторы Дневника Я.П. Сапеги и Новостей, распространявшихся в Речи Посполитой в конце 1608 г., показывают, что кн. И.И. Шуйский командовал 15—20 тыс. ратников[42]. Секретарям Я. Сапеги не было никакого резона преуменьшать численность противника, скорее, наоборот, поэтому их сведения представляются более достоверными, хотя и преувеличенными.

Решительное сражение между правительственным войском и сапежинцами произошло 22 сентября (2 октября) 1608 г. у села Рахманцева и закончилось поражением армии кн. И.И. Шуйского[43]. И.С. Шепелев считал, что причиной неудачных действий приверженцев В. Шуйского явилось нежелание

дворян и других ратников воевать за В. Шуйского[44]. Данные источников разного происхождения — Дневника Я.П. Сапеги, Новостей из Московии, Записок Б. Болтина и Нового летописца, основанные на показаниях участников событий, — позволяют уточнить картину сражения и проверить выводы исследователя[45]. Секретари гетмана записали в Дневнике, что уже 19 (29) сентября 1608 г. — в первый день выступления сапежинского войска к Троице — его арьергард-полк под командованием Я. Микулинского в 1,5—2,0 милях от Тушина подвергся нападению отряда татарской конницы. Провожавший сапежинцев пан Руцкий едва не попал в плен[46]. К вечеру того же дня сапежинцы расположились обозом в селе Тайнинском, откуда в последующие три дня двигались к Троице-Сергиеву монастырю по Ярославской дороге через село Братошино и достигли села Воздвиженского. Здесь 21 сентября (1 октября) 1608 г. гетман получил донесение разведки, что село Братошино занято правительственным войском, которое следует за ним по пятам[47]. Тушинцам оставалось пройти две мили до Троице-Сергиева монастыря. Вероятно, царские воеводы намеревались напасть на противника при подходе его к Троице и одновременными ударами с тыла и из крепости, куда заранее был введен крупный гарнизон, разгромить врага. Я.П. Сапеге удалось расстроить планы противника. Он развернул свое войско в боевой порядок, чтобы напасть на полки И. Шуйского во время их движения. Его замысел не удался. Полки кн. И.И. Шуйского успели занять выгодные позиции у с. Рахманцева еще до начала атаки тушинцев. Гетман бросил на противника полк А. Лисовского, но «лисовчики» повернули назад, не вступив в соприкосновение с противником[48]. Правительственные войска контратаковали и нанесли большой урон полку А. Лисовского. Я.П. Сапега ввел в бой полк Я. Микулинского[49]. Тушинцам удалось отбросить ратников Шуйского обратно к их позициям. Царские воеводы попытались контратаковать противника и добились некоторого успеха, но опять были вынуждены отступить, так как гетман отправил на помощь Я. Микулинскому и А. Лисовскому пятигорцев. Третья контратака воинов И. Шуйского оказалась удачной — они обратили в бегство полки Я. Микулинского и А. Лисовского. Дрогнул полк М. Вилямовского, стоявший на правом фланге тушинцев, а затем полк Я. Стравинского, находивший-

ся на левом фланге[50]. Правительственные войска охватили полк Я.П. Сапеги, находившийся в центре, и отбили у противника всю артиллерию. Сам гетман едва не попал в плен. С большим трудом Я.П. Сапега пробился в обоз, где у него остался последний резерв — две гусарские и две пятигорские роты. Лихая атака гусар и пятигорцев решила исход сражения. Воины правительственной армии считали, что уже одержали победу и не ожидали контратаки. В критический момент боя воевода кн. И.И. Шуйский и Ф.В. Головин трусливо бежали, бросив своих воинов. Лишившись воеводы, сторожевой полк вместо помощи ратникам других полков начал отступление. За ним последовала значительная часть большого полка. Воевода передового полка кн. Г.П. Ромодановский выстоял и попытался с оставшимися ратниками восстановить положение, но на него обрушились пришедшие в себя полки сапежинцев. Передовой полк был разбит, его воевода Г.П. Ромодановский ранен, его сын Алексей убит. Преследование бегущих продолжалось четыре мили[51]. Информаторы автора Новостей сообщили совершенно фантастическую цифру убитых ратников правительственной армии — 14 тыс. Наемников, по их свидетельству, пало около 300 [52]. Русские источники показывают, что убитых и раненых было очень много, но большая часть правительственного войска после поражения разошлась по домам. Бояре, по словам авторов Разрядных записей и Нового летописца, вернулись на Пресню «с невеликими людьми»[53]. Рахманцевское сражение закончилось серьезным поражением правительственных войск, но это был далеко не разгром, как его пытались представить сапежинцы[54].

Приведенные факты не подтверждают предположения И.С. Шепелева, что причиной поражения правительственного войска у с. Рахманцева явилось нежелание дворян и других ратников сражаться за царя Василия Шуйского. В правительственном войске были дворяне из Замосковья, которые после Болховского сражения побывали в стане самозванца[55]. Они прекрасно знали, что будет с их вотчинами и поместьями в случае прорыва сапежинцев в их родные края. Не случайно бой у Рахманцева был весьма упорным, инициатива трижды переходила из рук в руки и правительственное войско было близко к победе. Причиной поражения у Рахманцева, по всей видимости, явились трусость и бездарность воевод кн. И.И. Шуйского и

Ф.Г. Головина, которые допустили серьезные ошибки в ходе боя и явно недооценили противника. Победа в сражении у Рахманцева открыла приверженцам Лжедмитрия II дорогу в Замосковный край.

§ 3. Москва после Рахманцевского сражения

В литературе утвердилось мнение, что после поражения правительственных войск у Рахманцева в Москве среди бояр, дворян и посадских начались разброд и шатание, которые фактически привели к параличу власти в столице[56]. До недавнего времени в качестве основного источника о происшествиях в Москве использовался Новый летописец. Действительно, памятник содержит наиболее полный рассказ о событиях конца 1608/1609 г. в столице, но он лишен точных дат, что затрудняет их анализ в контексте других событий русской Смуты. Данные документов Архива, Дневника Я. Сапеги и Разрядов открывают возможность, проверив показания Нового летописца, уточнить сложившиеся представления о событиях в Москве осенью 1608 г.

Через неделю после Рахманцевского сражения, 30 сентября (10октября) 1608 г., к Я.П. Сапеге явились перебежчики из Москвы дети боярские Максим Муранов, Вешняк Еремеев(?) и немец Виктор Франк, которые сообщили, что из-за недавнего поражения в столице произошли волнения народа[57]. Перебежчики сообщили Я. Сапеге, что во время волнений «сенаторы и весь мир» всерьез рассматривали вопрос об отрешении В. Шуйского от власти[58]. Указание на то, что царю пришлось держать ответ перед «сенаторами и всем миром», наводит на мысль, что оппозиция в столице пыталась созвать импровизированный Земский собор, который должен был решить вопрос, как быть с царем-неудачником. Примечательно, что вопрос о признании самозванца, судя по рассказу перебежчиков, не ставился. Москвичи слишком хорошо знали, что прежний «царь Дмитрий» убит, и, видимо, пообщавшись с тушинцами, уже разобрались, что принесет им захват столицы цариком. В конце концов «сенаторы и мир», по свидетельству перебежчиков, согласились, чтобы царь решил проблему пребывания литовцев в России до Покрова, т. е. до 1 (11) октября 1608 г., или уступил престол более достойному кандидату[59].

Новый летописец, Б. Болтин, автор Казанского сказания свидетельствуют, что, получив известия о поражении под Рахманцевым и об уходе по домам многих детей боярских, царь Василий понял, что теперь ему не избежать новой осады, и начал к ней готовиться[60]. Овладев ситуацией в столице, он, как обычно делалось в то время в таких случаях, организовал среди москвичей и воинов правительственных войск присягу оборонять город «без измены»[61]. Москвичи и воины правительственных войск, по данным Нового летописца, поклялись защищать столицу до конца. Однако в последующие дни многие «боярские дети и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дьяки, и подьячие» перебрались из Москвы в Тушино. Василий Шуйский, видя, что его войско тает на глазах, был вынужден отвести свои полки в Москву под прикрытие городских стен[62]. Проверка показала, что летописец не совсем точно обрисовал ситуацию, сложившуюся в столице. Масштабы отъезда чинов Государева двора он явно преувеличил. Собранные нами данные о службах столичных чинов в конце 1608 — начале 1609 г. показывают, что Государев двор в целом остался верен Шуйским. В Тушино отъехала лишь небольшая часть стольников, стряпчих, дворян московских, выборных дворян и дьяков. Причем некоторые из них сделали это гораздо раньше Рахманцевского боя[63]. Не совсем точен летописец, утверждая, что городовые дети боярские поехали в Тушино прямо из Москвы. Многие из них действительно побывали в Тушине, но не сразу, а после присяги их городов Вору. Служившие тогда в столице дворяне, Б. Болтин, автор Казанского сказания, кн. С. Шаховский привели иные данные. Б. Болтин прямо говорит, что дети боярские, новгородцы, псковичи, заволжских городов, казанские, мещерские татары, чуваши и черемиса, узнав о прорыве тушинцев в Замосковье, отправились «по домам» вслед за дворянами — участниками Рахманцевского сражения. Примечательно, что, когда царь Василий пытался убедить их остаться, дворяне, по словам Б. Болтина, заявили: «Нашим де домом от литвы и от русских воров быть разоренным»[64]. Автор Казанского сказания полностью подтверждает показание Б. Болтина. По его словам, *«воини же Замосковных градов не восхотеша царю Василью служити, глаголя: не хотим умерети на Москве, поидем во своя грады»*[65]. Аналогичные данные привел в

своей «Летописной книге» кн. С. Шаховский: *«Помалу ж войско царево начало оскудевати — и разыдошася кождо восвояси. Царь же Василей, видев войско свое умалено, и повеле внити во град воеводам и врата градские затворити»*[66]. Примечательно, что этот отвод правительственных войск, по данным Разрядов, произошел на Николин день зимний, т. е. 6 (16) декабря 1608 г. — два месяца спустя после Рахманцевского боя[67]. Таким образом, основная масса дворян и служилых людей из Москвы, как показывают очевидцы, отправилась отнюдь не в Тушино, а в свои уезды, чтобы там на месте попытаться защитить свою собственность от грабежа.

Василий Шуйский учел сложившуюся ситуацию и внес существенные коррективы в свои первоначальные планы, о чем свидетельствуют его служебные назначения вскоре после Рахманцевского сражения. Царь, как показывают Разряды, отправил на Рязань «для сбору ратных» дворянина московского кн. Д.И. Долгорукого и выборного дворянина Ф.И. Леонтьева[68], в Ярославль — боярина кн. А.В. Голицына[69], в Нижний и Муром — стольника кн. Ю.Д. Хворостинина[70], в Смоленск — дворянина московского кн. Я.П. Барятинского и выборного дворянина С.Г. Ододурова[71], в Касимов «к царю» — дворянина московского кн. И.М. Барятинского и голов[72]. Владимирский воевода выборный дворянин Т.Ф. Сеитов получил приказ организовать сопротивление сапежинцам в Замосковье[73]. Царь попытался использовать для борьбы с тушинцами даже некоторых опальных. К примеру, он приказал сосланному в деревню окольничему И.И. Годунову ехать на воеводство в Нижний Новгород[74]. Были произведены новые назначения в полках правительственных войск у Москвы. Раненый в Рахманцевском сражении кн. Г.П. Ромодановский был заменен 23 сентября (3 октября) 1608 г. в должности второго воеводы передового полка думным дворянином Г.Г. Пушкиным[75]. Окольничий Ф.В. Головин 13 (23) октября 1608 г. был отставлен «за болезнью». Вторым воеводой сторожевого полка царь поставил дворянина московского кн. М.М. Шеховского[76]. Московские власти, как показывают выявленные данные, отнюдь не были парализованы поражением у Рахманцева. Наоборот, В. Шуйский и его окружение принимали отчаянные усилия, чтобы овладеть ситуацией и продержаться до получения помощи от кн. М.В. Скопина-Шуйско-

го со шведами и вызванного из-под Астрахани Ф.И. Шереметева, ногайцев и крымцев.

§ 4. Начало обороны Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей

Покинув поле Рахманцевского сражения, войско Я. Сапеги днем 23 сентября (3 октября) 1608 г. подошло к Троице-Сергиеву монастырю, в котором намеревалось стать лагерем.

Троице-Сергиев монастырь в начале XVII в. являлся авторитетнейшим религиозным центром России, богатейшим хозяйственным комплексом. Только в Замосковье троицким монахам принадлежало около 196 тыс. десятин земли, не считая поросших лесом, 6.236 крестьянских и 657—671 бобыльских дворов[77]. Ежегодный доход троицких монахов составлял огромную по тому времени сумму — 1500 руб.[78] Центром Троице-Сергиева монастыря была мощная каменная крепость, возведенная в 1540—1550-х годах на возвышенном месте, окаймленном крутыми оврагами реки Кончуры и ее притоков. Укрепления состояли из 12 башен, соединенных стенами общей протяженностью 1.250 м, высотой 8—14 м, толщиной 1 м. В башнях размещалось 110 пушек. На стенах, прикрытых от выстрелов врагов специальной галереей, устанавливались приспособления для метания камней, бревен, вара и смолы. Подступы к крепости преграждали рогатки и надолбы. Внутри крепости размещались храмы, монашеские кельи, многочисленные служебные помещения, в которых хранились значительные запасы продовольствия и снаряжения[79]. Все это позволяло успешно оборонять крепость малыми силами в течение длительного времени и контролировать Дмитровскую, Ярославскую и Старомынскую дороги, которые связывали Москву с Замосковным краем, Поморьем, Поволжьем и Сибирью[80]. Учитывая важное стратегическое положение крепости, руководство Тушинского лагеря наметило создать в Троицкой крепости опорный пункт своего господства на северо-востоке страны. Испанец Х. Кузатти в своем письме к Я. Сапеге прямо указывает, что владения Троице-Сергиева монастыря рассматривались тушинцами как «имение» Я. Сапеги, где он должен был получить все необходимое для содержания своих солдат[81]. Лжедмитрий II и его

советники полагали, что, склонив на свою сторону авторитетную троицкую братию, смогут завоевать признание и поддержку народа. С помощью богатств монастыря, о которых ходили легенды, они намеревались рассчитаться с наемниками.

Исследователи по-разному оценивают численность троицких осадных сидельцев. Назывались цифры от 2,5 до 8 тыс. человек[82]. Нам удалось отыскать копию польского документа 1609 года, данные которого подтверждают выводы Д.П. Голохвастого и А.В. Горского[83], основанные на русских источниках, что в крепости находилось примерно 3—3,5 тыс. осажденных, из них около 2—2,5 тыс. воинов[84]. Основу гарнизона крепости составили воинские силы монастыря: монахи Троицкого и Подольного монастырей, имевшие боевой опыт и способные носить оружие (общая численность монахов составляла около 320 человек), 130—150 слуг, около 800 даточных крестьян, а также жители села Клемятьева, которое фактически было посадом Троицкой крепости[85]. Правительство Василия Шуйского прислало в крепость отряд под командованием воевод окольничего кн. Г.Б. Долгорукова, московского дворянина А.И. Голохвастого и голов выборных дворян переяславцев В. Зубова, Ю. и А. Редриковых, коширянина С. Марина, алексинца И. Ходырева, владимирца кн. И. Болховского, тулянина И. Есипова и юрьевца И. Внукова. Источники свидетельствуют, что отряд состоял примерно из 700—800 дворян, 110 стрельцов и небольшого количества служилых казаков[86].

Ян Сапега и его полковники явно рассчитывали, что после побед, одержанных тушинцами над правительственными войсками под Москвой, защитники Троицы, подобно жителям большинства русских городов и крепостей, не окажут им сопротивления. Но их ждало разочарование. Троицкая братия составляла цвет российского монашества. Власти монастыря — архимандрит Иоасаф, соборные старцы казначей Иосиф Девочкин-Кочергин, чашник Нифонт Змеев, житник Симион, Иона Скобелицын и др., — по всей видимости, прекрасно понимали, что захват монастыря наемниками-иноверцами и казаками грозит «поруганием веры», разграблением накопленных богатств и другими бедами. Они призвали укрывшихся в Троице людей не сдаваться сапежинцам и в дальнейшем стали душой обороны крепости. Многие троицкие старцы, приняв

пострижение, не порывали связей с миром и покровительствовали своим родственникам и знакомым. В трудное время эти связи помогли старцам сплотить осажденных. Не случайно в дальнейшем родственники монахов дворяне Стоговы, Редриковы, Тимановы и др., слуги Рязановы, Павловы, Конищевы и др., а также клементьевские крестьяне стали наиболее стойкими защитниками Троицкой крепости[87]. Неоднократные обращения Я. Сапеги с предложением сдаться оказались безрезультатными[88]. Автор знаменитого «Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря», которое широко использовалось историками для реконструкции событий обороны Троицкой крепости, привел в своем сочинении тексты писем Я. Сапеги и Лисовского к воеводам и властям обители с предложением сдаться и их ответного послания с отповедью «слугам дьявола»[89]. Анализ показал, что тексты писем целиком заимствованы келарем из литературного источника «Повести о прихождении польского короля Стефана Батория под град Псков»[90]. В действительности все обращения гетмана к защитникам монастыря остались без ответа[91].

А. Палицын пишет, что ожесточенные бои между защитниками крепости и сапежинцами развернулись в первые же часы появления сапежинцев у Троицы. Осажденные якобы при приближении противника сожгли все постройки и слободы вокруг монастыря и совершили успешную вылазку навстречу врагу, а в сентябре — октябре будто бы выдержали шестинедельный артобстрел монастыря и отбили три штурма крепости[92]. Проверка показала, что рассказ келаря о сожжении слобод, удачной вылазке в первый день осады, шестинедельном артобстреле и первых штурмах крепости легендарны и заимствованы из литературных источников «Повести о взятии Царьграда турками» и «Повести о прихождении польского короля Стефана Батория под град Псков»[93]. В действительности, как видно из троицких и сапежинских документов, в первые недели боевые действия ни с той, ни с другой стороны не велись. Я. Сапега и его воины построили два укрепленных лагеря — в Терентьевской роще и на Красной горе, а затем приступили к подготовке штурма крепости[94]. Гетману не удалось раздобыть осадной артиллерии. Самозванец прислал ему только одно орудие, которое стреляло каленными ядрами. Во всех других восьми

батареях, сооруженных тушинцами на Красной горе и у Терентьевской рощи, были размещены полевые орудия, которые не могли повредить стен и были бессильны против 110 пушек крепости. Эти орудия, по-видимому, были предназначены для защиты подступов к лагерям сапежинцев и для обстрела предполья Троицкой крепости. Вероятно, по этой причине Я.П. Сапега сделал ставку на взятие крепости при помощи рва и подкопа, который тушинцы повели под Пятницкую башню. Осадные работы затянулись из-за наступивших холодов и заняли весь октябрь и половину ноября 1608 г.[95]

Первые столкновения у Троицы, как свидетельствуют авторы Дневника Я.П. Сапеги и Выписи вылазкам, произошли в октябре 1608 г., когда сапежинцы перерезали сообщение защитников монастыря с внешним миром через подземный ход. Троицкие ратники совершили вылазки 8, 10, 24, 26 и 29 октября 1608 г., во время которых разведывали позиции противника и помогали гонцам преодолевать вражеское боевое охранение. Почти все стычки закончились победой троицких ратников. Они разгромили несколько застав сапежинцев, ранили А. Лисовского и захватили в плен ротмистра И. Бузовского. Только 10 октября троицкие ратники потерпели поражение. Предатели, монастырский слуга Осип Селевин и его служка, предупредили врагов о готовящейся вылазке и помогли организовать засаду[96]. Стычки у Троицы в сентябре — октябре 1608 г. носили локальный характер, и их значение не следует преувеличивать.

Одновременно с захватом Троицы тушинцы планировали овладеть важным стратегическим пунктом к северо-западу от столицы — Иосифо-Волоколамским монастырем, который, как показал в своем исследовании А.А. Зимин, в начале XVII в. обладал значительным, весьма прибыльным хозяйством и являлся авторитетнейшим духовным центром страны. Братия владела вотчинами в Волоколамском, Старопольском, Тверском, Рузском, Клинском, Дмитровском, Московском, Звенигородском, Козельском уездах. Только в Рузском, Волоцком уездах ей принадлежало около 23.446 четвертей земли в одном поле. В Рузском уезде на землях монастыря размещались 1.293 крестьянских дворов[97]. В 1605 г. в казне обители находилось, по подсчетам В.И. Ульяновского, 8.370 руб.[98] Богатства монастыря, о которых ходило много слухов, манили наемников.

Костяк войска П. Руцкого, по всей видимости, составлял его полк, в котором, по данным Росписи войска самозванца, служило 1.150 кавалеристов[99]. Его, как свидетельствует Й. Будила, усилили погребицкими казаками[100]. Василий Шуйский, судя по данным Разрядов, не успел ввести в Иосифо-Волоколамский монастырь гарнизон правительственных войск. Монастырь, видимо, был вынужден защищаться своими силами, которые к тому времени были изрядно истощены предшествующими боями с повстанцами. Основу гарнизона крепости составили монахи, монастырские слуги (поподсчетам И.С. Шепелева, монастырю служили 276 детей боярских и служек)[101], даточные крестьяне и окрестные жители[102]. Они, как и троицкие осадные сидельцы, ответили отказом на предложение тушинцев сдаться и сели в осаду. О ходе осады монастыря известно очень мало, т. к. его архив 1608/1609 г. погиб во время взятия крепости тушинцами. Из случайных упоминаний в записках иноземцев известно, что предпринятые П. Руцким в конце 1608 г. попытки захватить монастырь стоили «немало крови с обеих сторон». Сам полковник был тяжело ранен[103]. В результате героической обороны Иосифо-Волоколамского монастыря значительная тушинская группировка была скована многомесячной осадой крепости.

§ 5. Утверждение власти тушинцев в Переяславском, Юрьевском, Суздальском уездах

В литературе под влиянием нарративных источников сложилось представление, что поражение правительственной армии в Рахманцевском сражении повлекло за собой массовый переход потерявшего всякие политические ориентиры населения Замосковного края и других областей России на сторону самозванца. Только ростовчане пытались встать против тушинцев, за что были жестоко наказаны врагами[104]. И.С. Шепелев считал, что успехи тушинцев были достигнуты благодаря массовым выступлениям народа, искренне верившего, что самозванец принесет им лучшую долю, и явному нежеланию дворян сражаться за «боярского царя»[105]. Документы архива Я.П. Сапеги дают возможность уточнить сложившиеся представления. Они свидетельствуют, что сразу после Рахманцевс-

кого сражения присягу самозванцу принесли только жители прилегавших к Троице-Сергиеву монастырю восточных волостей Московского уезда, Александровской слободы и ее окрестностей[106]. Из челобитных крестьян и свидетельств иностранцев видно, что их слободы, деревни и села, оказавшись в полосе наступления войск Я.П. Сапеги, стали добычей тушинских фуражиров-загонщиков, которые отнимали у крестьян продовольствие, деньги, имущество, грабили церкви[107]. Население ждало, что царь Василий постарается защитить их от «воинских людей», но правительственные отряды вместо помощи занялись грабежом крестьян и посадских, подготавливая столицу к осаде. Жители Подмосковья оказались между молотом и наковальней[108]. Они решили искать защиты у Лжедмитрия II и принесли ему присягу 23—27 сентября 1608 г.[109] Большое впечатление на присягнувших произвело разбирательство, которое устроил Я. Сапега в своем стане по поводу разграбления монастыря и церквей Александровой слободы. Войско публично приговорило слуг наемников-пахоликов, виновных в грабеже, к суровому наказанию[110]. Расправа породила иллюзии, что новая власть решительно покончит с подобными эксцессами.

Дворяне, посадские и крестьяне большинства городов и уездов Замосковного края в тот момент, по-видимому, продолжали надеяться на В. Шуйского и его воевод. Побывавший в стане Лжедмитрия II после Болховского сражения владимирский воевода Т.Ф. Сеитов, получив приказ Василия Шуйского организовать отпор тушинцам в Замосковье, энергично взялся за дело и, по-видимому, укрепил эти надежды. Он сослался с властями Суздальского, Муромского, Ярославского, Переяславского и Ростовского уездов и передал им распоряжение царя: крепить осаду и одновременно направить под его начало детей боярских и даточных. Местом сбора дворянского ополчения воевода наметил Переяславль-Залесский[111]. Тем временем сапежинские фуражиры-загонщики, как показывают челобитные крестьян Лжедмитрию II, проникли вглубь Переяславского уезда[112]. Местные приказные не имели достаточно сил, чтобы воспрепятствовать грабежам и насилиям, т. к. значительная часть местных дворян села в осаду в Троице-Сергиевом монастыре[113]. Сбор правительственной армии затягивался, а слухи о наказаниях пахоликов в лагерях у Троицы обнадеживали. Вероятно,

не без колебаний, часть переяславских дворян, посадские и крестьяне, вслед за подмосковными крестьянами и жителями Александровой слободы, решили целовать крест Лжедмитрию II и просить защиты у Я.П. Сапеги. Посольство переяславцев с изъявлением покорности прибыло к гетману 7 (17) октября 1608 г.[114]

Послы переяславцев, по-видимому, сообщили Я. Сапеге о приготовлениях воеводы Т.Ф. Сеитова. Уже на следующий день гетман отправил в Переяславль-Залесский небольшой отряд, командирами которого назначил наемника Петра Головича и обрусевшего шведа, торговца из Ярославля Тимофея Бьюгова (Лауренса Буйка)[115] с приказом приводить к присяге местных жителей, а если откажутся, — «воевать, бить, палить, брать»[116]. Секретари Я. Сапеги и А. Юшизыский свидетельствуют, что основу отряда составляли 300 запорожских казаков, которые накануне доставили в лагерь Я. Сапеги из Тушина пушку для обстрела Троицкой крепости калеными ядрами[117]. Гетман усилил их тремя гусарскими ротами[118]. Эти данные полностью подтвердил А. Рожнятовский, проехавший через Замосковье вскоре после разгрома Ростова. Он упомянул, что отряд состоял из 600 запорожцев и татар[119]. Тушинцы заняли Переяславль-Залесский, где к ним, по данным Нового летописца, присоединились местные дворяне[120]. А. Рожнятовский отметил, что их было около 200[121]. Таким образом, общая численность тушинского отряда достигала примерно 800 человек.

Тем временем Т.Ф. Сеитов выступил в поход из Владимира 8 (18) октября 1608 г. во главе владимирского и муромского ополчений. Воевода, судя по его отписке, намеревался по дороге соединиться с суздальцами и юрьевцами, а затем — с ратными из Ростова и Ярославля в Переяславле-Залесском[122]. Ему, по-видимому, удалось выполнить первую часть плана, однако во вторую, после занятия Переяславля-Залесского отрядом П. Головича и Т. Бьюгова, пришлось внести существенные коррективы. Из Юрьева-Польского отряды Т.Ф. Сеитова перешли в Ростов, где соединились с ростовчанами и ярославцами[123].

Уход приверженцев Василия Шуйского в поход с Т.Ф. Сеитовым, по всей видимости, создал благоприятные условия для тушинской пропаганды и сильно ослабил проправительственные силы на местах. В городах появились посланные П. Го-

ловичем и Т. Бьюговым дворяне и дети боярские, которые стали убеждать местных жителей принести присягу «царю Дмитрию»[124]. Документы архива Я. Сапеги свидетельствуют, что прежде всего тушинским агитаторам удалось добиться успеха в Юрьевском уезде. Как это произошло — точно не известно, т. к. имеющиеся в нашем распоряжении источники на этот счет молчат. Юрьевский уезд, как и Переяславский, находился в непосредственной близости от тушинских лагерей у Троицы и, судя по всему, сразу же подвергся грабежам загонщиков[125]. Оставшись без защиты, после ухода отрядов Т.Ф. Сеитова, местные посадские, крестьяне и часть дворян, по-видимому, решили целовать крест самозванцу, надеясь таким образом спасти свои жизни и имущество. Их посольство явилось к Я. Сапеге через пять дней после переяславцев — 12 (22) октября 1608 г.[126]

О перевороте в Суздале известно гораздо больше. П. Голович и Т. Бьюгов направили сюда детей боярских П. Бекетова, И. Родионова, К. Петрикеева, С. Федосеева и В. Никитина, которые прибыли в город 14 (24) октября 1608 г.[127] Появление тушинских посланцев, как показывают источники, вызвало замешательство среди готовившихся к осаде суздальцев[128]. Новый летописец рассказывает, что группа дворян во главе с М. Шиловым поддержала П. Бекетова и организовала присягу самозванцу. Архиепископ Галактион и духовенство, по его словам, якобы «за то не стояли». Сразу же в город будто бы явился полковник А. Лисовский с воеводой Ф.К. Плещеевым и стал «многую пакость» делать суздальцам[129]. В рассказе позднего летописца переплелись явные ошибки и неуклюжие попытки обелить архиепископа Галактиона[130] и видного деятеля земских ополчений Ф.К. Плещеева[131]. П. Бекетов в своей отписке прямо говорит об участии архиепископа и духовенства в присяге самозванцу[132]. Аналогичные сведения приводятся и в Похвальной грамоте Лжедмитрия II суздальцам[133]. Составитель Разрядной книги 40-х годов XVII в. указал, что подлинным организатором крестного целования Вору в Суздале являлся выборный дворянин Ф.К. Плещеев-Смердов, а не Меньшик Шилов[134]. Утверждение Нового летописца, что Ф.К. Плещеев прибыл в Суздаль вместе с полковником А. Лисовским, вскоре после утверждения власти тушинцев в городе, не подтверждается данными документальных источников. Они показывают, что А. Лисовский по-

явился в Суздале только после восстания владимирцев против тушинцев в марте 1609 г.[135], тогда как Ф.К. Плещеев находился в городе уже в октябре — ноябре 1608 г.[136] Тушинские власти обычно щедро жаловали людей, которые выступали инициаторами и организаторами присяги самозванцу. Часто именно они получали назначения на воеводство в приведенных ими ко кресту городах. К примеру, окольничий И.И. Годунов, убедивший владимирцев перейти на сторону самозванца, был назначен воеводой во Владимир[137]. Кн. Ф.П. Барятинский, организовавший присягу ярославцев самозванцу, сохранил за собой пост воеводы Ярославля[138]. М. Шилов с первых месяцев властвования тушинцев в Суздале оставался заурядным сыном боярским[139]. Ф.К. Плещеев-Смердов, наоборот, был пожалован в окольничие и назначен суздальским воеводой[140]. Это наблюдение дает основание предположить, что более достоверной является версия Разрядов: главным организатором присяги суздальцев Вору являлся Ф.К. Плещеев, а не М. Шилов[141].

В середине 1608 г. тушинский отряд под командованием П. Головича неожиданным ударом из Переяславля-Залесского захватил Ростов Великий и учинил в городе кровавую резню. В литературе установилось мнение, что тушинцы стремились запугать население городов и уездов, еще не признавших власть самозванца[142]. Иногда даже указывается, что присяга других городов Замосковья Вору произошла только после разгрома Ростова[143]. Источники разного происхождения не подтверждают сложившихся представлений о ростовских событиях. Они свидетельствуют, что тушинцам противостояли не одни ростовцы, а отряд воеводы кн. Т. Сеитова, который состоял из ростовских, владимирских, ярославских детей боярских и даточных, возможно, юрьевцев, суздальцев и костромичей и др.[144] Не случайно, по данным секретарей Я.П. Сапеги и А. Рожнятовского, в отряде Т. Сеитова служило около 2 тыс. детей боярских, и тушинцы захватили на поле боя большое количество боевых знаков[145]. Многие воины вместе с кн. Т. Сеитовым участвовали в Болховском сражении, после чего принесли присягу Лжедмитрию II, а затем бежали к Шуйскому[146]. У них были все основания опасаться за свою жизнь и имущество.

П. Голович и Т. Бьюгов, как следует из челобитной сына боярского Тимофея Грачева, будучи в Переяславле-Залесском,

отправили в Ростов к митрополиту Филарету и жителям Ростова своих посланников с грамотой, в которой предложили принести присягу самозванцу. Митрополит приказал своим детям боярским схватить их и бросить в тюрьму[147]. Весть об этом, по-видимому, явилась сигналом для выступления отряда П. Головича и Т. Бьюгова к Ростову. Новый летописец рассказывает, что, получив известия о приближении тушинцев, ярославские дети боярские и даточные предложили митрополиту оставить Ростов и сесть в осаду в Ярославле, где имелись укрепления, но Филарет Романов настоял на том, чтобы дать бой в поле у Ростова. Это решение породило разброд среди воинов правительственного отряда. Многие ярославцы, по-видимому, предпочли покинуть Ростов накануне боя с тушинцами[148]. Филарет Романов и Т.Ф. Сеитов, по-видимому, рассчитывали, что, имея значительное численное превосходство на тушинцами: 2 тыс. воинов против 800[149], — легко расправятся с врагами. Они не учли, что в полевом сражении конники П. Головича вполне могли с успехом противостоять наспех сколоченному правительственному отряду[150]. На рассвете 15 (25) октября 1608 г. тушинцы внезапно атаковали вышедший из Ростова в походном порядке отряд Т. Сеитова, смяли его и обратили в бегство[151]. На плечах противника тушинцы ворвались в город и зажгли дома. Воины правительственного отряда и жители Ростова, по свидетельству очевидцев, «бились до упаду»[152], но их действия были дезорганизованы, и они не смогли изменить ход боя. В конце концов защитники города были оттеснены к соборной церкви, где они затворились вместе с Филаретом и духовенством и в течение нескольких часов отбивали атаки противника[153]. Митрополит, осознав, что положение безнадежно, попытался добиться снисхождения, выйдя из храма к тушинцам с хлебом и солью. Как только дверь открылась, тушинцы ворвались в храм и перебили всех, кто там находился[154]. Филарет и Т.Ф. Сеитов в простых рубищах были брошены в телегу и отправлены в Тушино как пленники[155]. Митрополит был обласкан самозванцем и вернул себе сан «нареченного» патриарха. Тушинцы, по всей видимости, не простили Т.Ф. Сеитову «измены» на Угре после Болховского сражения. Имя воеводы с этого момента исчезает из источников. Скорее всего, он был казнен. Богатейшее убранство кафедрального собора в Ростове подверглось разграбле-

нию. Под клинками наемников и казаков погибли уникальные образцы древнерусского искусства. Тушинцам досталась огромная добыча, которая произвела на наемников сильное впечатление[156].

Новый летописец, стремившийся всячески обелить Филарета Романова и представить его действия как подвиг «крепкостоятельства» за православную веру, возложил всю вину за происшедшее на переяславцев, которые, будто бы явившись «всем городом», навели тушинцев на Ростов и стали главными инициаторами грабежей[157]. И.С. Шепелев увидел в участии переяславцев в грабеже имущества митрополита Филарета Романова и его детей боярских одно из ярких проявлений классовой борьбы[158]. Спредположением исследователя трудно согласиться. Секретари Я. Сапега свидетельствуют, что инициатива присяги Переяславля-Залесского Вору исходила прежде всего от городовых детей боярских, а не от посадских и крестьян[159], поэтому, говоря о действиях переяславцев, Новый летописец, вопреки предположению исследователей, имел в виду прежде всего дворян, а не восставших посадских и крестьян. Участник событий — поручик А. Юшинский в письме Я.П. Сапеге прямо указал, что инициаторами грабежа были запорожские казаки, а не переяславцы[160]. Выявленные данные показывают, что нет достаточных оснований для вывода, что участие переяславцев в ростовских событиях являлось проявлением классовой борьбы.

§ 6. Присяга Лжедмитрию II ярославцев, угличан, романовцев, пошехонцев, вологжан и галичан

Разгром правительственного отряда в Ростове открыл дорогу тушинцам в приволжские города и уезды Замосковного края и Поморья. Из Ростова П. Голович отправил в города, не признавшие Лжедмитрия II, своих посланцев с предложением принести присягу «царю Дмитрию». Первыми целовали крест самозванцу жители Ярославля — одного из самых крупных городов Замосковья. Уже 18 (28) октября 1608 г. их посольство явилось в лагерь Я. Сапеги у Троицы с изъявлением покорности[161]. И.С. Шепелев, анализируя обстоятельства перехода ярославцев на сторону самозванца, обратил внимание на рассказ откупщика Михалки, который сообщил устюжанам, что ини-

циаторами присяги Ярославля Вору были «чернь со князем Федором Барятинским»[162]. Историк пришел к выводу, что этот акт явился результатом «победы социальных низов»[163]. Наблюдения исследователя нуждаются в уточнениях. Документальные источники показывают, что поражение ярославских дворян в бою у Ростова вызвало панику в Ярославле. Купцы, среди которых было много иностранцев, прекрасно знали, что их ждет, как только Ярославль окажется в руках тушинских наемников, и, забрав все свои товары, покинули город[164]. Поражение и бегство наиболее последовательных сторонников В. Шуйского склонило чашу весов в пользу самозванца. Прибывший в город швед Т. Бьюгов, в течение долгих лет проживший в России и хорошо знавший многих ярославцев, легко убедил их присягнуть Лжедмитрию II[165]. Примечательно, что источники не содержат данных относительно выступлений «социальных низов» против властей и «верхов». Наоборот, присягу Вору вместе с Т. Бьюговым организовал воевода кн. Ф.П. Барятинский[166]. Подписи под Повинной грамотой ярославцев Лжедмитрию II показывают, что вместе с воеводой и чернью целовали крест царику все городское духовенство, дворяне[167]. Посольство ярославцев в Тушино возглавили дворяне, а отнюдь не вожди восставшей черни[168]. Это посольство возглавляли дети боярские, уже присягавшие после Болховского сражения самозванцу[169]. Они явно не испытывали никаких иллюзий относительно самозванца, но, по-видимому, не видели иного выхода спасти свое имущество. Присяга ярославцев самозванцу, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, явилась вынужденным актом со стороны местных земцев, а отнюдь не победой «социальных низов», как полагал И.С. Шепелев.

Следом за ярославцами принесли присягу самозванцу угличане. Их посольство, которое возглавляли местные дворяне, приехало к Я.Сапеге 19 (29) октября 1608 г.[170] Дети боярские Т. Бирдюкин-Зайцев, С. Сивцов и Т. Грачев, отправленные Т. Бьюговым и М. Уездовским из Ростова в Романов, 21 (31) октября 1608 г. привели романовцев к кресту на имя «царя Дмитрия»[171]. Сын боярский ярославец И. Борщов, посланный Т. Бирдюкиным-Зайцевым из Романова, убедил перейти на сторону самозванца пошехонцев[172]. В те же дни Вору присягнули костромичи. Их посольство, в которое входили архимандрит Ипа-

тьевского монастыря Феодосий, игумен Богоявленского монастыря Арсений, дворяне, дети боярские и посадские, миновало Ярославль по дороге к Троице 23 октября (2 ноября) 1608 г.[173]

И.С.Шепелев полагал, что только население Устюжны-Железнопольской в Западном Поморье, подобно жителям Устюга Великого в Центральном Поморье, заняло выжидательную политику и воздержалось от присяги Вору[174]. Источники не подтверждают этого наблюдения. По данным А.Рожнятовского, Устюжна-Железнопольская присягнула Вору около 29 октября (8 ноября) 1608 г.[175] Движения в пользу самозванца в Западном Поморье и Новгородских пятинах, таким образом, слились воедино.

К 26 октября (5 ноября) 1608 г. тушинцам удалось добиться перехода на сторону самозванца Вологды[176], а к 1 (11) ноября — Галича[177]. Голландец И. Масса, находившийся в то время в Вологде, написал в своих мемуарах, что присяга вологжан самозванцу будто бы произошла вопреки воле воеводы Н.М. Пушкина и дьяка Р.М. Воронова, которых народ отрешил от должности и заключил в темницу[178]. Н.И. Костомаров, проанализировав это свидетельство, пришел к выводу, что в городе произошло восстание черни против властей[179]. Н.И. Покровский, опираясь на данные документальных источников, подверг сомнению показания голландского купца. Он совершенно справедливо заподозрил И. Массу в стремлении обелить покровительствовавших иноземным купцам воевод[180]. И.С. Шепелев согласился с доводами Н.И. Костомарова и пришел к заключению, что тенденциозными являются как раз Отписки ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского, в которых он всячески стремился продемонстрировать Я. Сапеге свою верную службу и лояльность вологодских властей. Вологда, по мнению исследователя, перешла на сторону самозванца в результате восстания народа, иначе непонятно, почему в дальнейшем выступившие против тушинцев горожане восстановили Н.М. Пушкина и Р.М. Воронова в своих должностях, а не расправились с ними, как костромичи с кн. Д.В. Горбатым-Мосальским[181]. Построения историка, на наш взгляд, несколько искусственны. В архиве Соликамского уездного суда отложились документы, вышедшие из правительственного лагеря, которые полностью подтверждают показания ярославского во-

еводы кн. Ф.П. Барятинского. Устюжане в своей отписке вычегодцам прямо говорят, что воеводы Н.М. Пушкин и Р.М. Воронов рассылали грамоты с призывом целовать крест самозванцу и крестоприводные записи[182]. Вологодские воеводы, таким образом, не только сыграли важную роль в организации присяги Вору в Вологде, но и пытались склонить к этому соседей — устюжан, вычегодцев и тотьмичей[183]. Их арест произошел позже, когда незадолго до восстания против тушинцев в город приехали посланные самозванцем Ф.И. Нащекин и дьяк И.В. Коверниев и между старыми и новыми воеводами, как в Ярославле, вспыхнул острый конфликт[184]. Н.М. Пушкин и Р.М. Воронов, как видно из Отписки ярославского воеводы, действовали с благословения архиепископа Вологодского при активном участии дворян, детей боярских и посадских[185]. Смена власти в городе прошла мирно, без каких-либо расправ черни над имущими. Все эти факты показывают, что присяга Вору в Вологде произошла по решению «всего местного мира», а отнюдь не в результате социального восстания черни.

Ярко охарактеризовал настроения, царившие в Поморье, слуга Мнишков А. Рожнятовский, застрявший в то время на Вологодчине. Он зафиксировал появление множества самых невероятных слухов, будораживших умы людей. Пленные иноземцы не знали что и думать, опасаясь, что им не удастся выбраться из России. Они разузнали, что длительная остановка не устраивала не только их, но и сопровождавших их стрельцов, которые, по-видимому, терпели убытки и боялись за свои семьи. Конвойные были готовы пойти на крайние меры: арестовать голов, чтобы как можно быстрей доставить пленников до границы[186]. Примечательно, что, когда встал вопрос о присяге Лжедмитрию II, все они поначалу воспротивились, а затем, под угрозой расправы, уступили. Не прошло и нескольких дней, как стрельцы, улучив момент, бежали, оставив поляков одних, без какого-либо сопровождения и охраны[187].

Многочисленные слухи, ходившие по Замосковью и Поморью осенью 1608 г. и способствовавшие переходу на сторону самозванца многих городов и уездов, привели к совершенно противоположному результату в Устюге Великом, Сольвычегодске, Перми и Вятке. Эти земли находились на значительном удалении от основных театров военных действий и имели воз-

можность выждать. Получив известия о погромах в Ростове и о реквизициях в Ярославле и Вологде, местные земские миры решили не испытывать судьбу и подождать, чем закончится противоборство Василия Шуйского и ЛжедмитрияII[188].

§ 7. Присяга Вору владимирцев, муромцев, арзамасцев

Весьма похожая с Ярославлем сложилась ситуация в южных уездах Замосковья. Накануне боя у Ростова 14 (24) октября 1608 г. владимирцы, как донесли суздальскому воеводе Ф.К. Плещееву посланные им во Владимир дворяне Г. Аргамаков и Г. Мякишев, намеревались сесть в осаду[189]. Разгром воеводы Т.Ф. Сеитова и бывших в его отряде владимирских дворян, видимо, заставил их изменить первоначальные планы. Во Владимир «прибрел пеш» окольничий И.И. Годунов[190], возвращенный В. Шуйским из опалы и назначенный на воеводство в Нижний Новгород[191]. Сосланный с конфискацией имущества при Лжедмитрии I и не восстановленный в чинах и правах при В. Шуйском некогда могущественный родственник Бориса Годунова, как свидетельствует его рассказ, не питал никаких иллюзий относительно своей карьеры при дворе царя Василия. Он решил искать счастья на службе у самозванца. Заручившись поддержкой суздальского воеводы Ф.К. Плещеева, И.И. Годунов и его родич М.И. Вельяминов убедили «всех владимирцев и с уездом» принести присягу самозванцу[192]. В Тушино во главе с воеводой М.И. Вельяминовым было отправлено посольство, в состав которого входили протопоп соборной церкви Лука, дворяне и посадские. Оно прибыло к Я. Сапеге в лагеря у Троицы 23 октября (2 ноября) 1608 г.[193] Решение о присяге Вору, как можно судить по составу посольства, принималось местным миром вынужденно, под давлением обстоятельств, а не в результате социального бунта низов.

Вскоре после переворота во Владимире окольничий И.И. Годунов отправил в Коломну отписку с предложением целовать крест «царю Дмитрию»[194]. Архиепископ Феодосий и коломничи, после кровавых боев с отрядом полковника А. Лисовского в первой половине 1608 г., прекрасно знали, с кем имеют дело, и наотрез оказались присягать Вору[195]. Аналогичную позицию заняли и жители Переяславля Рязанского. С.Ф. Пла-

тонов выяснил, что рязанские дети боярские во главе с братьями Ляпуновыми твердо стояли за В. Шуйского, т. к. весной 1608 г., опасаясь А. Лисовского, отправили свои семьи в столицу, которые фактически стали заложниками[196]. Возможно, в «крепкостоятельстве рязанцев» не последнюю роль сыграли доходы, которые приносили поставки продовольствия в осажденную столицу[197]. По данным И.С. Шепелева, осенью 1608 г. Василий Шуйский, готовясь к осаде, получил от П. Ляпунова значительные хлебные запасы в дворцовых селах и направил их в Москву и Коломну[198].

Больших успехов И.И. Годунов достиг в юго-восточных городах и уездах Замосковного края. Здесь, как после крестного целования ярославцев, начался массовый переход местного населения на сторону самозванца. Буквально сразу после захвата власти во Владимире И.И. Годунов склонил к присяге Лжедмитрию II муромцев[199], а чуть позднее — арзамасцев[200]. Посольство арзамасцев побывало у Я. Сапеги 11 (21) ноября 1608 г.[201] Вскоре, как установил П.Г. Любомиров, Тушинскому вору целовали крест жители Гороховецкого и Балахонского уездов[202].

§ 8. Ситуация в Среднем Поволжье

В середине ноября 1608 г. тушинцы предъявили ультиматум жителям Нижнего Новгорода, отказавшимся целовать крест самозванцу[203]. П.Г. Любомиров, проанализировав события конца 1608 г. в Нижнем Новгороде, пришел к выводу, что нижегородский мир, ведущую роль в котором играли посадские, будучи предоставлен сам себе, не только не откололся от В. Шуйского, но и «развил энергичную борьбу против тушинцев»[204]. Данные ноябрьской 1608 г. Отписки архимандрита Нижегородского Вознесенского монастыря Иоиля игумену Луховской Тихоновой пустыни Ионе позволяют уточнить выводы исследователя. Обращает на себя внимание весьма сдержанный тон письма. Архимандрит в своем послании постарался избежать гневных обличений, столь характерных для московских церковных властей. К примеру, цитируя письмо луховского игумена, он счел для себя возможным назвать Лжедмитрия II «царем Дмитрием», а не Вором. При этом пояснил, что истинный царевич Дмитрий Углицкий похоронен в Архангельском собо-

ре в Москве. Весьма примечательны в письме призывы к лушанам и балахонцам не воевать с нижегородцами, а также уверения, что в Муроме и Владимире ратных людей нет, а те люди, которые эти города «смутили», будто бы ушли под Москву[205]. Нижегородцы устами архимандрита явно призывали соседей выждать и не допустить, чтобы воровские люди устроили кровопролитие между ними. Получив известия об успехах тушинцев в Замосковье, они, судя по письму Иоиля, решили, подобно устюжанам, сохранить верность В. Шуйскому и выждать, чем закончится его противоборство с самозванцем. Решение вступить в открытый конфликт с тушинцами городской мир принял позднее, вероятно, после того, как стало ясно, что принесла воровская власть населению Замосковья.

Успехи тушинцев в Замосковье дали импульс угасавшему было очагу повстанческого движения в Среднем Поволжье. Владимирские воеводы известили Я. Сапегу, что им удалось убедить присягнуть на верность Лжедмитрию II касимовцев и шатчан. Их посольства проехали Владимир 16 (26) ноября[206]. Незадолго до их прибытия в сапежинский лагерь у Троицы, 12 (21) ноября 1608 г. у гетмана побывали послы темниковских татар[207]. В ноябре — декабре 1608 г. восстание поволжских народов, как выяснил И.П. Ермолаев, охватило Алатырский, Цывильский, Свияжский, Чебоксарский уезды и, перекинувшись на Луговую сторону Волги, отрезало его от Нижнего Новгорода и Замосковья[208] В феврале 1609 г. к Я. Сапеге добрались посланцы восставшего Саратова. Как видно, еще в конце 1608 г. очаги повстанческого движения в Нижнем и Среднем Поволжье соединились[209]. Отряд арзамасских мурз Бибая и Теребердея напал на Чебоксары и блокировал там посланный Ф.И. Шереметевым правительственный отряд, которым командовали казанские головы Тимофей Есипов и Михаил Онучин. Сообщение между Нижним и Казанью оказалось прерванным[210]. Боярин Ф.И. Шереметев, на войска которого уповал В.И. Шуйский и его сторонники, добравшийся к середине ноября 1608 г. до Казани, оказался в окружении[211].

§ 9. Оборона Новгорода Великого

В ноябре 1608 г. из Тушина к Новгороду Великому направился тушинский отряд, которым командовал полковник Я. Кернозицкий[212]. Офицер, как установил польский исследователь В. Полак, поступил на службу самозванцу почти одновременно с М. Меховецким[213], но вплоть до осени 1608 г. не играл сколько-нибудь заметной роли в движении самозванца. Примечательно, что его фамилия даже не упоминается в Реестре войска самозванца. Этот факт наводит на мысль, что он, возможно, являлся единомышленником зарубленного Р. Ружинским М. Меховецкого, и его, таким образом, вместе с другими приятелями прежнего гетмана удалили из Тушина. Не случайно в отряде Я. Кернозицкого, по данным Бельского летописца, было мало наемников, и он в основном состоял из украинских казаков полковника Грица (по Реестру, в его полку служило 700 запорожцев)[214] и русских тушинцев из городов Литовской украины и Псковщины, которыми командовал боярин Ф.М. Плещеев[215]. По сведениям шведов, в отряде служило около 2 тыс. степных казаков и 4 тыс. русских тушинцев[216]. Местом сбора тушинских сил являлась Старая Русса[217].

Вести о приближении тушинцев, по данным шведов, вызвали новые «колебания духа горожан»[218]. Кн. М.В. Скопин-Шуйский решил остановить врага на подступах к городу. Воевода М.И. Татищев, по версии Нового летописца, вызвался возглавить «посылочный» отряд, но против этого единодушно выступили новогородцы. Они заявили племяннику царя, что третий новгородский воевода намеревается изменить и сдать город тушинцам[219]. Сведения, полученные в Речи Посполитой из Тушинского лагеря в начале 1609 г., подтверждают показания Нового летописца. По данным Новостей, М.И. Татищев намеревался перейти на сторону Тушинского вора, но был разоблачен[220]. И. Тимофеев выдвинул против второго новгородского воеводы несколько иные обвинения. Он считал, что М.И. Татищев делал все, чтобы выслужиться и вернуться ко двору. В Москве он будто бы намеревался, оказавшись в центре интриг, низложить В. Шуйского и возвести на престол своего человека[221]. Судя по рассказу дьяка, новгородцы припомнили М.И. Татищеву злоупотребления властью и полностью возло-

жили на него вину за сентябрьские события в Новгороде Великом[222]. Всех этих обвинений оказалось достаточно, чтобы перепуганный кн. М.В. Скопин-Шуйский без суда и следствия выдал М.И. Татищева на растерзание толпе[223]. Его имущество было конфисковано[224]. Приведенные данные не подтверждают гипотезы И.С. Шепелева, что расправа над М.И. Татищевым явилась ярким проявлением классовой борьбы в Новгороде Великом[225]. Более точным представляется наблюдение С.Ф. Платонова, что третьего новгородского воеводу не без основания сделали козлом отпущения[226].

В середине ноября 1608 г., как установил С.Ф. Платонов, тушинцы подошли к Новогороду Великому, стали у Спаса на Хутыни и занялись грабежами окрестностей[227]. В городе, по данным шведов, вновь произошли волнения народа[228]. Многие дворяне, по сведениям Нового летописца, отъехали к «ворам», вероятно, пытаясь службой самозванцу спасти свои поместья от грабежей[229]. Кн. М.В. Скопину-Шуйскому, вероятно, не без труда, удалось убедить новгородцев сесть в осаду. Я. Кернозицкий перерезал дороги на Москву, Ивангород, Орешек и организовал блокаду Новгорода[230]. Автор Бельского летописца показал, что между новгородцами и тушинцами были «многие бои»[231]. Однако, как выяснили шведы, стычки носили исключительно оборонительный характер. Кн. М.В. Скопин-Шуйский не решался предпринимать решительных действий против тушинцев, т. к. не вполне полагался на верность горожан, а также потому, что одна из неудачных вылазок стоила ему 400 человек убитыми[232]. Примечательно, что шведы ничего не сказали об участии в обороне города детей боярских. Если сопоставить это наблюдение с показаниями Нового летописца об отъездах новгородских дворян из города, то можно предположить, что их вклад в оборону Новгорода Великого был весьма скромным[233]. Видимо, правы были шведы, когда пришли к заключению, что кн. М.В. Скопин-Шуйский не был в состоянии нанести поражение тушинцам и освободить от них Новгородскую землю без помощи извне[234].

§ 10. Москва и Подмосковье в конце 1608 г.

Достигнув головокружительных успехов в Замосковье и Поморье, сапежинцы решили одним лихим ударом овладеть Троице-Сергиевым монастырем и предпринять штурм крепости до окончания осадных работ. А. Палицын, как показал анализ Сказания, не разобравшись в воспоминаниях очевидцев, описал его дважды как два разных штурма. В третьем часу ночи с 1 на 2 ноября 1608 г. штурмовые колонны сапежинцев с лестницами, щитами и турами двинулись со всех сторон к стенам крепости. Приступ оказался полной неожиданностью для защитников монастыря. Сапежинцам удалось вплотную подойти к стенам крепости и зажечь пивной двор. Пламя пожара осветило атакующих и позволило троицким пушкарям и стрельцам открыть прицельный огонь по противнику. Кинжальные залпы троицкой артиллерии решили исход сражения. Сапежинцы понесли значительные потери, смешались и, побросав осадные приспособления, бросились назад. Первый штурм Троицы полностью провалился[235].

Поражение заставило Я.П. Сапегу и его воинов спешить с завершением осадных работ. Тем более что защитники Троицы узнали от пленных о грозящей им опасности и начали принимать контрмеры. Воеводы приказали прорыть глубокий ров вдоль восточной стены монастыря, чтобы перехватить подкоп. Слуга Влас Корсаков с несколькими товарищами начал «делать слухи», чтобы определить куда ведется подкоп. Одновременно троицкие ратники предприняли ряд крупных вылазок, стремясь обнаружить и уничтожить «устье» — начало подкопа. Довольно быстро защитники Троицы установили, что сапежинцы прокладывают подкоп под Пятницкую башню. По приказу воевод внутри монастыря позади этой башни была возведена дубовая стена на тот случай, если сапежинцам удастся осуществить задуманное. Перебежчик указал, где расположено устье подкопа. Однако троицким ратникам никак не удавалось пробиться к нему. Вылазные отряды попадали под прицельный огонь вражеских батарей и несли большие потери. Контратаки превосходящих сил противника заставляли их отступать. В одном из боев защитники монастыря потеряли 190 человек убитыми. Старец Левкия и несколько клементьевских крестьян попали в плен[236].

Первый успех был достигнут 9 ноября 1608 г. А. Палицын, описывая события того дня, объединил рассказы двух очевидцев и ошибочно датировал их 11 ноября 1608 г. Эти рассказы можно легко выделить и после взаимной проверки использовать в качестве дополнения к скупым строкам Выписи вылазкам. В тот день вылазные отряды вновь попали под губительный огонь вражеских батарей и были контратакованы противником. Чашник Нифонт Змеев, стремясь помочь товарищам, вопреки запрету воевод открыл ворота у Пивного двора и организовал дерзкую атаку в лоб на батареи врага на Красной горе. Этот отчаянный шаг не принес результата. Атака захлебнулась под огнем вражеской артиллерии. В пылу боя никто не заметил, что небольшой отряд троицких воинов во главе с Б. Зубовым и слугой А. Селевином по Глиняному оврагу зашел в тыл противника. Удар этого отряда в решающий момент боя застал противника врасплох. Слуга Меркурий Айгустов первым ворвался на вражеские батареи и пал сраженный наповал. Подоспевшие товарищи ворвались на позиции сапежинцев и захватили все пять батарей на Красной горе. Среди тушинцев началась паника. Они, по-видимому, решили, что к троицким ратникам пришла помощь из Москвы, и бросились к своим лагерям. Пользуясь неразберихой, вылазные отряды увезли в Троицу, по одним сведениям, 8, по другим — 11 пушек и изрубили деревянные части укрепления на дрова. Победа подняла боевой дух троицких ратников, но уничтожить подкоп в тот день не удалось[237].

Два дня спустя воеводы учли опыт предшествующих боев и бросили почти все силы на батареи у Терентьевой рощи. На этих батареях завязался ожесточенный бой. Тем временем группа подрывников обнаружила устье подкопа и начала подготавливать его к взрыву, но тут сапежинцы атаковали вылазные отряды и отбросили их к стенам монастыря. Голова И. Внуков со своими воинами попытался исправить положение, но этого ему не удалось. Сапежинцы вот-вот должны были достичь устья подкопа, и тогда все усилия троицких воинов пропали бы даром. В этот момент совершили подвиг подрывники — клементьевские крестьяне Солота и Никон Шилов. Они взорвали подкоп вместе с собой. Поставленная задача была выполнена, и вылазные отряды отступили в крепость. Новый штурм Троицы был сорван. Победа досталась дорогой ценой. В бою погибли

головы И. Внуков, И. Есипов, слуга-богатырь Данило Селевин и 174 воина, 66человек были ранены[238].

В последние недели ноября 1609 г., как видно из Выписи вылазкам и Дневника, защитники Троицы попытались развить успех, достигнутый в боях 9 (19) и 11 (21) ноября. Они совершили несколько вылазок на позиции противника. А. Палицын рассказал об этих боях, со слов очевидцев, в 30-й главе Сказания. Он засвидетельствовал, что именно в этих боях совершили подвиги монахи отряда Ферапонта Стогова и Малафея Ржевитина (всего 20 чел.), в решительный момент боя атаковавшие в лоб сапежинское войско; молоковский крестьянин Суета, в одиночку сдержавший наступательный порыв врагов; отличились слуги П. Тенетев, М. Павлов. Погиб голова А. Редриков. Противнику был нанесен значительный урон, однако уничтожить батареи врага у Терентьевской рощи не удалось[239].

Ситуация в Москве в конце 1608 — начале 1609 г. остается недостаточно изученной. Показания источников на этот счет весьма скудны. И.С. Шепелев высказал предположение, что жители столицы и царские войска, ослабленные массовыми отъездами дворян и служилых людей в Тушино, вели неравную борьбу с 20-тысячным войском «интервентов» и их приспешников. Единственный серьезный бой они смогли дать тушинцам только накануне Филиппова заговенья — 13—14 ноября 1608 г.[240] Данные о численности тушинского войска, приведенные исследователем, кажутся преувеличенными. В Тушине, после ухода полков Я. Сапеги, А. Лисовского, М. Виламовского, Я. Стравинского, Я. Микулинского, Руцкого, Грица и некоторых других, оставались полки Р. Ружинского, А. Зборовского, М. Велегловского, В. Валевского, А. Вишневецкого, И.М. Заруцкого и некоторое число запорожцев, общая численность которых, по данным Реестра войска самозванца, составляла около 10—11 тыс. человек[241]. Но и эти данные, видимо, тоже завышены, т. к. некоторые роты из этих полков посылались в походы против приверженцев В. Шуйского. Некоторые наемники были назначены на воеводства, другие — вместе со слугами разбрелись по своим «приставствам», третьи — вернулись в Речь Посполиту, разочаровавшись в самозванце. Примечательно, что А. Рожнятовский, находившийся в Тушине с конца ноября 1608 г. по январь 1609 г., подметил, что в тушинских

полках осталось «мало всадников», т. е. наемных солдат, а новые пополнения самозванец в основном получал от донских и запорожских казаков[242]. Правительственные источники свидетельствуют, что в русской части войска самозванца протекали те же процессы, что в правительственных войсках при длительных осадах крепостей или «стояниях»: в зиму многие дворяне и дети боярские украинных городов, участвовавшие в походе Лжедмитрия II на Москву, разъехались из Тушина по поместьям[243]. Присягнувших самозванцу городовых дворян, детей боярских и служилых людей Замосковья и Поморья тушинское руководство, как видно из полученных в Вологде показаний разных лиц, старалось использовать в основном для подавления последних очагов сопротивления правительственные силы и призывало в Тушино лишь «понемногу», и то «без оружия»[244]. Приведенные данные позволяют высказать предположение, что общее количество тушинских войск вряд ли достигало 20 тыс. человек.

Утверждение Нового летописца, что после Рахманцевского сражения из-за массового отъезда дворян и детей боярских царь Василий был вынужден отвести свои полки в Москву[245], создало обманчивое впечатление, что силы правительственных войск в Москве иссякли и они отказались от активных боевых действий. И.С. Шепелев совершенно справедливо отметил, что, по данным Разрядов, царские полки вплоть до Николиного дня зимнего [т. е. до 6 (16) декабря 1608 г.] оставались в своих прежних лагерях на Пресне и на Ходынке[246]. Это наблюдение позволяет по-новому взглянуть на свидетельство холопа воеводы Третьяка Сеитова, допрошенного в Вологде, что под Москвою перед Филипповым заговением (т. е. перед 12—13 ноября 1608 г.) был большой бой и что *«...московские люди многих литовских людей побили и до табар топтали»* [247]. И.С. Шепелев, первым обративший внимание на показания холопа, отметил, что эти данные не подтверждаются другими источниками[248]. В Новом летописце приведен недатированный рассказ о полковнике Бобковском, который похвалялся захватить Москву, но был разгромлен[249]. Ротмистр Бобковский прибыл в Тушино после Ходынского боя в середине лета 1608 г.[250], когда, по данным источников разного происхождения, никаких серьезных боев между правительственными войсками и

тушинцами, за исключением Рахманцевского боя, не было. 25 марта (4 апреля) 1609 г. Бобковский и его приятель А. Млоцкий отправились в Серпухов, чтобы организовать взятие Коломны, и находились там вплоть до распада Тушина[251]. Прибывший в Тушино в конце 1608 г. А. Рожнятовский свидетельствует, что вплоть до середины декабря 1608 г. (т. е. до отвода правительственных войск в столицу) между москвичами и тушинцами происходили частые кровопролитные стычки, а затем боевая активность государевых полков почти сошла на нет[252]. Это последнее наблюдение дает основание предположить, что рассказ о разгроме Бобковского и есть описание боя на Филиппово заговенье. Не случайно заключительная часть этого рассказа как две капли воды совпадает с описанием боя холопа Т. Сеитова: *«Литовских людей побиша на голову, а достальных топташа до табар; едва в таборех со страху устояше»*[253]. Тушинцы, как видно из повествования Нового летописца, так же как 1 (11) ноября 1609 г. у Троицы, опьяненные успехом в Замосковье и Поморье, попытались неожиданной лихой атакой разгромить, как им казалось, полностью деморализованного врага и были за это жестоко наказаны правительственными войсками. В течение конца ноября — начала декабря 1608 г. московские полки, как и троицкие осадные сидельцы, пытались развить успех, но тушинцы использовали тактику засад и вынудили их перейти к обороне. Василий Шуйский не лгал в своих окружных грамотах в ноябре — декабре 1608 г., когда утверждал, что верные ему бояре, дворяне и дети боярские, служилые люди и москвичи «все единомышленно ходят за святыя Божии церкви и за православную крестьянскую веру с боры битися до смерти»[254]. Правительственные силы пытались воспользоваться ослаблением противника и при помощи военных акций изменить ситуацию под Москвой в свою пользу, но не достигли поставленных целей.

Неудачи привели к новым отъездам в Тушино. Слуга Мнишков отметил в записи за 2 (12) декабря 1608 г., что «Нагой, Воротынский и другие бояре и знатные воеводы, которые держали оборону, бежав, предались нам»[255]. Упоминание среди бежавших свояка В. Шуйского кн. И.М. Воротынского — явная ошибка. Его служба в Тушине не зафиксирована ни в одном источнике. Иное дело — Нагой. Это, по-видимому, стольник

А.А. Нагой, который стал у Вора боярином и главой Поместного приказа[256]. В записях 3 (13), 6 (16), 16 (26) и 18 (28) декабря 1608 г. А. Рожнятовский зафиксировал массовые отъезды дворян в Тушино: «Из Москвы также почти каждый день на другую сторону предавались» и «до полудня перешло несколько десятков бояр от противника на нашу сторону[257]. Именно эти отъезды членов Государева двора, дворян и детей боярских, судя по всему, заставили Василия Шуйского отвести свои поредевшие полки за стены Деревянного города. В осаде, по данным Б. Болтина, остались «заречные и украинные дети боярские, которые в воровстве не были» и которым некуда было ехать, и немного детей боярских из Замосковья[258]. Примечательно, что, по данным Разрядов, во время передислокации число полков было сокращено: бояре кн. И.И. Пуговка-Шуйский и И.Н. Романов расположились с большим полком у Тверских ворот, боярин кн. И.М. Воротынский и окольничий Г.П. Ромодановский с передовым полком — у Петровских ворот, окольничий Д.И. Мезецкий с государевым полком — у Никитских ворот, а Г. Валуев остался на заставе с частью воинов государева полка на Ваганькове[259]. А. Рожнятовский разузнал от перебежчиков, что Василий Шуйский, опасаясь мятежа, подготовил Кремль к осаде, приказав установить на его стенах пушки, снятые с укреплений Земляного и Деревянного городов[260]. Царские войска перешли к обороне. Все попытки тушинцев заманить московские вылазные отряды в засады, как видно из записей А. Рожнятовского, успеха не принесли[261].

Проведенный анализ обстоятельств утверждения власти тушинцев в Замосковье не подтверждает гипотезы И.С. Шепелева, что столь блестящих успехов тушинцы добились благодаря классовой борьбе народных масс, продолжавших верить в доброго «царя Дмитрия». В документах отсутствуют сведения о народных расправах над дворянами, богатыми гражданами и царской администрацией. В тех местах, где имели место народные волнения, присягу Вору организовывали либо царские воеводы, например кн. Ф.П. Барятинский и И.Н. Пушкин, либо опальные дворяне, такие, как окольничий И.И. Годунов, или местные князьки — Иль-Мурза Юсупов, во всех посольствах к самозванцу были представители дворян, посадских и крестьян. Головокружительные успехи, как и раньше, были достигнуты

тушинцами вследствие ослабления государственного порядка в стране, бездарности властей, благодаря страху и замешательству, которые охватили население Замосковья и Поморья. Дворяне, вопреки мнению И.С. Шепелева, до последней возможности поддерживали царя Василия в его борьбе с тушинцами, но, потерпев поражения в сражении у Рахманцева и в бою у Ростова, вместе с посадскими и крестьянами были вынуждены принести присягу самозванцу. Земцы надеялись, что таким образом спасут свое имущество от разграбления тушинцами. Победы, одержанные самозванцем над В. Шуйским, внушали иллюзии скорого окончания войны и возвращения к мирному труду. К концу ноября 1608 г. остатки правительственных войск были блокированы тушинскими отрядами в Москве, Смоленске, Новгороде Великом, Нижнем Новгороде, Казани, Переяславле-Рязанском, Коломне, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях. Население Устюга Великого и других городов Северного и Восточного Поморья, Сибири заняло выжидательную позицию. Положение царя Василия Шуйского и правительственных сил стало почти безнадежным.

Примечания

[1] Naruszewicz A. Żywot J.K. Chodkiewicza. Warszawa, 1805. T. II. S. 250—252; Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 85—86, 103—105.

[2] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. IV. С. 500—502.

[3] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в начале XVII столетия. М., 1995. С. 237—238.

[4] Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 194—207.

[5] Делавиль Ж. Записки // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 1. С. 749.

[6] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 235

[7] Гиршберг А. Указ. соч. С. 102—103; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 104—105.

[8] Будила Й. История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1872. Т. 1. Стб. 143.

[9] Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 181.

[10] Письмо владимирского воеводы И.И. Годунова Я. Сапеге в начале ноября 1608 г. // Сборник князя Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12.3. С. 15—16.

[11] Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек. СПб, 1996. С. 130.

[12] Almkvist H. Sverge och Rysland förbundet mot Polen 1595—1611. Upsala, 1907. S. 128.

[13] Будила Й. Указ. соч. Стб. 141.

[14] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 42—43.

[15] Соловьев С. М. Указ. соч. С. 502; Шепелев И. С. Указ. соч. С. 285—286.

[16] Sapieha J.P. Op. cit. S. 193.

[17] Marchocki M. Op. cit. S. 42—43.

[18] List gońca p. Dobka do poslów 11 (21) grudnia 1609 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 5997.

[19] Marchocki M. Op. cit. S. 44

[20] Sapieha J.P. Op. cit. S. 188.

[21] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 12. Прил. С. 57; Бутурлин Д. История Смутного времени в начале XVII в. СПб., 1841. Ч. 2. С. 151.

[22] Голохвастов Д.П. Замечания об осаде Троице-Сергиевой лавры в 1608—1610 гг. // Московитянин. 1842. Ч. 3. № 6. С. 283; Горский А.В. Возражения против «Замечаний об осаде Троицкой лавры» // Московитянин. 1842. Ч. 4. № 12. С. 410; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 508; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 306—307.

[23] Гиршберг. А. М. Указ. соч. С. 102.

[24] Николаева Т.В. Народная защита Троице-Сергиева монастыря в 1608—1609 гг. М., 1954. С. 7.

[25] Rejestr wojska polskiego, które jest przy Caru na Moskwie. ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/Ш. Л. 323; Sapieha J.P. Op. cit. S. 188—189.

[26] Расспросные речи А.Ф. Палицына в Вологде // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 91. С. 188.

[27] Палицын А. Сказание... М.; Л., 1955. С. 145.

[28] Будила Й. Указ. соч. Стб. 151—160.

[29] Донесение русских лазутчиков смоленским воеводам о ситуации в Литве // Акты исторические, собранные и изданные

Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1836. Т. 2. № 174. С. 200—202.

[30] Отписка троицких воевод кн. Г.Б. Долгорукого и А.И. Голохвастова царю В. Шуйскому после 29 июня (9 июля) 1609 г. о вестях // СХ. № 38. С. 114—117; Sapieha J.P. Op. cit. S. 253.

[31] Пятигорцы — белорусские шляхтичи, вооруженные рогатинами. (Шепелев И.С. Указ. соч. С. 93).

[32] Гиршберг А. Указ. соч. С. 102.

[33] Палицын А. Указ. соч. С. 155; Sapieha J. P. Op. cit. S. 188.

[34] Там же.

[35] Белокуров С. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 15, 50, 97—98, 220—221. (Далее — Разряды); Sapieha J.P. Op. cit. S. 189.

[36] Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. С. 82; Белокуров С.А. Разряды. С. 50.

[37] Белокуров С. Разряды. С. 220—221; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (БС). М., 1979. Ч. 1. С. 149, 286.

[38] Белокуров С. Разряды. С. 220—221; Отписка ярославского воеводы Ф.П. Барятинского Я. Сапеге в октябре 1608 г. об отправке к нему посольства ярославцев // СХ. № 12.06. С. 18; Отписка ярославских воевод И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге в октябре 1608 г. о присяге ярославцев и измене кн. А. Вяземского // Там же. № 12.07. С. 18—20.

[39] Белокуров С. Разряды. С. 220—221; БС. Ч. 1. С. 187, 199.

[40] Белокуров С. Разряды. С. 220—221.

[41] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 106—107.

[42] Nowiny z Moskwy w poczatku 1609 r. Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. № 5998/Ш. Л. 330—330 об.

[43] Sapieha J.P. Op. cit. S. 189.

[44] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 106—107.

[45] Sapieha J.P. Op. cit. S. 189—191; Nowiny z Moskwy...; Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 341; Новый летописец. С. 81—82.

[46] Sapieha J.P. Op. cit. S. 189.

[47] Ibid.

[48] Ibid. S. 190.

[49] Nowiny z Moskwy...

[50] Nowiny z Moskwy...; Sapieha J.P. Op. cit. S. 190.; Новый летописец. С. 81.

[51] Новый летописец. С. 82; Sapieha J.P. Op. cit. S. 190—191; Nowiny z Moskwy...

[52] Nowiny z Moskwy...

[53] Новый летописец. С. 82; Болтин Б. Указ. соч. С. 340; Белокуров С.А. Разряды. С. 50.

[54] Sapieha J.P. Op. cit. S. 190—191.

[55] Отписка ярославских воевод И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге в октябре 1608 г. о присяге ярославцев и измене кн. А. Вяземского... С. 18—20.

[56] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 236, 238; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 120—121.

[57] Sapieha J. Op. cit. S. 189.

[58] Ibid.

[59] Sapieha J. Op. cit. S. 189.

[60] Новый летописец. С. 82; Болтин Б. Указ. соч. С. 341; Казанское сказание // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 227.

[61] Новый летописец. С. 82.

[62] Там же. С. 82.

[63] См.: Прил.

[64] Болтин Б. Указ. соч. С. 341.

[65] Казанское сказание. С. 227.

[66] Шаховский С. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII в. (ПЛДР). М., 1987. С. 392.

[67] Белокуров С.А. Разряды. С. 15, 50.

[68] Там же. С. 15, 49, 97, 186, 297; БС. 1606/1607 г. С. 257.

[69] Белокуров С.А. Разряды. С. 15.

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] Отписка владимирского воеводы Т.Ф. Сеитова митрополиту Филарету 8 (18) октября 1608 г. с известием о своем выступлении в поход против тушинцев к Переяславлю и с просьбой прислать подкрепления // АИ. Т. 2. № 98. С. 131.

[74] Белокуров С. Разряды. С. 15; Письмо окольничего И.И. Годунова Я. Сапеге о присяге Лжедмитрию II владимирцев //

СХ. № 12.03. С. 15—16; Письмо окольничего И.И. Годунова Я. Сапеге с просьбой о жаловании // Там же. № 12.28. С. 36—37.

[75] Белокуров С.А. Разряды. С. 50, 98.

[76] Там же.

[77] Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 115—127.

[78] Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. СПб., 1909. С. 160.

[79] Коробков Н.М. Крепостная стена Троице-Сергиевой лавры // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 48—64.

[80] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 21—42.

[81] Письмо Х. Крузатти Я. Сапеге 29 октября (8 ноября) 1608 г. ОР НБУАН. Ф. 103. 556 Уа. Л. 195—196.

[82] Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. IV. С.508; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 305—306.

[83] Голохвостов Д.П. Замечания об осаде Троице-Сергиевой лавры // Московитянин. 1842. Ч. III. № 6. С. 293—294; Ч. VI. № 12. С. 414.

[84] Nowiny z Moskwy...

[85] Синодик погибших в осаде. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 304; Библиотека Троице-Сергиевой лавры. № 818. Л. 202—205об; Немоевский С. Записки // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Верхомееву. М., 1907. Вып. 6. С. 240—241; Палицын А. Указ. соч. С. 132, 133, 152, 168—169.

[86] Белокуров С. Разряды. С. 253; Список сидевших в осаде дворян, стрельцов и казаков // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1846. Кн. 4. Смесь. С. 3—4; Письмо троицкого житника Симеона келарю А. Палицыну в январе 1609 г. о ситуации в осажденном монастыре // СХ. № 14. С. 82—84; Отписка троицких воевод кн. Г.Б. Долгорукому и А.И. Голохвастову 23 января (2 февраля) 1609 г. // Там же. № 18. С. 86—89.

[87] Выпись вылазкам из Троице-Сергиева монастыря // АИ. Т. 2. № 181.3. С. 211—212; Палицин А. Указ. соч. С. 152, 158, 160, 170; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 197—199, 259—263; Список сидевших в осаде. С. 3—4.

[88] Sapieha J.P. Op. cit. S. 193—195.

[89] Палицын А. Указ. соч. С. 134—137.

[90] Хворостинин И.А. Словеса дней и царей, и святителей московских // ПЛДР. С. 457—458.

[91] Sapieha J.P. Op. cit. S. 193—195.

[92] Палицын А. Указ. соч. С. 132, 137—138, 141—143, 146.

[93] Тюменцев И.О. «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» как исторический источник // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1988. Вып. 3. С. 6—7.

[94] Sapieha J.P. Op. cit. S. 193—195.

[95] Выпись вылазкам. С. 211—212; Nowiny z Moskwy...; Sapieha J.P. Op. cit. S. 191—195.

[96] Выпись вылазкам; Палицын А. Указ. соч. С. 142—144; Sapieha J.P. Op. cit. S. 193—195.

[97] Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — начало XVI в.). М., 1977. С. 185—187.

[98] Ульяновский В.И. Православная церковь и Лжедмитрий I // Архив русской истории. М.,1993. Вып. 3. С. 45—46.

[99] Rejestr wojska polskiego...

[100] Будила Й. Указ. соч. Стб. 143.

[101] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 171.

[102] Белокуров С. Разряды. С. 48, 97, 104, 126 и др.

[103] Листы смоленских лазутчиков о литовских вестях // АИ. Т. 2. № 174. С. 200—202; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 143.

[104] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 516—517; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 277.

[105] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 194—200.

[106] Крестоприводная запись детей боярских и крестьян Сенеской волости Московского уезда Лжедмитрию II 17 (27) декабря 1608 г. Riksarkivet. Skoklostersanlingen. E8610 (1). № 14 (97); Челобитная крестьян Замосковной Селенской волости Лжедмитрию II с изъявлением готовности целовать ему крест, сентябрь 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 287; Челобитная крестьян Замосковной волости Загарья Лжедмитрию II с изъявлением готовности целовать ему крест, сентябрь 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 289.

[107] Челобитная крестьян Замосковной Селенской волости Лжедмитрию II с изъявлением готовности целовать ему крест, сентябрь 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К.174. Оп. 2. Ед. хр. 287; Челобитная крестьян Замосковной волости Загарья Лжедмитрию II с изъявлением готовности целовать ему крест, сентябрь 1608 г. АСПбФИРИ РАН.

К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 289; Челобитная крестьян Закубежской волости Лжедмитрию II с просьбой защитить их от загонщиков // Дополнения к Актам историческим (ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. С. 277; Sapieha J.P. Op. cit. S. 191.

[108] Челобитная крестьян Замосковной волости Загарья Лжедмитрию II с изъявлением готовности целовать ему крест, сентябрь 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 289.

[109] Sapieha J.P. Op. cit. S. 191.

[110] Ibid.

[111] Отписка владимирского воеводы Т. Сеитова митрополиту Филарету 8(18) октября 1608 г. о своем выступлении из Владимира // АИ. Т.2. № 98. С.131.

[112] Челобитная крестьян Закубежской волости Лжедмитрию II о запрещении ратным людям грабить их волость // ДАИ. Т. 1. № 159. С. 277; Челобитная крестьян дворцовых сел Андреевского, Иркова и Жердева Переяславского уезда Лжедмитрию II с просьбой защитить от загонщиков. АСПб ФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 222.

[113] Поименный список защитников Троице-Сергиева монастыря // Тюменцев И.О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры. Волгоград, 1995. С. 99.

[114] Sapieha J.P. Op. cit. S. 193.

[115] Ibid. S. 193. К. Буссов написал, что командиром отряда был испанец Х. Крузатти (Указ. соч. С. 154), но это, видимо, ошибка. Испанец, как видно из его писем к Я. Сапеге, являлся его доверенным лицом, но никак не командиром подвижного отряда. [См.: Письмо Х. Крузатти Я. Сапеге 29 октября (8 ноября) о ситуации в Костроме. ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 4. № 556/Уа. Л. 195; Письмо дона Хуана Крузатти Я. Сапеге 29 ноября (9 декабря) 1608 г. о назревающем восстании в Костроме. ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 4. № 556/Уа. Л. 195.]

[116] List A. Juszizyskiego do J. Sapiehi 15 (25) października 1608 г. // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 41; Sapieha J.P. Op. cit. S. 193—194.

[117] Sapieha J.P. Op. cit. S. 193—194.

[118] Ibid.

[119] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 127.

[120] Новый летописец. С. 82—83.

[121] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 127.

[122] Отписка владимирского воеводы кн. Т. Сеитова митрополиту Филарету 8 (18) октября 1608 г. о своем выступлении в поход // АИ. Т. 2. № 98. С. 131.

[123] Новый летописец. С. 83; Sapieha J.P. Op. cit S. 194.

[124] Отписка сына боярского П. Бекетова в Переяславль-Залесский П. Головичу и Т. Бьюгову 14 (24) октября 1608 г. о присяге суздальцев Лжедмитрию II // АИ. Т. 2. № 99. С. 131—132; Челобитная сына боярского Т. Грачева Я. Сапеге после 15 (25) октября 1608 г. с просьбой отыскать его имущество, конфискованное ростовчанами // РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 696—697.

[125] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 r. Oddial Rukopisów Biblioteki Polskieij Akademii Naukowiej w Krakowie (OR BPAN). Ms. 345. № 91; Челобитная юрьевцев Я. Сапеге 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) с просьбой защитить их от загонщиков и навести порядок со сбором «кормов» // АИ. Т. 2. № 119. С. 147—148.

[126] Sapieha J.P. Op. cit. S. 194.

[127] Отписка сына боярского П. Бекетова в Переяславль-Залесский П. Головичу и Т. Бьюгову 14 (24) октября 1608 г. о присяге суздальцев Лжедмитрию II // АИ. Т. 2. № 99. С. 131—132; Похвальная грамота Лжедмитрия II суздальцам 23 октября (2 ноября) 1608 г. // АИ. Т. 2. № 100. С. 132—133.

[128] Отписка сына боярского П. Бекетова...; Новый летописец. С. 82; Белокуров С.А. Разряды. С. 15.

[129] Новый летописец. С. 82.

[130] Палицын А. Указ. соч. С. 123.

[131] Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения. М., 1939. Прил. С. 289.

[132] Отписка сына боярского П. Бекетова...

[133] Похвальная грамота Лжедмитрия II суздальцам...

[134] Белокуров С. Разряды. С. 15.

[135] Отписка суздальских воевод Ф.К. Плещеева и А. Посовецкого 31 марта (10) апреля 1609 г. об измене владимирцев // СХ. № 12.56. С. 62—64; Sapieha J.P. Op. cit. S. 213.

[136] Отписки и челобитная Ф.К. Плещеева Я.П. Сапеге // СХ. № 12.34. С. 42—43; АИ. Т. 2. № 161. С. 191—192; РИБ. Т. 2. № 171.5. Стб. 697.

[137] Письма И.И. Годунова Я. Сапеге осенью 1608 г. // СХ. № 12.03, 12.28. С. 15—16, 36—37; Белокуров С.А. Разряды. С. 15.

[138] Отписки ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 108, 164. С. 138, 193—194; Sapieha J.P. Op. cit. S. 196—198, 217.

[139] Следственное дело об измене дворянина Г. Аргамакова. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 301. Л. 3.

[140] Челобитная суздальцев Я. Сапеге об оставлении у них воеводой Ф.К. Плещеева // АИ. Т. 2. № 167. С. 195—196; Отписки суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге // Там же. № 351. С. 418—419.

[141] Отписка сына боярского П. Бекетова в Переяславль-Залесский П. Головичу и Т. Бьюгову 14 (24) октября 1608 г. о присяге суздальцев Лжедмитрию II // АИ. Т. 2. № 99. С. 131—132; Похвальная грамота Лжедмитрия II суздальцам 23 октября (2 ноября) 1608 г. // АИ. Т. 2. № 100. С. 132—133.

[142] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 516; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 282.

[143] Гиршберг А. Указ. соч. С. 110—111.

[144] Отписки устюжан вычегодцам в конце 1608 г. с известиями о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 88, 91. С. 179—181, 184—187; Новый летописец. С. 82; Отписка владимирского воеводы Т. Сеитова митрополиту Филарету 8 (18) октября 1608 г. о своем выступлении в поход // АИ. Т. 2. № 98. С. 131; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 176.

[145] Sapieha J.P. Op.cit. S. 194; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 127.

[146] Отписка воевод И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге в октябре 1608 г. о присяге ярославцев самозванцу // СХ. № 12.7. С. 18—20.

[147] Челобитная сына боярского Т. Грачева Я. Сапеге в октябре 1608 г. с просьбой отыскать его имущество, конфискованное ростовчанами // РИБ. Т. 2. № 171.4. Стб. 696—697.

[148] Новый летописец. С. 82.

[149] Sapieha J.P. Op. cit. S. 194; List A. Juszizyskiego do J. Sapiehi 15 (25) października 1608 г. ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 41; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 127.

[150] Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 января) 1608 г. с известиями о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 88. С. 180.

[151] Новый летописец. С. 82; Sapieha J.P. Op. cit. S. 194.

[152] List A. Juszizyskiego do J. Sapiehi 15 (25) października 1608 г...

[153] Новый летописец. С. 82; Sapieha J.P. Op. cit. S. 194.

[154] Sapieha J.P. Op. cit. S. 194—195.

[155] Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 января) 1608 г. с известиями о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 88. С. 180;

Sapieha J.P. Op. cit. S. 194—195; Палицын А. Сказание. С. 273; Новый летописец. С. 82.

[156] Sapieha J.P. Op. cit. S. 194—195; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 127; Буссов К. Указ. соч. С. 154.

[157] Новый летописец. С. 83.

[158] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 196.

[159] Sapieha J.P. Op. cit. S. 193.

[160] List A. Juszizyskiego do J. Sapiehi 15 (25) października 1608 г...; Новый летописец. С. 82; Sapieha J.P. Op. cit. S. 194—195.

[161] Sapieha J.P. Op. cit. S. 194—195.

[162] Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 января) 1608 г. с известиями о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 88. С. 180.

[163] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 202.

[164] Письмо Т. Бьюгова Я. Сапеге с донесением о сборе запасов в Ярославле // СХ. № 12.01. С. 14—15; Отписка И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге с донесением о ситуации в Ярославле // СХ. № 12.07. С. 18—20; Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 января) 1608 г...

[165] Письмо Т. Бьюгова Я. Сапеге с жалобами на И.И. Волынского и П. Головича // СХ. № 12.05. С. 17—18.

[166] Отписка кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге в конце октября 1608 г. с жалобой на К. Данилова // АИ. Т. 2. № 108. С. 138—139; Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 января) 1608 г...; Масса И. Указ. соч. С. 175.

[167] Повинная грамота ярославцев Лжедмитрию II в октябре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 101. С. 133—134.

[168] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 20 (30) октября 1608 г. об отправке к нему посольства ярославцев // СХ. № 12.06. С. 16—17; Sapieha J.P. Op. cit. S. 195.

[169] Отписка И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге с донесением о ситуации в Ярославле // СХ. № 12.07. С. 18—20; Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 января) 1608 г. с известиями о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 88. С. 180.

[170] Sapieha J.P. Op. cit. S. 195.

[171] Отписка сына боярского Т. Бирдюкина-Зайцева с товарищами Я. Сапеге после 21 (31) октября 1608 г. о присяге самозванцу романовцев и пошехонцев // СХ. № 12.04. С. 16—17.

[172] Там же.

[173] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 22 октября (2 ноября) 1608 г. об отправке к нему посольства костромичей // СХ. № 12.10. С. 22—23; Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 30 октября (9 ноября) 1608 г. об отправке в Тушино крестоприводных записей ярославцев, костромичей, пошехонцев // СХ. № 12.21. С. 31—32.

[174] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 207.

[175] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 126.

[176] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 26 октября (5 ноября) 1608 г. о присяге самозванцу вологжан // СХ. № 12.12. С. 23—24; Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 31 октября (10) ноября 1608 г. об отправке к нему посольства вологжан // СХ. № 12.13. С. 24—25; Sapieha J.P. Op. cit. S. 196.

[177] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 1 (11) ноября 1608 г. об отправке к нему посольства галичан // СХ. № 12.14. С. 25; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197.

[178] Масса И. Указ. соч. С. 176.

[179] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 338.

[180] Покровский Н.И. Начало народной войны в Московском государстве в 1608—1610 гг. // Труды историко-филологического факультета Ростовского-на-Дону университета. Ростов н/Д, 1945. Вып. 3. С. 16—17.

[181] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 204—206.

[182] Отписка устюжан вычегодцам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. о грамотах и вестях, полученных на Устюге Великом // ААЭ. Т. 2. № 89. С. 182.

[183] Отписка устюжан вычегодцам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. о грамотах и вестях, полученных на Устюге Великом // ААЭ. Т. 2. № 89. С. 182; Расспросные речи на Тотьме холопа Гав.Г. Пушкина И. Матвеева в конце ноября 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 91.3. С. 186.

[184] Отписка вологодских приказных тотьмичам о восстании в городе против тушинцев // ААЭ. Т. 2. № 91.2. С.186; Масса И. Указ. соч. С. 176.

[185] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 26 октября (5 ноября) 1608 г. о присяге самозванцу вологжан // СХ. № 12.12. С. 23—24; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 157. Прим. С. 277.

[186] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 124.

[187] Там же. С. 126—127.

[188] Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 декабря) 1608 г. о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 88. С. 179—181.

[189] Отписка П. Бекетова в Переяславль-Залесский Т. Бьюгову и П. Головичу 14 (24) октября 1608 г. о присяге суздальцев самозванцу // АИ. Т. 2. № 99. С. 131—132.

[190] Письмо окольничего И.И. Годунова Я. Сапеге между 14 (24) октября и 23 октября (2 ноября) 1608 г. о присяге самозванцу Владимира // СХ. № 12.28. С. 27—29.

[191] Белокуров С. Разряды. С. 15.

[192] Там же; Письмо окольничего И.И. Годунова Я. Сапеге между 14 (24) октября и 23 октября (2 ноября) 1608 г...

[193] Sapieha J.P. Op. cit. S.194.

[194] Отписка Т. Бьюгова Я. Сапеге об отправке к нему рыбы // СХ. № 12.3. С. 15.

[195] Палицын А. Указ. соч. С. 123; Новый летописец. С. 80—81.

[196] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 238.

[197] Грамота царя В. Шуйского вологодскому воеводе Н.М. Пушкину в феврале 1609 г. о ратных делах // АИ. Т. 2. № 157. С. 180—181; Расспросные речи московских выходцев в сапежинском стане // Там же. № 212. С. 249—250.

[198] Юшков А. Акты, представленные в Разрядный приказ после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1. № 278—279.

[199] Письмо окольничего И.И. Годунова Я. Сапеге между 14 (24) октября и 23 октября (2 ноября) 1608 г. о присяге самозванцу Владимира // СХ. № 12.28. С. 36—37.

[200] Письмо окольничего И.И. Годунова Я. Сапеге в конце октября — начале ноября 1608 г. с известием о присяге самозванцу арзамасцев и касимовцев // СХ. № 12.03. С. 15—16.

[201] Sapieha J.P. Op. cit. S. 196—197.

[202] Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 34.

[203] Отписка архимандрита Нижегородского Воскресенского монастыря Иоиля игумену Луховской Тихоновой пустыни Ионе о нежелании нижегородцев целовать крест Вору (Отписка архимандрита Иоиля) // АИ. Т. 2. № 107. С. 136—137.

[204] Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 34.

[205] Отписка архимандрита Иоиля. С. 136—137.

[206] Письмо И.И. Годунова Я. Сапеге в конце октября — начале ноября 1608 г. с известием о присяге самозванцу арзамасцев и

касимовцев // СХ. № 12.03. С. 15—16; Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) ноября 1608 г. об отправке к нему посольств касимовцев и шатчан // СХ. № 12.16. С. 26—27

[207] Sapieha J. P. Op. cit. S. 197.

[208] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII в. Казань, 1982. С. 79.

[209] Sapieha J. P. Op. cit. S. 205.

[210] Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты. М., 1916. № 394. С. 519—520.

[211] Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 79.

[212] Almkvist H. Sverge och Rysland förbundet mot Polen, 1595—1611. Upsala, 1907. С. 128—129; Новый летописец. С. 85.

[213] Polak W. O Kreml i Smoleńszczyna. Toruń, 1995. S. 24.

[214] Rejestr wojska polskiego...

[215] Бельский летописец. С. 250.

[216] Видекинд Ю. История десятилетней войны шведов в России. АСПбФИРИ РАН. К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 35, 50.

[217] Бельский летописец. С. 250.

[218] Видекинд Ю. Указ. соч. Л. 35.

[219] Новый летописец. С. 85.

[220] Nowiny w lutym 1609 r. ОР НБУАН. Ф. 5. № 168. Л. 540.

[221] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 103—105.

[222] Тимофеев И. Указ. соч. С. 128, 135.

[223] Там же. С.104; Новый летописец. С. 85.

[224] Опись имущества окольничего М.И. Татищева // Временник Московского общества истории и древностей Российских (ВМОИДР). М., 1850. Вып. 8. Смесь. С. 1—40; Тимофеев И. Указ. соч. С. 104.

[225] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 239—240.

[226] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 252.

[227] Там же.

[228] Видекинд Ю. Указ. соч. Л. 35.

[229] Новый летописец. С. 85.

[230] Nowiny w lutym 1609 r...; Бельский летописец. С. 250.

[231] Бельский летописец. С. 250.

[232] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 35, 50, 59.

[233] Новый летописец. С. 85; Видекинд Ю. Указ. соч. С. 35, 50.

[234] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 50.

[235] Выпись вылазкам из Троице-Сергиева монастыря // АИ. Т. 2. № 181.3. С. 211—212; Палицын А. Указ. соч. С. 142—143, 146.

[236] Выпись вылазкам...; Палицын А. Указ. соч. С. 144—145, 147.

[237] Выпись вылазкам...; Палицын А. Указ. соч. С. 154—156; Отписка нижегородцев пермичам в начале 1609 г. о боях с тушинцами в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 104.2. С. 205.

[238] Выпись вылазкам...; Палицын А. Указ. соч. С. 152—153.

[239] Палицын А. Указ. соч. С. 157—160.

[240] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 229, 421.

[241] Rejestr wojska polskiego...

[242] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 129.

[243] Отписка вологжан устюжанам 29 декабря 1608 г. (8 января 1609 г.) с известиями о ситуации в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 94. С. 191.

[244] Там же.

[245] Новый летописец. С. 82.

[246] Белокуров С. Разряды. С. 15

[247] Отписка вологжан устюжанам 29 декабря 1608 г. (8 января 1609 г.) с известиями о ситуации в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 94. С. 191.

[248] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 421—422.

[249] Новый летописец. С. 88.

[250] Marchocki M. Op. cit. S. 36.

[251] Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 150—151.

[252] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 128—130.

[253] Новый летописец. С. 88.

[254] Грамота В. Шуйского галичанам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 90. С. 184; Грамота В. Шуйского устюжанам 25 декабря 1608 г. (4 января 1609 г.) // Там же. № 93. С. 189.

[255] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 129.

[256] Грамота боярина кн. Ф.И. Мстиславского с товарищи в Казань об избрании королевича Владислава // ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281; Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. М., 1915. С. 344.

[257] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 130.

[258] Болтин Б. Указ. соч. С. 342.

[259] Белокуров С. Разряды. С. 15.

[260] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 130.

[261] Там же. С. 130—133.

ГЛАВА 7

ГОСУДАРЕВ ДВОР И ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУШИНЕ

Присяга Лжедмитрию II значительной части служилых людей во второй половине 1608 г. позволила тушинцам образовать новые органы государственного управления страной. До последнего времени их структура, состав, характер специально не изучались, т. к. воровские боярские списки, как и прочие документы Разрядного приказа в Тушине, погибли, а немногие сохранившиеся в различных источниках данные на этот счет приходится собирать буквально по крупицам. С.Ф. Платонов первым из историков попытался собрать и осмыслить данные о тушинских думцах. На основании прямых указаний источников он смог выявить наиболее видных бояр и окольничих Вора[1]. А. Гиршберг расширил этот перечень за счет новых лиц, при этом ошибочно включил в него участников «шатости» на Незнани стольников кн. И.М. Катырева-Ростовского и кн. И.Ф. Троекурова[2]. Дополнительные сведения отыскал И.С. Шепелев, но и он не смог избежать неточностей, указав в перечне воровских думцев бояр кн. Ф.Т. Долгорукого и кн. М.С. Туренина, которые верно служили Василию Шуйскому и отъехали к Вору только после присяги москвичей королевичу Владиславу[3]. Недавно В. Полак включил в перечень тушинских бояр никогда не служивших у царика боярина И.Н. Романова и стольника кн. И.М. Катырева-Ростовского[4]. Все эти погрешности показывают, что состав думных чинов Лжедмитрия II нуждается в проверке и уточнениях. Реконструкция архива Я. Сапеги и систематизация документов Соликамской приказной избы позволили получить массив данных, собранных по горячим следам событий, который дает возможность исследовать структуру и персональный состав Воровского двора и тушинских органов государственной власти.

Определяя, кто из бояр и дворян служил в Тушине, историки обычно опираются на имеющиеся в источниках ссылки на воровские службы того или иного человека. Можно пойти по другому пути. Используя данные Боярских списков, Разрядов, Актов и делопроизводственных материалов правительствен-

ных архивов, которые сохранились гораздо лучше, чем тушинские, мы постарались сначала выяснить, кто из высшего московского руководства, членов Государева двора верно служил Василию Шуйскому, а уже затем очертить круг тушинских «перелетов». Такой подход дает возможность не только уточнить ранее сделанные наблюдения, но и проследить процессы, протекавшие в высшем руководстве страны, в структуре Государева двора, выяснить причины, толкнувшие дворян и бояр на отъезд к Вору.

§ 1. Лжедмитрий II и Освященный собор

Вопрос об отношении высшего руководства Русской Православной Церкви к самозванцу и организации церковного управления в Тушине в литературе лишь затрагивался. Историки Церкви акцентировали внимание на то, что патриарх Гермоген и Освященный собор вели решительную борьбу с самозванцем и что в руки тушинцев попали и пострадали за веру христианскую несколько высших иерархов Русской Православной Церкви: митрополит Ростовский Филарет Романов, архиепископы Суздальский Галактион и Тверской Феоктист, епископы Коломенский Иосиф и Псковский Геннадий[5]. Только С.Ф. Платонов сделал важное открытие, свидетельствующее, что в высшем церковном управлении не все обстояло благополучно. Он установил, что в конце мая 1606 г., сразу после свержения самозванца и устранения патриарха Игнатия, оппозиция настояла на том, чтобы новым патриархом был «наречен» Филарет Никитич Романов. Однако уже через две недели В. Шуйский, нанеся поражение оппозиции, смог добиться рукоположения патриархом своего ставленника митрополита Казанского и Свияжского Гермогена[6]. Митрополит Ростовский Филарет, по мнению историка, в 1608 г. действительно пытался организовать сопротивление тушинцам в Ростове, но потерпел поражение и попал в плен[7]. Лжедмитрий II милостиво принял Филарета Романова и вернул ему сан «нареченного патриарха». Вскоре пленник, как установил С.Ф. Платонов, превратился в одну из ключевых фигур в тушинском руководстве[8], хотя в Москве его продолжали считать пленником[9]. Сохранилось несколько грамот, написанных тушинским «патриархом», в ко-

торых упоминается и Освященный собор[10]. Все эти факты свидетельствуют, что поднятые вопросы требуют дополнительного изучения.

Перечень высших иерархов Русской Православной Церкви, составлявших вместе с патриархом Освященный собор, сохранился в Росписи сенаторов Лжедмитрия I, которая, как установил В.И. Ульяновский, написана в польском окружении самозванца в апреле 1606 г.[11] В Освященный собор, возглавляемый патриархом Игнатием, входили четырнадцать иерархов: митрополиты Новгородский и Великолуцкий Исидор, Казанский и Свияжский Гермоген, Ростовский и Ярославский Филарет Романов, Крутицкий (Сарайский и Подонский) Пафнутий, архиепископы Вологодский и Великопермский Иоасаф, Суздальский и Тарусский Галактион, Рязанский и Муромский Феодорит, Смоленский и Брянский Феодосий, Тверской и Кашинский Феоктист, Архангельского собора Арсений Еласонский, Астраханский и Терской Феодосий и епископы Коломенский и Каширский Иосиф, Псковский и Изборский Геннадий, Корельский и Орешский Сильвестр[12]. После переворота 17 (27) мая 1606 г. патриарх Игнатий был устранен. В начале июня 1606 г. патриархом всея Руси был рукоположен митрополит Казанский и Свияжский Гермоген, а его прежнюю должность занял Ефрем. В конце 1606 г. в Царицыне умер архиепископ Астраханский Феодосий, и вплоть до окончания Смуты астраханская кафедра оставалось вакантной[13]. Просопографический анализ данных биографий показывает, что только трое высших иерархов Русской Православной Церкви из тринадцати, входивших помимо патриарха в Освященный собор, принесли присягу Вору: архиепископы Суздальский, Тверской и Вологодский. Архиепископ Суздальский и Туровский Галактион присягнул самозванцу в октябре 1608 г., когда часть местных дворян, посадских и крестьян приняла решение целовать крест «царю Дмитрию», чтобы спасти свои жизни и имущество от наступавших тушинских отрядов. В Тушине он побывал дважды. В первый раз ездил к самозванцу с просьбой защитить епархиальное имущество от разграбления загонщиками и добился соответствующих распоряжений тушинских властей[14]. Во второй раз прибыл в Тушино в начале 1609 г., когда Лжедмитрий II вызвал его в связи с обвинениями в измене. После

долгих разбирательств престарелый владыка, по всей видимости, был прощен, но не смог пережить унижений и умер по дороге из стана самозванца в Суздаль[15]. Архиепископ Тверской и Кашинский Феоктист, в 1606—1608 гг. один из главных вдохновителей борьбы против болотниковцев, по всей видимости, как и Филарет, попал в Тушино в качестве пленника, но никаких данных о его сотрудничестве с ворами нет. Он был убит при попытке к бегству в конце 1609 г.[16] Архиепископ Вологодский и Великопермский Иоасаф не воспротивился присяге вологжан Вору, но в источниках нет никаких указаний о его пребывании в Тушине. Скорее всего, он не был в стане самозванца, так как уже через месяц вологжане восстали против тушинской администрации[17]. Епископы Псковский и Изборский Геннадий и Коломенский и Каширский Иосиф вообще никогда не были в Тушине. Епископ Псковский Геннадий «умер от горести» во время восстания псковичей в сентябре 1608 г.[18] Епископ Коломенский Иосиф лишь несколько дней находился в руках воинов А. Лисовского и был освобожден правительственными войсками[19]. Из сорока шести наиболее авторитетных настоятелей российских монастырей, которые подписали утвержденную грамоту Борису Годунову[20], первое время пытались наладить отношения с тушинскими властями, по данным сохранившихся источников, только игумены монастырей, находившихся на территориях, занятых приверженцами самозванца: Владимирского Рождественского, Суздальского Спасо-Евфимиева (Иов), Можайских Лужицкого и Колоцкого, Переяславских Горицкого (Олимпий), Даниловского (Иона), Никитского (Леонтий), Ростовского Борисоглебского (Петр), Ярославского Спасского (Феофил), Дорогобужского Троицкого Болдина, Колязинского (Феодосий), Вологодских Спасского Каменского, Павловского, Глушицкого, Корнильевского[21].

Лжедмитрия I в Москве встретил и поддержал почти весь Освященный собор Русской Православной Церкви. Его преемнику, несмотря на все усилия, не удалось заручиться поддержкой высшего духовенства даже в момент наибольших успехов. Позиция, занятая высшими иерархами Русской Православной Церкви, не позволила собрать Освященный собор правильного состава. Упоминание в воровских патриарших грамотах Освященного собора являлось не более чем данью традиции. «На-

реченому патриарху» Филарету Романову, по всей видимости, пришлось управлять церковными делами только с «патриаршим дьяком» Григорием Терпигоревым[22].

§ 2. Лжедмитрий II и Боярская дума

В конце XVI — начале XVII в. Боярская дума по-прежнему оставалась «маховым колесом, приводившим в движение весь государственный механизм» России[23]. Ни одного решения царь не мог провести в жизнь без Думы. Вместе с Освященным собором она составляла верхнюю палату Земского собора. Бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки являлись высшими думными чинами Государева двора. Между царем и боярами, как заметил В.О. Ключевский, несмотря на все разногласия, издревле существовали особые «дружинные» отношения: «Московский государь считал своих правительственных сотрудников наследственными извечными боярами своего дома. Бояре, со своей стороны, видели в нем своего прирожденного хозяина»[24]. Именно поэтому все важные решения принимались по формуле: «Царь указал, а бояре приговорили». Иноземцев поражало, что государь не мог шагу ступить без своих бояр[25]. Разрабатывая планы подчинения России, они считали необходимым освободить царя от мелочной опеки важных думных чинов, отправив бояр по домам и вызывая их для решения дел поодиночке[26].

Р.Г. Скрынников, А.П. Павлов и В.И. Ульяновский установили, что в конце XVI — начале XVII в. за влияние в Думе боролось несколько боярских групп, и проделали большую работу по выявлению их персонального состава. Они пришли к выводу, что происхождение и близкое родство не являлись определяющим признаком принадлежности лица к той или иной группировке. Более важное значение имеют указания на опалы того или иного лица в связи с репрессиями против боярской группировки и т. п. Полученные данные позволяют продолжить эту работу на материалах 1606—1610 гг. [27]

Аристократический кружок (Шуйские). Вождями этого кружка в начале XVII в. являлись *князья Шуйские*, которые смогли оправиться после поражения 1586—1587 гг. и опалы 1605 г. А.П. Павлов и В.И. Ульяновский установили, что в ближайшее

окружение Шуйских входили братья нового царя бояре кн. Д.И. и И.И. Шуйские, кн. М.В. Скопин-Шуйский, кн. А.П., И.С. и А.П. Куракины, кн. Б.П. Татев, кн. Ф.Т. Долгорукий, окольничие кн. Б.Г. Долгорукий, И.Ф. Крюк-Колычев, И.П. и В.П. Головины, думный дворянин А.В. Измайлов и В.Ф. Янов[28]. Проверить и уточнить наблюдения исследователей позволяют данные записей гетмана Лжедмитрия II Яна Сапеги на карте Поволжья и реконструированного нами документа, озаглавленного как «Московского государства ушники, которые Государство Московское в разорение привели». Они подтверждают близость к братьям Шуйским кн. Куракиных, И.Ф. Крюка-Колычева, Головиных, Измайловых, а также дают возможность предположить, что в кружок входили следующие думные чины: бояре кн. Ф.И. Хворостинин, думный дворянин В.Б. Сукин. Думный дьяк В.О. Янов попал в кружок Шуйских только после женитьбы царя, когда стал «Шуйским по жене племя»[29]. *Князья Голицыны* в свое время оказали неоценимые услуги Лжедмитрию I в борьбе с Годуновыми, организовав заговор в правительственных войсках под Кромами, а также расправу над семьей царя и патриархом Иовом. Их родственник П.Ф. Басманов стал правой рукой самозванца. Это позволило кн. И.И., В.В., А.В., И.В. Голицыным занять высокое место при дворе самозванца. К ним, по-видимому, был близок зять кн. И.И. Голицына бывший приверженец Б. Годунова боярин С.А. Волосский. Братья Голицыны явно вынашивали далеко идущие планы, но ко времени свержения Лжедмитрия I не обладали достаточным авторитетом, силами, чтобы занять лидирующее положение среди аристократии и претендовать на престол. В сложившейся ситуации они предали Лжедмитрия I, вступили в союз с Шуйскими и стали участниками заговора. Гарантами этого союза, по мнению В.И. Ульяновского, были боярин Б.П. Татев, тетка которого была замужем за отцом кн. В.В., И.В., А.В. Голицыных, а также окольничий И.Ф. Крюк-Колычев, женатый на А.А. Голицыной[30]. *Кн. Воротынский* по знатности происхождения и заслугам предков вполне мог выступить соперником кн. В.И. Шуйского и кн. Ф.И. Мстиславского в борьбе за власть, но он, как предполагает А.П. Павлов, за участие в деле Шуйских в 1584—1586 гг. подвергся двадцатилетней ссылке[31] и, вернувшись в Думу, принял участие в заговоре, организованном

Шуйскими[32]. *Князья Трубецкие* во второй половине XVI в. занимали высокое положение в Московской думе и пытались соперничать с кн. Ф.И. Мстиславским и кн. Шуйскими. Близость с Годуновыми, судя по данным Росписи сенаторов и Разрядов, не повлияла на их положение при дворе Лжедмитрия I, и они продолжали занимать высокие места в Думе. Шуйским, по-видимому, удалось привлечь старших представителей этого рода к заговору против самозванца [33]. Родовитый *кн. Ф.И. Мстиславский* являлся неофициальным главой Боярской думы, но, будучи фигурой достаточно бесцветной, не мог претендовать на роль вождя аристократической группировки в Думе. Амбициями обладал его близкий родственник боярин П.Н. Шереметев[34]. С. Жолкевский, имевший возможность долго общаться с кн. Ф.И. Мстиславским, указал в своих мемуарах, что официальный глава Думы будто бы в заговоре против самозванца не участвовал и ничего о нем не знал[35]. Глава семибоярщины в разговорах с польским гетманом явно кривил душой, чтобы снять с себя ответственность за гибель подданных Речи Посполитой в событиях 17 (27) мая 1606 г. О заговоре знали приближенные Лжедмитрия I, такие, как боярин П.Ф. Басманов, и даже поляки и литовцы[36]. Вместе с другими руководителями заговора Ф.И. Мстиславский успокаивал волнения народа в Москве, что говорит о том, что он был в курсе происходящих событий[37].

Кружок старомосковной знати (Романовы). В конце XVI — начале XVII в. ведущее место среди нетитулованной аристократии в Думе занимали *Годуновы, Вельяминовы, Сабуровы*. По мнению А.П. Павлова, покровительством Бориса Годунова пользовались бояре М.М. Годунов, М.Б. Сабуров, П.Ф. Басманов, кн. П.И. Буйносов-Ростовский, кн. М.П. Катырев-Ростовский, С.А. Волосский, кн. Н.Р. и А.В. Трубецкие, кн. Ф.И. Хворостинин, кн. А.А. Телятевский, М.Г. Салтыков, кн. В.К. Черкасский, окольничие С.С., И.М., Я.М., Н.В. Годуновы и И.И. Годунов, П.Н. Шереметев, кн. И.Д. Хворостинин, М.М. Кривой-Салтыков, М.Б. Шеин, В.П. Морозов, М.И. Татищев, думные дворяне А.М. Воейков, А.В. Измайлов, думный дьяк А.И. Власьев[38]. Лжедмитрий I, свергнув династию Годуновых, лишил Годуновых, Вельяминовых, Сабуровых думных и дворовых чинов и подверг опале. Вскоре, однако, оставшиеся в живых родственники свергнутого царя были возвращены на службу, но, как

видно из Грамоты Лжедмитрия I и Боярского списка 1606/1607 г., прежние думные чины им не были возвращены. Годуновы были направлены на дальние воеводства: боярин М.М. Годунов — в Тюмень, окольничий С.С. Годунов — на Верхорутье, И.М. Годунов — в Пелым, Я.М. Годунов — в Свияжск, Н.В. Годунов — в Уфу. Иначе самозванец поступил с боярином М.И.Сабуровым. Он доводился братом одной из жен царевича Ивана Ивановича — мнимого старшего брата Лжедмитрия I, поэтому ему, единственному из клана свергнутого царя, удалось не только избежать открытой опалы, но и получить чин боярина. В Москву М.Б. Сабуров, однако, возвращен не был и в 1605—1606 гг. служил воеводой в Цареве-Борисове[39]. Во второй половине XVI в. *бояре Романовы* неоднократно занимали ведущее положение среди представителей нетитулованной знати в Думе и были давними противниками Шуйских в борьбе за власть. Эволюция состава их группировки довольно неплохо изучена в исследованиях С.Ф. Платонова, Р.Г. Скрынникова, В.И. Ульяновского и А.П. Павлова[40]. В 1600 г. Борис Годунов, опасаясь за судьбу династии, попытался уничтожить своих наиболее опасных в тот момент соперников. Лжедмитрий I вернул оставшихся в живых из опалы. Лидером этой группировки по-прежнему оставался Ф.Н. Романов, в иночестве Филарет. В политической борьбе в 1606 г. он, по мнению исследователей, опирался на поддержку своей многочисленной родни и свойственников бояр: И.Н. Романова, Ф.И. Шереметева, кн. А.И.Бахтеярова-Ростовского, кн. Б.М. Лыкова, кн. М.П. Катырева-Ростовского, М.Г. Салтыкова, кн. И.Н. Большого-Одоевского, окольничих М.М. Кривого-Салтыкова, В.Я. Щелкалова, думного дьяка И.Т. Грамотина[41]. В.И. Ульяновский высказал предположение, что Романовых могли поддержать и свояки бояре Ф.И. Шереметев и кн. В.М. Рубец-Мосальский с братией[42]. Вероятно, близок к Филарету был кн. И.И. Голицын-Шпак, сестра которого была замужем за А.Н. Романовым[43]. Устранение Годуновых позволило Романовым вновь занять ведущее положение среди старомосковной знати и приступить к возрождению своего политического кружка, однако противникам удалось оказать серьезное противодействие этим усилиям. Они смогли добиться, чтобы Лжедмитрий I отправил наиболее активных приверженцев Романовых на воеводства в города:

Ф.И. Шереметева — в Астрахань, кн. А.И. Бахтеярова-Ростовского — в Путивль, кн. М.П. Катырева-Ростовского — в Новгород Великий, М.М. Кривого-Салтыкова — вторым воеводой большого полка Украинного войска в Мценске[44]. Главная проблема Филарета Романова заключалась в том, что, будучи монахом, хотя и невольным, он не мог претендовать на престол. Инок Филарет избрал другой путь к власти. В 1610 г. он попытался возвести на престол сына М.Ф. Романова. В 1606 г. этот проект, судя по полному молчанию на этот счет источников, из-за малолетства претендента еще не созрел.

Опричный кружок. В первые месяцы царствования самозванца оживились бывшие опричники. Новоиспеченный боярин Б.Я. Бельский, сыгравший видную роль в свержении Годуновых, вероятно, попытался реанимировать свой старый союз с Нагими и сплотить вокруг него бывших опричников и их детей. Таковыми в Московской думе являлись: бояре П.Ф. Басманов, М.Ф., Андр.А., М.А., Аф.А. и Г.Ф. Нагие, М.Г. Салтыков, кн. Ф.И. Хворостинин, окольничий кн. И.Д. Хворостинин и кравчий И.А. Хворостинин, думные дворяне Я.В. Зюзин, А.М. Воейков, Гав.Г. и И.М. Пушкины, Г.И. Микулин, думные дьяки Б.И. Сутупов, И.Ф. Стрешнев. Летом 1605 г. Б.Я. Бельский, П.Ф. Басманов и М.Г. Салтыков инициировали «изменническое дело» бояр Шуйских и попытались разгромить наиболее влиятельную и опасную боярскую группировку в Думе. Эта затея, судя по всему, сильно напугала бояр, и они сумели принудить самозванца отказаться от радикальных мер в борьбе с оппозицией. Б.Я. Бельский был отправлен на воеводство в Новгород Великий, М.Г. Салтыков — в Ивангород[45]. П.Ф. Басманов, Нагие, Г.И. Микулин, Б.И. Сутупов вошли в Ближнюю думу самозванца[46]. Мнимые родственники самозванца, Нагие, как установил Р.Г. Скрынников, оказались втянуты в заговор против самозванца[47].

Персональный состав Боярской думы Василия Шуйского можно восстановить с помощью Боярских списков 1606/1607 г. и 1610/1611 г. В.И. Ульяновский, проанализировав Роспись сенаторов Лжедмитрия I, которая, как он полагает, была создана в апреле 1606 г. в польском окружении самозванца[48], данные разрядов и других документальных источников, составил список думных чинов самозванца[49]. В перечне бояр он указал кн.

И.П. Татева-Стародубского. Родословные росписи свидетельствуют, что у кн. Б.П. Татева не было братьев[50]. Сопоставление текста Разрядной записи, на которую ссылается В.И. Ульяновский, с другими вариантами той же Росписи обнаруживает, что переписчик ошибся, назвав боярина кн. Б.П. Татева-Стародубского Иваном, и тем самым ввел в заблуждение историка[51]. К апрелю 1606 г., как видно из Росписи сенаторов, умер боярин самозванца кн. М.В. Литвинов-Мосальский. Таким образом, в начале нового царствования в Думе заседал *сорок один* боярин.

В перечне окольничих В.И. Ульяновский упомянул подчашая кн. И.И. Курлятева и, предположительно, кравчего кн. И.А. Хворостинина. Подчашай И.И. Курлятев указан в числе окольничих в Росписи сенаторов — документе, составленном поляком, который, по-видимому, не достаточно глубоко разобрался в иерархии чинов Московского двора. Чашники, так же как и кравчие, в Боярских списках начала XVII в. писались уже исключительно среди стольников[52]. В.И. Ульяновский высказал предположение, что в самом конце царствования Лжедмитрий I пожаловал в бояре думного дворянина Г.И. Микулина[53]. Отрывок подлинной разрядной росписи свадьбы Лжедмитрия I не подтверждает этой гипотезы. Здесь Г.И. Микулин упомянут как думный дворянин[54]. В Боярскую думу в начале царствования Василия Шуйского входили 16 окольничих.

Составляя список думных дворян самозванца, В.И. Ульяновский, не без сомнений, включил в него ясельничего А.М. Воейкова и М.А. Молчанова. А.М. Воейков, как установил А.П. Павлов, был пожалован в думные дворяне еще Борисом Годуновым[55]. В этом чине он упоминается и в Росписи сенаторов при самозванце, и в начале царствования Василия Шуйского, поэтому всякие сомнения на этот счет, на наш взгляд, должны быть отброшены[56]. Иное дело — М.А. Молчанов. В Росписи сенаторов он не упоминается, а окольничим впервые назван только у Тушинского вора[57], поэтому из перечня думных чинов Лжедмитрия I, по нашему мнению, его следует исключить. В начале царствования Василия Шуйского в Боярской думе заседали 8 думных дворян.

Составленный В.И. Ульяновским перечень думных дьяков самозванца нуждается в дополнении. С.Б. Веселовский установил, что в этом чине при Лжедмитрии I служил С.В. Чередов[58].

Высшие чины в приказной бюрократии в начале царствования Василия Шуйского, таким образом, занимали 5 думных дьяков. БС 1606/7 и 1610/11 гг. свидетельствуют, что, несмотря на происшедшие в стране изменения, Василий Шуйский не включил в перечни думных чинов сосланных на дальние воеводства боярина М.М. Годунова, окольничих И.И., И.М., Н.В., С.С. и Я.М. Годуновых[59].

А.П. Павлов, проанализировав историю Боярской думы в 1598—1605 гг., выяснил, что в первый год царствования Борис Годунов не жалел думных чинов, стремясь привлечь знать на свою сторону. В результате число думцев достигло рекордного числа — 52 человека[60]. В последующие годы царь проводил целенаправленную политику по сокращению численности Думы и укреплению позиций своих приверженцев. К концу царствования Бориса Годунова Боярская дума состояла из 38 членов и включала 20 бояр, 11 окольничих, 4 думных дворян, 1 кравчего и 2 думных дьяков[61]. Лжедмитрий I, взойдя на Московский престол, также не жалел думных чинов, пытаясь наполнить Думу, как ему казалось, лояльными к нему людьми. В стране в конце мая 1606 г. общее число думцев, с учетом репрессированных Годуновых, достигло рекордной цифры — 76 человек: 42 боярина, 21 окольничий, 8 думных дворян и 5 думных дьяков. В дни переворота из Думы выбыли только 4 человека: бояре кн. В.И. Шуйский (стал царем), П.Ф. Басманов (убит), пытались организовать народные волнения и были вынуждены скрыться думный дворянин Г.И. Микулин (арестован в Вязьмах) и думный дьяк Б.И. Сутупов (бежал в Речь Посполитую)[62]. Получив в наследство от самозванца столь многочисленную Боярскую думу, В. Шуйский не имел возможности осыпать знать чинами и наградами. Архиепископ Арсений Елассонский подметил, что бояре и служилые люди, памятуя о богатых пожалованиях после коронаций Бориса Годунова и Лжедмитрия I, были очень недовольны тем, что В. Шуйский не хочет их «жаловать», как прежние государи, несмотря на богатые дары, которые они ему поднесли[63].

Первое, что сделал новый монарх, утвердившись на престоле, — назначил на ключевые посты в руководстве страной своих людей и под различными предлогами удалил недругов. В Разрядный приказ он направил нового думного дьяка Т.А. Ви-

товтова. Думный дьяк И.Ф. Стрешнев получил чин думного дворянина и назначение на воеводство в Устюг Великий. В Посольский приказ Василий Шуйский определил с чином думного дьяка В.Т. Телепнева, а И.Т. Грамотина перевел в городовые дьяки во Псков. Окольничий В.П. Головин сохранил должность казначея и главы Казенного приказа. Его товарища А.И. Власьева, переведенного в городовые дьяки в Уфу, по-видимому, сменил думный дьяк Г.Г. Желябужский[64]. Думный дьяк С. Аврамов, вероятно, попал в опалу и только в 1609 г. получил назначение вторым воеводой в Корелу[65]. Боярин М.Ф. Нагой лишился должности конюшего. Источники не содержат прямых указаний, кто стал его преемником в качестве официального главы Думы и Конюшего приказа. Судя по всему, эту роль выполнял средний брат царя Д.И. Шуйский. Именно он во время похода В. Шуйского на Тулу фактически выполнял обязанности конюшего — ведал Москвой. Примечательно, что когда боярин находился в походе против Лжедмитрия II под Болховым, то И.М. Воротынский, смотревший на свадьбе Василия Шуйского за его аргамаком, был указан в свадебной росписи «в конюшего место»[66]. Боярина кн. В.М. Рубца-Мосальского Василий Шуйский лишил должности дворецкого и выслал воеводой в пограничную Корелу. Его место занял окольничий И.Ф. Крюк-Колычев. Бывший глава Поместного приказа боярин П.Н. Шереметев был отправлен воеводой во Псков. Его товарищ С.В. Чередов хотя и остался в Москве, но был лишен чина думного дьяка и вскоре сошел со сцены. Приказом Большого прихода, по-видимому, остался ведать А.А. Нагой. Сохранили должности глав: Важской чети — окольничий М.И. Татищев, Владимирской чети — боярин А.В. Голицын. Василий Шуйский оставил звания думных дворян и должности ловчего за Гав.Г. Пушкиным и ясельничего за А.М. Воейковым, но один отправился на воеводство на Белую, другой — послом в Крым[67]. Окольничий кн. А.Ф. Жировой-Засекин выехал на воеводство в Торопец[68]. Рассчитался Василий Шуйский и с главными организаторами «дела Шуйских» при Лжедмитрии I. Они были переведены на менее значительные воеводства: оружничий Б.Я. Бельский из Новгорода Великого в Казань, М.Г. Салтыков из Ивангорода в Орешек[69]. У бояр-оппозиционеров были все основания сетовать, что «...царь же Василей вскоре по воцаре-

нии своем, не помня своего обещания <т. е. крестоцеловальной записи>, начат мстить людям, которые ему грубиша, бояр, и думных дьяков, и стольников, и дворян многих разосла по городом, по службам...»[70]. Взамен разогнанной *Ближней думы* самозванца Василий Шуйский создал свою. В нее, по данным, сохранившимся в собственноручных записях гетмана Лжедмитрия II Яна Сапеги на карте Замосковья и Поволжья, вошли, помимо братьев кн. Д.И. и И.И. Шуйских, племянника М.В. Скопина-Шуйского, бояре кн. В.В., И.В. и А.В. Голицыны и окольничие В.П. Головин, И.Ф. Крюк-Колычев (в документе Я. Сапеги ошибочно Василий)[71].

Обновлению состава Боярской думы в царствование Василия Шуйского способствовала гибель многих думцев от рук повстанцев, поднявшихся против новых властей именем «чудом спасшегося царя Дмитрия»: бояр кн. В.К. Черкасского, М.В. Сабурова, кн. А.И. Бахтеярова-Ростовского, кн. П.И. Буйносова-Ростовского, кн. Б.П. Татева-Стародубского, окольничего А.Р. Плещеева и думного дворянина А.М. Воейкова[72]. Бояре кн. С.А. Куракин и кн. М.П. Катырев умерли естественной смертью[73]. Постриглись в монахи и умерли бояре С.А. Волосский, Г.Ф. Нагой, кн. Д.Б. Приимков[74]. Только два думца *боярин кн. А.А. Телятевский и окольничий кн. И.Д. Хворостинин* примкнули к повстанческому движению. Первый служил «гетманом» Лжепетра, второй — «боярином» в Астрахани[75]. Царь пожаловал в бояре дворян московских кн. М.С. Туренина, кн. В.Т. Долгорукого, в окольничие — Ф.В. Головина, в думные дворяне — выборных дворян П.П. Ляпунова, Г.И. Полтева[76], перевел в бояре окольничего М.Б. Шеина. Начались разногласия в ближайшем окружении царя. Думный дьяк Г.Г. Желябужский попал в немилость и был переведен на службу в Сибирь. Его место с чином думного дьяка занял Г.Ф. Елизаров[77]. В думные дьяки был пожалован Т.Ю. Луговской. В Разрядах также говорится, что будто бы чин боярина получил окольничий И.Ф. Крюк-Колычев, но в бумагах посольства М. Олесницкого и А. Гонсевского в конце 1607 г. он упоминается в прежнем чине окольничего[78]. Таким образом, 15 выбывших думцев были заменены 7 новыми членами. Пожалованные были либо людьми, близкими к Шуйским либо, как М.Б. Шеин, кн. М.С. Туренин, Г.И. Полтев, ревностно служившими новому царю. П.П. Ляпунов полу-

чил свой думный чин за предательство повстанческого дела во время решающих боев под Москвой[79].

Значительные изменения в Думе произошли в конце 1607 — начале 1608 г. после победы над Лжепетром и И.И. Болотниковым и в связи со свадьбой Василия Шуйского. Царь, как видно из анализируемых источников, ограничился тем, что приказал «сказать» боярство окольничим И.Ф. Крюку-Колычеву[80], В.П. Морозову (6 декабря 1607 г.)[81], дворянину московскому кн. В.И. Буйносову-Ростовскому (6 января 1607 г.)[82], окольничего — думному дворянину А.В. Измайлову (2 февраля 1608 г.)[83] и стольнику кн. Д.И. Мезецкому (6 декабря 1607 г.)[84], думное дворянство — И.Н. Чепчугову[85]. Думный дьяк Т.А. Витовтов был переведен в городовые дьяки[86]. Его место занял думный дьяк В.О. Янов[87]. Почти все 7 новых думцев были родственниками Василия Шуйского по жене или получили пожалования за верную службу[88].

В 1608 г. приняли пострижение или умерли бояре: кн. Н.Р. Трубецкой[89], кн. Ф.И. Хворостинин[90], кн. В.В. Кольцов-Мосальский[91]; окольничие: М.М. Кривой-Салтыков[92], думный дворянин Г.И. Полтев[93]. Боярин П.Н. Шереметев был убит восставшими псковичами[94]. *В Тушино отъехали служить только два боярина— кн. В.М. Рубец-Мосальский и М.Г. Салтыков,окольничий кн. А.Ф. Засекин-Ярославский, сосланный В. Шуйским на воеводство в Корелу, Орешек и Торопец, и два бывших думных дьяка Лжедмитрия I И.Т. Грамотин и Б.И. Сутупов*[95]. Боярин И.Ф. Крюк-Колычев и окольничий М.И. Татищев были заподозрены в измене и казнены[96]. В источниках отсутствуют сведения о том, где в 1607—1610 гг. находились бояре кн. А.А. Телятевский, кн. В.В. Кольцов-Мосальский и окольничий кн. В.И. Клубков-Мосальский. Не исключено, что они были под домашним арестом или в тюрьме[97]. Места убывших думцев в 1610 г., как и прежде, заняли лишь трое приверженцев Шуйских. Царь приказал «сказать» боярство окольничему и казначею В.П. Головину[98] и прибывшему из Тушина с вестью о бегстве Лжедмитрия II дворянину московскому кн. В.И. Бахтеярову-Ростовскому[99], окольничество — зятю кн. В.В. Скопина-Шуйского С.В. Головину[100], доказавшему преданность кн. В.Ф. Литвинову-Мосальскому[101]. В результате четырех лет правления Василия Шуйского состав Боярской думы сократился на треть и

на четверть обновился. Если учесть, что 4 боярина, 1 окольничий и 1 думный дворянин были переведены соответственно из окольничих, думных дворян и дьяков, то можно установить, что число выдвиженцев Василия Шуйского достигло в Боярской думе 21 человек и составляло более трети членов Московской думы.

В 1605 г. Лжедмитрий I смог договориться о признании его законным государем Боярской думой. Его преемник, несмотря на все усилия, не смог получить поддержки Московской думы даже в период наибольших успехов. В кризисные моменты после Болховского, Ходынского, Рахманцевского сражений и выступления членов Государева двора в «сыропустную субботу» 1609 г. думцы неизменно выступали против самозванца. Из 74 думцев конца мая 1606 г. *в Воровскую думу вошли только бояре кн. В.М. Рубец-Мосальский, М.Г. Салтыков, окольничие кн. А.Ф. Жировой-Засекин, И.Д. Хворостинин, И.И. Годунов, бывшие думные дьяки Б.И. Сутупов, И.Т. Грамотин*[102]. Отказ от признания Лжедмитрия II еще не означал, что Василию Шуйскому удалось подавить оппозицию и добиться полной поддержки Боярской думой. Устами посла кн. Г.К. Волконского, как установил А. Гиршберг, боярская оппозиция в январе 1607 г. вновь, как при Лжедмитрии I, предложила престол королевичу Владиславу[103]. Вскоре после возобновления переговоров о перемирии в начале лета 1608 г. бояре, по словам поляков, сделали еще одно тайное предложение о передаче престола королевичу Владиславу и устранении В. Шуйского[104]. После неудачного похода М.В. Скопина-Шуйского на Незнань, царь обрушился с гонениями на боярские роды Романовского кружка. Хотя боярину И.Н. Романову удалось остаться в Московской думе, многие стольники — потенциальные бояре — подверглись опале[105]. В это время князья Голицыны, судя по назначению кн. В.В. Голицына главой боярской комиссии по управлению столицей в отсутствие царя, пользовались полным доверием В. Шуйского[106]. Их взаимоотношения, по-видимому, резко ухудшились во время волнений москвичей «на сыропустную субботу» 1609 г., когда кн. В.В. Голицын, судя по свидетельству Нового летописца, единственный из бояр, уступил требованиям дворян-заговорщиков и последовал за ними на импровизированный Земский собор, который должен был рассмотреть вопрос по замене несчастли-

вого государя[107]. Прямым следствием этих событий, по всей видимости, явилось «дело» близкого к Голицыным дворецкого И.Ф. Колычева, окончательно разрушившее союз между ними и Шуйскими. Бывшие «приятели» царя, как видно из доноса неизвестного Сигизмунду III, были выведены из *Ближней думы,* и ее состав был существенно обновлен. Василий Шуйский приблизил к себе доказавших преданность бояр кн. И.С. Куракина, кн. Б.М. Лыкова, окольничих кн. Д.И. Мезецкого и А.В. Измайлова, думных дворян В.Б. Сукина и И.Н. Чепчугова («царице брат»), думных дьяков В.О. Янова («Шуйскому по жене племя»), В.Г. Телепнева, Т.Ю. Луговского, Г. Елизарова[108]. Происшедшие в 1609 г. изменения в составе Боярской думы существенно ослабили позиции Шуйских и усилили оппозицию, которая не раз выдвигала планы замены царя на «своего» кандидата.

§ 3. Лжедмитрий II и Государев двор

Под влиянием показаний нарративных источников, в литературе сложилось представление, что фатальные неудачи Василия Шуйского в борьбе с Лжедмитрием II повлекли массовые отъезды членов Государева двора в Тушино[109]. Документальные материалы позволяют проверить и уточнить это представление. В Боярских списках 1606/1607 г. и 1610/1611 г. сохранились перечни стольников и дворян московских, которые, будучи дополнены и уточнены данными Разрядов, сведениями документальных источников, позволяют в общих чертах проследить процессы, протекавшие в 1606—1610 гг. в этих важнейших группах чинов Государева двора[110]. Сложнее обстоит дело со стряпчими с ключом и дьяками, списки которых сохранились только в Боярском списке 1610/1611 г.[111] Документы и Разряды позволяют определить в основном только лиц, пожалованных В. Шуйским, и нескольких человек, перешедших в Тушино. Списки выборных дворян в боярском списке 1606 г. не сохранились, а в боярском списке 1610/1611 г. имеется только небольшая часть[112], поэтому, чтобы получить общие представления об этой категории лиц Государева двора, пришлось прибегнуть к перечням выборных дворян из боярских списков начала XVII века, уточнив их данные с помощью Разрядов и данных других документальных источников.

Придворные чины Государева двора. Выделение стряпчих с ключом, постельничих, стольников, стряпчих с платьем, жильцов в особую категорию лиц из состава чинов Государева двора достаточно условно и в приказной практике XVII в. никогда не производилось. Мы сделали это для удобства анализа состава Государева двора и исходили из того, что служба в этих чинах предполагала постоянное пребывание при дворе.

Стряпчие с ключом, постельничие традиционно назначались из числа осободоверенных лиц, т. к. они отвечали за безопасность государя во время отдыха. В Росписи сенаторов стряпчие с ключом Лжедмитрия I не упоминаются. Их имена удается восстановить с помощью Разряда свадьбы самозванца. Здесь постельничим Лжедмитрия I назван Семен Иванович Шапкин[113], стряпчими с ключом — Кузьма Осипович Безобразов и Михаил Федорович Толочанов[114]. Василий Шуйский, судя по данным Боярского списка 1606/1607 г. и документам архива Соликамской приказной избы, сохранил за кн. С.И. Шапкиным звание постельничего, но отправил на воеводство в Каргополь[115]. Он, в отличие от других «ближних людей» самозванца, остался верен Василию Шуйскому и в Тушине не был[116]. М.Ф. Толочанов, судя по всему, был лишен чина, и его дальнейшая судьба неясна[117]. Только К.О. Безобразов сохранил прежнюю должность стряпчего с ключом, а в Разряде мартовского 1610 г. похода против тушинцев назван постельничим[118]. Новым стряпчим с ключом Василий Шуйский, как видно из Боярского списка 1606/1607 г., назначил И.Г. Одадурова[119]. В Разряде свадьбы царя Василия 17 (27) февраля 1608 г., в Списке приверженцев В. Шуйского он упоминается как постельничий[120], в Разряде мартовского похода против тушинцев — стряпчим с ключом[121]. Из Списка приверженцев Василия Шуйского можно заметить, что именно он, а не К.О. Безобразов входил в ближайшее окружение царя. Автор доноса дал ему такую характеристику: «Атаково вора и на Москве нет», — и разразился пространным рассказом, как И.Г. Ододуров вместе с другими приближенными пытался вернуть престол Василию Шуйскому после его пострижения в августе 1610 г.[122] «У крюка» в списке доверенных лиц Василия Шуйского указан дворянин Илларион Григорьевич Сумин[123]. В Боярском списке 1610/1611 г. он переведен в стольники[124]. В Разряде мартовского 1610 г. похода против ту-

шинцев отмечен еще один стряпчий «у крюка» И.А. Крюков[125]. В БС 1610/11 г. он, как доверенное лицо В. Шуйского, понижен и упомянут предпоследним в списке стряпчих с платьем[126]. Таким образом, в ближайшее окружение Василия Шуйского входили И.Г. Ододуров, К.О. Безобразов, И.Г. Сумин, И.А. Крюков. Ни один из бывших и действовавших стряпчих с ключом начала XVII в., как показывает анализ, в Тушине не служил.

Стольники. А. Павлов, проанализировав сохранившиеся данные по персоналиям стольников в конце XVI — начала XVII в., пришел к выводу, что эта группа чинов Государева двора рекрутировалась в основном из молодых аристократов для придворной службы. В походах царя стольники обычно составляли особые отряды Государева полка. Иногда они посылались для верстания дворян и инспекции дворянского ополчения. Исследователь заметил, что в правление Бориса Годунова общее число стольников выросло с 30 до 70 чел.[127] Списки стольников Лжедмитрия I не сохранились. В.И. Ульяновский попытался отчасти восстановить их состав по упоминаниям в Разрядах и других документах, но ему удалось выявить только 13 фамилий[128]. В Боярском списке 1606/7 гг. имеются имена **121** стольника, но этот перечень не полон[129]. Данные Разрядов и документальных источников свидетельствуют, что в список не попали кн. В.П. Тростенский (убит Лжепетром)[130], кн. И.А. Хворостинин (отправлен на покаяние)[131], кн. Д.М. Пожарский (возможно, понижен в стряпчие) и, по неизвестным причинам, Ф.П. Головин[132]. И.И. Курлятев — чашник Лжедмитрия I в БС 1606/1607 г. показан уже среди московских дворян[133]. Василий Шуйский, как видно из БС 1606/1607 г., в начале царствования не восстановил в чинах репрессированных Лжедмитрием I стольников И.Г., Г.Г., М.Иг., Н.Д., С.Д., С.М., Ф.У. Вельяминовых, И.Н., Ф.А. Годуновых, И.И. и П.Г. Сабуровых[134]. Таким образом, в правление Лжедмитрия I произошло резкое увеличение числа стольников Государева двора с **70** в 1604 г. до **137** человек. Примечательно, что дважды, в 1598 и 1605 гг., рост числа стольников совпал с увеличениями численности Боярской думы. Вероятно, появление в Боярской думе новых членов открывало их близким родственникам возможность получить важный придворный чин и перспективу дослужиться до думного чина. Это наблюдение не только подтверждает вывод

А.П. Павлова, что именно стольники являлись главным кадровым резервом для думных чинов, но также дает основание утверждать, что многие из впервые названных в Боярском списке 1606/1607 г. стольников получили этот чин еще при самозванце[135].

В БС 1610/11 г. указано 117 стольников. Стольник С.М. Вельяминов ошибочно показан в жильцах, а И.Н. Годунов, А.Ф. Лыков, А.Б. Полев и И.Ф. Троекуров по каким-то причинам пропущены. Не все из упомянутых 121 стольника служили В. Шуйскому. Против фамилий стольников Н.Ю. Плещеева, В.И. и И.И. Салтыковых имеется помета: «Пущен при Литве», которая говорит о том. что они были пожалованы в этот чин уже Сигизмундом III. Четырнадцать из упомянутых в Боярском списке стольников служили в Тушине и появились в Москве после свержения Василия Шуйского. Таким образом, общее число стольников в последние месяцы царствования Василия Шуйского, с учетом опальных Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, составляло 104 человека. Просопографический анализ персоналий, упоминаемых в Боярских списках 1606/7 и 1610/11 гг., дает возможность проанализировать изменения, происшедшие в этой важной категории лиц Государева двора.

Источники свидетельствуют, что вскоре после воцарения Василий Шуйский постарался избавиться от любимцев самозванца. Царь перевел в дворяне московские чашника И.И. Курлетева. Кн. И.А. Хворостинин был сослан в опале на покаяние в монастырь. Места кравчих, как видно из Боярского списка 1606/1607 г., заняли приверженцы Романовых И.В. Черкасский и А.Ю. Сицкий. С.В. Прозоровский заменил И.А. Хилкова «в комнате». Чашниками В. Шуйский назначил своих доверенных лиц В.И. Бутурлина, Т.В. Измайлова, В. Туренина-Оболенского, Г.Ф. Хворостинина-Ярославского[136].

В первые два года царствования царь Василий старался следовать традиции и использовал в дворцовых церемониях молодых отпрысков знатных боярских родов, как своих приверженцев, так и представителей оппозиции. В походе на Тулу царя сопровождали стольники И.П. Буйносов, С.В. Прозоровский, А.Ю. Сицкий, И.В. и Т.В. Измайловы. Рындами на приемах служили И.И. Воейков, С.В. и В.А. Измайловы, В.С. и Ф.С. Куракин, Ф.Ф. Бородавкин-Мещерский, И.М. Одоевский, С.В. Прозоровский, В.Г. Ромодановский, Д.Т. Трубецкой,

В.И.Туренин, П.Я. Урусов, Ю.Д. Хворостинин, Д.Л. Щербатый. На свадьбе царя «стол смотрели» Ю.Н. Трубецкой и И.Б. Черкасский[137]. В аналогичных должностях в дворцовых церемониях принимали участие А.Ю. Сицкий, Д.Т., Ф.Н. и Ю.Н. Трубецкие, Ю.Д. Хворостинин[138]. Власти явно расширили практику использования стольников на воеводских должностях. Городовыми воеводами в это время служили И.М. Барятинский (в Касимове), В.В. Щепин-Волынский (в Томи), С.И. Меньшого-Волынский (в Тюмени), Ст.И. Меньшого-Волынский (в Березове), Ф.В. Щепин-Волынский (в Сургуте), И.Н. Годунов (в Туринске), И.М. Катырев-Ростовский (в Тобольске), И.В. Кольцов-Мосальский (вМангазее), И.И. Сабуров (в Саратове), Б.М. Салтыков, Р.Ф. Троекуров (в Тобольске), В.П. Тростенский (в Михайлове), Ю.П. Ушатый (в Касимове). Стольники И.И. Ромодановский[139], П.М. Салтыков[140], В.П. Шереметев[141] помогали на службе отцам. Нетрудно заметить, что Василий Шуйский, как и в думской политике, использовал городовые назначения для удаления из Москвы неугодных представителей оппозиции. Полковыми воеводами и головами назначались В.И. Бутурлин, Л.А. Воронцов-Вельяминов, И.В. и С.В. Головины, В.Ф. Литвинов-Мосальский, Д.И. Мезецкий, Д.М. Пожарский, А.Г. Ромодановский, Ю.Н. Трубецкой, П.Я. Урусов, Ю.П. Ушатый. Многие из них верной службой смогли заслужить чины и награды. В критические моменты борьбы с повстанцами власти бросали стольников в бой как особый отряд государева или большого полка[142]. В течение 1606—1610 гг. из состава Государева двора выбыли 27 стольников. Многие из них, судя по прямым указаниям источников, были убиты или умерли[143].

А.П. Павлов, анализируя персоналии стольников рубежа XVI—XVII вв., пришел к выводу, что, продвигаясь по службе, они обычно старались получить чины бояр, окольничих, дворян московских[144]. В источниках имеются факты, которые не укладываются в эту схему. В.Ф. Литвинов-Мосальский, А.В. Лобанов-Ростовский, П.А. Ахамашуков-Черкасский, Д.М. Черкасский были пожалованы в стольники из дворян московских, а не наоборот[145]. Перевод из стольников в московские дворяне, по всей видимости, нужно рассматривать как неудачный поворот в служебной карьере при дворе. В 1606—1610 гг. стольники Д.И. Мезецкий, С.В., Ф.В. Головины, В.Ф. Литвинов-Мосальс-

кий смогли подняться вверх по лестнице чинов и заняли места окольничих в Боярской думе. Ф.И. Лыков, В.Р. Пронский, И.А. Большой-Хованский, И.Ф. Хованский, П.А. Ахамашуков-Черкасский, Ю.П. Ушатый, И.А. Хворостинин были переведены в московские дворяне. Василий Шуйский, как видно из Боярского списка 1610/1611 г., назначил на освободившиеся места 35 новых стольников, исключительно детей своих приверженцев, даже если они не отличались знатностью[146].

Гонения на оппозицию после похода на Незнань летом 1608 г. привели к значительным изменениям в среде стольников. Кравчие А.Ю. Сицкий и И.Б. Черкасский были заменены И.П. Буйносовым-Ростовским и С.В. Прозоровским. Стольники И.М. Катырев, Ю.Н. Трубецкой, И.Ф. Троекуров пополнили число ссыльных. Л.А. Воронцов-Вельяминов из-за местнического спора угодил в тюрьму[147]. Василий Шуйский, судя по доносу, составленному для Сигизмунда III, приблизил к себе доказавших ему преданность И.В. Бутурлина, В.А. Измайлова, И.В. Измайлова (у чародеев), В.С. Куракина, А.М. Львова и чашника Г.Ф. Хворостинина. Рындами в эти годы назначались в основном родственники царя по жене и немногие доверенные лица: В.М. Бутурлин, А.А., В.А., С.В. Измайловы, А.И. Лобанов-Ростовский, А.М. Нагой, И.Н. Меньшой-Одоевский, И.М. Одоевский, М.В. и С.В. Прозоровские, А.С. и С.С. Собакины и В.И. Туренин. Закрыв доступ в Боярскую думу знатным отпрыскам оппозиционных кланов и подвергнув некоторых репрессиям, царь Василий подтолкнул их к отъезду в Тушино. *Тридцать три молодых аристократа,* т. е. почти четвертая часть стольников 1606/07 г., утратив надежды сделать карьеру при Московском дворе, отъехали к Вору в Тушино, сделавшись там воровскими боярами, окольничими, стольниками[148].

Стряпчие с платьем в начале XVII в., как и стольники, обычно набирались из молодых отпрысков знатных фамилий и служили при особе государя. В чиновной структуре Государева двора, как заметил А. Павлов, они стояли ниже стольников, но по характеру службы были настолько им близки, что порой трудно различить в источнике, где стряпчий, а где стольник[149]. Важное значение для анализа этой категории лиц Государева двора имеют разыскания А.П. Павлова, который смог собрать сведения приблизительно о 60 стряпчих 1588—1605 гг.[150] Про-

сопографический анализ выявленных персоналий показывает, что к 1606—1607 гг. большинство из них, подобно кн. Ф.И. Лыкову, кн. В.П. Тростенскому, кн. Ю.П. Ушатому, В.В, П.В., Ф.В. Щепиным-Волынским, И.В. Измайлову, Г.А. Плещееву, кн. Д.М. Пожарскому, А.Б. Полеву, И.А. Пушкину, Н.И. Егупову-Черкасскому, кн. Ю.А. Звенигородскому, Ю.И. и В.И. Татищевым, были переведены в стольники, а кн. Ф.И. Лыков, И.Ф. Хованский, П.А. Ахамашуков-Черкасский и др. — в дворяне московские[151]. Репрессированные самозванцем Г.Б. и С.А. Вельяминовы, а также А.И. Пушкин, судя по полному отсутствию каких-либо данных о них после 1605 г., до времени царствования Василия Шуйского, по-видимому, не дожили. В утраченном в БС 1606/7 г. перечне стряпчих, судя по данным других источников, в прежней должности упоминались кн. С.А. Ахамашуков-Черкасский, И.В. Щепин-Волынский, Аф. Вяземский, Н.В. Измайлов, Б.О. Клешнин, кн. И.С. Лобанов-Ростовский, кн. И.Г. Ноздреватый-Звенигородский, И.Г. Плещеев, Ф.К. Плещеев, И.А. Пушкин. Этот чин носил и ссыльный И.П. Вельяминов. Стряпчие Н.В. Измайлов и кн. С.А.Ахамашуков-Черкасский сложили головы в боях с повстанцами[152]. До 1610 г. умер Б.О. Клешнин[153]. Стряпчие И.В.Щепин-Волынский, кн. И.С. Лобанов-Ростовский и И.А. Пушкин к 1610 г. были переведены в стольники[154]. При Василии Шуйском в должностях стряпчих, как видно из Разрядов и других документальных источников, начинают упоминаться И.И. Воейков, кн. Д.П. Горчаков, П.Д. Исленев, Г. Нелюбов, Дм.С. и И.С. Погожие, И.П. Чихачев и Ф.Л. Щербатый-Оболенский. Выявленный перечень стряпчих Василия Шуйского явно не полон. В Боярском списке 1610/ 1611 г. в чине стряпчего с платьем упоминается **62** человека[155]. Из него необходимо исключить А.Ф. Палицына, который, судя по помете, был «пущен при литве», и И.А. Крюкова, служившего при В. Шуйском стряпчим с ключом, а также еще трех тушинцев. Таким образом, к концу царствования Василия Шуйского в Государев двор входило примерно **57** стряпчих. Численность этой группы чинов Государева двора в 1610/1611 г. почти вчетверо превышает число стряпчих БС 1588/1589 г. (14 чел.) и втрое — БС 1598/ 1599 г. (19 чел.)[156] и отражает общую тенденцию увеличения численности различных категорий лиц Государева двора. Мно-

гие из них явно получили этот чин еще при Лжедмитрии I. К примеру, В.И. Стрешнев (родня думного дьяка, а при Василии Шуйском — дворянина И.Ф. Стрешнева), В.Ф. и И.Ф. Яновы (дети дьяка, племянники Ф.О. Янова). При Василии Шуйском в эту категорию лиц вошли дети его выдвиженцев. Например, И.Ф., Л.М., М.Ф., Ф.Ф. Волконские, Ф.Д. Мезецкий (сын окольничего), В.Г. Ляпунов (родня думного дворянина П. Ляпунова), Е.Б. Собакин (родня стольников Собакиных). Разряды показывают, что в критические моменты царь Василий бросал своих стряпчих в бой[157]. Если в царствование Бориса Годунова, как установил А. Павлов, в этой категории лиц явно преобладала княжеско-боярская аристократия[158], то теперь — дворянские роды (37 чел.), тогда как «захудалые» князья (16 чел.) и старомосковные роды (4 чел.) явно находились в меньшинстве. Эта категория лиц Государева двора к исходу царствования Шуйского явно утратила свой аристократический характер. Прямые указания источников позволяют установить имена некоторых стряпчих, кто отъехал в Тушино. Это *кн. Аф. Вяземский, Б.Т. Грязной, кн. Ф.Д. Мезецкий, Ф.К. Плещеев*. Исходя из первых служб предков, можно предположить, что стряпчими при Московском дворе служили другие тушинцы: *И.И. Волынский, кн. Вл. Ф. и Л.Ф. Волконские, И.В. Плещеев-Глазун, Ф.М. Плещеев*.

Жильцы составляли младшую и одну из самых многочисленных категорию чинов Государева двора. А.П. Павлов выяснил, что на рубеже XVI—XVII вв. четыре пятых всех жильцов составляли дети выборных дворян и лишь одна пятая — представители захудалых знатных фамилий. В массе своей жильцы были людьми молодыми и, находясь при особе Государя, приобщались к придворной, дипломатической, военной и приказной службам. По данным А.П. Павлова, половина жильцов 1588/89 г. в дальнейшем перешла в выборные дворяне. Представители наиболее родовитых фамилий попали в стряпчие, стольники, дворяне московские[159]. Перечни жильцов в БС 1606/1607 г. и БС 1610/1611 г. отсутствуют. Недавно П.В. Седов реконструировал структуру и персональный состав жилецкого списка 1611 г.[160] По подсчетам А.П. Павлова, в 1588/89 г. в источниках упоминаются имена 210 жильцов, в 1598/99 г. — 274, в 1604 г. — 255[161]. В списке, восстановленном П.В. Седовым, перечислены 167 жильцов[162]. Учитывая, что в правление Лжедмитрия I

наблюдалась устойчивая тенденция численного роста различных категорий чинов Государева двора, можно предположить, что реконструированный П.В. Седовым список жильцов далеко не полон. В нем, по-видимому, упомянуты только те жильцы, кто пережил Московское разорение. Не случайно главными источниками реконструкции стали материалы сыска денежных окладов при царе Михаиле Федоровиче Романове[163].

Разряды свидетельствуют, что в критические моменты первых двух лет царствования Василия Шуйского власти использовали жильцов в качестве особого боевого отряда в борьбе с повстанцами. Кпримеру, в боях на Усть-Угре 23 сентября 1606 г., в с. Троицком 23 октября 1606 г., в походе на Тулу[164]. Потери, видимо, в немалой степени способствовали обновлению этой категории лиц Государева двора. Сопоставление фамилий, перечисленных в реконструированном Жилецком списке 1610/11 г., лиц с фамилиями Списков 1588/89, 1598/99 и 1604 гг. обнаруживает, что из жильцов в стряпчие, стольники, дворяне московские выбыли некогда числившиеся здесь представители захудавших боярских и дворянских родов: Бутурлиных, кн. Гундоровых, Вельяминовых, Волынских, кн. Долгоруких, кн. Засекиных, кн. Звенигородских, кн. Лыковых, кн. Мезецких, кн. Мосальских, Плещеевых, кн. Приимковых, Сабуровых, Салтыковых, Третьяковых-Головиных, кн. Тюменских, кн. Черкасских, Шеиных, кн. Щербатых[165]. Их места заняли дети и близкие родственники незнатных московских дворян, выборных дворян и дьяков. Относительно тонкая прослойка захудалой московской знати в этой категории чинов Государева двора, о которой писал А.П. Павлов, к 1610 г. почти исчезла[166]. Источники позволяют установить имена нескольких жильцов конца XVI — начала XVII в., служивших в Тушине. Это *С.К. Бегичев, А.Р. и П.Я. Безобразовы, Е.Я. Витовтов, кн. М.Р. Гагарин-Стародубский, В.Р и Ф.Р. Дуровы, Н.Ю. и Ф.С. Плещеевы, С.С. Рахманинов, Д.И. и И.И. Салмановы, В. Усов*[167]. С большой степенью вероятности можно предположить, что жильцами до отъезда в Тушино были дети выборных дворян *кн. З.В. и М.В. Белосельские-Белозерские, кн. И.П., С.П., Ф.П. Засекины-Ярославские, кн. Д. и С. Шаховские-Ярославские*[168]. Важно отметить, что среди перечисленных жильцов-тушинцев четко просматривается та

самая прослойка захудалой московской знати, которая исчезла из Государева двора.

Приказные чины. К этой группе чинов Государева двора обычно относят думных дьяков и дьяков по приказам. В их руках находилось все делопроизводство в Московских приказах. Состав дьяческого корпуса и происшедшие в нем изменения можно восстановить с помощью биографического справочника, созданного С.Б. Веселовским[169], и перечня дьяков по приказам в БС 1610/1611 г., а также, опираясь на данные сохранившихся тушинских источников, выяснить, кто из московских приказных оказался в Тушине.

В БС 1610/11 г. указано 72 дьяка по приказам. Пометы свидетельствуют, что 8 из них «пущены при литве», т. е. пожалованы в этот чин Сигизмундом III. Еще девять дьяков, как показывает просопографический анализ, упомянуты в этом чине впервые и, по всей видимости, были пожалованы Василием Шуйским в последние месяцы царствования[170].

Просопографический анализ персоналий дьяков 1605/1609 г. обнаруживает, что перечень 55 старых дьяков в БС 1610/11 г. явно неполон. В нем не учтены еще, по крайней мере, 34 дьяка, как верно служивших Василию Шуйскому в 1608/1609 г., так и опальных[171]. Таким образом, в последние два года правления царя Василия в стране проживало 89 действующих и бывших дьяков примерно столько, сколько упомянуто в БС 1610/11 г., что говорит о том, что выявленный перечень достаточно полон. Просопографический анализ показал, что только 8 из них встали на путь сотрудничества с тушинцами. Вору служили два бывших думных дьяка Лжедмитрия I — *И.Т. Грамотин-Курбатов и Б.И. Сутупов*, дьяки *Ф.М. Озеров, П.А. Третьяков, М. Тюхин и В. Юрьев*. Дьяк *И. Уваров* был казнен на Двине за «измену», а дьяк *Р. Воронов* целовал крест Лжедмитрию II вместе с вологодцами, но вскоре оказался в тюрьме и был освобожден оттуда восставшим против тушинцев народом[172]. Приведенные цифры не оставляют сомнений, что верхи приказной бюрократии, как и думцы, остались прочной опорой Василия Шуйского в борьбе против тушинцев.

Военно-административные чины Государева двора. Выделение этой группы чинов из состава Государева двора, как и придворных, достаточно условно. Это были люди зрелого воз-

раста, на плечи которых ложились основные тяготы организации военной, административной, полицейской, изредка посольской служб.

Дворяне по приказам в Боярских списках конца XVI — начала XVII в. неизменно помещалась сразу же за думными чинами. В начале правления Василия Шуйского на старом Земском дворе «сидел» Г.Ф. Образцов, на новом Земском дворе — кн. А.И. Гундаров, у Холопья суда — Н.М. Плещеев. В 1607 г. царь, видимо, недовольный ходом дел, произвел значительные перестановки. А.И. Гундоров был отставлен по болезни и, вероятно, вскоре умер в Москве. Н.М. Плещеев был переведен в дворяне московские и отправлен в Серпухов. На новый Земский двор был назначен выборный дворянин по Брянску А.Ф. Зиновьев, в приказ Холопьего суда — дворянин московс кий кн. И.А. Солнцев-Засекин[173]. Ни один из дворян, служивших в упомянутых приказах в конце XVI — начала XVII в., судя по имеющимся данным, в Тушине не служил.

Дворяне московские на рубеже XVI—XVII вв. превратились в важнейшую категорию лиц Государева двора, которая составляла основное среднее звено военно-административного управления страной. Они обычно использовались властями, по меткому замечанию А.П. Павлова, на «общегосударственных» службах: воеводами и головами в полках, в городах, судьями в некоторых московских приказах, посланниками за границу, головами для поддержания порядка в столице и в царских походах, на дворцовых церемониях[174]. Историк подсчитал, что в БС 1588/89 г. (с учетом служилых князей, которые затем вошли в эту категорию лиц Государева двора) значится 174 дворянина московских[175], в БС 1598/99 г. и Утвержденной грамоте Борису Годунову — 124 чел.[176], в БС 1606/7 г. — 140 чел.[177] БС 1606/7 г. явно неполон. В него не попали убитые повстанцами летом 1606 г. Е.В. и М.В. Бутурлины, кн. Г.С. Коркодинов, кн. Ю.Д. Приимков-Ростовский, кн. С.Д. Щербатый[178], по неизвестным причинам, кн. Г.Т. Долгорукий, бывший при Лжедмитрии I воеводой в Ельце и гулявший на его свадьбе[179], кн. К.О. Щербатый, служивший при самозванце в Курске[180]. Вероятно, они также погибли от рук повстанцев. Судя по данным БС 1606/7 гг., не были восстановлены в чинах дворяне московские Д.А. Вельяминов, Е.И. и И.Н. Сабуровы[181]. Но их родственник Б.С. Сабуров — брат

пожалованного Лжедмитрием I в боярство М.Б. Сабурова — в списке упоминается. Вероятно, чин ему был возвращен еще самозванцем как мнимому родственнику по жене[182]. Нет в перечне и кн. В.И. Бахтеярова-Ростовского, с 1604 по 1608 гг. находившегося в плену у кумыков[183], а также служившего у повстанцев кн. М.Б. Долгорукого[184]. По неизвестным для нас причинам, в БС 1606/7 г. не упомянут кн. Ф.А. Татев[185]. Отсутствуют также имена И.П. Шереметева и П.А. Ахамашукова-Черкасского, вычеркнутых из списка стольников вместе с другими переведенными в дворяне московские[186]. Не исключено, что их имена были помещены в утраченной части перечня дворян московских. Таким образом, в начале царствования Василия Шуйского, по явно неполным данным, было *не менее 155 московских дворян*.

В БС 1610/1611 г. упоминается уже *232 дворянина московских*. Из этого списка необходимо исключить Ф.М. Озерова, вставленного в Боярский список дьяками «по королевскому листу, и еще М.В. Аксакова, И.И. Волынского, Т.В. Грязного, М.Б. Долгорукова, И.Д. и И.Л. Мосальских, И.Н. Ржевского, Г.Ф. Сумбулова, И.Ф. Хованского, И.В. Щелкалова, принимавших участие в «воровских» движениях и вернувшихся на московскую службу после 17 (27) августа 1610 г. В перечне также не учтены дворяне московские, оставшиеся на службе у Вора в Калуге кн. И.М. и Ф.П. Барятинские, С.Г. Звенигородский, А.Н.Ржевский, Г.И. Татищев, Г.П. Шаховский, бежавший туда после свержения царя Василия К.Д. Бегичев и, по неизвестным причинам, князья Ф.И. Лыков и Ф. А. Татев[187].

Просопографический анализ персоналий дворян московских Василия Шуйского показывает, что в начале царствования среди них преобладали представители титулованных кланов, включая выезжие татарские — 93 чел., нетитулованные роды сильно уступали им в численности: старомосковных бояр было только 19 чел., дворян — 43 чел. Ветеранов среди дворян московских было немного. При царе Иване Грозном в 1577 г. в этом чине служили **7** чел.[188], при Федоре Иоанновиче упоминаются 36 чел.[189], во время царствования Бориса Годунова в числе дворян московских упоминаются 29 чел.[190] К концу царствования в 1604 г. — еще **7** чел.[191] В 1605—1606 гг. при Лжедмитрии I в этом чине впервые упоминаются 12 чел.[192] Всего 91 чел. Впервые в БС 1606/7 г. в чине дворянина московского названы

64 чел.[193] Источники, за редким исключением, не позволяют установить, кто из дворян получил свой чин от Лжедмитрия I, кто от Василия Шуйского. Известно только, что кн. И.И. Курлетев был переведен Василием Шуйским из чашников, С.В. Чередов — из думных дворян. За четыре года царствования Василия Шуйского среди дворян московских произошли значительные изменения. Царь пожаловал в бояре дворян московских кн. В.Т. Долгорукого, М.С. Туренина, родню по жене В.И. Буйносова и В.И. Бахтеярова-Ростовских. Перевел в стольники Аф.В. Лобанова-Ростовского. Погибли, умерли или были отставлены 47 человек (из них четверо были «убиты в измене»). В воровских движениях приняли участие 22 дворянина московских. Сидели в тюрьме родственники повстанцев Б.В., И.И. Заболоцкие, М.М. Шаховский, а также А.А. Шерефединов[194].

Василий Шуйский пожаловал в дворяне московские **119 человек.** В подавляющем большинстве это были выборные дворяне, доказавшие преданность Шуйским. Только семеро из них: Ф.И. Лыков, В.Р. Пронский, И.А. Большой-Хованский, И.Ф. Хованский, П.А. Ахамашуков-Черкасский, Ю.П. Ушатый, И.А. Хворостинин — принадлежали к первостатейной знати, чей перевод из стольников в дворяне московские, как уже говорилось выше, следует рассматривать как неблагоприятный поворот в служебной карьере. В результате происшедших изменений персональный состав дворян московских обновился более чем наполовину. В чине дворянина московского служили 84 князя, 21 представитель старомосковных боярских родов и 119 дворян. При этом необходимо учитывать, что многие из упомянутых князей принадлежали к захудалым родам, которые ранее выше выборных дворян обычно не поднимались. Благодаря широким пожалованиям выборных дворян, Василию Шуйскому к исходу царствования удалось создать из дворян московских прочную опору своей власти. Но эта политика, направленная на выдвижение «преданных» людей, вероятно, сыграла не последнюю роль в том, что некоторые из «старых» дворян московских: *М.Ф. Аксаков, кн. И.М. и Ф.П. Барятинские, М.И. Вельяминов, кн. Р.И. Гагарин, Т.В. Грязной, кн. Д.И. и М.Б. Долгорукие, кн. С.Г. Звенигородский, кн. В.Ф., Д.В. , И.Л. и И.Д. Мосальские, кн. А.Д. Пришмков-Ростовский, Ан. и И.Н. Ржевские, Г.Ф. Сумбулов,*

Г.И. Татищев, И.Ф. Хованский, кн. Г.П. Шаховский и И.В. Щелкалов — «перелетели» к Вору[195].

Выборные дворяне составляли наиболее многочисленную категорию дворянских чинов Государева двора, которая использовалась на младших военных и административных должностях: воеводами в небольших крепостях, головами в полках, писцами, посланниками, стройщиками и т. д. По подсчетам А.П. Павлова, их численность на рубеже XVI—XVII вв. перевалила за 1 тыс. человек и вдвое превышала общее количество остальных чинов Государева двора[196]. Перечни дворян в Боярских списках начала XVII в. сохранились хуже, нежели перечни дворян московских. В БС 1606/1607 г. этот раздел полностью утрачен, в БС 1610/11 г. сохранился примерно на одну треть[197]. Из более ранних имеются довольно полные перечни выборных дворян из БС 1602/3 г. и отрывки из более ранних списков. Состояние источников не позволяет провести более менее полный анализ персоналий этой категории лиц Государева двора в царствование Василия Шуйского. Можно сделать лишь самые общие наблюдения, сравнив сохранившиеся перечни выборных дворян БС 1602/3 г., Росписи русского войска 1604 г. и БС 1610/11 г. Оно обнаруживает, что эта категория лиц Государева двора понесла наибольшие потери в Смуту. Более половины выборных дворян, служивших при Борисе Годунове, в дальнейшем в источниках не упоминаются. Около 116 человек было пожаловано Василием Шуйским в стряпчие с ключом, стольники и дворяне московские[198]. Примерно 170 человек дослужились в этой должности до 1610 г. По явно неполным данным, в воровских движениях приняли участие 55 выборных дворян[199]. Некоторым из них, как, например, *П.С. Волынскому, И.Ф. Наумову-Хрулеву, Н.И. Безобразову, М.А. Молчанову, И.И. Загряжскому, С.И. Линеву, Д.И. Сафронову,* удалось получить в Тушине думные чины. *Иг.И. Михнев, П.Ф. Отяев* стали спальниками самозванца, *И.А. Головленков* — стольником, *И.О. Благой, Ф.М. Озеров* — дворянами московскими[200].

Придворные и военно-административные чины, как показывает анализ персоналий в правление Василия Шуйского, в силу значительных потерь подверглись радикальному обновлению. Данные табл. 1, в которой отражены изменения, происшедшие в структуре придворных и военно-административных

чинов Государева двора, обнаруживают ту же тенденцию, что и среди думных чинов.

Таблица 1

№ п/п	Происхождение	Стольники		Стряпчие		Дворяне московские	
		1606 г.	1610 г.	1606 г.	1610 г.	1606 г.	1610 г.
1	Княжеские роды	60 %	46 %		28 %	60 %	38 %
2	Боярские роды	24 %	23 %		7 %	12 %	9 %
3	Дворяне	15 %	31 %		65 %	28 %	53 %

Василий Шуйский в своей «дворовой» политике руководствовался, как и его предшественники, чисто практическими соображениями, активно продвигая по службе преданных людей. Результатом этой политики явилось значительное усиление позиций дворянства в Московском Государевом дворе.

Проводимая Василием Шуйским политика, направленная на недопущение в Боярскую думу стольников и дворян московских из оппозиционных аристократических кланов, оттеснение их на вторые и третьи роли при помощи преданных «худородных» выдвиженцев, а также прямые репрессии подтолкнули многих из них к участию в повстанческом движении и отъезду в Тушино. Но число этих отъездов не следует преувеличивать. Они не привели к полному распаду Государева двора и свидетельствовали о глубоком кризисе, который он переживал в царствование Василия Шуйского.

§ 4. Воровская дума

Определив круг тушинских перелетов из числа членов Государева двора, мы расширили его за счет людей, пожалованных Лжедмитрием II из тех категорий лиц, которые не входили в состав Московского двора. Трудность заключалась в том, что прямых указаний об этих назначениях в источниках относительно немного, поэтому пришлось использовать косвенные данные, такие, как свидетельства о пожалованиях Сигизмундом III членов тушинского посольства боярина М.Г. Салтыкова весной — в начале лета 1610 г. (до Клушинского сражения) или упоминания в думном чине в документах ополчений, если этот чин отсутствовал в официальных Боярских списках[201]. Много проблем возникло с определением воровского чина того или

иного лица, т. к. современники чаще всего фиксировали только сам факт службы Вору. Большую путаницу внесли иностранцы, которые, не разбираясь в русских чинах, всех более менее знатных и видных военных или чиновников самозванца называли «боярами». Исходя из того, что «перелетов» в Тушине обычно не понижали, мы включили служилых людей в перечень той или иной категории Воровского двора в соответствии с их последним московским чином, если в источниках не было прямого указания на более высокий в Тушине. В результате проделанной работы удалось составить список чинов Воровского двора, который помещен в приложении[202]. Обобщив собранные данные в табл. 2, мы выяснили, из каких категорий московских чинов была создана Воровская дума.

Таблица 2

№ п/п	Происхождение и последний чин на Московской службе	Бояре	Окольничие	Думные дворяне	Думные дьяки	Итого
1	Бояре	2				2
2	Окольничие	3				3
3	Думные дьяки		1		1	2
4	Стольники	9	3			12
5	Стряпчие	1				1
6	Дворяне московские	6	3			9
7	Дьяки				1	1
8	Выборные дворяне	3	3	1	3	10
9	Жильцы	2	1			3
10	Городовые дети боярские		1	3	3	7
11	Торговые люди			2		2
12	Казаки	1				1
	Итого	27	12	6	8	53

Воровская дума в Тушине, как видно из приведенных цифр, в основном включала те же слои аристократии, что и Московская дума. *Титулованные роды* в ней были представлены *Гедеминовичами* — родовитыми князьями Д.Т. и Ю.Н. Трубецкими. В начале царствования Василия Шуйского два старших представителя этого рода бояре Н.Р. и А.В. Трубецкие заседали в Московской думе. Вскоре Н.Р. Трубецкой умер. Его сын стольник

Ю.Н. Трубецкой боярского чина не получил. Заподозренный в измене на Незнани, он был сослан в Тотьму, откуда, после ее захвата тушинцами, перебрался к Вору под Москву[203]. Вскоре после ссылки Ю.Н. Трубецкого в Тушино отъехал кн. Д.Т. Трубецкой, который был пожалован Вором в бояре[204].

Среди *Владимиро-суздальских титулованные родов* в Воровской думе явно преобладали изгнанные к 1608 г. из Московской думы князья Ярославские: Р.Ф. Троекуров, А.Ю. Сицкий, А.Ф., И.П., С.П., Ф.П. Засекины, Г.П. Шаховский. К этому же роду принадлежал астраханский воевода «боярин» кн. И.Д. Хворостинин. Кн. В.И. Бахтеяров-*Ростовский*, чья родня была обласкана В. Шуйским после свадьбы, был привезен в Тушино пленником из Астрахани и бежал в Москву сразу же после бегства Вора из Тушина. Василий Шуйский на радостях пожаловал его в бояре. Кн. А.Д. Приимков-Ростовский, «прямивший» было Вору, будучи воеводой в Кореле, по-видимому, так и не решился на измену и в Тушине не был. Считанные недели был в Тушине кн. Р.И. Гагарин-*Стародубский*. Он отъехал туда вынужденно после неудачной попытки заменить Василия Шуйского другим кандидатом, поэтому, вероятно, не был обласкан самозванцем, высоких чинов не получил и при первой возможности вернулся на московскую службу[205].

Из *Черниговских рюриковичей* широкое участие в повстанческом движении приняли обласканные Лжедмитрием I и высланные в провинцию Василием Шуйским князья Мосальские. Воеводы Лжепетра дворяне московские В.Ф. Александров-Мосальский, кн. И.Л. и И.Д. Мосальские угодили в плен. В.Ф. Александров умер от ран, а два его сородича посажены в тюрьму. В Воровскую думу вошли бывший фаворит Лжедмитрия I кн. В.М. Рубец-Мосальский, дворянин московский Д.В. Горбатый-Мосальский и стольник А.Ф. Литвинов-Мосальский. Брат последнего стольник кн. В.Ф. Литвинов-Мосальский попал в Тушино пленником во время Ходынского сражения. Самозванец обласкал его и отправил за Мнишками. Вскоре после выполнения этого поручения В.Ф. Литвинов-Мосальский бежал в Москву и впоследствии был пожалован В. Шуйским в окольничие. Кн. М.Б. и Д.И. Долгорукие, принадлежавшие к пользовавшемуся благосклонностью у В. Шуйского клану князей Оболенских, приняли участие в повстанческом движении, по всей

видимости, по воле обстоятельств, будучи назначены воеводами в провинцию. Бывший воевода Лжепетра кн. М.Б. Долгорукий после его разгрома под Козельском абсолютно незаметен в последующих событиях, вплоть до его упоминания в БС 1610/11 г. Его сородич кн. Д.И. Долгорукий попал в Тушино, будучи послан на Рязань для сбора ратных людей осенью 1608 г. Став воровским окольничим и приятелем Я. Сапеги, он, как видно из последующих записей Дневника, никакой заметной роли в Тушинской думе не играл, и его имя вскоре исчезло из источников. Единственный служивший Вору из князей Звенигородских С.Г. Звенигородский попал к повстанцам, будучи вторым воеводой Чернигова. Лжедмитрий II пожаловал его в дворецкие, и он превратился в одну из ключевых фигур в тушинском руководстве. Осенью 1608 г. в Тушино попали князя И.М. и Ф.П. Барятинские. И.М. Барятинского привез в Тушино в качестве пленника Ураз-Магомед Касимовский. Ф.П. Барятинский, будучи воеводой В. Шуйского в Ярославле, являлся одним из главных организаторов присяги горожан Вору. Тушинцы, по всей видимости, не особенно доверяли князьям, братия которых верно служила Василию Шуйскому, и держали их на городовых воеводствах: И.М. Барятинского — в Воронеже, Ф.П. Барятинского — в Ярославле, а затем в Новгороде-Северском[206].

В правление Василия Шуйского из Московской думы были полностью вытеснены представители *выезжих княжеских родов*. В Воровской думе заседали боярин кн. Д.М. Черкасский и «окольничий» Ф.Ф. Бородавкин-Мещерский. Видное место при особе самозванца заняли кн. М. Шейдяков, А. и П.Я. Урусовы. Возможно, они, как кн. Д.М. Черкасский, получили думные чины, но какие-либо данные на этот счет в источниках отсутствуют[207].

Старомосковные боярские роды были представлены сосланным Василием Шуйским в Орешек боярином М.Г. Салтыковым с сыновьями Иваном и Петром, родней убитого П.Ф. Басманова, Н.М., И.В., Ф.М., Ф.К. Плещеевыми, опальными И.И. Годуновым и Н.Д., М.И. Вельяминовыми с братиею, И.И. и П.С. Волынскими и М.М. Бутурлиным[208].

Были в Воровской думе и *представители дворянских родов*. Предки некоторых из них входили в Боярскую думу: А.А. Нагой, Т.В. Грязной, И.Ф. Наумов[209]. Большинство же — А.Н. и И.Н. Ржевские, И.И. Загряжский, Г. Сумбулов, М. Молчанов,

Г. Веревкин — о думном чине могло только мечтать. И.М. Заруцкий, Г. Кашинец, Ф.А. Андронов вообще *не были дворянами* и в обычное время о получении ими думных чинов не могло быть и речи[210].

С.Ф. Платонов, проанализировав имевшиеся в его распоряжении данные о думцах самозванца, пришел к выводу, что основу Воровской думы составили представители знати, которая первенствовала в Москве во время опричнины: Трубецкие, Ярославские, Салтыковы, Годуновы-Вельяминовы[211]. Выявленные нами данные показывают, что к этому перечню необходимо прибавить Плещеевых, М.М. Бутурлина, кн. Д.М. Черкасского, Т.В. Грязного, И.Ф. Наумова[212].

Группировки в Воровской думе. С.Ф. Платонов обратил внимание на то, что среди тушинских думцев было много свояков «патриарха» Филарета Романова: кн. Р.Ф. Троекуров, кн. А.Ю. Сицкий, кн. Д.М. Черкасский, И.И. Годунов[213]. Проведенный нами просопографический анализ подтверждает наблюдение исследователя и позволяет расширить круг романовской родни за счет кн. В.И. Бахтеярова-Ростовского, окольничего Т.В. Грязного и кравчего А.Ф. Мосальского-Литвинова[214]. Важно отметить, что это были далеко не первые лица Романовского кружка. Боярин И.Н. Романов, вопреки В. Полаку, сидел «на Москве» в осаде[215]. Боярин Ф.И. Шереметев настойчиво боролся с «ворами» на Нижней и Средней Волге. Сыновья сосланного в Сибирь окольничего М.М. Салтыкова стольники Б.М. и М.М. Салтыковы приняли участие в Земском движении против тушинцев[216]. Обвиненные в измене на Незнани стольники кн. И.М. Катырев-Ростовский и кн. И.Ф. Троекуров-Ярославский хотя и были сосланы в Сибирь и в Нижний Новгород, в Тушино не отъезжали[217]. Василию Шуйскому, как видно из приведенных данных, удалось серьезно ослабить и раздробить Романовский кружок, поэтому в Тушине Филарету удалось собрать вокруг себя лишь его осколки. Примечательно, что почти все представители этого кружка служили при дворе, и только кн. Р.Ф. Троекуров и кн. Д.М. Черкасский — полковыми воеводами[218].

Среди воровских бояр можно было найти отдельных представителей разгромленного Лжедмитрием I и оставленного в опале Василием Шуйским клана Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых: бояр И.И. Годунова, Н.Д. и М.И. Вельяминовых-

Зерновых. Вновь, как в случае с Романовыми, приходится констатировать, что это были далеко не все и отнюдь не первые люди этого некогда могущественного клана. Боярин М.М. Годунов, окольничие И.М., Н.В., С.С., Я.М. Годуновы остались на московской службе, хотя и находились в ссылке. В Тушине Годуновы-Вельяминовы, по всей видимости, не играли самостоятельной роли. При особе государя находился только наиболее авторитетный представитель этого клана — зять Филарета Романова боярин И.И. Годунов, который активно поддерживал своего шурина. Его младшая родня бояре Н.Д. и М.Г. Вельяминовы-Зерновы служили городовыми воеводами[219].

Одну из самых первых мест в Тушинской думе занимал сосланный сначала Лжедмитрием I, а затем и Василием Шуйским боярин М.Г. Салтыков, который опирался на поддержку сыновей Ивана и Петра, а также зятя кн. Ю.Н. Трубецкого[220]. Вся его остальная родня: боярин В.П. Морозов, стольники И.П. и П.В. Морозовы, стольники Б.М. и М.М. Салтыковы, дворянин московский И.Н. Салтыков с сыновьями стольниками В.И. и И.И. Салтыковыми — верно служили царю Василию[221]. В 1600 г. именно М.Г. Салтыкову, как установил Р.Г. Скрынников, Борис Годунов поручил руководить арестом и судом над Романовыми[222], и вряд ли после этого между ним и Филаретом было полное взаимопонимание. Тем не менее, вплоть до распада Тушинского лагеря, они действовали совместно.

Довольно много в Воровской думе было родни убитого 17(27) мая 1606 г. боярина П.Ф. Басманова: бояре М.И. Колодкин-Плещеев, Ф.М. Плещеев, окольничие Л.А. и Ф.К. Плещеев-Смердов, стольник Н.Ю. Плещеев, И.В. Плещеев-Глазун[223]. Но это, так же как и в предыдущих случаях, были далеко не все члены этого клана. Царю Василию в это время продолжали служить дворяне московские Н.М. Плещеев, А.А. Плещеев-Мешков, В.Г. Плещеев, И.Д. Плещеев-Заяц, стольник Г.А. Плещеев-Глазун и др.[224] Выдвинувшиеся в опричнину Басмановы-Плещеевы во второй половине XVI — начале XVII в. неизменно выступали приверженцами радикальных преобразований в русском обществе, поэтому можно предположить, что именно к ним тяготели тушинцы, вышедшие из опричной среды, такие, как И.И. и П.С. Волынские, И.Ф. Наумов-Хрулев, Б.И. Сутупов и др. Примечательно, что в конце 1608 — 1609 г.

подавляющее большинство из них служило городовыми воеводами: М.И. Колодкин-Плещеев и И.Ф. Наумов-Хрулев — в Ростове, Ф.М. Плещеев — в Пскове и Великих Луках, Ф.К. Плещеев-Смердов — в Суздале, Н.Ю. Плещеев — в Муроме, И.И. Волынский и Б.И. Сутупов — в Ярославле[225]. Тушинское руководство, как и Лжедмитрий I, явно старалось держать радикалов подальше от новой «столицы» страны и не позволяло им создать сильную боярскую группировку.

В Тушине собралось довольно много бывших фаворитов Лжедмитрия I и их детей. Имеются в виду кн. В.М. Мосальский-Рубец, Д.В. Мосальский-Горбатого, А.Ф. Литвинов-Мосальский, кн. А.Ф. Жировой-Засекин, И.П., С.П. и Ф.П. Засекины, Г.П. Шаховский, М. Молчанов, А.А. Нагой, Ф.Ф. Мещерский, И.Т. Грамотин, П.А. Третьяков, С. Линев, Б. Сутупов[226]. Прибыв в Тушино, они рассчитывали на высокие награды и богатые пожалования, но многих из них ждало разочарование. Почетное место в Воровской думе занял бывший дворецкий Лжедмитрия I боярин кн. В.М. Мосальский-Рубец, но должность дворецкого осталась за кн. С.Г. Звенигородским[227]. Ветеран движения кн. Д.В. Горбатый-Мосальский в конце 1608 г. был назначен воеводой в Кострому, где вскоре погиб. Младшие стольники А.Ф. Литвинов-Мосальский и В.В. Клобуков-Мосальский заняли высокие места при дворе самозванца. Но это в значительной степени можно было объяснить их молодостью и родством кн. А.Ф. Литвинова-Мосальского с Филаретом[228]. Прибывший в конце 1608 г. в Тушино из ссылки первоначальный «воровству заводчик» кн. Г.П. Шаховский получил у Вора высший думный титул «боярина и слуги», но уже весной 1609 г. был назначен полковым воеводой и отправлен на борьбу со М.В. Скопиным-Шуйским к Твери. Князь А.Ф. Жировой-Засекин, будучи пожалован в бояре, отправился на воеводство в Псков. Городовыми воеводами служили кн. И.П. и С.П. Засекины[229].

С.Ф. Платонов высказал предположение, что Лжедмитрий II и его ближайшее окружение старались держать аристократов на воеводских должностях, и реальная власть в Тушине находилась преимущественно в руках незнатных дьяков. Выявленные данные не подтверждают этого наблюдения. Анализ служебных назначений тушинских думцев показывает, что при особе «государя» постоянно находилась в основном родня Фи-

ларета, по-видимому, составлявшая своеобразное ядро, вокруг которого объединились осколки членов боярских группировок, изгнанных из Государева двора в Москве. Зять Филарета боярин И.И. Годунов, по-видимому, обеспечил членам Романовского кружка поддержку родни Н.Д. и М.И. Вельяминовых. Через свояков кн. А.Ю. Сицкого и Р.Ф. Троекурова Филарет Романов мог опираться на Ярославских князей. Шурин брата Филарета И.Н. Романова кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский, вероятно, помогал находить взаимопонимание с кн. В.М. Рубцом-Мосальским и его братией[230]. Свойство с М.Г. Салтыковым позволяло поддерживать партнерские отношения с Салтыковыми и Трубецкими. В лице думных дьяков И.Т. Грамотина и П.А. Третьякова Филарет Романов имел своих людей в тушинской приказной среде. Аристократы и другие члены Романовского кружка, как видно из служебных назначений, оттеснили на вторые роли в Воровской думе как ветеранов повстанческого движения, так и прибывших вместе с ними представителей других боярских группировок[231].

Переговоры воровских бояр с командирами наемных отрядов свидетельствуют, что в конце 1608 г. бояре М.Г. Салтыков, В.М. Рубец-Мосальский, Г.П. Шаховской и думный дворянин Ф. Андронов вошли в состав *Ближней думы* самозванца и стали играть там первые роли[232]. Боярам С.Г. Звенигородскому и И.М. Заруцкому, благодаря поддержке наемников и казаков, удалось сохранить свое влияние в Ближней думе, но оно уже не было столь велико. Думный дворянин Федор Андронов стал ведать казной вместо Григория Кашинца. Думный дьяк П.А. Третьяков потеснил в поместном приказе Д.Т. Рындина. Думный дворянин Г. Веревкин явно отошел в тень[233].

§ 5. Воровской Государев двор

Вопрос о составе Воровского двора Лжедмитрия II в литературе специально не изучался. Говоря о придворных чинах, историки ограничились общими замечаниями, основанными на показаниях попавшего в плен к земцам холопа Гав.Г. Пушкина Ивашки Матвеева, что «стольники и чашники у Вора у Дмитрея его же казаки»[234]. Выявленные нами данные о персональном составе Воровского двора свидетельствуют, что заяв-

ление Ивашки Матвеева не соответствует действительности. Среди выявленных стольников и стряпчих Вора более половины составляли представители княжеских, боярских родов и дворян, чьи предки имели думные чины, например стольники П.М. Салтыков, кн. В.В. Клобуков-Мосальский, кн. А.А. Хованский, В.П. Шереметев, стряпчие кн. Ф.М. Барятинский, Ф.М. Бутурлин, кн. Ф.Д. Мезецкий и др.[235] Все остальные воровские стольники и стряпчие происходили из провинциального дворянства, представители которого в мирное время не могли рассчитывать на места в Государевом дворе. Из казаков были только стольники братья А.З. и И.З. Посовецкие[236]. Структура воровских придворных чинов в точности соответствовала соотношению думных чинов, поскольку, как уже неоднократно говорилось, именно эта категория чинов Государева двора являлась главным кадровым резервом Боярской думы.

С.Ф. Платонов в своем исследовании особое внимание уделил выяснению персонального состава Тушинских приказных, т. к. полагал, что именно в их руках сосредоточились нити управления страной. Проверка показала, что многие названные историком дьяки и подьячие в действительности верно служили Сигизмунду III в 1611—1612 гг. и лишь немногие — Тушинскому вору. Некоторые из упомянутых дьяков, например В. Янов («Шуйскому по жене племя»), М. Булгаков, И. Измайлов, являлись верными приверженцами Василия Шуйского. А. Царевский, Б. Замочников, К. Сазонов-Коробейников, С. Дмитриев, Г. Кологривов в тушинских документах не упоминаются[237]. Использованная нами методика выявления тушинских чинов позволила выявить 24 тушинских дьяка и провести просопографический анализ этой категории лиц Воровского двора[238]. Из всех тушинских думных дьяков лишь И.Т. Грамотин ранее служил в этом чине при Лжедмитрии I, из дьяков — только Я. Акакиев, П.А. Третьяков, М. Тюхин и В. Юрьев. Денис Сафонов был сыном дьяка Лжедмитрия I и, вероятно, по молодости и из-за опалы отца еще не успел достичь высокого положения в московской дьяческой иерархии. Думные дьяки Нехороший Лопухин, Сарыч Линев и Иван Чичерин, судя по всему, в недавнем прошлом были городовыми дворянами[239]. Подьячими в недавнем прошлом работали Богдан Грязев и Василий Юрьев. Евдоким Витовтов был сыном видного дьяка

конца XVI в. Якова Витовтова и племянником дьяка Лжедмитрия I — Тимофея Витовтова. Дьяки Федор Апраксин, Семой Зборовский, Иван Микулин, Григорий Терпигорьев, судя по всему, ранее служили городовыми дворянами, Степан Соловецкий был «торговым мужиком»[240]. Среди восьми, известных по источникам, подьячих тушинских приказов только Юрий Леонтиев, Тимофей Трифанов, Матвей Чубаров работали в этой должности при прежних государях. Происхождение и прежние службы Герасима Матвеева, Семого Матчина, Гаврилы Отлипаева, Василия Скурыгина, Иллариона Чернышова неизвестны[241]. Приведенные факты позволяют высказать предположение, что высшая московская приказная бюрократия, за исключением немногих представителей видных дьяческих фамилий (Витовтовы, Ковернневы и Сафоновы), сохранила верность Василию Шуйскому. Только треть из упомянутых выше тушинских дьяков и подьячих имела опыт работы в приказах. Большинство происходило из средних слоев тогдашнего мира: городовых дворян, торговых людей и поповичей[242]. Служба самозванцу открыла перед ними большие перспективы, позволила приобрести покровителей среди тушинских бояр. Вопреки мнению С.Ф. Платонова, они не могли играть самостоятельной роли в тушинской администрации и стали послушным орудием в руках Лжедмитрия II и его окружения.

§ 6. Воровские приказы

Источники позволяют установить штат некоторых Тушинских приказов. Боярин Д.Т. Трубецкой и дьяк И.Т. Сафонов, как свидетельствуют источники, возглавляли Разрядный приказ[243], боярин Р.Ф. Троекуров, думные дьяки И.И. Чичерин, П.А. Третьяков, С. Линев, подьячий Семой Матчин работали в Поместном приказе, думный дьяк Н.В. Лопухин — в Посольском приказе, думный дьяк Д.Т. Рындин, а затем Д.И. Сафонов — в Печатном приказе, Григорий Кашинец, затем Федор Андронов — в приказе Большого прихода, боярин С.Г. Звенигородский — в приказе Большого дворца, окольничий Богдан Сутупов и дьяк Матвей Сомов сосредоточили в своих руках управление приказами Казанского, Астраханского и Нижегородского дворцов[244]. Появились в Тушине новые приказы, ранее в Москве

не существовавшие, например Казачий, которым руководил боярин И.М. Заруцкий[245]. Тушинская приказная система, как видно из приведенных фактов, в своей основе являлась точной копией Московской и мало чем от нее отличалась.

Упоминания московских и выборных дворян Вора с указанием чина в источниках единичны, поэтому анализ состава этих категорий чинов Воровского двора сильно затруднен. Выявленные данные дают основание предположить, что отъехавшие служить в Тушино московские дворяне, такие, как Г.И. Татищев, кн. И.Ф. Хованский. И.В. Щелкалов, выборные дворяне кн. В.Р. Барятинский, А.Иг. и И.Иг. Вельяминовы, кн. С. Вяземский, кн. М.И. Солнцев-Засекин. Кн. Шаховские, по-видимому, составили лишь верхний слой офицерских чинов Воровского двора. Основной костяк московских и выборных дворян Вора, судя по всему, составляли представители городовых дворян и детей боярских типа сильно захудавших кн. З.В. и М.В. Белосельских-Белозерских, бывшего дьяка Ф.М. Озерова, дворян И. Благова, В.А и И.А. Давыдовых, И.Ф. и С.Ф. Зубатых, М.Г. Ловчикова, В.Ф. Талбузина и др.[246]

Назначения на воеводские должности в полки и в города показывают, что московские и выборные дворяне из Москвы, представители провинциального дворянства центральных уездов, вероятно, так же как и в других категориях лиц Воровского двора, явно отодвинули на второй план командиров-ветеранов повстанческого движения. Воровскими полками, осаждавшими Смоленск, к примеру, командовал бывший стольник кн. Д.М. Черкасский, под Нижним Новгородом — выборный дворянин по Костроме кн. С.В. Вяземский и т. д.[247] В Суздали местную власть возглавил окольничий из стряпчих Федор Плещеев-Смердов, во Владимире — боярин из дворян московских Михаил Вельяминов, в Муроме — стольник из жильцов Никифор Плещеев, в Юрьеве — выборный дворянин по Суздалю Федор Болотников, в Ярославле — боярин из дворян московских кн. Федор Барятинский и боярин из стряпчих Иван Волынский, в Угличе — выборный по Владимиру Матвей Ловчиков, в Костроме — бояре кн. Дмитрий Мосальский и Н.Д. Вельяминов, в Вологду самозванец назначил «стряпчего» Федора Нащекина[248]. Видный участник движения И.И. Болотникова вождь северских дворян Ю. Беззубцев, направленный воеводой из

Тушина в Коломну, явно терялся в этом перечне[249]. В отличие от родовитых городовых воевод Василия Шуйского тушинские воеводы за редким исключением были близки к уездным дворянским корпорациям и прекрасно знали местные нужды. Опытными людьми были некоторые тушинские городовые дьяки и подьячие, например Иван Коверниев, Третьяк Копнин, Иван Луговской[250]. Тушинским боярам, как видно из приведенных фактов, удалось существенно обновить традиционные органы государственного управления и сблизить их с местными земскими обществами.

§ 7. Войско самозванца

К исходу 1608 г. завершилось формирование Тушинского войска[251]. Переход на сторону Лжедмитрия II основной массы служилых людей северных и северо-восточных уездов России резко изменил структуру тушинского войска. В нем появились довольно многочисленные *дворянские и стрелецкие отряды,* которые обычно составляли костяк русской армии того время. Тушинские отряды, так же как и правительственные войска, широко привлекали для военных нужд даточных *из посадских и крестьян*[252]. Иначе говоря, в тушинском войске появились все традиционные элементы русской армии. Но коренное отличие воровского войска от правительственного заключалось в том, что эти традиционные элементы играли подчиненную, а не ведущую роль, как это было в правительственной армии. Современники свидетельствуют, что тушинское руководство не доверяло перебежчикам и старалось не допускать скоплений отрядов поместного ополчения[253]. Их обычно использовали для борьбы с правительственными войсками на периферии и, как правило, первыми бросали в бой[254].

Основное ядро войска Лжедмитрия II составляли полки иноземных солдат и казаков. Хорошо подготовленные, прекрасно оснащенные полки наемников имели несомненные военные преимущества перед разоренными многолетней гражданской войной дворянами и особенно перед наспех сколоченными отрядами посадских и крестьян. *Наемники* были сведены в полки и роты, но из-за личной неприязни гетманов Р. Ружинского и Я. Сапеги у них фактически не было единого командо-

вания. Р. Ружинский хотя и считался верховным главнокомандующим войсками самозванца, реально руководил только полками, сформированными в основном из шляхтичей Киевского и Брацлавского воеводств. Я. Сапеге подчинялись отряды инфляндских наемников. Изредка оба гетмана совещались в Тушине по особо важным вопросам. В остальном оба наемных войска жили достаточно автономной жизнью. Гетманы старались решать свои проблемы самостоятельно, созывая либо советы полковников («коло полковничье»), либо собрания войска («коло войсковое»)[255].

Казачество, благодаря освобождению из царских застенков многих ветеранов повстанческого движения[256] и «показаченья» низов населения Замосковья, Поморья, Новгородской земли, значительно выросло. А.Л. Станиславский полагал, что, несмотря на это, влияние казаков на дела в Тушине было невелико, так как казаки не составляли единой организованной силы[257]. Наблюдения исследователя нуждаются в уточнениях. Действительно, пятигорцы и погребинские казаки входили в состав наемных полков самозванца. Полки запорожцев подчинялись гетману Р. Ружинскому, а полк А. Лисовского — гетману Я. Сапеге. Не было в Тушине и традиционного высшего органа самоуправления вольных казаков — Войскового круга[258]. Но его и не могло быть, так как официально всеми казачьими делами ведал глава специально созданного в Тушине Казачьего приказа боярин И.М. Заруцкий[259]. Казачество, таким образом, все же имело в Тушинском лагере свою организацию, но это были структуры служилого, а не вольного казачьего войска, которое быстро росло, набирало силу и со временем стало осознавать свои интересы.

Проведенное исследование не подтвердило сложившиеся в литературе представления о Василии Шуйском как «боярском царе», а о его правлении как «аристократической реакции». Царь Василий, так же как прежние московские государи, продвигал на ключевые места в органах государственного управления «своих» людей, зачастую незнатного происхождения, отбирая их по принципу личной преданности. Одновременно он закрыл доступ к престижным чинам и должностям представителям оппозиции, хотя они вполне на них могли претендовать, согласно местническим счетам. Кадровая политика, по-

видимому, явилась одной из причин военных поражений, преследовавших правительственные войска в борьбе с самозванцем. Попытки В. Шуйского возложить ответственность за неудачу на оппозицию и репрессии, которым он подверг своих «недругов» летом 1608 г., подтолкнули часть молодых аристократов, в основном дворян московских и стольников, к отъезду в Тушино. Их бегство свидетельствовало о глубоком кризисе Государева двора и в немалой степени способствовало ослаблению государственного порядка в стране. Однако масштабы «перелетов» не следует преувеличивать. Большинство высших иерархов церкви, думцев и основная масса членов Государева двора сохранила верность В. Шуйскому и до конца боролась с самозванцем и его приверженцами.

Беглецы-аристократы получили у царика думные чины и изрядно потеснили в Воровской думе его прежних бояр и окольничих. Присяга Лжедмитрию II большей части дворянских корпораций позволила образовать в Тушине новый Государев двор и органы центрального и местного управления. Проведенное исследование подтвердило гипотезу Р.Г. Скрынникова, что созданные в Тушине государственные структуры не являлись какой-то принципиально новой формой «революционного» режима и были точной копией московских органов власти, хотя и более пестрой по составу. Существенные отличия имело только войско самозванца, ядро которого составляли отряды наемников и казаков, а не дворянское ополчение, как это было в Москве. Они были профессионально лучше подготовлены и вооружены, проблема заключалась в том, что их содержание требовало огромных средств, которые разоренная гражданской войной Россия дать не могла. Повстанческое движение, после появления Лжедмитрия II, в течение 1608 г. подверглось явному перерождению.

Примечания

[1] Платонов С.Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве в начале XVII в. М., 1995. С. 269—273.

[2] Гиршберг А. Марина Мнишек. СПб., 1908. С. 111.

[3] Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в России в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 119—120, 502.

[4] Polak W. O Kreml i Smoleńszczynę: Polityka Rzeczpospolitej wobec Moskwy w łatach 1607—1612. Toruń, 1995. S. 58.

[5] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 12. С. 76, Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 212; Карташов А.В. Очерки по истории Русской Православной Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 67—68.

[6] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 198—199.

[7] Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 декабря) 1608 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 88. С. 180; Грамота патриарха Гермогена тушинцам // Там же. Т. 2.№ 169. С. 288; Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955. С. 273; Новый летописец // Полн. собр. рус. летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 83.

[8] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 269—270

[9] Грамота патриарха Гермогена тушинцам...

[10] Грамота Сигизмунда III «патриарху» Филарету и ответ Филарета в феврале 1610 г. // Временник Московского общества истории и древностей Российских (ВМОИДР). М., 1849. Кн. 1. С. 35—39.

[11] Роспись сенаторов Лжедмитрия I // Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). М., 1819. Ч. 2. № 93. С. 207—210; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения: В 2 ч. Киев, 1993. Ч. 2. С. 73.

[12] Роспись сенаторов... С. 207—208; Ульяновский В.И. Православная Церковь и Лжедмитрий II // Архив русской истории. М.,1993. Вып. 3. С. 29—62.

[13] Арсений (Елассонский). Мемуары // Дмитриевский А. Архиепископ Арсений Елассонский и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С.139, 232; Жития царевича Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1909. Т. 13. Стб. 892, 918; Грамота В. Шуйского в Пермь 20 (30) мая 1606 г. // ААЭ. Т. 2. № 44. С. 100.

[14] Отписка П. Бекетова в Переяславль-Залесский 14 (24) октября 1608 г. о присяге самозванцу суздальцев // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 99. С. 132; Новый летописец. С. 82; Sapieha J. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 197; Грамота Лжедмитрия II Я.П. Сапеге с просьбой оградить имущество архиепископа Галактиона от разграбления. Oddial Rukopisow Biblioteki Polskieij Akademii Naukowiej w Krakowie (OR BPAN). Ms. 345. № 65. Л. 129—129об.

[15] Sapieha J. Op. cit. S. 210, 223; Палицын А. Указ. соч. С. 123.

[16] Грамота митрополита Ростовского Филарета протопопу Устюжского собора 30 ноября (10 декабря) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 58; Новый летописец. С. 96; Палицын А. Указ. соч. С. 123.

[17] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 26 октября (6 ноября) 1608 г. // СХ. № 12.12. С. 23—24; Строев П. Списки российских иерархов и настоятелей церквей. СПб., 1877. С. 731.

[18] Псковская летописная повесть о Смутном времени // ПЛДР. Кон. XVI — нач. XVII в. С. 147.

[19] Новый летописец. С. 80—81.

[20] Грамота, утвержденная об избрании царем Б.Ф. Годунова // ААЭ. Т. 2. № 7. С. 39—40.

[21] Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12.08. С. 27—29; № 12.18. С. 32—33; № 12.22. С. 20—21; Архив Санкт-Петербургского Филиала Института российской истории Российской академии наук (АСПбФИРИ РАН). К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 300; Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (2). № 23/91, 71, 108; OR BPAN. Ms. 345. K. 65, 91; РИБ. Т. 2. Стб. 696—697; АИ. Т. 2. № 104. С. 133; № 107. С. 134; № 119. С. 240; № 139. С. 241; № 208; Sapieha J.P. Op. cit. S. 180, 183—184, 193—197.

[22] Грамота «патриарха» Ростовского Филарета Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 106. С. 136.

[23] Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 3.

[24] Там же. С. 355.

[25] Там же. С. 353—354.

[26] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. Кн. IV. М., 1989. С. 482.

[27] Скрынников Р.Г. Социально-политеческая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С.11—37; Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 67—79; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 54—56, 62—87.

[28] Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове, 1584—1605 гг. СПб., 1992. С. 36, 45, 47, 48; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 77.

[29] Карта Я. Сапеги 1608—1619 гг. С. 263—265; Список сторонников царя Василия Шуйского: (Новая находка в шведском архиве) // Археографический ежегодник (АЕ) за 1992 г. М., 1993. С. 317—318.

[30] Павлов А.П. Указ. соч. С. 77—78; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 77.

[31] Павлов А.П. Указ. соч. С. 45.

[32] Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 80; Смирнов И.И. Указ. соч. С. 145—150, 154—158 и др.; Шепелев И.С. Освободительнная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск: Изд-во Пятигорского педуниверситета, 1957. С. 82, 426.

[33] Павлов А.П. Указ. соч. С. 68; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 77.

[34] Жития царевича Дмитрия. Стб. 892, 918; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 200; Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII ст: Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. С. 40; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 79—80.

[35] Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. С. 12.

[36] Буссов К. Московская хроника 1584—1613 гг. / Пер. Е.И. Бобровой под ред. С.А. Акулянц. М.; Л., 1961. С. 297.

[37] Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 57—58, 61; Немоевский С. Записки (1606—1608) // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6. С. 76, 92; Дневник происшествий московских и посольства в Москву пана Н. Олесницкого и его секретаря А. Гонсевского // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 244—245.

[38] Павлов А.П. Указ. соч. С. 67—72.

[39] Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 54—56; Боярский список (БС) 1606/7 г. // Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 247—248; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. (Далее — Разряды). М., 1907. С. 201—202, 242; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 193.

[40] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 197—200; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба.... С. 21—35; Павлов А.П. Указ. соч. С. 73—76; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 69—76.

[41] Павлов А.П. Указ. соч. С.73—76; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 69—76.

[42] Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 75.

[43] Петров П.Н. История родов российского дворянства. М., 1991. Т. 1. С. 338.

[44] Белокуров С.А. Разряды. С. 40, 74, 79, 205; Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 330; Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского, 1606—1610 гг. // СВМГ. В. 2. М., 1915. С. 1—3.

[45] Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 62—69; Скрынников Р.Г. Смута в России... С. 305, 311; Белокуров С.А. Разряды. С. 94.

[46] Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 82—87.

[47] Скрынников Р.Г. Смута в России... С. 24.

[48] Ульяновский В. И. Россия в начале Смуты... С. 68—67.

[49] Там же. Ч. 1 С. 227—242.

[50] Петров Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 284.

[51] Белокуров С.А. Разряды. С. 77, 134.

[52] К примеру, чашник Бориса Годунова Н.Д. Вельяминов-Зернов (См.: ААЭ. Т. 2. № 26. С. 72; Белокуров С.А. Разряды. С. 71, 114, 192, 196), а также чашник В.И. Бутурлин и кравчие кн. А.Ю. Сицкий и кн. И.Б. Черкасский. (См.: БС. Ч. 1. С. 248, 251).

[53] Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 65.

[54] Отрывок брачного разряда при Лжедмитриевой свадьбе // СГГ и Д. Ч. 2. № 138. С. 291.

[55] Павлов А.П. Указ. соч. С. 66.

[56] Роспись сенаторов... С. 96; Гневушев А. Акты... С. 244; Белокуров С.А. Разряды. С. 8.

[57] Письмо окольничих М.А. Молчанова и кн. Ф.Ф. Мещерского Я.П. Сапеге в феврале — марте 1609 г. с просьбой защитить пожалованные им поместья от грабежей. АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402.

[58] Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. М., 1975. С. 563.

[59] БС. 1606/7 г. С. 247; БС 1610/11 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1909. Кн. 3. Отд. 3. С. 94—95.

[60] Павлов А.П. Указ. соч. С. 64.

[61]Там же. С. 66.

[62] О бегстве Б. Сутупова и Г. Микулина см.: Белокуров С.А. Разряды. С. 83; Буссов К. Указ. соч. С. 144, 175; Савицкий К. Дневник

// Муханов П.А. Записки гетмана С. Жолкевского. СПБ., 1871. Прил. 44. С. 191; ААЭ. Т. 2. № 91, 94; Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 503; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 145.

[63] БС. 1606/1607 г. С. 247—248; Список сторонников царя В. Шуйского...; Арсений (Елассонский). Указ. соч. С. 137—138.

[64] БС. 1606/1607 г. С. 247—248; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 98, 129—130, 497.

[65] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 9.

[66] Белокуров С.А. Разряды. С. 87, 269—271.

[67] Роспись сенаторам. С. 94—96; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты... С. 250.

[68] Белокуров С.А. Разряды. С. 41, 84, 140; Буссов К. Московская хроника, 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 144, 175; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 503.

[69] Белокуров С.А. Разряды. С. 84.

[70] Новый летописец. С. 70.

[71] Карта Я. Сапеги 1608—1619 гг. С. 263—265.

[72] Восстание И. Болотникова. М., 1959. С. 88, 241, 243, 245; Белокуров С.А. Разряды. С. 8, 10, 84, 139—140.

[73] Белокуров С.А. Разряды. С. 83, 155; Петров П.Н. Указ. соч. Т.1. С. 195, 206.

[74] Жена С.А. Волосского сделала в 1606/1607 г. по нему вклад в Троице-Сергиев монастырь. [См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (ВКТСМ). М., 1987. С. 137]. В мае 1607 г. кн. Д.Б. Приимков сделал вклад по сыну Афанасии в Троице-Сергиев монастырь (ВКТСМ. С. 56). По данным П.Н. Петрова, вскоре он умер (Указ. соч. Т.1. С. 195). В.В. Кольцов в последний раз упоминается в разряде сражения на р. Пахре (Белокуров С.А. Разряды. С. 42); Г.Ф. Нагой — в бою у с. Троицкого. (Там же. С. 89, 146).

[75] Белокуров С.А. Разряды. С. 11, 45, 143, 157, 214, 217; Восстание И. Болотникова. С. 249; Болтин Б. Указ. соч. С. 330. А.А. Телятевский 10 (20) октября 1607 г. был пленен правительственными войсками и, вероятно, до свержения Шуйского находился в опале. При Владиславе возвращен в Думу. Постригся в монахи и в 1612 г. умер (БС. 1610/11 г. С. 75; ВКТСМ. С. 86). И.Д. Хворостинин служил боярином Лжедмитрия II. В 1613 г. убит И. Заруцким (Петров П.Н. Указ. соч. С. 170).

[76] Белокуров С.А. Разряды. С. 42, 44, 87, 91, 95, 108, 117, 118, 119, 144, 259, 263.

[77] БС. 1606/7 г. С. 248; Белокуров С.А. Разряды. С. 12, 45, 87, 89, 117, 144; ВКТСМ. С. 56, 135, 137; Петров П.Н. Указ. соч. С. 388, 206; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 183; Кобеко Д.Ф. Волошский воеводич Степан Александрович // Известия Русского генеалогического общества. М., 1911. Т. 4. С. 32.

[78] Белокуров С.А. Разряды. С. 91, 118.

[79] Смирнов И.И. Указ. соч. С. 302—309.

[80] Белокуров С.А. Разряды. С. 269—270.

[81] Там же. С. 119.

[82] Там же. С. 97, 119.

[83] Там же. С. 119.

[84] Там же.

[85] Там же. С. 269—271.

[86] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 95.

[87] Белокуров С.А. Разряды. С. 269—271; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 600.

[88] Белокуров С.А. Разряды. С. 11—13, 46, 88, 96—97, 119, 171; Арсений (Елассонский). Указ. соч. С. 138—139; Список приверженцев царя Василия Шуйского.

[89] Во время похода В. Шуйского он оставался в Москве (Белокуров С. Разряды. С. 85). По данным родословцев, постригся (Петров П.Н. Указ. соч. С. 333). В Боярском списке 1610/11 г. не упоминается.

[90] Боярин Ф.И. Хворостинин, в иноках Феодосий, дал вклад в Троицу 8 мая 1608 г. (См.: ВКТСМ. М., 1987. С. 46).

[91] Последнее назначение в разрядах относится к концу 1606 — началу 1607 г. (Белокуров С.А. Разряды. С. 42, 89, 146). По данным родословцев, умер в 1610 г. (Петров П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 46).

[92] В 1607 г. послан В. Шуйским в Тобольск. Умер по дороге на Верхорутье. (См.: Сибирские летописи // ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 143.)

[93] Последний раз упоминается на свадьбе В. Шуйского (Белокуров С. Разряды. С. 269). В боярском списке 1610/11 г. его фамилии нет.

[94] Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 270.

[95] См.: Прил.

[96] Новый летописец. С. 85, 87.

[97] В последний раз на службе у Василия Шуйского упоминается в 1607 г. (Белокуров С.А. Указ. соч. С. 178). Факт пребывания в Ту-

шине подтверждается тем, что он в числе других Мосальских, служивших самозванцу, пожалован 30 марта 1610 г. городом Мосальском [Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АЗР). СПб., 1851. Ч. 4. С. 402]. В Боярском списке 1610/11 г. его по каким-то причинам нет. По родословцам, он получал воеводские назначения в 1614, 1616 гг. (Власьев Г.А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. С. 239).

[98] Боярский список 1610/11 г. С. 75.

[99] Белокуров С.А. Разряды. С. 125.

[100] Пожалован 8 апреля 1610 г. (Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 277; БС. 1610/11 г. С. 76).

[101] См.: БС. 1610/11 гг. С. 76; Власьев Указ. соч. С. 197—198.

[102] См.: Прил.

[103] Гиршберг А. Указ. соч. С. 78.

[104] Жолкевский С. Указ. соч. С. 15.

[105] Новый летописец. С. 79—80.

[106] Белокуров С.А. Разряды. С. 14.

[107] Новый летописец. С. 87.

[108] Список приверженцев царя В. Шуйского...

[109] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 237; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 93—95.

[110] БС. 1606/7 г. С. 248—260; БС. 1610/11 г. С. 82—86.

[111] БС. 1610/11 г. С. 78—82, 86—95.

[112] Там же. С. 95—103.

[113] Белокуров С.А. Разряды. С. 5—6, 82, 138, 184.

[114] Там же. С. 82, 138.

[115] ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 192; № 112.1. С. 214; АИ. Т. 2. № 194. С. 224—225.

[116] Там же.

[117] БС. 1606/7 г. С. 247.

[118] БС. 1606/7 г. С. 247; Белокуров С.А. Разряды. С. 223.

[119] Там же.

[120] Там же. С. 95, 120, 160; Список приверженцев царя В. Шуйского...

[121] Белокуров С.А. Разряды. С. 223.

[122] Список приверженцев царя В. Шуйского...

[123] Там же.

[124] БС. 1610/11 г. С. 82.

[125] Белокуров С.А. Разряды. С. 223.

[126] БС .1610/11 г. С. 84.

[127] Павлов А.П. Указ. соч. С. 109—111.

[128] Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты. Ч. 1. С. 243.

[129] БС. 1606/7 г. С. 248—253.

[130] Белокуров С. Разряды. С. 7, 79, 83, 136, 139.

[131] Памятники литературы Древней Руси. Кон. XVI — нач. XVII в. М., 1987. Коммент. С. 600.

[132] Белокуров С.А. Разряды. С. 77.

[133] Там же. С. 81, 83; БС. 1606/7 г. С. 254.

[134] БС. 1606/7 г. С. 248—253.

[135] Там же.

[136] БС. 1606/7 г. С. 248—253.

[137] Белокуров С. Разряды. С. 271.

[138] Там же. С. 79, 135.

[139] Синодик убиенных во бранех // Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России XVI в. М., 1986. С. 185.

[140] БС. 1606/1607 г. С. 250.

[141] Там же.

[142] Белокуров С. Разряды. С. 9, 88—89, 145—146.

[143] Ср.: БС. 1606/7 г. С. 248—253; БС. 1610/11 г. С. 78—82.

[144] Павлов А.П. Указ. соч. С. 110.

[145] Роспись русского войска 1604 г. С. 74, 90.

[146] БС. 1610/11 г. С. 78—82.

[147] Белокуров С.А. Разряды. С. 121, 174.

[148] См.: Прил.

[149] Павлов А.П. Указ. соч. С. 111—112.

[150] Там же. С. 112.

[151] БС. 1606/7 г. С. 248—254.

[152] Болтин Б. Указ. соч. С. 331; Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования М.Ф. Романова // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 40.

[153] В 1611 г. его поместье пущено в раздачу. (См.: Сухотин М.Л. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610—1611 гг. М., 1911. С. 78—80.)

[154] БС. 1610/11 г. С. 78—82.

[155] БС. 1610/11 г. С. 82—84.

[156] Павлов А.П. Указ. соч. С. 112.

[157] Белокуров С.А. Разряды. С. 89, 146.

[158] Павлов А.П. Указ. соч. С. 112.

[159] Павлов А.П. Указ. соч. С. 117—119.

[160] Седов П.В. Реконструкция жилецкого списка 7119-го года // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб.; Киев, 1993. С. 57—77.

[161] Павлов А.П. Указ. соч. С. 117—119.

[162] Седов П.В. Указ. соч. С. 57—77.

[163] Там же.

[164] Белокуров С.А. Разряды. С. 9, 89, 91, 146.

[165] Павлов А.П. Указ. соч. С. 117—118.

[166] Там же.

[167] См.: Прил.

[168] См.: Прил.

[169] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

[170] БС. 1610/11 г. С. 84—86.

[171] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 9, 18, 20, 30, 46, 61—62, 67, 69, 71—73, 79, 82, 85, 94—95, 109, 120, 129, —130, 133, 138, 147, 151—152, 168, 170, 176,179, 183, 185, 193, 197, 202, 216, 228, 230, 238, 263—264, 270, 275, 296, 301, 312, 320, 325, 330, 333—334, 376, 380, 382, 384, 394—395, 402, 406, 415, 418, 440, 446, 448, 460, 463, 465, 468—500, 509, 514, 519—520, 530, 540, 554, 558,572, 574, 579, 585, 590, 592, 597, 600.

[172] См.: Прил.

[173] БС. 1606/7 г. С. 248; Белокуров С.А. Разряды. С. 46, 109, 185.

[174] Павлов А.П. Указ. соч. С. 113.

[175] Там же.

[176] БС. 1598/99 г. // Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 183—189; Утвержденная грамота Борису Федоровичу 1598/99 г. // ААЭ. Т. 2. № 7. С. 43—44.

[177] БС. 1606/7 г. С. 254—260.

[178] Новый летописец. С. 74; Болтин Б. Указ. соч. С. 331; Белокуров С.А. Разряды. С. 80, 94, 136; Пискаревский летописец // ПСРЛ. М.,1978. Т. 34. С. 214.

[179] Белокуров С.А. Разряды. С. 7, 80, 138.

[180] Там же. С. 40, 76, 204.

[181] БС. 1606/7 г. С. 254—260.

[182] Там же. С. 255.

[183] Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 272.

[184] Белокуров С.А. Разряды. С. 80, 136; БС. 1610/11 г. С. 92.

[185] Белокуров С.А. Разряды. С. 80, 136, 47, 92, 96, 119, 156, 159.

[186] БС. 1606/7 г. С. 249—250.

[187] См.: Прил.

[188] В.И. Вешняков, кн. И.Д. и И.Л. Клобуковы-Мосальские, И.Д. Плещеев, Б.И. Полев, кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский и Т.И. Траханиотов. (См.: БС. Ч. 1. С. 88—89.)

[189] В 1586/87 г. кн. И.А. Татев, в 1588/89 г. Е.В. Бутурлин, И.Г. Волынский, кн. А.И. Гундоров, И.Г. Волынский, Т.В. Грязной-Ховрин, кн. А.Б., В.В., В.Т. и Г.Т. Долгогрукие, кн. Ф.С. Друцкий, кн. И.Ф. Жировой-Засекин, кн. И.А. Солнцев-Засекин, кн. Б.И. и С.И. Белоглазово-Лыковы, В.Т. Плещеев, Н.М. Пушкин, кн. А.А. Репнин, кн. И.П. Ромодановский, кн. В.М. Лобанов-Ростовский, кн. А.Д. Приимков-Ростовсий, кн. М.Г. Темкин-Ростовский, кн. Ф.А. Татев, Н.В. Траханиотов, М.С. Туренин, кн. В.А. Тюменский, кн. А.В., А.Д. Хилковы, кн. П. Ахамашуков-Черкасский, кн. В.Г., Г.И., И.А., И.Г., И.О., К.И. и Л.О. Щербатые. В БС 1588/89 г. из дворян московских в особую статью выделены служилые князья. В предшествующих и последующих списках они в особую статью не выделялись, поэтому рассматриваются нами в одном чине. (См.: БС. Ч. 1. С. 119—125; 125—129.)

[190] М.Ф. Аксаков, кн. М.П., Ф.П. и Я.П. Барятинские, М.С. Дмитриев, кн. А.Г. и В.Г. Долгорукие-Чертенки, кн. Ф.Т. Долгорукий, кн. П.Б. Засекин, кн. И.Г., С.Г. и Ф.А. Звенигородские, Д.О. Крабов, В.Я. Кузьмин-Караваев, Ф.И. Кузьмин, кн. М.А. Куракин, кн. И.Н. Одоевский-Меньшой, В.Р. и С.Р. Олферьевы, А.А. Пушкин, Б.С. Сабуров, И.Н. Салтыков, А.Д., И.Д. и П.Д. Селунского, Я.И. Стариков, кн. С.А. Татев, кн. М.М. Шаховский, кн. М.А. Щербатый. (См.: БС. Ч. 1. С. 183—186; Утвержденная грамота Борису Годунову // ААЭ. Т. 2. № 7. С. 43—44.)

[191] И.И. Внуков, В.С. Волынский, кн. Ю.Г. Мещерский, кн. В.Ф. Александров-Мосальский, кн. Д.В. Горбатого-Мосальский, кн. Г.А. Ноздреватый, И.Н. Чепчугов. (См.: Роспись русского войска 1604 г. С. 57—58, 74, 91.)

[192] Кн. Г.К. Волконский, кн. Г.С. Коркодинов, кн. А.В. и А.Д. Сицкие, И.В. и В.П. Головины, кн. И.М. Барятинский-Манка, Ю.Г. Пильемов, кн. С.Д. Щербатый, Б.И. Долматов-Карпов, Г.Г. Пушкин, кн. Г.П. Шаховский. (См.: Белокуров С.А. Разряды С. 41, 76, 79—81, 136—139.)

[193] Г.П. и Ф.П. Чюдиновы-Акинфовы, кн. И.П., Н.П. Барятинские, К.Д. Бегичев, И.П. Биркин, Б.Д., И.М., Ф.Л. Бутурлины,

кн. И.Ф. и М.К. Волконские, А.Я. Волосский, кн. П.И. Горчаков, кн. А.В. и Д.И. Долгорукие, Б.В. и И.И. Заболоцкие, кн. Н.Д. и С.И. Засекин, кн. В.А. Звенигородский, А.Ф. Зиновьев, И.А. Измайлов, Г.В. и Ф.В. Яковлев-Измайлов, С.Б. Колтовский, А.Ф. Колычев, М.П. Контакузин, кн. Ф.С. Коркодинов, И.И. Курлетев, кн. И.Ю. Шапкин-Мезецкий, И.В. Милюков, Г.Ф. Образцов, В.С., Н.М. Плещеевы, И.М., Л.М., М.А., Н.А. Пушкины, А.Г. Релтакузин, А.Н., Г.Н. и И.Н. Ржевские, кн. В.И. Буйносов-Ростовский, кн. А.В. Лобанов-Ростовский, кн. А.В., А.Д., Б.Н. и И.Н. Приимковы-Ростовские, Г.Ф. Сумбулов, Г.И. Татищев, С.В. Чередов, А.В. Шерефединов, А.И. Шестунов, И. Шихмамаев, кн. Д.И. Щербатый, Н. Юсупов, М. Ядровский. (См.: БС. Ч. 1. С. 254—260.)

[194] БС. 1606/7 г. С. 254—260.

[195] См.: Прил.

[196] Павлов А.П. Указ. соч. С. 119—120, 122.

[197] БС. 1610/11 г. С .95—103.

[198] Там же.

[199] См.: Прил.

[200] Там же.

[201] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АЗР). СПб., 1851. Ч. 4. С. 320—341.

[202] См.: Прил.

[203] ААЭ. Т. 2. № 91.3. С. 186.

[204] См.: Прил.

[205] Там же.

[206] См.: Прил.

[207] Там же.

[208] См.: Прил.

[209] Там же.

[210] БС. Ч. 1. С. 202; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 25 ноября (5 декабря) 1608 г. с запрещением въезжать в вотчины «боярина» П. Волынского // СХ. № 12.17. С. 27; Белокуров С. Указ. соч. С. 42, 74; Sapieha J. Op. cit. S. 203.

[211] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 270—271.

[212] См.: Прил.

[213] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 270—271.

[214] См.: Прил.

[215] Polak W. Op. cit. S. 58.

[216] Отписка вологжан устюжанам в декабре 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 94. С. 192.

[217] См.: Прил.

[218] Там же.

[219] Там же.

[220] См.: Прил.

[221] Там же.

[222] Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба. С. 25.

[223] См.: Прил.

[224] См.: Прил.

[225] Там же.

[226] Там же.

[227] Там же.

[228] Там же.

[229] Там же.

[230] Петров П.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 48.

[231] См.: Прил.

[232] Sapieha J.P. Op. cit. S. 197, 203, 214.

[233] См.: Прил.

[234] Расспросные речи А.Ф. Палицына // ААЭ. Т. 2. № 91. 3. С. 186.

[235] См.: Прил.

[236] Там же.

[237] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 273.

[238] См.: Прил.

[239] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 293—294, 300, 324, 455, 484—486, 503, 522—528, 568.

[240] См.: Прил.

[241] СХ. № 12.60, 12.64, 12.70; Арзамасские поместные акты... С. 342; АИ. Т. 2. № 164, 168, 212; АСПбФИРИ РАН. К.124. Оп. 1. Ед. хр. 258; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 293, 322, 324, 392, 524, 566, 569—571.

[242] См.: Прил.

[243] ААЭ. Т. 2. № 91.3. С. 186.

[244] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 273; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 71, 154, 190, 263, 558, 600; АИ. Т. 2. С. 150—151, 213—214; СХ. № 12.67; Арзамасские поместные акты... С. 242, 244, 342; В. 8. С. 89; Будила Й. Указ. соч. Стб. 125, 150, 179, 245; БС. 1610/11 г. С. 74.

[245] СХ. № 12.70.

[246] См.: Прил.

[247] Там же.

[248] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 273; АИ. Т. 2. № 94, 108, 117, 183, 351; СХ. № 12.3, 12.22, 12.25; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197; БС. Ч. 1. С. 130, 193, 198, 222, 248, 255; Ч. 2. С. 184.

[249] Будило Й. Указ. соч. Стб. 151.

[250] СХ. № 12.12; ААЭ. Т. 2. № 94; Псковские летописи. Т. 2. С. 272; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 109, 246, 258—259.

[251] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 40.

[252] Новый летописец. С. 93—92. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8610 (1). № 10, 100.

[253] ААЭ. Т. 2. № 94. С. 191

[254] АИ. Т. 2. № 136, 153, 351. С.158, 177—178, 418.

[255] Sapieha J.P. Op. cit. S. 192, 195, 202—203.

[256] Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 217; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197.

[257] Станиславский А.Л. Гражданская война в России в начале XVII ст.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 26, 30.

[258] Rejestr wojska polskiego, które jest przy Caru na Moskwie. ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Уа. Л. 323—324; Sapieha J. Op. cit. S. 188.

[259] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) декабря 1609 г. с приказом «беречь» донских казаков // СХ. № 12.70. С. 76—77.

ГЛАВА 8

ТУШИНЦЫ И ЗЕМЩИНА ЗАМОСКОВЬЯ И ПОМОРЬЯ

Поместное ополчение не требовало от казны значительных денежных затрат, т. к. дворяне должны были являться на службу «людно, конно и оружно» с запасом продовольствия. Иное дело — наемники и казаки. Они, в отличие от дворян, могли рассчитывать только на «государево денежное жалование» и «корм». Впервые в истории податное население России было вынуждено содержать целое войско, что в то время ему было явно не по силам. Будучи в Стародубе, самозванец обещал иноземцам тройное жалование в сравнении со среднеевропейским, подарки и поместья, если наемник решит остаться в России. Своими обещаниями он и его окружение ставили себя в безвыходное положение. Население Северщины, заоцких и Украиных городов после разорений многолетней гражданской войной потеряло и то, что давало казне в мирное время, не говоря уже о том, чтобы выполнить обещания «царика» наемникам. К тому же Григорий Отрепьев освободил северян от налогов на 10 лет. Лжедмитрий II волей-неволей вынужден был выполнять указы первого самозванца и отказаться от взимания налогов в полном объеме с местного податного населения[1].

В архиве Яна Сапеги сохранилась грамота, которая свидетельствует, что Лжедмитрий II и его окружение поначалу пытались решить проблему снабжения своего войска традиционными путями. Приказные люди самозванца, так же как правительственные чиновники, собирали с податного населения традиционные денежные и натуральные налоги и свозили их в уездные города. Местные воеводы, следуя распоряжениям Лжедмитрия II, обязаны были выдавать деньги и корм отрядам наемников и казаков или отправлять их на нужды двора. «Царик» и его гетманы требовали, чтобы ни солдаты, ни их слуги не проводили самочинных конфискаций у населения. Записи Дневника Яна Сапеги свидетельствуют, что это были не просто декларации. К примеру, слуги наемников, ограбившие купцов в окрестностях Смоленска, были жестоко наказаны. Результатом такой политики явился постоянный рост «долгов» самозванца наемному войску[2].

Непомерные обещания Лжедмитрия II и задержки с выплатой жалования из квартала в квартал являлись причиной постоянных бунтов наемников. Поначалу самозванцу удавалось отделываться новыми обещаниями. В октябре 1607 г. он поклялся иноземным солдатам оплатить дорогу в Россию и обратно, а в мае 1608 г. посулил разделить между ними царскую казну и сокровищницу после захвата Москвы[3]. Вскоре, однако, Лжедмитрий II под давлением иноземных солдат был вынужден соглашаться на принятие мер, которые привели к трансформации нарождающегося государственного режима. Предпосылки для этого были созданы весной 1608 г., когда Роман Ружинский и наемники захватили власть в стане самозванца. После Болховского сражения они заставили «царика» и его бояр назначать в города, наряду с русскими воеводами, иноземцев[4].

Захват Псковщины, Новгородчины, Замосковья и Поморья позволил тушинцам переложить основную тяжесть содержания наемных и казачьих полков на местных земцев. Население Северщины, по непроверенным данным И. Масса, в 1608—1609 гг. смогло вздохнуть свободно и приступить к восстановлению разрушенного войной хозяйства[5]. Иначе сложилась судьба попавших под гнет новых властей земцев северо-восточных земель. В октябре 1608 г., после очередных задержек с выплатами жалования, наемники, по инициативе ротмистра Андрея Млоцкого, отобрали у воровских дьяков окладные книги, заставили самозванца отправить вместе с русскими приказными в города и уезды страны представителей иноземного войска, которые должны были добиться уплаты налогов населением[6]. В ожидании «заслуженного» иноземные солдаты, с подачи сапежинцев, разделили дворцовые волости и села между полками и ротами наемного войска и превратили их в «приставства», с населения которых, так же как недавно в Белоруссии, начали собирать «кормы на прожиток». Каждая рота направила в захваченные дворцовые волости пристава и слуг, которые брали продовольствие и фураж «столько, сколько хотели» [7].

Историки, опираясь на данные нарративных и частично документальных источников, нарисовали яркую картину безудержных насильственных поборов и пришли к заключению, что именно эти бесчинства тушинцев явились главной причиной восстания земщины Замосковья и Поморья против само-

званца и его воинов[8]. Документы архивов Я. Сапеги и Соликамского уездного суда содержат массовую информацию о механизмах функционирования тушинского режима в отдельных уездах Замосковья, которая позволяет выявить и проанализировать не только его общие черты, но и специфику новой власти.

§ 1. Тушинцы и жители Московского уезда

Ян Сапега, судя по Росписи сбора оброчных дров и угля конца 1608 — начала 1609 г., контролировал девять из тридцати пяти волостей Замосковной половины Московского уезда[9], поэтому в его архиве отложились одиннадцать документов, отразивших взаимоотношения тушинцев с земцами Московского уезда: пяти волостей дворцовых Братошино и Олешня[10], Тайнинской[11], Загарской[12], Селенской[13], Гуслицкой[14], патриаршей — Сенесской[15] и Троицкой — Вохонской[16]. В Дневнике гетмана кратко излагается содержание еще по крайней мере трех отписок. Несмотря на плохую сохранность фонда, его данные, будучи пополнены показаниями Нового летописца[17], в целом дают возможность получить общие представления о взаимоотношениях тушинцев и местных земцев в конце 1608—1609 гг.

В сентябре 1608 г., после прорыва тушинцев в Замосковье, местные крестьяне, как видно, опасаясь, что с ними обойдутся как с врагами, попытались обезопасить себя, семьи и имущество присягой самозванцу. Ее текст сохранился в крестоприводной записи детей боярских и крестьян патриаршей Сенесской волости. Они «за всех мест, что ни есть в Сенесские крест целовали царю-государю и великому князю Дмитрию Ивановичу»[18]. Староста Ждан Алексеев и целовальник Илларион Митрофанов, изъявляя от имени всех крестьян дворцовой Селенской волости готовность принести присягу Лжедмитрию II, в конце челобитной указали: «А мы тебе, государю, не изменники»[19]. Аналогичным образом поступили староста Сергей Алексеев, целовальники Родион Васильев, Анцифер Андреев, Иван Давыдов и крестьяне дворцовой волости Загарья. В конце челобитной они обратились к Лжедмитрию II с просьбой, которая обнаруживает еще одно важное обстоятельство, подтолкнувшее земцев к принятию этого решения: «Вели, государь, нас от московских загонщиков обороняти, а мы, государь, от

московских загонщиков вконец погибли: выграбили, государь, хлеб, и живот, и платье, и людей, государь, жгуть и пытают денег!»[20]. С. Дындов и крестьяне сел Гребеново и Братошино в отписке ротмистру И. Мирскому прямо говорили, что всех велел московский Шубин и воевати»[21]. Утратив контроль над Подмосковьем, правительственные силы, как видно из документов, занялись откровенным грабежом и превратили жителей местных сел и деревень в своих врагов. Крестьяне заявили самозванцу, что «ради за тобя, государя... Бога молити и головы свои класти, и своими малыми детьми»[22]. И это были не просто слова. Местные жители, по данным материалов архива Я. Сапеги, перехватывали московских гонцов. Кпримеру, братошинские крестьяне захватили троицкого слугу и сына боярского с письмами приверженцев В. Шуйского[23], вохонские крестьяне 17 (27) апреля 1609 г. пленили московских сотников с грамотами[24]. Местные крестьяне держали тушинцев в курсе всех передвижений правительственных войск. Например, в мае 1609 г. крестьяне Вохонской, Загарской и Сенесской волостей известили Я. Сапегу, что из Владимира к Москве «водою и берегом» идет крупный правительственный отряд «с казною» и запросили помощи, чтобы перехватить врагов на Вохонской заставе[25]. Братошинские крестьяне неоднократно предупреждали сапежинцев об отправке экспедиционных отрядов из Москвы[26].

Тушинцы постарались извлечь максимальные выгоды из создавшейся ситуации. В Подмосковные волости были назначены «добрые приставы», которые, в отличие от других уездов, активно сотрудничали с местным населением и помогали бороться с карателями[27]. Источники не содержат данных о передаче подмосковных волостей в «приставства» полкам и ротам наемного войска. Просьбы жителей обычно удовлетворялись. Так, поп Миняй Троицкой церкви из села Болтина Тайнинской волости, обратившись к Лжедмитрию II с просьбой о жаловании, получил по распоряжению Я. Сапеги у его казначея Латавского 2 рубля[28]. Политика тушинского руководства в отношении населения Подмосковья помогла ему не только заручиться поддержкой местных земцев, но и получить от них военную помощь.

Враждебное отношение населения Подмосковья к правительству всерьез обеспокоило Василия Шуйского и его окру-

жение, так как, благодаря помощи крестьян, под угрозой оказалось снабжение Москвы продовольствием по Коломенской дороге. «Увещевательная грамота троицких властей крестьянам Вохонской волости» и «Наказная память коломенского воеводы С.М. Глебова М. Евлахову» показывают, что московское руководство попыталось действовать методом кнута и пряника. Они сообщали жителям Подмосковья об успехах кн. М.В. Скопина-Шуйского и земских ополчений Замосковья и Поморья и призывали принести повинную царю Василию, который обещал им «вины» отпустить. В противном случае власти грозили, что государь «велит на вас послати рать свою многую и велит вас пленити и жечи до основания». Примечательно восклицание троицких властей в их увещевательной грамоте крестьянам Вохонской волости: «У Москвы на посаде живете, а так плутаете?!»[29]. Однако эта риторика, судя по данным документов, мало помогала. Подмосковные жители предпочитали поддерживать тушинцев до тех пор, пока не стало ясно, что они терпят поражение.

В дореволюционной литературе на основе данных Нового летописца сложилось мнение, что в разоренных войной волостях Подмосковья в 1609 г. образовались многочисленные шайки разбойников, которые вскоре объединились вокруг атамана Ивана Салкова — мужика из Хатунской волости Замосковной половины Московского уезда. Их действия, по мнению исследователей, сильно напоминали движение «разбоев» 1601—1603 гг. Н.М. Карамзин даже называл И. Салкова вторым Хлопком[30]. И.С. Шепелев иначе интерпретировал статьи Нового летописца о И. Салкове. Историк пришел к выводу, что движение под его руководством возникло независимо от тушинских властей и «есть ничто иное, как стихийная борьба социальных низов города и деревни против боярского правительства»[31]. Документальные источники из архива Я.П. Сапеги рисуют несколько иную картину. Они показывают, что постоянная военная опасность вынудила земцев подмосковных волостей создать отряды ополчения, в которые помимо дворян входили «охотчие люди» из крестьян, верставшихся в казаки[32]. Руководитель одного из таких отрядов в селах Гребеново и Братошино, С. Дындов, летом 1609 г. просил помощи у ротмистра И. Мирского для отражения карателей, вышедших из Москвы[33]. Такие же отряды из

Вохонской, Загарской и Сенесской волостей сорвали попытку правительственного отряда из Владимира прорваться в столицу[34]. Сопоставление этих наблюдений с данными Нового летописца показывает, что «хатунский мужик» И. Салков являлся командиром одного из таких отрядов. Вероятно, благодаря недюжинным способностям, он смог в начале 1609 г. объединить отряды подмосковных ополчений и помог ротмистру А. Млоцкому и кн. П. Урусову перерезать дорогу из Коломны в Москву, лишив столицу поступлений продовольствия и фуража из Рязани[35]. Защищая свои деревни и села, отряды подмосковных ополчений, действительно, вели борьбу с московскими царем и боярами, но вряд ли эту борьбу можно назвать классовой. Они «служили» тушинскому царю и боярам, которые их «оберегали» от «изменников» московского царя и бояр. Никаких существенных изменений в социальном статусе подмосковных земцев не произошло. Тушинский вор не собирался быть народным царем и жаловать подмосковных крестьян землей, травой и водой «безданно и беспошлинно». Да они этого и не требовали. Самозванец в своей политике по крестьянскому вопросу действовал подобно «прирожденным» Московским государям. Кпримеру, в апреле 1609 г. он пожаловал дворцовую Селенскую волость в поместье дворянину Василию Давыдову и его брату[36]. Это вызвало острое недовольство крестьян. Они наотрез отказались верить предъявленной дворянами жалованной грамоте самозванца и нести повинности в их пользу. Братьям пришлось обращаться за поддержкой к гетману Я. Сапеге[37]. Примечательно, что только после разгрома отрядов И. Салкова в конце 1609 г. жители подмосковных сел и деревень, вероятно, разуверившись в способности тушинцев противостоять правительственным силам, принесли повинную Василию Шуйскому. Целовал крест Московскому царю и И. Салков с остатками своего отряда[38].

§ 2. Тушинцы и жители Переяславля Залесского и Переяславского уезда

Переяславский уезд располагался в непосредственной близости от лагерей Я. Сапеги и А. Лисовского у Троице-Сергиева монастыря, поэтому в архиве Я. Сапеги отложилось наиболь-

шее число отписок и челобитных его жителей, а в дневнике и других бумагах гетмана имеются многочисленные упоминания о ходе дел в этом уезде. Сохранившиеся переяславские документы можно сгруппировать следующим образом: 1) Отписки из Переяславля Залесского; 2) Александровой слободы; 3) Дворцовых волостей: Слободской, Аргуновской, Окружной, Закубежской; 4) Дворцовых сел Верхнедубенского, Рождественского, Никитского, Кинельского станов и 5) из Переяславских монастырей, прежде всего, Киржачского.

Расположившись лагерями у Троицы, Я. Сапега, как свидетельствуют документы, отправил в соседний Переяславский уезд вместе с отрядом пана Головича фуражиров-загонщиков для сбора необходимых для войска «кормов». Гетман, как написал в своем письме ротмистр А. Юшизский, приказал: «Желающих приводить к крестному целованию, а не желающих и не доброжелательных царю, Его Милости противников, изменников, которых нам, слугам своим, Ваша Милость соблаговолил приказать воевать и добывать, как неприятелей царя Его Милости...»[39]. Сапежинцы вели себя, как на вражеской территории. Крестьяне дворцовой Слободской волости жаловались Лжедмитрию II: «Приещают, государь, к нам ратные люди литовские и татаро и русские люди: бьют, государь, и мучат животы, грабят и жены бесщестят...»[40]. Аналогичные жалобы содержатся в челобитной крестьян дворцовой Закубежской волости: «Пощади сирот своих государевых, не вели нас литовским людем воевати и насмерть побивати, и женишек и детишек наших в полон имати, и животишек наших грабити, и своих, государь, вотчиных деревень Закубежские волости пожигати... Литовские люди нас, сирот твоих, в Закубежской волости многих людей насмерть посекли и животишка наши все поимали, а... достальные твое государевы крестьянишка остались, и оне с страху и с ужасу скитаются по лесу и болоту душею и телом, хлебишко наше, рожь и ярь, не жата и озимая не сеяна»[41]. Население Переяславского уезда попыталось найти спасение от грабежей и насилий, принеся присягу самозванцу. Первыми целовали крест Вору 27 сентября (7 октября) 1608 г. жители Александровой слободы и прилегающих дворцовых волостей и станов[42]. Жители Переяславля Залесского и остальных станов уезда выжидали около полутора недель, но, подвергшись гра-

бежам, к 7 (17) октября 1608 г. также были вынуждены целовать крест Вору[43].

Дворяне, посадские и крестьяне рассчитывали, что теперь новые власти восстановят порядок и прекратят грабежи, но их ждало разочарование. После 25 сентября (5 октября) 1608 г. загонщики разорили храмы и престолы в Семионовском монастыре Александровой слободы[44]. Крестьяне дворцовой Аргуновской волости писали Лжедмитрию II: «Животы наши пограбили и лошади поимали до твоего государева крестного цолования и после твоего государева крестного цолования. Приезжали твои ж государевы загонные люди четыре деревни украинные от Московского уезда пожгли... животы их и статки поимали и лошади и жон их жгли и позорили»[45]. В этой ситуации крестьяне Аргуновской волости видели выход в том, чтобы царь дал им «добрых приказчиков», которые бы их берегли[46]. Попросили у Вора «приставов для береженья» и жители других волостей и станов.

Появление приставов мало что изменило в судьбе посадских и крестьян. К примеру, крестьяне с. Сватково Верхнедубенского стана жаловались самозванцу: «Пристав, государь, нас силой не бережет, что село наше на дороге большой. И сено вывезли, и хлеб яровой весь перемолотили. А которые, государь, паны едучи в город, и те нас сирот бьют и грабят, и жен наших емлют, и дети на постелю. А мы люди грабленная, не дадут нам хлебца умолотить, а едучи нас пытают пити и ести, и лошадем корму, и в том нас мучат»[47]. Не помогли приставы крестьянам Закубежской волости. Во второй известной нам челобитной Вору они написали: «И нынеча, государь, загонные люди у нас в Закубежские воласти живут без выезду, животишка наши и статки все поимали, и женишка наши на лесу познабили, а нас сирот твоих мучат розными муками... А приставов, государь, твоих загонные люди не слушают, и нам, государь, сиротам твоим, от загонных людей вконец погинуть»[48]. Не хотели приставы Закубежской волости вникать в реалии местной жизни. К примеру, пристав Барацкий не пожелал войти в положение приглашенного для служения в местную церковь Преображения попа Никиты и не разрешил ему собрать на прожиток хлеб прежнего попа[49]. Не защитили от грабежей крестьян сел Андреевского, Иркова и Жердева Кинельского стана пристав пан М. Завязский. Загонные люди, по словам кресть-

ян, «пристава нашего лают и похваляютца убить»[50]. Некий пан Ахосский, не послушав пристава, отобрал у крестьянина с. Андреевского, Левки, последнюю клячу[51]. Пристав Адамович сам во главе банды загонщиков занялся грабежами и насилиями в соседнем Юрьевском уезде[52]. Монахи и крестьяне Киржачского монастыря также сообщили самозванцу в своей челобитной, что загонные люди данного им «пристава Станислава Стамбровского с товарищи бьют и секут, и нас, сирот, бьют же, и мучат и секут, и иных до смерти, а женишка наши и дочеришка позорят и с собою в табуры свозят...»[53]. Аналогичная ситуация сложилась и в вотчинах других переяславских монастырей. Настоятели Горицкого, Данилова, Никитского, Федоровского, Борисоглебского монастырей сообщили Вору в своей челобитной, что «владеют де их монастырскими вотчины: селы и деревнями, загонные... ратные люди из твоего (Я. Сапеги. — *И.Т.*) полку, а им де крестьяны владеть не дадут»[54]. Челобитчики умоляли самозванца послать к их приставу дополнительные силы, чтобы он смог пресечь разбои[55]. Владельцы засыпали Лжедмитрия II и Яна Сапегу челобитными с просьбой послать «доброго пристава» в их вотчины и поместья, чтобы защитить их от грабежа[56]. К концу 1608 г. в Переяславском уезде губные и земские старосты и целовальники утратили реальную власть. Она оказалась в руках приставов-иноземцев.

Вслед за загонщиками в деревни и села Переяславского уезда прибыли посланные цариком приказные, которые начали собирать деньги, столовые запасы и конские корма в пользу тушинцев. Сын боярский, К. Миляев, и донские казаки в октябре—ноябре 1608 г. взыскивали с дворцовых, монастырских, поместных и вотчинных земель «на царский обиход вина горячего» (водку. — *И.Т.*)[57]. Крестьяне дворцовых сел Андреевского, Ирково и Жердево Кинельского стана, объясняя самозванцу, почему они не могут заплатить налоги «вином» К. Миляеву и казакам, заявили, что «загонные люди те браги не дали свершити, многие суслом поразчерпали...»[58]. Врыбных слободах и селах К. Миляев и его казаки столкнулись с доверенными лицами Я. Сапеги, которые собирали запасы на гетмана и не думали выполнять распоряжения Тушинского вора[59]. Сын боярский Ф. Чернцов, рассыльщик Л. Тепурин и целовальник П. Фролов по наказу Вора безуспешно пытались собрать с двор-

цовых и монастырских волостей Переяславского уезда деньги, «столовые и конские кормы» на панский обиход[60]. Сыну боярскому И. Редрикову Лжедмитрий II приказал «сПереяславля с посаду и уезду» собирать «всякие запасы по платежным книгам и по Росписи...: яловицы, и бораны, и плти, и гуси, и куры, и сыры, и яйца, и масло коровье, и масло конопляное, и капуста, и сухари, и мука, и крупы, и горох, и конопли, и солод, и мед пресной, и вино, и хмель, и овес, и сено, и солома, а собрав тот корм», передать Я. Сапеге на содержание войска[61]. Сборщики налогов взыскивали деньги, корма и требовали исполнения повинностей без учета реальной ситуации в селах и деревнях Переяславского уезда. Крестьянин И. Першин из деревни Наумовой Слободской волости сетовал, что при сборе кормов и исполнении повинностей с крестьян брали подати повытно, а не подворно. В результате крестьяне, пострадавшие от грабежей загонщиков, должны были платить в прежнем объеме, наравне с крестьянами, избежавшими полного разорения[62]. Аналогичная ситуация возникла в д. Белозеровой Рождественского стана, где крестьянин О. Павлов, взявший было на иждивение семью убитого и ограбленного загонщиками брата, оказался перед необходимостью платить подати за его семью в полном объеме[63]. Разоренное загонщиками население не в состоянии было выплатить тушинским властям ни денег, ни столовых запасов, ни конских кормов. Походная канцелярия Яна Сапеги была завалена адресованными самозванцу челобитными посадских и крестьян с просьбами оградить их и семьи от насилий. Пытаясь спастись от грабежей, крестьяне описывали самозванцу размеры постигших их бедствий. В ноябре—декабре 1608 г. крестьяне дворцовой Аргуновской волости в своей второй челобитной Вору указали, что загонщики «засекли до смерти шестнадцать человек да сожгли тридцать семь человек, а под ними было... тягла 24 выти.., достальных крестьянишков и женишков наших и детишков вымучат... загонные люди... жнут... житий хлеб молоченый, и стоячей и лошади и плате и животину рогатую и мелкую — все разграбили»[64]. В другой дворцовой волости, Окружной, загонщики «сожгли и иссекли до смерти 80человек да сожженых и иссеченых 42 человека лежат присмерти». Остальные же крестьяне, по словам челобитчиков, «перемучаны и розграблены, животишка... и статки поиманы

без остатков... вымучили... паны и казаки дунцы денег 661 рубли и 10 алтын з деньги, а лошадей 385, 600 коров и быков, 2315 свиней, 616 овец»[65]. Крестьяне с. Каринского Слободской волости нарисовали в своей челобитной Вору аналогичную картину: «Разорены от твоих государевых ратных воинских людей: лошади, коровы и всякая животина поймана, а мы, сироты твои, зжены и мучены, и дворишка, государь, наши все выжжены, не осталось ни единого дворишка, а что, государь, было хлебца ржинова, а и тот хлеб згорел же, а достальной, государь, хлеб, что было осталось после пожару, и тот нынеча хлеб твои государевы загонные люди вымолотили и развозили снопами...»[66]. Крестьяне с. Иркова Кинельского стана написали самозванцу: «Приезжают, государь, к нам, сиротам твоим, в село Ирково многие твои государевы ратные загонные люди, и твое царское богомолье церьковь разорили, и нас, сирот твоих, бьют и пытают розными пытками из денег, и животишка наши, лошади и быки, и коровы, и кабаны, и овцы и всякую животину, и платье поимали, и женишок наших, и дочеришок емлют на постелю сильно и позорят, а иные девки и жонки, со страсти, по лесом, в нынешную зимнюю пору от стужи померли.., а что было, государь, осталось хлебца, ржи и овса, и тот овес весь перемолотили и в пиве варят, и тот хлеб и пиво, нами же в таборы возят...»[67]. Крестьяне Киржачского монастыря жаловались самозванцу, что «половина крестьян те загонные люди присекли и пережгли насмерть, пытаючи денег. А которые, государь, крестьянишка остались, и тем пити-есть нечево: хлеб помолочен, а лошади и животина вся у нас побрали»[68]. Присланный Лжедмитрием II для сбора «вина горячего» в Переяславль Залесский в ноябре 1608 г. атаман К. Миляев так обрисовал в своей отписке Вору ситуацию, сложившуюся в уезде: «А многие, государь, в Переяславском уезде твои государевы дворцовые и манастырские села, и с поместные и вотчинные земли загонные люди разорили и животы их пограбили, и пожгли, и нам, холопем твоим, с тех разоренных мест на твой царьский обиход взяти вина не на ком»[69]. Сходные данные содержатся в письме поверенного Я. Сапеги Х. Конвицкого от 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.)[70].

Слуги наемников — пахолики сплошь и рядом торговали награбленным[71]. Среди русских нашлись люди, которые не по-

гнушались нажиться на чужой беде и занялись скупкой награбленного за бесценок. Они не подозревали, что это всего лишь уловка, чтобы выудить у «корыстующихся» наличные деньги. Как только покупатели доставляли приобретенные таким образом скот и имущество на свои подворья, они тут же подвергались грабежам пахоликов, которые отбирали не только приобретенное, но и хозяйское имущество[72]. Аналогичная ситуация, судя по челобитной крестьян с. Константиновского Закубежской волости, сложилась в лагерях у Троицы и в Тушино. Загонщики, по их словам, изъяли весь приобретенный ими «в таборах» скот[73].

Вскоре слуги иноземных солдат, как свидетельствуют наемники А. Рожнятовский и М. Мархоцкий, смекнули, что им незачем отдавать награбленное хозяевам и стали присваивать все себе. В считанные недели их разрозненные отряды, пополнившись русскими уголовниками, превратились в многочисленные банды и волна разбоев захлестнула Замосковье[74]. К примеру, одна из таких банд, судя по пометам Я. Сапеги на карте Поволжья, разграбила Переяславский Борисоглебский монастырь[75]. Укрестьянина д. Наумовой Слободской волости И. Першина челядь панов роты Закржевского вымучила 9 рублей[76]. Не отставали от иноземцев и некоторые русские. Бывший священник Иродион из Александровой слободы учинил настоящий грабеж в Богородицком Киржацком монастыре[77]. Продовольствие и фураж, по свидетельству побывавшего там в конце 1608 — начале 1609 г. А. Рожнятовского, перестали поступать в лагеря в Тушино и у Троицы в прежних объемах, что сильно обеспокоило наемников. Для борьбы с беглыми пахоликами даже были отправлены роты наемников[78]. Однако не они, а начавшееся в Поморье и Замосковье народное движение против тушинцев покончили с разбойниками.

В конце 1608 г., когда иноземные солдаты по предложению ротмистра Андрея Млоцкого, добились у самозванца, чтобы их представители собирали налоги вместе с русскими, в Переяславских волостях появились новые сборщики налогов[79]. В ноябре 1608 г. поверенные Я. Сапеги, некий пан Александр и ротмистры Синьский и А. Юшиньский, взыскали деньги и кормы на сапежинское войско с переяславских монастырей[80]. В декабре 1608 г. другой поверенный Я. Сапеги Х. Конвинский отобрал

у приказного И. Редрикова окладные книги, чтобы собрать все необходимое для сапежинского войска[81]. Затем в Переславском уезде появились посланные из Тушина для сбора налогов пан Я. Лозовский, стряпчий В.Н. Орлов, К. Андреев и И. Данилов. Из документов, отложившихся в архиве Я. Сапеги видно, что они взыскивали денежный налог по 80 руб. с сохи[82], что значительно превышало обычную норму[83]. Разоренное гражданской войной податное население, как свидетельствуют многочисленные челобитные, было не в состоянии уплатить эти непомерные налоги. Посадские и крестьяне продавали за бесценок свое имущество, давали кабалу на себя, жен и детей: «И мы, сироты твои, животишка свои продали и женишка, и детишка свои закабалили и заплатили в Переяславле...». Каково же было их недоумение, когда крестьяне узнали, что новые сборщики налогов требуют то, что только что собрали их предшественники: «А нынеча, государь, на нас правят тех же денег, а толку, государь, не объявят, и мы, сироты твои, нынеча в Переяславле стоим на правеже?»[84].

Одновременно с Я. Лозовским и В.Н. Орловым в Переяславль явился Ф. Копнин, который по приказу царика произвел поборы в пользу тушинских казаков. А.Л. Станиславский обратил внимание на челобитную переяславцев Лжедмитрию II с жалобой на действия «атамана» Ф. Копнина. Исследователь считает ее одним из ценных свидетельств «массового показачения холопов и крестьян» в период борьбы Василия Шуйского с Лжедмитрием II. Опираясь на наблюдения Б.Ф. Поршнева, историк полагает, что между уходом крестьян от владельцев и их восстанием существовала промежуточная форма социального протеста — «разбойничество». Неслучайно, по мнению исследователя, «казаки и разбойники были подчас для современников неразличимы»[85]. В архиве Я. Сапеги, помимо использованной А.Л. Станиславским челобитной, имеются еще три документа, отразивших деятельность Ф.Н. Копнина и его товарищей. Имеется в виду письмо Ф.Н. Копнина Я.П. Сапеге с просьбой препроводить его мать в Тушино для службы в свите царицы Марины Юрьевны, из которого следует, что он происходил из сильно обедневших детей боярских переяславцев[86]. Из челобитной переяславца Б.С. Лодыгина Лжедмитрию II следует, что Ф.И. Копнин явился в Переяславль «головой казачь-

им», а не «атаманом», как указано в челобитной переяславцев[87]. Его действия, как видно из документа, не являлись простым разбоем. В противном случае самозванец вряд ли пожаловав бы его, взяв его мать ко двору царицы[88]. Казачий голова, «казня» переяславцев дворян, посадских и попов, выколачивал деньги на содержание казачьего войска. На этой почве, как видно из анализируемого документа, у него и возник конфликт с присланными из Тушина сборщиками налогов для наемного войска, Я. Лозовским и В.И. Орловым[89]. В челобитной переяславцев, на которую ссылается А.Л. Станиславский, вопреки его утверждению, ничего не говорится о крестьянах. Речь идет только о боевых холопах, которых Ф. Копнин за долги хозяев брал в казаки: «Людишок наших полных, и докладных и кабальных в вольные казаки поимал сильно и нам, холопам твоим (переяславским дворянам. — *И.Т.*), твои царские службы без людишок служити нечем»[90]. Именно этот факт так возмутил местных дворян. В одной из крестьянских челобитных имеется прямое указание на то, что тушинцы верстали крестьян в казаки. Однако это отнюдь не был добровольный уход крепостных в вольные казаки. Тушинцы брали «даточных» в казаки, что являлось для крестьян тяжелой повинностью, от которой они умоляли самозванца их освободить[91]. Приведенные данные свидетельствуют, что в Переяславском уезде, как и в юго-западных областях России, радикально настроенные тушинцы пытались проводить политику возвращения боевых холопов в служилое сословие. Отличие заключалось в том, что здесь представители властей изымали холопов у дворян «сильно»[92], а не сами холопы, выступив против хозяев, добивались возвращения в служилое сословие.

Учредив в конце 1608 г. приставства в Переяславском уезде, сапежинцы, как свидетельствуют источники, действовали по отработанной в королевских владениях в Белоруссии и Литве схеме. Они поделили между полками и ротами дворцовые волости Переяславского уезда и направили туда своих слуг, которые брали продовольствие и фураж «столько, сколько хотели»[93]. Обобранное загонщиками податное население дворцовых сел и деревень теперь было вынуждено, отдавая последнее, «кормить» их хозяев. Х. Конвицкий сообщил Я. Сапеге: «Тут пахолики рыскающе, какого пана не знаю, так там при-

ставство разграбили, что все пусто. Ваша Милость, мой милостивый пан, будете недовольны и невнимательны к нам, т. к. живность будем собирать с большим трудом, поскольку нам досталось все пустым»[94]. Крестьяне д. Душинцева Верхнедубенского стана жаловались Лжедмитрию II, что ротмистр Колецкий и его солдаты, получив их деревню в приставство, обобрали их до нитки, взыскивая продовольствие и фураж не только на себя, но и на брата ротмистра из «больших таборов», а также некоего пана Корсакова. При этом они ни в малой степени не заботились, чтобы защитить крестьян своего приставства от грабежей и насилий проезжих панов и пахоликов. Крестьяне умоляли самозванца передать их деревню в приставство роты пана Сватка из полка М. Виламовского[95]. Солдаты и пахолики полка Я. Сапеги, захватив в приставство села Елпатьево, Григорьево, Головинское с деревнями и пустошами, их «разорили и выграбили и крестьян высекли, а достальных крестьян переграбили... взяли лошадей и коров больши трехсот, а хлеб, рожь и овес, весь вывозили»[96]. Не обошлось без недоразумений. Когда гайдуки пана Талипского прибыли в выделенное их роте приставство — дворцовое село Вяткино, то столкнулись с паном М. Мошницким и пахоликами роты пана Белозора. Наемники и не думали уступать друг другу. Пока шли разбирательства, крестьяне с. Вяткина подверглись двойным поборам. Один из них, Федор Иванов, лишился не только всего своего имущества. Его сына пан М. Мошницкий взял «насильством» в таборы, а невестку «держал у себя на постели»[97]. Вторгались слуги панов во владения частных лиц. К примеру, «боярин» М.И. Колодкин-Плещеев просил Я. Сапегу в мае 1609 г. выслать из своей вотчины с. Дуброви в Переяславском уезде, живущих там «хлопцов», панов Симана и Витезя[98].

Самозванец, как свидетельствуют его грамоты и отписки Я. Сапеге, а также челобитные тушинских бояр и дворян гетману, рассматривал происшедшее как временное явление и даже пытался жаловать дворцовые деревни и села в вотчины и поместья своим приверженцам[99]. Но, как видно из анализируемых документов, сапежинцы, разобравшие дворцовые деревни и села Переяславского уезда себе в приставства, и не думали выполнять этих распоряжений[100]. В апреле 1609 г. самозванец и его окружение, вероятно в следствии ухудшения снабжения

Тушинского лагеря, аннулировали все свои прежние пожалования дворцовых сел в вотчины и поместья «боярам и дворянам» и вернули их в собственность дворца. «Воинским людям» вновь было категорически запрещено в них въезжать, дабы «пашня в тех селах не залегла»[101]. Однако иноземные солдаты и не подумали выполнять указов царика и продолжали распоряжаться в своих приставствах как им заблагорассудится[102]. В июне 1609 г. Лжедмитрий II попытался передать Александрову слободу и прилегающие к ней дворцовые волости во владение царицы Марины «на ее нужды», но, как видно из его грамоты Я. Сапеги, с тем же успехом. Слободой и прилегающими к ней волостями по-прежнему продолжали владеть наемники сапежинского войска[103].

Итоги почти годичного властвования тушинцев в Переяславском уезде были весьма плачевны. Местная дворянская корпорация раскололась после прорыва тушинцев в Переяславский уезд. Часть детей боярских во главе с выборными дворянами Б. Зубовым, А. и Ю. Редриковыми приняли участие в героической обороне Троице-Сергиева монастыря[104], другая — встала на путь сотрудничества с тушинцами и приняла участие в разгроме Ростова и попытках взять штурмом Троицу[105]. К числу последних принадлежали Ф.Н. Копнин, его двоюродный брат А.А. Зезевитов, пытавшийся вернуть пожалованное его отцу Лжедмитрием I с. Рождественское с деревнями, которое Василий Шуйский у него отобрал и приписал к дворцовому с. Вяткину[106], дети боярские Ф.М. Грязев, З.К. и К.К. Шешковские, которые просили самозванца пожаловать им в поместье вотчину московских священников с. Фролищево в Юрьевском уезде[107], а также немчин Б. Емельянов, заполучивший в поместье с. Рязанцево с деревнями, которым ранее владел кн. В. Барятинский[108]. Так же, как и на юго-западе, это в основном была служилая мелкота, находившаяся на грани полного разорения. К примеру, у детей боярских Ф.М. Грязева, З.К. и К.К. Шешковских, по их словам, не имелось «поместейца и водчинки ни единой четверти»[109]. Можно было ожидать, что в Переяславском уезде, как на юго-западе, раскол в дворянской корпорации перерастет в открытую войну, но этого не произошло. Несмотря на то, что многие переяславские дети боярские служили самозванцу «явственно»[110], земельные пожалования из

дворцовых земель в Переяславском уезде получили не они, а главным образом представители тушинской знати. «Окольничим» кн. Ф.Ф. Мещерскому и М.А. Молчанову Лжедмитрий II дал в вотчину дворцовую Закубежскую волость, их племяннику Г. Моматову и Д. Салманову — с. Заболотье, «боярину» кн. Р.Ф. Троекурову — с. Новоселки с деревнями, думному дворянину И.И. Чичерину — с. Вяткино с деревнями[111], владимирскому воеводе «боярину» М.И. Вельяминову — с. Фалисово, Елпатьево, Григорьево, Головинское с деревнями, пустошами и починками[112]. Скорее всего, именно в это время «окольничий» Т.В. Грязной получил в вотчину в Переяславском уезде с. Русиново с деревнями, дьяк Ф.Н. Апраксин — с. Бектышево с деревнями, д. Федосеева, «боярин» кн. Ю.Д. Хворостинин — с. Жуково с деревнями[113]. Приведенные данные показывают, что тушинские власти никоим образом не стремились и не решали проблемы обеспечения землей местного дворянства. Вотчины и поместья, наряду с земельными владениями царя и церкви, подверглись разграблению загонщиками, а их крестьяне были задавлены налогами[114]. Многие дворяне и дети боярские лишились своих боевых холопов, которых тушинцы поверстали в казаки. Происходило это как раз в то время, когда местные дворяне и дети боярские широко использовались тушинцами на различных службах и в боевых действиях. Не ставили, судя по всему, тушинские власти цели по созданию новой дворянской корпорации взамен существующей из обедневших дворян и боевых холопов. Не случайно боевые холопы верстались не в служилые люди, а в казаки[115]. Оснований у переяславских дворян, посадских и крестьян для выступления против тушинцев было вполне достаточно, но в отличие от земцев других уездов Замосковного края, они присоединились к движению Поморских и Замосковных городов против Вора только с приходим правительственных войск. На позиции, занятые переяславскими земцами, по всей видимости, оказал влияние тот факт, что уезд располагался в непосредственной близости от лагерей сапежинцев у Троицы и любое выступление против тушинцев могло быть легко подавлено крупными силами карателей. Именно поэтому, оказавшись в отчаянном положении, переяславцы, судя по настрою их челобитных, до последней возможности пытались приспособиться к тушинскому режиму. В результате

тушинского властвования Переяславский уезд понес огромные потери людских и материальных ресурсов и вступил в полосу глубокого кризиса. Тем не менее здесь не наблюдалось социального размежевания и гражданских конфликтов подобных тем, которые происходили на юге и юго-западе страны. Это в немалой степени способствовало изгнанию тушинцев из уезда и быстрому восстановлению здесь государственного порядка.

§ 3. Тушинцы и земцы Юрьевского уезда

Дворяне, посадские и крестьяне Юрьева-Польского и уезда принесли присягу Лжедмитрию II следом за переяславцами. Их посольство прибыло в лагеря Я. Сапеги и А. Лисовского у Троицы 12 (22) октября 1608 г.[116] В отличие от переяславских документов, в «юрьевском фонде» архива Я. Сапеги сохранилась в основном переписка между тушинскими и местными властями: 6 отписок воеводы Ф.М. Болотникова, 2 письма доверенного лица Я. Сапеги Т. Крошиньского и 3 челобитные местных жителей. Большинство воеводских отписок связаны с челобитными местных жителей самозванцу, в которых кратко излагается их основное содержание. В целом фонд содержит довольно обширную информацию о тушинском режиме в Юрьевском уезде, что открывает возможность ее широкого использования в исследованиях.

Юрьевцы, принося присягу самозванцу, как и переяславцы, рассчитывали, что новые власти наведут порядок и прекратят бесчинства загонных отрядов в уезде. Жители дворцовых сел Симы и Некоморны собрали Я. Сапеге «в подарок» 20 рублей[117]. Юрьевский торговый человек М.И. Блохин, к примеру, питал надежду получить доходное место у Я. Сапеги, чтобы «творити прибыль» гетману, а за одно и себе[118]. Всем этим иллюзиям не суждено было сбыться. Несмотря на крестное целование, волна грабежей и насилий загонщиков захлестнула Юрьевский уезд. Местные священники, дворяне, посадские и «всякие черныя людишка» в своей челобитной жаловались Я. Сапеге, что «от ратных от загонных людей и от польских казаков и юртовских татар разорены, и животишка наши все пограблены, и церкви Божие разорены, Божие милосердие образы ободраны и переколоты, и всякое церковное строение поимали, и

животишко всякое, лошади и рогатую животину, загонные люди повыгнали, и хлебешко все перемолотили и повывезли, все до конца разорили, а сами мы, холопи государевы, с женишками и с детишками, скитаемся на посаде душею и телом». Духовные и светские землевладельцы в дополнении описали ситуацию, сложившуюся в их владениях: «А крестьян, государь, за нами ни единого бобыля, только жили своими дворишками, и те нынеча дворишка наши все разорены: хлебишко все загонные люди повымолотили, и людишка в полон поимали, а иные повысекли». Посадские в свою очередь сетовали: «От кормов и от подвод вконец погибли, что, государь, ездят изо всех Понизовых городов всякие литовские и польские люди и государевы посланники, и кормы, и подводы емлют многие, и тех, государь, подвод не воротитца ни единая лошадь». Крестьяне, по словам челобитчиков, «от Литвы настращены и бегают по лесам, и сыскати их немочно, и твоим государевым паном кормов взяти не на ком»[119]. Поверенный Я. Сапеги Т. Крошиньский, находившийся в то время в Юрьеве, в своем письме гетману полностью подтвердил факты, изложенные в челобитной переяславцев: «Ради Бога... Ваша Милость... соблаговоли воспрепятствовать тому, чтобы тут загонщики не грабили и не мучили людей, ибо великие неслыханные издевательства учиняют — страх Господень!»[120]. Наемник прямо говорит, что происходящее — дело рук банд загонщиков, которые вышли из под контроля тушинских властей. Бандиты, по его словам, разъезжали по уезду партиями по 60—70 человек и изымали все более-менее ценное подчистую: «Сколько тут разграбили и людей по деревням помучили, аж страх Божий!». Юрьевские монастыри и церкви, по словам Т. Крошиньского, подверглись безжалостному разграблению. Наемник пожаловался гетману, что сам едва не стал жертвой загонщиков и чудом избежал смерти[121]. Местным землевладельцам, как и в Переяславском уезде, пришлось просить у тушинских властей «добрых приставов» для защиты их собственности[122]. В начале 1609 г. с бандами загонщиков было покончено, но это не принесло покоя и порядка жителям Юрьева-Польского и его уезда. На смену грабежам и насилиям загонщиков пришли реквизиции властей на проходящие через уезд тушинские отряды[123].

В Юрьевский уезд, как и в Переяславский, вскоре после крестного целования Лжедмитрию II явились воровские приказные для сбора налогов. Юрьевцы писали Я. Сапеге, что поначалу тушинская администрация пыталась собирать налоги только на треть превышавшие обычную норму, «да с нас же, государь, взято в государеву казну, с бедных и разоренных, по двадцати по семи рублев с сохи...» [124]. Одновременно тушинские сытники начали собирать столовые и «конские» запасы на самозванца и его солдат[125]. Но вскоре наемники все взяли в свои руки. Пан Стрела из полка Я. Микулинского, въехав в дворцовую Симскую волость, отобрал у тушинских приказчиков все, что они собрали[126]. Паны Т. Крошиньский и П. Михалевский собирали «корма» на полк Я. Сапеги[127].

Обширные дворцовые волости Симскую, Турбьевскую, Некоморскую, Комовскую и Лычевскую[128] наемники разобрали в приставства ротам полков Я. Микулинского и Я. Стравинского[129]. Получив известия о происшедшем, самозванец прислал юрьевскому воеводе Ф.М. Болотникову приказ выслать из дворцовых сел панов и прочих воинских людей[130]. Царик пытался раздавать их в вотчины и поместья своим приближенным. Симскую волость он, к примеру, пожаловал «своим боярinам» Андрею и Ивану Никитичам Ржевским, села Лычово, Пальчуково, Кузьминское, Ослопово, Чермин и Бричино с деревнями — «боярину» Н.Д. Вельяминову[131]. Но как только юрьевские чиновники прибыли для отвода вотчины новым владельцам, паны Т. Медынский и Чубаров, взявшие эту волость в приставство для роты Я. Микулинского, грамот царя и распоряжений местных воевод слушать не стали и выслали приказных вон[132]. В марте 1609 г. самозванец пожаловал сына Касимовского царя Ураз-Магмета Магмед-Мурата «Юрьев-Польским посадом, и тамгою, и кобаки и всякими даходы, што преж сего бывало за Кайбулою царевичем»[133]. Но как видно из последующей отписки, полковник Я. Стравинский, считавший себя полным хозяином в уезде, и не думал делиться с новым владельцем и отказался выполнять распоряжения царика[134]. Не обошлось и без конфликтов между наемниками по поводу приставств. Т. Крошинский пожаловался Я. Сапеге, что некий пан Адамович, имея приставство в Александровой слободе, занялся поборами в Юрьевском уезде[135]. В дворцовых селах Сима и

Некомарня крестьяне были вынуждены отдать корма сначала на роту пана Хвоща, а затем Михалевского[136].

Документы юрьевского фонда свидетельствуют, что властвование тушинцев в Юрьевском уезде мало чем отличалось от Переяславского уезда: те же грабежи и насилия загонщиков, те же приставства и неудачные попытки самозванца и его бояр наладить местное управление и сбор налогов, то же нежелание тушинского руководства решать проблемы местных землевладельцев и то же использование полученной власти для собственного обогащения[137]. Как и переяславцы, юрьевские земцы: дворяне, посадские и крестьяне довольно быстро поняли, что принесла им тушинская власть, но не решались на открытое выступление против грабителей и насильников. В документах не содержится данных о классовой борьбе между дворянами, посадскими и крестьянами в уезде. Единственный известный нам факт открытого неповиновения — нападение крестьянина одного из сел с ножом на пахолика пана Побединского, которого он чуть не убил. Из письма Т. Крошиньского видно, что то была реакция доведенного до отчаяния человека, который, по мнению наемника, заслуживал снисхождения[138]. В основном местные земцы использовали пассивные формы сопротивления: челобитные, укрывательство, бегство[139]. Некоторые даже пытались спасти себя за счет предательства соседей. К примеру, воевода Ф.М. Болотников, узнав о том, что полк А. Лисовского пройдет через Юрьев на Суздаль и Владимир, вероятно с подачи местных жителей написал отписку Я. Сапеге, в которой умолял гетмана изменить маршрут и направить лисовчиков через волости Некомарну и Симу, т. к. то место будто бы «цело и жило и кормов у них много», а Юрьев — разорен[140]. Часть юрьевских дворян перешла на сторону земских ополчений Замосковья и Поморья только после успешного восстания против тушинцев во Владимире в мае 1609 г.[141] Остальные жители уезда предпочли дожидаться решающих побед правительственных войск над тушинцами.

§ 4. Тушинцы и жители Ростовского уезда

В результате разысканий удалось обнаружить 8 отписок воевод и приказных, 8 челобитных местных земцев и 2 чело-

битные донских казаков. Большинство выявленных челобитных были поданы служилыми людьми и лишь только одна, крестьянами. В дневнике Я. Сапеги имеются главным образом упоминания донесений о боях в окрестностях Ростова.

Присяга Лжедмитрию II, которую ростовчане принести после разгрома их города, некоторое время не принималась тушинцами[142]. Волна грабежей и насилий загонщиков захлестнула Ростовский уезд, также как другие уезды Замосковья в октябре—декабре 1608 г. Не случайно дети боярские и крестьяне Карашской волости описывали свои бедствия теми же словами, что земцы Переяславского и Юрьевского уездов: «Приезжают, Государь, к нам многие загонные всякие литовские и розных городов люди, и нас, холопей твоих, и крестьян мучат, и побивают, и позорят...»[143]. Примерно в это же время пахолики пана Ядровского «гвалт великий» учинили в поместье служилого литвина Я. Резицкого[144]. Служилые татары Хозяк-мурза Юсупов и Касым-мурза Ахметов жаловались Я. Сапеге, что в их вотчинах в Ростовском уезде «людишка достальные и крестьянишка... на правеже замучены насмерть и от загонных людей розарены розна»[145]. Пострадали от действий загонщиков вотчины тушинского патриарха Филарета. Лжедмитрий II в своей январской грамоте писал Я. Сапеге: «Дошла до нас весть такая, что из обоза Благосклонности Вашей наездами пахоликов часто имущество отца патриарха растаскиваемо». Самозванец потребовал, чтобы гетман «как в Ростовском уезде, так и во всех, владения отца патриарха... оборонить старался»[146]. Из челобитной слуги Борисоглебского монастыря Д. Юматова Я. Сапеге видно, что в Ростовском уезде, как и в других, отряды загонщиков к декабрю превратились в банды грабителей и насильников: «Пригнали, государь, к нам в Борисоглебскую вотчину в сельцо Олешково многие литовские и русские загонные люди... И меня, государь, те многие ратные загонные люди разорили, со всем животишком выграбили и подворьицо мое сожгли. И нынеча, государь, скитаюся, волочась, и с женишком моим и з детьми по чюжим двором»[147]. Ростовчане так же, как земцы других уездов, видели выход из создавшегося положения в том, чтобы Лжедмитрий II дал «своего государева бережителя от насилства загонных людей», «дати свою крепкую грамоту на Олександрово имя Лапинского и велети... быти при-

ставу»[148]. Посадские в своей июльской челобитной упомянули, что с бесчинством загонщиков в Ростове и уезде удалось покончить после назначения в город воеводы А. Лампинского[149]. Действительно, с начала 1609 г. известия о бесчинствах банд загонщиков исчезают из документов, но им на смену приходят жалобы на грабеж и насилия тушинских отрядов, направляемых властями для борьбы с земскими ополчениями: «А государевы ратные люди, паны и казаки, приезжают в монастырь по вся дни писать не дать по ся места. И достальные, государь, крестьянишка розбрелися розно. Жены и дети емлют на постелю»[150]. Картина, нарисованная ростовскими посадскими, была далека от действительности. То был «порядок» в разграбленном и обезлюдевшем уезде.

Испытали ростовчане на себе в полной мере тяжесть и неразбериху со сбором тушинских налогов. К примеру, крестьяне Карашской волости жаловались самозванцу, что заплатили налоги в Ростов, а затем с них взяли те же налоги, присланные из Переяславля приказные пан А. Петров и переяславец сын боярский Елизарей Онанин[151]. Власти Борисоглебского монастыря в своей майской 1609 г., умоляя Я. Сапегу освободить их от поборов, пожаловались гетману, что сначала исправно заплатили налоги в Ростов воеводе А. Лампицкому, затем в Переяславль, посланным из Тушина после бунта наемников, пану Лазовскому и В. Орлову, потом пану М. Уездовскому, а теперь, по их словам, с них вновь потребовал те же налоги ростовский воевода[152].

Настоящим бичом для ростовчан стала постойная повинность. Монахи Борисоглебского монастыря сетовали, что расквартированные у них романовские татары, «что было в селех и деревнех крестьян пограбили и посекли многих, и села и деревни пожгли. А татаровя стоят в наших кельях, а мы, царские твои богомольцы, скитаемся в черных службах и полмонастырю — из келий посыланы вон... А рать государева стоит в Борисоглебском монастыре от Велика дни и по ся места. А ныне, государь, корму твоего государева имать не на ком, потому, что стало пусто. Да с Углича прислан царевич Шихим Махметович Шарманшанский, а с ним пятьдесят человек, а кормим, государь, его монастырем»[153]. Жаловался в июне 1609 г. царику на поборы военных с его вотчины думный дьяк П.А. Третьяков:

«Правят на крестьянах его... на корм 30 рублев, и доправили де с тех его крестьян осмнадцат рублев, а в достальных денгах те его крестьяне стоят на правеже»[154]. Служилые татары Хозяк-мурза Юсупов и Касым-мурза Ахметов в июле 1609 г. умоляли Я. Сапегу освободить их сельцо Саввинское от поборов на корм ротам панов Шабловского и Яцкого, направляющихся из Ростова в лагеря у Троицы[155]. Крестьяне дворцовых сел Ростовского уезда были вынуждены отдать весь свой овес, сено и солому для содержания пригнанных сюда из Костромского уезда царских табунов, но фуража тем не менее не хватило, чтобы содержать коней до весеннего выпуска[156].

В Ростовском уезде, как в Переяславском и Юрьевском, имелось значительное количество дворцовых земель[157], но в источниках нет никаких данных об их захвате наемниками в приставства. В отписке конюшего приказчика Н. Лягасова самозванцу о получении кормов с дворцовых сел Ростовского уезда, в отличие от аналогичной отписки приказчика Н. Федорова из Юрьевского уезда, отсутствуют жалобы на панов, которые «в тех деревнях стоят»[158]. Вероятно, эти села были опустошены и обезлюдели до такой степени, что не представляли никакого интереса для иноземцев.

В дневнике Я. Сапеги записано, что, когда ростовские дети боярские явились к гетману после разгрома их города с изъявлением покорности и челобитьем о своих нуждах, то им во всем этом отказали[159]. В «ростовском фонде» архива Я. Сапеги сохранилось несколько дворянских челобитных о жаловании. Анализ показывает, что почти все челобитчики были освобождены из тюрем. К примеру, сын боярский Н. Нечаев за Лжедмитрия II «кровь свою и живат свой мучил в чепи, в железах»[160]. Немчин И. Родов также сидел «по приставам, в чепи и в железах и в тюрьме» со времени гибели Лжедмитрия I[161]. Сын боярский Т. Грачев был ограблен и угодил в тюрьму, когда был отправлен Т. Бьюговым в Ростов с предложением целовать крест Лжедмитрию II[162]. Челобитчики рассчитывали, что самозванец и его соратники щедро наградят их за пережитые страдания. В источниках нет никаких данных относительно того, были ли удовлетворены их просьбы. Они свидетельствуют, что, как и в других уездах, здесь жаловались главным образом приближенные самозванца. «Думный дьяк» П.А. Третьяков полу-

чил с. Сулось с выселками и деревнями, бывшую вотчину кн. Ф. Шестунова[163], И.М. Салтыков-Морозов — дворцовое село Великое с приселками и деревнями, Т.В. Грязной — с. Микулинское с деревнями[164], а его дети Б. и В. Грязные — «старинное вотчинное с. Зубарево с деревнями, с. Моклоково, д. Еремеево и Дмитрова[165], сестра Касимовского царя Ураз-Магмета царевна Бохты Сеиткулова дочь Шепелева — с. Деляево с деревнями[166].

В своих челобитных Я. Сапеге в июле 1609 г. ростовские дети боярские и посадские клялись в верности «царю Дмитрию», изъявляли готовность верно ему служить и исправно тянуть тягло[167]. Действительно, в ростовских документах, как и в переяславских и юрьевских материалах, нет свидетельств об открытых выступлениях местных дворян, посадских и крестьян против тушинских властей после разгрома Ростова или социальных конфликтах между крестьянами и феодалами. Не участвовали ростовчане, судя по имеющимся данным, и в движении земских ополчений Поморских и Замосковных городов против тушинцев. Однако, челобитным дворян и посадских не следует полностью доверять. Примечательно, что даны они, в отличие от аналогичной переяславской челобитной, раздельно[168]. Под каждой из этих челобитных стоит всего по девять подписей[169]. Если учесть, что в мае 1609 г. тушинскому воеводе И.Ф. Наумову для обороны города от отрядов земского ополчения, занявшего Ярославль, удалось собрать только 20дворян[170], то становится понятным, что за этими челобитными стоят единицы, а не все земцы. Ростовские земцы, после разгрома своего города, как свидетельствуют документы архива Я. Сапеги, избрали пассивные формы сотротивления тушинцам: подачу челобитных, уклонение дворян от службы и бегство крестьян в леса. На сторону В. Шуйского они перешли только после решающих побед правительственных войск над тушинцами в Замосковье.

§ 5. Тушинцы и земцы Суздальского уезда

В процессе разысканий удалось выявить 23 документа «суздальского фонда» архива Я.П. Сапеги и 19 упоминаний несохранившихся бумаг в дневнике гетмана и других источниках. В

основном это отписки местных воевод, командиров иноземных отрядов. Челобитных местных жителей отыскано сравнительно мало. В Суздале, в отличие от Переяславля, Юрьева и Ростова, издавна функционировало воеводское управление, которое опиралось на влиятельное местное дворянство и авторитет архиепископии. Основная масса челобитных, по-видимому, отложилась в местной воеводской избе, архив которой не сохранился.

В момент прорыва сапежинцев в Замосковье, суздальские дворяне, согласно царскому указу, должны были принять участие в походе владимирского воеводы Т. Сеитова к Переяславлю[171]. В источниках нет прямых указаний относительно того, приняли ли участие суздальцы в этом походе или нет. Однако, судя по тому, что Т. Сеитов благополучно миновав Суздаль, Юрьев-Польский, в конце концов оказался в Ростове, можно предположить, что какая-то часть детей боярских находилась в отряде владимирского воеводы. Нетчики во главе с Ф.К. Плещеевым, Г. Аргамаковым и Г. Мякишевым, воспользовавшись уходом приверженцев московского правительства, с помощью тушинского посланца П. Бекетова убедили детей боярских и посадских целовать крест Лжедмитрию II. Суздальцы, как указал в своей отписке сын боярский П. Бекетов, присягнули «царю Дмитрию» 14 (24) октября 1608 г., за день до ростовского боя[172]. Их посольство явилось к Я. Сапеге в лагерь у Троицы 15 (25) октября 1608 г.[173] Самозванец, получив послание П. Бекетова 20 (30) октября 1608 г., отправил суздальцам похвальную грамоту, в которой обещал «всяких служилых людей пожаловать своим Царским жалованьем, деньгами и сукны, а дворянских и детей боярских их великим поместным окладом и денежным жалованием верстать и в поместном окладе, и денежном жалованьи прибавку учинить»[174]. Священникам, посадским и крестьянам царик, по его словам, приказал «за службу и радение» дать тарханные грамоты, что с вас наших Царских податей никоторых не имати»[175].

Все обещания самозванца оказались пустой риторикой. Несмотря на присягу, суздальцам, как переяславцам, юрьевцам и ростовцам, не удалось избежать грабежей и насилий загонщиков. Воевода Ф. Плещеев в ноябре 1608 г. доносил Я. Сапеге: «А здесь, господине, в Суздале и в Суздальском уезде, и

в Володимире, от литовских людей убойства и грабежи русским людем великие...»[176]. Суздальский архиепископ Галактион жаловался самозванцу на «неслыханные оскорбления» и «выходки» рыцарства[177]. Земцы видели выход в том, чтобы Я. Сапега «запретил с великою грозою» своим солдатам и их слугам грабить, чинить беззакония в Суздальском уезде, выдал им охранную грамоту или дал «добрых приставов» — «нарочитых поляков» [178]. Но так же, как в других уездах, назначение приставов не решило проблемы. Торговый человек М. Горохов из Гавриловой слободы сообщил Я. Сапеге, что назначенный к ним пристав, некий пан Яныш, не только их не защищает, а сам творит «великое насильство», «подрядню всякую отнимает насильством» и «держит у себя жонки и девки на постеле»[179]. Кн. А. Мосальский, попросивший Я. Сапегу послать к нему в поместье «нарочитых панов», вскоре был вынужден просить гетмана заменить присланного туда пристава на «доброго», т. к. пан Буяковский «лишо смуту учинил»[180].

Суздальский воевода Ф.К. Плещеев, в отличие от Юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова, не только просил гетмана «отписать к ним (загонщикам. — *И.Т.*) с великою угрозою, чтоб от литовских и ото всяких загонных людей русским людем продажи и убытков великих не было...», но, опираясь на местных дворян, попытался принять против разбойников конкретные меры. Воевода вместе с ротмистром Я. Соболевским положил конец бесчинствам некоего пана С. Колычева, который в дворцовой Гавриловской слободе «воровал, пил, и у слобожан посадских людей имал к себе, на подворье, жен и детей на постелю»[181]. В результате этих решительных действий воеводы, многие «хлопцы, поиманые в загонех», оказались в суздальской тюрьме. Однако гетман потребовал их освобождения и отправки к нему для следствия[182]. В конечном счете ему, как и другим воеводам, по-видимому, удалось покончить с бандами загонщиков, не подконтрольных наемникам, но спасти население уезда от самочинных реквизиций тушинских отрядов, проходивших через уезд для борьбы с ополченцами и правительственными войсками, он не смог. Напрасно он умолял Я. Сапегу дать четкие инструкции своим солдатам, «чтоб идучи дорогою не воровали, не грабили, и насильства б никоторого не чинили, чтоб в люди и досталь смуты и ужасти не

ввести»[183]. Архиепископ Галактион в январе 1609 г. вновь жаловался самозванцу «о тех же самых выходках» рыцарства[184]. Власти Спасо-Евфимиева монастыря писали Лжедмитрию II в марте 1609 г., что их вотчины «отратных польских, литовских загонных людей все розграблены, а жен... и дочерей к себе в таборы емлют, и от того... им учинилась шкота великое и отчины их запустели[185]. «Думный дьяк» П.А. Третьяков жаловался Я. Сапеге, что некий пан Самойла Корсак, проезжая мимо его с. Васильевского, «крестьянишок ограбил, и что было запасишко.., то взял: пятьдесят ведр вина, двадцать четьи солоду, десять пуд меду, да две собаки борзых» и на крестьянах «доправил корму»[186]. Ф.К. Плещеев в одной из своих отписок Я. Сапеге был вынужден констатировать, что «в Суздале, от тех литовских людей сумнение великое, от их воровства и грабежу»[187].

Вскоре после установления тушинской власти, в Суздальский уезд так же, как в Переяславский, Юрьевский и Ростовский, явились приказчики Лжедмитрия II «обиход запасов пасти»[188]. Затем дело сбора налогов взяли в свои руки наемники. Некий пан Комаровский прибыл в Суздаль в 6 (16) декабря 1608 г. «выбирати Государевы денежные сборы с Суздаля и Суздальского уезда». Воевода Ф.К. Плещеев прямо говорит, что эти денежные поборы явились одной из главных причин народных восстаний против тушинцев в Суздальском уезде: «И у нас, во многих городех, от великих денежных сборов учинилась смута великая» [189].

Бичом для населения Суздальского уезда стали приставства, которые захватили себе «на прокорм до полного расчета» наемники полков Я. Сапеги и А. Лисовского[190]. Воевода Ф.К. Плещеев в своей отписке Я. Сапеге жаловался на многочисленные злоупотребления слуг наемников, собиравших в приставствах корма на своих господ: «Апахолики, господине, литовские и казаки, стоячи в Суздале, воруют, дворянам и детям боярским, и монастырям, и посадским людям из Суздальского уезда разорение и насильство великое, жонок и девок емлют, и села государевы, и дворянские, и детей боярских, и монастырские вотчины выграбили и пожгли, и нам, господине, от пахоликов литовских и от казаков позор великой: что станем о правде говорить, о государевом деле, чтоб они государевы земли не пустошили, и сел не жгли, и насилства ни смуты в земле не

чинили, и оне нас, холопей государевых, позорят, лают и бити хотят»[191]. Отписки и челобитные свидетельствуют, что наемники и их слуги в своих приставствах не гнушались открытым разбоем на дорогах. «Боярин» Лжедмитрия II И.И. Годунов, подобно Ф. Копнину, был вынужден просить о помощи С. Кухаревскому, отправленному в Суздаль для сопровождения его матери ко двору царицы Марины[192]. В марте 1609 г. поляки, стоявшие на приставстве в с. Давыдовском, «переграбили» ехавших к Я. Сапеге дворян и детей боярских[193].

Вопреки своим обещаниям, «великим поместным окладом и денежным жалованием верстать» дворян и детей боярских, Лжедмитрий II в Суздальском уезде, как и в других, жаловал вотчинами и поместьями приближенных из конфискованных владений приверженцев В. Шуйского и дворцовых земель, главным образом, тушинскую знать. Бывший жилец Бориса Годунова П.Я. Безобразов получил «по тушинской даче» вотчину кн. М.В. Скопина-Шуйского с. Кохму с деревнями[194], стольник царя Василия Шуйского — «кравчей» самозванца, Л.Плещеев — вотчину кн. И.И. Шуйского с. Ивановское с деревнями[195], стародубец сын боярский Г. Веревкин — поместье суздальца Б. Койсарова[196]. Лжедмитрий II пожаловал в Суздальском уезде кн. А. Мосальского с. Шекшевым[197], «боярина» кн. Ю.Д. Хворостинина — Гавриловской слободой[198], «думного дьяка» П.А. Третьякова — с. Васильевским[199]. Вероятно, с подачи «бояр» царик вспомнил о вдове своего мнимого старшего брата царевича Ивана Ивановича — царице-иноке Александре и даровал ей в Суздальском уезде дворцовые села Лопатничи и Быково[200]. Нам известно только одно тушинское пожалование местным дворянам — дача с Осановца детям боярским Ф. и С. Хоненевым. Оно было сделано, вероятно, только потому, что они были «братией» новому суздальскому воеводе А. Просовецкому[201]. Как и в других уездах, самозванец и не думал решать проблемы с земельным и денежным обеспечением местного дворянства. Помимо этого, редко кто из новых владельцев смог вступить во владение вотчинами и поместьями, т. к. почти все эти слободы деревни и села были захвачены в приставства и выграблены дотла. Роты пана М. Собельского и пана Жичевского (или Чижевского), к примеру, квартировали в селах Суздальского уезда — с. Ивановском и с. Кохме[202]. Одна из рот полка

Я. Сапеги имела приставство в с. Осановце[203]. Наемники и не думали освобождать вотчины и поместья для их новых владельцев.

В апреле 1609 г. воевода Ф.К. Плещеев в своей очередной отписке Я. Сапеге в общих чертах обрисовал состояние хозяйства уезда: «А в казне государевых денег нет никаких от самые от осени, потому что в Суздале торгов нет, и кабак разорился и уездные люди разорены от ратных от литовских людей и от казаков, и многие Суздальцы посадские людишка, домишка свои пометав, розбрелися розно; да и впредь нам всем погинути, только государевы милости к нам и твоего уйму к литовским людем не будет. Не токмо что животина: лошади и коровы на поле выпустити, что из дворов, жены и дети к себе емлют, а управы никоторые нет... и по ся места около Суздаля окольние люди не пахивали, а пахати от их насилства и от грабежу не смеют и впредь ждати нечего, не высеяв»[204]. Вероятно, воевода смог переправить в Тушино грамоту самозванцу аналогичного содержания. Сложившаяся в хозяйстве уезда ситуация, по-видимому, всерьез обеспокоила тушинских бояр. Лжедмитрий II направил в уезд своего ключника П. Калачева и сытника А. Дорогина, которые не только должны были собирать «корма» на нужды тушинского двора, но «пашни в дворцовых селах пахати». Самозванец, как водится, просил Я. Сапегу дать им «на обереганье пана, чтоб наши загонные люди в Суздальский уезд не въезжали и пашня бы в наших в дворцовых селех не запустела, и чтоб пашня была пахана в пору»[205]. Июньская 1609 г. отписка нового суздальского воеводы А. Просовецкого свидетельствует, что все усилия тушинских бояр наладить хозяйство в дворцовых селах Суздальского уезда, как и в Переяславском, оказались тщетными[206].

Посадские и крестьяне Суздальского уезда, как других уездов, избрали пассивные формы сопротивления тушинцам: подачу челобитных властям, уклонение от поборов и повинностей и бегство[207]. Но так вели себя далеко не все. Податное население северных и восточных станов, как свидетельствуют отписки Ф.К. Плещеева, уже в декабре 1608 г. вместе с галичанами, костромичами, шуянами приняло участие в земском движении против тушинцев[208]. Своеобразную позицию заняли местные дворяне во главе с Ф.К. Плещеевым. Подчеркивая свою лояльность Лжедмитрию II и не выходя за рамки закона, они

как могли защищали свои владения и близких от грабежей и насилий наемников, их слуг и казаков. Весной 1609 г., когда стало ясно, что тушинский режим полностью разорил хозяйство уезда и спасение только в изгнании мародеров и насильников, местные дворяне, посадские и духовенство, по всей видимости, составили заговор против тушинцев, который был раскрыт, а его организаторы казнены[209]. Архиепископ Суздальский Галактион, обвиненный в участии в заговоре и вызванный для следствия в Тушино, умер от пережитых унижений в дороге недалеко от Троице-Сергиева монастыря[210]. Воевода Ф.К. Плещеев, не без основания заподозренный в содействии заговорщикам, был заменен на должности первого воеводы Суздаля[211]. Примечательно, что главой заговора тушинцы считали дворянина Г. Аргамакова[212] — в недавнем прошлом одного из главных инициаторов присяги суздальцев самозванцу[213]. Нанесенный тушинцами упреждающий удар сорвал планы местного духовенства, дворян и посадских по освобождению города и уезда от тушинцев. Организовать новый заговор они уже не смогли. Во второй половине 1609 г. Суздаль превратился в основную базу тушинцев в их борьбе с правительственными войсками и отрядами земского ополчения Замосковья и Поморья на востоке, а его уезд стал основным театром военных действий.

§ 6. Тушинцы и жители Владимирского и Муромского уездов

Владимирский уезд находился под властью тушинцев пять с лишним месяцев, с конца октября 1608 г. по конец марта 1609 г.[214] Среди документов «архива» Я. Сапеги найдено 16 писем и отписок из Владимирского, которые охватывают практически весь период властвования тушинцев. В дневнике Я. Сапеги имеются ссылки еще на два документа[215]. За редким исключением, это отписки местных тушинских воевод Я. Сапеге, сначала окольничего И.И. Годунова, затем «боярина» М.И. Вельяминова. Челобитные местных жителей Лжедмитрию II и Я. Сапеге не сохранились. Возможно, жалобы царику на злоупотребления наемников, их слуг и казаков владимирцы предпочитали направлять в Тушино напрямую через Московский уезд, минуя лагеря у Троицы. В результате, в распоряжении исследователей имеются только общие воеводские характерис-

тики ситуации дел в уезде. Важные дополнительные сведения на этот счет можно почерпнуть из случайных упоминаний в материалах других фондов архива гетмана и других источниках[216].

Владимирцы принесли присягу Вору уже после боя у Ростова[217], в котором во главе с их воеводой приняли участие местные дворяне[218], а их посольство прибыло к Я. Сапеге много позже других — 23 октября (2 ноября) 1608 г.[219] Тем не менее владимирцы и пришедшие к власти в результате переворота воеводы окольничий И.И. Годунов с «братом» М.И. Вельяминовым, смогли доказать свою преданность царику, убедив перейти на его сторону жителей Мурома, Касимова, Арзамаса и Шацка[220]. К тому времени первые загонные отряды, по-видимому, уже достигли Владимирского уезда. В ноябре 1608 г. воевода М.И. Вельяминов в своей отписке Я. Сапеге так охарактеризовал результаты их действий на территории уезда: «Да писал я к тебе многижда о загонных людех, что Владимерю и Владимерьскому уезду теснота от них великая, и ты ко мне о том не писывал... оне многих людей побили, и жонок и девок позорили...»[221]. Сведения, сообщенные М.И. Вельяминовым, полностью подтвердил в своих отписках к гетману воевода соседнего Суздаля: «...в Володимире от литовских людей убойства и грабежи русским людем великие...»[222]. Ф.К. Плещеев был весьма обеспокоен судьбой своей владимирской вотчины. Он жаловался Я. Сапеге, что «литва и казаки твоих таборов и Лисовского загонные люди разорили людишок наших и крестьян, и жонок, и девок, и робят емлют и отвозят в таборы, и достальной хлеб сами молотят, и сено отвозят в таборы ж...»[223]. М.И. Вельяминов и Ф.К. Плещеев видели выход в принятии решительных мер против грабежей и насилий загонщиков. М.И. Вельяминов убеждал Я. Сапегу загонных людей «из Володимерьского уезда вывести, и в таборех бы велети тебе протрубити, чтобы загонные люди не ездили и Володимерьского бы уезда не воевали» [224]. Ф.К. Плещеев просил направить в его вотчину «доброго пристава»[225]. Во Владимирском уезде четко обозначилась тенденция к переходу власти от волостных старост и целовальников в руки приставов, но имеющиеся данные не позволяют решить однозначно, реализовалась ли она на практике.

М.И. Вельяминов, также как его суздальский коллега, не ограничился жалобами гетману. Для борьбы с бандитами он

собрал местных дворян и даже привлек расквартированную во Владимире роту Я. Соболевского[226]. Ему сильно помогло то обстоятельство, что вышедший из-под контроля тушинских властей отряд запорожцев и татар во главе с атаманом Наливайко во время грабежей учинил расправы над владельцами вотчин и поместий — дворянами. «Пан Наливайко многих людей побил, дворян и детей боярских, до смерти, а жон и детей позорили и в полон имали...»[227]. Такой оборот событий не устраивал не только русских тушинцев, но и польских наемников. Получив санкцию тушинских властей, М.И. Вельяминов организовал против загонщиков карательную экспедицию, в которой приняли участие владимирские дворяне и дети боярские, а также отряд наемников во главе с панами А. Приклонским и М. Окульским. Разбойники были разгромлены, а их предводитель схвачен[228]. В архиве Я. Сапеги сохранилась грамота Лжедмитрия II с «выговором» гетману за заступничество за Наливайко[229]. И.С. Шепелев, опираясь на эти два документа, пришел к выводу, что неизвестно, был ли казнен Наливайко. По его предположе-нию, воевода М.И. Вельяминов по требованию Я. Сапеги отпустил разбойника[230]. Гипотеза исследователя не подтверждается данными источников. Из неотправленного письма Я. Сапеги М.И. Вельяминову 6 (16) января 1609 г. видно, что гетман еще до «выговора» царика одобрил действия владимирского воеводы: «Да писал ты, господине, ко мне, что Наливайку и иных воров во Володимери повесили; и ты то учинил гораздо: которых изымают ещо загонщиков, и ты бы, по их вине смотря, чинил над ними также»[231]. На карте Поволжья Я. Сапеги имеется еще одно упоминание о казни Наливайко[232]. Владимирский воевода, таким образом, не только получил у Я. Сапеги одобрение своим действиям, но и санкцию на преследование загонщиков, вышедших из-под контроля тушинского руководства. В конечном счете, воеводе и дворянам удалось сбить волну грабежей и насилий в уезде и покончить с орудовавшими в уезде бандами: «Воров в Володимерьском уезде переимали»[233]. Однако полностью остановить грабежи загонщиков тушинских отрядов, передвигавшихся по уезду для борьбы с правительственными войсками и отрядами земского ополчения, они не смогли. В марте 1609 г., к примеру, пан А. Крупка со своей ротой,

направляясь из Мурома в Тушино, во Владимире людей «побивали на смерть и грабили»[234].

И.С. Шепелев, анализируя инцидент с отрядом Наливайко, воздержался от какой-либо оценки его действий, хотя, исходя из классовой концепции Смуты, факт расправы казаков над дворянами требовал объяснений[235]. Из январской грамоты самозванца Я. Сапеге видно, что Наливайко «побил до смерти своима рукама» не только дворян и детей боярских, но и «всяких людей, мужиков и жонок»[236]. В действиях атамана и его товарищей, таким образом, не видно социальной подоплеки. Скорее всего, это был обыкновенный разбой.

Отписки владимирских воевод содержат очень мало сведений о тушинских сборах налогов с податного населения уезда. Кое-какие данные можно почерпнуть из муромских отписок. В ноябре 1608 г. М.И. Вельяминов, убеждая Я. Сапегу принять меры против загонщиков, предупреждал, что в противном случае «деньги и корму отнуд собрати не мочно»[237]. К тому времени, как свидетельствует отписка муромских воевод Н.Ю. Плещеева и К. Навалкина, во Владимирском и Муромском уездах полным ходом шли сборы налогов на тушинцев. Муромские воеводы собрали с Ярополческой волости по 80 рублей с сохи[238]. Здесь их приказчики столкнулись с присланными из Владимира паном М. Мищерским и сыном боярским М. Болотовским, которые взимали с крестьян дворцовой волости «с носа по девяти алтын»[239]. Н.Ю. Плещеев и К. Навалкин жаловались самозванцу, что «деньги правим день, а в ночь в тюрьму мечем, а оне отнимаются разорением Михайлом Мещерским...» [240]. В феврале 1609 г. М.И. Вельяминов собрал по распоряжению самозванца с Владимирского уезда «сошные, и полавочные, и поголовные, и поповские деньги» в размере 200 рублей и отправил их в Тушино[241]. Приведенные данные свидетельствуют, что со сбором налогов ситуация на Владимирщине мало чем отличалась от других уездов.

Владимирские документы не содержат прямых указаний на существование здесь приставств. Известно только, что в декабре 1608 г. Лжедмитрий II пожаловал брата царицы Марины Станислава Мнишка правом брать «корма» во Владимирском уезде. Роман Ружинский в своем письме просил Я. Сапегу, чтобы староста Саноцкий «никаких убытков от рыцарства не

имел»[242]. Во многом это, по-видимому, связано с тем, что в тушинских документах почти не встречаются данные о пожалованиях бояр и дворян во Владимирском уезде. Нам известно только, что «воровской» дьяк В. Юрьев получил от царика «приписные» деревни А. Владычкина[243].

Анализ данных о состоянии Владимирского уезда под властью тушинцев наводит на мысль, что самозванец, его гетманы и бояре проводили здесь несколько иной курс, нежели в Переяславском, Юрьевском, Суздальском и Ростовском уездах. Близость таких центров сопротивления тушинцам, как Коломна и Нижний-Новгород, по-видимому, заставила царика и его окружение принять меры к тому, чтобы не допустить произвола в отношении местных жителей, какой наблюдался в других уездах, свидетельство тому — меры, принятые против Наливайко и загонщиков. Однако эти меры явно запоздали. Уже во второй половине декабря 1608 г. крестьяне дворцовой Ярополческой волости, испытав на себе всю тяжесть тушинских поборов и правежей, и надеясь на помощь нижегородцев и шуян, принесли повинную царю Василию[244]. В отколовшуюся от тушинцев волость были направлены каратели[245]. Расправы вызвали ответную реакцию. Нижегородцы «выжгли» окрестности Мурома и «людей секли»[246]. Вскоре крестьяне Ярополческой волости и жители прилегающих к ней дворцовых сел Владимирского уезда вновь отложились от самозванца[247]. Несмотря на все усилия тушинцев, театр военных действий постепенно охватывал все новые и новые волости Владимирского уезда, пока к концу марта 1609 г. вплотную не приблизился к городу. Дворяне и посадские, по-видимому, вновь оказавшись перед выбором — потерять все, что осталось или уступить более сильному, вышли из положения, совершив переворот в пользу В. Шуйского.

§ 7. Тушинцы и земцы Ярославского уезда

Тушинская власть продержалась в Ярославле чуть больше пяти месяцев: с конца октября 1608 г. по начало апреля 1609 г. В результате архивных разысканий, удалось обнаружить около тридцати документов «ярославского фонда» архива Я. Сапеги, которые охватывают практически весь период властвования

тушинцев в уезде. В основном это отписки воевод, но встречаются и челобитные духовенства, светских землевладельцев. Важные дополнительные сведения можно почерпнуть в других источниках, в том числе и нарративных.

Ярославские дворяне, как видно из отписки воеводы И.И. Волынского, первый раз принесли присягу Лжедмитрию II после Болховского сражения, затем «изменили» ему[248], вероятно вместе с Т. Сеитовым, под командованием которого приняли участие в бою у Ростова. Их повторная присяга Вору была явно вынужденной и запоздалой[249]. Иную позицию заняли местное духовенство и посадские. Узнав о поражении дворян в бою в Ростове, они по инициативе воеводы кн. Ф.П. Барятинского-Борца принесли присягу самозванцу и уже 18 (28) октября 1608 г. прислали своих представителей к Я. Сапеге[250]. Земцы явно стремились избежать судьбы ростовчан, надеясь присягой спасти свое имущество и жизни. Те же, кто опасался тушинцев, смогли выехать сами и вывести свои товары еще до того, как первые отряды приверженцев самозванца вступили в город[251].

В течение всего властвования тушинцев в Ярославле шла склока между воеводами кн. Ф.П. Барятинским, Т. Бьюговым — с одной стороны и И.И. Волынским и П. Головичем — с другой[252]. Бесконечные разбирательства, по-видимому, явились причиной того, что в центре внимания воевод были в основном городские дела. Отом, что творилось в сельской местности приходится судить главным образом по челобитным духовенства и частных лиц. К примеру, жалобы архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила Я. Сапеге как две капли воды напоминают сетования переяславского духовенства. Настоятель писал, что с 20 (30) октября по 13 (23) января 1609 г. «литовские люди, черкасы, казаки и всякие ратные люди» брали в монастырской вотчине «столовые многие кормы... и кормы, овес и сено, имали по запросу, колко им надобно; а многие ратные люди, в подмонастырских селах, овес из житниц поимали и сена потравили сильно, и лошади, и рогатой скот имали по насилству». В результате, к началу января 1609 г. монастырское хозяйство, по словам архимандрита, оказалось на грани краха: «Села и деревни от ратных и от волных людей разорены и пограблены и многие позжены, а крестьяница мно-

гие посечены, а иные многие со страху розбрелись розно, с женами и с детьми, и многие по лесом позябли...»[253]. Касимовский царь Ураз-Магмет жаловался Я. Сапеге, что в поместье его сестры в Ярославском уезде «загонные ратные люди... приезжают и абиду чинят великую, домишка крестьянския разоряют и живаты их емлют грабежам...»[254] Воевода кн. Ф.П. Барятинский в своей челобитной свидетельствует, что «поляки, и литва, и казаки в Ярославле и в Ярославском уезде насилство чинят великое, людей грабят и побивают»[255]. Аналогичные данные привел в своей отписке воевода Е. Козмин: «Здесе в Ярославле рать стоит, всяким житейным людем чинятся убытки великие»[256]. Ярославцы, как видно из приведенных данных, также как жители других уездов, пережили бандитизм загонщиков.

Настоящей бедой для ярославцев обернулся конфликт между воеводами. В отличие от суздальского воеводы Ф.К. Плещеева и владимирского воеводы М.И. Вельяминова, кн. Ф.П. Барятинский и И.И. Волынский не пользовались никакой властью. Е. Козьмин в своей челобитной Я. Сапеге прямо говорил: «От русских воевод обороны никому нет: только пан Самойла Кишкеевич (Тышкевич. — *И.Т.*), один, во всяких мерах и в мирских хлопотах и в докуке»[257]. Признал это в своей челобитной и кн. Ф.П. Барятинский: «А меня (поляки, литва и казаки. — *И.Т.*) ни в чем не слушают». Потерявший всякую власть, воевода просил Я. Сапегу «приказать польским и литовским людям, чтобы они в Ярославле не стояли, стояли бы в воровских местех и воевали бы и пустошили изменничьи села и деревни, а не Ярославские»[258]. Землевладельцы, как в других уездах, искали выход в «добрых приставах»[259], в получении «бережельных грамот» за гетманской печатью[260]. Но ни то, ни другое не помогало[261]. Уже в первые недели реальная власть в Ярославле и уезде сосредоточилась в руках иноземцев: командира гарнизона наемников и казаков С. Тышкевича и приставов, которые установили полный контроль над деятельностью местной администрации: воевод, волостных старост и целовальников.

Ярославль в то время являлся одним из наиболее развитых волжских городов, богатства которого манили наемников. Буквально сразу после присяги горожан самозванцу, воеводы кн. Ф.П. Барятинский и Т. Бьюгов начали поборы с торговых лю-

дей и посада в пользу Я. Сапеги[262]. Затем в город прибыли воеводы И.И. Волынский и П. Голович с приказом отписать «изменничьи животы на государя в казну»[263] и стали взыскивать с посада то, что уже взяли кн. Ф.П. Барятинский и Т. Бьюгов[264]. Вскоре в Ярославле почти одновременно появились царские стряпчие, прибывший из таборов Я. Сапеги К. Данилов и посланный из Тушино П. Рязанов. Они, как прямо говорят враждовавшие между собой ярославские воеводы, занялись «одним делом»: сбором казны и кормов на государевых ратных людей[265]. По подсчетам К. Буссова, черпавшего сведения у находившихся в Ярославле купцов-иноземцев, горожане выплатили тушинским властям огромную по тем временам сумму — 30 тыс. рублей и выдали «кормов» на 1 тыс. всадников, но наемников это не удовлетворило[266]. В ноябре 1608 г. в Ярославле, как и в других уездах, появились паны Конецкий, Янушковский и М. Уездовский, которые стали собирать «поносовщину»[267]. В январе 1609 г. в Ярославле и в уезде собирали «корма на царский обиход» М. Ксенофонтов и пан И. Незабытовский с товарищами[268]. В отчаянии ярославцы писали Я. Сапеге: «И таких, государь, великих кормов собрати не мочно, и взяти негде и не на ком»[269]. Эти слова полностью подтверждают донесения сборщиков налогов — наемников. Они сообщали, что собрать деньги очень трудно, т. к. «крестьян в деревнях нет: разбежались по лесам»[270].

Сразу после присяги ярославские дворяне и духовенство направили Лжедмитрию II подарки и заявили о своих нуждах, надеясь, что новая власть найдет решение проблем[271]. Их так же, как землевладельцев других уездов, ждало горькое разочарование. Выявленные данные показывают, что в Ярославском уезде самозванец, как в других уездах, предпочитал жаловать своих ближних людей: бояр кн. И.П. Засекина-Ярославского[272], М.Г. Салтыкова[273], М.И. Колодкина-Плещеева[274], кн. Ю.Д. Хворостинина-Ярославского[275], окольничих кн. Ф.Ф. Мещерского и М.А. Молчанова[276], думного дьяка Е.Я. Витовтова[277], стольников Б.Т. и В.Т. Грязных[278], некоего П. Римлянина[279], родню царя Касимовского Ураз-Магмета[280]. Воеводы кн. Ф.П. Барятинский и И.И. Волынский оспаривали друг у друга богатое дворцовое село Курбу[281], но обоих, судя по более поздним данным о их владениях, постигла неудача[282]. Получившие пожалования, как видно из их отписок, не могли вступить во владения своими

новыми вотчинами и поместьями, так как многие ярославские волости были захвачены в приставства ротами полка Велегловского и сапежинского войска[283].

Анализ выявленных документов ярославского фонда архива Я. Сапеги показывает, что наемникам, благодаря поражению местного дворянства в Ростовском бою и склоке между воеводами кн. Ф.П. Барятинским-Борцом и И.И. Волынским, довольно быстро удалось создать параллельные структуры в уезде и полностью подчинить местную администрацию. К началу 1608 г. наемники справились с бандами загонщиков и использовали полученную власть для тотального ограбления местного населения. Источники свидетельствуют, что ярославские крестьяне, столкнувшись с грабежами и насилиями тушинцев, прибегли к пассивным методам сопротивления: бегству в леса или уходу в соседние, не занятые врагами, уезды. Иную позицию заняли дворяне и посадские. Уже в декабре 1608 г. они попытались присоединиться к восставшим галичанам, костромичам, вологодцам, но были жестоко наказаны. Вторая попытка, предпринятая в апреле 1609 г. оказалась удачной и Ярославль превратился в один из главных центров сопротивления тушинцам в Замосковье, вплоть до захвата правительственным войском кн. М.В. Скопина-Шуйского Переяславля-Залесского.

§ 8. Тушинцы и жители Костромского уезда

Костромской уезд находился под властью тушинцев чуть более месяца, когда здесь вспыхнуло народное восстание. Город и уезд несколько раз переходил из рук в руки, пока летом 1609 г. отрядам земского ополчения Поморских и Замосковных городов не удалось окончательно отбить город и уезд у врага. В процессе архивных разысканий удалось выявить шесть документов «костромского фонда» из архива Я. Сапеги. Однако, судя по упоминаниям в дневнике гетмана и других источниках, найдено далеко не все. Особую ценность представляют донесения наемника дона Хуана Крузатти, в которых содержится характеристика ситуации в уезде. Две отписки тушинского костромского воеводы Н.Д. Вельяминова посвящены в основном описаниям борьбы с отрядами ополчений. Единственная сохранившаяся челобитная костромичей Я. Сапеге написана в первые

дни после установления власти тушинцев и не содержит никаких данных о новом порядке в уезде.

Источники свидетельствуют, что, целовав крест Лжедмитрию II, костромичи направили к нему посольство с повинной грамотой, подарками и челобитными о своих нуждах[284]. В расчете на покровительство, настоятели костромских монастырей Ипатьевского — Феодосий, Борисоглебского — Арсений и посадские подарили гетману хлеб, двух осетров, «лисицу черну» и два косяка меха костромского[285]. Иллюзии относительно того, что новые власти вникнут в нужды местного населения, развеялись как дым уже в первые недели властвования тушинцев. Присланный в Кострому Я. Сапегой дон Хуан Крузатти известил гетмана, что собрал ему большую партию рыбы, которую с первой же оказией обещал отправить, и спрашивал не прислать ли захваченных в Костроме лошадей, принадлежащих Троице-Сергиеву монастырю. Наемник сетовал, что, выполняя поручения покровителя, ему приходится действовать «среди таких, которые только тянут руки к добыче и ни во что не верят» [286]. По его словам, 270 поляков, освобожденных в Галиче, шли в Тушино «не порожняком и не с пустыми руками: до сих пор еще не погрузили то, что уже прибыло» [287]. Месяц спустя Х. Крузатти уже не стеснялся в выражениях. Он без обиняков прямо говорит о «великом беспорядке», который учинили «некоторые солдаты», присланные Лжедмитрием II и Я. Сапегой. Костромской воевода кн. Д.В. Горбатый-Мосальский, по-видимому, как суздальский и владимирский воеводы, пытался препятствовать разгулу грабежей и насилий. Он, как видно из письма Х. Крузатти, сурово наказал слугу наемника, некоего Иоанна Унгари. Иноземцы тотчас заподозрили воеводу в измене[288].

Анализ сохранившихся данных о тушинских пожалованиях в Костромском уезде показывает, что самозванец и его окружение во время борьбы за сохранение своей власти, наряду с пожалованиями видных тушинцев, прибегли к массовым конфискациям вотчин и поместий «изменников» и их раздаче верным людям. Костромской воевода Н.Д. Вельяминов получил в вотчину села Красное, Подольское, Здемирово с деревнями, поместья Б. Чулкова, А. Зюзина, кн. Збарецкого, И. Кутузова, М. Чехланова с детьми, К. Шестакова с детьми, К. Кафтырева[289], другой воевода, бывший выборный дворянин по Костроме

И.Ф. Зубатый[290] — села Сколеново, Брусничное с деревнями, поместье В. Гречанина с. Репелово[291], его сын С.И. Зубатый — владения детей Г. Голицына с. Константиновское, Высокое, Шишкино с деревнями, Новое Саввинское с деревнями[292]. Сын боярский костромитин П.А. Гурьев за верность Вору приобрел вотчины «изменников» Б. Петрова — полсела Владычного с деревнями и А. Родионова — с. Куличи, а также поместья И. Огарева — с. Печенниково с деревнями, П. Свечина — с. Новое, и П. Бестужева — с. Демидово[293], другой тушинец — П.И. Скрипицын, получил поместья О. Нелидова — с. Носково, И. Теряева — с. Дмитровское, Б. Леонтьева — д. Каменик и треть с. Максимовского с деревнями, Ф. Толчина —полселаСелифонтова и К. Литвинова — с. Силево с деревнями[294].

Приведенные данные свидетельствуют, что ситуация в Костроме и уезде после установления там тушинской власти была сходной с той, которая сложилась в других уездах Замосковья. Бесчинства загонщиков, непосильные налоги за несколько недель поставили местное население на край гибели. Кн. Д.В. Горбатый-Мосальский, в отличие от суздальского и владимирского воевод, по всей видимости, не смог опереться на местных дворян в борьбе за наведение порядка и законности в уезде. В результате волна грабежей и насилий уже в начале декабря 1608 г. привела к восстанию костромичей против тушинцев. В немалой степени восстание было обусловлено близостью к основным центрам земского движения против тушинцев в Галиче и Вологде, и Нижнем-Новгороде. Восстание привело к расколу местной дворянской корпорации. Часть дворян предпочла сохранить верность В. Шуйскому в надежде на значительные пожалования.

Стремление руководства Тушинского лагеря переложить основные тяготы содержания войска самозванца на население северных и северо-восточных уездов России, как показывает проведенное исследование, дорого стоило земцам Замосковья и Поморья и оказало значительное влияние на дальнейшую судьбу движения самозванца. В считанные месяцы местное население подверглось невиданному ограблению как через традиционную систему сбора податей, так и через учрежденные иноземцами черезвычайный налог — «поносовщину» и систе-

му «приставств». Конфискации сопровождались ничем не прикрытым насилием и крайней жестокостью.

Ситуацию усугубило быстрое превращение отрядов фуражиров наемного войска — загонщиков в разбойничьи шайки, которые вышли из повиновения у своих хозяев — иноземных солдат и занялись бесчинствами и открытым грабежом мирного населения. Кое-где авторитетные тушинские местные воеводы, опиравшиеся на сильные дворянские корпорации (Суздальский, Владимирский уезды), некоторое время могли поддерживать порядок на своих территориях и принимать решения, учитывающие интересы земщины. Но это было скорее исключением, чем правилом. Попытки местных воевод справиться с разбойниками неизменно наталкивались на противодействие наемников, тайно поощрявших своих слуг на грабеж. Только открытое неповиновение пахоликов, смекнувших, что в сложившихся условиях они вполне могут обойтись без своих хозяев, заставило тушинское руководство принять меры против разбойников, но было уже поздно. Показательные экзекуции над грабителями и насильниками, имевшие место в первые месяцы службы наемников самозванцу, навсегда ушли в прошлое. Хозяйство северо-восточных уездов России в короткие сроки пришло в упадок. Иная ситуация сложилась в бывших центрах повстанческого движения, где не было иноземных отрядов (Северщина, Псковщина, Астрахань). Несмотря на значительные налоговые тяготы и «поносовщину», тушинская местная администрация, состоявшая, как правило, из местных дворян, смогла сохранить контроль за ситуацией, учесть интересы земщины и заручиться ее поддержкой. Именно поэтому Лжедмитрию II и его приверженцам даже после распада Тушинского лагеря удалось сохранить здесь свое влияние.

Неспособность местных властей в Замосковье и Поморье навести порядок и пресечь грабежи и насилия привели к падению их авторитета и утрате ими реальной власти. Вмешательство наемников в дела местного управления привело к созданию параллельных управленческих структур: комендантов иноземных гарнизонов в городах и приставов в волостях, которые довольно быстро заменили утративших власть городовых воевод и приказчиков, земских и губных старост и целовальников. Но и эти новые структуры недолго обладали властью, так как

иноземцы использовали ее исключительно для достижения одной цели — изъятия у населения средств для удовлетворения собственных непомерных запросов. Именно поэтому новые власти довольно быстро дискредитировали себя не только в глазах посадских и крестьян, но и дворян, бояр и духовенства. К исходу 1608 г. жизненные устои и порядок в уездах Замосковья окончательно рухнули, уступив место культу силы и произвола. Местным земцам ничего не оставалось делать, как поднять восстание против тушинцев и попытаться восстановить разрушенный порядок.

Примечания

[1] List Dmitra Fałszywego do Mogilewa, 12 (22) lipica 1607 r. Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской Академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. Ossolineum. № 168. Л. 523—524, List M. Charlińskiego do K. Radziwiłła(?), 19.10.1607 r. Там же. № 1388. Л. 71—73; Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 8, 12; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 176.

[2] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге в августе 1608 г. о принятии его на службу // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841.Т. 2. № 89. С. 121; Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. T. 1. S. 184, 192.

[3] Будила Й. Указ. соч. Стб. 126; Marchocki M. Op. cit. S. 25.

[4] Marchocki M. Op. cit. S. 25.

[5] Масса И. Указ. соч. С. 176.

[6] Marchocki M. Op. cit. S. 41—42.

[7] Ibid; Буссов К. Московская хроника 1584—1613 гг. М., 1961. С.156.

[8] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М, 1989. Кн. IV, т. 8. С. 503—509; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в начале XVII столетия. М., 1995. С. 245—249; Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 281—297.

[9] Роспись, сколько собрать из Замосковных волостей оброчных дров и березовых и уголья // Сборник Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 19. С. 89—90.

[10] Челобитная крестьян с. Братошина Тайнинской волости Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E8610 (1). № 100; Отписка С. Дындова из сел Гребенова и Братошина ротмистру И. Мирскому. Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук (АСПбФИРИ РАН). К. 124. Собр. С.В. Соловьева. Оп. 1. Ед. хр. 403; Sapieha J. Dziennik (Фрагменты, выявленные В.С. Криксиным) // Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС). 1908. Т. XIII. Кн. 4. S. 161, 162, 164.

[11] Челобитная дворцового села Братошина Тайнинской волости Троицкого попа Мины Лжедмитрию II // АИ. Т. 2. № 126. С. 152.

[12] Челобитная крестьян волости Загарья Лжедмитрию II в сентябре 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 289; Роспись... оброчных дров... // СХ. № 19. С. 89—90; Отписка приставов, старост и крестьян Вохонской, Загарской и Сенесской волостей Я. Сапеге // СХ. № 40. С. 118.

[13] Челобитная крестьян Селенской волости Лжедмитрию II в сентябре 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К.174. Оп. 2. Ед. хр. 287; Роспись... оброчных дров... // СХ. № 19. С. 89—90; Челобитная дворянина В. Давыдова Я. Сапеге 8 (18) апреля 1609 г. // СХ. № 12.39. С. 46.

[14] Наказная память коломенского воеводы С.М. Глебова Муртозе Евлахову с товарищами 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) // АИ. Т. 2. № 118. С. 145—146.

[15] Крестоприводная запись детей боярских и крестьян Сенесской волости Лжедмитрию II 17 (27) декабря 1608 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 14/97; Роспись... оброчных дров... // СХ. № 19. С. 89—90; Отписка приставов, старост и крестьян Вохонской, Загарской и Сенесской волостей Я. Сапеге // СХ. № 40. С. 118.

[16] Челобитная крестьян Вохонской волости Я. Сапеге 17 (27) апреля 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8610 (1). № 10; Отписка приставов, старост и крестьян Вохонской, Загарской и Сенесской волостей Я. Сапеге // СХ. № 40. С. 118; Увещевательная грамота властей Троице-Сергиева монастыря крестьянам Вохонской волости в июле 1609 г. с призывом отказаться от поддержки самозванца // АИ. Т. 2. № 213. С. 250—252.

[17] Новый летописец // Полн. собр. рус. летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 93—94.

[18] Крестоприводная запись детей боярских и крестьян Сенесской волости Московского уезда Лжедмитрию II 17 (27) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 14/97.

[19] Челобитная крестьян Селенской волости Лжедмитрию II в сентябре 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 287.

[20] Челобитная крестьян волости Загарья Лжедмитрию II в сентябре 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 289.

[21] Отписка С. Дындова ротмистру И. Мирскому 9 (19) июля 1609 г. АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 403.

[22] Челобитная крестьян волости Загарья Лжедмитрию II в сентябре 1608 г. АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 289.

[23] Челобитная крестьян с. Братошина Тайнинской волости Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 100.

[24] Челобитная крестьян Вохонской волости Я. Сапеге 17 (27) апреля 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 10.

[25] Отписка приставов, старост и крестьян Вохонской, Загарской и Сенесской волостей Я. Сапеге в мае 1609 г. // СХ. № 40. С. 118; Sapieha J. Op. cit. S. 219.

[26] Отписка С. Дындова из с. Гребеново и Братошино ротмистру И. Мирскому 9 (19) июля 1609 г. АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 403; Sapieha J. Dziennik // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 4. S. 161, 162, 164; Ibid // Hirschberg A. Op. cit. S. 230.

[27] Челобитная крестьян Вохонской волости Яну Сапеге 17 (27) апреля 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 10; Отписка приставов, старост и крестьян Вохонской, Загарской и Сенесской волостей Я. Сапеге в мае 1609 г. // СХ. № 40. С. 118.

[28] Челобитная попа Миняя Троицкой церкви с. Братошино Лжедмитрию II // АИ. Т. 2. № 126. С. 152.

[29] Увещевательная грамота властей Троице-Сергиева монастыря крестьянам Вохонской волости в июле 1609 г. // АИ. Т. 2. № 213. С. 250—251; Наказная память коломенского воеводы С.М. Глебова Муртозе Евлахову 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) // АИ. Т. 2. № 118. С. 145—146.

[30] Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 12. М., 1989. С. 201; Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Собр. соч. СПб., 1904. Кн. 2. С. 398.

[31] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 213.

[32] Челобитная крестьян Вохонской волости Яну Сапеге 17 (27) апреля 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 10;

Увещевательная грамота властей Троице-Сергиева монастыря крестьянам Вохонской волости в июле 1609 г. // АИ. Т. 2. № 213. С. 250—251.

[33] Отписка С. Дындова из с. Гребеново и Братошино ротмистру И. Мирскому 9 (19) июля 1609 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 403; Sapieha J. Dziennik // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 4. S. 161, 162, 164; Ibid // Hirschberg A. Op. cit. S. 230.

[34] Отписка приставов, старост и крестьян Вохонской, Загарской и Сенесской волостей Я. Сапеге в мае 1609 г. // СХ. № 40. С. 118.

[35] Будила Й. История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ). СПб., 1872. Стб. 151.

[36] В 1588—1590 гг. он служил выборным дворянином по Коломне без окладу. См.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. (БС). М., 1979. Ч. 1. С. 153, 319.

[37] Отписка дворянина В. Давыдова Я. Сапеге 8 (18) апреля 1609 г. // СХ. № 12.39. С. 37—39.

[38] Там же.

[39] List A. Juszizyskiego do J. Sapiehi 15 (25) października 1608 г. ОР НБУАН. Ф. 103. Собр. Сапеги. Оп. 1. № 41.

[40] Челобитная крестьян Слободской волости Лжедмитрию II // Временник Московского общества истории и древностей Российских (ВМОИДР). М., 1855. Кн. 23. Смесь. С. 6.

[41] Челобитная крестьян Закубежской волости Лжедмитрию II с просьбой защитить их от загонщиков // Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею (ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. С. 277.

[42] Sapieha J. Op. cit. S. 191.

[43] Ibid. S. 193.

[44] Челобитная попа Игнатия церкви Семионовского монастыря Александровой слободы Я. Сапеге // АСПбФИРИ РАН К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 181.

[45] Челобитная крестьян Аргуновской волости Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 290.

[46] Там же.

[47] Челобитная крестьян с. Сватково Верхнедубенского стана Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 220.

[48] Челобитная крестьян Закубежской волости Лжедмитрию II после 25 декабря 1608 г. (4 января 1609 г.) // СХ. № 16. С. 84—85.

[49] Челобитная попа Никиты Васильева церкви Преображения Закубежской волости Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 288.

[50] Челобитная крестьян с. Андреевского, Ирково и Жердевой Кинельского стана Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 222.

[51] Челобитная крестьянина Левки с. Андреевского Кинельского стана Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 101.

[52] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 г. // Oddial Rukopisów Biblioteki Polskieij Akademii Naukowiej w Krakowie (OR BPAN). MS. 345. № 91.

[53] Челобитная монахов и крестьян Киржачского монастыря Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E8610 (1). № 108.

[54] Отписка Лжедмитрия I Я. Сапеге 29 ноября (9 декабря) 1608 г. о невзимании «кормов» с вотчин Переяславских монастырей // СХ. № 12.18. С. 27—29.

[55] Там же.

[56] Отписка Лжедмитрия I Я. Сапеге 29 ноября (9 декабря) 1608 г...; Отписка кн. Р.Ф. Троекурова Я.П. Сапеге // АИ. Т. 2. № 124. С. 151; Отписки кн. Г.П. Шаховского Я. Сапеге // Там же. № 123.2-2. С. 150—151; Отписка кн. Ф. Мещерского и М.А. Молчанова Я. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402.

[57] Отписка К. Миляева и донских казаков Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 219.

[58] Челобитная крестьян с. Андреевского, Ирково и Жердево Кинельского стана Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 222.

[59] Там же.

[60] Челобитная крестьян Окружной волости Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 226; Челобитная крестьян Киржачского монастыря Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 5/14.

[61] Отписка И. Редрикова Я. Сапеге после 17 (27) декабря 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 389.

[62] Челобитная крестьянина д. Наумовой Слободской волости И. Першина Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 24/96.

[63] Челобитная крестьянина д. Белозеровой Рождественского стана О. Павлова Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 182.

[64] Челобитная крестьян Аргуновской волости Лжедмитрию II в ноябре—декабре 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (2). № 5/14.

[65] Там же.

[66] Челобитная крестьян с. Кариинского Слободской волости Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // ВМОИДР. М., 1855. Кн. 23. Смесь. С. 5—6.

[67] Челобитная крестьян с. Иркова Кинельского стана Переяславского у. Лжедмитрию II // АИ. Т. 2. № 121. С. 149.

[68] Челобитная крестьян Киржачского монастыря Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamnlingen. E. 8610 (1). № 15.

[69] Отписка К. Миляева Лжедмитрию II в ноябре 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 219.

[70] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 27 grudzienia 1608 г. (6 styczenia 1609 г.) // ОР НБУАН Ф. 103. Оп. 1. № 45.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] Челобитная крестьян с. Константиновского Закубежской волости Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 1. Ед. хр. 292.

[74] Рожнятовский А. Дневник М. Мнишек. СПб., 1995. С. 129—130; Marchocki M. Op. cit. S. 47—48.

[75] Карта Поволжья Я. Сапеги // Муханов П.А. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834. С. 261—269.

[76] Там же.

[77] Челобитная строителя Богородицкого Киржачского монастыря Ферапонта Я. Сапеге 19 (29) ноября 1608 г. // РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 171. Стб. 693—694.

[78] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 129—130; Marchocki M. Op. cit. S. 47—48.

[79] Marchocki M. Op. cit. S. 41—42.

[80] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 29 ноября (9 декабря) 1608 г. // СХ. № 12.18. С. 27—29.

[81] Отписка И. Редрикова Я. Сапеге после 17 (27) декабря 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 389.

[82] Челобитная крестьян Слободской волости Лжедмитрию II в декабре 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 221; Челобитная переяславца Б.С. Лодыгина Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E.8610 (1). № 17.

[83] Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 266—267.

[84] Челобитная крестьян Слободской волости Лжедмитрию в декабре 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 221; Челобитная переяславца Б.С. Лодыгина Лжедмитрию II Я. Сапеге 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 17; Челобитная крестьян Аргуновской волости Лжедмитрию II в декабре 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 5/14; Челобитная крестьян с. Корнискова Слободской волости Лжедмитрию II в декабре 1608 г. // ВМОИДР. М., 1855. Кн. 23. Смесь. С. 5—6.

[85] Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 26.

[86] Письмо Ф.Н. Копнина Я.П. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 400.

[87] Челобитная переяславца Б. Ладыгина Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 17.

[88] Письмо Ф.Н. Копнина Я.П. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 400.

[89] Челобитная переяславца Б. Ладыгина Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 17.

[90] Челобитная переяславцев Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 20/86.

[91] Челобитная крестьян д. Корнисской Слободской волости Лжедмитрию II // ВМОИДР. М., 1855. К. 23. Смесь. С. 5—6.

[92] Челобитная переяславцев Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E.8610 (1). № 20/86.

[93] Marchocki M. Op. cit. S. 41—42.

[94] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 27 grudzienia 1608 г. (6 styczenia 1609 г.) // ОР НБУАН Ф. 103. Оп. 1. № 45.

[95] Челобитная крестьян д. Душинцева Верхнедубенского стана Лжедмитрию II в феврале 1609 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 289.

[96] Отписка владимирского воеводы М. Вельяминова Я. Сапеге // СХ. № 12.24. С. 33—34.

[97] Челобитная дворцового села Вяткина крестьянина Ф. Иванова Лжедмитрию II // ВМОИДР. М., 1855. К. 23. Смесь. С. 6.

[98] Отписка М.И. Колодкина-Плещеева Я. Сапеге 8 (18) мая 1609 г. // СХ. № 12.68. С. 73—74.

[99] Отписка кн. Р.Ф. Троекурова Я.П. Сапеге // АИ. Т. 2. № 124. С. 151; Отписки кн. Г.П. Шаховского Я. Сапеге // Там же. № 123.2-3. С. 150—151; Отписка кн. Ф. Мещерского и М.А. Молчанова Я.П. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АЗР). СПб., 1851. Ч. 4. С. 323, 327—328, 336.

[100] Там же; Отписка М.И. Вельяминова Я. Сапеге в начале 1609 г. // СХ. № 12.24. С. 33—34.

[101] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 16 (26) апреля 1609 г. // АИ. Т. 2. № 198. С. 229—230.

[102] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 2(12) czerwca 1609 r. // OR BPAN. Ms. 345. № 72. K. 149.

[103] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 2(12) czerwca 1609 r.

[104] Поименный список защитников Троице-Сергиева монастыря // Тюменцев И.О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры. Волгоград, 1995. С. 99—100.

[105] Челобитная переяславцев Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 20/86.

[106] Письмо Ф.Н. Копнина Я.П. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 400; Челобитная переяславца А.А. Зезевитова Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 3.

[107] Челобитная переяславцев Ф. Грязева и братьев Шишковских Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 291.

[108] Отписка переяславских приказчиков И. Подлесова и О. Дахина Лжедмитрию II после 1 (11) июня 1609 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 335.

[109] Челобитная переяславцев Ф. Грязева и братьев Шишковских Лжедмитрию II // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 291.

[110] Челобитная переяславцев Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 20/86.

[111] Отписка кн. Р.Ф. Троекурова Я.П. Сапеге // АИ. Т. 2. № 124. С. 151; Отписки кн. Г.П. Шаховского Я. Сапеге // Там же № 123.2-3. С. 150—151; Отписка кн. Ф. Мещерского и М.А. Молчанова Я.П. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402.

[112] Отписка М.И. Вельяминова Я. Сапеге в начале 1609 г. // СХ. № 12.24. С. 33—34.

[113] АЗР. Ч. 4. С. 323, 327—328, 336.

[114] Отписка К. Миляева Лжедмитрию II в ноябре 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 219.

[115] Челобитная переяславцев Лжедмитрию II 7 (17) декабря 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersanlingen. E. 8610 (1). № 20/86.

[116] Sapieha J. Op. cit. S. 194.

[117] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 г. // OR BPAN Ms. 345. № 91.

[118] Челобитная юрьевского торгового человека М.И. Блохина Я. Сапеге около 12 (22) октября 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 406.

[119] Челобитная юрьевцев Я. Сапеге 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) // АИ. Т. 2. № 119. С. 147—148.

[120] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 г. // OR BPAN Ms. 345. № 91.

[121] Ibid.

[122] Ibid.; Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 19 (29) мая 1609 г. // СХ. № 12.55. С. 61—62; Отписка Касимовского царя Ураз-Мухамеда Я. Сапеге 7 (17) марта 1609 г. // Там же. № 12.66. С. 71—72.

[123] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 7 (17) февраля 1609 г. // СХ. № 12.41. С. 48—49.

[124] Челобитная юрьевцев Я. Сапеге 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) // АИ. Т. 2. № 119. С. 147—148.

[125] Там же; List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 г. // OR BPAN. Ms. 345. № 91; Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 13 (23) декабря 1608 г. // АИ Т. 2. № 117. С. 145.

[126] Ibid.

[127] Ibid; Челобитная юрьевцев Я. Сапеге 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) // АИ Т. 2. № 119. С. 147—148.

[128] Написание названий волостей см.: Готье Ю. Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 406.

[129] Челобитная приказчика Шебаширской кобыличей конюшни Н. Федорова Лжедмитрию II // РИБ Т. 2. № 94. Стб. 221—222; List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 г. // OR BPAN Ms. 345. № 91.

[130] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 13 (23) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 117. С. 145.

[131] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 64—65; АЗР Т. 4. С. 325.

[132] Ibid.

[133] Отписка Касимовского царя Ураз-Магмеда Я.П. Сапеге 26 марта (5 апреля) 1609 г. // СХ. № 12.52. С. 59—60.

[134] Отписка Касимовского царя Ураз-Магмеда Я.П. Сапеге 7 (17) мая 1609 г. // АИ. Т. 2. № 210. С. 247—248.

[135] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 г. // OR BPAN. Ms. 345. № 91.

[136] Челобитная юрьевцев Я. Сапеге 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) // АИ Т. 2. № 119. С. 147—148; Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 13 (23) декабря 1608 г. // Там же. № 117. С. 145.

[137] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 64—65; Отписка Касимовского царя Ураз-Магмеда Я. Сапеге 7 (17) мая 1609 г. // АИ. Т. 2. № 210. С. 247—248. Пожалованы были также в Юрьевском уезде тушинский боярин Н.Д. Вельяминов дворцовыми селами Лычово, Пальчуково, Кузьминское, Ослопово, Чермин, Бричевым с деревнями (АЗР Т. 4. С. 325) и дьяк Ф.Н. Апраксин — вотчиной окольничего В. Щелкалова с. Лучинским с деревнями (АЗР Т. 4. С. 328).

[138] List T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 27 grudzienia 1608 г. (6 styczenia 1609 г.) // ОР НБУАН Ф. 103. Оп. 1. № 45.

[139] Челобитная юрьевцев Я. Сапеге 27 декабря 1608 г. (6 января 1609 г.) // АИ Т. 2. № 119. С. 147—148

[140] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 7 (17) февраля 1609 г. // СХ. № 12.41. С. 48—49.

[141] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 1 (11) мая 1609 г. // АИ. Т. 2. № 215. С. 253—254.

[142] Sapieha J.P. Op. cit. S. 195.

[143] Челобитная детей боярских и крестьян Карашской волости Лжедмитрию II //Riksarkivet. Skoklostersamlingen.E. 8610 (1). № 9.

[144] Челобитная служилого литвина Я. Резицкого Я. Сапеге в конце 1608 г. // СХ. № 12.30. С. 39.

[145] Челобитная служилых татар Хозяка-мурзы Юсупова и Касым-мурзы Ахметова Я. Сапеге // СХ. № 12.68. С. 73—74.

[146] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 15 (25) styczenia 1609 г. // OR BPAN Ms. 345. № 66.

[147] Челобитная слуги Борисоглебского монастыря Д. Юматова Я. Сапеге // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 71.

[148] Челобитная детей боярских и крестьян Карашской волости Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 9; Челобитная служилых татар Хозяка-мурзы Юсупова и Касым-мурзы Ахметова Я. Сапеге // СХ. № 12.68. С. 73—74.

[149] Челобитная ростовских посадских Я. Сапеге в июле 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 98.

[150] Челобитная монахов Борисоглебского монастыря Я. Сапеге в мае 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 23/91.

[151] Челобитная детей боярских и крестьян Карашской волости Лжедмитрию II // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 9.

[152] Челобитная монахов Борисоглебского монастыря Я. Сапеге в мае 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 23/91.

[153] Челобитная монахов Борисоглебского монастыря Я. Сапеге в мае 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 23/91.

[154] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 10 (20) июня 1609 г. // СХ. № 12.67. С. 72—73.

[155] Челобитная служилых татар Хозяка-мурзы Юсупова и Касым-мурзы Ахметова Я. Сапеге 13 (23) июля 1609 г. // СХ. № 12.68. С. 73—74.

[156] Челобитная конюшего приказчика Н. Лягасова Лжедмитрию II в начале 1609 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 212.

[157] Готье Ю. Указ. соч. С. 399.

[158] Челобитная конюшего приказчика Н. Лягасова Лжедмитрию II в начале 1609 г. // АСПбФИРИ РАН К. 124. Оп. 1 Ед. хр. 212; Челобитная конюшего приказчика Шебаширской конюшни Н. Федорова Лжедмитрию II // РИБ Т. 2. № 94. Стб. 221—222.

[159] Sapieha J.P. Op. cit. S. 195.

[160] Челобитная ростовского сына боярского Н. Нечаева Лжедмитрию II в октябре 1608 г. // OR BPAN. Ms. 360. Л. 625.

[161] Челобитная немчина И. Родова Я. Сапеге в октябре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 127. С. 152—153.

[162] Челобитная Т. Грачева Я. Сапеге в октябре 1608 г. // РИБ. Т. 2. № 171. Стб. 696—697.

[163] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге // СХ. № 12.67. С. 72—73.

[164] АЗР. Ч. 4. С. 327.

[165] Там же. С. 340.

[166] Челобитная Касимовского царя Ураз-Магмета Я. Сапеге 13 (23) февраля 1609 г. // СХ. № 12.40. С. 47—48.

[167] Челобитная ростовских детей боярских Я. Сапеге // АИ Т. 2. № 248. С. 295—296; Челобитная ростовских посадских Я. Сапеге в июле 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 98.

[168] Челобитная переяславцев Я. Сапеге весной 1609 г. // АИ. Т. 2. № 352. С. 419—420.

[169] Челобитная ростовских детей боярских Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 248. С. 295—296; Челобитная ростовских посадских Я. Сапеге в июле 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 98.

[170] Отписка воеводы И.Ф. Наумова Я. Сапеге в конце мая 1609 г. // АИ. Т. 2. № 228. С. 268—269.

[171] Отписка сына боярского П. Бекетова Т. Бьюкову и П. Головичу 14 (24) октября 1608 г. // АИ. Т. 2. № 98. С. 131.

[172] Отписка сына боярского П. Бекетова Т. Бьюкову и П. Головичу 14 (24) октября 1608 г. // АИ. Т. 2. № 98. С. 131.

[173] Sapieha J.P. Op. cit. S. 194.

[174] Похвальная грамота Лжедмитрия II суздальцам 23 октября (2 ноября) 1608 г. // АИ Т. 2. № 100. С. 132—133.

[175] Там же.

[176] Отписка Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ Т. 2. № 161. С. 191—192.

[177] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 14 (24) styczenia 1609 r. // OR BPAN. Ms. 345. № 65.

[178] Ibid; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 23 марта (2 апреля) 1609 г. // СХ. № 12.49. С. 56—57; Отписки воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 161, 351.1. С. 191—192, 418; РИБ. Т. 2. № 171. Стб. 697; Челобитная кн. А. Мосальского Я. Сапеге в феврале 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610(1). № 2.

[179] Челобитная торгового человека Гавриловой слободы М. Горохова Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп.1. Ед. хр. 405.

[180] Челобитная кн. А. Мосальского Я. Сапеге в феврале 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610(1). № 2; Челобитная кн. А. Мосальского Я. Сапеге 28 марта (7 апреля) 1609 г. // СХ. № 12.53. С. 60—61.

[181] Отписка Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 161. С. 191—192.

[182] Отписка Ф.К. Плещеева Я. Сапеге 8 (18) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 351.2. С. 418—419.

[183] Отписка воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге после 10 (20) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 351.1. С. 418.

[184] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 14 (24) styczenia 1609 r. // OR BPAN. Ms. 345. № 65.

[185] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 23 марта (2 апреля) 1609 г. // СХ. № 12.49. С. 56—57.

[186] Письмо думного дьяка П.А. Третьякова Я. Сапеге в декабре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 161. С. 191—192.

[187] Отписка Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ Т. 2. № 161. С. 191—192.

[188] Там же.

[189] Отписка Ф.К. Плещеева Я. Сапеге после 11 (21) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 110. С. 139—140.

[190] Отписка воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге после 20 февраля (2 марта) 1609 г. // СХ. № 12.42. С. 49; Отписка кравчего Л. Плещеева Я. Сапеге в феврале—марте 1609 г. // АИ Т. 2. № 125 С.151—152; Отписка воеводы А. Просовецкого Я. Сапеге // Там же. № 235. С. 277—278; Отписка воеводы А. Просовецкого Я. Сапеге // АИ Т. 2. № 235. С. 277—278.

[191] Отписка воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге после 12 (22) апреля 1609 г. // АИ. Т. 2. № 195. С. 225—226.

[192] Письмо И.И. Годунова Я.П. Сапеге 23 марта (2 апреля) 1609 г. // СХ. № 12.50. С. 57.

[193] Отписка воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге 31 марта (9 июля) 1609 г. // СХ. № 12.56. С. 62—64.

[194] Роспись русского войска 1604 г. // БС Ч. 2. С. 19, 41; Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге // СХ. № 12.34. С.42—43; АЗР. Ч. 4. С. 323.

[195] БС 1606/7 гг. С. 252; Письмо кравчего Л.А. Плещеева Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 125. С. 151—152; Докладная выписка о вотчинах и поместьях 1613 г. М., 1895. С. 10.

[196] АЗР. Ч. 4. С. 336.

[197] Челобитная кн. А. Мосальского Я. Сапеге 28 марта (7 апреля) 1609 г. // СХ. № 12.53. С. 60—61.

[198] АЗР. Ч. 4. С. 335.

[199] Письмо П.А. Третьякова Я. Сапеге в декабре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 161. С. 191—192.

[200] Жалованная грамота Лжедмитрия II царице-иноке Александре 9 (19) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 111. С. 140—141.

[201] Отписка воеводы А. Просовецкого Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 235. С. 277—278.

[202] Отписка воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге после 20 февраля (2 марта) 1609 г. // СХ. № 12.42. С. 49; Отписка кравчего Л. Плещеева Я. Сапеге в феврале—марте 1609 г. // АИ. Т. 2. № 125 С. 151—152.

[203] Отписка воеводы А. Просовецкого Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 235. С. 277—278.

[204] Отписка воеводы Ф.К. Плещеева Я.П. Сапеге 29 апреля (8 мая) 1609 г. // СХ. № 12.61. С. 67—69.

[205] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) мая 1609 г. // СХ. № 12.62. С. 69.

[206] Отписка воеводы А. Просовецкого Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 235. С. 277—278.

[207] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) мая 1609 г. // СХ. № 12.62. С. 69.

[208] Отписки воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге // АИ Т. 2. № 110, 351.1-2. С. 139—140, 418—419.

[209] Отписка суздальских воевод Ф.К. Плещеева и А. Просовецкого Я. Сапеге 12 (22) апреля 1609 г. // АИ. Т. 2. № 195. С. 225—226.

[210] Sapieha J.P. Op. cit. S. 229.

[211] Отписка суздальских воевод Ф.К. Плещеева и А. Просовецкого Я. Сапеге 12 (22) апреля 1609 г. // АИ. Т. 2. № 195. С. 225—226; Обыскное дело дворянина Г. Аргамакова и его дворников // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 301—302; Челобитная Г. Аргамакова Я. Сапеге в апреле 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610(1). № 104; Челобитная суздальцев Я. Сапеге // АИ. Т. 2. № 167. С. 195.

[212] Там же.

[213] Отписка сына боярского П. Бекетова Т. Бьюкову и П. Головичу 14 (24) октября 1608 г. // АИ Т. 2. № 99. С. 131—132.

[214] Там же; Sapieha J.P. Op. cit. S. 196, 213.

[215] Sapieha J.P. Op. cit. S. 196, 212.

[216] List R. Różyńskiego do J. Sapiehi 25 listopada (5 grudzienia) 1608 г. // OR BPAN. Ms. 345. № 94; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 28 декабря 1608 г. (7 января 1609 г.) // АИ. Т. 2. № 130. С. 154—155.

[217] Отписка сына боярского П. Бекетова Я. Сапеге // АИ Т. 2. № 99. С. 131—132.

[218] Отписка владимирского воеводы Т. Сеитова митрополиту Ростовскому Филарету // АИ Т. 2. № 98. С. 131.

[219] Sapieha J.P. Op. cit. S. 196.

[220] Письмо окольничего И.И. Годунова Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // СХ. № 12.3. С. 15—16; Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) ноября 1608 г. // СХ. № 12.16. С. 26—27.

[221] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 185. С. 214—215.

[222] Отписка Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ. Т. 2. № 161. С. 191—192.

[223] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в конце 1608 г. // РИБ. Т. 2. № 171.5. Стб. 697.

[224] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ Т. 2. № 185. С. 214—215.

[225] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в конце 1608 г. // РИБ. Т. 2. № 171.5. Стб. 697.

[226] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ Т. 2. № 185. С. 214—215.

[227] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) ноября 1608 г. // СХ. № 12.16. С. 26—27; Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 116. С. 145—146.

[228] Там же.

[229] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 7 (17) января 1609 г. // АИ. Т. 2. № 130. С. 154—155. Муханов П.А. Указ. соч. С. 268.

[230] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 291—292.

[231] Отписка Я. Сапеги владимирскому воеводе М.И. Вельяминову 6 (16) января 1609 г. // АИ. Т. 2. № 129. С. 154.

[232] Муханов П.А. Указ. соч. С. 268.

[233] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ Т. 2. № 185. С. 214—215.

[234] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге после 18 (28) марта 1609 г. // СХ. № 12.48. С. 55—56.

[235] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 291—292.

[236] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 7 (17) января 1609 г. // АИ. Т. 2. № 130. С. 154—155. Муханов П.А. Указ. соч. С. 268.

[237] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // АИ Т. 2. № 185. С. 214—215.

[238] Отписка муромских воевод Н. Плещеева и К. Навалкина Я. Сапеге после 15 (25) ноября 1608 г. // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 206.

[239] Там же.

[240] Там же.

[241] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Лжедмитрию II 9 (19) февраля 1609 г. // АИ Т. 2. № 151. С. 176—177.

[242] List R. Różyńskiego do J. Sapiehi 25 listopada (5 grudzienia) 1608 г. // OR BPAN. Ms. 345. № 94.

[243] АЗР. Ч. 4. С. 327.

[244] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 116.С. 145—146.

[245] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 11 (21) января 1608 г. // АИ. Т. 2. № 134. С. 156—157.

[246] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 18 (28) января 1608 г. // АИ. Т. 2. № 139. С. 160—161.

[247] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Лжедмитрию II 9 (19) февраля 1609 г. // АИ. Т. 2. № 151. С. 176—177.

[248] Отписка ярославских воевод И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге в конце октября 1608 г. // СХ. № 12.07. С. 18—20.

[249] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 25 октября (4 ноября) 1608 г. // СХ. № 12.6. С. 18; Sapieha J.P. Op. cit. S. 196.

[250] Повинная грамота ярославцев Лжедмитрию II // АИ. Т. 2. № 101. С. 133—134; Sapieha J.P. Op. cit. S. 195.

[251] Письмо торгового человека Т. Бьюгова Я. Сапеге в конце октября 1608 г. // СХ. № 12.01. С. 14—15.

[252] Отписка воевод кн. Ф.П. Барятинского, Б.И. Сутупова и Т. Копнина // СХ. № 12.51. С. 58—59.

[253] Челобитная архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила Я. Сапеге 13 (23) января 1608 г. // АИ. Т. 2. № 137. С. 158—161.

[254] Письмо царя Касимовского Ураз-Магмета Я. Сапеге 13 (23) февраля 1609 г. // СХ. № 12.40. С. 47—48.

[255] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 5 (15) февраля 1609 г. // АИ. Т. 2. № 155. С. 178—179.

[256] Отписка воеводы Е. Косьмина Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 173. С. 199—200.

[257] Отписка воеводы Е. Косьмина Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 173. С. 199—200.

[258] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 5 (15) февраля 1609 г. // АИ Т. 2. № 155. С. 178—179.

[259] Челобитная окольничих кн. Ф.Ф. Мещерского и М.А. Молчанова Я. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402; Письмо боярина М.Г. Салтыкова Я. Сапеге 2 (12) апреля 1609 г. // АИ Т. 2. № 187. С. 216.

[260] Письмо царя Касимовского Ураз-Магмета Я. Сапеге 13 (23) февраля 1609 г. // СХ. № 12.40. С. 47—48; Письмо царя Касимовского Ураз-Магмета Я. Сапеге 7 (17) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 168. С. 195—196.

[261] Письмо царя Касимовского Ураз-Магмета Я. Сапеге 7 (17) марта 1609 г. // АИ.Т. 2. № 168. С. 195—196; Отписка ростовского воеводы боярина М.И. Колодкина-Плещеева Я. Сапеге 9 (19) апреля 1608 г. // СХ. № 12.58. С. 65; Челобитная архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила Я. Сапеге 13 (23) января 1609 г. // АИ. Т. 2. № 137. С. 158—161.

[262] Отписки Т. Бьюгова Я. Сапеге в конце 1608 г. // СХ. № 12.01, 12.05, 12.15. С. 14—15, 17—18, 25—26.

[263] Отписка ярославских воевод И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге 20 (30) октября 1608 г. // СХ. № 12.07. С. 18—20.

[264] Челобитная ярославского воеводы И.И. Волынского Я. Сапеге после 20 (30) октября 1608 г. // СХ. № 12.09. С. 21—22; Отписка ярославского воеводы И.И. Волынского Я. Сапеге в ноябре 1608 г. // СХ. № 12.20. С. 31.

[265] Отписка ярославских воевод И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге после 20 (30) октября 1608 г. // СХ. № 12.07. С. 18—20; Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге после 30 октября (9 ноября) 1608 г. // АИ. Т. 2. № 108. С. 138—139.

[266] Буссов К. Указ. соч. С. 155.

[267] List K. Januszkowskiego do J. Sapiehi 28 listopada (8 grudzienia) // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 58.

[268] Челобитная архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила Я. Сапеге 13 (23) января 1608 г. // АИ Т. 2. № 137. С. 158—161; Письмо царя Касимовского Ураз-Магмета Я. Сапеге 13 (23) февраля 1609 г. // СХ. № 12.40. С. 47—48.

[269] Там же.

[270] List K. Januszkowskiego do J. Sapiehi 28 listopada (8 grudzienia) // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 58.

[271] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 25 октября (4 ноября) 1608 г. // СХ. № 12.6. С. 18; Sapieha J.P. Op. cit. S. 196; Отписка ярославского воеводы И.И. Волынского Я. Сапеге после 20 (30) октября 1608 г. // СХ. № 12.08. С. 20—21; Челобитная архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила Я. Сапеге после 20 (30) октября 1608 г. // Там же. № 12.22. С. 32—33; Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 18 (28) ноября 1608 г. // Там же. № 12.27. С. 36; Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге (конец 1608 г.) // Там же. № 12.45. С. 51.

[272] Отписка ярославских воевод И.И. Волынского и П. Головича Я. Сапеге после 20 (30) октября 1608 г. // СХ. № 12.07. С. 18—20.

[273] Письмо боярина М.Г. Салтыкова Я. Сапеге 2 (12) апреля 1609 г. // АИ Т. 2. № 187. С. 216; АЗР. Ч. 4. С. 325.

[274] Отписка ростовского воеводы М.И. Колодкина-Плещеева Я. Сапеге 9 (19) апреля 1609 г. // СХ. № 12.58. С. 65.

[275] АЗР. Ч. 4. С. 335.

[276] Челобитная окольничих кн. Ф.Ф. Мещерского и М.А. Молчанова Я. Сапеге // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402; АЗР. Ч. 4. С. 324.

[277] АЗР. Ч. 4. С. 325.

[278] Там же. С. 340.

[279] Там же. С. 329—340.

[280] Письмо царя Касимовского Ураз-Магмета Я. Сапеге 13 (23) февраля 1609 г. // СХ. № 12.40. С. 47—48; Письмо царя Касимовского Ураз-Магмета Я. Сапеге 7 (17) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 168. С. 195—196.

[281] Челобитная ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Лжедмитрию II после 18 (28) октября 1608 г. // СХ. № 15. С. 84; Челобитная ярославского воеводы И.И. Волынского Я. Сапеге после 20 (30) октября 1608 г. // СХ. № 12.09. С. 21—22.

[282] Докладная выписка. С. 18, 20.

[283] Челобитная архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила Я. Сапеге 13 (23) января 1608 г. // АИ. Т. 2. № 137. С. 158—161.

[284] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 23 октября (2 ноября) 1608 г. // СХ. № 12.10. С. 22.

[285] Челобитная архимандрита Ипатьевского монастыря Феодосия и Борисоглебского монастыря Арсения и костромичей Я. Сапеге в конце октября — начале ноября 1608 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 6/18.

[286] Письмо дона Хуана Крузатти Я. Сапеге 29 октября (8 ноября) // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 4. № 556/Уа Л. 195.

[287] Письмо дона Хуана Крузатти Я. Сапеге 29 ноября (9 декабря) 1608 г. // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 4. № 556/Уа Л. 195.

[288] Там же.

[289] АЗР. Ч. 4. С. 324.

[290] БС. Ч. 1. С. 200.

[291] АЗР Ч. 4. С. 326.

[292] Там же.

[293] Там же. С. 327.

[294] Там же. С. 328—329.

ГЛАВА 9

ТУШИНЦЫ И ЗЕМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАМОСКОВЬЕ И ПОМОРЬЕ

В конце ноября 1608 г. в Замосковье и Поморье вспыхнуло народное восстание против тушинцев, которое радикально изменило ситуацию в стране. Впоследствии официальные летописцы и русские писатели из бояр и дворян не любили вспоминать в своих сочинениях о событиях тех дней и заслугу разгрома тушинцев в Замосковье приписывали исключительно М.В. Скопину и Ф.И. Шереметеву[1]. Д. Бутурлин, а вслед за ним Н.И. Костомаров и С.М. Соловьев, первыми из русских историков обратили внимание на народное движение против тушинцев в Замосковье и Поморье в конце 1608 — начале 1609 г. и пришли к выводу, что оно сыграло важную роль в победе правительственных войск над приверженцами самозванца и восстановлении в стране государственного порядка[2]. С.Ф. Платонов уточнил и развил наблюдение предшественников. Он установил, что отряды народного ополчения против тушинцев в основном состояли из посадских и черносошных крестьян Замосковья и Поморья. Если бы местные миры, по мнению историка, были бы предоставлены одним собственным силам, то они вряд ли добились успеха. Но опираясь на центры сопротивления тушинцам в Новгороде Великом и Нижнем-Новгороде, они смогли победить и сыграть важную роль в разгроме правительственными силами тушинцев в Замосковье[3]. В советской историографии, в которой движение Лжедмитрия II обычно рассматривалось как скрытая иностранная интервенция, восстание народа против тушинцев рассматривалось исключительно как национально-освободительное или освободительное[4]. Вывод о том, что движение Лжедмитрия II не было скрытой интервенцией Речи Посполитой против России, заставляет отнестись к гипотезе о национально-освободительном характере восстания в Замосковском крае и Поморье с большой осторожностью. Необходимо отметить, что явно недостаточно исследован вопрос влияния народного движения в Замосковье и Поморье на расстановку сил в Тушине. Все эти вопросы свидетельствуют, что тема нуждается в дополнительном изучении.

§ 1. Народное восстание против тушинцев и правительственные войска Ф.И. Шереметева и кн. М.В. Скопина-Шуйского

Проведенные в советской историографии специальные исследования по социально-экономической истории Поморья и прилегающих уездов Замосковья подтвердили вывод С.Ф. Платонова, что здесь, в силу природных условий хозяйствования, преобладали тягловые посадские и крестьянские миры, а вотчины и поместья духовенства, бояр и дворян не имели такого распространения и значения, как в центральных уездах страны[5]. Крепкие, неразъединенные различными владельческими формами хозяйства местные миры, столкнувшись с тушинскими порядками, быстро разобрались, что их ждет в ближайшем будущем и выступили против врагов[6]. С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, ссылаясь на свидетельство Нового летописца и документы архива Соликамского уездного суда, отметили, что земцы поднялись против тушинцев одновременно в нескольких местах[7]. П.Г. Любомиров склонялся к мысли, что непосредственным поводом для народного движения в Поволжье стали победы над тушинцами нижегородцев[8]. Н.И. Костомаров, Л.Б. Генкин, а недавно Ю.С. Васильев, опираясь на данные отписок галичан, пришли к выводу, что именно они являлись зачинателями движения против приверженцев самозванца[9]. И.С. Шепелев подчеркивал, что народ взялся за оружие стихийно, не по сигналу из Москвы, «одновременно и даже ранее» побед нижегородцев, и взрыв народного возмущения сразу же охватил значительную территорию[10]. Материалы Соликамского и Сапежинского архивов помогают уточнить обстоятельства зарождения антитушинского движения в Замосковье и Поморье.

Анализ переписки между поморскими городами в ноябре—декабре 1608 г. показывает, что земцы Замосковья и Поморья, загнанные в тупик тушинскими порядками, начали искать выход из положения, жадно собирая любую информацию о том, что происходило в стране. Они готовы были ухватиться за любую мало-мальски правдоподобную весть об успехах правительственных сил, зачастую выдавая желаемое за действительное. В ноябре 1608 г. М.В. Скопин-Шуйский сидел в осаде, не успев толком провести переговоры о найме шведов,

Ф.И. Шереметев только добрался до Казани, а по Поморью уже поползли слухи, что галичане и тотемцы получили царскую грамоту, в которой будто бы сообщалось, что царский племянник вместе со шведами, новгородцами и псковичами разгромил Тушино, а Ф.И. Шереметев со всей понизовой силой, татарами, мордвой и черемисой «давно прошел Нижний -Новгород» и находится на подступах к Москве[11]. Отписки вологодцев устюжанам дают основание предположить, что источниками недостоверных слухов о полном разгроме тушинцев под Москвой послужили удачные для правительственных сил бои у Троице-Сергиева монастыря и под Москвой на Филиппово заговение 11 (21) ноября 1608 г.[12] Вдействительности, галичане, как видно из их отписок, никаких царских грамот вплоть до 1 (11) января 1609 г. не получали[13]. В первых числах ноября 1608 г. они принесли присягу Вору и их посольство 9 (19) ноября побывало у Я. Сапеги в лагере у Троицы[14]. Ситуация в городе, судя по рассказу галицких властей в мартовской отписке царю Василию, резко изменилась к середине ноября, а уже 23 ноября (3 декабря) 1608 г., после распространения слухов о разгроме тушинцев М.В. Скопиным и Ф.И. Шереметевым, отряды местного ополчения выступили в поход против тушинцев[15]. Это свидетельство полностью подтверждается данными записи дневника Я. Сапеги за 4 (14) декабря 1609 г., в которой прямо говорится, что первыми в лагеря у Троицы пришли известия о восстании в Галиче, а сообщил гетману об этом костромской воевода кн. Д.В. Горбатый-Мосальский[16]. Из отписки устюжан вычегодцам следует, что они получили 29 ноября (9 декабря) 1608 г. известие о восстании против Тушинцев в Тотьме[17]. Если учесть, что вести между Тотьмой и Устюгом в то время шли 2—3 дня, то можно установить, что восстание там произошло около 26—27 ноября (6—7 января) 1608 г. Примечательно, что от посланника тотемцев М. Седлова устюжане узнали, что ко времени его отъезда против тушинцев вместе с галичанами уже выступили костромичи[18]. Эти данные полностью подтверждает донесение Д.Х. Крузатти Я. Сапеге от 29 ноября (9 декабря) 1608 г. Наемник сообщил, что причиной восстания в Галиче и Костроме явились беспорядки, учиненные солдатами и их слугами. Поверенный гетмана заявил, что зачинщиком бунта будто бы является «искариот» — воевода

Д.В. Горбатый-Мосальский и убеждал своего хозяина ни в коем случае не присылать сюда иноземных солдат, т. к. они немедленно будут убиты[19]. Известие о причастности воеводы кн. Д.В. Горбатого-Мосальского к восстанию не подтверждается русскими источниками. Ветеран тушинского движения был захвачен костромичами, подвергнут пыткам и казнен[20]. Вологодцы, по данным отписки городовых приказчиков, восстали против тушинцев 29 ноября (9 января) 1608 г.[21] Известия о свержении власти тушинцев в Костроме и Вологде Я. Сапега получил через три дня после вестей о восстании в Галиче — 7 (17) декабря 1608 г.[22] Приведенные факты подтверждают вывод Н.И. Костомарова, Л.Б. Генкина и Ю.С. Васильева, что движение против тушинцев началось в Галиче. Но нельзя не заметить, что стоило галичанам взяться за оружие, как буквально через несколько дней восстали вологодцы, кинешемцы, шуяне, лушане, костромичи[23]. Это наблюдение свидетельствует, что прав И.С. Шепелев, пришедший к выводу, что движение против тушинцев зародилось стихийно, без каких-либо распоряжений из Москвы.

Народное восстание в Поморье и прибытие 1 (11) декабря 1608 г. в город посланного боярином Ф.И. Шереметевым отряда из стрельцов, казаков, немцев, чувашей и башкир, которым командовали головы Андрей Микулин и Богдан Износков[24], позволили нижегородцам отказаться от выжидательной тактики. Они нанесли ряд упреждающих ударов по тушинским отрядам, наступавшим из Балахны, Павлова Посада и Арзамаса, не позволив им соединиться и организовать осаду города. Нижегородский воевода Андрей Семенович Алябьев 2 (12) декабря 1608 г. разбил тушинский и освободил Балахну, а 5 (15) декабря 1608 г. рассеял другой вражеский отряд, состоявший из «изменников»-детей боярских нижегородцев, арзамасцев, алатырцев, татар и черемисов. Когда 10 (20) декабря 1608 г. тушинцы попытались вновь собраться с силами в с. Ворсме для нового наступления на город, А.С. Алябьев не только разгромил их наголову, но и, развивая успех, нанес поражение противнику у Павлова Посада и освободил его 11 (21) декабря 1608 г.[25] Первое наступление тушинцев на Нижний-Новгород было отбито[26]. Успех галичан, вологжан, костромичей, нижегородцев и др. способствовал дальнейшему распространению

движения. В борьбу с тушинцами вступили муромцы, пошехонцы, романовцы, угличане, ярославцы, белозерцы, жители Устюжины Железнопольской и др[27]. Восставших поддержали жители Устюга Великого и других городов Поморья, которые никогда не признавали власть Лжедмитрия II и занимали выжидательную позицию[28]. Отряды ополченцев появились в Суздальском, Владимирском, Дмитровском уездах[29]. К середине декабря движение против тушинцев охватило Кашин, Бежецкий верх, Новгородские пятины[30].

В начале декабря Ф.И. Шереметев, вероятно, получив известия о событиях в Галиче, Костроме, Нижнем-Новгороде, попытался выполнить приказ Василия Шуйского «идти к Москве наспех». Он вышел ратью из Казани 5 (15) декабря 1608 г., 12 (22) декабря 1608 г. миновал Свияжск[31] и 22 декабря 1608 г. (1 января 1609 г.) нанес поражение тушинцам, осаждавшим Чебоксары[32]. Дальнейшее продвижение правительственного войска было остановлено нападением тушинских отрядов на Свияжск, что грозило отрезать Ф. Шереметева от его основной базы — Казани. Воевода был вынужден с частью сил вернуться назад к Свияжску и 1 (11) января 1609 г. нанес поражение осаждавшим город чебоксарским, кокшайским, алатырским «воровским людям», мордве и черемисам[33]. Взаимодействие между правительственными силами в Нижнем-Новгороде и Казани было восстановлено, но Ф.И. Шереметев был вынужден на время отказаться от планов похода к Москве и вместе с казанскими воеводам, боярами В.П. Морозовым и Б.Я. Бельским, заняться организацией карательных акций для восстановления власти В. Шуйского в Казанском крае. Командиры правительственных отрядов получили инструкции «приводити во всех деревнях к шерти татар и черемису», «а в коих волостях не учнут шертовати, и... те волости воевать, черемису и татар побивати, и жон их и детей в полон имати, и животы грабити, и деревни жечь»[34].

В конце декабря 1608 г. резко изменилась ситуация у Новгорода Великого. Полковник Кернозицкий неожиданно снял осаду города и отступил к Старой Руссе. Ю. Видекинд, видимо, опираясь на рассказ П. Петрея, пришел к заключению, что тушинский полковник был будто бы напуган вестями о прибытии к новгородскому рубежу шведского наемного войска[35].

Иную версию событий содержат документы архива Соликамского уездного суда и Новый летописец. В середине декабря 1608 г. устюжане получили ноябрьскую грамоту от М.В. Скопина-Шуйского, в которой сообщалось, что десятитысячное шведское наемное войско уже прибыло к русским рубежам и что он планирует направить его часть Тихвинскою дорогою, по-видимому, чтобы помочь жителям Поморья[36]. В декабрьской грамоте М.В. Скопина-Шуйского по-прежнему говорилось о прибытии на Ореховский рубеж десятитысячного наемного войска, но это сообщение явно отодвинулось на второй план. На первое место воевода поместил рассказ дворян Бежецкой пятины об успешных действиях ополченцев Поморских и Тверских городов против тушинцев. Примечательно, что об отправке части наемников Тихвинской дорогой он уже не упоминает[37]. Сопоставление обеих отписок новгородского воеводы не оставляет сомнений, что именно восстание жителей Поморских городов, Бежецкого Верха, Городецка и Новгородских пятин, а не обещаемое из грамоты в грамоту прибытие шведского наемного войска, резко изменило соотношение сил между тушинцами и правительственными отрядами в Новгородской земле. Авторы Нового летописца полностью подтверждают этот вывод. Они прямо говорят, что отступление Кернозицкого было напрямую связано с продвижением к Новгороду Великому отрядов С. Горихвостова из Тихвина и Е. Резакова из Заонежских погостов. Эти отряды, по словам летописцев, состояли из «всяких людей», т. е. являлись отрядами земского ополчения[38].

Наблюдение С.Ф. Платонова, что восстание жителей Поморских и Замосковных городов вряд ли достигло бы успеха без помощи М.В. Скопина, Ф.И. Шереметева, устюжан и нижегородцев, как видно из приведенных данных, нуждается в уточнении[39]. Прежде чем найти опору в этих центрах сопротивления правительственных сил тушинцам, восставшие жители Поморья и Замосковья выручили правительственные войска из крайне затруднительного, почти безвыходного положения, помогли собраться с силами, чтобы продолжить борьбу.

Документы архива Соликамского уездного суда позволяют выяснить характер зародившегося движения. Галичане в своей отписке царю подчеркнули, что костяк их отрядов составляли даточные посадские, крестьяне и дворяне[40]. Устюжане в своей

отписке вычегодцам полностью подтвердили эти данные. Они сообщили, что в Галиче и Костроме против тушинцев поднялись «служилые люди и всякие волостные и дворцовых сел крестьяне»[41]. Местную администрацию в Костроме возглавил стольник Б.М. Салтыков[42]. В Вологде инициативу выступления против тушинцев взяли на себя посадские земские целовальники — Т. Лягушкин с товарищами, посадские и волостные «лутчие люди»[43]. Воевода Н. Пушкин и дьяк Р. Воронов возглавили местную администрацию уже после свержения тушинцев, когда их выпустили из тюрьмы[44]. В Пошехонье в движении против тушинцев приняли участие князья, дети боярские и «волостные многое люди»[45]. В Юрьевце-Поволжском движение, по данным Нового летописца, возглавил сытник Федор Красный-Бобарыкин, в Решме — крестьянин Гришка Лапша, на Балахне — Иван Кувшинников, в Городце — Федор Нагавицын, на Холую — Илья Деньгин[46]. Приведенные данные свидетельствуют, что в движении против тушинцев принимали активное участие все слои населения Поморья: посадские, крестьяне, служилые люди, духовенство. Оно проходило под лозунгом восстановления власти царя В. Шуйского. Посадские, дворяне и крестьяне повсеместно смещали тушинских воевод и дьяков, возвращали должности прежним руководителям администрации, отказавшимся от сотрудничества с тушинцами, создавали отряды ополчений[47]. В источниках не сохранились данные о расправах посадских и крестьян над дворянами и богатыми купцами. Наоборот, имеются факты, свидетельствующие о стремлении восставших привлечь на свою сторону дворян и использовать их опыт и средства для борьбы с врагами[48]. Репрессиям подверглись только наемники и представители тушинской администрации[49]. Приведенные факты позволяют прийти к выводу, что народные выступления не носили антифеодального характера. Зародившееся в Поморье движение было направлено против тушинского режима за восстановление государственного порядка, поэтому его, по нашему мнению, можно оценить как земское.

Восставшие, как показывает переписка между городами, восприняли содержавшиеся в грамотах Василия Шуйского оценки движения Лжедмитрия II как организованного «Литвою», чтобы уничтожить Православие[50]. Они старательно подчерки-

вали, что, по полученным у тушинцев сведениям, «вор Дмитрий взят из Стародуба, а взяла его Литва»[51]. Сообщая о боях с тушинцами, они использовали формулу — «богоотступники литовские люди и русские изменники» и рассказывали о поругании иноверцами православных храмов и икон[52]. Призывы к борьбе с иноверцами явно преследовали цель объединения всего русского мира под знаменами Православия в движении за восстановление государственного порядка.

§ 2. Борьба тушинцев с земским движением

Мемуаристы свидетельствуют, что руководители движения самозванца поначалу не поняли, что произошло в Замосковье и Поморье. Они решили, что по-прежнему имеют дело с шайками разбойников, которые состояли из их беглых слуг и русских уголовников[53]. Я. Сапега отправил против них полк Я. Стравинского, а Р. Ружинский — роту Б. Ланцкоронского[54]. Падение Костромы и восстание в Ярославле показали всю опасность происходящего и заставили тушинские власти принять дополнительные меры. Р. Ружинский и Я.П. Сапега выслали против повстанцев крупные карательные отряды. Полковник А. Лисовский, Э. Стравинский и Б. Ланцкоронский с 2 тыс. казаков и 608 наемниками двинулись на Ярославль, Кострому, Вологду[55]. Ротмистр Казаковский со своими людьми — на Устюжину Железнопольскую[56]. Суздальский воевода Ф.К. Плещеев и ротмистр А. Соболевский с дворянами и наемниками — на Шую, Лух и Кинешму[57]. Кн. С. Вяземский с русскими дворянами и казаками — на Нижний-Новгород[58]. Плохо вооруженные, необученные, не имевшие единого руководства отряды земских ополчений не смогли выдержать ударов хорошо оснащенных тушинских полков и рот, состоявших в основном из профессиональных воинов. Около 11 (21) декабря 1608 г. А. Лисовский и его солдаты подавили народное восстание против тушинцев в Ярославле[59], ротмистр А. Соболевский и суздальский воевода Ф.К. Плещеев разбили земцев у Шуи, а Э. Стравинский — у Соли Великой[60]. Два дня спустя, 23 декабря (2 января) 1608 г., А. Лисовский и Э. Стравинский разгромили ополченцев у с. Данилова[61]. Затем карателя 28 декабря (7 января) 1608 г. захватили Кострому, а 3 (13) января 1609 г. — Галич[62].

Каратели огнем и мечом прошли по приволжским уездам Замосковного края и Поморья. Посадские и крестьяне этих уездов были вынуждены вновь целовать крест Лжедмитрию II и выплатить его воинам громадную денежную контрибуцию — откупной налог по 150 руб. с сохи[63]. В качестве главной ударной силы наемники использовали ветеранов повстанческого движения, которые искренне верили, что творят благое дело, уничтожая врагов «доброго царя Дмитрия». Их безжалостность поражала даже наемников, которые, по словам А. Палицына, заявляли: «Внимаем себе братие, что сии русаки друг другу содевают; нам же что будет от них?»[64]. Террор против мирного населения окончательно превратил посадских и крестьян Поморья и Замосковья в непримиримых врагов тушинцев. Сторонникам Лжедмитрия II удалось сбить первую, стихийную волну народных выступлений. Однако их победа не была полной и окончательной. Жители Вологды, Устюжны Железнопольской, Устюга Великого и других городов и уездов Поморья смогли отразить нападение карателей[65]. Нижегородцы в бою у своего города 11 (21) января 1609 г. наголову разгромили отряд кн. С. Вяземского и отбросили тушинцев к Мурому и Владимиру[66].

Исследуя историю восстания против тушинцев в Замосковье и Поморье, исследователи не придали значения показаниям документальных источников, что в критический для земского дела момент посадских и крестьян предали городовые дворянские корпорации. Источники свидетельствуют, что в боях с земцами на стороне тушинцев приняли участие владимирские, суздальские, юрьевские, лушские, ярославские, переяславские дворяне[67]. Костромские и галицкие дети боярские, по словам посадских и крестьян, в решающий момент перешли на сторону тушинцев и помогли им захватить Кострому. Стремясь продемонстрировать свою преданность «царю Дмитрию», они расправлялись с недавними товарищами по оружию с особой жестокостью[68]. В январе 1609 г. вологжане жаловались устюжанам, что «костромичи, и ярославцы, и романовские тотарове, и пошехонцы дети боярские» собираются напасть на их город[69]. Позиция, занятая значительной частью дворян, поддержавших карательные акции тушинцев против посадских и крестьян, грозила привести к глубокому социальному конф-

ликту среди земцев Замосковья и Поморья. Гражданская война в России могла перейти в новую фазу.

§ 3. Земское движение и оборона Москвы

Грабежи и насилия, чинимые тушинцами, и безжалостное подавление земского движения в Замосковье и Поморье укрепили решимость осажденных в Москве и Коломне, Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском монастырях и Смоленске сражаться с врагами до конца. Отправка крупных тушинских отрядов для подавления земского движения в Замосковье и Поморье еще более ослабила их группировки у стен Москвы и заставила сменить тактику в борьбе за русскую столицу. Их последующие действия показывают, что тушинцы пытались, измотав и обескровив москвичей и правительственные войска блокадой и постоянными стычками, подготовить и осуществить в столице переворот в пользу самозванца.

Важным элементом в реализации тушинских планов должен был стать захват Коломны. А. Рожнятовский в записи 2 (12) декабря 1608 г. прямо говорит, что знатные перебежчики из столицы объяснили тушинцам, какую роль в судьбе Москвы играет Коломна, и посоветовали, «как можно быстрее, занять Коломенскую дорогу, а после этого столица Москва должна была быстро сдаться». Несколько дней спустя, по свидетельству слуги Мнишков, тушинцы отправили для взятия Коломны отряд Хмелевского, которого он назвал Корницким[70].

Василий Шуйский прекрасно понимал, как важно для него удержать Коломну и, при первых же вестях о грозившей городу опасности, направил туда отряд правительственных войск во главе со стольником кн. С.В. Прозоровским и думным дворянином В. Сукиным[71]. Я. Сапега, получив известия об этом отряде, сделал запись на карте Поволжья: «Василий Сукин в Коломну с тремя пушками» и указал его численность, но затем, по каким-то причинам, вымарал приведенную цифру[72]. Назначение командирами отряда видных представителей государева двора свидетельствует, что царь использовал свои последние резервы, и правительственный отряд был небольшим. Спешка с отправкой подкреплений едва не погубила дело. Первый коломенский воевода дворянин московский И.М. Бутурлин подал

царю жалобу «об утере чести» на стольника кн. С.В. Прозоровского. Вспыхнул острый местнический спор, который заставил Василия Шуйского принять решительные меры. Царь велел объявить И.М. Бутурлину «с опалой», что он «дурует»[73].

Хмелевский, по данным А. Рожнятовского, Разрядов, Нового летописца, подошел к Коломне из Каширы около 15 (25) декабря 1608 г., намереваясь организовать осаду города[74]. С.В. Прозоровский, оценив силы противника, не стал ждать, укрепив свой отряд воинами гарнизона крепости, произвел вылазку и наголову разгромил тушинцев, а Хмелевского пленил[75]. А. Рожнятовский также показывает, что бой за Коломну был упорным: «Под Коломной наши также жестоко бились с «москвой», но ничего не сообщил о его результатах[76]. Немногословность слуги Мнишков — верный признак того, что правительственные войска действительно одержали полную победу. С.В. Прозоровский с отрядом и И.М. Бутурлин после окончания боев с Хмелевским были отозваны в Москву. На должность первого воеводы Коломны царь назначил дворянина московского И.М. Меньшого-Пушкина[77].

Не прошло и десяти дней, как А. Рожнятовский в записи за 26 декабря (5 января 1609 г.) зафиксировал еще одну вспышку боев за Коломну[78]. Василий Шуйский и на этот раз, узнав от И.М. Меньшого-Пушкина и С. Глебова о новом наступлении тушинцев на Коломну, направил в город подкрепление во главе со стольником кн. Д.М. Пожарским. Воевода не стал ждать тушинский отряд из Владимира у стен города. Получив данные разведки, он атаковал спящего противника на рассвете в его таборах в с. Высоцком в Гуслицкой волости и наголову разбил[79]. Разрядные записи показывают, что вновь, как в декабре 1608 г., назначение «прибылого воеводы» вызвало местнический протест со стороны первого воеводы. И.М. Меньшой-Пушкин прибыл в Москву и потребовал восстановления поруганной «чести»[80]. Бояре разбирали спор, согласно данным Дворцовых Разрядов, 20 февраля (2 марта) 1609 г. в присутствии истца и ответчика[81], но не смогли разрешить конфликт. За дело хотел взяться сам царь, но до этого у него не дошли руки и спор так и остался «не вершен»[82]. В Коломну Василий Шуйский направил воеводой кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского[83].

Скорее всего, походы Хмелевского и владимирцев являлись двумя звеньями одного тактического плана. В пользу этого предположения говорит то, что оба боя близки по времени. Примечательно, что для его реализации были выделены относительно небольшие силы, о чем свидетельствует тот факт, что руководить операцией было поручено ротмистру. Как видно, тушинцам, направившим значительные силы для борьбы с правительственными войсками и отрядами земского ополчения, не хватило сил, чтобы подготовить серьезный удар по Коломне. Значительную роль в срыве планов тушинцев сыграли умелые действия царских воевод, сумевших разгромить противника по частям. В результате декабрьских и январских боев за Коломну, правительственным войскам удалось сорвать планы тушинцев по захвату Коломны и удержать путь снабжения Москвы из Рязанщины. Крестьяне близлежащих волостей, как видно памяти второго коломенского воеводы С. Глебова М. Евлахову, которая датирована 29 декабря 1608 г. (8 января 1609 г.), принесли повинную В. Шуйскому[84].

Особые надежды тушинцы возлагали на организацию переворота в Москве, который они попытались осуществить в конце февраля — начале марта 1609 г. Н.И. Костомаров и С.Ф. Платонов, анализируя эти события, отметили, что тяготы осады вызывали острое недовольство властями в Москве, которое создавало прекрасные условия для «открытых мятежей против Василия Шуйского». Один из таких мятежей произошел «на сыропустную субботу» 25 февраля (7 марта) 1609 г., когда заговорщики, во главе которых стояли дворяне московские Т.В. Грязной-Ховрин, Г.Ф. Сумбулов и выборный дворянин по Верее кн. Р.И. Гагарин-Гусев, попытались совершить переворот и свергнуть Василия Шуйского[85]. С.Ф. Платонов предположил, что мятежники выступили «не без влияния тушинской агитации». Неслучайно в событиях приняли участие небезызвестные «окольничие» Вора — М.А. Молчанов и кн. Ф.Ф. Мещерский[86]. И.С. Шепелев выяснил, что в число заговорщиков входили сапежинские лазутчики сын боярский К. Хвостов и поп И. Зубов. Историк полагал, что мятежники потерпели неудачу из-за того, что их не поддержал народ[87].

Изучая февральские 1609 г. события в Москве, С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов обратили внимание, что важные данные

на этот счет содержат две окружные грамоты патриарха Гермогена, которые помещены в «Актах археографической экспедиции» под 1611 г.[88] Анализ текста грамот показывает, что во втором послании о митрополите Филарете говорится как о тушинском, а не королевском пленнике[89]. В центре внимания патриарха события, происшедшие на «сыропустной субботе» 25 февраля (7 марта) 1609 г., а о сведении В. Шуйского с престола 17 (27) августа 1610 г. он даже не упоминает[90]. Оба послания явно адресованы «отпавшим от Бога тушинцам, а не ко всему русскому народу. Все это, на наш взгляд, подтверждает наблюдение С.М. Соловьева, что оба послания, вопреки приведенным их издателями датировкам, написаны Гермогеном в 1609 г. Примечательно, что во втором послании «о восстании на царя Василия» говорится, как о только что происшедшем событии и сообщается много конкретных деталей[91], а во втором — имеется фраза, свидетельствующая о том, что она написана уже по прошествии некоторого времени. Патриарх заявил тушинцам, что те служилые люди и москвичи, кто в «сыропустную субботу» восстал на царя и остался в Москве, были им прощены[92]. Таким образом, второе послание патриарха Гермогена, на наш взгляд, следует датировать концом февраля 1609 г., а первое послание — мартом 1609 г., до казни боярина И.Ф. Крюка-Колычева на Вербное воскресение. Послания Гермогена и Дневник Я. Сапеги, написанные по горячим следам событий, позволяют критически осмыслить показания позднего Нового летописца и уточнить детали февральских событий в Москве.

Записи дневника и документы Я. Сапеги показывают, что тушинцы действительно готовили в Москве заговор. В дневнике Я. Сапеги упоминаются отправленные гетманом в Москву с крупной суммой денег для «подкупления» тамошних людей и шпионажа сын боярский К. Хвостов и два холопа[93]. Там же в решающую минуту оказался бывший Самборский вор «окольничий» М.А. Молчанов со своим приятелем кн. Ф.Ф. Мещерским[94]. События, как видно из грамот патриарха Гермогена и показаний Нового летописца, развивались поначалу отнюдь не по тушинскому сценарию. Мятежники явились на заседание Боярской думы, затем пытались захватить патриарха Гермогена, взбудоражили москвичей[95]. Они явно добивались созыва импровизированного Земского собора, который бы включал

Боярскую думу, Освященный собор, главой которого являлся патриарх, и представителей служилых людей и москвичей[96]. Важно отметить, что мятежники призывали бояр, патриарха, служилых людей царя «переменить» (т. е. заменить. — *И.Т.*), а не присягнуть «царю Дмитрию»[97]. Бояре и патриарх, по свидетельству Нового Летописца, остались верны Василию Шуйскому и, улучив момент, укрылись по своим дворам. Только боярин В.В. Голицын, которому авторы проромановского Нового летописца явно не симпатизировали, наблюдал за действиями мятежников. Они намекали, что именно он рассчитывал занять место низложенного В. Шуйского[98]. Потерпев неудачу в Думе, мятежники явились вместе с патриархом на Лобное место, где при стечении народа стали «честь грамоту», в которой заявлялось, что царь избран незаконно, не «всею землею», нарушил присягу, которую дал при вступлении на престол, совершая незаконные казни «бояр и дворян» и что из-за этого в стране льется кровь. Гермоген, по его словам, потребовал у мятежников назвать тайно казненных, но они не смогли привести ни одного имени[99]. Затем патриарх, сумел сыграть на самолюбии москвичей, заявив, что царь избран Московским государством, которое всегда все «государства Русской земли слушали» и что кровопролитие — кара Божья русским людям за «грехи», прежде всего, за измену законному государю[100]. Москвичи отказались поддержать мятежников. Важно отметить, что аргументация, выдвигаемая инициаторами переворота, была отнюдь не тушинская. Сторонникам самозванца не нужно было доказывать незаконность В. Шуйского без избрания Земским собором и обвинять царя в нарушении клятвы боярам. За этими призывами явно стояли оппозиционные силы, стремившиеся заменить В. Шуйского на законно избранного, более авторитетного и удачливого царя, способного вывести страну из пучины, постигших ее бед. Для этого им, по всей видимости, и был нужен импровизированный Земский собор. Москвичи, как заявил патриарх, вняли его словам и «разъехались, иные в город, иные по домам поехали, потому что «враждующим поборников не было и в совет их к ним не пристал никто», а сам он отправился на свое подворье[101]. В этой ситуации тушинцы попытались взять инициативу в свои руки. Они призвали мир выдать В. Шуйского «царю Дмитрию» и оправили в Тушино

посольство из двухсот человек с повинной грамотой [102]. В его состав, как видно из показаний перебежчиков, вопреки утверждению позднего Нового летописца, входили не только дети боярские, но и служилые немцы, чернецы, попы[103].

Тем временем, верные Василию Шуйскому бояре, как свидетельствует Новый летописец, пришли к нему на помощь «ис полков». Царь, якобы, не убоявшись смерти, мужественно вышел навстречу своим врагам, и они, напуганные его решимостью, бежали из Москвы в Тушино[104]. Перебежчики сообщили Я. Сапеге иную версию событий. По их словам, Василий Шуйский, явившись перед миром с войском, был вынужден поклясться на кресте, что через три недели придет помощь от кн. М.В. Скопина-Шуйского, Ф.И. Шереметева, а также от татар[105]. Начавшееся было в Тушине ликование вскоре было прервано, так как новые беглецы из столицы сообщили, что попытка переворота полностью провалилась и «московское» посольство никого не представляет[106]. В результате февральского 1609 г. мятежа Василию Шуйскому не без труда удалось удержать власть в своих руках. В те дни произошла последняя волна массовых отъездов из Москвы. Т.В. Грязной, Г.Ф. Сумбулов, кн. Р.И. Гагарин-Гусев с тремястами товарищей смогли выбраться прямо в Тушино[107]. М.А. Молчанов и кн. Ф.Ф. Мещерский 28 февраля (8 марта) 1608 г. добрались до табора Я. Сапеги у Троицы[108]. Следом за ними прибыло несколько детей боярских, стрельцов, беглых холопов[109].

Еще меньше результатов принесли попытки тушинцев обескровить правительственные полки в Москве, заманивая их вылазные отряды в засады. Правительственные войска, разобравшись в происходящем, применили против противника ту же тактику. В результате бои шли с переменным успехом. В одной из таких стычек, произошедшей 26 февраля (6 марта) 1609 г., получил серьезную рану гетман Р. Ружинский, от которой ему уже не суждено было оправиться[110]. Неделю спустя, 2 (12) марта, в связи с изменой атамана Горохового, тушинцы смогли нанести поражение правительственным отрядам в Красном селе. Гонная слобода и Красное село были выжжены дотла[111].

§ 4. Оборона Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского монастырей и Смоленска

Отправка значительной части полка А. Лисовского в карательную экспедицию в Поморье способствовала снижению боевой активности сапежинского войска у Троицы. Защитники монастыря получили короткую передышку, которую использовали для пополнения запасов продовольствия, фуража и дров. Почти ежедневно троицкие ратники нападали на сапежинские обозы на близлежащих дорогах. Они отвлекли на себя значительные силы врага и тем самым способствовали развертыванию движения против тушинцев в Замосковье и Поморье[112]. Я. Сапега узнал от перебежчиков, что власти монастыря, готовясь к осаде, не смогли или не успели пополнить запасы дров и фуража, и поэтому защитники монастыря почти ежедневно вынуждены совершать вылазки в окрестные рощи за дровами и на поля за сеном. Не имея достаточных сил для нового штурма, гетман решил взять крепость, организовав ее полную блокаду. С конца декабря 1608 г. вылазные отряды осажденных один за другим стали попадать в засады и терпеть поражение за поражением. В декабре 1608 г. троицкие ратники, по данным авторов Дневника Я.П. Сапеги, потеряли 325 человек. Были ранены головы С. Марин, Б. Зубов, дворяне Л. Смирной, Ф. Карцев, Я. Стогов, И. Назимов. Во время вылазки 16 (26) января 1609 г. сапежинцы неожиданно контратаковали осажденных, чуть было не ворвались на плечах бегущих в Каличьи ворота крепости. Запасы пороха, дров и фуража быстро сокращались. Осажденные начали страдать от холода. Из-за бескормицы пришлось забивать скот. В феврале 1609 г. среди защитников монастыря начались заболевания цингой, которые ежедневно уносили жизни 15—20 человек. Силы защитников Троицы быстро таяли, и они запросили помощи у Василия Шуйского[113].

А. Палицын написал в «Сказании», что царь будто бы долгое время оставался глух к просьбам троицких властей и воевод. В действительности, Василий Шуйский сделал все возможное, чтобы помочь осажденным. Он сразу же отправил в монастырь небольшое подкрепление, которое январской ночью 1609 г. попыталось преодолеть заставы сапежинцев. Однако Я.П. Сапега, предупрежденный предателями — двумя детьми боярскими,

блокировал всеми своими силами подступы к монастырю и вынудил московских ратников отступить. Спустя месяц, в ночь с 15 (25) на 16 (26) февраля 1609 г., небольшой отряд московских ратников из 70 казаков и 20 монастырских слуг во главе с атаманом Сухим Останковым и Никифором Есиповым вновь попытался прорваться в Троицу. А. Палицын пишет, что операция закончилась успешно. Авторы Дневника Я. Сапеги свидетельствуют, что не все было благополучно. Московский отряд опять столкнулся с поднятыми по тревоге полками Я.П. Сапеги. На этот раз московские ратники решились на отчаянный шаг. Они атаковали превосходящие силы противника. Защитники Троицы, услышав шум боя, сделали вылазку и помогли атаману С. Останкову с казаками пробиться в крепость. Все слуги, по-видимому, пали на поле боя. Несколько казаков попало в плен. Однако главная цель была достигнута. В крепость удалось доставить примерно 20 пудов пороха и несколько пополнить поредевшие ряды троицких ратников. Поражение раздосадовало сапежинцев. А. Лисовский приказал казнить пленных на глазах у их товарищей. В ответ защитники Троицы казнили всех пленных, захваченных ими во всех боях. Происшедшее вызвало бурю негодования в сапежинских лагерях. Родственники и друзья погибших хотели казнить А. Лисовского и только заступничество Я.П. Сапеги спасло «полковника» от расправы[114].

Получив подкрепление, защитники Троицы смогли активизировать боевые действия против сапежинцев и тем самым способствовали новому подъему движения против тушинцев в Замосковном крае, но не надолго. Весной 1609 г. количество заболевших защитников монастыря резко возросло. В марте цинга ежедневно уносила жизни 20—30 человек. В апреле — 50—100. Лишь с появлением зелени заболевания пошли на убыль и совсем исчезли в июле 1609 г. К лету в Троице осталось примерно 40 старых монахов, 102 дворянина, 20 стрельцов, 40 казаков и много стариков, женщин, детей. Ратников едва хватало на защиту стен крепости. Вылазки из крепости предпринимались только в крайнем случае[115].

Защитники Иосифо-Волоколамского монастыря, судя по полному молчанию источников, не имели достаточных сил, чтобы нанести ощутимые контрудары тушинцам в октябре—ноябре 1608 г. Однако в декабре 1608 — январе 1609 г., когда

отряды земского ополчения, отбросив тушинцев к Владимиру, Шуе, Ярославлю, Старой Русе, попали под удары карательных отрядов А. Лисовского и Б. Ланцкоронского, они вместе с защитниками Москвы, Коломны и Троице-Сергиева монастыря попытались помочь земцам дерзкими атаками на силы противника. Им, как и защитниками Троицы, пришлось заплатить за это дорогую цену. По данным поляков, было пролито «немало крови с обоих сторон». П. Руцкой был ранен[116]. К весне 1609 г. силы осажденных в Иосифо-Волоколамском монастыре, по всей видимости, иссякли, о чем свидетельствует полное молчание источников о боевых действиях в это время у стен крепости. Вероятно, как и в Троице, среди защитников монастыря начались разногласия[117].

В начале декабря 1608 г. тушинцы, судя по немногим данным, сохранившимся в бумагах Смоленской приказной избы, попытались захватить Смоленск. С этой целью в Дорогобуже был сосредоточен отряд пана Чижа в 1 тыс. человек, костяк которого, по-видимому, состоял из запорожских казаков[118]. Смоленск был крупным городом и прекрасной крепостью. Летом 1608 г., по сведениям полученным Я. Сапегой от пленных, в городе проживало 20 тыс. жителей, а его гарнизон составляли 1000 стрельцов, 300 детей боярских смолян и 100 брянчан[119]. Осенью 1608 г. число детей боярских возросло, т. к. в город после Рахманцевского боя вернулся из Москвы отряд смолян во главе с кн. Я. Барятинским и С. Одадуровым[120]. Тушинцы прекрасно понимали, что имеющихся у них сил явно недостаточно, чтобы военным путем захватить город. Ставка, по всей видимости, как и в других русских городах, была сделана на внезапность и выступление протушинских элементов. «Смутить» горожан на имя Вора взялся смолянин сын боярский Иван Зубов, пожалованный самозванцем в думные дворяне[121]. Смоленские воеводы М.Б. Шеин и кн. П. Горчаков смогли упредить противника. В начале декабря 1608 г. отряд смолян кн. Я.П. Барятинского и С. Одадурова нанес неожиданный удар по тушинцам и захватил Дорогобуж. Однако плоды этой победы вскоре были утрачены. Прибывший в город «думный дворянин» И.И. Зубов с товарищами, антиправительственной агитацией смог разложить правительственный отряд. «Многие дети боярские и стрельцы», по словам воевод, «издрогали» и «розбежа-

лись». И.И. Зубов и его приятели, ободренные успехом, явились в Смоленск. М.Б. Шеин и П. Горчаков, в отличие от кн. Я.П. Барятинского и С. Одадурова, не стали выжидать и решительно пресекли протушинскую агитацию. «Воровской думный дворянин» с товарищами угодили в тюрьму и под пыткой дали исчерпывающие сведения о намерениях и численности отряда Чижа[122]. В середине января 1609 г. правительственный отряд кн. Я.П. Барятинского и С. Одадурова неожиданным ударом на Дорогобуж разгромил врага и сорвал планы тушинцев. Руководству Тушинского лагеря не удалось решить проблему обеспечения своего тыла и безопасности кратчайших дорог в Речь Посполитую[123].

§ 5. Нарастание кризисных явлений в Тушине

Исследователи, сосредоточившись на изучении народного движения в Замосковье и Поморье, мужественной борьбе защитников Москвы, Коломны, Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского монастырей, Смоленска, Новгорода Великого, Нижнего-Новгорода, Казани, не уделили достаточного внимания анализу событий, происшедших в Тушинском стане в начале 1609 г. Этот вопрос лишь затрагивался в исследовании А. Гиршберга, который ограничился пересказом содержания выявленных им источниковых материалов[124]. Дневники Я. Сапеги и А. Рожнятовского, мемуары М. Мархоцкого и Й. Будилы, войсковые документы, польская переписка и Новости дают возможность восполнить этот пробел.

Источники свидетельствуют, что осенние договоренности между различными группировками наемников в Тушине лишь на время приглушили острые разногласия между ними. Страсти вновь начали накаляться в конце 1608 г. из-за дележа захваченной добычи и в связи с приближением очередного срока уплаты «заслуженного». Доверенные лица Я. Сапеги сообщали из различных уездов Замосковья и Поморья, что в результате грабежей, сборов непосильных налогов, самочинных реквизиций в приставствах местное, податное население обобрано до нитки и с него вряд ли удастся собрать деньги для расплаты с наемниками. Они прямо говорили, что доведенные до отчаяния люди не будут долго терпеть тушинский произвол[125]. На-

родное восстание в Замосковье и Поморье полностью подтвердило справедливость этих прогнозов. Солдат всерьез обеспокоили вести, что король Сигизмунд III, преодолев последствия рокоша 1606—1607 гг., приступил к практической подготовке военного вторжения в Россию и что вопрос об этом будет решен на сейме в начале 1609 г.[126] С началом боевых действий Лжедмитрий II неминуемо бы превратился во врага Речи Посполитой, а польские и литовские солдаты, отказавшиеся вернуться на службу в королевские войска, были бы обвинены в измене и их ждал суд и конфискация имущества. В свою очередь, выполнение этих требований могло привести к потере всего «заслуженного» у самозванца[127]. Среди солдат крепло стремление получить плату за свои услуги и убраться на родину подобру-поздорову.

Тушинское руководство попыталось предотвратить назревающий бунт солдат, отправив представителей «рыцарства» на сейм. Послы должны были убедить короля и сенаторов, что их самовольный уход в Россию был вызван стремлением обезопасить страну от междоусобий потому, что она не могла содержать столь большое войско. Сделали они это за свой счет, чтобы отомстить за послов и «братию» захваченную в Москве, и наказать царя, будто бы собиравшегося напасть на Речь Посполитую. Наемники хвалились своими победами и беззастенчиво приписывали себе заслугу освобождения послов и полного разгрома русских, которые, по их словам, теперь «бьют челом королю». Солдаты просили, чтобы их не считали изменниками и отложили все оставленные нерешенными или возникшие новые судебные дела до их возвращения. В заключение послы должны были заявить, что «подвиги рыцарства» заслуживают достойной награды. Примечательно, что в инструкции солдаты назвали самозванца не «царем Дмитрием», а «тем, которого они теперь носят на руках, которого мы выдвигаем на престол Московский»[128]. Наемники явно давали понять польским властям, мол, если родина оплатит «заслуги», они готовы убрать самозванца и помочь королю покорить Московию. Одновременно с войсковым посольством тушинцы направили в Речь Посполитую русское посольство во главе с думным дьяком Н.В. Лопухиным[129].

«Тесть» царика Ю. Мнишек, который имел широкие связи при дворе, взялся руководить деятельностью тушинских дипломатов, но сделал это отнюдь не бескорыстно[130]. Лжедмитрию II и командованию наемного войска пришлось выплатить Ю. Мнишек 2 тыс. рублей и согласиться на создание для М. Мнишек особого удела в Калуге[131]. Во время сборов послов произошло непредвиденное. Солдаты, узнав, что львиная доля денег, привезенных из Пскова, отдана Ю. Мнишку и его сторонникам, а не им на жалование, подняли мятеж. Масла в огонь, судя по рассказу А. Рожнятовского, подлили перехваченные солдатами грамоты самозванца и его бояр, в которых будто бы содержался приказ местным властям казнить солдат, посланных наемниками вместе с русскими приказными для сбора «поносовщины»[132]. Основная масса солдат едва ли могла прочесть русские документы, написанные скорописью. Скорее всего, это были обычные грамоты самозванца и его бояр, подобные тем, которые отложились в Архиве Я. Сапеги. Их содержание свидетельствовало о растущем недовольстве среди части тушинских думцев и приказных произволом наемников, но не более[133]. Тем не менее, малейших подозрений оказалось достаточно, чтобы солдаты подняли мятеж. Сендомирский воевода и члены его посольства на несколько дней оказались пленниками солдат, которые не позволяли им выехать из Тушина. Командирам с трудом удалось убедить наемников в том, что воеводу ради общей пользы следует отпустить[134]. «Рыцарство», как любили себя называть солдаты, согласилось, но настояло на созыве собрания войсковых депутатов для решения вопроса об оплате. Ю. Мнишек смог выехать в Речь Посполитую только 7 (17) января 1609 г.[135] Письма М. Мнишек к отцу, отправленные с посольством Н.В. Лопухина, свидетельствуют, что Сендомирский воевода покинул стан своего мнимого «зятя» в гневе, и его дочь сочла необходимым просить у него благословения и прощения[136].

Войсковые депутаты собрались в Тушине 28 января (7 февраля) 1609 г. Лжедмитрий II прислал к ним наиболее авторитетных «бояр» кн. Г.П. Шаховского, М.Г. Салтыкова, Ф. Андронова и др. с деньгами, которые смогли собрать русские приказные и приставленные к ним по предложению А. Млоцкого представители наемников[137]. Наемники подсчитали, что царик

задолжал им астрономическую по тем временам сумму — 17 миллионов злотых или 5,1 миллионов рублей[138]. Плата, предложенная «боярами» войску, оказалась далека от той, какую рассчитывали получить наемники. Бояре компенсировали «недосдачу» новыми обещаниями царика. Весть об этом вызвала бурю негодования и новый бунт солдат. Созванные по этому поводу 30 января (9 февраля) и 1 (11) февраля 1609 г. общие собрания наемного войска потребовали у царика и его бояр полного расчета. Самозванец устами «бояр» молил об отсрочке. В гневе солдаты грозились расправиться с ним[139]. Они кричали, что казна пуста из-за того, что Лжедмитрий II «жалует деньги не по чину», раздавая их направо и налево. После бурных споров солдаты избрали из своей среды десять депутатов — «децемвиров», которые должны были распоряжаться доходами и расходами самозванца и в течение трех недель собрать деньги для выплаты жалования. Солдаты потребовали, чтобы гетман Р. Ружинский к тому времени собрал все отряды наемников в Тушино для получения расчета[140].

Учреждение института «децемвиров» сделало наемников полными хозяевами финансов Тушинского движения и затронуло интересы русских тушинцев, что не могло не привести к обострению противоречий между ними. Шкловский бродяга вновь оказался между молотом и наковальней и, в страхе за свою жизнь, решил прибегнуть к своему испытанному средству — тайно бежать. Тушинский лагерь вновь оказался на грани распада. У командиров наемного войска нашлись доброхоты из русских тушинцев, которые 11 (21) февраля 1609 г. предупредили Я. Сапегу и А. Зборовского о замыслах самозванца. Гетманы и полковники действовали быстро и решительно. Они не стали церемониться с мнимым самодержцем и посадили его под домашний арест[141]. Два дня спустя самозванец и его бояре, по-видимому, стали причиной новой ночной тревоги в Тушине[142]. Солдаты поняли, если самозванец сбежит, то они останутся ни с чем, и дали командирам себя уговорить продолжить службу до окончания установленного срока. В конечном счете, руководству движения удалось избежать распада Тушинского лагеря в начале 1609 г., но учреждение института децемвиров углубило разногласия между частью русских тушинцев и наемниками. Формирование параллельных структур власти, начав-

шееся в провинции, завершилось. Наемники установили полный контроль над действиями царика, «Воровской» думы, приказов, местных органов власти. Вследствие происшедших в конце 1608 — начале 1609 г. изменений, тушинский режим стал лишь внешне напоминать московский. По сути это был, говоря современным языком, режим «солдат удачи», созданный для их обогащения.

Происходящее в Речи Посполитой весьма беспокоило солдат. Оттуда поступали весьма противоречивые сведения. Появление Ю. Мнишка на сейме в Варшаве в конце января 1609 г. в московитской одежде и с бородой произвело сильное впечатление на поляков и литовцев, однако его призывы использовать Лжедмитрия II для подчинения России, никакого успеха не принесли[143]. Тон на сейме задавали сторонники войны с Россией, убеждавшие сенаторов воспользоваться затруднениями восточного соседа и вернуть утраченные в конце XV — начале XVI века Черниговско-Северскую и Смоленскую земли. Даже свояк Ю. Мнишка, бывший посол в Москву М. Олесницкий, клявшийся летом 1608 г. в Тушине стать посредником между самозванцем и королем, выступил на сейме с пространной речью, в которой разоблачил Лжедмитрия II и призвал короля предпринять вторжение в Россию[144]. Не дало результата посольство А. Рожнятовского в Рим, который отвез туда письма М. Мнишек и Р. Ружинского[145]. Осталось без ответа письмо М. Мнишек папскому нунцию в Польше — Сермонте[146]. Король наотрез отказался дать аудиенцию Н.В. Лопухину и другим тушинским послам из русских и приказал выпроводить их обратно в Россию[147]. Ю. Мнишку постоянно приходилось оправдываться за свои прежние авантюры, и он быстро смекнул, что в сложившихся условиях нечего и думать, чтобы получить поддержку делу самозванца. В конце-концов старый интриган бросил свою дочь в России на произвол судьбы.

Просьбы послов тушинского «рыцарства» к королю и сенаторам не начинать войну с Россией до тех пор, пока самозванец не выплатит им «несколько миллионов «заслуженного»», и не распространять на них новые повинности, которые были приняты в Речи Посполитой в их отсутствие, встретили больше понимания[148]. Партия войны нуждалась в опытных солдатах и была заинтересована в том, чтобы вернуть их под свои

знамена. Это, по-видимому, явилось одной из главных причин, почему король и его окружение в конце-концов не решились прямо поставить вопрос о начале кампании против России и добились решения сейма, которое позволяло им действовать по обстоятельствам[149]. Сигизмунд III обратился к наемникам с довольно туманным посланием, в котором всячески уверял, что ценит их заслуги и что их права на родине будут полностью сохранены. Он обещал вскоре прислать в Тушино своих послов, чтобы договориться об урегулировании отношений с польским правительством[150]. Король и его окружение вполне определенно намекали солдатам, что готовы использовать их сабли для осуществления своего плана захвата юго-западных земель России. Прошло время, прежде чем послание короля дошло до Тушина.

Сразу по окончании сейма Сигизмунд III и его окружение тайно приступили к подготовке вторжения в Россию. В марте 1609 г. был обнародован еще один королевский универсал, категорически запрещающий уход солдат за границу для найма на военную службу[151]. В Речи Посполитой начались призывы рекрутов и сборы налогов на войну, но шли они очень тяжело. Доходившие до Кракова известия о приготовлениях шведов, давали основание многим в Речи Посполитой предполагать, что вместо московской экспедиции король будет вынужден послать войска в Ливонию[152]. Туманный ответ короля, противоречивые слухи из Речи Посполитой, молчание Ю. Мнишка весьма обеспокоили руководство Тушинского лагеря. В марте 1609 г. М. Мнишек отправила отцу письмо, в котором просила сообщить, как идут дела. При этом она сочла необходимым упомянуть, что в Тушине все так же, как и при нем, но «войско польское удержано до того времени, хотя бы и платы онному не было»[153]. В апреле 1609 г. терпение у Р. Ружинского и его товарищей, по-видимому, лопнуло. Лжедмитрий II написал тестю обширное послание, в котором выражал неудовольствие его молчанием и извещал, что в Краков в качестве нового посла едет «канцлер» В. Валевский[154]. Чтобы побудить «тестя» активнее добиваться реализации тушинского проекта захвата Москвы, к письму была приложена жалованная грамота самозванца Ю. Мнишку на города Смоленской и Северской земель — тех самых, из-за которых Сигизмунд III и канцлер Л. Сапега

намеревался воевать с Россией. Возникшая неопределенность вызывала острое недовольство наемников. Полковник А. Зборовский в своем письме к Я. Сапеге с досадой заявил, что ничего не знает «о делах и замыслах военных» и обозвал послов наемников в Речи Посполитой «ослами»[155].

Тем временем прошли испрошенные цариком у децемвиров три недели, а денег так и не удалось собрать. Посольство сапежинцев, отправившихся в Тушинский лагерь 4 (14) марта, вернулось 22 марта (1 апреля) 1609 г. ни с чем[156]. Следом, в лагеря у Троицы явились «бояре» самозванца кн. В.М. Рубец-Мосальский и Ф. Андронов с новыми обещаниями наград после взятия столицы[157]. Казалось, что все возвращается на круги своя, и нового бунта солдат в Тушине не избежать, но этого не произошло. Рассказы перебежчиков о заговорах в Москве и тяжелом положении защитников Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей, судя по данным письма М. Мнишек, породили у тушинцев иллюзии, что их вот-вот удастся захватить и с лихвой компенсировать долги самозванца, а затем выгодно продать свои сабли королю[158]. Царик и его бояре, как видно из записей Дневника Я. Сапеги за 13—15 (23—25) марта 1609 г., изо всех сил старались укрепить солдат в этих надеждах, придумывая все новые и новые посулы относительно дележа захваченной в столице добычи[159]. Но не все им поверили. До Речи Посполитой дошли сведения, что некоторые солдаты тайно покидать лагерь самозванца и уезжают на родину[160].

Происшедшее в Тушине, по видимому, не осталось незамеченным в Москве. В мае 1609 г. до Я. Сапеги дошли слухи, что В. Шуйский через некоторых «думных бояр» Лжедмитрия II пытается подкупить Р. Рушинского и некоторых наемников[161]. Царь явно стремился усилить взаимные подозрения между различными группировками и «раскачать» ситуацию в Тушине.

§ 6. Осада Москвы

Пытаясь ускорить сдачу столицы, тушинское руководство направило крупные силы во главе с ротмистром А. Млоцким для захвата Коломны. Историки судили о событиях у Коломны в основном по недатированным записям Нового летописца, поэтому не смогли точно определить время этой экспедиции и

проанализировать ее в контексте боев за Москву. Н.И. Костомаров полагал, что поход А. Млоцкого был предпринят в январе —феврале 1609 г., С.М. Соловьев — весной, С.Ф. Платонов — летом того же года[162]. И.С. Шепелев вообще воздержался от указания каких-либо дат[163]. Определить время и обстоятельства похода А. Млоцкого к Коломне можно с помощью источников разной политической ориентации: записок Й. Будилы и «Сказки о коломенской службе 1609 г.», которую Ю. Готье обнаружил среди русских бумаг Ску-Клостерского собрания в Швеции. Полковник Й. Будила отметил, что тушинский отряд выступил к Коломне 25 марта (4 апреля) 1609 г. В его состав входили роты иноземных солдат А. Млоцкого, Суйского, Бобровского, Н. Богуслава и отряды из русских — «боярина» Ивана Салакова и «атамана» Ю. Беззубцева[164]. Новый летописец, в целом подтвердил данные наемника о составе отряда А. Млоцкого, но, как видно из его свидетельства, наемник ошибочно принял командира подмосковных земских отрядов Ивана Салкова за «боярина», а вождя северских служилых людей Ю. Беззубцева за «атамана» донских казаков[165]. Василий Шуйский, по данным разрядов и показаний Нового летописца, как в предшествующий раз, направил в Коломну кн. В.Ф. Литвина-Мосальского, который должен был обеспечить доставку продовольственных обозов из Рязани в Москву[166]. Бои, вспыхнувшие между правительственным отрядом и тушинцами у Коломны, как видно из «Сказки о коломенской службе 1609 г.», завершились к 6 (16) апреля 1609 г.[167] Все шедшие в Москву обозы с продовольствием попали в руки тушинцев, которые их частью разграбили, частью сожгли. Кн. В.Ф. Мосальский с остатками своего отряда и гарнизоном вынужден был сесть в осаду в Коломне[168]. Попытки П.П. Ляпунова и рязанцев помочь ему нанести поражение А. Млоцкому и очистить дорогу на Москву оказались безуспешными[169]. Коломенская и Слободская дороги, как видно из источников, оказались перерезаны отрядами А. Млоцкого и П. Урусова[170].

В конце марта — начале апреля 1609 г. в Москве, как видно из расспросных речей весьма осведомленного в столичных делах подьячего М.Д. Чубарова, готовился новый заговор с целью свержения В. Шуйского, который возглавил боярин И.Ф. Крюк-Колычев. Его участники, «бояре, дворяне, дети бо-

ярские и торговые люди», по словам перебежчика, планировали совершить покушение на Шуйского в Вербное воскресенье 9 (19) апреля 1609 г. во время знаменитого въезда патриарха на осляти в Кремль[171]. Весть о том, что Коломна в осаде и в столицу больше не поступят обозы из Рязани, как рассказали Я. Сапеге перебежчики — дети боярские, вызвала волнения в столице 2 (12) апреля 1609 г., которые спутали планы заговорщиков. Народ, по словам детей боярских, не желал терпеть бедствия осады, потребовал низложения Василия Шуйского. Но царя и на этот раз спасли «богатые купцы» и некоторые думные бояре, которые прочли народу отписки кн. М.В. Скопина-Шуйского и Ф.И. Шереметева о начале похода к Москве[172]. Боярин И.Ф. Крюк-Колычев был разоблачен чашником В.И. Бутурлиным, подвергся пыткам и был казнен, так и не выдав ни одного из своих товарищей[173]. М. Чубаров в расспросных речах назвал имена бояр, которые, по его мнению, «прямят царю Дмитрию»: кн. Б.М. Лыков, кн. И.С. Куракин, кн. В.В. и А.В. Голицыны и кн. И.Д. Хворостинин[174]. «Молодой подьячий» приказа Холопьего суда, судя по приведенному им перечню, не обладал достоверной информацией на этот счет. Кн. И.Д. Хворостинин с 1605 г., будучи астраханским воеводой, верно служил Лжедмитрию II и в тот момент его в Москве не было[175]. Кн. Б.М. Лыков и кн. И.С. Куракин в списке «московских ушников» названы как ближние «приятели» Василия Шуйского[176], поэтому показаниям подъячего не следует особенно доверять.

Во второй половине апреля 1609 г., как видно из показаний как документальных, так и нарративных источников, ситуация в Москве начала резко ухудшаться. К дороговизне и голоду прибавились заболевания цингой[177]. Поток беглецов из Москвы в Тушино явно усилился. Примечательно, что это были представители низших слоев местного мира: пушкари, подьячие, сытники и боевые холопы[178]. 6 (16) мая 1609 г. Я. Сапега получил известия о новых волнениях народа в Москве, который будто бы призвал бояр низложить В. Шуйского и сдаться Лжедмитрию II. На этот раз царя, по свидетельству информаторов гетмана, спасли бежавшие из Тушина иноземцы Матьяш Мизинов и несколько «думных бояр» царика[179]. Новый летописец полностью подтверждает показания информаторов гетмана. По его данным, среди беглецов был один из зачинщиков

событий в Москве 17 (27) февраля 1609 г. кн. Р. Гагарин. «Перелеты» сообщили, что Лжедмитрий II — «прямой вор», и дали исчерпывающие сведения о ситуации в стране. Они помогли царю убедить москвичей продолжить борьбу с тушинцами. В заключение летописец заявил, что после выступления кн. Р. Гагарина и М. Мизинова будто бы «ни един не из Москвы не поехал в Тушино»[180]. Но это явное преувеличение. Вскоре после этого к Я. Сапеге явились подьячий М. Чубаров и холоп кн. П. Хилкова и др[181]. Важно другое. Отъезд кн. Р. Гагарина и его товарищей был лишь вершиной айсберга.

§ 7. Подъем земского движения

Весной 1609 г. отношение основной массы дворян к движению Лжедмитрия II начало меняться. Первоначальные иллюзии на то, что верная служба самозванцу поможет спасти вотчины и поместья от конфискаций и разграбления и позволит повысить денежные и земельные оклады, развеялись как дым. Тушинские загонщики, несмотря на все запреты, разоряли вотчины и поместья дворян и бояр точно так же, как дворцовые и черные волости. Самих служилых людей тушинцы безжалостно бросали в бой против своих врагов, ни в грош ни ставя их жизни и не обращая внимания на заслуги[182]. Городовые дети боярские за несколько месяцев властвования приверженцев самозванца смогли убедиться, что большая часть собираемых в стране налогов идет на жалование наемникам, а конфискованные вотчины и поместья «изменников», черные и дворцовые земли раздаются отнюдь не по заслугам, главным образом, фаворитам самозванца[183]. Появление децемвиров лишило их всякой надежды на получение хоть какого-то денежного жалования, а проведенное по приказу Лжедмитрия II в апреле—мае 1609 г. изъятие у бояр и дворян всех ранее розданных им дворцовых земель в Переяславском, Суздальском уездах, показало, что щедрые тушинские пожалования ровным счетом ничего не стоят[184]. Весной 1609 г. дворяне, как и тягловые слои населения Замосковья и Поморья, почувствовали себя загнанными в угол. К тому времени, присланные царем В. Шуйским, воеводами М.В. Скопиным-Шуйским и Ф.И. Шереметевым в восставшие города и уезды Поморья головы, сделали все

возможное, чтобы не допустить повторения костромских событий и в конечном счете сумели уладить конфликт между дворянами, посадскими и крестьянами[185].

Документальные источники показывают, что карательные акции тушинцев против земцев лишь на время задержали развитие земского движения. Не успели тушинские отряды вернуться в свои лагеря, как посадские и крестьяне вновь взялись за оружие. В первых числах февраля 1609 г. Ф. Бобарыкин и земцы из Юрьевца-Поволжского и соседних городов и волостей разгромили тушинского воеводу Ф.К. Плещеева и суздальских дворян у с. Дунилова под Шуей и создали реальную угрозу захвата Суздали[186]. Я. Сапега срочно отправил в Суздаль значительные подкрепления: роты наемников М. Соболевского, Я. Живчевского, размещенные в Суздальском уезде, усиленные присланными из лагеря у Троицы ротами И. Мирского, Дзевелтовского, суздальскими и лушскими дворянами. Тушинские отряды нанесли поражение ополченцам Ф. Бобарыкина 17 (27) февраля 1609 г. и отбросили их от Суздали. Победа не была полной и окончательной. Наемники, по их словам, из-за больших снегов не смогли на конях преследовать противника и много «мужиков» смогло уйти от погони на лыжах[187]. Развивая достигнутый успех, тушинские отряды в марте 1609 г. разгромили ополченцев в Шуе, разорили Плесо, Лух и Холуй[188].

Почти одновременно пришли тревожные для тушинцев вести из Костромы, в которой, по словам ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского, «опять заворовались мужики»[189]. Вскоре Я. Сапега узнал, что костромские и галицкие дворяне, предавшие ополченцев в декабре 1608 г., сполна заплатили за свою измену. Посадские и крестьяне устроили им в Костроме кровавую баню. Около 200 дворян вместе с семьями были утоплены в Волге. Казни подверглось также протушински-настроенное духовенство. Остатки тушинского гарнизона заперлись в Ипатьевском монастыре[190]. События в Костроме явились чрезвычайно опасной для земского движения вспышкой социальной борьбы. Расправы сильно напугали дворян, что не могло не сказаться на развертывании земского движения в Замосковье и Поморье. Посланные в Кострому ротмистр Сума и ростовский воевода И.Ф. Наумов 3 (13) марта 1608 г во второй раз отбили город у земцев[191]. Но уже 12 (22) марта 1609 г. костромской во-

евода Н. Вельяминов сообщил Я. Сапеге, что вновь сидит в осаде от «вологодских и поморских мужиков» и просил срочной помощи[192]. Полковник С. Тышкевич был вынужден идти на помощь тушинцам к Костроме с новыми подкреплениями и дать еще одно сражение ополченцам у стен города. Тушинская группировка в Костроме достигла 1 тыс. человек[193].

Тем временем ухудшилась обстановка в районе Романова. 3 (13) марта 1609 г. отряды земского ополчения из Каргополя, Белоозера, Устюга и др. во главе с И. Трусовым выбили тушинцев из Романова[194]. Примечательно, что, убеждая местных князей, детей боярских, служилых татар и посадских целовать крест Василию Шуйскому, головы сочли необходимым опровергнуть «слухи» о том, что ополченцы «будто бы» дворян и детей боярских побивают и призвали романовцев радеть о земском деле. Эти объяснения, по-видимому, понадобились земцам после кровавых костромских событий. Отряды ополчения из других городов сочли необходимым откреститься от действий своих товарищей из Костромы и Галича[195]. Полковник С. Тышкевич с ярославскими дворянами 8 (18) марта 1609 г. отбил город у земцев[196]. Но не успел он уйти на помощь тушинцам к Костроме, как ополченцы опять захватили Романов, Пошехонье, Мологу, Соль Рыбную[197]. В конце марта — начале апреля 1609 г. создалась реальная угроза захвата Углича[198].

В конце февраля — начале марта 1609 г. Я. Сапега получил известие, что правительственные войска осадили Арзамас[199]. Затем, 17 (27) марта 1609 г., гетман узнал, что помогавшие Ф.И. Шереметеву ногайцы захватили и сожгли Шацк. Отряды татар, мордвы, черемисов, осаждавшие Ф.И. Шереметева в Чебоксарах, оказались в чрезвычайно затруднительном положении и были вынуждены отступить[200].

Тушинцы несомненно обладали военным преимуществом перед неподготовленными в военном отношении, наспех сколоченными отрядами ополчений. Земцы терпели поражение за поражением, их убивали, грабили, сжигали деревни и села, но каждый раз они вновь собирались с силами и наносили удары по противнику с невиданным ожесточением и упорством. Города переходили из рук в руки, тушинским гетманам приходилось бросать в бой все новые и новые отряды наемников, казаков и дворян, но выиграть войну с народом уже не могли.

В марте—апреле 1609 г. в ходе боев земцев с тушинцами наступил явный перелом. 18 (28) марта 1609 г. муромцы, дворяне, посадские и крестьяне целовали крест царю Василию[201]. 27 марта (6 апреля) 1609 г. владимирцы: дворяне, посадские и крестьяне, получив помощь из Нижнего-Новгорода и Мурома, поднялись против тушинцев[202]. Вместе с ними целовали крест Василию Шуйскому и многие дворяне из Юрьева-Польского[203]. Назревал переворот и в Суздале, который архиепископ Галактион, суздальские и луховские дворяне, по-видимому, хотели осуществить, как только к городу подойдут отряды из Владимира, но присланный Я. Сапегой полковник А. Лисовский с 3 тыс. казаками и Я. Стравинский с несколькими хоругвями пятигорцев упредили заговорщиков и жестоко с ними расправились[204]. В Суздале к отряду А. Лисовского и Я. Стравинского присоединились Ф.К. Плещеев и А. Посовецкий с местными дворянами. Тушинцы подошли к Владимиру 3 (13) апреля 1609 г. в тот момент, когда нижегородские, казанские и владимирские ратники вышли из города, намереваясь наступать на Суздаль. Нападение тушинцев было полной неожиданностью для ополченцев. Они были смяты, не успев развернуться в боевые порядки. Часть земцев укрылась в городе, многие погибли, большинство же — рассеяно. Одержав победу, тушинцы предложили владимирцам сдаться, но те ответили отказом, прекрасно зная, что их ждет. Владимир в то время был первоклассной крепостью и его можно было оборонять довольно длительное время. Неделю провели тушинцы у города, пытаясь найти способ овладения городом[205].

Тем временем, 9 (19) апреля 1609 г., после получения вестей о приближении к городу отрядов ополчения, произошло народное восстание в Ярославле. Его жители целовали крест царю Василию и устроили кровавую баню тушинцам. Полковник С. Тышкевич, «боярин» кн. Ф.П. Барятинский с десятью человеками, а также ротмистр Стрела с «боярином» И.И. Волынским едва выбрались живыми из города. Большинство их солдат и слуг были перебиты[206]. Гетман был вынужден срочно направить к городу полк Я. Микулинского, перебросить туда же из-под Владимира отряд А. Лисовского. Я. Стравинский, Ф.К. Плещеев и А. Посовецкий получили приказ организовать оборону Суздаля[207]. Лжедмитрий II и Р. Ружинский отправили к

Ярославлю А. Ружинского, Й. Будилу и И.Ф. Наумова с дворянами[208]. Тушинцам понадобилось около двух недель, чтобы подготовиться к штурму города. Примечательно, что, по данным ярославских воевод, вместе с ними сели в осаду дворяне и дети боярские вологжане, пошехонцы, ярославцы, костромичи, галечане, ростовцы, романовцы, посадские, уездные и всякие жилецкие люди[209]. За две недели передышки ярославцы смогли получить крупные подкрепления, артиллерию и боевые запасы из Поморских городов[210]. Данные отписок воевод М.И. Плещеева, Ф.М. Болтникова, переяславцев Я.П. Сапеге и ярославцев вычегодцам дают основание предположить, что поход тушинских отрядов на Ярославль был задержан массовым народным движением в Ростовском, Юрьевском, Переяславском и Московском уездах. Тушинцам понадобилось время, чтобы остановить волну народных выступлений, вызванную восстаниями в Ярославле и Владимире, и подготовить Ростов, Юрьев и Переяславль к обороне на случай нового наступления противника[211].

Незадолго до начала боевых действий Я. Сапега отправил в Ярославль долго прожившего в городе немецкого купца И. Шмидта с предложением сдаться. Судьба посланца была трагичной. Ярославцы схватили его, подвергли пыткам, а затем сварив в котле, вылили его содержимое на тушинцев[212]. Бои за Ярославль начались 30 апреля (10 мая) 1609 г. и с короткими перерывами длились почти весь май 1609 г. Укрепления города были деревянными. Только Спасо-Ефимиев монастырь имел каменные стены. Первый приступ 30 апреля 1609 г. был успешно отбит. На следующий день 1 (11) мая 1609 г. тушинцам удалось зажечь посад. Предатель открыл ворота города. Тушинцы ворвались на улицы ярославского посада и устроили там резню. Горожане и поморские ратники с боем отступили в кремль и Спасо-Ефимиев монастырь. Посад города был разграблен и сожжен. Все последующие попытки тушинцев захватить кремль и Спасо-Ефимиев монастырь были отбиты[213].

Тем временем, отряды земских ополчений возобновили наступление из Владимира на Суздаль и из Мурома на Касимов[214]. Я. Сапега и полковники поняли, что у них уже не хватает сил, чтобы остановить нарастающий натиск земских ополчений, и созвали общевойсковое собрание — генеральное коло. Посовещавшись, наемники решили, что у них остался един-

ственный выход — пополнить свои ряды — вызвать из деревень приставов и слуг[215]. Реализация этой вынужденной меры положила начало разрушению созданных наемниками параллельных структур местного управления. Иноземные солдаты утратили контроль над ситуацией в замосковных волостях. Тушинский режим начал разрушаться в провинции.

Несмотря на принятые меры, во Владимир удалось направить только 300 конных и 200 пеших воинов[216]. В Касимов из Тушина срочно перебросили местных татар, которые разгромили муромского воеводу Алябьева, чем вызвали замешательство в Муроме и Владимире[217]. Но не надолго, 14 (24) июня 1609 г. владимирцы попытались вновь захватить Суздаль и опять потерпели поражение. На следующий день ротмистр Сума и воевода Ф.К. Плещеев, преследуя противника, напали на Владимир и зажгли его посад. Большая часть города выгорела дотла, а множество жителей погибло под тушинскими саблями. Однако, на требование врагов сдаться, защитники города, засевшие в кремле, ответили категорическим отказом[218]. С большим трудом тушинцам удалось остановить наступление земцев на востоке Замосковья.

Иначе для тушинцев развивались события на севере Замосковья. 15 (25) апреля 1609 г. угличане открыли ворота города отрядам ополчений и встретили кашинских дворян и поморских ратников хлебом-солью[219]. Подошедший к городу 4 (14) мая тушинский отряд из Калязина монастыря, был наголову разбит в бою 21 (31) мая 1609 г.[220] Одновременно отряды галицких, костромских, сибирских и поморских ратников во главе с воеводой Д. Жеребцовым осадили «боярина» Н.Д. Вельяминова и костромских дворян в Ипатьевском монастыре. Воевода слал гонца за гонцом с отчаянными просьбами о помощи[221]. В конце мая — начале июня 1609 г. тушинцы были вынуждены отступить от Ярославля. Полк Я. Микулинского осадил Углич и после месячной осады 20 (30) июня 1609 г. овладел городом[222]. Полки А. Лисовского, Й. Будилы, Пузелевского и «окольничего» И.Ф. Наумова отправились на выручку тушинцами в Костроме[223]. 11 (21) июня 1609 г. лисовчики захватили и высекли Кинешму, рассчитывая здесь переправиться за Волгу[224]. Тем временем, из Юрьевца-Поволжского на судах подошел крупный отряд ополченцев во главе с Ф. Бобарыкиным и попытался от-

бить у А. Лисовского Кинешму, но неудачно. В результате трехдневного кровопролитного боя, лисовчики смогли разгромить отряд ополченцев, а их предводителя захватили в плен и зверски замучили[225]. Когда бой стих, выяснилось, что у тушинцев нет достаточного количества судов, чтобы переправиться на правую сторону Волги и помочь осажденным в Костроме.

Анализ хода боев тушинцев и земцев в Замосковье и Поморье показывает, что, благодаря переходу на сторону земцев основной массы дворян Мурома, Владимира, Ярославля, Пошехонья и Углича весной 1609 г., инициатива полностью перешла в руки отрядов земского ополчения. Они еще до прихода правительственных войск нанесли ряд крупных поражений тушинцам и освободили такие важные центры Замосковья, как Ярославль, Владимир, Углич, Романов, Пошехонье, Муром и др. Однако кровавые расправы в Костроме и Галиче, по-видимому, не прошли бесследно. Бельский летописец подметил любопытную деталь: весной 1609 г. многие дворяне, вероятно напуганные происшедшим, не решились участвовать в земском движении со своими городами и «почали из городов приезжати к Москве к царь Василию Ивановичу всея Русии и в Великий Новгород к племяннику его ко князь Михаилу Васильевичу Скопину»[226]. Эти данные находят подтверждение в польском источнике. В начале мая 1609 г. в Речи Посполитой были получены сведения о массовых отъездах дворян из Тушина в Москву. По данным письма В. Рудницкого архиепископу Ш. Рудницкому, к В. Шуйскому будто бы отъехало 4 тыс. дворян и детей боярских[227]. Весной 1609 г. В.И. Шуйский, получив подкрепления, смог перегруппировать свои полки в Москве и нанес ощутимые удары по противнику в июне — июле 1609 г.[228]

Проведенный анализ характера движения против тушинцев в Замосковье и Поморье позволяет прийти к выводу, что оно было земским, а не освободительным или антифеодальным. Только в Костроме и Галиче зимой 1608—1609 гг. борьба посадских и крестьян с тушинцами переросла в открытый социальный конфликт, который, однако, довольно быстро удалось погасить. Земское движение проходило под лозунгами изгнания «иноверцев» и уничтожения их приспешников, за восстановление власти законного царя Василия Шуйского. Выступление народа спасло царя Василия Шуйского и его сто-

ронников от окончательного разгрома. Ополченцы помогли царским воеводам кн. М.В. Скопину-Шуйскому и Ф.И. Шереметеву отбить натиск тушинских отрядов, создали благоприятные условия для воссоздания правительственных войск и еще до их перехода в наступление освободили Поморье и значительную часть Замосковья и Новгородской земли от врагов. Земцы отвлекли на себя значительные силы приверженцев самозванца, что помогло защитникам Москвы, Коломны, Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей выстоять. В свою очередь, «крепкостоятельство» осажденных в Москве, Коломне, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях и реальная помощь воевод кн. М.В. Скопина-Шуйского и Ф.И. Шереметева, которые превратили Новгород Великий, Устюг Великий, Нижний-Новгород и Казань в основные опорные пункты борьбы с тушинцами, помогли развертыванию земского движения в Замосковье и Поморье.

Произвол, чинимый тушинцами в захваченных ими северных и северо-восточных уездах страны, восстание против тушинцев в Замосковье и Поморье, а также известия о подготовке вторжения королевских войск в Россию, вызвали нарастание кризисных явлений в движении самозванца. Бунты наемных солдат в феврале—марте 1609 г. едва не привели к бегству самозванца и распаду Тушинского лагеря. Иноземные солдаты отбросили последние церемонии и установили полный контроль над тушинским аппаратом государственного управления, приспособив его для одной цели — ограбления захваченных территорий России.

Установленные наемниками порядки, как свидетельствует проанализированная переписка Лжедмитрия II и городовых воевод с Я. Сапегой, вызвали растущее недовольство *тушинских думцев и приказных*. Покинув Московский двор, в расчете сделать карьеру в Тушине, молодые аристократы и приказные получили высокие чины и награды, но не реальную власть. Их новыми и старыми вотчинами и поместьями владели иноземные наемники и казаки, а высокие оклады оставались без реального обеспечения деньгами. В письмах тушинской знати к Я. Сапеге радость от полученных чинов и земельных пожалований довольно быстро уступила место разочарованию, что полученным не удается воспользоваться. *Провинциальные дворяне*,

рассчитывавшие службой Вору спасти и приумножить свое имущество, вскоре убедились, что их надеждам не суждено сбыться. Крестное целование самозванцу, как видно из проанализированных дворянских челобитных, не спасло их имущество от грабежей разбойников и непомерных поборов. Боевых холопов тушинцы поверстали в казаки, а самих дворян и детей боярских — заставили проливать кровь в братоубийственной войне с приверженцами Василия Шуйского. Чины, награды, земельные и денежные пожалования доставались в основном «воровским» боярам. Больше всех пострадали *посадские и крестьяне*, которых тушинцы обобрали до нитки и толкнули на край гибели. Лишившись средств к существованию, не имея никакой другой возможности выжить, они стали главной силой восстания против тушинцев. *Казачество*, благодаря возвращению из тюрем бывших болотниковцев и верстаниям в станицы холопов из Замосковья и Поморья, превратилось во влиятельную силу в Тушинском лагере. Казалось, казаки близки к тому, что их «царь» сядет на Московский престол, но при этом они не могли не видеть, что плодами их побед пользуются другие: бояре, дворяне, наемники[229] и что «государево жалование» до них не доходит[230]. Не все было благополучно и в наемном войске самозванца. Соперничество между гетманами, командирами наемного войска, солдатами из-за дележа добычи, насилия и грабежи мирного населения вели к падению дисциплины и разложению наемного войска. Среди *иноземных солдат* все чаще звучали призывы получить «заслуженное» и убраться восвояси подобру-поздорову[231]. Возникший в Замосковье и Поморье режим, как видно из сделанных наблюдений, породил тугой узел острых противоречий в движении самозванца, которые, развиваясь, подрывали его изнутри и толкали к краху. Начавшийся в конце 1608 г. переход на сторону Василия Шуйского посадских и крестьян, а весной 1609 г. — дворян, свидетельствовал, что режим вступил в полосу глубокого кризиса задолго до распада Тушинского лагеря.

Примечания

[1] Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 84—94; Шаховской С.И. Летописная книга // ПЛДР Кон. XVI — нач. XVII в. М., 1987. С. 392—400 и др.

[2] Бутурлин Д. История Смутного времени. СПб., 1841. Ч. 2. С. 201—204; Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Собр. соч. Кн. 2. СПб., 1904. С. 354—361; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. IV. С. 503—515.

[3] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 253—263.

[4] Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939; Рубинштейн Н.Л. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды ГИМ. 1948. Т. 20. С. 47—84; Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в России в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 522; Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на русском севере в начале XVII в. Вологда, 1985.

[5] Васильев Ю.С. Указ. соч. Вологда, 1985. С. 12—50.

[6] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 304; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 371.

[7] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 508—509; Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 248.

[8] Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 35—36.

[9] Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 357; Генкин Л.Б. Указ. соч. С. 88; Васильев Ю.С. Указ. соч. С. 53.

[10] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 333.

[11] Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 декабря) 1608 г. о ситуации в Замосковье // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 89. С. 182.

[12] Отписка вологжан устюжанам во второй половине декабря 1609 г. о ситуации в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 94. 2. С. 191.

[13] Грамота В. Шуйского галичанам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 90. С. 183—184; Отписка галичан тотемцам в конце октября 1608 г. // Там же. № 91. С. 185; Отписка галичан В. Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. о боях с тушинцами // Акты

исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 177. С. 204—205.

[14] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 1 (11) ноября 1608 г. об отправке к нему посольства галичан // Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12.14. С. 25; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197.

[15] Отписка галичан В. Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. о боях с тушинцами // АИ. Т. 2. № 177. С. 205—206.

[16] Sapieha J.P. Op. cit. S. 197.

[17] Отписка устюжан вычегодцам 30 ноября (10) декабря 1609 г. о восстании против тушинцев в Галиче и Тотьме // ААЭ. Т. 2. № 89. С. 182.

[18] Отписка устюжан вычегодцам 30 ноября (10) декабря 1609 г. о восстании против тушинцев в Галиче и Тотьме // ААЭ. Т. 2. № 89. С. 182.

[19] Письмо Д.Х. Крузатти Я. Сапеге 29 ноября (9 декабря) 1608 г. о восстании в Костроме // Oddial Rukopisów Biblioteki Polskieij Akademii Naukowiej w Krakowie (OR BPAN). Ms. 345. № 64.

[20] Отписка вологодских воевод Н.М. Пушкина и Р. Воронова устюжанам в декабре 1608 г. о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 192.

[21] Отписка вологодских городовых приказчиков Т. Лягушкина с товарищами тотемцам 29 ноября (9 декабря) 1608 г. о восстании против тушинцев в Вологде // ААЭ. Т. 2. № 91. 2. С. 185—186.

[22] Sapieha J.P.Op. cit. S.197.

[23] Отписка нижегородского воеводы кн. А.А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 104.2. С. 203—206; Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге с известием о поражении тушинцев у Нижнего-Новгорода и восстании в Шуе // АИ. Т. 2. № 351.1. С. 418; Sapieha J.P. Op. cit. S. 161, 197.

[24] Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 35.

[25] Отписка нижегородского воеводы кн. А.А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 104.2. С. 203—206.

[26] Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 35—36.

[27] Отписка нижегородского воеводы кн. А.А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами в Замосковье // ААЭ.Т.2. № 104.2. С. 203—206; Отписка нижегородского воеводы кн.

А.А. Репнина муромцам 11 (21) декабря 1608 г. о боях с тушинцами в Замосковье // АИ Т. 2. № 113. С. 141—142; Отписки суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге с известием о поражении тушинцев у Нижнего-Новгорода и восстании в Шуе // АИ. Т. 2. № 351. С. 418—419; Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря о восстании против тушинцев в Ярополческой волости и гороховце // АИ. Т. 2. № 116. С. 144—145; Отписка сына боярского А. Бедова Я. Сапеге о восстании против тушинцев в Пошехонье // ДАИ. Т. 1. № 158. С. 276—277; Буссов К. Московская хроника 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 155.

[28] Отписка пермичей сольвычегодцам 15 (25) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 115. С. 144.

[29] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря о восстании против тушинцев в Ярополческой волости и гороховце // АИ. Т. 2. № 116. С. 144—145; Отписки суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге с известием о поражении тушинцев у Нижнего-Новгорода и восстании в Шуе // АИ. Т. 2. № 351. С. 418—419; Sapieha J.P. Op. cit. S. 198.

[30] Отписка кн. М.В. Скопина-Шуйского жителям поморских и замосковных городов в декабре 1608 г. о скором прибытии шведского наемного войска // ААЭ. Т. 2. № 95. С. 192.

[31] Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты. М., 1916. № 394. С. 519—520.

[32] Отписка вятского воеводы кн. М. Ухтомского кайгородцам в начале января 1609 г. о боях Ф.И. Шереметева с тушинцами // АИ Т. 2. № 145.2. С. 168.

[33] Отписка вятского воеводы кн. М. Ухтомского кайгородцам в начале января 1609 г. о боях Ф.И. Шереметева с тушинцами // АИ Т. 2. № 145.2. С. 168; Отписка вятского воеводы кн. М. Ухтомского устюжанам в середине января 1609 г. о боях Ф.И. Шереметева с тушинцами // ААЭ. Т. 2. № 100. С. 198.

[34] Акты, относящиеся до юридического быта древней России (АЮБ). СПб., 1864. Т. 2. № 230.5. Стб. 672—673.

[35] Видекинд Ю. История шведско-московитской войны // АСПбФИРИ РАН К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 140. С. 59—60.

[36] Отписка кн. М.В. Скопина-Шуйского устюжанам в ноябре 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 94. С. 190—192.

[37] Отписка кн. М.В. Скопина-Шуйского вологжанам после 21 декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 95. С. 192—193.

[38] Новый летописец. С. 85—86.

[39] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 253—263.

[40] Отписка галичан Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 177. С.204—205.

[41] Отписка устюжан вычегодцам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 89. С. 182.

[42] Отписка вологодцев устюжанам во второй половине декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 192.

[43] Отписка вологодцев тотмичам 29—30 ноября (9—10) декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 91.2. С. 185.

[44] Отписка вологодцев устюжанам во второй половине декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 191.

[45] Отписка вологодцев устюжанам во второй половине декабря 1608 г. // ААЭ .Т. 2. № 94.2. С. 192.

[46] Новый летописец. С. 86.

[47] Отписка вологодцев тотмичам 29—30 ноября (9—10) декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 91.2. С. 185; Отписка нижегородского воеводы кн. А.А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами у Нижнего-Новгорода // Там же. № 104.2. С. 203—206; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 177; Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 197.

[48] Отписка вологодцев устюжанам во второй половине декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 192.

[49] Там же; Отписка нижегородского воеводы кн. А.А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами у Нижнего-Новгорода // ААЭ. № 104.2. С. 203—206; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197, 351.

[50] Грамоты В. Шуйского галичанам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. и устюжанам 23 декабря (2 января) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 90, 93. С. 183—184, 188—189.

[51] Расспросные речи тушинцев в Тотьме // ААЭ. Т. 2. № 91. С. 186.

[52] Отписка вычегодцев пермичам 20 (30) января 1609 г. о сборе ополчения против тушинцев // ААЭ. Т. 2. № 102. С. 200.

[53] Рожнятовский А. Дневник М. Мнишек. СПб., 1995. С. 129; Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 45.

[54] Sapieha J.P. Op. cit. S. 197; Marchocki M. Op. cit. S. 45; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 129—130.

[55] Расспросные речи Т.И. Ленкова в Соль-Вычегодске 22 января (1 февраля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 103. С. 203; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197—198; Буссов К. Указ. соч. С. 155; Marchocki M. Op. cit. S. 45.

[56] Повесть об Устюжне Железнопольской // РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 798—799.

[57] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в середине декабря 1608 г. о разгроме «изменников» у Шуи // АИ. Т. 2. № 110. С. 139—140.

[58] Отписка муромского воеводы Н.Ю. Плещеева Я. Сапеге 8 (18) января 1609 г. о разгроме тушинцев у Нижнего-Новгорода // АИ. Т. 2. № 131. С. 155.

[59] Буссов К. Указ. соч. С. 155.

[60] Sapieha J.P. Op. cit. S. 199; Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в середине декабря 1608 г. о разгроме повстанцев у Шуи // АИ Т. 2. № 110. С. 139—140.

[61] Sapieha J.P. Op. cit. S. 199; Буссов К. Указ. соч. С. 155.

[62] Отписки вологжан устюжанам после 12 (24) января 1609 г. о взятии тушинцами Костромы и Галича // ААЭ Т. 2. № 97—98. С. 194—195; Отписка галичан царю Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 177. С. 206.

[63] Отписка галичан царю Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 177. С. 206.

[64] Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955. С. 268.

[65] Повесть об Устюжне Железнопольской. Стб. 798—799.

[66] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 11 (21) января 1609 г. с известием о разгроме тушинцев у Нижнего-Новгорода // АИ Т. 2 № 134. С. 156—157; Sapieha J.P. Op. cit. S. 201; Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 36.

[67] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря 1608 г. о действиях нижегородцев // АИ Т. 2. № 116. С. 144—145; Отписки суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге в первой половине декабря 1608 г. о боях с земцами у Шуи // АИ Т. 2. № 110, 351. С. 139—140, 418—419; Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева юрьевскому воеводе Ф.М. Болотникову 11 (21) февраля 1609 г. о боях с земцами // АИ. Т. 2 № 153. С. 177; List Jnikowskiego do J. Sapiehi 28 listopada (8 grudzenia) 1608 r. // ОР НБУАН Ф. 103. Оп. 1. № 58.

[68] Отписка вологжан устюжанам 12 (22) января 1609 г. о захвате тушинцами Костромы // ААЭ. Т. 2. № 97. С. 194; Отписка галичан

Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 177. С. 204—205.

[69] Отписка вологжан устюжанам в январе 1609 г. об угрозе похода тушинцев на Вологду и с просьбой о помощи // ААЭ. Т. 2. № 98. С. 195.

[70] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 130.

[71] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 51—52, 101; Новый летописец. С. 84.

[72] Карта Поволжья // Муханов П.А Подлинные известия о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834. С. 267.

[73] Белокуров С.А. Разряды. С. 51—52, 100—101.

[74] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 130.

[75] Белокуров С.А. Разряды. С. 52, 101; Новый летописец. С. 84.

[76] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 130.

[77] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 51—52, 100—101.

[78] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 132.

[79] Новый летописец. С. 84.

[80] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 52, 101.

[81] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Ч. 1. С. 96, 121; СПб., 1851. Т. 2. С. 375, 379.

[82] Белокуров С.А. Разряды. С. 101.

[83] Там же. С. 16.

[84] Наказная память коломенского воеводе голове М. Евлахову о приведении к присяге крестьян Гуслицкой волости Коломенского уезда // АИ Т. 2. № 118. С. 146.

[85] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 375—377; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 281.

[86] Там же.

[87] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 423—424.

[88] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 516; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 281—282; Два воззвания патриарха к русскому народу // ААЭ. Т. 2. № 169. С. 286—291.

[89] Там же. С. 288.

[90] Там же. С. 289—290.

[91] Там же.

[92] Там же.

[93] Sapieha J. P. Op. cit. S. 202, 209.

[94] Ibid. S. 208.

[95] Новый летописец. С. 87; Донесение попа И. Зубова Я. Сапеге о событиях в Москве после 25 февраля (7 марта) 1609 г. // АИ. Т. 2. № 156. С. 179—180; Окружная грамота патриарха Гермогена русскому народу // ААЭ. Т. 2. № 169. С. 287.

[96] Новый летописец. С. 87.

[97] Там же.

[98] Там же.

[99] Окружная грамота патриарха Гермогена // ААЭ Т. 2. № 169.2. С. 289.

[100] Окружная грамота патриарха Гермогена // ААЭ Т. 2. № 169.2. С. 289.

[101] Там же.

[102] Sapieha J. P. Op. cit. S. 207—208; Новый летописец. С. 87.

[103] Там же.

[104] Там же.

[105] Sapieha J.P. Op. cit. S. 208, 210.

[106] Новый летописец. С. 87; Sapieha J.P. Op. cit. S. 208.

[107] Новый летописец. С. 87.

[108] Sapieha J.P. Op. cit. S. 208.

[109] Ibid. S. 208—210.

[110] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 130—133; Marchocki M. Op. cit. S. 47; Будила Й. История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 150.

[111] Sapieha J.P. Op. cit. S. 209; Новый летописец. С. 93.

[112] Отписка нижегородцев пермичам в январе 1609 г. о боях с тушинцами в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 104; Буссов К. Указ. соч. С. 155; Выпись вылазкам из Троице-Сергиева монастыря // АИ. Т. 2. № 181.3. С. 211—212; Палицын А. Сказание. С. 164; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197—198.

[113] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 363—371; Выпись вылазкам; Письмо житника Симеона келарю А. Палицину в конце января 1609 г. о ситуации в монастыре // СХ. № 14. С. 82—84; Отписка троицких воевод царю В. Шуйскому 23 января (5 февраля) 1609 г. // СХ. № 18. С. 86—89; Палицын А. Сказание. С. 160, 167—169; Sapieha J.P. Op. cit. S. 197—198.

[114] Палицын А. Сказание. С. 169, 170—171; Выпись вылазкам...; Sapieha J.P. Op. cit. S. 201, 206; Список сидевших в осаде // Чтение в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1846. Кн. IV. Смесь. С. 4.

[115] Выпись вылазкам...; Палицын А. Сказание. С. 171, 175—177, 182; Sapieha J.P. Op. cit. S. 206—217, 220—223.

[116] Донесения смоленских лазутчиков о литовских вестях // АИ. Т. 2. № 174; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 143.

[117] Тюменцев И.О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой Лавры в 1608—1610 гг. Волгоград, 1995. С. 67—68, 69—72.

[118] Отписка царю В. Шуйскому смоленских воевод М.Б. Шеина и П. Горчакова 24 января (3 февраля) 1609 г. о боях у Дорогобужа // АИ. Т. 2. № 140. С. 161—162.

[119] Sapieha J.P. Op. cit. S. 177.

[120] Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 8.

[121] Sapieha J.P. Op. cit. S. 177.

[122] Повесть о победах... С. 8.

[123] Отписка смоленских воевод М.Б. Шеина и кн. П. Горчакова царю В. Шуйскому 24 января (3 февраля) 1609 г. об измене дворянина И. Зубова // АИ. Т. 2. № 140. С. 161—162.

[124] Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 113—125.

[125] List K. Konwickiego do J. Sapiehi 28 listopada (8 grudzienia) // ОР НБУАН. Ф. 103. Оп. 1. № 45; Listy T. Kroszyńskiego do J. Sapiehi 14 (24) listopada 1608 r. i 27 grudzienia 1608 r. (6 styczenia 1609 r.) // OR BPAN. Ms. 345. № 91 и ОР НБУАН Ф. 103. Оп. 1. № 48; Письма Д.Х. Крузатти Я. Сапеге 29 октября (8 ноября) и 29 ноября (9 декабря) 1608 г. о ситуации в Костроме // OR BPAN. Ms. 345. № 61,64 и др.

[126] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 132—134; Sapieha J.P. Op. cit. S. 201; Maciczewski J. Polska a Moskwa 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 149—162.

[127] Инструкция послам войска Лжедмитрия II, отправленным на сейм 1609 г. // РИБ Т. 1. Стб. 143—150.

[128] Инструкция послам войска Лжедмитрия II, отправленным на сейм 1609 г. // РИБ. Т. 1. Стб. 143—150.

[129] Посольство Лжедмитрия II к Сигизмунду III в январе—марте 1609 г. // Сборник Русского исторического общества (РИО). М., 1913. Т. 148. С. 15—34.

[130] Гиршберг А. Указ. соч. С. 108—114.

[131] Nowiny z Moskwy w lutym 1609 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 168. Л. 540.

[132] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 133.

[133] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 29 ноября (9 января) 1608 г. о невзимании кормов с монастырей Переяславля Залесского // СХ.

2. № 12.18. С. 27—29; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 25 ноября (5 декабря) 1608 г. с запрещением литовским людям въезжать в поместье П. Волынского // Там же. № 12.17. С. 27 и т.п.

[134] Maciszewski J. Op. cit. S. 149—162.

[135] Рожнятовский А. Указ. соч. С. 133—134.

[136] Письмо М. Мнишек к отцу между 7 (17) и 16 (26) января 1609 г. // Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д.). М., 1819. Ч. 2. № 171. С. 351—352; Письмо М. Мнишек отцу 16 (26) января 1609 г. // Там же. № 173. С. 353—354.

[137] Sapieha J.P. Op. cit. S. 203—204; Гиршберг А. М. Указ. соч. С. 108—114.

[138] Nowiny z Moskwy w lutym 1609 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 168. Л. 540.

[139] Sapieha J.P. Op. cit. S. 203—204; Гиршберг А. Указ. соч. С. 108—114.

[140] Sapieha J.P. Op. cit. S. 198.

[141] Sapieha J.P. Op. cit. S. 203—204; Гиршберг А. Указ. соч. С. 108—114.

[142] Sapieha J.P. Op. cit. S. 205.

[143] Nowiny z Moskwy w lutym 1609 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 168. Л. 540.

[144] Polak W. O Kreml i Smoleńszczyna. Polityka Rzeczpospolitey wobec Moskwy w łatach 1607—1612. Toruń, 1995. S. 68—73.

[145] Гиршберг А. Указ. соч. С. 119—122.

[146] Письмо М. Мнишек папскому нунцию в Речи Посполитой Сермонте 5 (15) января 1609 г. с просьбой о поддержке самозванца // СГГ и Д Ч. 2. № 170. С. 349—350.

[147] Будила Й. Указ. соч. Стб. 150.

[148] Nowiny z Moskwy w lutym 1609 r. // ОР НБУАН Ф. 5. № 168. Л. 540.

[149] Maciszewski J. Op. cit. S. 162—165.

[150] Respons Zymynta III rycerstwu 12(22) lutego 1609 r. // ОР НБУАН Ф. 5. № 5998/III Л. 351; Будила Й. Указ. соч. Стб. 150.

[151] Uniwersał Zymynta III 4 (14) marta 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[152] Listy S. Rudnickiego do B. Wojny 31 kwiecienia (10 мая) и 9 (19) мая 1609 г. // ОР НБУАН Ф. 5. № 5998/III Л. 359, 364.

[153] Письмо М. Мнишек отцу 13 (23) марта 1609 г. с известиями о себе // СГГ и Д Ч. 2. № 18. С. 359—361.

[154] Письмо Лжедмитрия II Ю. Мнишку 2 (12) апреля 1609 г. с просьбой уведомить его о своих делах // СГГ и Д Ч. 2. № 179. С. 361—362.

[155] List A. Zborowskiego do J. Sapiehi 5 (15) maja 1609 г. // Malewska H. Listy staropolski z epoki Wazów. Warszawa, 1977. S. 118—119.

[156] Sapieha J.P. Op. cit. S. 208, 212.

[157] Ibid. S. 214—215

[158] Письмо М. Мнишек отцу 13 (23) марта 1609 г. с известиями о себе // СГГ и Д Ч. 2. № 18. С. 359—361.

[159] Sapieha J.P. Op. cit. S. 208—210, 214—215.

[160] List S. Rudnickiego do B. Wojny 9 (19) maja 1609 г. // ОР НБУАН Ф. 5. № 5998/III Л. 364.

[161] Sapieha J.P. Op. cit. S. 219.

[162] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 375; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 518; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 282—283.

[163] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 427.

[164] Будила Й. Указ. соч. Стб. 150—151.

[165] Новый летописец. С. 87, 93.

[166] Белокуров С.А. Разряды. С. 16; Новый летописец. С. 93.

[167] Сказка о коломенской службе 6 (16) апреля 1609 г. // Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. М., 1912. С. 257—258.

[168] Там же; Новый летописец. С. 93.

[169] Будила Й. Указ. соч. Стб. 151.

[170] Новый летописец. С. 93.

[171] Расспросные речи подьячего М.Д. Чубарова 8 (18) мая 1609 г. о ситуации в Москве // АИ. Т. 2. № 212. С. 249—250.

[172] Sapieha J.P. Op. cit. S. 214.

[173] Расспросные речи подьячего М.Д. Чубарова 8 (18) мая 1609 г. // АИ. Т. 2. № 212. С. 249—250; Новый летописец. С. 87.

[174] Там же.

[175] Белокуров С.А. Разряды. С. 68, 133 и др.

[176] Список сторонников царя Василия Шуйского: (Новая находка в шведском архиве) // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 317—319.

[177] Расспросные речи подьячего М.Д. Чубарова 8 (18) мая 1609 г... // АИ. Т. 2. № 212. С. 249—250; Расспросные речи холопа стольника кн. П. Хилкова 9 (19) мая 1609 г. о ситуации в Москве // Там же; Новый летописец. С. 87; Sapieha J.P. Op. cit. S. 219—220.

[178] Челобитная московских пушкарей Г. Крекова с товарищами Я. Сапеге о жаловании // РИБ. Т. 2. Стб. 695—696; Челобитная мос-

ковских пушкарей Б. Игнатьева с товарищами Я. Сапеге о жаловании // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 394; Челобитная холопов дворянина Л. Пушкина Я. Сапеге о жаловании // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 296; Челобитная сытника В. Федотьева Я. Сапеге с просьбой дать его на поруки // АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 294; Sapieha J.P. Op. cit. S. 213—220.

[179] Sapieha J.P. Op. cit. S. 219.

[180] Новый летописец. С. 87.

[181] Расспросные речи подьячего М.Д. Чубарова 8 (18) мая 1609 г. и холопа стольника кн. П. Хилкова 9 (19) мая 1609 г. // АИ. Т. 2. № 212. С. 249—250; Челобитная подьячего М. Чубарова Я. Сапеге о жалованье // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 7/21.

[182] Палицын А. Указ. соч. С. 267—268.

[183] Nowiny z Moskwy w lutym 1609 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 168. Л. 540.

[184] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 15 (25) марта 1609 г. об отправке сытников в дворцовые села Переяславского уезда // АИ Т. 2. № 198. С. 229—230; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) мая 1609 г. об отправке сытников в дворцовые села Суздальского уезда // СХ. № 12.62. С. 69.

[185] Грамота царя В. Шуйского вологжанам 20 февраля (2 марта) 1609 г. о назначении голов в отряды ополчения // ААЭ Т. 2. № 107. С. 208; Отписка нижегородского воеводы кн. А.А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами // ААЭ Т. 2. № 104.2. С. 203—206; Отписка воевод поморского ополчения Иль-мурзе Юсупову и романовцам 9 (19) февраля 1609 г. с предложением целовать крест В. Шуйскому // АИ. Т. 2. № 150. С. 175—176.

[186] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева юрьевскому воеводе Ф.М. Болотникову 11 (21) февраля 1609 г. о своем поражении у с. Дунилова и об опасности захвата Суздаля // АИ Т. 2. № 153. С. 177—178; Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 17 (27) февраля 1609 г. об угрозе захвата Суздаля приверженцами Василия Шуйского // СХ. № 12.61. С. 67—69; Новый летописец. С. 87; Sapieha J.P. Op. cit. S. 205—206.

[187] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге о 20 февраля (2 марта) 1609 г. о взятии Плеса // СХ. № 12.42. С. 49; Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 17 (27) февраля 1608 г. о разгроме ополченцев у Суздаля // СХ. № 12.61. С. 67—69; Sapieha J.P. Op. cit. S. 207.

[188] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге о 20 февраля (2 марта) 1609 г. о взятии Плеса // СХ. № 12. 42. С. 49; Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге 6 (16) марта 1609 г. о захвате Холуя // АИ Т. 2. № 170; Sapieha J.P. Op.cit. S. 206—209.

[189] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 5 (15) февраля 1609 г. о восстании в Костромском уезде // АИ Т. 2. № 155. С. 178—179.

[190] Sapieha J.P. Op. cit. S. 209.

[191] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 3 (13) марта 1609 г. о захвате приверженцами В. Шуйского Романова и Костромы // АИ. Т. 2. № 163. С. 193; Отписка ростовского воеводы И.Ф. Наумова Я. Сапеге 3 (13) марта 1609 г. о захвате приверженцами В. Шуйского Костромы // СХ. № 12.44. С. 50—51; Sapieha J.P. Op. cit. S. 208—209.

[192] Отписка костромского воеводы Н.Д. Вельяминова Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. о нападении «изменников» на Кострому и с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 172. С. 199.

[193] Отписка ярославца Е. Козьмина Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 173. С. 199—200. Sapieha J.P. Op. cit. S. 208—210.

[194] Отписка ярославского воеводы кн. Ф.П. Барятинского Я. Сапеге 3 (13) марта 1609 г. о захвате приверженцами В. Шуйского Романова и Костромы // АИ. Т. 2. № 163. С. 193; Отписка ратных голов Л. Трусова с товарищи романовцам с призывом целовать крест В. Шуйскому // АИ. Т. 2. № 150. С. 175—176; Sapieha J.P. Op. cit. S. 208.

[195] Отписка ратных голов Л. Трусова с товарищи романовцам с призывом целовать крест В. Шуйскому // АИ. Т. 2. № 150. С. 175—176.

[196] Отписка ярославца Е. Козьмина Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 173. С. 199—200. Sapieha J.P. Op. cit. S. 210.

[197] Отписка Ф. Палицына устюжанам 16 (26) марта 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 113. С. 215—216.

[198] Отписка угличского воеводы М. Ловчикова Я. Сапеге 31 марта (9 апреля) 1609 г. об угрозе захвата земцами Углича // АИ. Т. 2. № 183. С. 213—214; Sapieha J.P. Op. cit. S. 213.

[199] Sapieha J.P. Op. cit. S. 207—208.

[200] Ibid. S. 211.

[201] Отписка владимирского воеводы М.И. Вельяминова Лжедмитрию II 18 (28) марта 1609 г. об «измене» Мурома // СХ. № 12.48. С.55—56; Sapieha J.P. Op. cit. S. 212.

[202] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге 27 марта (6 апреля) 1609 г. об «измене» Владимира // СХ. № 12.56. С. 62—64; Sapieha J.P. Op. cit. S. 213; Новый летописец. С. 87.

[203] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге в мае 1609 г. с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 215. С. 253—254.

[204] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге о походе тушинцев к Владимиру // АИ. Т. 2. № 195. С. 225—226; Обыскное дело дворянина Г. Аргамакова и его дворников // АСПбФИРИ. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 250, 301—302; Челобитная дворянина Г. Аргамакова Я. Сапеге (апрель 1609 г.) с просьбой заступиться за него // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610(2). № 104; Sapieha J.P. Op. cit. S. 210, 229.

[205] Отписка суздальского воеводы Ф.К. Плещеева Я. Сапеге о походе тушинцев к Владимиру // АИ. Т. 2. № 195. С. 225—226; Sapieha J.P. Op. cit. S. 215, 217.

[206] Отписка ростовского воеводы М.И. Колодкина-Плещеева Я. Сапеге 9 (19) апреля 1609 г. о восстании в Ярославле // СХ. № 12.58. С. 65; Письмо И. Шмидта Я. Сапеге 12 (22) апреля 1609 г. // OR BRAN, Ms. 360. Л. 609; Будила Й. Указ. соч. С.151; Sapieha J.P. Op. cit. S. 216—217.

[207] Sapieha J.P. Op. cit. S. 216—217.

[208] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге об организации обороны Ростова от ярославцев // СХ. № 12.60. С. 66—67; Будила Й. Указ. соч. Стб. 151.

[209] Отписка ярославских воевод Н. Вышеславцева с товарищами вычегодцам в мае 1609 г. о боях с тушинцами у Ярославля // ААЭ. Т. 2. № 123.1. С. 229.

[210] Отписка вологжан вычегодцам в мае 1609 г. о сражении с тушинцами в Ярославле // ААЭ. Т. 2. № 118. С. 223.

[211] Отписка ростовского воеводы М.И. Колодкина-Плещеева Я. Сапеге 8 (18) мая 1609 г. о невозможности послать гонца из-за действий «изменников» // СХ. № 12.58. С. 65; Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 215. С. 253—254.

[212] Буссов К. Указ. соч. С. 158 ; Письмо И. Шмидта Я. Сапеге 12 (22) апреля 1609 г. // OR BRAN. Ms. 360. Л. 609.

[213] Отписка ярославских воевод С. Гагарина с товарищи вычегодцам в мае 1609 г. о боях с тушинцами и просьбой о помощи // ААЭ. Т. 2. № 123.2. С. 228—230; Будила Й. Указ. соч. Стб. 151—

155; Буссов К. Указ. соч. С.158; Отписка ростовского воеводы И.Ф. Наумова Я. Сапеге в мае 1609 г. о военных действиях у Ярославля // АИ. Т. 2. № 228. С. 268—269; Sapieha J.P. Op. cit. S. 219.

[214] Отписка юрьевского воеводы Ф.М. Болотникова Я. Сапеге 11 (21) мая 1609 г. с просьбой о помощи против владимирцев // АИ Т. 2. № 215. С. 253—254; Sapieha J.P. Op. cit. S. 219.

[215] Sapieha J.P. Op. cit. S. 218—219.

[216] Ibid.

[217] Ibid. S. 221.

[218] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге 14 (26) июня 1609 г. о боях с «изменниками» // АИ. Т. 2. № 235. С. 277; Sapieha J.P. Op. cit. S. 228—229.

[219] Sapieha J.P. Op. cit. S. 217.

[220] Отписка углецких воевод Б. Ногина с товарищи В. Шуйскому после 2 (12) июня 1609 г. о боях с тушинцами // СХ. № 33. С. 106—110.

[221] Отписка костромского воеводы Н.Д. Вельяминова Я. Сапеге в мае 1609 г. с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 205. С. 237—238; Sapieha J.P. Op. cit. S. 220.

[222] Sapieha J.P. Op. cit. S. 222, 229.

[223] Ibid. S. 222.

[224] Челобитная Лжедмитрию II донских казаков в июне 1609 г. // АИ. Т. 2. № 239. С. 281—282; Sapieha J.P. Op. cit. S. 227; Новый летописец. С. 84.

[225] Челобитная Лжедмитрию II донских казаков в июне 1609 г. // АИ. Т. 2. № 239. С. 281—282; Sapieha J.P. Op. cit. S. 227; Новый летописец. С. 84; Буссов К. Указ. соч. С. 158.

[226] Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 250.

[227] List S. Rudnickiego do B. Wojny 9 (19) maja 1609 r. // ОР НБУАН Ф. 5. № 5998/III Л. 364.

[228] Белокуров С.А. Разряды. С. 15—16.

[229] Челобитная Лжедмитрию II в июле 1609 г. // АИ Т. 2. № 239. С. 281—282; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 9 (19) декабря 1609 г. // СХ. № 12.70. С. 76—77.

[230] Челобитная четырех донских казаков полка А. Лисовского Я. Сапеге // АСПбФИРИ РАН К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 472.1.

[231] Nowiny z Moskwy w lutym 1609 r. // ОР НБУАН Ф. 5. № 5998/III Уа. С. 353—354; Рожнятовский А. Указ. соч. С. 132—133.

ГЛАВА 10

РАЗГРОМ ТУШИНЦЕВ В ЗАМОСКОВЬЕ И РАСПАД ТУШИНСКОГО ЛАГЕРЯ

Изучая события лета-осени 1609 г., которые привели к разгрому тушинцев в Замосковье и распаду Тушинского лагеря в начале 1610 г., исследователи высказывали разные мнения относительно причин происшедшего. В польской историографии XVIII — первой половины XX в. господствовало представление, что основной причиной распада Тушинского лагеря явился поход Сигизмунда III в Россию и разногласия между гетманами кн. Р. Рожинским и Я.П. Сапегой[1]. Шведские историки были убеждены, что правительственные силы одержали победу над приверженцами самозванца благодаря шведской военной помощи[2]. С.М. Соловьев разделял мнение польских историков, что многие победы правительственные войска одержали благодаря несогласованности действий гетманов, но при этом добавлял, что не в меньшей степени причинами неудач являлось отсутствие элементарной воинской дисциплины у наемного войска. Главный же удар по Тушину, по его мнению, нанесло вторжение королевских войск в Россию и бегство царика, после чего наемникам и русским тушинцам ничего не оставалось, как поступить на службу к Сигизмунду III[3]. С.Ф. Платонов полагал, что победили тушинцев «главным образом замосковные и поморские мужики», силами и средствами которых «стал крепок» кн. М.В. Скопин-Шуйский. Эта победа и вторжение Сигизмунда III, по его мнению, явились двумя главными причинами «падения» Тушина[4]. В советской историографии сложилось представление, что решающую роль в разгроме приверженцев самозванца правительственными силами и распаде Тушинского лагеря сыграла освободительная борьба русского народа[5]. Документальные источники соликамского и сапежинского архивов позволяют проверить и уточнить эти выводы и оценки.

§ 1. Подготовка правительственных сил к решающим сражениям

Упорная борьба отрядов земских ополчений с тушинцами в Замосковье и Поморье помогла М.В. Скопину-Шуйскому, отогнав полковника Я. Кернозицкого и запорожских казаков от Новгорода Великого, успешно завершить переговоры со шведами в феврале 1609 г. и получить от них военную помощь. Ход переговоров, условия найма М.В. Скопиным-Шуйским иноземных солдат довольно хорошо изучены русскими и шведскими историками[6]. Разногласия вызывают оценки численности наемного войска. Шведские историки Ю. Видекинд и Х. Альмквист считают, что шведы направили в Россию 5 тыс. воинов[7]. И.С. Шепелев, ссылаясь на источники разной политической ориентации: документы соликамского архива и Дневник Я. Сапеги, пришел к заключению, что Карл IX прислал в Россию 15-тысячный наемный корпус[8]. Исследователь, по нашему мнению, не учел, что кн. М.В. Скопин-Шуйский в своих Отписках в пропагандистских целях сильно преувеличивал численность шведского экспедиционного корпуса, а Я. Сапега, как видно из его Дневника, именно из этих отписок черпал сведения о шведских наемниках[9]. Более достоверными представляются выводы шведских историков, которые опирались на данные дипломатических документов. Они установили, что Я. Делагарди привел к М.В. Скопину-Шуйскому в Новгород Великий на помощь 3 тыс. конницы и 2 тыс. пехоты. В распоряжении воеводы было 1—1,2 тыс. русских воинов[10].

Подъем земского движения в Замосковье и Поморье весной 1609 г. открывал перспективу быстрого и успешного продвижения правительственных войск к Москве. Сразу по прибытии шведов в Новгород Великий М.В. Скопин-Шуйский предложил Я. Делагарди выступить в поход к столице, но тот отказался, ссылаясь на весеннюю распутицу. Шведский полководец убеждал М.В. Скопина сначала обеспечить себе тылы и для этого направить крупные отряды для захвата Пскова, Яма, Копорья, Ивангорода и Гдова[11]. Предложения главнокомандующего экспедиционным корпусом становятся понятными, если познакомиться с инструкциями, которые он и шведские коменданты получили от короля. Карл IX, как установил Х. Аль-

мквист, не особенно верил в способность Василия Шуйского противостоять полякам и стремился извлечь максимальные выгоды при любом развитии событий. Король был готов соблюдать договор 23 февраля (5 марта) 1609 г. только, если Василию Шуйскому удастся разгромить Лжедмитрия II. При неблагоприятном развитии событий шведы рассчитывали укрепить свои позиции на севере России, овладев Ивангородом, Гдовом, Ямой, Копорьем, Орешком, Ладогой и Колой. В случае падения Василия Шуйского они намеревались захватить Новгородскую и Псковскую земли, чтобы создать здесь опорные пункты для дальнейшей войны со своим главным врагом — Речью Посполитой[12].

Исследователи не обратили внимания на одно важное обстоятельство, которое задержало выступление правительственных войск из Новгорода Великого. Шведское войско в основном состояло из нанятых в Европе английских, французских и немецких наемников. Срок их службы шведам истек в 1608 г. Получив от М.В. Скопина-Шуйского в ноябре 1608 г. деньги для найма солдат, Карл IX смог рассчитаться с ними и выпроводить в Россию[13]. Прибыв к Новгороду Великому, иноземные солдаты потребовали, чтобы им выплатили жалование вперед[14]. Когда же выяснилось, что у М.В. Скопина-Шуйского нет таких денег, то они стали требовать, чтобы им позволили грабить села и деревни в окрестностях Ивангорода, Яма и Копорья, которые держали сторону самозванца[15]. М.В. Скопин-Шуйский направил жалобу королю, в которой сетовал на то, что наемники вопреки договоренностям грабят мирное население, а воевать не хотят. В ответ король цинично заявил, что солдатам нужно платить «вовремя» и изъявил готовность взять на себя их содержание, если русские передадут ему «в залог» Орешек, Ладогу и Колу. Карл IX без всяких обиняков приказал Я. Делагарди захватить Новгород Великий и ни в коем случае не идти на Москву, ссылаясь на то, что 5 тыс. солдат явно недостаточно, чтобы справиться с тушинцами. Шведский полководец должен был ждать пополнений, хотя М.В. Скопин-Шуйский их не просил. Король намеревался ввести в Неву флот, чтобы захватить Ладогу и Орешек. Однако для реализации задуманного нужны были значительные средства, которых у короля попросту не было[16].

М.В. Скопин-Шуйский, столкнувшись со своеволием наемников и двусмысленным поведением союзников, избрал единственно возможный путь решения проблемы. Он понял, что только точное соблюдение февральских договоренностей позволит ему избежать осложнений и принудить шведов выполнять взятые на себя обязательства. Воевода выплатил солдатам значительную часть жалования в виде аванса и отдал приказ на передачу шведам Корелы, после чего Я. Делагарди и его солдаты дали согласие выступить в поход на Москву[17]. Тем временем тушинцам удалось нанести поражение отрядам земского ополчения у Владимира, в Ярославле и остановить их наступление в Замосковье.

В первых числах мая 1609 г. передовые отряды новгородского войска выступили в направлении Старой Руссы, Торжка, Торопца, Порхова и Пскова. Несколько дней спустя начали поход к столице основные силы. Я. Кернозицкий, узнав о наступлении правительственного войска, покинул Старую Руссу и отступил к Торжку. Передовой отряд правительственного войска, которым командовали Ф. Чулков и Э. Горн, настиг противника в с. Каменке. Многомесячная разгульная жизнь, по-видимому, привела к деморализации и разложению тушинского отряда. Казаки, по данным, полученным в Речи Посполитой, были мертвецки пьяны, поэтому не смогли оказать сопротивления и были наголову разгромлены. Я. Кернозицкий едва ушел в Ржеву Владимирову с тридцатью товарищами[18].

Весть о походе М.В. Скопина-Шуйского вызвала волну антитушинских восстаний в Торжке, Торопце, Старой Руссе, Старице, Осташкове, Ржеве, Зубцове, Холме, Белой и др. Повсеместно жители расправлялись с тушинцами и встречали новгородских и шведских воинов хлебом-солью[19]. В мае 1609 г. произошли столкновения в Пскове. В советской литературе установилось мнение, что в городе была совершена неудачная попытка «больших людей» с помощью новгородцев свергнуть власть «меньших людей». Происшедшее рассматривалось как яркое проявление классовой борьбы[20]. Сделанное нами ранее наблюдение, что в городе имелись три основные политические силы: купцы, духовенство, дворяне; посадские; служилые люди по прибору, казаки и чернь, позволяет под иным углом зрения взглянуть на события в городе. Псковичи, как и другие жители

русских городов и сел, сильно пострадали от тушинских поборов, несмотря на то, что добровольно присягнули «царю Дмитрию». Приказные самозванца сначала конфисковали имущество «изменников», затем реквизировали деньги у гостей[21], потом пришла очередь «поносовщины», в счет которой была изъята огромная по тем временам сумма. Только Ю. Мнишек получил из псковских денег на сеймовые расходы — 2 тыс. руб.[22] Судя по оценкам происшедшего, которые содержатся в Псковской летописи, тушинские поборы вызвали острое недовольство посадских[23]. Псковские дворяне и «большие люди», сильно пострадавшие от новых властей, обратились за помощью к М.В. Скопину и начали готовить переворот в пользу Василия Шуйского. Развязка наступила неожиданно, после небывалого пожара 15 (25) мая 1609 г., который уничтожил большую часть города. Вспыхнули волнения народа. Дворяне, духовенство и купцы, не успевшие толком подготовить заговор, запросили помощь у кн. М.В. Скопина-Шуйского и попытались направить гнев горожан против тушинской администрации, поддерживавших ее стрельцов, казаков и черни. Тушинцы действовали более решительно. Они, по-видимому, обвинили «больших людей» в поджоге и смогли напугать псковичей вестью о приближении к городу шведов. В решительный момент 8 (18) мая 1609 г. былые обиды псковичей на «больших людей», по всей видимости, взяли верх. Псковские посадские поддержали тушинцев, и новгородские отряды были отбиты. Сразу же по окончании боев тушинцы, оказавшиеся хозяевами положения, прибегли к массовому террору, практически разгромив партию приверженцев Василия Шуйского[24]. Их действия, как видно из Псковской летописи, вызвали острое недовольство посадских[25]. Попытка проправительственных сил добиться перехода псковичей на сторону Василия Шуйского закончилась неудачей. Однако происшедшее произвело сильное впечатление на современников. В Речи Посполитой прошел слух, что Псков перешел на сторону В. Шуйского[26].

В начале мая 1609 г. смоленские воеводы отправили отряд из смоленских, брянских и серпейских дворян во главе с кн. Я.П. Барятинским и С. Одадуровым на соединение с кн. М.В. Скопиным-Шуйским. Благодаря восстанию против тушинцев местных земцев, поход смолян напоминал победоносное

шествие. Спомощью местных служилых людей воеводы «очистили от воров» Дорогобуж, Вязьму, выручили сидевших в осаде жителей Белой с воеводой кн. А.И. Хованским[27]. Почти одновременно в Тушине получили известия, что в южные уезды России по просьбе В. Шуйского вторглись крымчаки[28]. Перспектива оказаться отрезанными от родины вызвала большое беспокойство иноземных солдат. Они стали срочно собирать своих слуг в лагеря у Троицы и в Тушино[29]. Московские власти узнали от перебежчиков, что «от того Литовские люди добре торопятся и все к отходу готовятся», «коши деи и всякую тяжелую рухледь Литовские люди отпущают в Литву, а сами оставаются лехким делом для отходу, а хотят отходити в Литву»[30]. Лжедмитрий II, по данным, собранным москвичами, даже отдал приказ своим солдатам, воюющим в разных концах России, собираться в Тушине[31]. Факты, приведенные в Грамоте царя Василия, во многом подтверждаются данными письма В. Рудницкого епископу Ш. Рудницкому от 9 (19) мая 1609 г., в котором говорится: «Много наших из войска (тушинского. — *И.Т.*) тайно уезжает»[32]. Самозванец, как видно из его июньского письма к Я. Сапеге, действительно пытался вызвать в таборы своих воинов, но не для того, чтобы идти в Литву, а чтобы попытаться остановить М.В. Скопина и Я. Делагарди. Уговаривая Я. Сапегу отказаться от штурма Троицы и выступить против правительственных войск, царик невольно проговорился, что многие тушинские солдаты стремятся как можно больше награбить и уклоняются от борьбы с врагами «царя Дмитрия»[33]. Тушинские отряды после многих месяцев все больше и больше превращались в скопища мародеров. Не без труда Р. Ружинскому и И.М. Заруцкому удалось направить против войска кн. М.В. Скопина-Шуйского полковника А. Зборовского и «боярина» кн. Г.П. Шаховского с отрядом наемников и русских служилых людей и казаков[34]. По данным, полученным в Москве, в нем служило около 1,5 тыс. воинов[35].

Отправив в поход А. Зборовского, Р. Ружинский и И.М. Заруцкий, вероятно, по требованию солдат 5 (15) июня 1609 г. предприняли штурм Земляного города Москвы. Тушинцы не учли, что благодаря отъездам дворян от Вора в Москву, силы осажденных выросли. Правительственные войска, которые были уряжены на три полка, вышли из столицы гуляй-городом и

дали сражение противнику у его стен[36]. По данным источников разного происхождения: Нового летописца, Б. Болтина, секретарей Я. Сапеги, бой был упорным и в какой-то момент тушинцы начали было одолевать, но контратаки полков кн. И.С. Куракина и кн. А.В. Голицына с кн. Б.М. Лыковым решили исход боя в пользу правительственных сил. Противник был опрокинут и отогнан за Ходынку[37]. Летописец отметил, что если бы правительственные войска «не отстоялися» у Ходынки, а продолжили преследование, то участь Тушинского лагеря была бы предрешена, но московские ратники, памятуя о летнем 1608 г. сражении, решили не рисковать и дали противнику прийти в себя. Сражение показало, что тушинцы уже не являются полными хозяевами положения у стен столицы, что не могло прибавить оптимизма иноземным солдатам[38].

Я. Сапега, несмотря на мольбы самозванца, от личного участия в походе до намеченного им штурма Троицы уклонился. Он ограничился тем, что приказал Я. Микулинскому и его отряду выступить из Углича на соединение с А. Зборовским[39]. Сам гетман взялся за подготовку решающего штурма Троицкой крепости, прекрасно понимая, что в случае успеха он и его солдаты сорвут куш, после которого у них будут развязаны руки[40]. К А. Зборовскому и Г.П. Шаховскому присоединились лишь остатки отряда Я. Кернозицкого. Общая численность тушинского отряда, по данным Х. Альмквиста, достигла 3тыс. человек[41].

Письма защитников монастыря и записи в Дневнике Я. Сапеги позволяют внести значительные уточнения в украшенный литературными штампами рассказ А. Палицына о втором большом приступе. Источники свидетельствуют, что гетман смог собрать для приступа около 3 тыс. воинов. Примерно 5 тыс. крестьян окрестных сел и деревень должны были везти осадные приспособления к стенам крепости. Лжедмитрий II прислал сапежинцам пушку, которая стреляла каленными ядрами. Штурм был назначен на ночь с 28 на 29 июня 1609 г. Я.П. Сапега рассчитывал, что выстрелами из пушки удастся зажечь монастырь. Засланный за полтора месяца до этого лазутчик-трубач Мартьяш должен был, пользуясь неразберихой, вывести из строя артиллерию и открыть ворота крепости. Замысел гетмана не удался. Буквально накануне штурма защитники Троицы разоблачили

лазутчика, узнали о планах врага и приготовились отбить приступ. Обстрел крепости каленными ядрами не дал результата. Зажечь постройки монастыря не удалось. Штурмовые колонны сапежинцев были встречены кинжальным огнем троицких пушек «подошвенного боя». Сапежинцы понесли большие потери и отступили. На поле боя остались 7 «добрых панов», 400 казаков и множество даточных. Горстка храбрецов вновь нанесла поражение Я. Сапеге[42]. Надеждам наемников завладеть богатствами Москвы и Троице-Сергиева монастыря до вторжения королевских войск не суждено было сбыться.

§ 2. Первое наступление правительственных войск на Москву

Отряды А. Зборовского, Кернозицкого и кн. Г.П. Шаховского, продвигаясь к Новгороду Великому, напали на восставших против Вора жителей Старицы, сожгли город, а всех, кто попал к ним в руки, безжалостно истребили, в том числе стариков, женщин и детей[43]. Затем тушинцы подошли к Торжку, где засел посланный кн. М.В. Скопиным голова К. Чеголков, к которому пришли на помощь С.В. Головин и швед Э. Горн с 2 тыс. отрядом шведских наемников и новгородских дворян. В результате кровопролитного боя 17 (27) июня 1609 г. А. Зборовский отступил от Торжка в Тверь и запросил помощи из Тушина. Кн. Г.П. Шаховский с русскими ратниками отошел в города Литовской украины[44]. Более успешным для тушинцев оказался поход посланного Я. Сапегой отряда Я. Микулинского. Полковник, по данным Дневника Я. Сапеги, 20 (30) июня 1609 г. штурмом овладел Угличем, а 27 июня (7 июля) 1609 г. нанес поражение отрядам ополчения у Городца[45]. Однако узнав о поражении А. Зборовского в Торжке, отступил к Калязину монастырю.

В середине мая 1609 г. тушинские отряды татар и черемисов атаковали Нижний Новгород, где, по словам перебежчиков, после ухода ополчений к Мурому и Владимиру «остался один мир». Нижегородцы запросили у находившегося в Чебоксарах Ф.И. Шереметева срочной помощи[46]. В начале июня 1609 г. наплавная рать из Чебоксар прибыла в Нижний Новгород. Я. Сапега получил донесение, что правительственное войско состояло из 3 тыс. стрельцов и 500 башкир[47]. Воевода пришел вовре-

мя. Вскоре после его появления Нижний Новгород вновь подвергся нападению тушинских отрядов, которые состояли из мордвы, черемисов, бортников, татар, русских людей из Арзамаса, Касимова, Темникова, Кадома, Алатыря, Козьмодемьянска и др. Чтобы отбить наступление тушинцев на Нижний Новгород, Ф.И. Шереметев был вынужден вызвать к себе отряды правительственных войск и земского ополчения из соседних городов, по данным Я. Сапеги, общей численностью около 1 тыс. человек[48].

В середине июня 1609 г. Ф.И. Шереметев получил известие, что А. Лисовский захватил Юрьевец Поволжский и намеревается прорваться к Костроме на помощь тушинцам, осажденным в Ипатьевском монастыре. Воевода срочно направил против «лисовчиков» наплавную рать, которая неожиданно атаковала противника 28 июня (8 августа) 1609 г. во время переправы через Волгу в районе Решмы. В качестве перевалочного пункта «лисовчики» использовали остров на середине реки. В момент атаки тушинские отряды оказались расчленены на три части. А. Лисовский с 200 воинов оказался на левом берегу Волги, Й. Будила и Подгорецкий — на правом, а И.Ф. Наумов с дворянами и казаками — на острове. А. Лисовский и Й. Будила с Подгорецким бросили И.Ф. Наумова в критическом положении. Сбольшими потерями воевода и бывшие с ним служилые люди и казаки пробились обратно на правый берег Волги. В панике во время отступления тушинцы едва не оставили Ростов[49]. А. Лисовский с остатками своего отряда с трудом пробился на правую сторону реки и ушел в лагерь у Троицы. Приверженцы самозванца, осажденные в Ипатьевском монастыре, вскоре сдались воеводе Д. Жеребцову[50]. Левый берег Волги был очищен от тушинцев. Главный тушинский карательный отряд в борьбе с земским ополчением был разгромлен. Но оставался не погашенным очаг тушинского движения в Касимове, Арзамасе, Алатыре и других городах Среднего Поволжья. Ф.И. Шереметев в своей отписке царю совершенно справедливо указывал, что без решения этой проблемы не может продолжать своего похода к Москве[51]. Продвижение правительственного войска на востоке Замосковья было задержано на несколько недель.

Вести об успехах кн. М.В. Скопина-Шуйского и Ф.И. Шереметева усилили замешательство в Тушинском стане, однако

жажда получить богатую добычу в Москве, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях взяла верх. Несмотря на явную опасность, на помощь А. Зборовскому и кн. Г.П. Шаховскому тушинские полководцы смогли направить относительно небольшие подкрепления. Из Тушина в Тверь прибыли Хрюслинский, Цеглинский, Белинский, Корытко, Я. Тышкевич, Павала со своими ротами. Я. Сапега прислал из лагерей у Троицы М. Вилямовского с его полком, П.Руцкой из-под Иосифо-Волоколамского монастыря — ротмистра Ружинского, из-под Ярославля со своим полком прибыл кн. А. Ружинский. По данным М. Мархоцкого, в отрядах А. Зборовского собралось около 4 тыс. человек[52]. Шведские историки называют большую цифру — 5 тыс. человек[53].

В Торжке М.В. Скопин-Шуйский получил значительные пополнения. К нему прибыли смоленские воеводы кн. Я.П. Барятинский, С. Ододуров, к которым во время похода присоединились дорогобужане, вязьмичи и беляне во главе с кн. А.И. Хованским[54]. Правительственное войско на глазах превращалось во внушительную силу и более чем вдвое превосходило по численности тушинские отряды в Твери. Именно поэтому А. Зборовский в первый день Тверского сражения 11 (21) июля 1609 г. использовал свой главный козырь — лихую атаку польской конницы. Ее успеху, по данным шведов, способствовал проливной дождь, который вывел из строя мушкеты шведской пехоты. Наемникам удалось смять оба фланга правительственного войска, но их центр оказался отброшен к Твери. Развернувшись, наемники напали на наступающие в центре правительственные отряды и смогли в конце концов одержать победу, но отнюдь не решительную[55]. Впоследствии союзники, выясняя причины этого поражения, обвиняли друг друга в том, что именно их действия явились главной причиной неудачи. Русские ссылались на то, что некоторые наемники, не успев вступить в бой, бежали к тушинцам и тем самым деморализовали иноземную часть войска. Шведы указывали на то, что некоторые русские дворяне, решив что бой проигран, не стали помогать «немцам» и бросились в обоз грабить их имущество[56]. Взаимные подозрения и разногласия между наемниками и русскими усилились. Тем не менее М.В. Скопину-Шуйскому и Я. Делагарди в течение следующего дня удалось привести свое

войско в порядок и подготовить новый удар по противнику. Иная атмосфера царила в тушинском войске. Несмотря на уговоры А. Зборовского стать одним лагерем и быть начеку, солдаты, уверившиеся в своем превосходстве над противником, полностью игнорировали приказы начальников и решили отпраздновать, как они думали, решительную победу, за что и поплатились. Правительственные войска неожиданным ночным штурмом 13 (23) июля 1609 г. овладели Тверью. Остатки разгромленного войска А. Зборовского засели в кремле без всякой надежды вырваться из окружения[57]. Дорога правительственному войску на Москву была открыта. Об этом красноречиво свидетельствуют четыре панические послания Лжедмитрия II к Я. Сапеге 14—16 (24—26) июля 1609 г., в которых Р. Ружинский и И. Заруцкий устами царика умоляли гетмана как можно скорее соединиться с ними, чтобы собрать все силы в один кулак для дальнейших действий[58].

М.В. Скопин-Шуйский не смог развить достигнутого успеха. Я. Делагарди в соответствии с инструкциями Карла IX начал настаивать на том, что поход на Москву из-за малочисленности войска не возможен и нужно ждать новых подкреплений из Швеции[59]. Разногласия между полководцами ускорили новый кризис в союзническом войске. Не прошло и нескольких дней после одержанной победы, как М.В. Скопин-Шуйский неожиданно снял осаду Тверского кремля и отступил за Волгу[60]. А. Гиршберг пришел к выводу, что причиной столь неожиданного маневра было стремительное наступление полков Я. Сапеги из-под Троицы к Твери[61]. С.Ф. Платонов высказал предположение, что главной причиной этого маневра явилось нежелание М.В. Скопина-Шуйского давать генеральное сражение основным силам тушинцев и тем самым поставить на карту судьбу страны. Полководец, по мнению исследователя, решил применить тактику вытеснения противника созданием опорных пунктов и нанесением ударов по его коммуникациям[62]. В действительности, главной причиной столь неожиданного решения, как совершенно справедливо считали современники, явился бунт наемных солдат в полках Я. Делагарди[63]. Иноземные солдаты, так же как и их товарищи в Тушине, не успев одержать первую победу, тут же потребовали выплаты жалования за свои «труды и кровь». Не обошлось тут, по-видимому, и

без тушинской агентуры. Среди шведских наемников, как видно из письма Лжедмитрия II Я. Сапеге, было много старых знакомых гетмана и тушинцы рассчитывали с его помощью склонить их на свою сторону[64]. В пользу этого предположения свидетельствуют и факты перехода солдат к тушинцам во время сражения у Твери, а также угрозы немецких и французских наемников перейти на сторону противника, если им не заплатят[65]. М.В. Скопин-Шуйский не мог мгновенно рассчитаться с наемниками, т. к. для этого в тот момент у него просто не было средств. Солдаты взбунтовались и, по меткому замечанию автора «Повести о победах московского государства», «набравшись под Тверью богатства», ушли в Новгородскую землю[66]. В соответствии с инструкциями короля, Я. Делагарди вынашивал планы захвата Новгорода Великого, но взбунтовавшиеся солдаты не хотели проливать кровь без соответствующих вознаграждений[67]. Из-под Новгорода большая часть наемников навсегда покинула Россию. Я. Делагарди удалось удержать в России только около 2,1 тыс. человек, которые расположились на Валдае. Здесь они поступили точно так же, как тушинцы в Замосковье — захватили себе «на прожиток» окрестные деревни и села и грабили их, ожидая, когда М.В. Скопин рассчитается с ними за службу[68]. В правительственном войске осталось лишь несколько сот шведских солдат, которыми командовал Х. Зомме[69]. Вся затея с использованием шведского экспедиционного корпуса явно провалилась.

Отступив за Волгу, М.В. Скопин-Шуйский выбил полк Я. Микулинского из Калязина монастыря и расположился здесь лагерем. В иностранной литературе сложилось мнение, что почти месячное «стояние» воеводы было связано с тем, что он пытался договориться о возвращении Я. Делагарди и его солдат в правительственное войско[70]. Более точными представляются наблюдения С.М. Соловьева и С.Ф. Платонова, что наряду со сбором денег для наемников М.В. Скопин-Шуйский в Калязине готовил из отрядов земского ополчения приволжских уездов Замосковья и Поморья новую правительственную армию[71]. Все прибывшие проходили обучение искусству современного боя под руководством Х. Зомме и его солдат. Особое внимание, по свидетельству шведов, уделялось борьбе пехоты против конницы[72]. Наступление правительственных войск на Москву было

остановлено. Это поставило в тяжелейшее положение защитников Москвы, Коломны, Иосифо-Волоколамского монастыря.

§ 3. Бои в Подмосковье

В начале июля 1609 г. Василий Шуйский, узнав об уходе новых рот наемников к Твери, ободренный удачным июньским боем с тушинцами, попытался разгромить Тушинский лагерь при помощи гуляй-города[73]. Описание этого боя сохранилось только в записках Й. Будилы, которые в русском переводе памятника неверно датированы 26 мая (5 июня) 1609 г. Если обратиться к приведенному в подстрочнике тексту польского оригинала, то не трудно заметить, что в действительности автор датировал эти события 25 июня (5 июля) 1609 г. Р. Ружинский и И.М. Заруцкий не стали ждать и атаковали гуляй-город еще на пути к Тушину, разорвали его, перебили пехоту и захватили оружие. Правительственные полки, располагавшиеся у стен Москвы, контратаковали противника, отбили гуляй-город и отогнали тушинцев к их лагерю. При этом значительная часть пехоты самозванца была уничтожена или попала в плен[74].

Несмотря на победу, правительственные войска не смогли достичь главной цели — разгромить противника. В Москве, по свидетельству Нового летописца, начались волнения народа, который после нескольких месяцев ожидания отказывался верить в то, что М.В. Скопин-Шуйский и Ф.И. Шереметев, наконец, выступили в поход на Москву. Василия Шуйского выручило прибытие в столицу посланного М.В. Скопиным-Шуйским Е. Безобразова с товарищами, которые убедительно рассказали москвичам об одержанных победах и обещали скорое освобождение[75]. Вскоре ситуация в Москве стабилизировалась. Коломенский воевода В.Ф. Литвинов-Мосальский, получив помощь от П. Ляпунова, 17 (27) июля 1609 г. атаковал и нанес серьезное поражение осаждавшим город тушинцам. А. Млоцкий был вынужден отступить к Серпухову. Правительственные войска получили возможность с боями доставлять в Москву обозы с продовольствием[76]. По данным шведов, М.В. Скопину-Шуйскому удалось наладить сообщение с Москвой через Владимир и Коломну[77].

Тяжелее всех в те летние месяцы пришлось защитникам Троице-Сергиева монастыря. Я. Сапега и пришедший к нему А. Зборовский использовали паузу в боях с правительственными отрядами для третьего и последнего штурма Троицы. В мае 1609 г., по свидетельству перебежчика И. Дмитриева, после массовой гибели осажденных от цинги боеспособными были не более 200 человек[78]. Приведенные данные полностью подтвердил в своем Сказании А. Палицын[79]. Я. Сапега привлек для участия в штурме «полки» А. Зборовского, М. Вилямовского, Костенецкого, Б. Ланцкоронского и отряды русских тушинцев, которыми командовали Л.А. Плещеев и Ф. Хрипунов. Превосходство тушинцев было подавляющим. Фактически горстке троицких осадных сидельцев, обессиленных болезнями и лишениями, предстояло отбить приступ войска, которое несколько недель спустя вступило в бой со всей правительственной армией М.В. Скопина-Шуйского у Калязина монастыря[80].

Данные Дневника Я. Сапеги и воспоминания очевидцев, записанные А. Палицыным, позволяют с большой точностью восстановить события в ночь на 29 июля (8 августа) 1609 г. Гетман, как видно из его Дневника, сделал ставку на численное превосходство своих воинов, совершенно справедливо полагая, что у защитников Троицы не хватит сил, чтобы отбить нападение такого количества солдат одновременно со всех сторон крепости. Сигналом к приступу должны были послужить выстрелы осадной пушки. Если после первого выстрела в Троице вспыхнет пожар, солдатам надлежало немедленно начинать атаку. В противном случае они должны были ждать второго, а при новой неудаче — третьего выстрела. После третьего выстрела, независимо от того, загорелся монастырь или нет, воины должны были идти на приступ. На практике все оказалось иначе. Одни ратники бросились в атаку после первого выстрела, другие после второго, остальные после третьего. Началась неразбериха. В темноте тушинцы, судя по рассказу атамана А. Болдыря, напали и перебили друг друга. Штурм закончился полным провалом[81].

Значение этой победы трудно переоценить. Защитники Троицы уверовали, что Бог на их стороне, и укрепились в мысли продолжить борьбу с врагами[82]. Земцы Замосковья и Поморья, правительственные отряды восприняли происшедшее как ве-

личайшее чудо — явное доказательство, что Бог помогает твердым в вере и упорным духом. Одновременно, как видно из записей Дневника гетмана, боевой дух войск Я.П. Сапеги и А. Зборовского был сильно подорван накануне решающих боев с правительственной армией кн. М.В. Скопина-Шуйского[83].

В летние 1609 г. бои правительственных войск и тушинцев обнаружились новые кризисные явления в движении Лжедмитрия II. В связи с отходом от движения самозванца дворян, тушинцы все чаще в качестве главной ударной силы стали использовать казаков, которые все еще продолжали верить, что вершат правое дело, и безжалостно карали изменников «доброго царя Дмитрия». Вскоре, однако, они так же, как дворяне, начали задумываться над происходящим и понимать, что их веру, пот и кровь беззастенчиво используют чужеземные проходимцы. После предательства наемников в бою у Решмы, казаки впервые высказали острое недовольство сложившимися в Тушине порядками. В своих челобитных Лжедмитрию II они заявили, что гетманы, полковники и ротмистры их «не берегут», и просили, чтобы «царик» пожаловал их за многолетний ратный труд и отпустил на отдых[84].

После неудачного штурма Троицы, некоторые атаманы и казаки сапежинского войска, такие как А. Болдырь, Стефан Епифанец, сочли происшедшее за явное проявление к ним божьего гнева и тайно увели свои станицы на Дон[85]. Пути наемников и казаков явно начали расходиться.

§ 4. Осеннее наступление правительственных войск

В конце лета — начале осени 1609 г. правительственные войска, перегруппировав свои силы, предприняли новое наступление против тушинцев. Ф.И. Шереметев, усилив свое войско ратниками земского ополчения, 10 (20) августа 1609 г. дал решительное сражение в двух милях от Мурома и разбил наголову угрожавшие Нижнему Новгороду тушинские отряды татар, мордвы, черемисов, бортников, которыми командовал Касимовский царь. Преследуя противника, воевода осадил Касимов и взял его штурмом. Здесь к Ф.И. Шереметеву присоединился посланный царем Василием из Москвы отряд кн. С. Прозоровского и И. Чепчугова[86]. Из Касимова правительственное войс-

ко, которое, по данным Я. Сапеги, достигло 6 тыс. человек, пришло во Владимир. Отсюда воевода отправил передовой отряд, который должен был внезапным ударом захватить Суздаль. Командовавший суздальским гарнизоном ротмистр Сума разгадал этот замысел. Как только 28 августа (7 сентября) 1609 г. правительственный отряд показался в полях у города, тушинцы лихо атаковали его и разгромили. Поражение заставило Ф.И. Шереметева приостановить наступление на Москву и принять меры для подготовки нового удара по Суздалю[87].

Почти одновременно с выступлением Ф.И. Шереметева из Нижнего Новгорода М.В. Скопин-Шуйский начал готовиться к переправе через Волгу. В Угличе, Дмитрове, Переяславле появились разведывательные отряды скопинского войска, которые, подняв местные крестьянские миры против тушинцев, начали с их помощью ловить занимавшихся реквизициями слуг наемников[88]. Один из отрядов, который, по данным Нового летописца, возглавлял сын боярский С. Коробьин, попытался поднять восстание против тушинцев в Переяславле-Залесском, но, столкнувшись с крупными отрядами тушинцев, зажег город и ушел к Калязину монастырю[89].

Я.П. Сапега, по данным записей Дневника, созвал 30 июля (9 августа) 1609 г. Войсковое собрание, чтобы обсудить, как быть дальше. Солдаты не хотели и слышать, чтобы отказаться от планов захвата Троице-Сергиева монастыря. Собрание постановило, оставив силы, необходимые для продолжения осады, нанести упреждающий удар по противнику и, разгромив его, добиться сдачи Троицы[90]. Буквально накануне выступления в поход произошло происшествие, изрядно подорвавшее боевой дух тушинцев. 1 (11) августа 1609 г. несколько защитников Троицы, выбравшись из монастыря оврагами, бесшумно убрали пастухов и потихоньку подогнали сапежинское стадо лошадей и коров к стенам крепости. Когда наемники спохватились, было уже поздно. Большая часть стада уже была загнана в ворота крепости. Многие солдаты буквально накануне похода лишились своих боевых коней[91].

Выступившее к Калязину монастырю войско, как видно из записей Дневника Я. Сапеги, включало полки самого гетмана, М. Вилямовского, А. Зборовского, Костенецкого, Б. Ланцкоронского, А. Лисовского. Общая численность тушинских от-

рядов неизвестна. Вероятно, под командованием Я. Сапеги находилось несколько тысяч солдат[92]. Перебежчики сообщили Я.П. Сапеге, что в войске М.В. Скопина-Шуйского менее 20 тыс. русских. Относительно шведов они дали разные показания. По одной версии, Я. Делагарди со своими солдатами согласился вернуться, но находился еще в Великом Новгороде, по другой — наемники уже прибыли в лагерь правительственного войска, но отказывались переправляться за Волгу, пока воевода им не заплатит[93].

Мятеж наемников, как выяснил Х. Альмквист, фактически сорвал февральские соглашения между М.В. Скопиным-Шуйским и шведами. Союзники попали в затруднительное положение, Карл IX явно блефовал, когда предлагал М.В. Скопину-Шуйскому взять на себя содержание наемников в обмен на передачу ему пограничных крепостей. Шведская казна была пуста. В чрезвычайно затруднительном положении оказался М.В. Скопин-Шуйский. Он не мог разорвать отношения со шведами, т. к. это означало для него войну на два фронта и неминуемое поражение. В сложившейся ситуации союзники были вынуждены пойти на взаимные уступки. Уже 30 июля (9 августа) 1609 г. М.В. Скопин-Шуйский согласился на дополнительный набор наемников, а 17 (27) августа 1609 г. подписал новое соглашение с Я. Делагарди. В соотвествии с достигнутыми договоренностями М.В. Скопин-Шуйский выслал Я. Делагарди крупную сумму денег и отдал распоряжение о передаче шведам Корелы. Я. Делагарди прибыл в Калязин только 16 (26) сентября 1609 г. Калязинский бой М.В. Скопину-Шуйскому пришлось вести только силами русских полков и 300 наемников Х. Сомме. Общая численность войска, по данным шведов, составляла всего лишь 3 тыс. человек[94].

Анализируя ход события 18 (28) августа 1609 г. под Калязиным, И.С. Шепелев отметил, что русские источники показывают, что между правительственными войсками и тушинцами произошло сражение, которое выиграл М.В. Скопин, тогда как польские рассказывают лишь о незначительных стычках, после которых тушинцы отступили в свой лагерь. Исследователь совершенно справедливо считал, что описание боя в Сказании А. Палицына, которым обычно пользуются русские историки, во многом является недостоверным[95]. Действительно,

келарь неверно датировал Калязинский бой, в его рассказе много литературных штампов типа «и бысть сеча зла» и т. п.[96] Более достоверные сведения содержатся в сочинениях участников событий — Я. Сапеги, Й. Будилы, М. Мархоцкого, автора «Повести о победах Московского государства», которые дают возможность уточнить сложившиеся представления о бое у Калязина[97].

Записи Дневника Я. Сапеги свидетельствуют, что тушинцы заняли Рябов монастырь 14 (24) августа 1609 г. и вступили в соприкосновение с противником. Время победоносного шествия сапежинцев по Замосковью давно кануло в лету. В течение четырех дней гетман никак не мог получить ни у местного населения, ни у шпионов достоверных сведений о войске кн. М.В. Скопина-Шуйского и в конце концов был вынужден атаковать, так и не получив о нем проверенных сведений[98]. Уже в ходе боя выяснилось, что на правом берегу Волги находятся только передовые отряды С. Головина, Я. Барятинского, Г. Валуева, Д. Жеребцова и Х. Сомме, которые успели построить временные укрепления для обеспечения переправы основных сил, по-прежнему располагавшихся на левом берегу реки[99]. Как только сапежинцы атаковали авангард правительственного войска, он тотчас укрылся в палисадах и встретил сапежинцев кинжальным огнем. Все попытки выманить воинов правительственного отряда из укреплений, успеха не принесли. Но тушинцам, по свидетельству очевидцев, удалось отрезать противника от Волги и окружить[100]. Й. Будила заметил, что несколько дней осады решили бы исход боя, т. к. у засевших в укреплении не было никаких запасов и они не могли бы долго сопротивляться[101]. Я. Сапега иначе оценил ситуацию. Узнав, что на противоположной стороне реки находятся основные силы правительственного войска, которые в темноте легко могут переправиться и атаковать, гетман не решился оставаться на ночь у укреплений противника и приказал своему войску, прикрываясь дымом зажженных деревень, отойти в Рябов монастырь[102].

Характер боя наводит на мысль, что это была разведка боем и что главное сражение еще было впереди, но в сапежинском лагере в Рябовом монастыре произошли события, резко изменившие ситуацию на севере Замосковья в пользу правительственных сил. В лагерь тушинцев в Рябовом монастыре

21 (31) августа 1609 г. приехали сапежинские депутаты, ездившие в Тушино для переговоров с самозванцем и боярами. Они сообщили наемникам, что Лжедмитрий II по-прежнему не может расплатиться и что вот-вот начнется вторжение королевской армии в Россию. Солдаты взбунтовались, созвали Войсковое собрание, на котором, по словам М. Мархоцкого, кричали: «Что же это!? Мы разве трудимся для короля? Король отнимет у нас нашу корысть!» Они потребовали от командиров срочно вернуться в Тушино и добиться от самозванца выплаты долга. Я. Сапега и А. Зборовский были вынуждены начать отход. В Переяславле наемники полков А. Зборовского, Б. Ланцкоронского и Костенецкого окончательно вышли из повиновения и в беспорядке ушли в Тушино[103].

Я. Сапега и его солдаты, по-видимому, не испытывали никаких иллюзий относительно денег, которые «задолжал» им самозванец. Не случайно гетману удалось сохранить контроль над своими солдатами, и он принял меры к тому, чтобы задержать наступление М.В. Скопина-Шуйского. Он отозвал из Ростова полк Я. Микулинского и направил туда А. Лисовского с 2 тыс. казаков. Из Суздаля был срочно вызван полк Я. Стравинского. В Переяславле-Залесском Я. Сапега оставил отряд русских детей боярских и казаков, который укрепил ротами гусар Стецкевича и казаков Терликовского. Общая численность переяславского гарнизона, по данным Дневника, составляла 1050 человек. Нетрудно заметить, что в результате этой перегруппировки, гетман, прикрываясь русскими тушинцами, постарался собрать своих наемников в один кулак, чтобы, покончив с Троицей, сорвать куш побольше и уйти к литовским границам. Полки Я. Сапеги, Я. Микулинского и М. Вилямовского вернулись в лагеря у Троицы 3 (13) сентября 1609 г. В Литву потянулись обозы с награбленным добром[104].

Узнав об отступлении тушинцев, М.В. Скопин-Шуйский завершил переправу через Волгу и организовал преследование противника небольшими летучими отрядами. Один из них, которым командовали воевода кн. С. Гагарин и швед Е. Анамунда, появился 8 (18) сентября 1609 г. у Переяславля. Местные дворяне, посадские и крестьяне тотчас подняли восстание и перебили солдат, оставленных в городе Я.П. Сапегой. Пленных солдат и пахоликов, захваченных в Переяславле и его окрестнос-

тях, подвергли нечеловеческим мучениям и казням[105]. Предпринятая во второй половине сентября 1609 г. А. Лисовским попытка отбить город оказалась неудачной. Полковник лишь сжег близлежащие села и деревни и отступил[106].

После прибытия в Калязин шведского вспомогательного войска М.В. Скопин-Шуйский активизировал боевые действия в Замосковье. Я. Сапега получил сведения, что М.В. Скопин-Шуйский планирует захватить Дмитров. Сапежинские разведчики обнаружили, что крестьяне ремонтируют дорогу и мосты от Калязина к Дмитрову. Гетман и его солдаты, по-видимому, решили, что М.В. Скопин намеревается захватить Дмитров, чтобы отрезать им пути к отступлению и проложить себе дорогу в Москву. Гетман тотчас отправил в город ротмистра Э. Стравинского с отрядом наемников с приказом организовать оборону города. Нападение на Дмитров тушинцам удалось отбить, но это был лишь отвлекающий удар. Я.П. Сапега не разгадал замысла М.В. Скопина-Шуйского. Неожиданно для гетмана М.В. Скопин-Шуйский и Я. Делагарди появились с главными силами своего войска в Переяславле и захватили Александрову слободу, уничтожив там четыре хоругви сапежинцев. Шедший из Суздаля полк Я. Стравинского едва успел прорваться к лагерям у Троицы. А. Лисовский был вынужден уйти из Ростова в Суздаль, где оказался отрезанным от основных сил[107]. 9 (19) октября 1609 г. основные силы союзников сосредоточились в Александровой слободе. Пользуясь неразберихой в сапежинском стане, М.В. Скопин-Шуйский направил в Троицу отряд из 300 человек во главе с Д. Жеребцовым, который 16 (26) октября 1609 г. внезапным ударом смял заслоны сапежинцев и прорвался в крепость. Осажденные, к великой досаде сапежинцев, смогли получить долгожданную помощь и обрели уверенность, что их освобождение не за горами[108].

§ 5. Кризис в Тушинском лагере

Вести о вторжении королевских войск в Россию и появление в стане самозванца мятежных солдат А. Зборовского вызвали новый бунт наемников в Тушине. Исследователи установили, что наемники составили конфедерацию — войсковой союз, согласно которому, несмотря на все прежние разногласия с

цариком и контакты с королем, обязались без измены служить «царю Дмитрию» и вступили в открытую конфронтацию с королем[109]. В одной из польских рукописей Ску-Клостерского собрания нам удалось отыскать ассекурации (залоговые обязательства) Лжедмитрия II и М. Мнишек, данные наемному войску, которые позволяют пролить свет на события в Тушине. Солдаты, судя по всему, потребовали у самозванца и его бояр расчета, чтобы поступить на службу к королю. Царик, как видно из его ассекурации, ответил им пространными рассуждениями о практике обращения государей за помощью к иноземным солдатам, когда против них восстают подданные, и всячески благодарил за пролитые солдатами кровь и пот во имя восстановления его власти в России. Затем самозванец повторил старые свои обещания рассчитаться с солдатами после захвата Москвы: «Так как по финансам нашим в это время выплату жалованья их в этом разрушенном государстве мы достаточно совершить не можем, то с помощью Бога, сев в столице Монархии Московской, словом нашим царским и позволением бояр наших думных полюбовно мы решим и обязуемся благородному рыцарству Короны Польской и Великого Княжества Литовского в соответствии с изреченными письмами и дарственными, и охранными грамотами, данными от нас, все до единого гроша заплатить после того, как войдем в столицу нашу в десять недель — во всем обязуемся»[110]. Прежних посулов явно оказалось недостаточно, чтобы успокоить солдат. Тогда Р. Ружинский и его советники придумали ловкий ход. Царик заявил солдатам, что, если он в течение указанного срока с ними не рассчитается, то готов отдать им «все земли Северские и Рязанские и с замками, и с подданными, принадлежащими им... Какие замки для конечной выплаты от нас должны будут забрать, нам оттуда никаких повинностей не требовать и доходы с земель этих, которые бы себе выбрали, и потребление за все это время в выплату жалованья вычитать не должны»[111]. Это предложение царика, по всей видимости, оказалось настолько привлекательным для солдат, изрядно поживившихся в Замосковье, Поморье, на Новгородчине и Псковщине и получавших теперь возможность без особых трудов взяться за Рязанщину и Северщину, что они тут же составили новый войсковой союз, в котором обязались до конца стоять за «царя

Дмитрия» и пошли на открытый разрыв с королем[112]. Правда, авторитета царика для подписания союза, по-видимому, оказалось недостаточно, поэтому в нарушение всех русских традиций ассекурацию царя от имени бояр скрепил глава Боровской думы кн. Д.Т. Трубецкой и, возможно, другие «бояре»[113]. Впервые в практике взаимоотношений тушинских властей и наемников «царица» Марина дала солдатам от своего имени особую ассекурацию, которая почти слово в слово совпадала с заявлениями царика»[114]. Ни царик, ни «царица» не вспомнили, что города Северской земли уже давно пожалованы Ю. Мнишку[115].

Войско выбрало послами к Сигизмунду III М. Мархоцкого, В. Дудзинского и Сладковского[116]. В данной им инструкции солдаты повторили все свои прежние аргументы, оправдывающие их уход в Россию и службу царику, и явно схитрили, заявив, что полученный предыдущим посольством ответ Сигизмунда III будто бы уверил их в том, что король и сенаторы полностью поддерживают их действия в России «на благо отчизны». Именно поэтому вторжение королевской армии в Россию стало якобы для них полной неожиданностью, сильно повредив делу в тот момент, когда победа была близка. Московиты, уже готовые признать «царя Дмитрия», якобы из-за действий короля озлобились на всех поляков, в том числе и на поддерживавших их «законного государя». Василий Шуйский получил удобный повод пригласить для борьбы с поляками и литовцами шведов. В результате тушинские отряды начали преследовать неудачи в борьбе с кн. М.В. Скопиным-Шуйским. Солдаты в достаточно жесткой форме потребовали, чтобы король уважил их пот и кровь, не лишал «заслуженного» и «для блага Речи Посполитой» «из Московии вышел». Они сочли необходимым предупредить короля, чтобы он не лишал их «заслуженного» в Северской земле[117].

27 сентября (7 октября) 1609 г. к Я. Сапеге приехали послы из Тушина, которые сообщили о новой конфедерации «рыцарства»[118]. Гетману удалось уговорить своих солдат занять на переговорах с королем особую позицию. Сапежинцы, хотя и поддержали конфедерацию тушинского «рыцарства», одновременно согласились вернуться на королевскую службу при условии, что Сигизмунд III оплатит им долги самозванца на том основании, что они все это время будто бы служили интересам

Речи Посполитой. В особой позиции, занятой сапежинцами, А. Гиршберг видел доказательство того, что Я. Сапега, действуя в России, выполнял волю Сигизмунда III и Льва Сапеги[119]. Корреспонденция Л. Сапеги показывает, что между «братьями» не было и тени взаимопонимания. В тот момент они даже не состояли в переписке. Примечательно, что Л. Сапега, комментируя утверждение сапежинцев, что они готовы служить королю и бояр московских с собой приведут, если им заплатят, подчеркнул, что всему этому не следует доверять[120]. Я. Сапега и его солдаты в отличие от тушинского рыцарства, по-видимому, более трезво оценивали ситуацию. Они прекрасно понимали, что находятся на грани военного поражения и без помощи короля могут все потерять. В то, что Лжедмитрий II им заплатит, они не особенно верили, поэтому первыми из тушинских наемников попытались переложить долги самозванца на короля. Запорожские казаки полков Велегловского и Кернозицкого, расквартированные в Вязьме, вообще отказались присоединиться к конфедерации и направили к королю своих представителей с известием о возвращении к нему на службу. Между казаками и отрядами русских тушинцев в городах Литовской украины произошел разрыв. Боярин Г. Шаховский с детьми боярскими и казаками покинул полковников Велегловского и Я. Кернозицкого в Вязьме и перебрался в Царево Займище[121]. Происшедшее в Вязьме свидетельствовало, что началось размежевание сил между наемниками и русскими тушинцами и что наемное войско самозванца вступило в период глубокого кризиса и распада.

§ 6. Попытки тушинцев переломить ход событий в Замосковье

Направив послов к Сигизмунду III, наемники постарались достичь заветной цели: захватить Москву, Троице-Сергиев и Иосифо-Волоколамский монастыри. В ночь с 10 (20) на 11 (21) октября 1609 г. они предприняли штурм русской столицы. Предатели тайно провели штурмовые отряды рекой Неглинной к стенам Земляного города. Москвичи не ожидали нападения, поэтому тушинцам удалось зажечь семь башен. Горожане и воины гарнизона довольно быстро пришли в себя и загасили огонь. Все попытки тушинцев ворваться в город были с боль-

шим трудом отбиты. Наутро москвичи возвели на месте выгоревшей стены острог и, таким образом, свели на нет все результаты ночного боя. Достичь поставленной цели солдаты Р. Ружинского так и не смогли[122]. Москва с ее богатствами осталась для них недоступной.

Иначе сложилась судьба защитников Иосифо-Волоколамского монастыря. Отрезанные от внешнего мира крупными силами тушинцев, лишившись надежд на скорое освобождение после отступления кн. М.В. Скопина-Шуйского от Твери, они отчаянно сопротивлялись до октября 1609 г., не получая никакой помощи от правительственных сил. Исчерпав все возможности к сопротивлению, осажденные были вынуждены сдаться на милость победителя. Поскольку П. Руцкому защитники монастыря не доверяли, они добились, чтобы прибыл из Тушина гетман самозванца кн. Р.Н. Ружинский, и открыли перед ним ворота крепости[123]. Многомесячная героическая оборона монастыря закончилась поражением осажденных. Вскоре наемники превратили Иосифо-Волоколамский монастырь в свой главный опорный пункт к северо-западу от столицы.

Попытались тушинцы переломить ход событий в свою пользу и у Троицы. Р. Ружинский, вероятно, окрыленный успехом у Иосифо-Волоколамского монастыря, явился с войском к Я. Сапеге, намереваясь разгромить тушинцев у Александровой слободы. Данные о событиях тех дней содержатся в источниках разного происхождения, некоторые из которых ранее не использовались историками, что открывает возможность подвергнуть их показания взаимной проверке и уточнить сложившиеся представления об этих событиях. Й. Будила указал в своих записках, что Р. Ружинский, отправляясь к Троице, взял с собой только полк Вильковского[124]. Участник событий, автор Бельского летописца свидетельствует, что хорунжий упомянул только польскую часть войска. По его данным, в походе приняли участие русские тушинцы с «боярином» М.Г. Салтыковым[125]. По сведениям шведов у гетмана было всего 2 тыс. воинов[126]. В источниках называются разные даты прибытия гетмана к Троице[127]. Более достоверными являются показания секретарей Я. Сапеги и донесения шведов королю, которые сделаны по горячим следам событий. Они свидетельствуют, что Р. Ружинский и его воины появились у Троицы 18 (28) октября 1609 г.[128] Оба

войска представляли внушительную силу, которая с успехом могла противостоять войску М.В. Скопина-Шуйского и наемникам Я. Делагарди, но между гетманами, судя по их действиям, не было и тени взаимопонимания. Участники событий и тушинцы, и русские показывают, что Я. Сапега с Р. Ружинским к Александровой слободе не пошел, ограничившись тем, что дал ему в помощь только несколько своих рот[129]. Бои у Александровой слободы, по данным Дневника Я. Сапеги, произошли между 19 (29) октября и 24 октября (4 ноября) 1609 г. Р. Ружинский, как видно из Записок Й. Будилы и Нового летописца, разгромил боевое охранение правительственного войска у с. Коринского, но ничего не смог сделать его основным силам. М.В. Скопин-Шуйский и Я. Делагарди, прекрасно зная преимущества польской конницы в сражении в открытом поле, заняли своими полками хорошо укрепленные позиции и встретили противника ружейными залпами. Все попытки тушинцев выманить противника из его укреплений не принесли никакого результата. Наступившие холода довершили дело. Р. Ружинский был вынужден отдать приказ об отступлении, которое, по данным русских источников, сопровождалось ударами летучих отрядов правительственных войск[130]. Секретари Я. Сапеги сделали в Дневнике язвительную запись по поводу возвращения «большого гетмана»: «Р. Ружинский пришел к «шалашу» Его Милости (Я. Сапеги. — *И.Т.*) с добытой броней»[131]. Примечательно, что через день уже Я. Сапега со всем своим войском ходил к Александровой слободе, вероятно, с тем же успехом[132]. Пока гетманы выясняли, кто из них более талантлив и удачлив в военном деле, М.В.Скопин-Шуйский, к великой досаде сапежинцев, смог оказать помощь осаженным в Троице-Сергиевом монастыре. В крепость 28 октября (8 ноября) 1609 г. прорвался еще один правительственный отряд из 20 конников[133]. Р. Ружинский в свою очередь получил не радостную для него весть из Тушина от Велегловского, что туда прибывает посольство короля. 29 октября (9 ноября) 1609 г. гетман со своими солдатами покинул лагеря сапежинцев у Троицы и поспешил к стану самозванца[134]. Попытка тушинцев разгромить правительственные войска и переломить ситуацию в свою пользу полностью провалилась.

Более удачно действовали А. Млоцкий и И. Салков. Около 26 октября (6 ноября) 1609 г. они разгромили правительственный отряд кн. В.Ф. Литвинова-Мосальского, который пытался доставить в столицу обозы с продовольствием из Рязани. А. Млоцкий вновь осадил Коломну и отправил И. Салкова в рейд по подмосковным дорогам. На Москве, по свидетельству Нового летописца, вновь наступила «дороговизна» и «сумление великое»[135]. В этой ситуации В. Шуйский и его советники приняли решение направить на помощь М.В. Скопину-Шуйскому трехтысячный отряд московских служилых людей во главе с боярами кн. И.Ф. Куракиным и Б.М. Лыковым, который выступил в поход 1 (11) ноября 1609 г. Вероятно, расчет был на то, что таким образом удастся разрядить обстановку в столице и одновременно ускорить наступление правительственных сил на тушинцев[136]. Против И. Салкова, отправившегося в рейд по подмосковным дорогам, московское руководство отправило дворянина В.Б. Сукина, который дал бой противнику в Алексеевской волости, закончившийся безрезультатно. Только решительные действия кн. Д.М. Пожарского, разгромившего отряд И. Салкова на Владимирской дороге, позволили не только восстановить положение, но и добиться перехода на сторону правительства крестьян подмосковных волостей — наиболее последовательных приверженцев «царя Дмитрия» в Замосковье[137].

Прибытие отряда И.С. Куракина и Б.М. Лыкова в Александрову слободу создало благоприятные условия для полного разгрома тушинцев в Замосковье и освобождения столицы от осады. Тем не менее правительственные войска в борьбе с тушинцами по-прежнему избегали столкновений в открытом поле, где противник, благодаря коннице, имел неоспоримые преимущества. В литературе установилось мнение, что М.В. Скопин и Я. Делагарди сознательно противопоставили Я.П. Сапеге тактику действий из укрепленных сторожков, как будто бы критически оценивали боевые качества русских отрядов[138]. Между тем на то были другие не менее важные причины. Отношения между союзниками были отнюдь не безоблачными. Жители Корелы наотрез отказались сдать свой город шведам и отказались принять посланцев М.В. Скопина-Шуйского. В свою очередь Я. Делагарди, выполняя инструкцию короля, заявил, что

вторая партия наемников прибудет в Россию только при условии передачи шведам Орешка, Ивангорода и Колы. Союз вновь оказался под угрозой разрыва[139]. Известия о том, что Сигизмунд III ведет переговоры с тушинскими наемниками и что тушинские бояре готовы помочь ему захватить Москву, подействовали на шведов отрезвляюще. 7 (17) декабря 1609 г. между М.В. Скопиным-Шуйским и Я. Делагарди было достигнуто новое соглашение. Шведы обязались прислать еще 4тыс. наемников, а русские оплатить их службу по установленным прежде ставкам. Помимо этого Карлу IX было дано туманное обещание полностью удовлетворить его запросы в провинциях и городах по окончании войны[140]. Однако, когда новая партия шведских наемников прибыла в Александрову слободу 7 (17)января 1610 г., в ней оказалось всего 850 человек. Все остальные разбежались дорогой[141].

§ 7. Распад Тушинского лагеря

Обстоятельства распада Тушинского лагеря достаточно обстоятельно исследованы Н.И. Костомаровым и А. Гиршбергом. Историки ввели в научный оборот польские документальные материалы переговоров короля и его окружения с наемниками и боярами самозванца, которые до последнего времени остаются в основном не опубликованными[142]. В центре внимания исследователей, судя по характеру использованных материалов, в основном находились процессы, протекавшие в наемном войске самозванца, тогда как положению в русской части тушинского войска уделялось гораздо меньше внимания. Выявленные нами новые материалы дают основание вернуться к рассмотрению событий тех дней и уточнить сложившиеся о них в литературе представления.

Вопреки ожиданиям Сигизмунда III и «партии войны», поход в Россию «по просьбам уставших от смут московитов» не стал победоносным шествием коронных войск. Момент для вторжения был выбран явно неудачно. Благодаря земскому движению, Василий Шуйский вновь обрел поддержку населения на основной территории России, а правительственные полки, одерживая одну победу за другой, были близки к тому, чтобы окончательно разгромить тушинцев в Замосковье и освободить

Москву. Смоленск отказался открыть свои ворота королевским войскам. Собранных Сигизмундом III сил и средств едва хватало на то, чтобы организовать осаду города. Речь Посполитая из-за авантюр, затеянных наемниками и королем, оказалась перед перспективой тяжелой войны с Россией и Швецией. Вести о создании тушинской конфедерации всерьез обеспокоили руководство Речи Посполитой. В сложившихся условиях Сигизмунд III и его советники приняли меры к тому, чтобы добиться возвращения солдат наемного войска самозванца под королевские знамена. Они направили в Тушино «комиссаров» Станислава Стадницкого, Кшиштофа Забражского, Людвига Ваера и Мартина Казановского, которые наряду с обычными получили тайные инструкции. Исходя из сложившегося положения Сигизмунд III и его советники стремились предусмотреть любой вариант развития событий. Комиссарам было поручено ни при каких обстоятельствах не вступать в переговоры с Лжедмитрием II. Они должны были потребовать от солдат как подданных Речи Посполитой немедленно вернуться на королевскую службу, в противном случае пригрозить, что на родине они будут объявлены вне закона. Одновременно комиссарам предстояло вступить в переговоры с тушинскими боярами и предложить им кандидатуру королевича Владислава на русский престол вместо явного обманщика. В случае полной неудачи переговоров с наемниками и боярами комиссары должны были постараться наладить тайные контакты с В. Шуйским и предложить ему начать мирные переговоры с королем «в поле», т. к. после задержания послов в 1606—1608 гг. поляки ему не доверяли и никогда не согласились бы прислать ему в столицу своих представителей[143].

В Дорогобуже «комиссары» встретились с послами тушинского «рыцарства» и, по свидетельству М. Мархоцкого, разъехались, не вступив друг с другом в контакт[144]. Оглашенные М. Мархоцким на аудиенции у короля 14 (24) ноября 1609 г., сдобренные верноподданническими заверениями требования солдат самозванца к Сигизмунду III и его солдатам уйти из России и дать им возможность возвести на престол «царя Дмитрия» вызвали шок в королевском лагере. Два дня Сигизмунд III и его советники не знали, как поступить с послами: выслать их с суровой отповедью или дать сдержанный ответ, который бы

позволил в дальнейшем продолжить переговоры с солдатами[145]. В конце концов Сигизмунд III и его советники пошли по второму пути. Вице-канцлер Щесный Крыйский в своих речах дал солдатам понять, что король возмущен и разгневан своевольными действиями солдат — его подданных, которые посмели обратиться к нему с дерзкими обвинениями и требованиями, но как истинный монарх, который печется о своих подданных, будто бы решил пока воздержаться от решительных действий против них в надежде их образумить[146]. В данных послам ответах Сигизмунд III и С. Жолкевский, выступивший от имени сенаторов, напомнили солдатам, что они ушли в Россию, грубо нарушив законы Речи Посполитой, вопреки запретам властей из корыстных побуждений. Ввязавшись в авантюру с самозванцем, навлекли на свою страну страшную беду, дав удобный повод русским и шведам начать войну с Речью Посполитой. Именно это обстоятельство, а не желание «присвоить их кровавые заслуги», по словам Сигизмунда III и С. Жолкевского, будто бы явились главной причиной вторжения в Россию. В заключение король и гетман призвали солдат образумиться, отказаться от намерения возвести на Московский престол самозванца и вернуться на службу отечеству. Послам ясно дали понять, что в случае неудачи короля в России вся ответственность будет возложена на тушинское «рыцарство» со всеми вытекающими отсюда последствиями[147].

В Можайске комиссары были вынуждены задержаться. Воевода царика кн. Г.П. Шаховский предупредил С. Стадницкого, чтобы большая часть сопровождавшего послов отряда была оставлена, а они продолжили свой путь с немногими людьми обычным порядком, как это принято в отношениях между Россией и Польшей[148]. С. Стадницкий получил письма от А. Зборовского и М. Мнишек, в которых заявлялось, что переговоры им следует вести не с «рыцарством», а с Лжедмитрием II. М. Мнишек дала гневную отповедь главному послу за то, что он обратился к ней не как к царице Московской, а как «воеводинке Сендамирской»[149]. Комиссары были вынуждены выслать в Тушино гонца Яна Ловчанского-Добека для выяснения ситуации, который вскоре сообщил им, что мнение «рыцарства» не столь однозначно и многие солдаты готовы идти на службу к королю, необходимо только решить вопрос об оплате. Отно-

сительно русских, гонец указал, что многие из них готовы также служить королю[150]. Получив эти сведения, комиссары продолжили свой путь и прибыли в Тушино 7 (17) декабря 1609 г.[151]

Командиры наемников и бояре постарались обставить приезд комиссаров так, как будто это был официальный визит королевских послов к «царю Дмитрию». Недалеко от лагеря посольский кортеж встретили гетман и маршалок Р. Ружинский, полковник А. Зборовский и брат Марины — С. Мнишек — и сопроводили к воротам лагеря. Здесь комиссаров, согласно русским традициям, от имени царя приветствовали Иван Глазун-Плещеев и Федор Унковский с пятидесятью дворянами. Лжедмитрий II и М. Мнишек наблюдали за процессией из окна царского терема. Произошел конфуз. Комиссары и слышать не хотели о самозванце. Они демонстративно отказались обменяться приветствиями с посланными цариком дворянами, проехали мимо окон, не обращая внимание на Лжедмитрия II и его супругу, и остановились у Р. Ружинского. На трехдневных пирах Р. Ружинский и полковники безуспешно пытались уговорить комиссаров вступить в переговоры с цариком, но те заявили, что имеют полномочия только на переговоры с «рыцарством» и московскими боярами, а не с проходимцем[152]. Наконец, 10 (20) декабря 1609 г. Р. Ружинский и полковники созвали собрание наемного войска, на котором выступил С. Стадницкий. В соответствии с инструкциями он перечислил причины, которые заставили короля предпринять вторжение в Россию, при этом подчеркнул, что главная среди них — опасение, что Карл IX и В. Шуйский, мстя за действия «рыцарства», вторгнутся в Речь Посполитую. В заключение комиссар призвал солдат во имя родины срочно вернуться на службу к королю[153].

Ответы короля и гетмана послам рыцарства, заявления комиссаров вопреки ожиданиям не вызвали взрыва эмоций среди наемников, как это было в сентябре 1609 г. Солдаты, по-видимому, прекрасно поняли угрозу короля возложить на них всю ответственность за войну России с Речью Посполитой и Швецией и объявить их вне закона. К тому же, по свидетельству М. Мархоцкого, кто-то из эмиссаров Сигизмунда III пустил слух, что король прибыл в Россию с крупной суммой денег[154]. «Рыцарство» ухватилось за идею сапежинцев получить долги самозванца у короля, ссылаясь на то, что своей предше-

ствующей службой, они якобы специально подорвали могущество главного врага Речи Посполитой и подготовили условия для завоевания России[155]. Яниковского обвинили в том, что он будто бы подменил инструкцию войска своим послам к Сигизмунду III, чтобы поссорить солдат с королем. Наемнику, в один миг превратившемуся в «козла отпущения», пришлось защищать свою честь в поединке с А. Млоцким[156]. В конце концов послали к сапежинцам, чтобы они так же, как роты тушинского войска, избрали по два представителя, которые 17 (27) декабря 1609 г. начали вести переговоры с комиссарами об условиях возвращения на королевскую службу[157]. Первое, что предложили депутаты — содействие Сигизмунду III в возвращении Речи Посполитой Смоленщины и Севершины в обмен на помощь в возведении на московский престол самозванца. Получив от комиссаров категорический отказ, солдаты тотчас забыли о царике, хотя еще недавно клялись до конца стоять за его дело. Они заявили комиссарам, что готовы помочь Сигизмунду III захватить Россию при условии, что им наряду с обычным жалованием будут выплачены все долги самозванца, а М. Мнишек получит особый удел. Тут выяснилось, что у короля нет таких сумм в наличности. Тогда «рыцарство» забыло о М. Мнишек и выразило готовность получить 5 миллионов злотых с королевских имений в Речи Посполитой, а все остальное с Севершины. Когда и это предложение было отклонено, наемники согласились получить плату только за три квартала: за два последних, которые они служили у самозванца, и один новый — у короля. Все остальное они рассчитывали получить с Северской земли. И на это предложение «рыцарство» получило отказ. Наемники поняли, что известия об огромных суммах у Сигизмунда III — не более чем слухи и что король не в состоянии компенсировать им долги самозванца. Но о том, чтобы отказаться от «заслуженного», они не хотели и слышать. Переговоры явно зашли в тупик[158]. Х. Збражский под прикрытием переговоров с войском тайно стал договариваться с командирами наиболее боеспособных тушинских отрядов о их поступлении на королевскую службу. Тайное тут же стало явным. Взаимные подозрения между солдатами умножились. Ситуация в наемном войске накалилась до предела[159].

Вместе с комиссарами в Тушино «тайно» вернулся изгнанный из войска после убийства М. Меховецкого бывший «маршалок» А. Вишневецкий. Самозванец и его «старый друг» то ли на радостях от встречи, то ли с горя от происходящего запили горькую. Р. Ружинский и командиры наемных отрядов, занятые переговорами, поначалу смотрели на это сквозь пальцы, хотя А. Вишневецкому под страхом смерти было запрещено возвращаться в Тушино. О собутыльниках вспомнили только тогда, когда «царик» в пьяном угаре подарил своему собутыльнику богатые одежды, украшенные соболями и жемчугом, коня с богатой сбруей и саблей. Весть об этом облетела солдат и вызвала бурю возмущения. Разгневанный, изрядно подвыпивший, Р. Ружинский явился в покои самозванца и сильно избил А. Вишневецкого, предупредив собутыльников, что, если бывший маршалок не уберется из Тушинского лагеря подобру-поздорову, его может постигнуть судьба М. Меховецкого[160]. Досталось и царику. Гетман, по словам весьма осведомленного К. Буссова, обозвал его сукиным сыном и будто бы заявил: «Черт тебя знает, кто ты такой. Мы, поляки, так долго проливали за тебя кровь, а еще ни разу не получали вознаграждения и того, что нам положено еще»[161]. Вмиг протрезвевший царик понял, что пора уносить ноги.

Публичный торг, устроенный солдатами с комиссарами короля, не мог не вызвать острого недовольства у значительной части русских тушинцев, прежде всего ветеранов повстанческого движения, возмущенных тем, что основная база их движения, Северщина, превратилась в разменную монету в затеянной наемниками игре. 6 (16) декабря 1609 г. царик написал грамоту Я. Сапеге с требованием «беречь донских казаков», которая внешне выглядит как запоздалая реакция на летние 1609 г. челобитные казаков[162]. Если учесть, что большинство писем самозванца к Я. Сапеге написаны на польском языке, а эта грамота — на русском, то можно высказать предположение, что она предназначалась не столько гетману, сколько казакам. Самозванец явно искал поддержки ветеранов повстанческого движения. Примечательно, что через несколько дней 10 (20) декабря 1609 г. шкловский бродяга предпринял первую неудачную попытку бежать из Тушина во время «царской прогулки» к Москве. Однако у Р. Ружинского и его солдат, как и

зимой 1608—1609 гг., нашлись доброхоты, которые предупредили о замыслах самозванца. Гетман бросился за цариком в погоню, заставил вернуться и посадил его под арест. Неудача заставила Лжедмитрия II действовать более осторожно. На этот раз он, судя по всему, обратился за помощью к ветеранам повстанческого движения, которые были возмущены поведением иноземных солдат, сделавших Северщину разменной монетой в своих торгах с королем. 27 декабря (6 января) они, воспользовавшись стычкой наемников с москвичами, тайно вывели царика и его шута из «дворца» и вывезли за ворота лагеря в телеге, прикрытой тесом[163]. Появившись в окрестностях Калуги, самозванец передал местным жителям, что король, не раз домогавшийся Северской земли, подговорил гетмана Р. Ружинского и поляков, чтобы они его схватили и привели под Смоленск. Он клялся, что не отдаст врагам ни пяди русской земли и готов вместе с народом умереть за православную веру. Самозванец явно рассчитывал на помощь ветеранов повстанческого движения и не ошибся. Калужане приняли его с хлебом солью[164].

Бегство самозванца взорвало ситуацию в Тушинском лагере. Солдаты решили, что командиры предали их, тайно договорившись с королем, убили самозванца — и теперь некому оплатить их долги. Толпа взбунтовавшихся солдат бросилась грабить терем самозванца и знатных бояр. Некоторые требовали обыскать покои Р. Ружинского, т. к. подозревали, что там спрятано тело убитого, другие оскорбляли послов, обвиняя их в интригах против «царя и рыцарства». Р. Ружинский и командиры наемного войска как могли унимали солдат, но ничего не помогало. 29 декабря (8 января) 1609 г., воспользовавшись суматохой, в Москву отъехал «боярин» кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский, который сообщил властям о гибели самозванца и «его угодников» кн. М.Г. Салтыкова, В.М. Рубца-Мосальского, С.Г. Звенигородского, С. Линева и Г. Веревкина. На радостях В. Шуйский пожаловал перебежчика в бояре, объявив народу, что «литва» в Тушине «собралась на побег», а кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский будто бы является послом И.М. Заруцкого и русских тушинцев, решивших «добить челом Государю»[165]. К. Буссов свидетельствует, что многие казачьи станицы, которым «до смерти надоела эта диковинная война», ушли на Дон.

Через несколько дней после бегства царика, в полки явился из Калуги бывший там воеводой пан Казимирский, который привез весточку самозванца к Марине Мнишек и письма к некоторым командирам наемного войска. Самозванец изливал нежность брошенной «жене» и проявлял «беспокойство» за ее судьбу[166]. Командирам наемного войска и «боярам» Лжедмитрий II писал, что был вынужден бежать, так как его жизни угрожали изменники гетманы Р. Ружинский и М.Г. Салтыков, и предложил им явиться на службу в Калугу, обещая не только выплатить заслуженное, но и новое пожалования. Письма самозванца вызвали новый взрыв эмоций в Тушине, но Р. Ружинский решительно пресек деятельность Казимирского, пригрозив ему и его последователям суровой расправой[167]. Большую помощь послам и командирам наемного войска оказали тушинские бояре. Оставшись без «царика», патриарх Филарет, тушинские бояре, верхушка казачества во главе с «боярином» И.М. Заруцким и Касимовский царь со слезами радости восприняли предложение Сигизмунда III, оглашенное послами, дать на Московский престол королевича Владислава и тут же принесли присягу королевичу. Тушинские бояре подсказали гетману и послам выход из затруднительного положения, предложив рассчитаться с наемниками за долги самозванца, после того как будет взята Москва[168]. На войсковом совещании была принята петиция, которую войско отправило к Сигизмунду III с заявлением готовности ему служить, при условии, что он найдет возможность заплатить солдатам «заслуженное» у царика[169]. 3 (13) января 1609 г. королевские комиссары вместе с посольством тушинских бояр выехали к королю под Смоленск. Вслед за послами М. Мнишек отправила письмо Сигизмунду III, в котором горько жаловалась на свою судьбу, напоминала о своих правах на Московский престол и вверяла свою судьбу королю, в расчете, что он щедро вознаградит «ее и ее фамилию» за понесенные издержки и перенесенные страдания. Примечательно, что о самозванце в письме не было ни слова[170]. «Царица» явно потеряла надежду с помощью Лжедмитрия II вернуться на московский престол и просила у короля отступное. Письмо, по-видимому, было отправлено 11 (21) января 1610 г. с новым посольством «рыцарства» к Сигизмунду III[171].

В начале февраля 1610 г. посольству тушинских бояр и комиссарам был устроен торжественный прием. Сигизмунд III, М.Г. Салтыков, В.М. Рубец-Мосальский и их товарищи тушинские бояре подписали договор об избрании королевича Владислава на русский престол. Король и его советники праздновали победу, на радостях удовлетворяя любые просьбы тушинских бояр. Межу тем трезвый политик гетман С. Жолкевский пришел к заключению, что посольство «принесло нам более вреда нежели пользы»[172]. События, происшедшие в это время в Тушине и других городах, занятых отрядами самозванца, полностью подтвердили опасения гетмана.

Утвердившись в Калуге, Лжедмитрий II и его новые советники тотчас отправили по городам грамоты, в которых призывали верные им тушинские отряды и жителей задерживать поляков, литовцев и их слуг и доставлять их в Калугу[173]. Ветеран повстанческого движения Ю. Беззубцев, выполняя распоряжение царика, вскоре после 3 (13) января 1610 г. неожиданно напал на своего бывшего товарища ротмистра А. Млоцкого и его солдат, «прямивших к королю», и наголову его разгромил[174]. По дороге к Смоленску 10 (20) января 1610 г. королевские комиссары узнали, что «боярин и слуга» самозванца кн. Г.П. Шаховский вместе со своим отрядом ушел из Царева Займища в Калугу. К огорчению короля и его советников за ним последовал Я. Кернозицкий с запорожскими казаками[175]. Около 3 (13) января 1610 г., по свидетельству К. Буссова, в Тушине появился «боярин» Лжедмитрия II И.В. Глазун-Плещеев, который пустил слух среди наемников, что самозванец бежал в Калугу будто бы для того, чтобы собрать денег для расчета с наемниками. Одновременно эмиссар самозванца безуспешно пытался уговорить И.М. Заруцкого вернуться на службу к «царику». Вскоре после этого 13 (23) января 1610 г. М. Мнишек установила связь с Лжедмитрием II и приняла самое активное участие в агитационной работе доверенных лиц самозванца среди солдат[176]. Успеху агитационной деятельности эмиссаров самозванца в немалой степени способствовали действия короля и его окружения. Не имея средств для найма солдат, Сигизмунд III активизировал усилия по привлечению под свои знамена наиболее авторитетных командиров и боеспособных подразделений тушинского наемного войска. В своих письмах он предлагал до-

ходные должности и престижные награды[177]. Р. Ружинский, А. Зборовский, П. Руцкой и многие другие командиры наемного войска начали проявлять лояльность королю, чем вызвали недоверие, а затем и возмущение солдат, которые сочли себя обманутыми. В результате во второй половине января 1610 г. тайно от Р. Ружинского в Калугу отправился Фредерик Тышкевич для того, чтобы договориться с Лжедмитрием II о возвращении солдат к нему на службу. В конце января — начале февраля 1609 г., по рассказам М. Мархоцкого и К. Буссова, донские казаки и татары неожиданно для своих начальников И.М. Заруцкого и Касимовского царя вышли из Тушинского лагеря и двинулись в Калугу. И.М. Заруцкий бросился к Р. Ружинскому, и поднятые по тревоге наемники атаковали отступающих казаков, нанеся им огромный урон[178]. Об этом же происшествии сообщил в своем письме от 8 (18) февраля 1609 г. С. Доморацкому С. Мнишек. Пословам брата «царицы», отрядом командовали тушинские бояре Д.Т. Трубецкой, М.И. Колодкин-Плещеев, один из князей Засекиных. Примечательно, что в авангарде казаков, по словам С. Мнишка, двигался конный отряд, что в то время не было характерным для казачьих полков[179]. Если учесть, что наемники часто не видели разницы между казаками, небогатыми детьми боярскими и служилыми людьми по прибору, то можно предположить, что это был исход основной части русского войска самозванца. В связи с этим становятся понятными сетования брата М. Мнишек, что «лагерь пустой, что живое на раздоры пошло. Не безопасны мы от неприятеля, а более всего от своих... Каждый час ожидаем беспорядков у самих себя..»[180].

§ 8. Разгром тушинцев в Замосковье

В начале 1610 г. положение сапежинцев под Троицей стало критическим. Правительственные отряды затруднили доставку продовольствия в сапежинские лагеря и связь с Тушиным. Их удары наносили большой урон отрядам гетмана. Особенно напряженным был бой, который воевода Г. Валуев со своим отрядом и с гарнизоном Троицы дал гетману в первых числах января 1610 г. По размаху он напоминал ноябрьские 1608 г. сражения у Троицы[181]. Бой показал, что правительственные войс-

ка готовятся к решающему удару по сапежинцам. Обещанные подкрепления не приходили. В войске Я.П. Сапеги возникли серьезные разногласия между наемниками и казаками. Гетман понял, что дальнейшее промедление грозит ему полным разгромом и дал приказ к отступлению в Дмитров. А. Палицын пишет, что сапежинцы начали отход 12 (24) января 1609 г.[182] Й. Будила сообщил иную дату 27 января (6 февраля) 1610 г.[183] Более достоверной представляется дата, приведенная келарем, т. к. он черпал свою информацию у монахов — участников событий, которые хорошо запомнили день своего избавления. В Дмитрове ратники М.В. Скопина-Шуйского вновь начали теснить отряды Я. Сапеги, перерезая окрестные дороги укреплениями. Посланные гетманом за продовольствием и фуражом слуги и солдаты обратно не вернулись. В распоряжении гетмана осталось всего 400 наемников и 1 тыс. казаков. Днем 19 (29) февраля 1609 г. отряды правительственного войска, которыми командовал боярин И.С. Куракин, подошли к Дмитрову. Наемники настояли на том, чтобы гетман повел их в атаку на врага, т. к. они не привыкли оборонять крепости и предпочитали сразиться с врагом в открытом поле. Бой окончился сокрушительным поражением сапежинцев. Правительственные войска разбили казаков и захватили их лагерь. Я.П. Сапега с наемниками едва успел укрыться в крепости. Гетмана и его солдат спасло то, что правительственные отряды не имели достаточного продовольствия для того, чтобы разбить лагерь и приступить к осаде Дмитрова, из-за чего они были вынуждены отойти к Троице. После подхода из Тушина отряда М. Мархоцкого Я.П. Сапега приказал зажечь крепость и ушел с остатками своих отрядов к Ржеву на соединение с наемниками из Тушина[184]. В весной 1609 г. А. Лисовский и Посовецкий, теснимые правительственными войсками, покинули Суздаль и совершили глубокий рейд по тылам правительственной армии. Они разорили Ростов, Калязин монастырь и попытались захватить Торопец, но потерпели у города поражение и отошли в Великие Луки[185]. Замосковье и Поморье были очищены от тушинцев. Героическая полуторагодичная оборона Троице-Сергиева монастыря закончилась разгромом сапежинского войска.

В середине февраля 1610 г. в Тушино вернулся Ф. Тышкевич с письмом Лжедмитрия II к наемникам. Царик писал сол-

датам, что «изменники», гетман Р. Ружинский, Комаровский, П. Руцкой, М.Г. Салтыков, Н.В. Лопухин, С. Татищев, хотели выдать его королю, что будто бы заставило его бежать в Калугу, бросив своих солдат. Самозванец заявил, что готов заплатить войску согласно прежним записям при первой возможности[186]. Предложения царика, как установил Н.И. Костомаров, вызвали настоящий бунт в Тушинском лагере. Приверженцы Лжедмитрия II, которых возглавил Я. Тышкевич, явились на созванное Р. Ружинским Войсковое собрание в полном вооружении и разогнали его, призвав солдат собраться на новое совещание, которое должно было сместить гетмана и принять решение о возвращении на службу к царику. Между солдатами Р. Ружинского и мятежниками вспыхнула драка, быстро переросшая в перестрелку. Пальба друг в друга подействовала отрезвляюще. Р. Ружинскому с большим трудом удалось овладеть ситуацией и уговорить солдат дождаться возвращения депутатов с ответом короля[187]. М. Мнишек, почувствовав, что ее пребывание в Тушинском лагере стало не безопасным, 13 (23) февраля 1610 г. вместе с И.В. Глазуном-Плещеевым бежала сначала в Дмитров к Я. Сапеге, а затем в Калугу[188].

Новый взрыв эмоций произошел в Тушине 27 февраля (9 марта) 1610 г., когда ездившие под Смоленск депутаты привезли ответ короля на просьбы войска[189]. Сигизмунд III изъявлял радость по поводу согласия «рыцарства» служить отчизне и заявлял, что рад был бы сделать солдатам подмогу наличными деньгами, но в государственной казне их нет, а отдавать в залог свои владения по законам Речи Посполитой он не имеет права. В связи с этим он обещал заплатить за будущую службу ровно столько, сколько сможет ему дать Речь Посполитая. Король согласился выполнить обещания самозванца выплатить «заслуженные» солдатами деньги в течение десяти дней по вступлении на престол Московский, в противном случае передать им доходы с Северской и Рязанской земель[190]. Ответ короля разочаровал наемных солдат. Вместо денег им опять предлагали служить за одни обещания. После долгих споров, порой переходящих в драки, солдаты вняли просьбе Р. Ружинского вместе отступить к Волоколамску и отсюда разойтись, кто куда желает. Войско подожгло Тушинский лагерь и 6—8 (16—18) марта 1610 г. отступило к Волоколамску. С ними ушли немногие ос-

тавшиеся русские тушинцы во главе с нареченным патриархом Филаретом. Дорогой Хруслинский и Яниковский, несмотря на имевшиеся договоренности, увели свои роты и часть наемников в Калугу[191].

Предпринятые Р. Ружинским в Волоколамске попытки удержать солдат в повиновении закончились для него трагически. Во время одной из потасовок в занятом наемниками Иосифо-Волоколамском монастыре находившийся в изрядном подпитии гетман неудачно упал. Полученная еще в начале 1609 г. тяжелая рана дала рецидив. Р. Ружинский слег в горячке и 25марта (4 апреля) 1610 г. умер. После этого наемное войско фактически распалось на отдельные полки, которые расположились в разных населенных пунктах[192]. За проведение переговоров «рыцарства» с Сигизмундом III взялся А. Зборовский[193]. Король к тому времени оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Распад Тушинского лагеря и разгром сапежинцев в Замосковье привели к тому, что немногочисленное королевское войско фактически оказалось один на один с союзными русскими и шведскими полками. Попытка вступить в переговоры с В. Шуйским о заключении мира закончилась полной неудачей, т. к. русские отказались о чем-либо договариваться без немедленного вывода коронных войск из России[194]. В сложившихся условиях Сигизмунд III пошел на уступки «рыцарству», пообещав солдатам заплатить 2 тыс. наличными[195]. Ему удалось привлечь под свои знамена наиболее боеспособные полки А. Зборовского, А. Млоцкого, М. Вилямовского. Основная масса наемного войска самозванца осталась у разбитого корыта[196].

Деморализованное и разлагающееся наемное войско самозванца не смогло выдержать новых ударов правительственных войск. 11 (21) мая 1610 г. шведы и русские, окружив Иосифо-Волоколамский монастырь острожками, вынудили полковника П. Руцкого начать отход. Во время отступления наемники попали в засаду и были наголову разгромлены. Тупальский, А. Ружинский, а также все находившиеся в обозе тушинские бояре и патриарх Филарет попали в плен. П. Руцкому едва удалось спастись[197]. После этого поражения наемное войско самозванца быстро превратилась в толпу вооруженных бродяг. В мае 1610 г. М.В. Скопин-Шуйский во главе воссозданной правительственной армии торжественно вступил в Москву.

В результате напряженных боев мая 1609 г. — марта 1610 г. правительственным войскам удалось нанести военное поражение сторонникам самозванца. Тушинский лагерь распался. Земли на северо-востоке страны были очищены от приверженцев самозванца. Анализ хода боев подтверждает выводы И.С. Шепелева, что правительственные войска одержали победу над врагом, главным образом, благодаря массовой поддержке населения Замосковного края, а не в результате иноземной помощи[198]. Появление наемников в армии М.В. Скопина-Шуйского сразу же создало те же проблемы, что и в войске самозванца. Солдат интересовала звонкая монета и богатая военная добыча, поэтому их содержание легло тяжким бременем на население освобожденных земель и ухудшило и без того тяжелое положение податного населения. В решительный момент после победы под Тверью наемники покинули войско и тем самым поставили его в тяжелое положение. Первые же месяцы пребывания наемников в правительственной армии показали, что с их помощью не удастся добиться освобождения страны от иноземцев. В этой ситуации М.В. Скопин сделал правильный выбор, решив опереться на массовое земское движение в Замосковье и Поморье и создав из отрядов земских ополчений новую правительственную армию.

Неприятие большей частью населения страны тушинского режима, победы правительственных войск, вторжение королевской армии в Россию деморализовали отряды самозванца и усугубили во второй половине 1609 г. кризис его движения. Наемники вышли из повиновения. Распри и споры из-за добычи часто перерастали в вооруженные столкновения. От движения Лжедмитрия II начали отходить ветераны повстанческого движения и казаки, осознавшие, что их пот и кровь используют иноземцы в корыстных интересах.

Бегство царика 27 декабря (6 января) 1609 г. привело к распаду Тушинского лагеря и размежеванию сил, входивших в его движение. Верность Лжедмитрию II сохранили ветераны повстанческого движения: служилые люди и казаки южных и юго-западных уездов России. Тушинские Боярская дума и Двор раскололись. Одни бояре и члены тушинского двора во главе с М.Г. Салтыковым и кн. В.М. Рубцом-Мосальским отправилась под Смоленск к королю и заключили договор об избрании ко-

ролевича Владислава, другие — под предводительством кн. Д.Т. Трубецкого, М.И. Колодкина-Плещеева и кн. Засекиных ушли к самозванцу в Калугу, третьи — в число которых входили кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский и «патриарх» Филарет, волей или неволей попали к В. Шуйскому в Москву. Под влиянием внутренних раздоров и ударов правительственных войск наемное войско самозванца распалось. Наиболее боеспособные полки с помощью бывших тушинских бояр смогли договориться с Сигизмундом III и вернуться на королевскую службу. Основная же масса иноземных солдат оказалась брошенной на произвол судьбы.

Правительственным войскам удалось добиться значительных успехов в борьбе с приверженцами самозванца и восстановить контроль над поддерживавшими В. Шуйского в течение 1606—1608 гг. центральными, северными и северо-восточными уездами страны. Однако движение Лжедмитрия II, несмотря на военные поражения, распад Тушинского лагеря и происшедшее размежевание собравшихся под знамена самозванца сил, не было разгромлено окончательно. Самозванец и его приверженцы укрепились в Калуге и не утратили надежд взять реванш. Гражданская война с распадом Тушинского лагеря не была завершена. Более того, она оказалась осложнена интервенцией Речи Посполитой против России и растущим вмешательством в русские дела Швеции.

Примечания

[1] Naruszewicz A. Żywot J.K. Chodkiewicza. Warszawa, 1805. T. II. S. 354; Niemcewicz J.U. Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa, 1819. T. 2. S. 360—363, 394.

[2] Almkvist H. Sverge och Rysland förbundet mot Polen 1595—1611. Upsala, 1907. C. 141.

[3] Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. 4, т. 8. С. 523, 528, 537—538.

[4] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 266—267.

[5] Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 522.

[6] Almkvist H. Op. cit. S. 128—141.

[7] Петрей П. История о Великом княжестве Московском // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1866. Кн. 3. С. 286; Видекинд Ю. История десятилетней войны шведов в России // Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук (АСПбФИРИ РАН). К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 41; Almkvist H. Op. cit. S. 127.

[8] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 450.

[9] Отписка вычегодцев пермичам 29 апреля (9 мая) 1609 г. об отправке казны М.В. Скопину-Шуйскому // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 115. С. 217—220; Отписка М.В. Скопина-Шуйского В. Шуйскому в мае 1609 г. о прибытии шведского войска // Там же. № 122. С. 226—228.

[10] Петрей П. Указ. соч. С. 286; Видекинд Ю. Указ. соч. С. 41; Almkvist H. Op. cit. S. 127, 132, 139.

[11] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 51—52.

[12]Almkvist H. Op. cit. S. 130—131, 146—148.

[13] Ibid. S. 130—131.

[14] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 51—52.

[15] Almkvist H. Op. cit. S. 139.

[16] Ibid. S. 146—148.

[17] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 51—52.

[18] Новости из Московии, присланные в Вильно 27 мая (6 июня) 1609 г. // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. Смесь. С. 15; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 90; Almkvist H. Op. cit. S. 141—142.

[19] Отписка кн. М.В. Скопина-Шуйского вологжанам в мае 1609 г. о присылке ратных людей // ААЭ Т. 2. № 121. С. 222; Новый летописец. С.90; Видекинд Ю. Указ. соч. С. 53; Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 221; Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 10; Новости из Московии, присланные в Вильно 27 мая (6 июня) 1609 г. С. 15; Almkvist H. Op. cit. S. 142—143.

[20] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 229—231.

[21] Псковские летописи. М.; Л., 1941, 1955. Т. 1. С. 135; Т. 2. С. 271.

[22] Там же. Т. 2. С. 271; Рожнятовский А. Дневник М. Мнишек. СПб., 1995. С. 133.

[23] Псковские летописи. Т. 2. С. 271.

[24] Там же. Т. 1. С. 135—136; Т. 2. С. 271—272; Almkvist H. Op. cit. S. 142.

[25] Псковские летописи. Т. 2. С. 272.

[26] List S. Rudnickiego do B. Wojny 9 (19) maja 1609 г. // Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук (ОР НБУАН) Ф.5. № 5998/III. Л. 364.

[27] Грамота В. Шуйского вологжанам 15 (25) мая 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 126. С. 235; Грамота В. Шуйского ярославцам 28 июня (8 июля) 1609 г. // Там же. № 128. С. 239; Повесть о победах. С. 10; Almkvist H. Op. cit. S. 143.

[28] Грамота В. Шуйского вологжанам 15 (25) мая 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 126. С. 235; Sapieha J.P. Op. cit. S. 225.

[29] Sapieha J.P. Op. cit. S.218; Новости из Московии 8 (18) июня 1609 г. ...

[30] Грамота В. Шуйского ярославцам 28 июня (8 июля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 128. С. 239.

[31] Там же.

[32] List S. Rudnickiego do B. Wojny 9 (19) maja 1609 г...

[33] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 30 czerwca (10 lipica) 1609 r. // Kognowicki K. Życie J.P. Sapiehi // Życie Sapiehów. Wilno, 1791. T. 2. Прил. № 3; Жолевский С. Записки о московской войне. СПб., 1871. Прил. № 14.

[34] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 44; Будила Й. История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1872. Т.1. Стб. 155.

[35] Грамота В. Шуйского ярославцам 28 июня (8 июля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 128. С. 238.

[36] Грамота В. Шуйского ярославцам 28 июня (8 июля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 128. С. 238.; Новый летописец. С. 88.

[37] Грамота В. Шуйского ярославцам 28 июня (8 июля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 128. С.238; Новый летописец. С. 88; Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 343; Sahieha J.P. Op. cit. S. 225.

[38] Новый летописец. С. 88.

[39] Челобитная Лжедмитрию II донских казаков о жалованьи в июле // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 239. С. 281—282;

Челобитная ростовцев Я. Сапеге о помощи против ярославцев // Там же. № 248. С. 294—295; Отписка ростовского воеводы И.Ф. Наумова Я. Сапеге о своем возвращении в Ростов // Там же. № 249. С. 296—297; Отписка ростовского воеводы И.Ф. Наумова Я. Сапеге о походе на Кострому с А. Лисовским // Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12.69. С. 74—76.

[40] Sapieha J.P. Op. cit. S. 230.

[41] Marchocki M. Op. cit. S. 44; Будила Й. Указ. соч. Стб. 155.

[42] Отписка «троицких старцев» царю В. Шуйскому в июле 1609 г. об «изменах» среди осажденных // АИ. Т. 2. № 241. С. 282—284; Письмо троицкого слуги Г. Рязанова отцу об успешном отражении приступа // СХ. № 35. С. 110—112; Отписка троицких воевод царю В. Шуйскому после 28 июня (8 июля) 1609 г. // Там же. № 38. С. 114—117; Палицын А. Сказание... С. 177—179, 172—175; Sapieha J.P. Op. cit. S. 230—231.

[43] Новый летописец. С. 90.

[44] Грамота В. Шуйского ярославцам 28 июня (8 июля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 128. С. 239; Новый летописец. С. 90; Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 250; Будила Й. Указ. соч. Стб. 155; Sapieha J.P. Op. cit. S. 230.

[45] Sapieha J.P. Op. cit. S. 229; Криксин В.С. Дневник Яна Сапеги по списку Рубинковского // Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС). 1908. Т. XIII. Кн. 4. С. 161.

[46] Sapieha J.P. Op. cit. S. 223.

[47] Ibid. S. 229.

[48] Ibid.

[49] Челобитная донских казаков Лжедмитрию II о жалованьи // АИ. Т. 2. № 239. С. 281—282; Челобитная ростовцев Я. Сапеге 17 (27) июля 1609 г. с просьбой защитить их от нападения ярославцев // Там же. № 248. С. 295—296; Отписка ростовского воеводы И.Ф. Наумова Я. Сапеге 17 (27) июля 1609 г. об оставлении Ростова // Там же. № 249. С. 296—297; Отписка боярина И.Ф. Наумова Я. Сапеге 5 (15) июля 1609 г. о походе с А. Лисовским к Костроме // СХ. № 12.69. С. 74—76; Новый летописец. С. 89.

[50] Миловидов И. Очерк истории Костромы. Кострома, 1885. С. 202.

[51] Sapieha J.P. Op. cit. S. 228.

[52] Marchocki M. Op. cit. S.49.

[53] Будила Й. Указ. соч. Стб. 156; Видекинд Ю. Указ. соч. С. 60.

[54] Грамота В. Шуйского ярославцам 28 июня (8 июля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 128. С. 239; Повесть о победах... С. 10.

[55] Будила Й. Указ. соч. Стб. 157; Marchocki M. Op. cit. S. 54—55; Новый летописец. С. 91.

[56] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 64—65.

[57] Отписки М.В. Скопина-Шуйского ярославцам и вологжанам 13 (23) июля 1609 г. о поражении тушинцев у Твери // ААЭ. Т.2. № 130. С. 141; Грамота В. Шуйского вологжанам и ярославцам 26 июля (5 августа) 1609 г. // Там же. № 132. С. 243; Новый летописец. С. 91; Будила Й. Указ. соч. Стб. 157; Marchocki M. Op. cit. S. 54—55.

[58] Письма Лжедмитрия II Я. Сапеге 14—15 (24—5) июля 1608 г. // Kognowicki K. Op. cit. Прил. № 4; Жолкевский С. Указ. соч. Прил. № 15—16; Sapieha J.P. Op. cit. // Криксин В.С. Указ. соч. С. 161.

[59] Almkvist H. Op. cit. S. 150.

[60] Новый летописец. С. 91; Sapieha J.P. Op. cit. S. 231—232.

[61] Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908. С. 135—136.

[62] Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 260.

[63] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 465—467.

[64] Письмо Лжедмитрия II Я. Сапеге 1 (10) июля 1609 г. с просьбой выступить на помощь А. Зборовскому // Kognowicki K. Op. cit. Прил. № 3; Жолкевский С. Указ. соч. Прил. № 14.

[65] Almkvist H. Op. cit. S. 150.

[66] Повесть о победах... С. 11.

[67] Almkvist H. Op. cit. S. 151.

[68] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 67—69.

[69] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 66; Sapieha J.P. Op. cit. S. 238.

[70] Almkvist H. Op. cit. S. 159—160.

[71] Грамоты В. Шуйского вологжанам и ярославцам 26 июля (5 августа) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 132. С. 243, 245; Грамоты В. Шуйского устюжанам в конце июля 1609 г. // Там же. № 137. С. 252; Sapieha J.P. Op. cit. S. 234; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 527; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 260.

[72] Видекинд Ю. Указ. соч. Л. 75, 81.

[73] Sapieha J.P. Op. cit. S. 230—231.

[74] Будила Й. Указ. соч. Стб. 256—157.

[75] Новый летописец. С. 92.

[76] Грамоты В. Шуйского вологодцам и ярославцам 26 июля (5 августа) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 132. С. 243—244; Новый летописец. С. 91.

[77] Almkvist H. Op. cit. S. 156.

[78] Расспросные речи в сапежинском стане клементьевского крестьянина И. Дмитриева в конце мая 1609 г. о ситуации в Троице-Сергиевом монастыре // Тюменцев И.О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры 1608—1610 гг. Волгоград, 1995. Прил. № 1. С. 91—92.

[79] Палицын А. Сказание. С. 180—181.

[80] Sapieha J.P. Op. cit. S. 234—235; Будила Й. Указ. соч. Стб. 158; Буссов К. Указ. соч. С. 160; Палицын А. Сказание. С. 181—182.

[81] Sapieha J.P. Op. cit. S. 235; Палицын А. Сказание. С. 182—183.

[82] Палицын А. Сказание. С. 189; Sapieha J.P. Op. cit. S. 235.

[83] Палицын А. Сказание. С. 180—183; Sapieha J.P. Op. cit. S. 233—235.

[84] Челобитная донских казаков Лжедмитрию II около 17 (27) июля 1609 г. о жалованьи // АИ. Т. 2. № 239. С. 281—282; Челобитная четырех донских казаков полка А. Лисовского Я. Сапеге с просьбой о жалованьи // АСПбФИРИ РАН. К 124. Оп. 1. Ед. хр. 472.

[85] Палицын А. Сказание. С. 180—183; Sapieha J.P. Op. cit. S. 233—235.

[86] Sapieha J.P. Op. cit. S. 236; Новый летописец. С. 89.

[87] Sapieha J.P. Op. cit. S. 236.

[88] Ibid S. 234, 236.

[89] Ibid. S. 236; Новый летописец. С. 91.

[90] Sapieha J.P. Op. cit. S. 235.

[91] Ibid; Палицын А. Сказание... С. 189.

[92] Sapieha J.P. Op. cit. S. 237, 242; Marchocki M. Op. cit. S. 57;

[93] Sapieha J.P. Op. cit. S. 236, 238; Marchocki M. Op. cit. S. 57.

[94] Almkvist H. Op. cit. S. 154—157.

[95] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 470.

[96] Палицын А. Сказание... С. 180—181;

[97] Повесть о победах... С. 11; Будила Й. Указ. соч. Стб. 159; Marchocki M. Op. cit. S. 58—59; Sapieha J.P. Op. cit. S. 239—240.

[98] Sapieha J.P. Op. cit. S. 238—239.

[99] Повесть о победах... С. 11; Будила Й. Указ. соч. Стб. 159; Sapieha J.P. Op. cit. S. 239—240.

[100] Будила Й. Указ. соч. Стб. 159; Повесть о победах... С. 11; Marchocki M. Op. cit. S. 58—59; Sapieha J.P. Op. cit. S. 239—240.

[101] Будила Й. Указ. соч. Стб. 159.

[102] Marchocki M. Op. cit. S. 58—59; Sapieha J.P. Op. cit. S. 239—240.

[103] Будила Й. Указ. соч. Стб. 160; Marchocki M. Op. cit. S. 58—59; Sapieha J.P. Op. cit. S. 241—243.

[104] Там же.

[105] Sapieha J.P. Op. cit. S. 243—246; Буссов К. Указ. соч. С. 160.

[106] Буссов К. Указ. соч. С. 160.

[107] Там же; Marchocki M. Op. cit. S. 62; Almkvist H. Op. cit. S. 158.

[108] Sapieha J.P. Op. cit. S. 246; Палицын А. Сказание... С. 191—192; Повесть о победах... С. 12; Бельский летописец. С. 252; Almkvist H. Op. cit. S. 158.

[109] Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 406—407; Гиршберг А. Указ. соч. С. 156—157.

[110] Assecuratia Dmitra Fałszywego 10 (20) wrzesnia 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[111] Ibid.

[112] Zwią zek wojska Koronnego i Litewskiego przy Caru Dmitrze // Kognowicki K. Op. cit. S. 158—162; Marchocki M. Op. cit. S. 58.

[113] Assecuratia Dmitra Fałszywego...

[114] Assecuratia Mariny Carowy 10 (20) wrzesnia 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[115] Жалованная грамота Лжедмитрия II Ю. Мнишку на города Северской земли // СГГ и Д. Ч. 2. № 180. С. 262—363.

[116] Marchocki M. Op. cit. S. 58.

[117] Instrukcya poslom z wojska Cara do króla posłanym w paździerńky 1609 г. // Marchocki M. Op. cit. S. 148—151; То же // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597.

[118] Sapieha J.P. Op. cit. S. 245.

[119] Гиршберг А. Указ. соч. С. 157.

[120] Prochaska A. Wyprawa na Smoleńsk // Kwartalnik Litewski T. 8. S. 60—61.

[121] List Gridicza do L. Sapiehi 18 (28) listopada 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8604.

[122] Будила Й. Указ. соч. Стб. 161—162; Sapieha J.P. Op. cit. S. 246.

[123] Будила Й. Указ. соч. Стб. 161.

[124] Там же. Стб. 162.

[125] Бельский летописец. С. 251.

[126] Almkvist H. Op. cit. S. 158.

[127] Будила И. Указ. соч. Стб. 162.

[128] Sapieha J.P. Op. cit. S. 246; Повесть о победах... С. 12; Almkvist H. Op. cit. S. 158—159.

[129] Будила И. Указ. соч. Стб. 162; Бельский летописец. С. 251; Sapieha J.P. Op. cit. S. 247.

[130] Будила И. Указ. соч. Стб. 162; Бельский летописец. С. 251; Новый летописец. С. 92; Повесть о победах... С. 12.

[131] Sapieha J.P. Op. cit. S. 247.

[132] Ibid.

[133] Ibid.

[134] Ibid. S. 247—248; Будила Й. Указ. соч. Стб. 162—163; Шепелев И.С. Указ. соч. С. 488—489.

[135] Sapieha J.P. Op. cit. S. 247; Новый летописец. С. 93.

[136] Новый летописец. С. 93; Sapieha J.P. Op. cit. S. 247—248.

[137] Новый летописец. С. 93—94.

[138] Almkvist H. Op. cit. S. 159.

[139] Ibid. S. 159—160.

[140] Ibid. S. 163—164.

[141] Ibid. S. 170.

[142] Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 406—428; Гиршберг А. Указ. соч. С. 158—200.

[143] Instrukcya poslom króla do wojska Cara posłanym w 29—30 październiky (8—9 listopada) 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597.

[144] List Gridicza do L. Sapiehi 14 (24) listopada 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8604; Marchocki M. Op. cit. S. 59.

[145] Poselstwo z wojska Cara do króla posłanym // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Rzec posłów z wojska Cara do senatorów // Ibid; Marchocki M. Op. cit. S. 59—60.

[146] Respons S. Kryskiego na piśmie Rycerstwa posłóm z wojska Cara // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597; Marchocki M. Op. cit. S. 151—156.

[147] Respons Zymunta III posłóm z wojska Cara 15 (25) listopada1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597; Respons S. Żókiewskiego posłóm z wojska Cara 16(26) listopada1609 r. // Ibid.

[148] List Gridicza do L. Sapiehi 18 (28) listopada 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8604.

[149] List A. Zborowskiego do S. Stadnickiego 30 listopada (10 grudzienia) 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597; List Carowy Maryny do S. Stadnickiego 30 listopada (10 grudzienia) 1609 r. // Ibid.

[150] List gońca p. Dobka do poslów 27 listopada (6 grudzienia) 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Marchocki M. Op. cit. S. 60.

[151] Ibid.

[152] Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 163.

[153] Rozmowa poslów z Rycerstwom // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[154] Marchocki M. Op. cit. S. 61.

[155] Instrukcia poslom z wojska J. Sapiehi do poslów króla posłanym 29 listopada (9 grudzenia) 1609 г. // Hirschberg A. Polska a Moskwa. S. 321—325.

[156] List gońca p. Dobka do poslów 11 (21) grudnia 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E/ 5997.; Marchocki M. Op. cit. S. 60.

[157] Ibid.

[158] Relcja poslów króla // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[159] Ibid.

[160] List gońca p. Dobka do poslów 11 (21) grudnia 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 5997.

[161] Буссов К. Указ. соч. С. 160.

[162] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) декабря 1610 г. с приказом беречь донских казаков // СХ. № 12.70. С. 76—77.

[163] Письмо С. Стадницкого Сигизмунду III 27 декабря (6 января) 1609 г. // Гиршберг А. Указ. соч. С. 168; Буссов К. Указ. соч. С. 162; Будила Й. Указ. соч. Стб. 163.

[164] Буссов К. Указ. соч. С. 162.

[165] Отписка из Тобольска в Томск о московских вестях после 16 (26) февраля 1609 г. // Гневушев А. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1915. № 68. С. 80; Белокуров С.А. Разряды. С. 125.

[166] List Dmitra Fałszywego do Mariny Carowy // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[167] Буссов К. Указ. соч. С. 163.

[168] Relcja poslów króla // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[169] Petycja od rycerstwa do Zygmunta III // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[170] Письмо М. Мнишек Сигизмунду III 5(15) января 1610 г. с просьбой о покровительстве // Бутурлин Д. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 11.

[171] Будила Й. Указ. соч. Стб. 164.

[172] Жолкевский С. Записки. С. 37.

[173] Буссов К. Указ. соч. С. 162.

[174] Будила Й. Указ. соч. С. 163—164.

[175] List S. Stadnickiego do Zygmunta 10 (20) grudzienia 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Буссов К. Указ. соч. С. 162.

[176] Буссов К. Указ. соч. С. 163.

[177] List Zygmunta III do pjatigorców 20 (30) grudzienia 1609 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597 etc.

[178] Marchocki M. Op. cit. S. 64; Буссов К. Указ. соч. С. 163.

[179] List S. Mniszecha do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Л. 383—387.

[180] List S. Mniszecha do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Л. 383—387.

[181] Палицын А. Сказание... С. 192—193.

[182] Там же. С.193—194;

[183] Будила Й. Указ. соч. Стб. 164—165.

[184] Sapieha J.P. Op. cit. S. 249—255; Marchocki M. Op. cit. S. 67—71; Повесть о победах... С. 13—14; Бельский летописец. С. 253.

[185] Бельский летописец. С. 254; Новый летописец. С. 95.

[186] Письмо Лжедмитрия II наемному войску 9 (19) февраля 1609 г. об условиях возвращения на службу // Временник Московского общества истории и древностей Российских (ВМОИДР). М., 1855. Кн. 19. Смесь С. 9; Будила Й. Указ. соч. Стб. 178—184.

[187] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 425—426.

[188] Буссов К. Указ. соч. С. 163; Marchocki M. Op. cit. S. 62—64;

[189] Будила Й. Указ. соч. Стб. 165; Marchocki M. Op. cit. S. 62—64; Новый летописец. С. 95.

[190] Respons Zygmunta III posłam z wojska Cara 10 (20) lutego 1610 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; List Zygmunta III do wojska Cara 13 (23) lutego 1610 г. // Ibid; List Zygmunta III do R. Różyńskiego 18 (28) lutego 1610 r. // Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 166—178.

[191] Будила Й. Указ. соч. Стб. 184—186; Marchocki M. Op. cit. S. 64—67.

[192] Marchocki M. Op. cit. S. 72.

[193] Punkty instrukcii A. Zborowskiemy i posłom z wojska Cara do króla posłanym // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Будила Й. Указ. соч. Стб. 187; Marchocki M. Op. cit. S. 72.

[194] List senatorów do bojar moskiewskich 10 (20) lutego 1610 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 388—391 об.

[195] Respons Zymunta III posłóm z wojska Cara 2 (12) kwiectnia 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597; Respons Zymunta III posłóm z wojska Cara w maje 1610 r. // Ibid; Assecuratia Zymunta III 19(29) maja 1610 r. // Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 187.

[196] List rycerstwa z polka A. Młockiego do Zymunta III w marcie 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597; List Zymunta III do Bobkowskiego i rycerstwa z polka A. Młockiego // Ibid; Respons Zymunta III posłóm z polka A. Młockiego // Ibid; List A/ Zborowskiego do Zymunta III 26 kwiectnia (6 maja) 1610 г. // Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 187.

[197] Будила Й. Указ. соч. Стб. 190—192; Marchocki M. Op. cit. S. 73—84; Бельский летописец. С. 253—254; Новый летописец. С. 96.

[198] Шепелев И.С. Указ. соч. С. 519.

ГЛАВА 11

КРАХ ДВИЖЕНИЯ САМОЗВАНЦА В 1610 Г.

В 1610 г. на первый план в истории Смуты выдвинулась борьба русского народа против иноземного вторжения, которая привлекла внимание историков. История движения самозванца оказалась в тени главных событий и поэтому специально не изучалась. В литературе затрагивались лишь отдельные проблемы и аспекты темы, которые анализировались в основном по поздним нарративным источникам: утверждение Лжедмитрия II в Калуге и обстоятельства появления там М. Мнишек, попытка самозванца захватить Москву летом 1610 г. и его гибель в Калуге. С.М. Соловьев считал, что в Калуге вся власть принадлежала казакам, которых привел туда кн. Г.П. Шаховский. Бояре и москвичи, по мнению историка, несмотря на явную опасность захвата страны иноземцами, не захотели присягнуть Вору летом 1610 г., боясь казачьих грабежей и бесчинств черни, и по этой причине предпочли ему королевича Владислава. Гибель самозванца и распад его движения исследователь объяснял исключительно местью кн. П. Урусова[1]. Н.И. Костомаров ввел в научный оборот много интересных польских документов 1610 г., которые проливают свет на взаимоотношения царика и сапежинцев, но вольно пересказал их почти без ссылок. Он полагал, что инициатива второго похода на Москву целиком принадлежала Я. Сапеге и наемникам. Приверженцы Вора, по мнению историка, обманули москвичей, предложив одновременно низложить В. Шуйского и Лжедмитрия II, за что и поплатились, подтолкнув их к избранию королевича Владислава. Исход дела решил переход Я. Сапеги на сторону С. Жолкевского. Историк согласился с мнением С.М. Соловьева, что царик погиб в следствие мести П. Урусова[2]. С.Ф. Платонов пришел к выводу, что Вор не случайно избрал местом своего пребывания Калугу и обратил внимание на ее важное стратегическое значение в борьбе между правительственными силами, приверженцами самозванца и поляками. Он согласился с мнением С.М. Соловьева, что в Калуге царика поддерживало в основном казачество. Бояре и дворяне Вора, особенно дьяки, по мнению исследователя, за редким исключением пошли на зак-

лючение договора с Сигизмундом III и отказались вернуться к Вору. Историк согласился с выводом, что второй поход царика на Москву явился главной причиной падения Василия Шуйского и подтолкнул москвичей к присяге королевичу Владиславу. Он впервые проанализировал дело московских бояр, будто бы ссылавшихся с Вором в октябре 1610 г., и высказал мысль, что смерть царика развязала руки русским повстанцам[3]. Мнения трех выдающихся историков в основном определяют сложившиеся в литературе представления о калужском периоде движения самозванца. Его специальное изучение с привлечением сохранившихся документов архива Я. Сапеги 1610 г. позволяет развить и уточнить эти представления, что весьма важно для понимания процессов, протекавших в движении самозванца в течение всего времени его существования.

§ 1. Калужская дума и двор

Анализ биографических данных членов Тушинской Воровской думы обнаруживает, что Сигизмунду III взялась служить «первее всех» лишь четверть думцев Лжедмитрия II: бояре М.Г. Салтыков, кн. В.М. Рубец-Мосальский, И.М. Заруцкий, Н.Д. Вельяминов, Ю.Д. Хворостинин, окольничие кн. Ф.Ф. Мещерский, И.Н. Безобразов-Шарапов, Т.В. Грязной, кравчий Л.А. Плещеев, думные дворяне А.Ф. Андронов, И. Зубов, думные дьяки И.Т. Грамотин, С.И. Линев, И.И. Чичерин. Умерли естественной смертью или погибли в боях с правительственными войсками и отрядами земских ополчений бояре М.И. Вельяминов, кн. Р.Ф. Троекуров-Ярославский, окольничий Д.В. Горбатый-Мосальский. Боярин И.И. Годунов был казнен М.М. Бутурлиным при попытке отъехать в Москву. Думный дворянин Г.М. Веревкин погиб «визмене» во время разгрома П. Руцкого у Иосифо-Волоколамского монастыря весной 1610 г. Бояре кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский, кн. А.Ф. Жировой-Засекин бежали к В. Шуйскому во время развала Тушина. Более половины тушинских думцев приехало к самозванцу в Калугу: бояре кн. Ф.П. Барятинский, М.М. Бутурлин, И.И. Волынский (?), кн. И.П. и С.П. Засекины, С.Г. Звенигородский, А.А. Нагой, И.Ф. Наумов-Хрулев, М.И. Колодкин-Плещеев, Ф.М. Плещеев, А.Н. Ржевский (?), А.Ю. Сицкий, Д.Т. Трубецкой,

И.Д. Хованский, Д.М. Черкасский, Г.П. Шаховский, окольничие кн. Д.И. Долгорукий, кн. Ф.П. Засекин, Г.Ф. Сумбулов, Б.И. Сутупов, крайчий кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский, думные дворяне И.Г. Бегичев, И.И. Загряжский, думные дьяки И.Л. Луговской, Д.Т. Рындин, Д.И. Сафронов, П.А. Третьяков[4]. В результате происшедших изменений, из Воровской думы выбыли в основном люди, близкие к Филарету Романову, М.Г. Салтыкову, кн. В.М. Рубцу-Мосальскому, а также попавшие в нее не по свой воле, такие как кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский. Кое-кто из близких к Романовым, например кн. А.Ю. Сицкий, А.Ф. Литвинов-Мосальский, все же остались, но сделали это, видимо, не по своей воле. М. Мархоцкий сообщил, что у многих бояр в Калуге при дворе М. Мнишек находились их семьи, которые фактически превратились в заложников[5]. Не случайно, поэтому в дальнейшем при малейшей возможности кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский и кн. А.Ю. Сицкий покинули самозванца[6]. Появились в боярской думе новые лица: «боярин» И.В. Глазун-Плещеев, пожалованный за доставку в Калугу М. Мнишек[7] и некий М.К. Юшков.

Весьма осведомленный в делах Калужского двора К. Буссов свидетельствует, что ключевой фигурой в новой Воровской думе стал «боярин и слуга» кн. Г.П. Шаховский[8]. «Боярин» Д.Т. Трубецкой с «думным дьяком и печатником» Д.И. Софроновым, по-видимому, вновь руководили Разрядным приказом[9]. С.Г. Звенигородский сохранил за собой должность боярина и дворецкого. «Боярин» А.А. Нагой с «думным дьяком» П.А. Третьяковым возглавили Поместный приказ вместо погибшего Р.Ф. Троекурова[10]. «Боярин» М.М. Бутурлин и «думный дьяк» Д.Т. Рындин, по-видимому, ведали Сыскным приказом[11], «окольничий» Б.И. Сутупов с дьяком М. Сомовым — Казанским и Астраханским дворцами[12]. Н.В. Лопухин, несмотря на выдвинутые против него самозванцем обвинения в «измене», сохранил за собой должность думного дьяка Посольского приказа[13]. В Калуге при особе «Государя» постоянно находились, помимо уже указанных лиц, бояре кн. И.П. Засекин, И.Ф. Наумов-Хрулев, И.В. Глазун-Плещеев, А.Н. Ржевский (?), кн. А.Ю. Сицкий, Д.М. Черкасский, окольничие кн. Д.И. Долгорукий, М.И. Колодкин-Плещеев, Ф.К. Плещеев, С.Г. Сумбулов[14]. В штате Калужских приказов работали дьяки С. Зборовский,

П. И. Микулин, М. Сомов, А. Подсосенский[15]. Нетрудно заметить, что при дворе самозванца усилились позиции боярских и дворянских родов, хранивших традиции опричной среды.

К. Буссов свидетельствует, что довольно быстро в Калуге стал создаваться новый Воровской Государев двор. В источниках имеются отдельные упоминания дворовых чинов самозванца того времени. Спальниками у него служили ветеран повстанческого движения Иг.И. Михнев, П.Ф. Отяев, а также шут Н. Кошелев; стольниками — И.А. Боучаров, В.Ф. и Ф.Ф. Киреевы, А.З. и И.З. Посовецкие, Ю.И. Татищев, кн. П.Я. Урусов, В.П. Черкасский, В.П. и И.П. Шереметевы, П.Ч. Юсупов, стряпчими — И.А. Киреев, Г.И. Татищев[16]. После воссоединения «царской» семьи в Калуге был воссоздан и двор М. Мнишек[17].

§ 2. Местное управление

Воровским боярам довольно быстро удалось восстановить управление на местах. Городовыми воеводами Вора в 1610 г. служили: боярин кн. И.Д. Хворостинин (Астрахань), боярин С.П. Засекин, Ф.П. Дементьев, Г.И. Кашкаров (Арзамас), дворянин московский кн. И.М. Барятинский (Воронеж), боярин кн. Ф.П. Барятинский и выборный дворянин М.М. Карпов (Новгород-Северский), выборный дворянин Д. Гущин (Стародуб-Северский), выборный дворянин И.Ф. Строкин (Рославль), выборные дворяне А.Ф. Тютчев и Л. Челюсткин (Почеп), выборный дворянин Ф.Г. Желябужский (Белев), боярин Ф.М. Плещеев, выборные дворяне П. Горяинов и кн. В.А. Шаховский (Великие Луки), боярин Ф.М. Плещеев, думный дьяк И.Л. Луговской и дьяк Ф. Андронников (Псков), дворянин московский кн. И.Ф. Хованский и дьяк М.И. Милославский[18].

География воеводских назначений показывает, что Лжедмитрий II и его бояре сохранили контроль не только над старыми центрами повстанческого движения: Северщиной, польскими, украинными, частью заоцких и низовых городов, Астраханью, но и над новыми: Великими Луками, Псковщиной, с близлежащими новгородскими пригородами Ивангородом, Гдовом, Ямом и Копорьем. В отличие от населения центральных уездов, где местные власти находились под полным контролем наемников, жители этих мест не подверглись пря-

мым насилиям и бесчинствам иноземных солдат, а лишь испытали на себе всю тяжесть налогов, собираемых тушинской администрацией на содержание наемного и казачьих войск. Здесь не было наемных отрядов и земским силам удавалось оказывать значительное влияние на дела местного управления через авторитетных «воровских» воевод. В результате тушинский режим в центрах повстанческого движения оказался более мягким для местного населения по сравнению с тем, который существовал ранее или сложился в центре страны. Именно поэтому оно поддержало беглого самозванца в трудную для него минуту[19].

Сразу же по водворении в Калуге Лжедмитрий II и его приближенный начали набирать новое войско. Его основу составили русские служилые люди и казаки, которых в январе 1610 г. привели к Вору кн. Г.П. Шаховский, Я. Кернозицкий и, возможно, Ю. Беззубцев[20]. В начале февраля 1610 г. бояре Д.Т. Трубецкой, И.П. Засекин, М.И. Колодкин-Плещеев, П. Урусов прибыли в Калугу с остатками русского войска, брошенного самозванцем в Тушине[21]. Довольно крупный отряд удалось собрать к февралю 1610 г. в Великих Луках и на Псковщине боярину Ф. М. Плещееву[22].

Приведенные данные не подтверждают гипотезу С.М. Соловьева и С.Ф. Платонова, что главной силой движения самозванца в Калуге являлось казачество[23]. Они показывают, что по-прежнему основную роль в Калужском лагере играли служилые люди южных и юго-западных и западных уездов России и казаки. Созданные в Калуге институты государственной власти, как и в Тушине, являлись точной копией существовавших в Москве. Здесь действовали царик, «воровские» Дума, Государев двор, приказы, войско, в городах сидели воеводы и дьяки. В отличие от Москвы и Тушина, не было разве что структур по управлению церковью. Ветераны повстанческого движения, спасшие царика, еще быстрее, чем в Орле и Тушине, были вынуждены отойти в тень. «Бояре» самозванца — приверженцы крутых мер в борьбе с врагами, по свидетельству К. Буссова, обрушили репрессии на иноземцев, заподозренных в измене «царю Дмитрию». Запущенное ими колесо террора начало уничтожать и правых и виноватых. Весьма показателен в этом отношении случай с ветераном повстанческого движения, калужским воеводой Скотницким, которого не спасли от надуманных

обвинений и казни многочисленные заслуги[24]. Повстанческое движение в Калуге переродилось, не успев возродиться.

К весне 1610 г. отряды самозванца настолько окрепли, что смогли нанести несколько серьезных контрударов по правительственным отрядам. Кн. Д.М. Черкасский разгромил в феврале 1610 г. у Шацка правительственный отряд кн. В.Ф. Мосальского и отбил у него недавно захваченный у приверженцев самозванца Арзамас[25]. Боярин Ф.М. Плещеев, по данным, полученным Я. Сапегой, в феврале 1610 г. во главе 6 тыс. войска совершил поход на Новгород Великий и занял Старую Руссу[26]. Однако воевать на два фронта отряды самозванца не могли. Новая партия шведских наемников, которыми командовали Э. Горн и Ж. Делавиль, заставили Ф.М. Плещеева отступить[27]. Приверженцы самозванца потеряли Старицу, Ржев, были отброшены к Пскову и Великим Лукам[28]. А. Гонсевский 3 (13) апреля 1610 г. захватил Белую[29]. Между правительственными и польскими войсками вспыхнули упорные бои за Иосифо-Волоколамский монастырь и Белую. Тушинские отряды в Великих Луках и Пскове оказались отрезанными от Калуги. Они попытались заручиться помощью отрядов А. Лисовского и А.З. Посовецкого, пробившимся из Замосковья в Великие Луки[30]. По просьбе псковичей лисовчики и казаки направились к Ивангороду и разгромили шведское войско, осаждавшее город. Но по возвращении между ними и местными приверженцами самозванца произошел конфликт. А. Лисовский и А. Посовецкий хотели вновь остановиться в Пскове, но посадские, напуганные недавними грабежами и бесчинствами лисовчиков, на этот раз не пустили их в город. Обозленные лисовчики и казаки захватили псковский пригород Воронач. Здесь пути А. Лисовского и казаков разошлись. Русские воины отряда лисовчиков, соединившись с отрядом А. Посовецкого, ушли к Великим Лукам. Здесь бывшие тушинцы перешли на сторону правительственного отряда Г. Валуева и помогли ему «высечь» Великие Луки. Тем временем А. Лисовский, пополнив свой отряд иноземцами, занялся грабежом сел и деревень на Псковщине. Жители Пскова, Ивангорода, Гдова, Яма и Копорья, все еще поддерживавшие самозванца, оказались в окружении врагов: поляков, литовцев, шведов, правительственных отрядов и ма-

родеров-лисовчиков, которые, по словам местного летописца, «Псковщину всю пусту сдулавшу»[31].

Не лучше для Лжедмитрия II и его приверженцев складывалась ситуация на Северщине. В марте 1610 г. служившие королю запорожские казаки штурмом овладели Стародубом Северским, пленив местного воеводу самозванца кн. А.А. Хованского[32]. В конце марта отряд королевских войск Запорского штурмом овладел Почепом[33], а киевский подкормий Горностай захватил Чернигов[34]. В апреле 1610 г. запорожцы Богушевский и Ганченко убедили жителей Новгорода-Северского целовать крест королевичу Владиславу[35]. В начале мая 1610 г. принесли присягу королевичу жители Рославля[36]. К лету 1610 г. Лжедмитрий II утратил главную базу своего движения — Северщину. Подконтрольными ему остались только польские города, часть украинных, заоцких, низовых и Астрахань.

§ 3. Наемное войско самозванца

Водворившись в Калуге, Лжедмитрий II, по данным мемуаристов-наемников, разослал повсюду грамоты, в которых призывал своих воевод и русских людей арестовывать иноземцев и конфисковывать их имущество. В кратчайшие сроки самозванец и его бояре смогли собрать значительные суммы денег и наполнить темницы иностранными заложниками[37]. Несмотря на репрессии против иноземцев, царик и его бояре и не думали отказаться от мысли вернуть под свои знамена иноземных солдат. Деньги и пленники понадобились им как веский аргумент в переговорах с тушинским «рыцарством» о возвращении на службу. Уже в начале февраля 1609 г. в ответе «рыцарству», который привез Тышкевич, самозванец заявил, что готов заплатить войску по 20 злотых на всадника сразу же после прибытия в Калугу. Но при условии, что «рыцарство» само накажет «изменников» и приведет к нему «царицу». Все остальные долги он обязался выплатить, согласно прежним записям, «при первой возможности». Помимо этого самозванец обещал немедленно выпустить всех пленных поляков и со временем возместить им все убытки. Он также согласился вступить в переговоры с королем[38]. В результате этого демарша, самозванцу удалось вернуть под свои знамена воинов Хруслинского и

Яниковского[39]. Посланная Лжедмитрием II в Волоколамск 7 (17) апреля 1610 г. грамота помогла ему заполучить солдат Каменского и Быховца[40].

Ситуация коренным образом изменилась в мае 1610 г., когда Сигизмунд III принял на службу наиболее боеспособные полки и роты гусар А. Зборовского, А. Млоцкого, С. Копычинского, Бобовского, М. Мархоцкого, Б. Ланцкоронского, М. Вилямовского и Ружинского и казаков Рудницкого, Котовского, Ошанского, состоявшие из представителей знати[41]. Несравненно большая и «худородная» часть бывшего наемного войска самозванца осталась ни с чем. Им было предложено начать служить королю без всяких условий[42]. Солдаты, как видно из показаний Й. Будилы, сразу же по получении ответа короля 16 (26) мая 1610 г. отправили посольство к царику[43]. Вскоре был получен ответ. Лжедмитрий II настаивал на том, чтобы войско составило полный перечень солдат и приняло новую конфедерацию, в которой обязалось служить ему верой и правдой до тех пор, пока их не отпустят. В свою очередь царик обещал прислать солдатам в Прудки или в Медынь по 30 злотых на каждого конного, за исключением молодых «товарищей», а в дальнейшем оплатить все свои старые долги, в том числе и за первые месяцы 1610 г., когда войско фактически ему не служило. Он обещался обеспечивать солдат провиантом и фуражом без задержки и выпустить всех пленных поляков[44]. Привлекает внимание тот факт, что в предложениях Вора не говорилось ничего конкретного об оплате прежних долгов войску после взятия Москвы и не было и речи о передаче им Рязанской и Северской земель в случае задержки выплат. Обязательство своевременно обеспечивать солдат провиантом и фуражом свидетельствует, что руководители движения Лжедмитрия II учли печальный опыт прошлого и стремились не допустить в дальнейшем воссоздания системы приставств.

Предложения царика, по-видимому, вызвали взрыв энтузиазма у солдат. Остатки тушинского «рыцарства» потянулись в лагеря Хруслинского, Яниковского, Каменского, Быховца в Прудки и в Медынь[45]. Бывший гетман самозванца Я.П. Сапега, побывав у короля под Смоленском и ничего у него не добившись, откликнулся на предложение самозванца вернуться к нему на службу. В своем письме 21 (31) мая 1610 г. Лжедмитрий II

обещал щедро наградить своего бывшего гетмана, но при этом проявил осторожность в вопросах выплаты жалования солдатам. Изъявляя готовность платить тем, «кто для нас сейчас поднялся», он счел необходимым уведомить, что «за все давние издержки и заслуги жаловать не будем»[46]. Я. Сапега прибыл к солдатам на Угру 6 (16) июня 1610 г. с полком в 1000 солдат[47].

Современники свидетельствуют, что в течение 1608—1609 гг., когда основной ареной боев гражданской войны были центральные и северо-восточные уезды России, местное население смогло частично восстановить разоренное хозяйство. Переход позволил решить проблему снабжения наемного войска[48]. Помимо этого, заняв устье Угры, наемники разъединили основные силы Лжедмитрия II и Сигизмунда III и получили возможность спокойно торговаться и с тем и с другим.

Буквально накануне приезда Я. Сапеги в войске, по свидетельству Й. Будилы, побывал Лжедмитрий II, который привез деньги для найма солдат, но их оказалось недостаточно. Солдаты взбунтовались, и самозванец вернулся в Калугу, оставив в качестве заложников некоторых своих «бояр» и пообещав, что скоро привезет оставшуюся сумму[49]. Узнав о прибытии Я. Сапеги, М. Мнишек тотчас прислала ему письмо, в котором не скрывала своей радости по поводу возвращения бывшего гетмана к ним на службу и изливала потоки благодарности[50]. Царик в своем письме был более сдержан. Он благодарил Я. Сапегу за принятое решение, но при этом спросил: правильно ли он понял, что бывший гетман собирается вновь ему служить? Тут же он счел необходимым предупредить, что в нынешней ситуации не может оплатить солдатский труд из-за «недостатка скарба»[51]. Я. Сапеге довольно быстро удалось стать новым гетманом наемного войска самозванца: 15 (25) июня за него проголосовало Войсковое собрание, а 18 (28) июня 1610 г. царик утвердил его в должности[52]. Сложнее оказалось уговорить солдат служить без выплаты хотя бы обещанных самозванцем подъемных по 30 злотых на каждого конника. В письме 19 (29) июня 1610 г. Лжедмитрий II умолял своего новоиспеченного гетмана успокоить бунт солдат. Он писал, что уже отправил часть денег, а остальное клялся прислать «через некоторое время в будущем»[53]. Наученные опытом солдаты не поддавались на уговоры. В разгар всех этих смут из стана самозванца к

В. Шуйскому бежал некий кн. Мосальский, который сообщил московским властям о том, что творится в лагере на Угре. По нашему предположению, это был кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский, который вскоре получил пожалования у Сигизмунда III[54].

§ 4. Второй поход Лжедмитрия II на Москву

24 июня (4 июля) 1610 г. гетман С. Жолкевский в сражении у Клушина разгромил союзническое русско-шведское войско, а через несколько дней заставил капитулировать в Цареве Займище правительственный отряд Г. Валуева. Ситуация в стране радикально изменилась. В один день бездарный брат царя Василия кн. Д. Шуйский потерял с таким трудом воссозданную кн. М.В. Скопиным-Шуйским и Ф.И. Шереметевым правительственную армию и утратил плоды их побед. Дорога на Москву для польского войска и отрядов самозванца была открыта. В отчаянии, Василий Шуйский звал на помощь шведов и крымцев, но все понимали, что его уже ничто не может спасти. 24 июня (4 июля) 1610 г. Лжедмитрий II прибыл в стан на Угре. В ходе пятидневных переговоров выяснилось, что царик не может дать солдатам свыше тех 50 тыс. злотых, которые он уже раздал. Самозванец умолял солдат довольствоваться полученными от него по шесть злотых на конного и обещал рассчитаться, как только сможет собрать необходимую сумму[55]. В разгар этих увещеваний Лжедмитрий II, по данным дневника Я. Сапеги, получил грамоты «патриарха» и бояр из Москвы, в которых сообщалось, что жители столицы готовы целовать ему крест[56]. Нет сомнений, что этим «патрирхом» и боярами являлись Филарет Романов и бывшие тушинские бояре. Перспектива получить, наконец, царскую казну и сокровищницу произвела на солдат магическое действие. Все споры вокруг жалования завершились и 30 июня (10 июля) 1610 г. царик и его солдаты отправились в поход на Москву[57].

Наемное войско самозванца, по данным Й. Будилы, было уряжено на четыре полка: Гетманского — 300 казаков, 600 пятигорцев, и 100 гусар[58]; А. Хруслинского — 200 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; С. Тышкевича — 100 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; Й. Будилы — 400 казаков, 600 пятигорцев и 200 гусар[59]. В Дневнике Я. Сапеги упоминаются также два полка

запорожцев Костенецкого и Дуршлака, по каким-то причинам не учтенные мозырским хорунжим[60]. Выявленные данные полностью подтверждают наблюдение С. Маскевича, который, характеризуя войско, собравшееся на реке Угре, написал в своих записках: «все сброд: шляхты мало, только была она в гусарских хоругвях, коих считалось также немного, а именно две хоругви самого пана Сапеги, хоругви Каминского, Будилы, Стравинского и Таляфуса. Зато казаков было без числа»[61]. Учитывая, что средняя численность запорожских полков составляла примерно 600 человек[62], можно предположить, что в наемном войске самозванца служило около 5 тыс. воинов. Вместе с отрядами русских приверженцев самозванца оно представляло серьезную силу.

Источники не подтверждают гипотезу Н.И. Костомарова, что инициатива похода на Москву принадлежала Я. Сапеге[63]. Во время похода русское и наемное войска самозванца двигались отдельно друг от друга[64]. Царик и его бояре, как видно, не желали повторять ошибок прошлого и становиться заложниками иноземных солдат. Калужский режим отличался от Тушинского тем, что созданные здесь институты государственной власти пока не были подконтрольны иноземным солдатам. В действиях калужского руководства четко просматривалось стремление установить государственный порядок в традиционных для России формах, который бы являлся альтернативой Московскому. Вместе с тем нельзя не видеть, что появление под знаменами самозванца наемного войска создало те же проблемы, что и ранее в Тушине и у М.В. Скопина-Шуйского. Содержание наемного войска требовало огромных сумм, которые невозможно было собрать в разоренной стране на территориях, контролируемых самозванцем. В ожидании «заслуженного» солдаты были готовы грабить и убивать без всякой жалости жителей захватываемых ими городов и сел, несмотря на все просьбы и увещевания царика «беречь» его подданных.

Жители Медыни целовали крест Лжедмитрию II сразу после Клушинской битвы 27 июня (7 июля) 1610 г. еще до выступления войска самозванца в поход, поэтому оно миновало город без особых осложнений как для солдат, так и для горожан. Здесь войско пополнилось отрядом донских казаков, которые были освобождены С. Жолкевским из тюрьмы в Можайс-

ке[65]. Боровчане в отличие от медынцев отказались присягнуть царику и жестоко за это поплатились. Они вместе с воеводой кн. М.К. Волконским сели в осаду в Пафнутиево-Боровском монастыре. Волею случая игуменом монастыря являлся «старый знакомый» Я. Сапеги по троицкой осаде, бывший архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иоасаф, недавно переведенный Василием Шуйским на эту должность. Иоасаф, как прежде в Троице-Сергиевом монастыре, убедил братию, дворян и стрельцов сесть в осаду и дать отпор врагу. Казалось, история повторяется, но на этот раз исход борьбы оказался иным. После трех неудачных попыток захватить монастырь, сапежинцы предприняли решительный штурм крепости 5 (15) июля 1610 г. В критический момент боя второй и третий воеводы Яков Змеев и Афанасий Челищев допустили оплошность. Они не успели вовремя закрыть ворота крепости. Враги ворвались в монастырь. Началось избиение застигнутых врасплох монахов и мирян. Воевода Михаил Волконский с мечом в руках в одиночку встал против врагов в воротах собора, в отчаянии пытаясь защитить святыни, молящихся монахов, стариков, женщин, детей. Он дрался как лев и пал под саблями врагов, изнемогая от усталости и ран у левого крылоса. Поляки ворвались в собор и учинили резню. Игумен Иоасаф вместе с другими принял мученическую смерть у гроба св. Пафнутия Боровского. В Дневнике сохранилась собственноручная помета Яна Сапеги: «чернецов осталось 9 человек из 80, прочих убито 4000 человек». Наемники до нитки ограбили город и монастырь, не пощадив раки Пафнутия Чудотворца[66].

После захвата Боровска отряды Лжедмитрия II открыли себе дорогу на Москву, стены которой могли достичь по Калужской дороге за несколько переходов. Однако вместо того, чтобы двигаться дальше по прямой дороге, войско самозванца неожиданно повернуло и вышло сначала на Серпуховскую, а затем и на Коломенскую дорогу, потеряв на продвижении к Москве обходными путями 10 дней[67]. Секретари Я. Сапеги постарались объяснить причину этого маневра стремлением гетмана разгромить приглашенное В. Шуйским 20 тыс. войско крымских татар во главе с царевичем Баты-Гиреем. После безуспешных попыток Я. Сапеги в течение 11 (21)—15 (25) июля 1610 г. навязать бой крымцам, выяснилось, что они ушли в степи[68].

Секретари гетмана, по-видимому, умолчали о главной причине предпринятого маневра. В Боровске отряды самозванца вплотную приблизились к наступавшему к Москве из Можайска войску С. Жолкевского. Стало ясно, что у самозванца в борьбе за столицу имеется опасный соперник и вот-вот могут вспыхнуть открытые столкновения между польскими и воровскими полками. Я. Сапегу и его солдат, надеявшихся в конце концов уладить отношения с королем и вернуться на родину, такое развитие событий явно не устраивало. Страсти настолько накалились, что, как видно из записей Дневника Я. Сапеги, царик выступил из Боровска 8 (18) июля 1610 г., оставив свое наемное войско. Я. Сапега день спустя был вынужден его догонять. 10 (20) июля 1610 г. Я. Сапега созвал Войсковое собрание[69]. Нам удалось обнаружить артикулы этого собрания среди бумаг Ску-Клостерской коллекции польских рукописей в Швеции. Солдат, как видно из артикулов, волновал только один вопрос — как получить заслуженное. Они прекрасно понимали, что дальнейшая служба самозванцу чревата для них разрывом всяких отношений с родиной, но и возвращение к Сигизмунду III ничего не решало, так как король уже неоднократно отказывался им платить. Выход солдаты видели в том, чтобы принудить самозванца «бить челом» королю о вассалитете. Если русские люди признают Сигизмунда III, то «обманщик», как вассал короля, может получить удел в Польше или Литве и рассчитаться с солдатами. Если же русские люди признают царика, то его вассальная зависимость позволит избежать войны с королем и даст возможность выплатить наемникам их деньги. «Обманщик», выслушав эти речи заявил солдатам, что не сможет расплатиться с ними, если не займет Москвы[70]. Прекрасно понимая, что буквально у ворот столицы может остаться без доброй половины своего войска, царик дал солдатам ассекурацию — долговые обязательства. Документ также пока не отыскан, но, судя по записям дневника Я. Сапеги, он повторял сентябрьскую 1610 г. ассекурацию самозванца. Самозванец поклялся урегулировать отношения с королем, наградить солдат в течение десяти дней после взятия столицы, а если же произойдет задержка, передать солдатам доходы с Рязанской и Северской земель[71]. По настоянию Я. Сапеги к С. Жолкевскому были отправлены послы наемного войска, которые должны

были известить коронного гетмана, что вскоре к Сигизмунду III приедет посольство Лжедмитрия II с просьбой не захватывать те крепости, которые «рыцарство добыло своею кровью»[72]. История с наемным войском самозванца повторялась, но уже в виде фарса.

Неурядицы в наемном войске едва не привели к разгрому отрядов самозванца. Крымские татары, которых «наводили» посланные В. Шуйским бояре кн. И.М. Воротынский, Б.М. Лыков и окольничий А.В. Измайлов 10 (20) июля 1610 г. атаковали Лжедмитрия II и его солдат. «Воровские» полки, по словам Нового летописца, «едва усидели в своих таборах на реке Наре». Стычки продолжались четыре дня. Затем татары, сославшись на то, что у них кончился корм, ушли за Оку[73]. Новый летописец отметил, что бояре кн. И.М. Воротынский, кн. Б.М. Лыков и окольничий А.В. Измайлов «отидоша к Москве, едва снаряд везоша от воровских людей»[74]. Секретари Я. Сапеги пояснили причину боярских затруднений. Суходом крымчаков правительственный отряд попросту развалился и большая его часть 15 (25) июля 1610 г. явилась к Лжедмитрию II[75]. Стычки с крымчаками и их преследование помогли Я. Сапеге уклониться от столкновений с солдатами С. Жолкевского и выйти к Москве с юга по Коломенской дороге 16 (26) июля 1610 г.[76]

§ 5. Борьба за Москву

Появление Вора у стен Москвы и известие о приближении войска С. Жолкевского вызвали волнения народа в столице. Все, кроме патриарха Гермогена, понимали, что царь Василий не может противостоять ни войску С. Жолкевского, ни отрядам самозванца и что нужно делать выбор между королевичем Владиславом и Лжедмитрием II, за которыми была реальная сила. Начались отъезды дворян и детей боярских в воровские таборы. Серпухов целовал крест Вору[77]. Современники, находившиеся в то время в разных лагерях (А. Палицын, информаторы Нового летописца, секретари Я. Сапеги), свидетельствуют, что между приверженцами самозванца и жителями Москвы шли спонтанные переговоры, в ходе которых «воровские» бояре предложили одновременно низложить В. Шуйского и Лжедмитрия II, а затем выбрать царя всею землею[78].

Как видно, они учли опыт многочисленных попыток свержения В. Шуйского и предложили решение, которое устраивало всех: и приверженцев царика, и королевича, и князей Голицыных. В Москве собрался импровизированный земский собор, в котором в отличие от февральских событий 1609 г. приняли участие бояре во главе с кн. И.М. Воротынским. Царь Василий Шуйский, несмотря на протесты патриарха Гермогена, был низложен. Новый летописец целиком возложил ответственность за созыв собора и низложение царя на приверженцев Голицыных, рязанских дворян Ляпуновых[79]. Секретари Я. Сапеги указали, что в событиях самое активное участие приняли «думные бояре Масальский и Салтыков», которые 17 (27) июля 1610 г. сообщили приверженцам самозванца, что царь Василий свергнут и предложили принять участие в обсуждении москвичами будущего Государства Московского[80]. Этими «думными боярами», по всей видимости, были бывшие тушинцы, а ныне слуги короля: кн. В.М. Рубец-Мосальский и М.Г. Салтыков, которые прибыли в столицу, чтобы посадить на трон своего кандидата.

Лжедмитрий II и его бояре поняли, что пробил их час и, во избежание эксцессов сделали шаг, который, по их мнению, должен был разрешить их проблемы с «рыцарством» и урегулировать отношения с королем. Самозванец написал письмо Я. Сапеге, в котором соглашался признать себя вассалом короля в обмен за помощь в занятии Московского престола. Царик поклялся платить за это в течение десяти лет ежегодно 300 тыс. злотых королю, 300 тыс. злотых в казну Речи Посполитой, 100 тыс злотых королевичу, обязался «за свой кошт» завоевать для Речи Посполитой Ливонию, дать 15 тыс. воинов королю для завоевания Швеции и «стоять против любого врага» Польши и Литвы. Только о будущем Северской земли самозванец просил вести в дальнейшем переговоры[81]. Самозванец и его окружение были готовы на все, лишь бы достичь заветной цели. Наемное войско приняло с энтузиазмом предложение самозванца и устроило собрание, на котором постановило направить посольство к королю. Лжедмитрий II и Я. Сапега составили для него Кондиции, из которых видно, что «рыцарство» поддержало предложенный самозванцем проект. Два дня спустя, войско составило конфедерацию, которая постановила не отступать ни при каких условиях от принятых решений[82].

Весть о том, что «воровские» люди, вместо того, чтобы низложить Лжедмитрия II, требуют, чтобы москвичи принесли ему присягу, вызвала 18 (28) июля 1610 г. замешательство в Москве[83]. Патриарх Гермоген призвал москвичей вернуть престол царю Василию, но такое развитие событий не устраивало слишком многих. 19 (29) июля 1610 г. Василий Шуйский был насильно пострижен[84]. 20 (30) июля 1610 г. жители Коломны, ранее твердо стоявшие за В. Шуйского, несмотря на протесты епископа Иосифа, целовали крест самозванцу. Местные воеводы, бояре кн. М.С. Туренин и кн. Ф.Т. Долгорукий вошли в Воровскую думу. Новым коломенским воеводой самозванец назначил «боярина» М.И. Колодкина-Плещеева[85]. Однако неоднократные попытки убедить жителей столицы принять царика ни к чему не привели[86].

22 июля (1 августа) 1610 г. к стенам Москвы по Смоленской дороге подошло войско С. Жолкевского. Между гетманом и московскими боярами начались переговоры, завершившиеся подписанием 17 (27) августа 1610 г. договора об избрании королевича Владислава. Ход этих переговоров и обстоятельства заключения соглашения достаточно хорошо изучены[87], поэтому мы сочли возможным ограничиться анализом взаимоотношений С. Жолкевского и москвичей с Лжедмитрием II и его приверженцами. В день прихода коронного гетмана к столице в стан «рыцарства» вернулись послы, отправленные наемниками к С. Жолкевскому еще из окрестностей Боровска. Они сообщили, что гетман и его солдаты не собираются нападать и занимать замки, отвоеванные солдатами у приверженцев В. Шуйского, и что он уважает заслуги войска[88]. Ответ гетмана успокоил солдат. На Войсковом собрании 23 июля (2 августа) 1610 г. они выбрали новых послов: Яниковского, Казимирского и Билинского, которые должны были передать Кондиции Лжедмитрия II относительно будущего России[89]. Я. Сапега написал письмо С. Жолкевскому, в котором просил гетмана пропустить послов к королю без задержки и извещал, что убедили царя пойти на большие уступки Речи Посполитой[90]. Гетман заявил в ответном послании, что рад желанию «рыцарства» быть с ним и с королем в совете и согласии, что немедленно отправит послов к Сигизмунду III и надеется, что они будут приняты хорошо[91]. Я. Сапега тотчас написал еще одно письмо, в кото-

ром просил С. Жолкевского высказать свое мнение относительно предложений рыцарства и их нынешних действий[92]. Дипломатичный С. Жолкевский в день начала переговоров с московскими боярами в ответном письме Я. Сапеге заявил, что, в принципе, не возражает против предложенных сапежинцами проектов принятия Лжедмитрием II вассальной зависимости от короля. Решать королю и москвичам. Лично его не устраивает неопределенность статуса Северской земли. Нужно, чтобы самозванец передал ее Речи Посполитой[93]. 28 июля (7 августа) 1610 г. Я. Сапега предложил С. Жолкевскому разграничить места сбора продовольствия для обоих войск. Его «рыцарство» должно было собирать «корм» к югу от столицы, а солдаты коронного гетмана — к северу[94].

Иначе складывались отношения между приверженцами самозванца и московскими властями. После обмана 17—18 (27—28) июля 1610 г. москвичи несколько дней отказывались принять гонца Я. Сапеги Лазовского с письмом, в котором гетман призывал горожан целовать крест Лжедмитрию II. Стоило у стен столицы появиться войску С. Жолкевского, как бояре 23 июля (2 августа) 1610 г. дали Лозовскому письмо, в котором написали, чтобы наемные солдаты «перестали воровать в их земле и чтобы пошли в Литву»[95]. С этого момента отношения Лжедмитрия II и «воровских» бояр с москвичами окончательно испортились. Начались стычки между москвичами и приверженцами самозванца, 31 июля (10) августа 1610 г. гарнизон Симонова монастыря неожиданно атаковал лагерь сапежинцев[96].

Отношения между цариком и рыцарством резко изменились, когда из таборов С. Жолкевского бежал атаман И. Заруцкий, раздосадованный тем, что коронный гетман назначил командиром находившегося под его знаменами русского войска не его, а И.М. Салтыкова[97]. Видимо, атаман рассказал Лжедмитрию II и его боярам о том, что переговоры С. Жолкевского с московскими боярами идут весьма успешно и к чему могут привести теплые отношения между солдатами коронного гетмана и сапежинцами. Тотчас между Лжедмитрием II и рыцарством начались размолвки. На Войсковом собрании 29 июля (8 августа) 1610 г. присланный цариком Г. Сумбулов обвинил некоторых солдат в том, что они замышляют выдать его С. Жолкевскому, что сапежинцы свободно ездят в обоз его врагов и

даже поставляют туда продовольствие и фураж. «Рыцарство» было вынуждено послать своих представителей к царику с объяснениями. Собрание запретило солдатам ездить в таборы С. Жолкевского и доставлять туда продукты и фураж[98].

Уладив конфликт, Лжедмитрий II и Я. Сапега предприняли попытку захватить Москву. Они прекрасно знали, что мнения москвичей разделились. Бояре, дворяне и верхи посада, по свидетельству находившегося в коронном войске С. Маскевича, стремились заключить договор с С. Жолкевским об избрании королевича Владислава. Чернь же хотела присягнуть самозванцу[99]. Царик и его окружение надеялись, что, ворвавшись в город, можно будет решить исход борьбы в Москве в свою пользу. Предполагалось, что часть наемных полков под командованием Й. Будилы на рассвете 2 (12) августа 1610 г. атакует Серпуховские ворота столицы и отвлечет внимание москвичей. Тем временем Лжедмитрий II, совершив ночной переход к Троицкой дороге, должен был ворваться в Москву через Красное село. Приверженцы самозванца вновь пытались использовать тот же маневр, что и казаки атамана Корелы в 1605 г., И.И. Болотников в 1606 г. и сам царик в 1608 г. Вероятно, автором этого плана являлся И.М. Заруцкий.

Замысел Лжедмитрия II и его советников не удался. Царик и русские отряды его войска не успели к назначенному сроку выйти на исходные позиции. С рассветом фактор внезапности был утрачен. Находившиеся в Москве правительственные отряды отбили нападение «воровских» отрядов. Воеводы И.М. Салтыков и Г. Валуев, командовавшие русскими полками в войске С. Жолкевского, несмотря на запрет коронного гетмана, пришли на помощь москвичам и помогли отбросить сапежинцев от стен столицы[100].

Нападение И.М. Салтыкова и Г. Валуева всерьез раздосадовало Я. Сапегу и его солдат. Они направили к С. Жолкевскому послов с инструкцией, в которой с возмущением писали, что гетман коронный вопреки прежним договоренностям позволил русским отрядам напасть на «рыцарство» и тем самым нарушил добрые отношения между земляками в обоих войсках. Наемники потребовали, чтобы С. Жолкевский, если хочет в дальнейшем сохранить с ними добрые отношения, письменно подтвердил «заслуги рыцарства»[101]. Коронный гетман ответил,

что у него и в мыслях не было покушаться на свою «братию». Всему виной И.М. Салтыков и Г. Валуев, которые действовали вопреки его запрету, и он готов был их за это покарать, но его упросили не делать этого. С. Жолкевский вновь подтвердил, что, если москвичи признают Владислава, то король даст удел ЛжедмитриюII, а если столица сдастся царику, то король примет предложенные им условия. В своем ответе коронный гетман назвал Лжедмитрия II царем и заявил, что готов дать письменные гарантии «рыцарству» в «заслуженном»[102]. Ему удалось усыпить бдительность сапежинцев и форсировать переговоры с боярами.

Неудачная попытка Лжедмитрия II и его солдат ворваться в Москву, по данным, собранным секретарями Я. Сапеги, вызвала волнения народа в столице. Однако боярам удалось довольно быстро овладеть ситуацией. 6 (16) августа 1610 г. в лагерь сапежинцев явились из Москвы до 3 тыс. холопов, которых гетман самозванца приказал загнать в столицу обратно[103]. Прошло три дня, и холопы явились вновь. На этот раз солдаты были вынуждены их разобрать между собой[104]. Из Москвы в стан сапежинцев приходили противоречивые сведения. Перебежчики то сообщали, что москвичи не хотят Лжедмитрия II и вот-вот поцелуют крест Владиславу, то давали совершенно противоположные сведения[105]. 10 (20) и 14 (24) августа 1610 г. Лжедмитрий II и его солдаты пытались прорваться в Москву, но правительственные отряды неизменно давали им отпор. В одной из стычек был ранен И.М. Заруцкий[106]. В конце концов Лжедмитрий II и сапежинцы проиграли борьбу за Москву. С. Жолкевский и бояре заключили 17 (27) августа 1610 г. договор об избрании королевича Владислава на русский престол, Москва присягнула королевичу[107]. Парадокс заключался в том, что к тому времени Лжедмитрию II присягнуло население многих городов и сел, в том числе ранее упорно боровшихся с ним: Серпухов, Коломна, Кашира, Суздаль, Владимир, Юрьев-Польский, Галич, Ростов. Подтвердили готовность стоять за него до конца жители Пскова, Великих Лук, Ивангорода[108]. К началу сентября 1610 г. северяне отбили у поляков Козельск, Мещовск, Почеп и первую столицу самозванца Стародуб[109]. Русская провинция видела в царике и его солдатах единственную силу, способную спасти страну от вторжения иноземцев.

§ 6. Распад Коломенского лагеря самозванца

В сответствии с договором С. Жолкевский должен был добиться ухода от Лжедмитрия II Я. Сапеги и его солдат и отогнать царика от Москвы. Но выполнить эту статью договора коронному гетману оказалось не просто. 18 (28) августа 1610 г. он прислал к сапежинцам послов ротмистров Олизара и Малицкого. Я. Сапега, опасаясь, что шкловский бродяга, узнав о прибытии послов С. Жолкевского, даст деру, тотчас отправил к нему войскового маршалка Чарнецкого, который должен был убедить его остаться. Царик согласился, но на всякий случай укрылся в Николо-Угрешском монастыре. Его внезапный отъезд вызвал панику в русских таборах. «Воровские» бояре и дворяне начали отъезжать в Москву. Я. Сапега был вынужден срочно послать в Николо-Угрешский монастырь пана Побединского, чтобы упросить царика вернуться, но тот уже сам поспешил в свои таборы и успокоил своих воинов[110]. В тот день произошел еще один инцидент, который обострил и без того не простые отношения между наемниками и русскими тушинцами. Самозванец, заметив, что наемники вступили в переговоры с вышедшими из Москвы дворянами, приказал своим служилым людям и казакам дать по ним залп и атаковать. Произошла стычка, которая сорвала намеченное на тот день Войсковое собрание[111].

Войсковое собрание Я. Сапеге удалось созвать 20 (30) августа 1610 г. Послы С. Жолкевского объявили солдатам об избрании королевича Владислава и уведомили солдат, что в соответствии с прежними договоренностями коронный гетман не будет претендовать на их «заслуги». Они просили сапежинцев отступить от Москвы. Но солдаты не хотели об этом и слышать до решения вопроса о расчете с ними. После долгих споров, в которых приняли участие думные дьяки Лжедмитрия II П.А. Третьяков и Н.В. Лопухин[112], сапежинцы решили не уходить от Москвы, пока не будут урегулированы отношения с королем и потребовали, чтобы царик сделал это как можно быстрее[113].

Строптивость сапежинцев поставила С. Жолкевского в чрезвычайно затруднительное положение. Московские бояре настоятельно требовали, чтобы гетман изгнал царика и его

солдат от столицы, в противном случае только что подписанное соглашение могло превратиться просто в бумагу. Коронный гетман, по-видимому, решил подтолкнуть сапежинцев выполнить его требования, устроив демонстрацию силы, а за одно показать боярам свою готовность соблюдать достигнутое соглашение. Он вывел свое войско в поле перед таборами Лжедмитрия II. Из Москвы к нему на помощь вышел кн. Ф.И. Мстиславский с 15 тыс. русских воинов. Я. Сапега в ответ приказал своим отрядам построиться в боевой порядок, демонстрируя коронному гетману и боярам желание стоять на своем вплоть до сражения. Демонстрации едва не переросли в сражение, так как между русскими отрядами с той и с другой стороны начались стычки. Чтобы избежать боя, С. Жолкевский предложил Я. Сапеге встретиться перед войсками и решить вопрос миром. Между обоими гетманами произошли бурные объяснения. В конце концов С. Жолкевский и Я. Сапега договорились и отдали приказ своим войскам вернуться в их лагеря, а сами продолжили переговоры с участием А. Гонсевского, маршалка Чарнецкого и полковников. Убеждая сапежинцев отойти от столицы, С. Жолкевский написал Я. Сапеге и его солдатам рескрипт: если Лжедмитрий II присягнет королю, то тот его может пожаловать уделом в Самборе или Гродно. В случае отказа коронный гетман предлагал Я. Сапеге захватить царика и передать ему, чтобы он мог отвезти «обманщика» к королю, как братьев Шуйских[114]. С. Жолкевский явно блефовал, пытаясь любой ценой спровадить сапежинцев из-под столицы. Он прекрасно знал, что король и сенаторы на переговорах под Смоленском потребовали возвращения солдат на службу на прежних условиях[115]. Сапежинцы приняли предложение С. Жолкевского и отправили к Лжедмитрию II послов Быховца и Побединского, которые должны были его убедить смириться с избранием на русский престол королевича Владислава и принять условия, предложенные ему коронным гетманом. Царик, по словам секретарей Я. Сапеги, гордо ответил послам, что «лучше ему служить холопом, добывая трудом кусок хлеба, нежели получать его из рук Короля»[116]. М. Мнишек, как свидетельствует С. Жолкевский, с издевкой заявила: «Пусть король уступит царю Краков, а царь отдаст королю Варшаву»[117].

Усыпив бдительность сапежинцев переговорами, С. Жолкевский 27 августа (6 сентября) 1609 г. с наступлением сумерек провел своих солдат по улицам Москвы и вплотную подступил к монастырю[118]. Я. Сапега, как видно из записей его секретарей, ничего не подозревал. Ему в самый последний момент донесли, что из Москвы вышло русское войско, которое намеревается напасть на Николо-Угрешский монастырь. Гетман самозванца тотчас отправил к нему на помощь два полка, но в дороге солдаты встретили В. Валевского, который сообщил, что самозванец с М. Мнишек и своим двором бежал[119]. С. Жолкевский вспоминал в своих Записках, что его замысел сорвал некий москвич, вовремя предупредивший самозванца[120]. Почувствовав себя хозяином положения, С. Жолкевский вызвал к себе Я. Сапегу для обьяснений. Гетман самозванца имел возможность лично убедиться, что на царика нападали не москвичи, а полки коронного войска[121]. В сложившейся ситуации сапежинцам ничего не оставалось как договариваться с королем и коронным гетманом.

§ 7. Калужский лагерь в сентябре-декабре 1610 г.

К. Буссов сообщил, что в Калугу Лжедмитрий II явился с несколькими сотнями донских казаков и романовских татар[122]. Большая часть русского воровского войска осталась брошенной в Коломенском и должна была решать, как быть дальше. Сюда тотчас явился М.Г. Салтыков, который стал убеждать воинов самозванца присягнуть королевичу Владиславу[123]. Мнения «воровских» людей, как отметил Й. Будила, разделились: знать склонялась к тому, чтобы присягнуть Владиславу, а небогатые дети боярские и казаки хотели вернуться к Лжедмитрию II[124]. С. Жолкевский вспоминал, что на следующий день после бегства царика к нему пришли «воровские» бояре, которые изъявили готовность целовать крест Владиславу и умоляли гетмана оставить их «в сенаторском» звании, так как были уверены, что столичные бояре лишат их думных чинов[125]. Источники позволяют установить имена «воровских думцев», вернувшихся на московскую службу: бояре кн. М.С. Туренин, Ф.Т. Долгорукий, А.Ю. Сицкий, А.А. Нагой, окольничие кн. Ф.П. Засекин, Ф.К. Плещеев-Смердов, Г. Сумбулов и думный

дьяк П.А. Третьяков[126]. Опасения думцев самозванца вскоре подтвердились. Все они были включены в боярский список 1610/11 гг. в званиях, которые они имели в Государевом дворе до бегства в Тушино или Калугу[127]. Московские бояре обратились с письмом к гетману Я. Сапеге с просьбой не препятствовать проведению присяги находившихся в его таборах русских людей[128]. Секретари Я. Сапеги отметили в Дневнике, что донские казаки, присягнув королевичу Владиславу 6 (16) сентября 1610 г., уже 11 (21) сентября 1610 г., улучив момент, ушли в Калугу[129]. Прочих служилых людей боярин М.А. Нагой и постельничий С. Шапкин привели к кресту 10 (20) сентября 1610 г.[130]

После бегства самозванца города и уезды, жители которых присягнули Лжедмитрию II, вслед за Москвой целовали крест Владиславу. Характеризуя ситуацию в России на момент своего отъезда из Москвы, С. Жолкевский указал, что царика поддерживали только некоторые Северские города. Позиция Астрахани, по его данным, не была ясна, а Псков колебался[131]. Нарисованная гетманом картина не совсем точна. Царика поддерживала Калуга и другие заоцкие города[132], польские города[133], Арзамас и некоторые низовые города[134], Астрахань[135]. Вплоть до конца 1610 г. царика поддерживали жители Пскова, Великих Лук, Иваногорода с близлежащими крепостями[136].

По возвращении в Калугу при Лжедмитрии II тут же была воссоздана Воровская дума. Ее члены в боярский список 1610/11 гг. не попали, что дает возможность определить, кто из «воровских» думцев сохранил верность самозванцу. Это бояре кн. Ф.П. Барятинский, М.М. Бутурлин, И.М. Заруцкий; кн. И.П. и С.П. Засекины, С.Г. Звенигородский, И.Ф. Наумов, И.В. Глазун-Плещеев, Ф.М. Плещеев (воевода Великих Лук и Пскова), М.И. Колодкин-Плещеев, Д.Т. Трубецкой, И.Д. Хворостинин (воевода Астрахани), Д.М. Черкасский, Г.П. Шаховский; окольничие кн. Д.И. Долгорукий, Б.И. Сутупов; думные дворяне И.В. Бегичев-Дубина, И.И. Загряжский; думные дьяки Н.В. Лопухин, И.Л. Луговской (дьяк в Пскове), Д.Т. Рындин[137]. В результате происшедших изменений из Калужской думы окончательно ушли люди, связанные с Филаретом Романовым, М.Г. Салтыковым и кн. В.М. Рубцом-Мосальским, а также бывшие приверженцы В. Шуйского, пытавшиеся найти свое место

при «воровском» дворе. В думе самозванца явно возобладали представители родов, хранивших традиции опричной среды. Вождями Воровской думы остались кн. Г.П. Шаховский, Д.Т. Трубецкой, С.Г. Звенигородский, М.М. Бутурлин. Видное место при дворе царика заняли И.В. Глазун-Плещеев и П. Урусов[138].

Первое, что сделали Лжедмитрий II и его бояре, оказавшись в Калуге, вновь взялись за воссоздание своего войска. Его первоначальный костяк, по-видимому, составили служилые люди и казаки, ушедшие из Коломенского лагеря в Калугу[139]. 19 (29) сентября 1610 г. к Лжедмитрию II отъехал Касимовский царь[140]. Стали скапливаться в Калуге наемники. В источниках упоминается полковник Я. Кернозицкий[141]. Новым гетманом самозванца стал В. Валевский, которого С. Жолкевский отправил в Калугу, чтобы убедить царика пойти на соглашение с королем[142]. К исходу осени самозванец, по сведениям секретарей Я. Сапеги, располагал 3 тыс. русских ратников, 500 татарами и 1 тыс. наемников[143].

Какое-то время царик и его жена надеялись, что им удастся вернуть на службу сапежинцев. Согласившись поступить на службу к королю, сапежинцы, по данным Дневника Я. Сапеги и Запискам С. Жолкевского, на своих совещаниях выдвигали все новые и новые требования. Они настаивали на том, чтобы гетман полностью уравнял их в правах со своими воинами и разрешил войти в столицу[144]. Фуражиры наемников беззастенчиво грабили жителей окрестных сел и деревень. В ответ в Подмосковье начало разворачиваться партизанское движение шишей. В записи 30 августа (9 сентября) 1610 г. секретари Я. Сапеги сообщили о настоящем бое между наемниками и шишами, в котором «легло» до двухсот человек[145]. Ситуация могла вообще выйти из-под контроля 31 августа (10 сентября) 1610 г., когда послы войска, Яниковский с товарищами, вернулись от короля из-под Смоленска. Они привезли неутешительный для солдат ответ. Сигизмунд III и сенаторы решительно отвергли предложенные «рыцарством» проекты. Они по-прежнему отказывались иметь дело со шкловским бродягой и требовали, чтобы солдаты вернулись на королевскую службу без всяких условий[146]. Жесткие требования Сигизмунда III и его советников фактически дезавуировали все обещания солдатам С. Жолкевс-

кого, что грозило новым бунтом и уходом «рыцарства» в Калугу. В сложившейся ситуации коронный гетман не упустил инициативу из своих рук. Он убедил наемников, что ответ короля — результат его неинформированности и недоразумений. Гетман предложил наемникам направить новых войсковых послов к Сигизмунду III уже с теми предложениями, которые были согласованы после бегства царика, и обещал личное содействие в решении всех вопросов после своего отъезда из Москвы под Смоленск[147]. Ссылаясь на то, что под Москвой уже осталось мало продовольствия, С. Жолкевский предложил сапежинцам уйти в одну из менее разоренных областей России, чтобы там получать все необходимое до урегулирования отношений с королем. Когда сапежинцы собрались идти в Рязанскую землю, гетман угрозами и шантажом убедил бояр дать солдатам отступного 10 тыс. злотых из Московской казны и направил сапежинцев в окрестности Мещовска и Мосальска. Этим маневром С. Жолкевский разъединил отряды самозванца и королевские войска[148]. Я. Сапега в свою очередь получил возможность торговаться как с Сигизмундом III, так и с Лжедмитрием II.

Узнав о походе сапежинцев из-под Москвы на Северщину, Лжедмитрий II тотчас обратился к своему бывшему гетману с письмом, предлагая вернуться к нему на службу[149]. М. Мнишек прислала Я. Сапеге обширное послание, в котором настойчиво убеждала Лжедмитрия II не верить клеветникам, обвиняющим сапежинцев в измене[150]. Войско, судя по записям секретарей Я. Сапеги, дало отповедь царику, который дважды его бросал. Я. Сапега оставил письма Лжедмитрия II и М. Мнишек без ответа, предпочитая вступить в переписку с гетманом самозванца В. Валевским[151]. В ответ, Лжедмитрий II разразился гневным посланием, в котором в оскорбительной форме обвинил Я. Сапегу в измене[152]. Царик потребовал от местных воевод принять меры предосторожности против сапежинцев и категорически запретил давать им продовольствие и фураж[153]. Вскоре, однако, выяснилось, что сапежинцы не думали нападать на Калугу, так как самозванец нужен был им как пугало на переговорах с Сигизмундом III о найме войска на королевскую службу. Уже 6 (16) октября 1610 Лжедмитрий II и маршалок его наемного войска отправили Я. Сапеге новые послания,

в которых заявляли, что самозванец «не держит зла на сапежинцев», но было уже поздно[154].

Прибыв в окрестности Мосальска и Мещовска, сапежинцы так же, как два года назад в Замосковье и Поморье, поделили города и села между полками и ротами, учредив там «приставства». Немногие документы той поры, отложившиеся в архиве Я. Сапеги, как две капли воды напоминают челобитные посадских и крестьян северо-восточных уездов страны. К примеру, жители села Волосова Козельского уезда, староста С. Окулев с товарищами, жаловались бывшему гетману самозванца: «Правит, государь, на нас сиротах твоих на тебе, государь, твой государев кухмистр пан Христоп Свыч по три рубли денег, да по две куницы, да по лисице, и сыр, и масла, яиц. И нам, государь, взяти негде, того у нас нет. А доправил, государь, на нас Савыч по рублю. Имы, государь, теда маючи в добрых людех в кобылы заплатили». Крестьяне молили Я. Сапегу, чтобы он разрешил им платить поборы хлебом, а не деньгами[155]. Так же, как в Замосковье, наемники не брали в расчет пожалования Московского правительства. К примеру, Я. Сапега оставил без внимания письмо князя В.М. Рубца-Мосальского с просьбой ввести его во владение пожалованным Сигизмундом III 4 (14) ноября 1610 г. «старой их вотчиною» городком Мосальском «с посадом и уездом», а также поместьями в Козельском уезде[156]. Не помогало даже заступничество гетмана С. Жолкевского, просившего Я. Сапегу потребовать от ротмистра Э. Стравинского вывести его солдат и их слуг из имений протопопа московского Архангельского собора в Боровском уезде[157]. К. Буссов, черпавший свою информацию у немцев, живших в Калуге и ее окрестностях, свидетельствует, что призывы самозванца расправляться с иноземцами, попали на подготовленную почву. Против сапежинцев и их слуг вспыхнула самая настоящая народная война, в которой царик вновь начал превращаться в героя и заступника. В Калугу, по словам ландскнехта, то и дело доставляли от 6 до 10 поляков, над которыми устраивались жестокие расправы. Особенно в нападениях на поляков усердствовали татары[158]. В середине октября 1610 г. сапежинцы, обеспокоенные таким оборотом событий, направили к Лжедмитрию II войсковое посольство, а Я. Сапега написал ему письмо, в котором потребовал отпустить захва-

ченных фуражиров и не брать их в дальнейшем в плен[159]. На этот раз царик стал в позу. Письма к Я. Сапеге отныне писали М. Мнишек и В. Валевский[160]. В начале декабря 1610 г. вернулись войсковые послы, которые, наконец, привезли ответ короля. Сигизмунд III и его советники, понимая, что в России назревает антипольское народное восстание, пошли на уступки сапежинцам, чтобы привлечь их под свои знамена. Они согласились выплатить наемникам «заслуженное» в течение полугода после занятия им Московского престола, а в случае задержки — предоставить в распоряжение «рыцарства» Северскую и Рязанскую земли. Однако в расчетах «заслуженного» король обязался исходить из ставок, принятых в Речи Посполитой, а не обещанных самозванцем, и требовал строгого учета личного состава сапежинских полков и рот. После этих уступок короля наемники уверились, что находятся на правильном пути и могут добиться всего, чего хотят[161].

Политика Сигизмунда III, А. Гонсевского и их единомышленников фактически дезавуировала договор между московскими боярами и С. Жолкевским. Правящие круги Речи Посполитой встали на путь окончательного завоевания России. Их действия вызвали острое недовольство в широких слоях населения страны. С. Жолкевский весьма чутко уловил, что пропаганда царика начала находить отклик у москвичей. В связях с самозванцем были заподозрены кн. И.М. Воротынский, кн. А.В. Голицын, которых взяли под стражу[162]. Выступления народа против иноземцев в провинции, особенно против сапежинцев в Мещовском, Козельском, Боровском уездах, казалось, давали Лжедмитрию II шанс на гребне зреющего народного движения против поляков и литовцев достичь своих целей. Провинция явно начала склоняться на его сторону. Весьма показательны в этом отношении события в Казани и Вятке, которые прежде никогда не держали сторону Вора. В начале 1611 г. казанцы и вятчане, еще не зная о смерти царика, принесли ему присягу[163]. В день смерти самозванца псковичи прислали в Калугу весть, что они продолжают верно служить «царю Дмитрию»[164].

К. Буссов, получавший информацию от пастора М. Бера и других немцев, находившихся в Калуге и ее окрестностях, отметил, что самозванец и его бояре после стольких «измен» никому не доверяли. Царик уверился, что сможет добиться сво-

его с помощью татар и турок и даже сделал некоторые практические шаги в этом направлении. Он приказал воеводе кн. И.М. Барятинскому собрать в Воронеже отряды своих приверженцев из Рязани, Арзамаса, Шацка и подготовить в этой крепости свою новую столицу[165]. Одновременно в Астрахань отбыл Я. Кернозицкий с приказом боярину кн. И.Д. Хворостинину подготовить город на случай отступления сюда самозванца[166]. Недоверие и подозрительность пронизали все стороны жизни Калужского двора. Заподозренных в неблагонадежности подвергали нечеловеческим мучениям и казнили без всякой жалости. Волна репрессий захлестнула уезды, контролируемые приверженцами самозванца. В кровавом угаре гибли и правые, и виноватые[167]. В качестве примера все современники приводят случай с Касимовским царем, которого, судя по намекам С. Жолкевского и прямому указанию его ротмистров С. Маскевича и М. Мархоцкого, коронный гетман отпустил из-за находившегося в калужском плену сына[168]. Ураз-Магмет, вероятно, предложил сыну бежать, но тот предал отца, рассказав обо всем царику. Разгневанный шкловский бродяга приказал утопить Касимовского царя, а пытавшегося за него заступиться кн. П. Урусова, бросил в тюрьму[169]. К. Буссов чутко уловил поразительное сходство между калужскими порядками и опричными временами царя Ивана Грозного, назвав их по аналогии «Тиранией Дмитрия»[170]. В строгом соответствии с законами террора кровавые расправы в конце концов сгубили самого Лжедмитрия II. Именно террор, развязанный в Калуге, а не случайная месть, как думали историки, явился главной причиной гибели царика и краха его режима.

§ 8. Смерть Лжедмитрия II и крах его движения

Обстоятельства гибели Лжедмитрия II хорошо известны как по русским, так и иностранным источникам[171]. Среди бумаг Ску-Клостерского собрания нам удалось отыскать воспоминания неизвестного поляка, возможно, гетмана В. Валевского, об обстоятельствах смерти Лжедмитрия II. Рассказ в основном подтверждает известную в литературе версию гибели Вора, но содержит существенные детали[172].

Все известные нам источники сходятся на том, что Лжедмитрий II пал жертвой заговора, подготовленного кн. П. Урусовым. Крещеный ногайский князь был глубоко возмущен предательством сына Ураз-Магмета и хотел ему отомстить, но вместо него убил другого человека. Разгневанный царик приказал бросить его в тюрьму[173]. Автор Записки о смерти самозванца вспомнил, что потомка ногайских князей, бывшего зятя Шуйских, шкловский бродяга приказал публично высечь кнутом[174]. С этого момента оскорбленный до глубины души кн. П. Урусов затаил злобу и сделал все, чтобы через несколько дней выйти на волю и усыпить бдительность царика преданной службой[175]. Автор Записки свидетельствует, что это ему вполне удалось после разгрома роты пана Чаплинского и захвата в плен многих его солдат[176].

Источники называют разную дату смерти Лжедмитрия II. С. Жолкевский указал в своих мемуарах, что царик был убит 10 (20) декабря 1610 г.[177] К. Буссов и автор рассказа о смерти самозванца отметили, что это событие произошло 11 (21) декабря 1610 г.[178] Секретари Я. Сапеги и Й. Будила записали в своих сочинениях, что царик погиб 12 (22) декабря 1610 г.[179] Большего доверия, на наш взгляд, заслуживают свидетельства К. Буссова и автора рассказа о смерти самозванца, которые черпали информацию из первых рук, в то время как Я. Сапега, Й. Будила и С. Жолкевский узнали о гибели Вора только несколько дня спустя и потратили немало усилий, чтобы выяснить ее обстоятельства[180].

В день смерти Лжедмитрий II, по данным автора обнаруженного нами рассказа о его гибели, получил хорошие известия из Пскова, чему был весьма рад. По этому поводу был устроен праздничный обед, после которого царик отправился на прогулку вместе с шутом П. Кошелевым, «боярином» И.В. Глазуном-Плещеевым и несколькими детьми боярскими и их слугами. Следом за цариком и боярами везли двое саней, груженных «разного рода питьем, медом, водкой». Кортеж охранял кн. П. Урусов и его отряд татар. Изрядно подогретая вином компания травила специально пущенных зайцев, горланила и выпивала. Больше всех захмелевший царик привечал кн. П. Урусова. Часть татарских воинов по знаку своего командира незаметно окружила русских и оттеснила от саней самозванца.

Тотчас кн. П. Урусов внезапно напал на Лжедмитрия II и зарубил его саблей. Бросив тело самозванца, татары ушли в степи[181]. Свита, по свидетельству автора рассказа, была частью перебита, частью бежала в Москву. Среди погибших он упоминает И.В. Глазуна-Плещеева, шута Н. Кошелева и его брата[182], но эти данные не подтверждаются показаниями других источников. И.В. Глазун-Плещеев впоследствии принял активное участие в авантюре с Псковским вором[183], а шут П. Кошелев, по свидетельству К. Буссова, принес в Калугу весть о гибели царика[184]. Вероятно, более достоверными являются показания Й. Будилы, что татары не тронули моливших о пощаде русских спутников самозванца[185].

Гибель Лжедмитрия II вызвала волнения в Калуге и привела к распаду движения самозванца. Казаки, по свидетельствам К. Буссова и автора рассказа о смерти самозванца, устроили кровавую баню татарам, не успевшим бежать из Калуги[186]. Тело самозванца положили в церкви, где оно долго лежало без погребения, так как между воровскими боярами и казаками возникли раздоры по поводу, как быть дальше. Кн. Д.Т. Трубецкой и другие бояре настаивали на присяге королевичу Владиславу[187]. И.М. Заруцкий и донские казаки, по данным М. Мархоцкого, настаивали на присяге М. Мнишек, которая вот-вот должна была родить[188]. «Царица», став заложницей в чужой игре, прислала Я. Сапеге спрятанное в свече записку, в которой умоляла выручить ее из беды[189]. Бывший гетман самозванца и его воины, узнав о происшедшем в Калуге только 15 (25) декабря 1610 г., попытались вмешаться, но бояре самозванца и калужане видели в них заклятых врагов и отказались вступить с ними в переговоры[190]. Рождение «царевича» Ивана Дмитриевича, вошедшего в русскую историю с прозвищем Воренок, на какой-то момент повысило шансы И.М. Заруцкого и его друзей[191]. В Калуге были устроены пышные похороны самозванца, во время которых М. Мнишек рыдала над телом «мужа»[192]. В конце концов верх одержали сторонники присяги королевичу Владиславу. В Москву с вестью о гибели царика отправились М.М. Бутурлин и Б.И. Сутупов[193]. Московские бояре тотчас прислали приводить калужан к присяге на верность королевичу Владиславу стольника кн. Ю.Н. Трубецкого[194]. Тем временем сапежинцы и захватывали и грабили города, ранее сохранявшие

верность царику: Перемышль, Алексин, Белев, Одоев, Воротынск и др.[195] Дележ новой добычи вызвал соперничество между полками и ротами бывшего наемного войска самозванца, которые в конце февраля — начале марта 1611 г. переросли в открытые столкновения между полками. «Рыцарство» на глазах превращалось в неуправляемую толпу мародеров[196]. Бесчинства и насилия, чинимые наемниками, довольно быстро склонили чашу весов в другую сторону. Движение против сапежинцев в украинных городах вспыхнуло с новой силой[197]. Уже в начале февраля 1611 г. из Калуги к Я. Сапеге бежали бывший «боярин» самозванца кн. Д.М. Черкасский, «спальник» Иг.И. Михнев и Д. Микулин, которые сообщили о намерениях И.М. Заруцкого и калужан присоединиться к движению первого земского ополчения. Но они не решились требовать от своих соратников присяги Воренку и М. Мнишек и были вынуждены согласиться на то, чтобы выбирать Государя «всею Землею» после освобождения Москвы[198]. Впервые с начала гражданской войны открылась реальная возможность объединения всех земских сил для борьбы за освобождение страны от иноземцев и их приспешников.

После распада Тушинского лагеря движение Лжедмитрия II, как показывает его изучение, пережило короткий период подъема и только после этого распалось. Вопреки сложившимся представлениям, его основными движущими силами по-прежнему являлись служилые люди и казаки южных, юго-восточных и северо-западных уездов страны, а не только казаки. Ведущую роль в руководстве движением играли «воровские» бояре, происходившие из знатных московских родов, хранивших традиции опричной среды. Благодаря бегству в Калугу, они смогли освободиться от вмешательства иноземцев и придать новый импульс движению самозванца. В Калуге был создан альтернативный московскому государственный режим в традиционных для России формах: царь, Боярская дума, Государев двор, воеводское управление на местах и пр., но и он в конечном счете оказался нежизнеспособным. Самозванец и его бояре, преследуя исключительно корыстные интересы, не смогли объединить под своими знаменами земщину даже тогда, когда русский народ после Клушинского поражения и падения Василия Шуйского оказался на грани национальной катастро-

фы, а отряды самозванца являлись реальной силой, способной противостоять иноземному вторжению. Установившиеся в Калуге порядки, сильно напоминавшие опричные, подорвали доверие к самозванцу и его окружению даже у поддерживавших его жителей южных и юго-западных уездов страны. Запущенная боярами Лжедмитрия II машина террора в конечном счете погубила самого самозванца и привела к краху его движение.

Примечания

[1] Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. М., 1989. Кн. IV. Т. 7—8. С. 534, 563—564, 600.

[2] Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Собр. соч. СПб., 1904. Кн. 2. Т. 5. С. 447—449; Т. 6. С. 476—477, 510—513.

[3] Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII столетия. М., 1995. С. 268—269, 273, 286, 305—306, 313.

[4] См.: Прил.

[5] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 62.

[6] Окружная грамота боярина Ф.И. Мстиславского 4 (14) сентября 1610 г. // СГГ и Д. Ч.2. № 204. С. 441; Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 256.

[7] Буссов К. Московская хроника 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 163; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 94—95.

[8] Буссов К. Указ. соч. С. 162, 168.

[9] List S. Mniszecha do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 r. // Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. № 5998/III Л. 383—387; Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. М.,1915. С. 52, 53, 92.

[10] Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе Ф.А. Киреева в январе 1610 г. об отказе поместья Ив. Чертову // Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты. С. 344; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 522.

[11] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 217, 257; Новый летописец. С. 104, 128, 149; Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 12. Стб. 96. Прим. 475.

[12] Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе С.П. Засекину в мае 1610 г. об отказе вотчины Ив. Обуткову // Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты. С. 345; Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе С.П. Засекину в мае 1610 г. об отказе поместья А. Алишеву // Там же. С. 346.

[13] Sapieha J.P. Op. cit. S. 271.

[14] См.: Прил.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Буссов К. Указ. соч. С. 164.

[18] См.: Прил.

[19] Отписка великолуцких воевод Я. Сапеге 7 (17) мая 1610 г. // Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12.72; Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 272—273.

[20] List S. Stadnickiego do Zygmunta III 9 (19) styczenia 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Буссов К. Указ. соч. С.162; Будила Й. История ложного Дмитрия 1603—1613 г. // Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1872. Т. 1. Стб. 163—164.

[21] List S. Mniszecha do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Л. 383—387.; Marchocki M. Op. cit. S. 63—64; Буссов К. Указ. соч. С. 163.

[22] Sapieha J. Op. cit. S. 253.

[23] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 543; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 268—269.

[24] Буссов К. Указ. соч. С. 163—164.

[25] Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе Ф.А. Кирееву в январе 1610 г. об отказе поместья Ив. Чертову // Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты. С.344; Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе С.П. Засекину в мае 1610 г. об отказе поместья А. Алишеву // Там же. С. 346; Болтин Б. Записки // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 345; Власьев Г.А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т.1. Ч.1. С. 197—198.

[26] Sapieha J. Op. cit. S. 253.

[27] Делавиль Ж. Записки // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 1. С. 750; Marchocki M. Op. cit. S. 73.

[28] Жолкевский С. Указ. соч. С. 38.

[29] Поход Его королевского величества в Московию 1609 г. // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 596.

[30] Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 254; Новый летописец. С. 95.

[31] Буссов К. Указ. соч. С. 160; Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 122, 137—138; Т. 2. С. 275—276; Новый летописец. С. 102.

[32] List zaporoscew do Zygmynta III w marce 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Поход Его королевского величества в Московию. Стб. 570—571.

[33] List Zaporskiego do Zygmynta III 18 (28) marta 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Поход его королевского величества в Московию. Стб. 570—571.

[34] Поход Его королевского величества в Московию. Стб. 570—571.

[35] Там же. Стб. 587.

[36] Там же. Стб. 570—571.

[37] Буссов К. Указ. соч. С. 162—163.

[38] Письмо Лжедмитрия II наемному войску 9 (19) февраля 1609 г. об условиях возвращения на службу // Временник Московского общества истории и древностей Российских (ВМОИДР). М., 1855. Кн. 19. Смесь С. 9; Будила Й. Указ. соч. Стб. 178—184.

[39] Будила Й. Указ. соч. Стб. 186.

[40] Там же. Стб. 188—189.

[41] Punkty instrukcii A. Zborowskiemy i posłom z wojska Cara do króla posłanym // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Respons Zymunta III posłóm z wojska Cara 2 (12) kwiectnia 1610 r. // Ibid; Respons Zymunta III posłóm z wojska Cara w maje 1610 r. // Ibid; Assecuratia Zymunta III 19 (29) maja 1610 r. // Ibid; Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. С. 37, 40; Маскевич С. Памятник // Сказания современника о Дмитрии самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 32.

[42] Маскевич С. Указ. соч. С. 32.

[43] Будила Й. Указ. соч. Стб. 193.

[44] Там же. Стб. 193—194.

[45] Буссов К. Указ. соч. С. 164; Будила Й. Указ. соч. Стб. 195.

[46] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 21 (31) maja 1610 r. // Oddial Rukopisów Biblioteki Polskieij Akademii Naukowiej w Krakowie (OR BPAN). Ms. 345. № 83.

[47] Sapieha J. Op. cit. S. 253.

[48] Масса И. Указ. соч. С.176; Буссов К. Указ. соч. С. 164.

[49] Будила Й. Указ. соч. Стб. 194.

[50] List M. Mniszchowny do J. Sapiehi 6 (16) czerwca 1610 r. // Kognowicki K. Życie J.P. Sapiehi // Życie Sapiehów. Wilno, 1791. T. I. № 7.

[51] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 7 (17) czerwca 1610 r. // Ibid. № 8.

[52] Sapieha J. Op. cit. S. 256.

[53] List Dmitra Fałszywego do J. Sapiehi 19 (29) czerwca 1610 r. // Kognowicki K. Op. cit. № 9.

[54] Sapieha J. Op. cit. S. 256; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АЗР). СПб., 1851. Ч. 4. С. 392, 393, 395.

[55] Sapieha J. Op. cit. S. 256—257; Будила Й. Указ. соч. Стб. 194—195.

[56] Sapieha J. Op. cit. S. 257.

[57] Sapieha J. Op. cit. S. 257—258.

[58] В записках Й. Будилы указано 6000 пятигорцев и 1000 гусар, но это, по-видимому, описка переписчика. Такого количества пятигорцев в тушинских полках никогда не было. Ср.: Rejestr wojska polskiego, które jest przy Caru na Moskwie // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/ III Уа. Л. 323—324; Список полковников и ротмистров «царя Дмитрия» // РИБ Т.1. Стб. 713—716. Гетман, по данным Й. Будилы (Указ. соч. Стб. 195), привел на Угру 1000 человек, т. е. как раз столько, сколько числится в его полку, если принять предложенный нами вариант прочтения.

[59] Будила Й. Указ. соч. Стб. 198.

[60] Sapieha J. Op. cit. S. 258—259, 261.

[61] Жолкевский С. Записки. С. 37, 40; Маскевич С. Указ. соч. С. 32.

[62] Rejestr wojska polskiego...

[63] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 446—447.

[64] Sapieha J. Op. cit. S. 258—261.

[65] Sapieha J. Op. cit. S. 258.

[66] Новый летописец. С.98—99; Будила Й. Указ. соч. Стб. 198—200; Sapieha J.P. Op. cit. S. 258—259.

[67] Sapieha J. Op. cit. S. 259—261.

[68] Ibid. S. 260—261; Будила Й. Указ. соч. Стб. 200—201.

[69] Sapieha J.P. Op. cit. S. 260.

[70] Konfideracja wojska Cara // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[71] Sapieha J.P. Op. cit. S. 260; Assecuratia Dmitra Fałszywego 10 (20) wrzesnia 1609 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[72] Sapieha J.P. Op. cit. S. 260

[73] Ibid. S. 260—261; Будила Й. Указ. соч. Стб. 201; Новый летописец. С. 98.

[74] Новый летописец. С. 98.

[75] Sapieha J.P. Op. cit. S. 261.

[76] Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 201; Новый летописец. С. 98.

[77] Sapieha J.P. Op. cit. S. 262.

[78] Ibid; Новый летописец. С. 99—100; Палицын А. Указ. соч. С. 207.

[79] Новый летописец. С. 99—100.

[80] Sapieha J.P. Op. cit. S. 262.

[81] Письмо Лжедмитрия II Я. Сапеге 18 (28) июля 1610 г. // Жолкевский С. Записки. Прил. 33. Стб. 99—102.

[82] Kondycii wojska Cara do Zygmunta III 18 (28) lipica 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Sapieha J.P. Op. cit. S. 263.

[83] Sapieha J.P. Op. cit. S. 262.

[84] Новый летописец. С. 99—100; Палицын А. Сказание... С. 207; Sapieha J.P. Op. cit. S. 262—263.

[85] Sapieha J.P. Op. cit. S. 262—263; Новый летописец. С. 99.

[86] Sapieha J.P. Op. cit. S. 264.

[87] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 463—472 и др.

[88] Respons S. Żókiewskiego posłom z wojska Cara // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Sapieha J.P. Op. cit. S. 264.

[89] Sapieha J.P. Op. cit. S. 264; Kondycii wojska Cara do Zygmunta III 18 (28) lipica 1610 r...

[90] Ibid.

[91] List S. Żókiewskiego do J. Sapiehi 24 lipica (3 sierpienja) 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8604 (оригинал); E. 8597 (копия); Sapieha J.P. Op. cit. S. 264.

[92] List S. Żókiewskiego do J. Sapiehi 25 lipica (4 sierpienja) 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8597; Sapieha J.P. Op. cit. S. 264—265.

[93] Ibid.

[94] Ibid.

[95] Ibid.

[96] Sapieha J.P. Op. cit. S. 264—266; Будила Й. Указ. соч. Стб. 203.

[97] Маскевич С. Указ. соч. С. 44; Sapieha J.P. Op. cit. S. 265.

[98] Sapieha J.P. Op. cit. S. 265—266.

[99] Маскевич С. Указ. соч. С. 43; Буссов К. Указ. соч. С. 176.

[100] Sapieha J.P. Op. cit. S. 267; Будила Й. Указ. соч. Стб. 203—205.

[101] Sapieha J.P. Op. cit. S. 267—268; Будила Й. Указ. соч. Стб. 205—207.

[102] Sapieha J.P. Op. cit. S. 267—268; Будила Й. Указ. соч. Стб. 207—209.

[103] Sapieha J.P. Op. cit. S. 268.

[104] Ibid. S. 269.

[105] Ibid. S. 268—269.

[106] Ibid. S. 259; Буссов К. Указ. соч. С. 176.

[107] Жолкевский С. Указ. соч. С. 76.

[108] Sapieha J.P. Op. cit. S. 262—263, 265, 270—272; Новый летописец. С. 99.

[109] List niewiadomiego z pod Smolenska 14 (24) wrzesnia 1610 r. // ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III Л. 485.

[110] Sapieha J.P. Op. cit. S. 270.

[111] Ibid. S. 271.

[112] В дневнике они ошибочно названы Иваном Третьсяковым и Неходошим. См.: Sapieha J.P. Op. cit. S. 271.

[113] Sapieha J.P. Op. cit. S. 272—273.

[114] Sapieha J.P. Op. cit. S. 274; Будила Й. Указ. соч. Стб. 209—210; Жолкевский С. Указ. соч. С. 80—82.

[115] Rozmowa poslów z wojska Cara i senatorów pod Smolenskóm w sierpienie 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[116] Sapieha J.P. Op. cit. S. 274—275.

[117] Жолкевский С. Указ. соч. С. 83.

[118] Там же; Sapieha J.P. Op. cit. S. 275; Будила Й. Указ. соч. Стб. 210; Маскевич С. Указ. соч. С. 45.

[119] Sapieha J.P. Op. cit. S. 275.

[120] Жолкевский С. Указ. соч. С. 83.

[121] Sapieha J.P. Op. cit. S. 275.

[122] Буссов К. Указ. соч. С.176

[123] Sapieha J.P. Op. cit. S. 279.

[124] Будила Й. Указ. соч. Стб. 210.

[125] Жолкевский С. Указ. соч. С. 84.

[126] Грамота боярина Ф.И. Мстиславского с товарищами в сибирские города 4 (14) сентября 1610 г. с призывом хранить верность королевичу Владиславу // Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). М., 1819. Ч.2. № 204. С. 441.

[127] Боярский список 1610/11 гг. // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 89 и др.

[128] Грамота московских бояр Ф.М. Мстиславского с товарищами Я. Сапеге с просьбой не препятствовать присяге русских людей на верность королевичу Владиславу // Акты исторические,

собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 289. С. 351.

[129] Sapieha J.P. Op. cit. S. 278.

[130] Sapieha J.P. Op. cit. S.279.

[131] Жолкевский С. Указ. соч. С. 85—86.

[132] Буссов К. Указ. соч. С. 177—178.

[133] Жолкевский С. Указ. соч. С. 110.

[134] Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты. С. 358—370.

[135] Буссов К. Указ. соч. С. 177.

[136] Псковские летописи. Т. 1. С. 139; Т. 2. С. 275.

[137] См. Прил

[138] Zabicie Dmitra Fałszywego pod Kalugoj 12 (22) grudzienia 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[139] Sapieha J.P. Op. cit. S. 278.

[140] Ibid. S. 280.

[141] Буссов К. Указ. соч. С. 177.

[142] Жолкевский С. Указ. соч. С. 92; Sapieha J.P. Op. cit. S. 283, 288.

[143] Sapieha J. Op. cit. S. 283.

[144] Жолкевский С. Указ. соч. С. 90; Sapieha J.P. Op. cit. S. 275—279.

[145] Sapieha J. Op. cit. S. 276.

[146] Rozmowa poslów z wojska Cara i senatorów pod Smolenskóm w sierpienie 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[147] Жолкевский С. Указ. соч. С. 91; Sapieha J.P. Op. cit. S. 276—281.

[148] Жолкевский С. Указ. соч. С. 91; Sapieha J.P. Op. cit. S. 276—281.

[149] Sapieha J.P. Op. cit. S. 281.

[150] List Mariny Carowy do J. Sapiehi 29 wrzesnia (9 października) 1610 r. // Kognowicki K. Op. cit. № 12.

[151] Sapieha J.P. Op. cit. S.281, 283.

[152] Sapieha J.P. Op. cit. S.284.

[153] Грамота Лжедмитрия II белевскому воеводе Ф. Желябовскому 2 (12) октября 1610 г. о принятии осторожности против литовских людей // АИ. Т.2. № 302. С. 358.

[154] Sapieha J.P. Op. cit. S.284.

[155] Челобитная крестьян с. Волосова Козельского уезда Я. Сапеге с просьбой взыскивать поборы хлебом, а не деньгами // Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук (АСПбФИРИ РАН). К.124. Оп. 1. Ед. хр. 407.

[156] Письмо боярина кн. В.М. Мосальского Я.П. Сапеге 4 (14) ноября 1610 г. о высылке из пожалованных ему вотчин и поместий

литовских людей // СХ. № 12.11. С. 23. Издатель документа кн. Хилков неверно датировал его 1608—1609 гг.

[157] List S. Żółkiewskiego do J. Sapiehi 13 (23) wrzesnia 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8604.

[158] Буссов К. Указ. соч. С. 177—178.

[159] Sapieha J.P. Op. cit. S. 285—286.

[160] Ibid. S. 288—290.

[161] Ответ Его королевского величества послам войска Я.П. Сапеги в декабре 1610 г. // Будила Й. Указ. соч. Стб. 213—219; Ассекурация Сигизмунда III войску Я. Сапеги // Там же. Стб. 219—220.

[162] Жолкевский С. Указ. соч. С. 109—110.

[163] Отписка вятчан к пермичам с приложением Отписки казанцев о признании царем в Вятской и Казанской землях второго самозванца в январе 1611 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 170. С. 291—293.

[164] Zabicie Dmitra Fałszywego pod Kalugoj 12 (22) grudzienia 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

[165] Сухотин Л.М. Земельные пожалования при царе Владиславе. М., 1911. С. XXIII—XXY.

[166] Буссов К. Указ. соч. С. 177.

[167] Там же.

[168] Жолкевский С. Указ. соч. С. 112; Маскевич С. Указ. соч. С. 44; Marchocki M. Op. cit. S. 105.

[169] Zabicie Dmitra Fałszywego pod Kalugoj 12 (22) grudzienia 1610 r. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Буссов К. Указ. соч. С. 177; Новый летописец. С. 104—105.

[170] Буссов К. Указ. соч. С. 177.

[171] Новый летописец. С. 104—105; Будила Й. Указ. соч. Стб. 221—222; Буссов К. Указ. соч. С. 178.

[172] Zabicie Dmitra Fałszywego...; Буссов К. Указ. соч. С. 177.

[173] Новый летописец. С. 104—105; Будила Й. Указ. соч. Стб. 221—222; Буссов К. Указ. соч. С. 178.

[174] Zabicie Dmitra Fałszywego...

[175] Новый летописец. С. 104—105; Будила Й. Указ. соч. Стб. 221—222; Буссов К. Указ. соч. С. 178.

[176] Zabicie Dmitra Fałszywego...

[177] Жолкевский С. Указ. соч. С. 112.

[178] Буссов К. Указ. соч. С. 178; Zabicie Dmitra Fałszywego...

[179] Будила Й. Указ. соч. Стб. 222; Sapieha J.P. Op. cit. S. 292.

[180] Там же; Жолкевский С. Указ. соч. С. 112.

[181] Zabicie Dmitra Fałszywego...

[182] Zabicie Dmitra Fałszywego...

[183] Новый летописец. С. 115, 118.

[184] Буссов К. Указ. соч. С. 178.

[185] Будила Й. Указ. соч. Стб. 222.

[186] Буссов К. Указ. соч. С. 178; Zabicie Dmitra Fałszywego...

[187] Жолкевский С. Указ. соч. С. 113.

[188] Marchocki M. Op. cit. S. 108.

[189] Sapieha J.P. Op. cit. S. 293.

[190] Ibid; Будила Й. Указ. соч. Стб. 222—224.

[191] Marchocki M. Op. cit. S. 108.

[192] Буссов К. Указ. соч. С. 178; Zabicie Dmitra Fałszywego...

[193] Белокуров С. Указ. соч. С. 217.

[194] Отписка кн. Ю.Н. Трубецкого Я. П. Сапеге около 6 (16) января 1611 г. о приведении к присяге на верность королевичу Владиславу // АИ. Т. 2. № 313. С. 371—372; Sapieha J. Op. cit. S. 294.

[195] Отписка калужского воеводы кн. Ю.Н. Трубецкого Я. Сапеге в январе 1610 г. с требованием запретить солдатам грабить Калужский, Воротынский и Перемышльский уезды // АИ. Т. 2. № 317. С. 374—375; Sapieha J. Op. cit. S. 293—295; Будила Й. Указ. соч. Стб. 223—224.

[196] List E. Strawinskiego do J. Sapiehi 27 grudzienia (6 styczenia) 1610 r. // ОР НБУАН Ф.103. Оп. 1. № 47; List A. Chróslinskiego do J. Sapiehi 12 (22) styczenia 1610 r. // Там же. № 61.

[197] Отписки Я. Сапеги и Ф.К. Плещеева одоевским воеводам в феврале 1611 г. с требованием выпустить захваченных донскими казаками фуражиров // АИ. Т. 2. № 144.1 и 2.

[198] Письмо кн. Ю.Н. и Д.Т. Трубецких Я. Сапеге с просьбой сохранять мир до приезда в Россию королевича Владислава // Жолкевский С. Указ. соч. Прил. 41; Sapieha J. Op. cit. S. 297; Будила Й. Указ. соч. Стб. 225—226.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что большая часть тушинских документов утрачена, источниковедческий анализ сохранившихся материалов позволяет отчасти восполнить потерянную информацию. Реконструкция русского «архива» Яна Сапеги 1608—1611 гг. позволила впервые получить достаточно репрезентативный комплекс актовых, делопроизводственных и эпистолярных материалов, вышедших из повстанческого лагеря, содержащих обширный массив данных о движении Лжедмитрия II и событиях Смуты 1607—1611 гг. Архивные материалы, будучи сопоставлены с показаниями оставивших дневники и записки наемников, дают достаточно полные сведения о движении Лжедмитрия II и событиях в стране в 1607—1610 гг. Эти данные, собранные людьми разной политической ориентации, сторонниками М. Меховецкого, Р. Ружинского, Я. Сапеги и Ю. Мнишка, поддаются взаимной проверке, дополняют и уточняют содержащуюся в них информацию.

Выявленный массив тушинских источников позволил критически проанализировать данные правительственных источников как документальных, так и нарративных, по-новому оценить информацию шведских и польских правительственных материалов, показания современников-иностранцев, что в конечном счете дало возможность с большей точностью судить о событиях Смуты в 1607—1610 гг. и выяснить роль, которую сыграло в нем движение самозванца.

Изучение обстоятельств подготовки и появления Лжедмитрия II в 1606—1607 гг. позволяет прийти к выводу, что правящие круги Речи Посполитой не принимали никакого участия в подготовке русских самозванцев 1606—1607 гг. Инициаторами и организаторами самозванческой интриги Лжедмитрия II поначалу были любимцы Лжедмитрия I М.А. Молчанов, Б. Сутупов, Г.И. Микулин, а также кн. Г.П. Шаховский, И. Михнеев, В.Ф. Александров-Мосальский и Заболоцкий. Новую самозванческую легенду они создавали не при помощи бытовавших в народе «социально-утопических легенд о царе избавителе», а по образу и подобию легенды первого самозванца. Агитационная деятельность заговорщиков не ввела в заблуждение москвичей, слишком хорошо знавших Григория Отрепьева на

различных этапах его головокружительной карьеры. Заговорщики добились успеха только в провинции, но отнюдь не везде. Дали себя обмануть только те из русских людей, кто ранее принимал участие в движении Лжедмитрия I, сильно пострадал от карательных операций правительственных войск 1604—1605 гг. и теперь лишился значительных льгот. Они восстали за «своего царя» отнюдь не под влиянием «монархических иллюзий», а преследовали прежде всего свои социальные интересы. Провинциальные дворяне, служилые люди по прибору, казаки и беглые холопы Северщины и других южных степных уездов России надеялись с помощью выдвинутого «царя Дмитрия» и его «племянников» воплотить идеалы повстанческого движения 1604—1606 гг.

М. Молчанов, вопреки сложившимся представлениям, жаждал и тщательно готовился сыграть роль «чудом спасшегося царя Дмитрия», но обстоятельства заставили его отказаться от замысла и исчезнуть из Самборского замка. После этого инициатива организации самозванческой интриги полностью перешла к русским повстанцам — казакам Лжепетра и атаману И.М. Заруцкому, которые с помощью белорусских шляхтичей-ветеранов похода Лжедмитрия I на Москву подготовили Лжедмитрия II и разыграли спектакль в Стародубе. Новая самозванческая интрига как две капли воды походила на то, что происходило в казачьих городках на Тереке, Волге и Дону. Шкловского бродягу, как и других «казацких царевичей», заставили играть роль «царя Дмитрия». Русским повстанцам и их приятелям нужен был символ, а не вождь движения, символ, который бы служил своеобразным оправданием их действиям.

Немногие сохранившиеся данные о выступлениях казацких лжецаревичей и Лжедмитрия II свидетельствуют, что это звенья одной цепи — широкого движения казацких низов (в рамках общероссийского повстанческого движения), направленного против политики «огосударствления» вольного казачества. В конечном счете казаки, так же как служилые люди в России, пытались решить свои социальные проблемы с помощью обновления традиционной российской государственной системы, а не путем ее разрушения.

Анализ процесса зарождения движения Лжедмитрия II и политики, проводимой руководством повстанческого лагеря,

не подтвердил предположения, что самозванец был ставленником поляков и литовцев, а его движение скрытой формой интервенции Речи Посполитой против России. Источники свидетельствуют, что в июле 1607 г. — марте 1608 г. подлинными руководителями движения самозванца являлись русские повстанцы — бывшие болотниковцы: атаман И.М.Заруцкий, дети боярские северяне Ю. Беззубцев, Г. Веревкин и др., а также их приятель М. Меховецкий. Отряды иноземных наемников, хотя и играли важную роль в войске царика, но она была далека от той, какой она будет после прихода Р. Ружинского и, особенно Я. Сапеги. Источники содержат лишь единичные свидетельства об участии крестьян в движении Лжедмитрия II, поэтому его нельзя рассматривать как крестьянское. Руководители нового движения, как в свое время И.И. Болотников, И. Пашков и П. Ляпунов, опирались прежде всего на служилых людей юго-западных и южных уездов страны: дворян и детей боярских, стрельцов и служилых казаков, а также вольных казаков и беглых холопов.

Наметившийся на заключительных этапах восстания И.И. Болотникова отход местных дворян и детей боярских от повстанческого движения и неудачи в борьбе с правительственными силами вынудили И.М. Заруцкого и М. Меховецкого настойчиво искать помощи за рубежом. Однако из-за рокоша в Речи Посполитой их успехи вплоть до конца 1607 г. были весьма скромными. В сложившихся условиях руководители повстанческого лагеря продолжили курс, проводимый И.И. Болотниковым и казаками Лжепетра на заключительных этапах их восстания, встав на путь репрессий против «изменников дворян и детей боярских». Важно отметить, что эти радикальные социальные преобразования не выходили за рамки сложившейся системы и проводились в формах и методах, апробированных в годы правления Ивана III, Ивана IV. Борясь с дворянами-изменниками, повстанцы ни объективно, ни субъективно не разрушали прежний государственный строй. Вместо московского царя и бояр они предлагали своего царика и «воровских» бояр вместо прежних дворян — новых из служилых людей по прибору, казаков и боевых холопов. Идеалы повстанцев лежали не в будущем, а в прошлом. Они боролись не за уничтожение существующего строя, а за его обновление по сильно идеализиро-

ванной модели «доброго царя Ивана Васильевича» времен новгородской реформы и опричнины. В результате этой политики значительная часть служилых людей отошла от повстанческого движения и перешла на сторону правительства. Социальная база повстанческого движения сузилась. Его основными силами стали вольные казаки, беглые холопы, служилые люди по прибору и наемники. Падение Тулы, неудачи Лжедмитрия II под Брянском, захват правительственными войсками Царицына свидетельствовали, что повстанческое движение в целом, несмотря на появление Лжедмитрия II, по-прежнему переживает глубокий кризис.Движение Лжедмитрия II в июле 1607 — марте 1608 г. являлось прямым продолжением восстания И.И. Болотникова и его следует рассматривать как важный момент гражданской войны.

Появление в стане Лжедмитрия II отрядов солдат из Киевского и Брацлавского воеводств Речи Посполитой, как показывает анализ событий весны — начала лета 1608 г., придало новый импульс переживавшему глубокий кризис движению самозванца. Р. Ружинский и его товарищи отправились в поход в Россию, преследуя исключительно корыстные личные интересы, на свой страх и риск, вопреки явному противодействию польских официальных властей, в самый неблагоприятный для них момент, поэтому их участие в движении Лжедмитрия II не следует рассматривать как скрытую интервенцию Речи Посполитой против России. Устранив М. Меховецкого и став вместо него гетманом, Р. Ружинский жестоко расправился с казацкими царевичами и удалил из стана самозванца радикально настроенных повстанцев. Ему удалось остановить расправы над помещиками и провозгласить новый курс, направленный на союз с дворянами и детьми боярскими, но эти меры весной — летом 1608 г. не принесли ощутимых результатов, так как дворяне и дети боярские, напуганные недавними расправами, предпочитали служить Василию Шуйскому и не верили в провозглашенные перемены.

Переворот Р. Ружинского, победа в Болховском сражении, несомненно, усилили влияние наемников на положение дел в стане самозванца, но оно отнюдь не было всеобъемлющим. Казаки, беглые холопы и служилые люди по прибору южных уездов России во главе с И.М. Заруцким по-прежнему состав-

ляли большинство, и новое руководство повстанческого движения было вынуждено считаться с их мнением.

Успехи самозванца, как совершенно справедливо считают русские историки, нельзя объяснять исключительно доблестью и военным превосходством «польских дружин». Мало-мальски грамотные в военном отношении действия царских воевод И.С. Куракина и В.Ф. Литвинова-Мосальского против безоглядных лихих атак наемников неизменно завершались поражением противника.

Нуждается в существенных коррективах гипотеза И.С. Шепелева, согласно которой приверженцы самозванца одержали победы, благодаря усилившейся классовой борьбе народных масс. Вопреки предположениям исследователя, поход самозванца к Москве не сопровождался народными восстаниями в уездах, по которым они проходили. Приверженцам Лжедмитрия II очень помогли восстания в Великих Луках, в небольших пограничных крепостях Литовской украины и Псковщины, но они произошли без непосредственного участия отрядов самозванца, носили локальный характер и их вклад в одержанные победы не следует преувеличивать. Местное население как на Северщине, так и в украинных городах состояло из обедневших детей боярских, служилых людей по прибору и казаков. Их выступления явились результатом давно назревавшего социального взрыва, который по характеру был сходен с тем, что произошло ранее на юге и юго-западе страны, и его, по нашему мнению, следует рассматривать как прямое продолжение повстанческого движения 1606—1607 гг., а не как проявление классовой борьбы.

Не следует, на наш взгляд, преувеличивать и значение дворянской и боярской «шатости» в начале лета 1608 г. Дворяне и дети боярские, вопреки установившемуся мнению, в то время в основной массе сохранили верность В. Шуйскому и боролись с приверженцами самозванца, так как после зимы 1607—1608 гг. прекрасно знали, что несет для них новая власть. «Шатость», судя по всему, была вызвана острым недовольством неспособностью руководства страны разгромить движение самозванца и защитить оказавшиеся в полосе наступления врагов дворянские вотчины и поместья.

Победы отрядов Лжедмитрия II, как справедливо считал С.М. Соловьев, в большей степени были достигнуты, благодаря значительному ослаблению государственного порядка после восстания И.И. Болотникова, глубокому кризису дворянского ополчения и бездарному управлению страной и правительственными войсками.

Прибытие в стан самозванца Мнишков и инфляндских солдат явилось причиной серьезного кризиса движения Лжедмитрия II, во многом сходного с весенним кризисом 1608 г., который в отличие от предшествующего не разрешился победой одной из сторон, а привел к временному компромиссу между «гетманами» Р.Н. Ружинским и Я. Сапегой и их солдатами. Раздоры между наемниками и прибытие в Тушино отряда А. Лисовского, по-видимому, несколько укрепили позиции «русских повстанцев» в движении Лжедмитрия II, но это существенно не повлияло на ситуацию в стане самозванца. Она по-прежнему оставалась весьма сложной и в любой момент могла закончиться поражением выступавших под знаменами царика сил. Василий Шуйский имел реальные шансы одержать победу над противником, но, разуверившись в своих воинах и положившись целиком на дипломатию, эти возможности упустил.

Немногие сохранившиеся данные о народных волнениях в Новгороде Великом и восстаниях в Пскове, в Псковской и Новгородской землях в сентябре 1608 г. показывают, что они произошли вне прямой связи с событиями в Тушино в результате местных социальных конфликтов. Данные Псковских повестей, отразивших оценки людей, придерживавшихся различных политических взглядов, не подтверждают сложившихся представлений, что переход Пскова и его пригородов на сторону самозванца произошел в результате восстания посадских низов — «меньших людей» против верхов — «больших людей». Источники рисуют более сложную картину. Псковский посад до последней возможности отстаивал общеземские интересы и старался противодействовать как своевольству и происках городских богатеев и поддерживавших их городских воевод, так и действиям получивших «волю» «худых или мелких людей». Очевидцы единодушно свидетельствуют, что окончательно чашу весов в пользу самозванца в Пскове склонила весть о прибы-

тии шведского вспомогательного войска в Россию. Основными силами восстания в пользу самозванца на Псковщине, как и на Северщине, являлись служилые люди по прибору, обедневшие дети боярские, боевые холопы, казаки и подымщина, а не псковские «меньшие люди».

Источники подтверждают наблюдение С.Ф. Платонова, что между новгородскими и псковскими событиями имелось много общего. Современники прямо говорят, что переговоры со шведами и вести о приглашении наемного войска в Россию явились главной причиной, подтолкнувшей гарнизоны новгородских пригородов и сельских жителей пятин вслед за псковичами присягнуть самозванцу. От ареста и гибели кн. М.В. Скопина-Шуйского спасла позиция, занятая новогородским посадом, который не захотел иметь дело с приверженцами самозванца и в отличие от псковского посада не позволил втянуть себя в борьбу между «имущими» и «деклассированными элементами».

Важнейшим итогом событий на северо-западе страны явилось создание нового очага повстанческого движения на Псковщине, Великих Луках и прилегающих к ним городах Немецкой и Литовской украин.

Изучение обстоятельств утверждения власти Тушинцев в Замосковье не подтвердило гипотезы И.С. Шепелева, что столь блестящих успехов тушинцы добились благодаря классовой борьбе народных масс, продолжавших верить в доброго «царя Дмитрия». В документах отсутствуют сведения о народных расправах над дворянами, богатыми гражданами и царской администрацией. В тех местах, где имели место народные волнения, присягу Вору организовывали либо царские воеводы, например кн. Ф.П. Барятинский и И.Н. Пушкин; либо опальные дворяне, такие как окольничий И.И. Годунов или местные князьки — Иль-Мурза Юсупов, во всех посольствах к самозванцу были представители дворян, посадских и крестьян. Головокружительные успехи, как и раньше, были достигнуты тушинцами вследствие ослабления государственного порядка в стране, бездарности властей, благодаря страху и замешательству, которые охватили население Замосковья и Поморья. Дворяне, вопреки мнению И.С. Шепелева, до последней возможности поддерживали царя Василия в его борьбе с тушинцами, но,

потерпев поражения в сражении у Рахманцева и в бою у Ростова, вместе с посадскими и крестьянами были вынуждены принести присягу самозванцу. Земцы надеялись, что таким образом спасут свое имущество от разграбления тушинцами. Победы, одержанные самозванцем над В. Шуйским, внушали иллюзии на скорое окончание войны и возвращение к мирному труду. К концу ноября 1608 г. остатки правительственных войск были блокированы тушинскими отрядами в Москве, Смоленске, Новгороде Великом, Нижнем Новгороде, Казани, Переяславле Рязанском, Коломне, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях. Население Устюга Великого и других городов Северного и Восточного Поморья, Сибири заняло выжидательную позицию. Положение царя Василия Шуйского и правительственных сил стало почти безнадежным.

Проведенное исследование не подтвердило сложившиеся в литературе представления о Василии Шуйском как «боярском царе», а о его правлении как «аристократической реакции». Царь Василий, также как прежние московские государи, продвигал на ключевые места в органах государственного управления «своих людей», зачастую незнатного происхождения, отбирая их по принципу личной преданности. Одновременно он закрыл доступ к престижным чинам и должностям представителей оппозиции, хотя они вполне на них могли претендовать, согласно местническим счетам. Кадровая политика, по-видимому, явилась одной из причин военных поражений, преследовавших правительственные войска в борьбе с самозванцем. Попытки В. Шуйского возложить ответственность за неудачу на оппозицию и репрессии, которым он подверг своих «недругов» летом 1608 г., подтолкнули часть молодых аристократов, в основном дворян московских и стольников, к отъезду в Тушино. Их бегство свидетельствовало о глубоком кризисе Государева двора и в немалой степени способствовало ослаблению государственного порядка в стране. Однако масштабы «перелетов» не следует преувеличивать. Большинство высших иерархов церкви, думцев и основная масса членов Государева двора сохранила верность В. Шуйскому и до конца боролась с самозванцем и его приверженцами.

Беглецы-аристократы получили у царика думные чины и изрядно потеснили в Воровской думе его прежних «бояр» и

«окольничих». Присяга Лжедмитрию II большей части дворянских корпораций позволила образовать в Тушине новый Государев двор и органы центрального и местного управления. Созданные в Тушине государственные структуры не являлись какой-то принципиально новой формой «революционного» режима и были точной копией московских органов власти, хотя и более пестрыми по составу. Существенные отличия имело только войско самозванца, ядро которого составляли отряды наемников и казаков, а не дворянское ополчение, как это было в Москве. Они были профессионально лучше подготовлены и вооружены, проблема заключалась в том, что их содержание требовало огромных средств, которые разоренная гражданской войной Россия дать не могла.

Попытка тушинского руководства переложить основные тяготы по его содержанию на население северных и северо-восточных уездов России дорого стоила земцам Замосковья и Поморья и оказала значительное влияние на дальнейшую судьбу движения самозванца. В считанные месяцы местное население подверглось невиданному ограблению как через традиционную систему сбора податей, так и через учрежденные иноземцами чрезвычайный налог-«поносовщину» и систему «приставств». Конфискации сопровождались ничем не прикрытым насилием и крайней жестокостью.

Ситуацию усугубило быстрое превращение отрядов фуражиров наемного войска — загонщиков в разбойничьи шайки, которые вышли из повиновения у своих хозяев — иноземных солдат и занялись бесчинствами и открытым грабежом мирного населения. Кое-где авторитетные тушинские местные воеводы, опиравшиеся на сильные дворянские корпорации (Суздальский, Владимирский уезды), некоторое время могли поддерживать порядок на своих территориях и принимать решения, учитывающие интересы земщины. Но это было скорее исключением, чем правилом. Попытки местных воевод справиться с разбойниками неизменно наталкивались на противодействие наемников, тайно поощрявших своих слуг на грабеж. Только открытое неповиновение пахоликов, смекнувших, что в сложившихся условиях они вполне могут обойтись без своих хозяев, заставило тушинское руководство принять меры против разбойников, но было уже поздно. Показательные экзекуции

над грабителями и насильниками, имевшие место в первые месяцы службы наемников у самозванца, навсегда ушли в прошлое. Хозяйство северо-восточных уездов России в короткие сроки пришло в упадок. Иная ситуация сложилась в бывших центрах повстанческого движения, где не было иноземных отрядов (Северщина, Псковщина, Астрахань). Несмотря на значительные налоговые тяготы и «поносовщину», тушинская местная администрация, состоявшая, как правило, из местных дворян, смогла сохранить контроль за ситуацией, учесть интересы земщины и заручиться ее поддержкой. Именно поэтому Лжедмитрию II и его приверженцам даже после распада Тушинского лагеря удалось сохранить здесь свое влияние.

Неспособность местных властей в Замосковье и Поморье навести порядок и пресечь грабежи и насилия привели к падению их авторитета и утрате ими реальной власти. Вмешательство наемников в дела местного управления привели к созданию параллельных управленческих структур: комендантов иноземных гарнизонов в городах и приставов в волостях, которые довольно быстро заменили утративших власть городовых воевод и приказчиков, земских и губных старост и целовальников. Но и эти новые структуры не долго обладали властью, так как иноземцы использовали ее исключительно для достижения одной цели — изъятия у населения средств для удовлетворения собственных непомерных запросов. Именно поэтому новые власти довольно быстро дискредетировали себя не только в глазах посадских и крестьян, но и дворян, бояр и духовенства. К исходу 1608 г. жизненные устои и порядок в уездах Замосковья окончательно рухнули, уступив место культу силы и произвола. Местным земцам ничего не оставалось делать, как поднять восстание против тушинцев и попытаться восстановить разрушенный порядок.

Проведенный анализ характера движения против тушинцев в Замосковье и Поморье позволяет прийти к выводу, что оно было земским, а не освободительным или антифеодальным. Только в Костроме и Галиче зимой 1608—1609 гг. борьба посадских и крестьян с тушинцами переросла в открытый социальный конфликт, который, однако, довольно быстро удалось погасить. Земское движение проходило под лозунгами изгнания «иноверцев» и уничтожения их приспешников за вос-

становление власти законного царя Василия Шуйского. Выступление народа спасло царя Василия Шуйского и его сторонников от окончательного разгрома. Ополченцы помогли царским воеводам кн. М.В. Скопину-Шуйскому и Ф.И. Шереметеву отбить натиск тушинских отрядов, создали благоприятные условия для воссоздания правительственных войск и еще до их перехода в наступление освободили Поморье и значительную часть Замосковья и Новгородской земли от врагов. Земцы отвлекли на себя значительные силы приверженцев самозванца, что помогло защитникам Москвы, Коломны, Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей выстоять. В свою очередь «крепкостоятельство» осажденных в Москве, Коломне, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях и реальная помощь воевод кн. М.В. Скопина-Шуйского и Ф.И. Шереметева, которые превратили Новгород Великий, Устюг Великий, Нижний Новгород и Казань в основные опорные пункты борьбы с тушинцами, помогли развертыванию земского движения в Замосковье и Поморье.

Произвол, чинимый тушинцами в захваченных ими северных и северо-восточных уездах страны, восстание против тушинцев в Замосковье и Поморье, а также известия о подготовке вторжения королевских войск в Россию, вызвали нарастание кризисных явлений в движении самозванца. Бунты наемных солдат в феврале — марте 1609 г.едва не привели к бегству самозванца и распаду Тушинского лагеря. Иноземные солдаты отбросили последние церемонии и установили полный контроль над тушинским аппаратом государственного управления, приспособив его для одной цели — ограбления захваченных территорий России.

Установленные наемниками порядки, как свидетельствует переписка Лжедмитрия II и городовых воевод с Я. Сапегой, вызвали растущее недовольство *тушинских думцев и приказных*. Покинув Московский двор в рассчете сделать карьеру в Тушине, молодые аристократы и приказные получили высокие чины и награды, но не реальную власть. Их новыми и старыми вотчинами и поместьями владели иноземные наемники и казаки, а высокие оклады оставались без реального обеспечения деньгами. В письмах тушинской знати к Я. Сапеге радость от полученных чинов и земельных пожалований довольно быстро ус-

тупила место разочарованию, что полученным не удается воспользоваться. *Провинциальные дворяне*, рассчитывавшие службой Вору спасти и приумножить свое имущество, вскоре убедились, что их надеждам не суждено сбыться. Крестное целование самозванцу, как видно из проанализированных дворянских челобитных, не спасло их имущество от грабежей разбойников и непомерных поборов. Боевых холопов тушинцы поверстали в казаки, а самих дворян и детей боярских — заставили проливать кровь в братоубийственной войне с приверженцами Василия Шуйского. Чины, награды, земельные и денежные пожалования доставались в основном «воровским» боярам. Больше всех пострадали *посадские и крестьяне*, которых тушинцы обобрали до нитки и толкнули на край гибели. Лишившись средств к существованию, не имея никакой другой возможности выжить, они стали главной силой восстания против тушинцев. *Казачество*, благодаря возвращению из тюрем бывших болотниковцев и верстаниям в станицы холопов из Замосковья и Поморья, превратились во влиятельную силу в Тушинском лагере. Казалось, казаки близки к тому, что их «царь» сядет на Московский престол, но при этом они не могли не видеть, что плодами их побед пользуются другие: бояре, дворяне, наемники и что «государево жалование» до них не доходит. Не все было благополучно и в наемном войске самозванца. Соперничество между гетманами, командирами наемного войска, солдатами из-за дележа добычи, насилия и грабежи мирного населения вели к падению дисциплины и разложению наемного войска. Среди *иноземных солдат* все чаще звучали призывы получить «заслуженное» и убраться восвояси подобру-поздорову. Возникший в Замосковье и Поморье режим, как видно из сделанных наблюдений, породил тугой узел острых противоречий в движении самозванца, которые, развиваясь, подрывали его изнутри и толкали к краху. Начавшийся в конце 1608 г. переход на сторону Василия Шуйского посадских и крестьян, а весной 1609 г. — дворян свидетельствовал, что режим вступил в полосу глубокого кризиса задолго до распада Тушинского лагеря. *Повстанческое движение подверглось явному перерождению.*

В ходе напряженных боев мая 1609 — марта 1610 гг. правительственным войскам и отрядам ополчений удалось нанести военное поражение сторонникам самозванца. Проведенное ис-

следование подтвердило вывод И.С. Шепелева, что правительственные войска одержали победу над врагом, главным образом, благодаря массовой поддержке населения Замосковного края, а не в результате иноземной помощи. Появление наемников в армии М.В. Скопина-Шуйского сразу же создало те же проблемы, что и в войске самозванца. Солдат интересовала звонкая монета и богатая военная добыча, поэтому их содержание легло тяжким бременем на население освобожденных земель и ухудшило и без того тяжелое положение податного населения. В решительный момент после победы под Тверью наемники покинули войско и тем самым поставили его в тяжелое положение. Первые же месяцы пребывания наемников в правительственной армии показали, что с их помощью не удастся добиться освобождения страны от иноземцев. В этой ситуации М.В. Скопин сделал правильный выбор, решив опереться на массовое земское движение в Замосковье и Поморье и создав из отрядов земских ополчений новую правительственную армию.

Неприятие большей частью населения страны тушинского режима, победы правительственных войск, вторжение королевской армии в Россию деморализовали отряды самозванца и усугубили во второй половине 1609 г. кризис его движения. Наемники вышли из повиновения. Распри и споры из-за добычи часто перерастали в вооруженные столкновения. От движения Лжедмитрия II начали отходить ветераны повстанческого движения и казаки, осознавшие, что их пот и кровь используют иноземцы в корыстных интересах.

Бегство царика 27 декабря (6 января) 1609 г. привело к распаду Тушинского лагеря и размежеванию сил, входивших в его движение. Верность Лжедмитрию II сохранили ветераны повстанческого движения: служилые люди и казаки южных и юго-западных уездов России. Тушинские Боярская дума и Двор раскололись. Одни бояре и члены Тушинского двора во главе с М.Г. Салтыковым и кн. В.М. Рубцом-Мосальским отправилась под Смоленск к королю и заключили договор об избрании королевича Владислава, другие — под предводительством кн. Д.Т. Трубецкого, М.И. Колодкина-Плещеева и кн. Засекиных ушли к самозванцу в Калугу, третьи — в число которых входили кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский и «патриарх» Филарет, волей или неволей попали к В. Шуйскому в Москву. Под влия-

нием внутренних раздоров и ударов правительственных войск наемное войско самозванца распалось. Наиболее боеспособные полки с помощью бывших тушинских бояр смогли договориться с Сигизмундом III и вернуться на королевскую службу. Основная же масса иноземных солдат оказалась брошенной на произвол судьбы.

Правительственным войскам удалось добиться значительных успехов в борьбе с приверженцами самозванца и восстановить контроль над поддерживавшими В. Шуйского в течение 1606—1608 гг. центральными, северными и северо-восточными уездами страны. Однако движение Лжедмитрия II, несмотря на военные поражения, распад Тушинского лагеря и происшедшее размежевание собравшихся под знамена самозванца сил не было разгромлено окончательно. Самозванец и его приверженцы укрепились в Калуге и не утратили надежд взять реванш. Гражданская война с распадом Тушинского лагеря не была завершена. Более того, она оказалась осложнена интервенцией Речи Посполитой против России и растущим вмешательством в русские дела Швеции.

После распада Тушинского лагеря движение Лжедмитрия II, как показывает его изучение, пережило короткий период подъема и только после этого распалось. Вопреки сложившимся представлениям, его основными движущими силами по-прежнему являлись служилые люди и казаки южных, юго-восточных и северо-западных уездов страны, а не только казаки. Ведущую роль в руководстве движением играли «воровские» бояре, происходившие из знатных московских родов, хранивших традиции опричной среды. Благодаря бегству в Калугу, они смогли освободиться от вмешательства иноземцев и придать новый импульс движению самозванца. В Калуге был создан альтернативный московскому государственный режим в традиционных для России формах: царь, Боярская дума, Государев двор, воеводское управление на местах и пр., но и он в конечном счете оказался нежизнеспособным. Самозванец и его бояре, преследуя исключительно корыстные интересы, не смогли объединить под своими знаменами земщину даже тогда, когда русский народ после Клушинского поражения и падения Василия Шуйского, оказался на грани национальной катастрофы, а отряды самозванца являлись реальной силой, способной

противостоять иноземному вторжению. Установившиеся в Калуге порядки, сильно напоминавшие опричные, подорвали доверие к самозванцу и его окружению даже у поддерживавших его жителей южных и юго-западных уездов страны. Запущенная боярами Лжедмитрия II машина террора в конечном счете погубила самого самозванца и привела к краху его движение.

События 1607—1610 гг. являлись кульминаций гражданской войны, которая с осени 1609 г. была осложнена иностранной интервенцией. Гражданская война переросла в национально-освободительную только после гибели Лжедмитрия II, когда земцы и повстанцы смогли, наконец, преодолеть свои разногласия и объединиться в движение земских ополчений в борьбе против внешних врагов.

Приложение

ЧЛЕНЫ ГОСУДАРЕВА ДВОРА ЛЖЕДМИТРИЯ II

БОЯРЕ

№	ФИО	Первая служба	Первое упоминание в последнем чине Моск. двора	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Барятинский Ф.П. кн.	1588 г. жилец[1]	1598 г[2].	дв. м. в Ивангороде[3]	дв. м. в Ивангороде[4]	**боярин в Ярославле**[5]	**в Ярославле боярин**[6]	**в Новгороде-Северском**[7]
2	Бутурлин М.М.		1606 г.	стольник под Калугой[8]		**отъехал в Тушино**[9]	**боярин?**	**в Калуге боярин Сыскного приказа?**[10]
3	Вельяминов М.И.	1588 г. дв. м[11].	1588 г.			**боярин во Владимире**[12]	**уб. во Владимире**[13]	
4	Вельяминов-Зернов Н.Д.	стряпчий[14]	1592 г[15].	воевода в Ядрине[16]			**боярин**[17]	боярин
5	Волынский И.И.	1588 г. жилец[18]	1588 г.	в. дв. Мещевск?[19]		**боярин в Ярославле**[20]	**боярин в Ярославле**[21]	дв. м.[22]
6	Волынский П.С.	1603 г. в. дв. Ржева Вл.[23]	1603 г.			**боярин**[24]		
7	Годунов И.И.	1602 г. окольн.[25]	1602 г.	в опале[26]	в опале[27]	**в Тушине боярин**[28]	**в Тушине боярин**[29]	**в Калуге казнен**[30]
8	Долгорукий-Оболенский Ф.Т. кн.	1605 г. в Москве боярин[31]	1605 г.		оставл. на Москве[32]		на Рязани[33]	**в Кашире умер**[34]
9	Заруцкий И.М.			**атаман у Болотникова**[35]	**орг. интриги**[36]	**боярин**[37]	**боярин Казач. пр.**[38]	у Сигизмунда[39]
10	Засекин-Ярославский-Жировой А.Ф. кн.	1588 г. сл. кн.[40]	1606 г.[41]	Москва, окольн.[42]	Торопец, воевода[43]	Торопец, воевода[44]	**боярин в Пскове**[45]	Москва, окольн., умер[46]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
11	Засекин-Ярославский И.П. кн.			жилец?[47]		**в Тушине**[48]	**боярин?**[49]	**боярин, увел тушинцев в Калугу?**[50]
12	Засекин-Ярославский С.П. кн.			жилец?[51]		**отъехал в Тушино**[52]	**боярин**[53]	**боярин воев. в Арзамасе**[54]
13	Звенигородский С.Г. кн.	1577 г. в. дв., Дорогобуж[55]	1606 г.	дв. м. в Чернигове[56]		**боярин дворецкий**[57]	**боярин дворецкий**[58]	**боярин дворецкий**[59]
14	Мосальский-Рубец В.М. кн.	1605 г. Москва, боярин, двор.[60]	1605 г.	боярин, воевода в Кореле[61]	Корела, воевода[62]	Корела, воевода до 1.09.[63]	**боярин в Тушине**[64]	боярин, служит королю[65]
15	Нагой А.А.	выб. дв.[66]	1606 г.	стольн. под Калугой[67]		**в Тушине с декабря**[68]	**боярин?**[69]	**Поместн. прик. в Калуге до августа,** затем стольн. в Москве[70]
16	Наумов-Хрулев И.Ф.	1598 г. в. дв., Медынь[71]	1598 г.				**боярин в Ростове**[72]	**у Вора**[73]
17	Плещеев-Глазун И.В.			стряпчий[74]				**боярин в Калуге**[75]
18	Плещеев-Колодкин М.И.		1606 г.	стольн. под Калугой[76]		**боярин в Ростове**[77]	**боярин, увел тушинцев в Калугу**[78]	**боярин в Коломне**[79]
19	Плещеев Ф.М.			стряпчий?[80]		**боярин воев. Великих Лук**[81]	**боярин воев. Великих Лук**[82]	**боярин воев. в Пскове**[83]
20	Ржевский А.Н.	1588 г. в. дв. Рязань[84]	1606 г.	дв. м.[85]	разбирал заборских казаков[86]	в Брянске[87]	**боярин в Тушине**[88]	
21	Ржевский И.Н.	1588 г. выб. дв., Рязань[89]	1606 г.	дв. м.[90]	воевода под Москвой[91]	в Ладоге[92]	**боярин в Тушине**[93]	дв. м.[94]
22	Салтыков М.Г.	1601 г. боярин[95]	1601 г.	Ивангород, боярин[96]	Ивангород, боярин[97]	в Орешке воевода[98]	**в Тушине**[99]	служит королю[100]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
23	Сицкий-Ярославский А.Ю. кн.	1588 г. стольн.[101]	1588 г.	кравчий[102]		**боярин?**[103]		**до августа в Калуге**[104] дв. моск. у пристава
24	Троекуров-Ярославский Р.Ф. кн.	1598 г. стольн.[105]	1598 г.	стольн., воевода в Сибири[106]	воевода в Сибири[107]	**боярин**[108]	**боярин**[109]	
25	Трубецкой Д.Т. кн.	1604 г. стольн.[110]	1604 г.	стольн.[111]		**боярин**[112]	**боярин, увел тушинцев в Калугу**[113]	**в Калуге**
26	Трубецкой Ю.Н. кн.	1598 г. стольн.[114]	1598 г.	стольн.[115]		**боярин**[116]		боярин[117]
27	Туренин-Оболенский М.С. кн.	1588 г. сл. к.[118]	1606 г.	Москва дв. м.[119]	с царем на Тулу, боярин[120]	Москва, боярин[121]	Коломна, воевода[122]	**Коломна, боярин**[123]
28	Хворостинин-Ярославский И.Д. кн.	1603 г. окольн.[124]	1603 г.	Астрахань окольн.[125]	**боярин, Астрахань**[126]	**боярин, Астрахань**[127]	**боярин, Астрахань**[128]	**боярин, Астрахань**[129]
29	Черкасский Д.М. кн.	двор. моск[130]	1606 г.	стольн. под Калугой		**боярин в Тушине**[131]	**боярин и воев. в Вязьме**[132]	**в Калуге**[133]
30	Шаховский-Ярославский Г.П. кн.	1588 г. в. дв., Козельск[134]	1606 г.[135]	**дв. м. в Путивле изменил**[136]	**пленен в Туле**[137]	**боярин в Тушине**[138]	**боярин в Тушине**[139]	**боярин в Калуге**[140]

ОКОЛЬНИЧИЕ

№	ФИО	Первая служба	Год получения чина в Москве	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Безобразов-Шарапов Н.И.	1588 г. в. дв., Старица[141]	1588 г.				**окольн.**[142]	у Сигизмунда[143]
2	Грязной-Ховрин Т.В.	1588 г. в. дв., Углич[144]	1598 г.[145]	дв. м. в Касимове[146]	в Касимове[147]	в Москве[148]	**окольн.**[149]	у Сигизмунда окольн.[150]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Долгорукий-Оболенский Д.И. кн.		1606 г.	дв. м. на Воронеже[151]		на Рязань[152]	**окольн.**[153]	
4	Засекин-Ярославский Ф.П. кн.				**воев. Лжепетра в Михайлове**[154]	в тюрьме у В. Шуйского[155]	**окольн.?**[156]	**до авг. 1610 г. в Калуге**[157]
5	Киреев Ф.А.	с.б. Арзамас					**окольн. воев. в Арзамасе уб.**[158]	
6	Мещерский-Бородавкин Ф.Ф. кн.	1577 г. в. дв. Бежецк[159].	1606 г.	столь.[160]	рында[161]	.	**окольн., 1609 г.**[162]	столь.
7	Молчанов М.А.	1598 г. в. дв. Вязьма[163]	1598 г.	**Самборский вор**[164]			**окольн.**[165]	окольн. у Сигизмунда[166]
8	Мосальский-Горбатый Д.В. кн.	1604 г. дв. м.[167]	1604 г.	дв.м. **изменил**[168]	**окольн. в Рославле**[169]	**окольн. в Костроме убит**[170]		
9	Плещеев Л.А.	жилец[171]	1606 г.	столь. на службе[172]		**кравчий?**[173]	**воев. у Троицы**[174]	столь.[175]
10	Плещеев-Смердов Ф.К.	1588 г. в. дв. Суздаль[176]	1588 г.				**окольн. Суздаль**[177]	**в Калуге до авг. 1610 г.** стряп.[178].
11	Сумбулов Г.Ф.	1602 г. в. дв. Рязань[179]	1606 г.	дв. м.[180]	воев. в Мещовске[181]		**окольн.?**[182]	**в Калуге**[183] дв. м.[184]
12	Сутупов Б.И.	1605 г. д. дьяк, печат.[185]	1605 г.				**Тушино, окольн.**[186]	**Калуга, окольн**[187]**.**
13	Хворостинин-Ярославский Ю.Д. кн		1605 г.[188]	под Калугу, рында[189]			**окольн.? посол к Сигизмунду**[190]	окольн. пущен при Литве[191]

ДУМНЫЕ ДВОРЯНЕ

№	ФИО	Первая служба	Год получения посл. чина в Москве	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	Андронов Ф.	торговый. мужик[192]	1609 г.				**дум. дв?**[193]**.**	казначей «пущен при литве»[194]
2	Бегичев И.Г. Дубина		1608 г.			**воев. в Вязьме**[195]	**дум. дв?**[196]	1611 г. дум. дв. в ополчении[197]
3	Веревкин Г.М.		1607 г.		с.б. Стародубец[198]		**дум. дв**[199]**.**	**уб. под Иосифовым**[200]
4	Загряжский И.Иг.	1588 г. в.дв. Коломна[201].	1588 г.	строил суда для крымского похода[202]				**дум. дв. Вора**[203]
5	Зубов Иван		1608 г.			**в Тушине**[204]	**дум. дв.**[205]	у Сигизмунда[206]
6	Кашинец Г.		1607 г.		посадский[207]	**подскарбий**[208]		

ДУМНЫЕ ДЬЯКИ

№	ФИО	Первая служба	Год получения посл. чина в Москве	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Грамотин И.Т.	1605 г. дум. дьяк[209]	1605 г.	Псков дьяк[210]	Псков дьяк[211]	Псков дьяк[212]	**Тушино дум. дьяк**[213]	Москва дум. дьяк[214]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2	Линев С.И.	1602 г. в. дв. Ржева[215].	1608 г.	голова в Осколе[216]		**дум. дьяк**[217]		у Стигиз-мунда[218]
3	Лопухин - Нехороший Ф.В.		1608 г.			**дум. дьяк**[219]	**дум. д. посол на сейм**[220]	**дум. д. в Калуге**[221]
4	Луговской И.Л.						**дум. д. во Пскове**[222]	**дум. дьяк во Пскове**[223]
5	Рындин Д.Т.		1607 г.[224]		дум. д. в Стародубе[225]			**в Калуге казнил немцев**[226]
6	Софронов Д.И.	1602 г. в. дв. Карачев[227]	1608 г.			**печатник и дум. дьяк**[228]		печ. и дум. д.[229] в ополчении
7	Третьяков П.А.	1605 г. дьяк[230]	1608 г.		подьячий[231]	**дум. д. Помест. прик.**[232]	**дум. д. Помест. прик.**[233]	**дум. д. Помест. прик.**[234]
8	Чичерин И.И.	его отец в. дв. Козельск[235]					**дум. д. Помест. прик.**[236]	у Сигиз-мунда[237]

СТРЯПЧИЕ С КЛЮЧОМ

№	Ф.И.О.	Чин начала службы	Год получения чина	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Кошелев К.Я.		1609 г.				**спальн.**[238]	
2	Кошелев Н.М.		1609 г.				**спальн.**[239]	**в Калуге**[240]
3	Кроликовский		1607 г.		**спальн.**[241]			
4	Кухаревский С.		1609 г.				**спальн.**[242]	
5	Михнев Иг. И.	1602 в.дв. Тула[243]	1602 г.	**воев. в Путивле**[244]			**спальн.**	**спальн.**[245]
6	Нащекин Ф.Ил.	1588 г. в.дв. Кашира[246]	1588 г.			**спальн. воев. в Вологде**[247]		

1	2	3	4	5	6	7	8	9
7	Отяев П.Ф.	1608 г. в.дв. Юрьев[248]	1610 г.					**спальн. Вора**[249]
8	Стрыжевской М.И.		1610 г.				**коморник**[250]	

СТОЛЬНИКИ

№	Ф.И.О.	Чин начала службы	Год получения чина	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Баучаров И.А.							**стольн.**[251]
2	Вельяминов С.М.	жилец[252]	1604 г.[253]	воев. в Брянске[254]		**в Тушине**[255]		бывший в жильцах
3	Волконский-Муромский-Веригин Вл.Ф. кн.	жилец?				**стольн. Воев. в Угличе**[256]		
4	Волконский-Муромский Л.Ф.							**стольн?**[257]
5	Головленков И.А.	1602 г. в. дв. Ржева Вл.[258]	1602 г.			**стольник, воев. в Угличе**[259]		
6	Грязной Б.Т.						**стольн.**[260]	стольн.
7	Киреев В.Ф.						**стольн.**[261]	**стольн.**[262]
8	Киреев Ф.Ф.						**стольн.**[263]	**стольн.**[264]
9	Мещерский Ю.Аф. кн.						**стольн.**	у Сигизмунда[265]
10	Мосальский Литвинов А.Ф кн.		1606 г.[266]	стольн. под Калугой			**в Тушине**[267]	**в Калуге?**[268] стольн.
11	Мосальский-Клубков В.В. кн.		стольн.				**в Тушине**[269]	стольн.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
12	Мосальский-Литвинов В.Ф. кн.	дв. моск[270].	1606 г.[271]	стольн. под Калугой		**в Тушине[272]**		окольн.
13	Нагой Н.Ю.			стольн.			**попал в плен[273]**	
14	Плещеев Н.Ю.	жилец[274]				**в Муроме[275]**		стольн. «пущен при литве»
15	Посовецкий А.З.	атаман					**стольн.[276]**	**стольн.[277]**
16	Посовецкий И.З.	атаман						**стольн.[278]**
17	Салтыков И.М		1606 г.	стольн. отослан		**в Тушине отцом[279]**		стольн. в Новгороде боярин
18	Салтыков П.М.		1606 г.	стольн. с отцом		**в Тушине с отцом[280]**		стольн.
19	Сулешов Ю.Я. кн.	стольн.[281]	1604 г.	стольн. под Калугой[282]		на Москве[283]	ушник Шуйского[284]	**в Калуге у Вора[285]**
20	Татищев В.Иг.	стряпчий[286]	1606 г.	стольн.		**в Тушине?[287]**	**его Вор обвинил в измене?[288]**	стольн.
21	Татищев Ю.Иг.		1606 г.	стольн.				**в Калуге?[289]**
22	Толбузин Я.В.							**стольн.[290]**
23	Тюфякин-Оболенский В.М. кн.	Двор. моск[291]	1606 г.	стольн.		**в Тушине ?**[292]		стольн.
24	Тюфякин-Оболенский Г.В. кн.		1606 г.	стольн. в сбор		**в Тушине?**		**в Калуге?[293]**
25	Урусов А. кн.		1606 г.	стольн.		**отъехал в Крым[294]**	**в Тушине**	
26	Урусов П.Я. кн.		1604 г[295].	рында[296]		**отъехал в Крым[297]**	**воев. под Коломной[298]**	**в Калуге[299]**

1	2	3	4	5	6	7	8	9
27	Хилков-Старо-дубский П.А кн.		1606 г.	стольн. под Калугой				**стольн. в Калуге**[300]
28	Хованский Ан.Ан. кн.		1598 г.[301]	стольн. под Калугой		**в Тушине**[302]		**в Калуге?**[303]
29	Черкасский В.П.							**стольн.**[304]
30	Черного-Оболенский Ф.Т. кн.		1610 г.			**в Тушине**[305]		стольн. есть
31	Шаховский-Ярославский Н. кн.						**стольн.**	у Сигиз-мунда[306], **затем у Вора**[307]
32	Шейдяков М.		1606 г.	стольн. вписан		**в Тушине**[308]		
33	Шереметев В.П.		1606 г.	стольн. с отцом в Пскове		**в Тушине**[309]		**стольн. в Калуге**[310]
34	Шереметев И.П.		1604 г.[311].	стольн. под Калугой вычеркнут	рында[312]			**стольн. в Калуге?**[313]
35	Юсупов П.Ч. кн.		1606 г.	1606 г.		**в Тушине**[314]		**стольн. в измене**

СТРЯПЧИЕ С ПАЛАТЬЕМ

№	Ф.И.О.	Родство	Должность предка	1604 г.	1605–1606 г.	1606–1607 г.	1608–1609 г.	1610 г.[315]
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Барятинский М.Ф. кн.	сын кн. Ф.П. Барятинского	дв. м. **в Тушине боярин**[316]					стряп.
2	Бутурлин Ф.М.	сын М.М. Бутурлина	дв. м. **в Тушине боярин**[317]					стряп.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Грязной Б.Т.	сын Т.В. Грязного	1607 г. дв. м. **1609 г. в Тушине**[318]					стряпч.
4	Иванов А.						**стряп.**[319]	
5	Киреев И.А.	с. б. Арзамас						**стряп.**[320]
6	Лихарев Н.П.	сын П.Я. Лихарева	1588 г. в. дв. Кашира[321]				**у Вора**[322]	стряп.
7	Лихачев Т.					**стряп.**[323]		
8	Мезецкий Ф.Д. кн.	сын Д.Д. Мезецкого	1588–1608 гг. в. дв. Юрьев[324]				**в Тушине**[325]	стряп.
9	Мрачев К.						**стряп. (?)**[326]	
10	Орлов В.Н.					**спряп.**[327]		
11	Палицын А.Ф.					**стряп.**[328]		стряп.
12	Рязанов П.					**стряп.**[329]		

ДВОРЯНЕ МОСКОВСКИЕ

№	Ф.И.О.	Первая должность	Первое уп. Дв.м.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Благого И.О.	1558 г. в. дв. Ржева[330]	1588 г.				**дв. м.**[331]	дв. м. у Сигизмунда[332]
2	Бахтеяров-Ростовский В.И. кн.	1577 г. дв. м.[333]	1577 г.			**переведен из Астрахани**[334]	**бежал из Тушина в Москву**[335]	Боярин, пожалован за весть о бегстве Вора[336]
3	Белосельский-Белозерский З.В. кн.	жилец?	1610 г. (?)				**дв. м.**[337]	у Сигизмунда[338]
4	Белосельский-Белозерский М.В. кн.	1604 г. жилец?[339]	1610 г.				**дв. м.**[340]	у Сигизмунда[341]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	Барятинский-Манка И.М. кн.	1602 г. в. дв. Суздаль[342]	1606 г.[343]	полковой воев.[344]		**в Тушине**[345]	**воев. в Воронеже**[346]	**воев. в Воронеже**[347]
6	Мосальский-Александров В.Ф. кн.	1604 г. дв. м.[348]	1604 г.	**в Самборе?**[349]	**дв. м. убит в измене**[350]			
7	Мосальский-Хромой И.Д. кн.	1598 г. дв. м.[351]	1598 г.	**дв. м. изменил**[352]	**воев. Лжепетра пленен**[353]			дв. м. Есть[354]
8	Мосальский-Клобуков И.Л. кн.	1598 г. дв. м.[355]	1598 г.	**дв. м. изменил**[356]	**воев. в Ряжске повин.**[357]**.**			дв. м.[358]
9	Приимков-Ростовский А.Д. кн.	1588 г. сл. кн.[359]	1604 г.[360].	дв. м.[361]		**в Кекс-гольме**[362]		дв. м.[363]
10	Пушкин Л.М.	1588 г. в. дв. Бежецк 350[364]		дв. м.[365]			**пленен тушинцами**[366]	
11	Озеров Ф.М.	1602 г. в. дв. Верея[367]					**дв. м.**[368]	дв. м. у Сигизмунда[369]
12	Татищев Г.И.	1598 г. стряп.[370].	1606 г.	дв. м.[371]				**в Калуге?**[372]
13	Хованский И.Ф. кн.	1598 г. стряп. с ключом[373]	1606 г.	дв. м.[374]		**воев. в Ивангороде**[375]	**дв. м. в Ивангороде**[376]	**дв. м. в Ивангороде**[377]
14	Хрипунов Ф.Ю.						**воев. полковой**[378]	на старом Земском дворе[379]
15	Щелкалов И.В.	1598 г. стряп[380]	1606 г.	дв. м. Болен[381]			**в Тушине?**[382]	

ДЬЯКИ

№	Ф.И.О.	Первая должность	Первое уп. в. дв.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Акакиев Я.	Четверщик[383]					**дьяк**[384]	
2	Андронников А.						**дьяк в Ивангороде**	**дьяк в Ивангороде**[385]
3	Апраксин Ф.Н.						**дьяк**[386]	у Сигизмунда[387]
4	Витовтов Е.Я.	1604 г. жилец[388]					**дьяк**	у Сигизмунда[389]
5	Воронов Р.				дьяк на Вологде[390]	**дьяк на Вологде**[391]	дьяк на Вологде[392]	
6	Грязев Б.						**дьяк**[393]	
7	Заборовский С.							**дьяк в Калуге**[394]
8	Истомин А.						**дьяк в Пскове**[395]	
9	Коверниев В.				дьяк в Арзамасе[396]	дьяк в Арзамасе[397]	**дьяк в Арзамасе**[398]	
10	Коверниев И.В.					**дьяк в Вологде**[399]		
11	Копнин М.(Т).						**дьяк в Ярославле**[400]	
12	Леонтьев И.					дьяк на Москве[401]		**дьяк в Калуге**[402]
13	Микулин И.						**дьяк в Тушине**[403]	**дьяк в Арзамасе**[404]
14	Микулин П.И.				Дворцовый дьяк[405]		дьяк в Коломне[406]	**дьяк в Калуге**[407]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
15	Милославский М.И.	жилец?[408]						**дьяк в Иван-городе**[409]
16	Подсосенов А.							**дьяк у Вора**[410]
17	Соловецкий С.М.	из торговых мужиков[411]					**дьяк**	у Сигизмунда[412]
18	Сомов М.							**дьяк в Калуге**[413]
19	Тенкин К.Е.					**дьяк в Пскове**[414]		
20	Терпигорев Г.И.					**дьяк Патриаршего приказа**[415]		
21	Тюхин М.	1605 г. дьяк[416]		подьячий[417]			**дьяк в Тушине**[418]	
22	Уваров И.И.					дьяк на Двине[419]	**дьяк на Двине казнен**[420]	
23	Юрьев В.					**дьяк в Тушине**[421]	**дьяк в Тушине**[422]	у Сигизмунда[423]

ВЫБОРНЫЕ ДВОРЯНЕ

№	Ф.И.О.	Первая должность	Первое уп. в. дв.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Безобразов Осечка И.Р.	1605 г. гонец в Литву[424]	1605 г.				**воев. в Рославле**[425]	у Сигизмунда[426]
2	Безобразов С.Вл.	1588 г. в. дв. Козельск[427]	1588 г.				**у Вора**	у Сигизмунда[428]
3	Благой И.О.	1588 г. в. дв. Ржева Вл.[429]					**у Вора**	у Сигизмунда[430]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4	Болотников С.М.	1610 г. в. дв. Суздаль[431]	1610 г.				**у Вора**	**в Калуге[432]**
5	Болотников Ф.М.	1610 г. в. дв. Суздаль[433]	1610 г.				**в Юрьеве[434]**	1610 г. в. дв. Суздаль[435]
6	Барятинский В.Р. кн.	1603 г. в. дв. Кострома	1603 г.	у И.И. Шуйского под Калугой[436]	голова у Д. Шуйского[437]		**у Вора[438]**	
7	Вельяминов-Зернов Ан.Иг.	1603 г. в. дв. Суздаль[439]	1603 г.	воев. в Цывильске[440]	воев. в Цывильске[441]	воев. в Цывильске[442]	**у Вора[443]**	
8	Вельяминов-Зернов И.Иг.	1603 г. в. дв. Ржева Вл.[444]	1603 г.			воев. в Шацке?[445]	**у Вора[446]**	
9	Витовтов С. Я.	1604 г. в. дв. Ярославль[447]	1604 г.			**у Вора[448]**		
10	Вяземский Аф.	1608 в. дв. Ярославль[449]				голова у И.И. Шуйского[450]	**у Вора[451]**	
11	Вяземский-Смоленский С.В. кн.	1588 г. в. дв. Кострома[452]	1588 г.				**воев. осаждал Нижний[453]**	
12	Гагарин-Стародубский Р.И. кн.	1588 г. в. дв. Верея[454]	1588 г.	полковой воевода[455]	под Калугой[456]		**у Вора[457]**	дв. м. на Костроме[458]
13	Горяинов Петр						**в. дв?**	**воев. Великих Лук[459]**
14	Гурьев П.А.						**в. дв?**	У Сигизмунда[460]
15	Гущин Д.						**в. дв?**	**воев. Стародуба[461]**
16	Давыдов В.А.	1588 в. дв. Коломна[462]	1588 г.				**у Вора[463]**	
17	Давыдов И.А.	1588 в. дв. Коломна[464]	1588 г.				**у Вора[465]**	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
18	Дементьев Ф.Б.	1610 г. в. дв. Арзамас[466]	1610 г.				**у Вора**[467]	**в. дв. Арзамас**[468]
19	Желябужский Ф.Г.	в. дв. Козельск?						**воев. в Белеве**[469]
20	Засекин-Ярославский Солнцов М.И. кн.	1588 г. в. дв. Мещера[470]	1588 г.					**воев. Вора в Арзамасе**[471]
21	Засецкий В.Д.	1598 г. в. дв. Дорогобуж[472]	1598 г.				**у Вора**	у Сигизмунда[473]
22	Зубатой И.Ф.	1603 г. в. дв. Кострома[474]	1603 г.				**у Вора**[475]	у Сигизмунда[476]
23	Зубатый С.Ф.						**в. дв?**	у Сигизмунда[477]
24	Карпов-Миляев К.						**голова казачий**[478]	
25	Карпов М.М.							**воев. Новгорода Северского**[479]
26	Кашкаров Г.И.							**воев. Арзамаса**[480]
27	Кобылин Ф.Ф.						**в. дв?**	у Сигизмунда[481]
28	Колычев Я.М.						**в. дв?**	у Сигизмунда[482]
29	Копнин Ф.Н.						**голова казачий**[483]	
30	Кохановский С.И.	1602 г. в. дв. Коломна[484]	1602 г.	**воевода у Болотникова**[485]	**воевода у Болотникова**[486]			
31	Лазарев Т.Ю.	1588 г. в. дв. Вязьма[487]	1588 г.				**воев. Вора**[488]	в. дв. Суздаль[489]
32	Леонтьев Ю.П.	1588 г. в. дв. Кашира[490]					**дьяк в Тушине**[491]	

[492]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
33	Ловчиков М.Г.	1588 г. в. дв. Владимир[492]	1588 г.				**воев. в Угличе**[493]	
34	Маматов Г.Г.	1598 г. в. дв. Вязьма[494]	1598 г.	в Калуж-ском походе[495]	в Тульском походе[496]		**у Вора**[497]	
35	Мертвой И.Б.	1610 г. в. дв. Арзамас[498]	1610 г.				**у Вора**[499]	1610 г. в. дв. Арзамас[500]
36	Мизинов-Дмитриев М.	1588 г. литвин Кострома[501]	1588 г.		**у Вора**[502]		бежал к В.Шуйскому[503]	
37	Михалков К.						**полковой воев.**[504]	
38	Мякишев Г.П.	1610 г. в. дв. Суздаль[505]	1610 г.			**у Вора**[506]		в. дв. Суздаль[507]
39	Мясоедов В.Ф.	1602 г. в. дв. Верея[508]	1602 г.				**у Вора**	у Сигизмунда[509]
40	Мясоедов-Большой И.Т.	1577 г. в. дв. Верея[510]	1577 г.				**у Вора**	у Сигизмунда[511]
41	Нащокин-Безнин Ф.И.						**в. дв?**	у Сигизмунда[512]
42	Скрыпицын П.И.						**в. дв?**	у Сигизмунда[513]
43	Строкин И.Ф.						**в. дв?**	**воев. Рославля**[514]
44	Телицын Б. Д.						**в. дв?**	у Сигизмунда[515]
45	Толбузин В.Ф.	1588 г. в. дв. Белая[516]	1588 г.				**воев. в Муроме**[517]	
46	Тютчев Аф.Ф.	1602 г. в. дв. Брянск[518]	1602 г.				**у Вора**	**воев. в Почепе**[519]
47	Усов И.В.	1598 г. в. дв. Можайск[520]					**у Вора**	у Сигизмунда[521]
48	Хрипунов Г.Ю.	1602 г. в. дв. Ржева Вл.[522]					**у Вора**	у Сигизмунда[523]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
49	Челюсткин Л.							**воев. в Почепе**[524]
50	Шаховский-Ярославский В.А. кн.							**воев. Великих Лук**[525]
51	Шаховский-Ярославский И.Л. Большой кн.	1590 г. в. дв. Зубцов[526]	1590 г.				**у Вора**	у Сигизмунда[527]
52	Шаховский-Ярославский И.Л. Меньшой кн.						**в. дв?**	у Сигизмунда[528]
53	Шаховский-Ярославский Л.И. кн.	1588 г. в. дв. Зубцов[529]	1588 г.				**у Вора**	у Сигизмунда[530]

ЖИЛЬЦЫ

№	Ф.И.О.	Родство	Должность предка	1604 г.	1605–1606 г.	1606–1607 г.	1608–1609 г.	1610 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Алферьев Ю.						**жилец**[531]	
2	Бегичев С.К.	сын К.Д. Бегичева	1606 г. дв. м.[532]	жилец[533]			**у Вора**[534]	у Сигизмунда[535]
3	Безобразов А.Р.	сын Р.Г. Безобразова	1602 г. в. дв. Брянск[536]	жилец[537]			**у Вора**	у Сигизмунда[538]
4	Безобразов П.Я.			жилец[539]			**у Вора**[540]	у Сигизмунда[541]
5	Витовтов И.						**жилец?**	у Сигизмунда[542]
6	Вяземский-Смоленский И.С.	сын С.Ю. Вяземского	1588–1603 гг. в. дв Кострома				**с отцом у Вора**[543]	жилец[544]
7	Вяземский-Смоленский О.С.	сын С.Ю. Вяземского	1588–1603 гг. в. дв Кострома				**с отцом у Вора**[545]	жилец[546]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
8	Гагарин-Стародубский М. кн.	сын Р.И. Гагарина	1588 г. в. дв. Верея[547]		жилец[548]		**у Вора[549]**	
9	Дуров В.Р.						**жилец?[550]**	
10	Дуров Ф.Р.	сын Р.Ф. Дурова	Стрел. головы[551]	жилец[552]			**у Вора[553]**	
11	Плещеев Н.Ю.			жилец[554]			**воев. в Муроме[555]**	стольник «пущон при литве»[556]
12	Плещеев Ф.С.	сын С.Г. Плещеева	1590 в. дв. Суздаль[557]	1589 г. жилец[558]			**у Вора[559]**	
13	Рахманинов С.С.	сын С.А. Рахманинова	1588 г. в. дв. Дорогобуж[560]		жилец[561]			**у Вора[562]**
14	Салманов Д.И.			жилец[563]		**у Вора[564]**		
15	Салманов И.И.			жилец[565]		**у Вора[566]**		
16	Усов А.В	сын В. Усова	1588 г. в. дв. Можайск[567]	жилец[568]			**у Вора**	у Сигизмунда[569]
17	Хрипунов А.						**жилец?**	у Сигизмунда[570]
18	Шаховский-Ярославский Д. кн.						**жилец?**	у Сигизмунда[571]
19	Шаховский-Ярославский С. кн.						**жилец?**	у Сигизмунда[572]

Примечания

[1] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. (БС): В 2 ч. / Публ. С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского. М., 1979. Ч. 1. С. 111.

[2] Там же. С. 186.

[3] БС. Ч. 1. С. 258.

[4] Там же.

[5] О пожаловании ему боярства Вором имеются прямые указания в тексте документов. См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ): В 5 т. СПб., 1841. Т. 2. № 108. С. 138 и др.

[6] АИ. Т. 2. № 164. С. 193—194.

[7] АИ. Т. 2. № 280. С. 339.

[8] БС. Ч. 1. С. 250.

[9] Прямого указания на чин, полученный в Тушине нет, однако все стольники, кто отъехал вместе с ним, были пожалованы Вором в бояре. См.: Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 341.

[10] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 217, 257; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. С. 104, 128, 149; Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 12. Прим. Стб. 96. Прим. 475.

[11] БС. Ч. 1. С. 116, 127.

[12] Думный чин прямо указан в документах. См.: Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879. № 12. 16; 12.28 и др.

[13] Новый летописец. С. 88; Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. T. 1. S. 205, 213—214.

[14] БС. Ч. 1. С. 110.

[15] Разрядная книга 1559—1605 гг. (РК). М., 1974. С. 292.

[16] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 243; Болтин Б. Указ. соч. С. 325.

[17] Думный чин прямо указан в документах. См.: АИ. Т. 2. № 165; ААЭ. Т.2. № 127; Sapieha J.P. Op. cit. S. 205; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 ч. СПб., 1851. Ч. 4. С. 324, 394, 403.

[18] БС. Ч. 1. С. 119.

[19] БС. Ч. 2. С. 18.

[20] Думный чин прямо указан в документах. См.: АИ. 2. № 165. С. 119.

[21] Sapieha J.P. Op. cit. S. 214, 217.

[22] Боярский список (БС) 1610/11 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1909. Кн. 2. Отд. 3. С. 90.

[23] БС. Ч. 1. С. 202, 334.

[24] Думный чин прямо указан в документах. См.: СХ. № 12.17. С. 27.

[25] Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове 1584—1605 гг. СПб., 1992. С. 65.

[26] СХ. № 12.28.

[27] Там же.

[28] СХ. № 12.28; 12.15; АИ. Т. 2. № 350. С. 417—418.

[29] СХ. № 12. 50. В 1610 г. в документах на него ссылаются как на боярина. АЗР. Т. 4. С. 342.

[30] Новый летописец. С. 149; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 12. Прим. Стб. 96; Прим. 475; Буссов К. Московская хроника, 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 143. Тут он ошибочно назван Нагим.

[31] Роспись сенаторов 1606 г. (РС) // Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). М., 1819. Ч. 2. С. 95; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 78, 82, 138.

[32] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 88, 145.

[33] Там же. С. 103—104,124—125, 164.

[34] БС. 1610/11 гг. С. 75.

[35] Будила Й. История ложного Дмитрия 1603—1613 гг. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1872. Т. 1. Стб. 121.

[36] Буссов К. Указ. соч. С. 145.

[37] Marchocki M. Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 18; Sapieha J.P. Op. cit. S. 181.

[38] Думный чин прямо указан в документе. См.: СХ. № 12.70.

[39] Маскевич С. Дневник 1594—1621 гг. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 3 1, 49.

[40] БС. Ч. 1. С. 123.

[41] РС. С. 96.

[42] РС. С. 96; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 40, 178, 183, 205, 218.

[43] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 41.

[44] Там же.

[45] Чин прямо указан в документе. См.: АИ. Т.2. № 238. С. 280; Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 135; Т. 2. С. 269—270.

[46] БС. 1610/11 гг. С. 76.

[47] В списках московских и выборных дворян начала XVII в. его нет. См.: БС. Ч. 1.

[48] СХ. № 12. 7; Болтин Б. Указ. соч. С. 341. Думный чин определен по его службе в ополчении. См.: Четвертщики Смутного времени 1604—1607 гг. / Сост. и ред. Л.М. Сухотин. М., 1912. С. 241, 258.

[49] Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. T. 1. // Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук во Львове (ОР НБУАН). Ф. 5. № 5998/III. Л. 385 об.

[50] НБУАН. Ф.5. № 5998/III. Л. 385 об.; Четвертщики... С. 241, 258.

[51] В списках московских и выборных дворян начала XVII в. его нет. См.: БС. Ч. 1.

[52] СХ. № 12. 7; Болтин Б. Указ. соч. С. 341.

[53] Думный чин прямо указан в документе. См.: СХ. № 12.57.

[54] Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1915. С. 344, 345.

[55] БС. Ч. 1. С. 97.

[56] БС. Ч. 1. С. 256.

[57] Думный чин прямо указан в документах См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). В 4 т. СПб., 1836. Т. 2. С. 186 и др.

[58] ОР НБУАН. Ф. 103. № 556/Уа. Л. 192; BPAN Ms. 345. K. 119—119 об.

[59] Ibid.

[60] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 81.

[61] Акты времени правления царя Василия Шуйского 1606—1610 гг. / Сост. А.М. Гневушев. М., 1915. С. 29, 80, 87, 91, 93, 106—109; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 84.

[62] Гневушев А.М. Акты. С. 29, 80, 87, 91, 93, 106—109; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 96.

[63] Был воеводой в Кореле в 1606 г. до осени 1608 г., когда его по данным Видекинда, здесь уже воеводствовал А.Д. Приимков-Ростовский (Белокуров С.А. Разряды. С. 41, 84,140; Видекинд Ю. История десятилетней войны шведов в России // Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории (АСПбФИРИ РАН). К. 276. Собр. Издательского отдела. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 35).

[64] Sapieha J. Op. cit. S. 214.

[65] Новый летописец. С. 94; АЗР. Ч. 4. С. 324.

[66] БС. Ч. 1. С. 188, 210.

[67] БС. Ч. 1. С. 253.

[68] А. Рожнятовский назвал его «знатным боярином». См.: Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 129;

[69] В списке Калужского воровского совета упомянут сразу после «боярина» А.Ю. Сицкого. Мнимый родственник Вора. На основании этого мы предположили, что он был пожалован Вором в бояре. См.: ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281.

[70] ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281.

[71] БС. Ч. 1. С. 190, 237.

[72] Думный чин прямо указан в документах. См.: СХ. № 12.49, 12.60.

[73] Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1612 гг. М., 1939. С. 287—288.

[74] В БС 1606—1607 гг. его нет ни среди дворян московских, ни среди стольников. Его родня обычно начинала служить стряпчими (См.: БС. Ч. 1.). Вероятно, он упоминался в несохранившемся перечне стряпчих.

[75] К. Буссов называет его боярином, но это обычная неточность иностранца. Новый летописец свидетельствует, что Вор пожаловал его только после того, как он привез в Калугу Марину Мнишек. См.: Новый летописец. С. 94—95; Буссов К. Указ. соч. С. 163.

[76] БС. Ч. 1. С. 251.

[77] Чин прямо указан в документах. См.: СХ. № 12.60 и др.

[78] ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 385 об.

[79] Sapieha J.P. Op. cit. S. 263.

[80] В БС. 1606/7 гг. его нет ни среди дворян московских, ни среди стольников. Будучи братом Н.М. Плещеева, сидевшего при Лжедмитрии I в Холопьем приказе, вероятнее всего, был стряпчим и упоминался в несохранившемся перечне стряпчих БС. 1606/7 гг.

[81] Чин прямо указан в документах. См.: АИ. Т. 2. № 88. С. 120; СХ. 12.72. С. 79—81.

[82] АИ. Т. 2. № 88. С. 120; СХ. № 12.72. С. 79—81.

[83] АИ. Т. 2. № 285. С. 344.

[84] БС. Ч. 1. С. 143.

[85] Там же. С. 259.

[86] Белокуров С.А. Разряды. С. 117.

[87] Белокуров С.А. Разряды. С.12, 46, 90, 92, 119, 147, 148 и др.

[88] Чин прямо указан в документах. См.: Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8610 (1). № 64.

[89] БС. Ч. 1. С. 143.

[90] Там же. С. 259.

[91] Белокуров С.А. Разряды. С. 10, 43, 206.

[92] Там же. С. 142.

[93] Чин прямо указан в документах. См.: Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8610 (1). № 64.

[94] БС. 1610/11 гг. С. 90.

[95] Павлов А.П. Указ. соч. С. 65.

[96] Гневушев А.М. Акты. С. 62.

[97] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 40, 74, 84, 140, 205.

[98] Там же. С. 94, 96, 149; Новый летописец. С. 85

[99] Sapieha J. Op. cit. S. 203, 275.

[100] Новый летописец. С. 94; АЗР. Ч. 4. С. 325.

[101] БС. Ч. 1. С. 109, 180.

[102] БС. Ч. 1. С. 248.

[103] Болтин Б. Указ. соч. С. 341. В ополчении упоминается в чине боярина. См. : Гневушев А.М. Акты. С. 27, 30, 38, 42, 96.

[104] Упоминается первым в списке Воровского совета самозванца в Калуге. См.: СГГ и Д. Ч. 2. С. 441; ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281.

[105] Грамота утвержденная об избрании царем Б.Ф. Годунова (УГ) // ААЭ. Т. 2. № 7. С. 41—46; БС. Ч. 2. С. 30.

[106] БС. Ч. 1. С. 250; Белокуров С.А. Разряды. С. 241—243.

[107] Белокуров С.А. Разряды. С. 241—243.

[108] Sapieha J.P. Op. cit. S. 196, 200.Чин прямо указан в документах. См.: Гневушев А.М. Акты. С. 31; Арзамасские поместные акты. С. 342.

[109] АИ. Т. 2. № 124. С. 151; Гневушев А.М. Акты. С. 31.

[110] БС. Ч. 2. С. 31.

[111] БС. Ч. 1. С. 250

[112] Болтин Б. Указ. соч. С. 341. Белокуров С.А. Указ. соч. С. 177, 253; АИ. Т. 2 № 103. С. 134—135. Чин прямо упоминается в источниках. См.: ААЭ. Т. 2. № 91. С. 186 и др.

[113] ОР НБУАН. Ф. 5. № 5998/III. Л. 385 об.

[114] УГ.

[115] БС. Ч. 1. С. 248.

[116] Чин прямо упоминается в источниках. См.: ААЭ. Т. 2. № 91. С. 186.

[117] БС. 1610/11 гг. С. 74; АЗР. Ч. 4. С. 364, 374, 406.

[118] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 74.

[119] БС. Ч. 1. С. 254.

[120] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 87, 91, 118.

[121] Там же. С. 91, 97, 119.

[122] Гневушев А.М. Акты. С. 150.

[123] БС. Ч. 1. С. 75; ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281.

[124] Павлов А.П. Указ. соч. С. 66.

[125] РС. С. 95; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 6, 68—69, 133, 140, 143, 205.

[126] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 85; Чин прямо назван в источнике. См.: Гневушев А.М. Акты. С. 183.

[127] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 85.

[128] Гневушев А.М. Акты. С. 183.

[129] БС. 1610/11 гг. С. 76.

[130] БС. Ч. 2. С. 90.

[131] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 177, 254; Болтин Б. Указ. соч. С. 341. Чин прямо указан в источнике. См.: СХ. № 12.32.

[132] Гневушев А. Акты. С. 79

[133] Sapieha J.P. Op. cit. S. 297.

[134] БС. Ч. 1. С. 159.

[135] Белокуров С.А. Разряды. С. 80, 137.

[136] БС. Ч. 1. С. 260.

[137] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 12.

[138] Sapieha J.P. Op. cit. S. 197.

[139] Sapieha J.P. Op. cit. S. 203.

[140] Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1911. С. 67, 69; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 18.

[141] БС. Ч. 1. С. 170, 240.

[142] Чин прямо указан в источнике. См.: Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. / Сост. и ред. Ю.В. Готье. М., 1912. С. 253.

[143] Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. / Сост. и ред. Ю.В. Готье. М., 1912. С. 253.

[144] БС. Ч. 1. С. 146.

[145] БС. Ч. 1. С. 186.

[146] БС. Ч. 1. С. 257.

[147] Белокуров С.А. Разряды. С. 143, 216.

[148] Новый летописец. С. 87.

[149] Новый летописец. С. 87. Входил в число лиц, которые начали «служить первее всех» Сигизмунду III. Был введен в этом чине королем в состав Московской думы. См.: БС. 1610/11 гг. С. 77, 88; АЗР. Ч. 4. С. 327, 246, 379.

[150] Там же.

[151] БС. Ч. 1. С. 257.

[152] Белокуров С.А. Разряды. С. 15, 49, 57 и др.

[153] Чин прямо указан в источнике. См.: СХ. № 12.35. С. 43; Sapieha J.P. Op. cit. S. 193, 195.

[154] ААЭ. Т. 2. № 76. С. 169.

[155] СХ. № 12.59.

[156] Прямого указания на думный чин нет. См. след. прим. СХ. № 12.59.

[157] Входил в «воровской совет», упомянут после окольничего Ф.К. Плещеева-Смердова перед думным дьяком П.А. Третьяковым. На основании этого мы предполагаем, что он имел чин окольничего в Калуге и, возможно, в Тушине. См.: ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281.

[158] Чин прямо назван в документах. См.: Арзамасские поместные акты. С. 341—370, 420.

[159] БС. Ч. 1. С. 100.

[160] Там же. С. 253.

[161] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 93, 121, 148, 174, 186, 247—248.

[162] Sapieha J.P. Op. cit. S. 208.

[163] БС. Ч. 1. С. 187.

[164] Посольство кн. Г.К. Волконского и А. Иванова в Речь Посполитую // Сборник Русского исторического общества (РИО). М., 1912. Т. 137. С. 301—302.

[165] Чин прямо назван в документах. См.: Sapieha J.P. Op. cit. S. 208; АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402.

[166] БС. 1610/11 гг. С. 77; АЗР. Ч. 4. С. 324.

[167] БС. Ч. 2. С. 80—81.

[168] БС. Ч. 1. С. 255.

[169] АИ. Т. 2. № 75; Масловский архив // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. № 91. С. 74—75.

[170] Sapieha J.P. Op. cit. S. 197; ААЭ. Т. 2. № 104.2.

[171] БС. Ч. 2. С. 18.

[172] БС. Ч. 1. С. 252.

[173] АИ. Т.2. № 125. С. 151—152. Пожалован Сигизмундом III как крайчий вотчинами среди тушинцев, которые начали служить «первее всех». См.: АЗР. Ч. 4. С. 325, 348.

[174] Палицын А. Сказание... М.; Л., 1955. С. 182.

[175] БС. 1610/11 гг. С. 80.

[176] БС. Ч. 1. С. 131.

[177] Белокуров С.А. Разряды. С. 15. Чин прямо упомянут в тексте. См.: АИ. Т. 2. № 163. С. 193; Sapieha J.P. Op. cit. S. 199, 211.

[178] БС. 1610/11 гг. С. 83.

[179] БС. Ч. 1. С. 209.

[180] БС. Ч. 1. С. 259.

[181] Новый летописец. С. 76.

[182] Там же. С. 87. Прямых указаний на чин в Тушине в источниках нет. В перечне Калужского «воровского совета» упомянут после бояр А.Ю. Сицкого и А.А. Нагого до «окольничего» Ф.К. Плещеева.

[183] СГГ и Д. Ч. 2. № 208. С. 441 ; Sapieha J.P. Op. cit. S. 265.

[184] БС. 1610/11 гг. С. 89.

[185] РС. С. 96.

[186] Чин прямо указан в тексте. См.: СХ. №12. 51. С. 58—59; АИ. Т 2. № 164. С. 193—194.

[187] Арзамасские поместные акты. С. 345, 346.

[188] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 30—34, 75, 77—79, 116, 135.

[189] Там же. С. 92—93, 121.

[190] Прямого указания на чин в источниках нет. В перечне членов посольства упомянут среди думных чинов. См.: Новый летописец. С.94; АЗР. Ч. 4. С. 335.

[191] БС. 1610/11 гг. С. 76.

[192] БС. 1610/11 гг. С. 77.

[193] Судя по роли, которую он выполнял на переговорах с Я. Сапегой, он имел чин и должность, которые впоследствии ему были пожалованы Сигизмундом III. См.: Sapieha J.P. Op. cit. S. 203, 214; БС. 1610/11 гг. С. 77.

[194] АЗР. Ч. 4. С. 329, 372; БС. 1610/11 гг. С. 77.

[195] АИ. Т. 2. № 121; Sapieha J.P. Op. cit. S. 181.

[196] Акты времени междуцарствия. С. 84.

[197] Акты подмосковных ополчений СВМГ В.5. С. 11, 30, 42, 44, 45.

[198] Новый летописец. С. 76.

[199] Чин прямо указан в документах. См.: Гневушев А.М. Акты. 2. С. 80; В. 8. С. 335.

[200] Земельные пожалования в правление королевича Владислава. С. 335.

[201] БС. Ч. 1. С. 153, 228.

[202] Белокуров С.А. Разряды. С. 42.

[203] АИ. Т. 2. № 280. С. 340.

[204] Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8610(1). № 13/102.

[205] Чин прямо указан в документе. См.: АИ. Т. 2. № 140. С. 161—162.

[206] АЗР. Ч.4. С. 375.

[207] Буссов К. Указ. соч. С. 144; Marchocki M. Op. cit. S. 6.

[208] Marchocki M. Op. cit. S. 6.

[209] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 82, 138.

[210] Псковские летописи. Т. 2. С. 267, 269—270.

[211] Псковские летописи. Т. 2. С. 267, 269—270.

[212] Псковские летописи. Т. 2. С. 267, 269—270.

[213] Новый летописец. С. 94.

[214] БС. 1610/11 гг. С. 77.

[215] БС. Ч. 1. С. 202.

[216] Белокуров С.А. Разряды. С. 74, 139.

[217] Чин прямо указан в документах. См.: Челобитные Лжедмитрию II // Временник Московского общества истории и древностей Российских (ВМОИДР). СПб., 1850. Кн. 5. Смесь. С. 54; Арзамасские поместные акты. С. 312.

[218] АЗР. Ч. 4. С. 392, 401, 406.

[219] Чин прямо указан в документах. См.: СХ. № 12.18. С. 27—29 и др.

[220] Посольство Н. Лопухина в Речь Посполитую // Сборник РИО. М., 1913. Т. 148. С. 31—37; Будила Й. Указ. соч. Стб. 179.

[221] Sapieha J.P. Op. cit. S. 271.

[222] Чин прямо указан в документе. См.: АИ. Т. 2. № 238. С. 250; Псковские летописи. Т. 2.С. 271.

[223] Псковские летописи. Т. 2. С. 276.

[224] Скрынников Р.Г., ссылаясь на материалы Масловского архива, считает, что Д.Т. Рындин был пожалован в дьяки еще Лжедмитрием I (Смута в России. С. 228). В действительности документ, на который ссылается исследователь, написан уже при Лжедмитрии II (См.: Масловский архив // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. № 91. С. 74).

[225] Чин прямо указан в документе. См.: ЧОИДР. 1916 . Кн. 2. № 91. С. 74—75; Будила Й. Указ. соч. Стб. 125.

[226] Буссов К. Указ. соч. С. 169.

[227] БС. Ч. 1. С. 231.

[228] Чин прямо указан в документе. См.: СХ. № 12.57 С. 71.

[229] Акты времени междуцарствия. С. 52, 53, 92.

[230] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие в XV—XVII вв. М., 1978. С. 522.

[231] Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 294.

[232] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 522.

[233] Там же.

[234] Там же.

[235] БС. Ч. 1. С. 227.

[236] АИ. Т. 2. С. 150—151, 213—214.

[237] АЗР. Ч. 4. С. 323—324; Земельные пожалования при королевиче Владиславе. С. 78—81.

[238] Арзамасские поместные акты. С. 348, 360, 361.

[239] Там же. С.351—353, 370.

[240] Смерь Лжедмитрия II в Калуге //Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E.8599.

[241] Marchocki M. Op. cit. S. 8.

[242] СХ . № 12.50.

[243] БС. Ч. 1. С. 224.

[244] Белокуров С.А. Разряды. С. 84, 140.

[245] СГГ и Д. Ч. 2. № 237. С. 508; Арзамасские поместные акты. С. 359, 361, 368.

[246] БС. Ч. 1. С. 155, 222, 290.

[247] ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 191; Масса И. Краткое известие о Московии. М.; 1937. С. 176.

[248] Десятня по Юрьеву Польскому // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 4. № 8. Л. 4. Об.

[249] Арзамасские поместные акты. С. 367.

[250] Там же. С. 357—359.

[251] Арзамасские поместные акты. С. 344—345.

[252] БС. Ч. 1. С. 111.

[253] БС. Ч. 2. С. 29.

[254] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 243.

[255] АИ. Т. 2. № 350.

[256] АИ. Т. 2. № 105. С. 135—136.

[257] В БС, ч. 3, его нет, но упоминается в ополчении. Возможно, пожалован Вором. См.: Акты времени междуцарствия. С. 72—73, 91—92.

[258] БС. Ч. 1. С. 204.
[259] АИ. Т.2. № 105. С. 135—136.
[260] АЗР. Ч. 4. С. 327.
[261] Арзамасские поместные акты. С. 420, 421, 423, 439.
[262] Там же.
[263] Там же.
[264] Там же.
[265] АЗР. Ч. 4. С. 327.
[266] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 83, 139.
[267] АИ. Т. 2. № 175; СХ. № 12.53 и др.
[268] Sapieha J.P. Op. cit. S. 256.
[269] АЗР. Ч. 4. С. 325, 392—393.
[270] БС. Ч. 2. С. 74.
[271] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 83.
[272] Marhocki M. Op. cit. S. 31, 33, 39.
[273] Sapieha J.P. Op. cit. S. 248.
[274] БС. Ч. 1. С. 193.
[275] АИ. Т. 2. № 131; СХ. № 12.25 и др.
[276] АИ. Т.2. № 166. С. 194.
[277] Арзамасские поместные акты. С. 367.
[278] Там же.
[279] АЗР. Ч. 4. С. 326.
[280] Там же.
[281] БС. Ч. 2. С. 27.
[282] БС. Ч. 1. С. 248.
[283] Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 294.
[284] Список сторонников царя Василия Шуйского: (Новая находка в шведском архиве) Публ. И.О. Тюменцева //Археографический ежегодник (АЕ) за 1992 г. М., 1994. С. 314—317.
[285] АЗР. Ч. 4. С. 368.
[286] БС. Ч. 2. С. 34.
[287] Й. Будила, по всей видимости, ошибочно назвал его Семеном (Указ. соч. Стб. 179).
[288] Будила Й. Указ. соч. С. 179.
[289] 1612 г. воевода ополчений в Курске. См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 25; Докладная выписка. С. 9—10.
[290] Памятники обороны Смоленска. С. 253.
[291] УГ

[292] В месте с видными тушинцами участвовал в пострижении В. Шуйского. Говорил за него монашескую клятву. См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 19, 56, 126.

[293] В 1613 г. участник походов на И.М. Заруцкого. См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 24, 67, 209.

[294] Новый летописец. С. 76.

[295] БС. Ч. 2. С. 26.

[296] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 87, 123, 145, 174, 220.

[297] Там же. С. 118, 158—159; Новый летописец. С. 76.

[298] Новый летописец. С. 93.

[299] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 57, 217, 226, 256.

[300] АЗР. Ч. 4. С. 402

[301] УГ.

[302] АИ. Т. 2. № 280. С. 340.

[303] Там же.

[304] АЗР. Ч. 4. С.330.

[305] АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 301.2.

[306] АЗР. Ч. 4. С. 322.

[307] Там же. С. 402.

[308] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 176, 253.

[309] АИ. Т.2. № 280.

[310] Там же.

[311] Четвертщики. С. 16.

[312] Гневушев А. Акты. С. 116.

[313] Акты времени междуцарствия. С. 30, 41.

[314] БС. 1610/11 г. С. 80.

[315] БС. 1610/11 г. С. 82—84.

[316] АИ. Т. 2. № 155, 280.

[317] Белокуров С.А. Разряды. С. 217; 251.

[318] БС. Ч. 1. С. 257; Новый летописец. С. 87.

[319] АИ. Т. 2. № 136. С. 158.

[320] Арзамасские поместные акты. С. 346—347.

[321] БС. Ч. 1. С. 154, 290.

[322] Новый летописец. С. 79; Белокуров С.А. Разряды. С. 13.

[323] СХ. № 12.7.

[324] БС. Ч. 1. С. 151, 216; Десятня по Юрьеву-Польскому. Л. 3об.

[325] Sapieha J.P. Op. cit. S. 208.

[326] Привез деньги Я. Сапеге от Лжедмитрия II. (См.: АИ. Т. 2. № 132. С. 155).

[327] АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. № 221 и др.

[328] ААЭ. Т. 2. № 91.3. С. 196.

[329] АИ. Т. 2. № 108. С. 158; СХ. № 12.7.

[330] БС. Ч. 1. С. 138.

[331] АЗР. Ч. 4. С. 337.

[332] АЗР. Ч. 4. С. 337.

[333] БС. Ч. 1. С. 89—90.

[334] Прямых указаний на сколько-нибудь активную роль и думный чин в Тушине в источниках нет. К Вору он был привезен пленником. Его брат, боярин кн. А.И. Бахтеяров-Ростовский, казнен Лжепетром в Путивле. Скорее всего, Вор оставил его в прежнем чине. (См.: Белокуров С.А. Разряды. С. 164; Гневушев А.М. Акты. С. 1).

[335] В документах сообщается, что он прибыл в Москву в качестве посла И.М. Заруцкого, что само по себе маловероятно. К тому же сообщенные им данные о гибели видных тушинцев абсолютно недостоверны. Скорее всего, он был просто беглецом. (См.: Гневушев А.М. Акты. С. 1, 80).

[336] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 104, 125.

[337] АЗР. Ч. 4. С. 337—338.

[338] Там же.

[339] Четверщики. С. 26.

[340] АЗР. Ч. 4. С. 337—338.

[341] Там же.

[342] БС. Ч. 1. С. 198.

[343] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 80, 136.

[344] БС. Ч. 1. С. 257; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 41, 83, 139.

[345] Земельные пожалования в правление королевича Владислава. С. 21; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 15.

[346] Земельные пожалования при королевиче Владиславе. С. 21.

[347] Там же.

[348] БС. Ч. 2.С. 74.

[349] Посольство Г.К. Волконского... // Сб. РИО. Т. 137. С. 301.

[350] БС. Ч. 1. С. 257.

[351] БС. Ч. 1. С. 185.

[352] БС. Ч. 1. С. 257.

[353] Скрынников Р.Г. Смута в России... С. 168, 174.

[354] БС. 1610/11 г. С. 88.

[355] БС. 1610/11 г. С. 185.

[356] БС. Ч. 1. С. 257.

[357] Скрынников Р.Г. Смута в России... Л., 1988. С. 174.
[358] БС. 1610/11г. С. 88.
[359] БС. Ч. 1. С. 121.
[360] БС. Ч. 2. С. 57.
[361] БС. Ч. 1. С. 258.
[362] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 41.
[363] БС. 1610/11 г. С. 87.
[364] БС. Ч. 1. С. 145.
[365] БС. Ч. 1. С. 258.
[366] АСПбФИРИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 294; Sapieha J.P. Op. cit. S. 218
[367] БС. Ч. 1. С. 238.
[368] АЗР. Ч. 4. С. 327.
[369] АЗР. Ч. 4. С. 327, 388, 396, 400—401.
[370] БС. Ч. 1. С. 210.
[371] БС. 1610/11 г. С. 257.
[372] Брат М.И. Татищева, казненного М.В. Скопиным. В 1613 г. подтвердил владения на вотчины и поместья. (См: Докладная выписка. С. 9).
[373] Разрядные книги 1598—1638 гг. / Сост. В.И. Буганов и Л.Ф. Кузьмина. М., 1974. РК 1638. С. 32, 34.
[374] БС. Ч. 1. 1610/11 г. С. 249.
[375] Белокуров С.А. Разряды. С. 142.
[376] БС. 1610/11 г. С. 86.
[377] БС. 1610/11 г. С. 86.
[378] Палицын А. Указ. соч. С. 182.
[379] БС. 1610/11 г. С. 78.
[380] БС. Ч. 1. С. 176.
[381] БС. Ч. 1. С. 90.
[382] Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 298.
[383] Четвертщики. С. 6.
[384] СХ . № 12.41. С. 50.
[385] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 138.
[386] Новый летописец. С. 94.
[387] АЗР. Ч. 4. С. 328.
[388] БС. Ч. 2. С. 17; Четвертщики. С. 20.
[389] АЗР. Ч. 4. С. 324.
[390] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 109.
[391] Там же.

[392] Там же.
[393] СХ. № 70. С. 77.
[394] Арзамасские поместные акты. С. 344.
[395] АИ. Т. 2. С. 280.
[396] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 246.
[397] Там же.
[398] Там же.
[399] ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 191.
[400] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 258.
[401] Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 291.
[402] АЗР. Ч. 4. С. 392.
[403] АИ. Т. 2. № 164. С. 194.
[404] АЗР. Ч. 4. С. 343—345.
[405] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 330.
[406] Там же.
[407] Арзамасские поместные акты. С. 365.
[408] Там же. С. 7, 10, 17, 18,20.
[409] БС. 1610/11 г. С. 85.
[410] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 416.
[411] Там же. С. 482.
[412] АЗР. Ч. 4. С. 320—321.
[413] АИ. Т. 2. № 280. С. 340; Арзамасские поместные акты. С. 345.
[414] Псковские летописи. Т. 1. С. 135.
[415] АИ. Т. 2. № 106. С. 136.
[416] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 528.
[417] ААЭ. Т. 2. № 51. С. 47.
[418] АИ. Т. 2. № 234. С. 277.
[419] Веселовский С.Б. Дьяки. С. 530.
[420] Там же.
[421] Там же. С. 539—540, 545.
[422] Новый летописец. С. 94.
[423] АЗР. Ч. 4. С. 326.
[424] Белокуров С.А. Разряды. С. 7, 78, 183.
[425] Там же. С. 98.
[426] Земельные пожалования при королевиче Владиславе. С. 109.
[427] БС. Ч. 1. С. 159.
[428] АЗР. Ч. 4. С. 323.
[429] БС. Ч. 1. С. 138.
[430] АЗР. Ч. 4. С. 33.

[431] БС. 1610/11 гг. С. 96.
[432] Арзамасские поместные акты. С. 123.
[433] БС. 1610/11 гг. С. 96.
[434] АИ. Т. 2. № 117, 119, 215. С. 145, 147, 253—254; СХ. № 12.41, 12.54, 12.55.
[435] БС. 1610/11 гг. С. 96.
[436] Четверщики. С. 197.
[437] Белокуров С.А. Разряды. С. 13, 233.
[438] АСПбФИРИ РАН. К. 124. Ед. хр. 335.
[439] БС. Ч. 1. С. 197.
[440] Белокуров С.А. Разряды. С. 243.
[441] Там же.
[442] СХ. № 12.38.
[443] СХ. № 12.38, 12.50.
[444] БС. Ч. 1. С. 202.
[445] АИ. Т. 2. № 185. С. 214.
[446] АИ. Т. 2. № 185. С. 214.
[447] БС. Ч. 2. С. 8.
[448] ААЭ. Т. 2. № 94. С. 191—192.
[449] СХ . № 12.6; 12.7.
[450] Белокуров С.А. Разряды. С. 220.
[451] СХ . № 12.6; 12.7; Sapieha J. P. Op. cit. S. 195.
[452] БС. Ч. 1. С. 133.
[453] АИ. Т. 2. №. 136. С. 158.
[454] БС. Ч. 1. С. 168, 238.
[455] Белокуров С.А. Разряды. С. 9, 42, 85, 88 и др.
[456] Там же. С. 145.
[457] Новый летописец. С. 87.
[458] БС. 1610/11 гг. С. 90.
[459] СХ. № 12.72. С. 78—81.
[460] АЗР. Ч. 4. С. 327.
[461] АИ. Т. 2. № 280. С. 240.
[462] БС. Ч. 1. С. 153, 319.
[463] СХ. № 12. 39.
[464] БС. Ч. 1. С. 153, 319.
[465] СХ. № 12. 39.
[466] БС. 1610/11 гг. С. 101.
[467] Акты времени междуцарствия. С. 409.
[468] БС. 1610/11 гг. С. 101.

[469] АИ. Т. 2. № 302. С. 358; Sapieha J.P. Op. cit. S. 301.

[470] БС. Ч. 1. С. 152.

[471] Акты времени междуцарствия. С. 363.

[472] БС. Ч. 1. С. 192.

[473] АЗР. Ч. 4. С. 320; Земельные пожалования в правление королевича Владислава. С. 125.

[474] БС. Ч. 1. С. 200.

[475] АИ. Т. 2. № 165. С. 194.

[476] АЗР. Ч. 4. С. 326, 349.

[477] Там же.

[478] АСПбФИРИ РАН. К. 124. Ед. хр. 219.

[479] АИ Т. 2. № 280. С. 339.

[480] Арзамасские поместные акты. С. 346—347.

[481] АЗР. Ч. 4. С. 330.

[482] Там же. С. 335.

[483] АСПбФИРИ. РАН К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 400; Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E 8610 (1). № 17.

[484] БС. Ч. 1. С. 219.

[485] Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова 1606—1607 гг. М.; Л. 1951. С. 398, 451, 500, 508.

[486] Там же. С. 398, 451, 500, 508.

[487] БС. Ч. 1. С. 132.

[488] АИ. Т. 2. № 136. С. 158.

[489] БС. 1610/11 гг. С. 96.

[490] БС. Ч. 1. С. 154.

[491] СХ . № 12. С. 71; ЧОИДР. 1875. Кн. 4. Смесь. С. 108.

[492] БС. Ч. 1. С. 130, 278.

[493] Sapieha J.P. Op. cit. S. 217.

[494] БС. Ч. 1. С. 187, 205.

[495] Четвертщики. С. 310.

[496] Там же.

[497] АИ. Т. 2. № 123.3; АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 402.

[498] БС. 1610/11. С. 101.

[499] Арзамасские поместные акты. С. 567.

[500] БС. 1610/11 гг. С. 101.

[501] БС. Ч. 1. С. 134, 280.

[502] Будила Й. Указ. соч. С. 126—127; Белокуров С.А. Разряды. С. 118, 158.

[503] Новый летописец. С. 87; Sapieha J.P. Op. cit. S. 224.

[504] АИ. Т. 2. № 239.
[505] БС. 1610/11 гг. С. 96.
[506] АИ Т. 2. № 99. С. 131—132.
[507] БС. 1610/11 гг. С. 96.
[508] БС. Ч. 1. С. 238.
[509] АЗР. Ч. 4. С. 322.
[510] БС. Ч. 1. С. 95, 168, 238.
[511] АЗР. Ч. 4. С. 322.
[512] АЗР. Ч. 4. С. 335.
[513] АЗР. Ч. 4. С. 328.
[514] Там же. С. 331, 334.
[515] Там же. С. 329.
[516] Там же. С. 175.
[517] СХ. № 12. 48. С. 55—56.
[518] БС. Ч. 1. С. 232.
[519] АИ. Т. 2. № 280. С. 339.
[520] БС. Ч. 1. С. 198, 242.
[521] АЗР. Ч. 4. С. 322.
[522] БС. Ч. 1. С. 204.
[523] АЗР. Ч. 4. С. 321—322; Земельные пожалования в правление королевича Владислава. С. 57—58, 60.
[524] АИ. Ч. 2. № 280. С. 339.
[525] СХ. № 12.72. С. 79—81.
[526] БС. Ч. 1. С. 137, 324.
[527] АЗР. Ч. 4. С. 321.
[528] АЗР. Ч. 4. С. 321.
[529] БС. Ч. 1. С. 171, 191.
[530] АЗР. Ч. 4. С. 321.
[531] Акты второй половины XIV — первой половины XVII в. СПб., 1875. Стб. 697—698.
[532] БС. Ч. 1. С. 260.
[533] БС. Ч. 1. С. 194.
[534] Акты второй половины XIV — первой половины XVII в. Стб. 697.
[535] АЗР. Ч. 4. С. 327.
[536] БС. Ч. 1. С. 232.
[537] БС. Ч. 2. С. 18.
[538] АЗР. Ч. 4. С. 323.
[539] БС. Ч. 2. С. 19, 41.

[540] СХ. № 12.34. С. 42—43.
[541] АЗР. Ч. 4. С. 323.
[542] АЗР. Ч. 4. С. 324.
[543] АИ. Т. 2. № 136. С. 158.
[544] Седов П.В. Реконструкция жилецкого списка 1611 г. // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб.; Киев, 1993. С. 68.
[545] АИ. Т. 2. № 136. С. 158.
[546] Седов П.В. Реконструкция. С. 68.
[547] БС. Ч. 1. С. 168, 238.
[548] Четверщики. С. 104.
[549] Там же. С. 104.
[550] СХ. № 12.29.
[551] Белокуров С.А. Разряды. С. 96, 150, 186. Доверенное лицо Лжедмитрия I. См.: Масса И. Указ. соч. С. 122.
[552] БС. Ч. 2. С. 40.
[553] СХ. № 12.29.
[554] БС. Ч. 1. С. 193.
[555] АИ. Т. 2. № 131; СХ . № 12.25.; АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 206.
[556] БС. 1610/11 гг. С. 82.
[557] БС. Ч. 1. С. 279.
[558] БС. Ч. 1. С. 116.
[559] Акты второй половины XIV — первой половины XVII в. С. 697.
[560] БС. Ч. 1. С. 174., 306.
[561] Четверщики. С. 314.
[562] Там же. С. 314.
[563] БС. Ч. 1. С. 195.
[564] АИ. Т. 2. № 123.2.
[565] БС. Ч. 1. С. 195.
[566] СХ. № 12.29.
[567] БС. Ч. 1. С. 172, 304.
[568] БС. Ч. 2. С. 42.
[569] АЗР. Ч. 4. С. 323.
[570] Там же. С. 322.
[571] АЗР. Ч. 4. С. 321.
[572] Там же. С. 322.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Глава 1. ДОКУМЕНТЫ И СОЧИНЕНИЯ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ЛЖЕДМИТРИЯ II 13

§ 1. Документы Лжедмитрия II и наемников времен «гетманства» М. Меховецкого, мемуары К. Буссова и Й. Будилы 13

§ 2. Документы и сочинения приверженцев Р. Ружинского 21

§ 3. Русский «архив» и Дневник Я. Сапеги 23

§ 4. Архив Мнишков и мемуары, вышедшие из их окружения 39

Глава 2. САМОЗВАНЧЕСКАЯ ИНТРИГА 1606—1607 ГГ. 53

§ 1. Казацкие самозванцы 54

§ 2. Призрак Лжедмитрия II в Москве 61

§ 3. Самборский вор 68

§ 4. Лжепетр и Лжедмитрий II 72

§ 5. Лжедмитрий II и И.М. Заруцкий 79

Глава 3. ЗАРОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II 97

§ 1. Формирование войска Лжедмитрия II и органов власти в Стародубе 97

§ 2. Поход Лжедмитрия II на Тулу 103

§ 3. Поход Лжедмитрия II на Брянск 108

§ 4. Законы о холопах 116

Глава 4. ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1608 Г. 136

§ 1. Переворот Р. Ружинского 136

§ 2. Болховское сражение 143

§ 3. Поход на Москву 152

§ 4. Утверждение самозванца под Москвой 158

§ 5. Ходынское сражение 162

Глава 5. КРИЗИС ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II ЛЕТОМ 1608 Г. 176

§ 1. Отъезды бояр и дворян 176
§ 2. Поход отряда А. Лисовского на Москву 178
§ 3. Поход Я. Сапеги на Москву 181
§ 4. Захват Мнишков 183
§ 5. Разброд в Тушинском лагере 189
§ 6. Переговоры со шведами, ногайцами и крымцами .. 195
§ 7. Восстание в Пскове 198
§ 8. Смута в Новгороде Великом 202

Глава 6. ЗАХВАТ ПРИВЕРЖЕНЦАМИ ЛЖЕДМИТРИЯ II СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ УЕЗДОВ РОССИИ 219

§ 1. Планы тушинцев 219
§ 2. Поход Я. Сапеги в Замосковье 222
§ 3. Москва после Рахманцевского сражения 227
§ 4. Начало обороны Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей 230
§ 5. Утверждение власти тушинцев в Переяславском, Юрьевском, Суздальском уездах 234
§ 6. Присяга Лжедмитрию II ярославцев, угличан, романовцев, пошехонцев, вологжан и галичан 240
§ 7. Присяга Вору владимирцев, муромцев, арзамасцев 244
§ 8. Ситуация в Среднем Поволжье 245
§ 9. Оборона Новгорода Великого 247
§ 10. Москва и Подмосковье в конце 1608 г. 249

Глава 7. ГОСУДАРЕВ ДВОР И ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУШИНЕ 269

§ 1. Лжедмитрий II и Освященный собор 270
§ 2. Лжедмитрий II и Боярская дума 273
§ 3. Лжедмитрий II и Государев двор 284
§ 4. Воровская дума 298
§ 5. Воровской Государев двор 305
§ 6. Воровские приказы 307
§ 7. Войско самозванца 309

Глава 8. ТУШИНЦЫ И ЗЕМЩИНА ЗАМОСКОВЬЯ И ПОМОРЬЯ 325
§ 1. Тушинцы и жители Московского уезда 327
§ 2. Тушинцы и жители Переяславля Залесского и Переяславского уезда 330
§ 3. Тушинцы и земцы Юрьевского уезда 342
§ 4. Тушинцы и жители Ростовского уезда 345
§ 5. Тушинцы и земцы Суздальского уезда 349
§ 6. Тушинцы и жители Владимирского и Муромского уездов 355
§ 7. Тушинцы и земцы Ярославского уезда 359
§ 8. Тушинцы и жители Костромского уезда 363

Глава 9. ТУШИНЦЫ И ЗЕМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАМОСКОВЬЕ И ПОМОРЬЕ 386
§ 1. Народное восстание против тушинцев и правительственные войска Ф.И. Шереметева и кн. М.В. Скопина-Шуйского 387
§ 2. Борьба тушинцев с земским движением 393
§ 3. Земское движение и оборона Москвы 395
§ 4. Оборона Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского монастырей и Смоленска 401
§ 5. Нарастание кризисных явлений в Тушине 404
§ 6. Осада Москвы 410
§ 7. Подъем земского движения 413

Глава 10. РАЗГРОМ ТУШИНЦЕВ В ЗАМОСКОВЬЕ И РАСПАД ТУШИНСКОГО ЛАГЕРЯ 436
§ 1. Подготовка правительственных сил к решающим сражениям 437
§ 2. Первое наступление правительственных войск на Москву 443
§ 3. Бои в Подмосковье 448
§ 4. Осеннее наступление правительственных войск ... 450
§ 5. Кризис в Тушинском лагере 455
§ 6. Попытки тушинцев переломить ход событий в Замосковье 458
§ 7. Распад Тушинского лагеря 462
§ 8. Разгром тушинцев в Замосковье 471

Глава 11. КРАХ ДВИЖЕНИЯ САМОЗВАНЦА В 1610 Г. 487
§ 1. Калужская дума и двор 488
§ 2. Местное управление 490
§ 3. Наемное войско самозванца 493
§ 4. Второй поход Лжедмитрия II на Москву 496
§ 5. Борьба за Москву 500
§ 6. Распад Коломенского лагеря самозванца 506
§ 7. Калужский лагерь в сентябре-декабре 1610 г. 508
§ 8. Смерть Лжедмитрия II и крах его движения 514

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 527

Приложение
ЧЛЕНЫ ГОСУДАРЕВА ДВОРА ЛЖЕДМИТРИЯ II 542

Научное издание

Тюменцев Игорь Олегович

СМУТА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII СТОЛЕТИЯ: ДВИЖЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ II

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы *С.А. Астахова, О.С. Кашук, Т.А. Сус*
Технический редактор *Л.В. Ремнева*
Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 10.08.99. Формат 60×84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 34,0.
Уч.-изд. л. 36,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 200 экз.).
Заказ . «С» 34.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.